INSPIRIA

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ
30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ
КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК

ДОМ СЕСТЕР

Бестселлер
Der Spiegel

ШАРЛОТТА ЛИНК

«Потрясающий тембр авторского голоса Линк
одновременно чарует и заставляет стыть кровь».
The New York Times

INSPIRIA

Annotation

Йоркшир, 1996 год. Барбара и Ральф, семейная пара успешных адвокатов из Германии, избрали диковинный способ спасения своего брака: провести Рождество и Новый год на старой ферме в английской глуши. Но там они стали заложниками снежного коллапса — без связи, электричества и почти без еды. В поисках выхода из положения Барбара случайно натыкается на тайник с рукописью — автобиографией бывшей хозяйки этих мест, Фрэнсис Грей. Спасаясь от холода и голода, гостья жадно поглощает историю жизни, где слились воедино столь не похожие друг на друга виды любви, зависимости и ненависти. И пока не думает о том, как тайны давно умершей свидетельницы века могут сказаться на ней самой…

В мире продано более 30 миллионов экземпляров книг Шарлотты Линк.

Бестселлер Der Spiegel.

Шарлотта Линк — самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные на почти 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999–2018 гг. по мотивам ее романов было снято более двух десятков фильмов и сериалов.

«Здесь есть всё, что требуется, чтобы книгу можно было назвать по-настоящему отличной». — Schwarzwälder Bote

«Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». — The New York Times

«Пробирает до дрожи». — People

«Одна из лучших писательниц нашего времени». — Journal für die Frau

«Мощные психологические хитросплетения». — Focus

- Шарлотта Линк
  -
  - Пролог
    - Йоркшир, декабрь 1980 года
  - Часть 1

        - Воскресенье, 22 декабря 1996 года
        - Понедельник, 23 декабря 1996 года
        - Вторник, 24 декабря 1996 года
        - Среда, 25 декабря 1996 года
        - Четверг, 26 декабря 1996 года
        - Июнь 1907 года
        - Май 1910 года
        - Июнь — сентябрь 1910 года
        - Четверг, 26 декабря 1996 года
        - Ноябрь — декабрь 1910 года
        - Январь — июнь 1911 года
        - Четверг, 26 декабря — пятница, 27 декабря 1996 года
        - Май — сентябрь 1916 года
        - Октябрь — ноябрь 1916 года
        - Декабрь 1916 года
        - Июль 1919 года
        - Пятница, 27 декабря 1996 года
    - Часть 2
        -
        - Сентябрь 1939 года
        - Июнь — октябрь 1940 года
        - Ноябрь 1940 — июль 1941 года
        - Суббота, 28 декабря 1996 года
        - Январь — апрель 1942 года
        - Август 1942 года
        - Суббота, 28 декабря 1996 года
        - Сентябрь 1942 — апрель 1943 года
        - Суббота, 28 декабря 1996 года
        - Воскресенье, 29 декабря 1996 года
        - Среда, 1 января 1997 года
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

- 7
- 8
- 9
- 10

Шарлотта Линк
Дом сестер

Charlotte Link
Das Haus der Schwestern

Das Haus der Schwestern by Charlotte Link
© 1997 by Blanvalet Verlag, a division of Verlagsgruppe
Random House GmbH, München, Germany
© Садовникова Т.В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Йоркшир, декабрь 1980 года

Сидя за письменным столом, я смотрю на простирающиеся за окном голые поля верховых болот, над которыми завывает ледяной декабрьский ветер. Небо сплошь затянуто плотными серыми облаками. Говорят, что на Рождество выпадет снег, но вряд ли кто-то знает это наверняка. Здесь, в горах Йоркшира, никто никогда не может сказать, чего ждать. Все живут надеждой, что ситуация улучшится, и иногда эта надежда подвергается суровому испытанию — особенно весной, когда зима никак не хочет прощаться, как назойливый гость, который упорно топчется в прихожей, вместо того чтобы наконец сделать шаг к двери. Пронзительные крики голодных птиц разрезают воздух, и холодный дождь бьет путнику в лицо, если он, укутавшись, бредет по илистой дороге, тая в себе воспоминания о солнце и тепле, как о бесценном сокровище.

Сейчас, в декабре, мы по меньшей мере живем ожиданиями Рождества. Не то чтобы Рождество слишком много значило для меня, но оно является маленьким проблеском в кромешной тьме. Раньше я любила этот праздник, но тогда это был дом, полный людей, голосов, смеха и споров. Повсюду были рождественские украшения, целую неделю что-то пекли и варили, устраивались праздничные вечеринки и торжественные обеды. Никто не мог организовать праздник так, как моя мать. Я думаю, именно вместе с ее смертью исчезла и моя радость от рождественских праздников.

Лора, старая добрая Лора, моя последняя подруга, старается, чтобы все выглядело как можно красивее. Перед этим я слышала, как она несла с чердака коробки с рождественскими украшениями. Лора включает внизу проигрыватель, и вот уже звучат рождественские песни, и она старательно развешивает над каминами елочные гирлянды. По крайней мере, она чувствует себя занятой.

Ее отличает трогательная привязанность ко мне и к дому, но порой она действует мне на нервы, когда семенит за мной, как маленькая собачонка, пытливо вылупив на меня свои дитячьи глаза. Лоре 54 года, но на лице сохранилось выражение испуганной девочки. И уже никогда не изменится. Она была еще совсем юной во время

войны, когда ей пришлось очень многое пережить, а о лечении психологических травм тогда вряд ли кто-то знал. Была надежда, что пройдет само по себе, но такое случалось не всегда.

Похожей была судьба и моего брата Джорджа. Он, как и Лора, не смог преодолеть тот кошмар в одиночку. Есть такие люди. Они не могут справиться с опустошением, которое судьба произвела в их душах.

За окном постепенно смеркается. В небе кружатся редкие снежинки. Я с нетерпением жду вечера. Сяду у камина, потягивая старый виски, Лора расположится рядом со своим вязанием и, надеюсь, будет в основном молчать. Она очень милая, но не отличается особым интеллектом и сообразительностью. Я всякий раз теряю самообладание, когда Лора рассуждает о политике или о каком-нибудь фильме, который посмотрела по телевизору. Она всегда и во всем посредственна и может лишь бессмысленно повторять то, что другие десятки раз пережевывают. Но ничего не делает для того, чтобы тренировать свой интеллект. Никогда не читает серьезные книги, а ограничивается лишь любовными романами «Миллз энд Бун»[1]. Вздыхает от упоения, всецело отождествляя себя с изображенной на обложке красоткой-героиней в розовом платье в объятиях мускулистого мужчины с темными вьющимися волосами, которая с готовностью подставляет свои пухлые губы для поцелуя. Лора настолько воодушевляется, что в ее чертах на какое-то время даже исчезает выражение страха.

Позже я, может быть, выпью и второй стаканчик виски, пусть даже она потом неодобрительно посмотрит на меня и скажет, что слишком много алкоголя вредно для здоровья. Бог ты мой! Я уже старая женщина. Какое имеет значение, пью я или нет и какое количество?

Кроме того, у меня есть причина для празднования. Но Лоре я ничего об этом не скажу, иначе она начнет причитать. Только что я нацарапала слово «КОНЕЦ» в написанном мною романе и теперь чувствую себя освободившейся от тяжелого груза. Не знаю, сколько времени мне еще осталось, и для меня было невыносимо думать о том, что я могу не успеть. И вот я закончила — и могу теперь совершенно спокойно расслабиться и ждать.

Я написала историю своей жизни. 400 страниц печатного текста. Моя жизнь на бумаге. Точнее, почти моя жизнь. Последние тридцать лет я выпустила, потому что за это время не происходило ничего особенного, а кого интересуют все эти унылые настроения, которые определяют повседневную жизнь старой женщины? Не то чтобы я собиралась кому-то передавать историю, но описывать свою жизнь в преклонном возрасте даже мне самой не доставило бы удовольствия. Честно говоря, я должна была бы рассказать о ревматизме, ухудшающемся зрении, подагре, благодаря которой мои пальцы скрючиваются, напоминая когти, но у меня нет желания это описывать. Ни в чем нельзя перегибать палку, в том числе и в откровенных признаниях.

Я и без того поступила достаточно честно. Ни в одном эпизоде я не утверждала, что вела себя весьма достойно, благородно или смело. Конечно, пару раз я испытывала сильное искушение. Было бы так просто — чуть скорректировать здесь и там, что-то завуалировать… Я могла бы применить нечто вроде вербального фильтра размытия, и все то, о чем я рассказала внятно и жестко, обрело бы расплывчатую форму. Если б я многое опустила или описала иначе, то возникла бы приукрашенная картина и неизбежно другая история. Конечно, можно обмануть себя и переписать собственную историю, но тогда встает вопрос: зачем ее вообще писать?

А можно изложить все правдиво. Правда жестока и иногда причиняет боль, но это все-таки правда. Благодаря ей все обретает смысл. Этого я и придерживалась на каждой странице. Хотя спрашиваю себя: не связан ли тот факт, что я писала о себе, Фрэнсис Грей, не от первого, а от третьего лица, с тем что подсознательно надеялась суметь все же немного сплутовать таким образом. «Я» принуждает к значительно более искреннему анализу, чем «она». Но если это действительно было моим скрытым бесчестным мотивом, то я могу сказать, что в конечном счете не соблазнилась на то, чтобы приукрасить невыгодные для себя эпизоды. Я, конечно, обошлась с фиктивной Фрэнсис в третьем лице безжалостно. И это вызывает во мне приятное чувство мужества и силы.

Я как следует спрячу мои воспоминания. Как бы ни любила меня Лора, она все-таки уничтожит их сразу после моей смерти —

настолько боится, что кто-то может узнать определенные вещи. Она не может поступить иначе, и вряд ли кто-то смог бы. Несомненно, самым разумным решением было бы все сжечь, так как не имеет никакого значения, что произойдет в итоге с многочисленными исписанными страницами — истлеют они сами по себе в укромном месте или просто перестанут существовать. Для меня сочинительство в любом случае имеет свою цель: вырабатывает точность. Расплывчатые воспоминания обретают четкие очертания, яркие краски. Я была вынуждена действительно предаться воспоминаниям. И с этим смирилась. С собой, со своей жизнью, с судьбой. Простила людей, но прежде всего самое себя. Это было для меня важной задачей, и я ее решила. И все же…

Не могу все это просто предать огню. Затрачено так много труда, так много времени… Я на это не способна. Пусть это ошибка, но я сделала в своей жизни так много ошибок, что еще одна роли не играет.

Тем временем совсем стемнело. Уже давно горит моя настольная лампа. Лора внизу готовит ужин и в сотый раз слушает одни и те же рождественские песни. Она будет рада тому, что после долгого перерыва я снова с аппетитом поем. Ведь Лора всегда сразу думает, что приготовила невкусную еду, если кто-то мало ест. Но в течение тех месяцев, что я писала книгу, у меня возникало такое напряжение, что я вообще не испытывала реального чувства голода. Однако такие люди, как Лора, фантазия которых ограничена узкими рамками, не могут этого понять. После этого она будет сиять и думать, что наконец-то приготовила что-то на мой вкус. И это сделает ее бесконечно счастливой.

Лора почти болезненно зависит от мнения других людей — и больше всего от моего. Я часто задаюсь вопросом: кого она будет преследовать взглядом, в котором читается мольба: «Пожалуйста, люби меня!» — когда меня не будет? Не могу представить себе, что Лора вдруг станет жить на свободе и в независимости. Ей нужен кто-то, чьей благосклонности она может добиваться и кому может во всем угождать. В каком-то смысле ей даже нужен кто-то, кто оказывает на нее давление, иначе она чувствует себя совершенно потерянной в этом мире.

Что-то найдется для нее. Или кто-то. Что-то, кто-то… Все наладится. Я ведь уже сказала: здесь, в Йоркшире, никогда не знаешь, что произойдет…

Фрэнсис Грей

Часть 1

Воскресенье, 22 декабря 1996 года

Поездка не заладилась сразу. Уже с самого утра Ральф был молчалив и задумчив. Но его настроение омрачилось еще больше, когда они в спешке пробегали в аэропорту мимо газетного киоска, где с вращающегося стенда им бросилась в глаза фотография Барбары на передовице бульварной газеты. Ральф остановился, некоторое время в упор разглядывая фотографию, затем поспешно вынул бумажник.

— Оставь! — крикнула нервно Барбара, посмотрев на часы. — Наш самолет может улететь в любой момент.

— На это у нас еще есть время, — ответил Ральф. Он взял газету и передал через стойку монету продавцу. — Похоже, твое фото вышло очень удачным. Как можно его проигнорировать?

Фотография была действительно впечатляющей. На Барбаре был черный костюм, в котором она выглядела одновременно сексуальной и серьезной. Она немного запрокинула голову и слегка открыла рот. Сзади развевались золотистые волосы. Наверху жирными красными буквами было написано: ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА.

— Вчерашняя газета, — объяснила Барбара, взглянув на дату. — Фото сделали в пятницу в суде, после процесса по делу Корнблюма. Я не знаю, почему оно вызвало такую шумиху!

Это прозвучало как оправдание, что ее разозлило. Почему она должна извиняться перед Ральфом за то, что выиграла дело и что пресса приняла в этом живое участие? Потому что Ральф находил зазорным то, что его жена была предметом крикливых статей в желтой прессе, потому что нашумевшие дела так или иначе были ниже его уровня, потому что он считал защитников по уголовным делам юристами второго класса? Ральф проводил четкую границу между адвокатами и защитниками по уголовным делам. Он, разумеется, был адвокатом, работал в авторитетном адвокатском бюро и занимался главным образом крупными делами, связанными со страхованием, которыми не интересовался никто, кроме участников процесса. Барбара защищала преступников, совершивших тяжкие преступления, и настолько успешно, что постоянно получала новые дела, которые месяцами держали общественность в напряжении. Ральф зарабатывал

больше денег, но Барбара была любимицей журналистов. То, что отличало каждого из них, было для другого бельмом на глазу.

Когда они наконец уже сидели в самолете — успев добежать до своего выхода на посадку в последнюю секунду — и бортпроводники начали разливать напитки, Барбара снова спрашивала себя, как и много раз в последние месяцы: когда в ее брак прокрался постоянно раздраженный тон, нескончаемая агрессия? Должно быть, это происходило постепенно, потому что она не могла вспомнить определенный момент времени. Барбара сама наверняка пропустила первые предупреждающие сигналы. Насколько она могла припомнить, Ральф уже давно говорил о проблемах.

Ее взгляд опять упал на газету, лежащую на коленях у Ральфа. ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА! Пресса такого рода всегда сгущает краски, но факт оставался фактом: она победила! Ведь она и в самом деле вытащила Корнблюма из скверной истории.

Корнблюм был бургомистром небольшого городка. Не очень большая шишка, но, несомненно, человек тщеславный, поэтому он старался играть важную роль — по меньшей мере в локальной прессе. Когда его заподозрили в том, что он изрубил топором свою девятнадцатилетнюю возлюбленную, после чего расчленил тело, история мгновенно стала известна широкой общественности. Волей случая фрау Корнблюм также впервые узнала, что муж состоял в интимной связи с девушкой из квартала «красных фонарей», что значительно пошатнуло ее, как казалось ей, святой мир. Петер Корнблюм превратился в бедного, жалкого человека, который молил о пощаде и понимании и истово клялся в своей невиновности. Позже он рассказывал Барбаре, что советовался со своими ближайшими однопартийцами, какого защитника ему выбрать, и те единодушно назвали ему Барбару Амберг. «Она вытащит любого!»

Это было, конечно, не так. Но в то же время она могла занести в свой актив целый ряд успешно завершившихся процессов.

— Ты думаешь, это сделал он? — спросил Ральф, указывая пальцем на небольшую фотографию Петера Корнблюма внизу страницы.

Барбара покачала головой:

— Ни в коем случае. Он вообще не из той категории. Но его политическая карьера загублена. И жена подала на развод… Он просто на грани отчаяния.

Она взяла газету и положила ее в сетку на спинке сиденья.

— Не думай об этом. Мы в отпуске, и через два дня будет Рождество.

Ральф вымученно улыбнулся. В первый раз Барбара начала серьезно сомневаться в том, что это была хорошая идея — уединиться с мужем, чтобы спасти их брак.

Вот уже шестнадцать лет повторялось одно и то же: всякий раз, когда Лора Селли на несколько дней или недель покидала Уэстхилл-Хаус, предоставляя постояльцам возможность за определенную плату хозяйничать в доме, это всегда завершалось бесполезными, утомительными и изнуряющими поисками чего-либо, когда она уже теряла уверенность в том, что эта вещь вообще существовала. Может быть, она гонялась за призраком? Лора обшарила каждый уголок старого фермерского дома, снова и снова возвращаясь к одному и тому же месту, наверняка зная, что за это время вряд ли там могло что-то появиться.

С трудом переводя дыхание, она вылезла из стенного шкафа, в который перед этим забралась, несмотря на боли в костях, чтобы в сотый раз перевернуть там все вверх дном. В свои семьдесят лет Лора уже не чувствовала себя самой молодой, к тому же на протяжении нескольких лет ее мучили сильные ревматические боли, которые часто становились нестерпимыми, особенно зимой. Холодные резкие ветра, бушевавшие в долинах Йоркшира, тоже не способствовали улучшению здоровья. Ей пойдет на пользу, если она уедет на Рождество и Новый год к своей сестре на юго-восток Англии, где такой мягкий климат. Только бы за это время посторонние люди…

Она стояла перед шкафом, медленно выпрямляясь, тихо постанывала, прижимая кисть к пояснице, и смотрела в окно на холмистые луга Уэнслидейла, которые летом были такими зелеными и яркими, а теперь казались голыми и серыми. Обнаженные ветви деревьев гнулись под ветром. По небу неслись низкие плотные облака. Кружились редкие снежные хлопья. По радио сегодня утром объявили, что на Рождество здесь, в Северной Англии, следует ожидать снега.

Посмотрим, подумала Лора, посмотрим. Так или иначе, будет долгая зима. Здесь, наверху,[2] всегда долгая зима. Надо бы продать дом и перебраться в какую-нибудь теплую местность.

Порою у нее возникала эта мысль, но в то же время она точно знала, что никогда этого не сделает. Уэстхилл-Хаус был единственной родиной, которую она знала, ее пристанищем, островком в мире. Она была прикована к этому дому, к этой земле — пусть даже ненавидела одиночество, — к холоду и воспоминаниям, с которыми срослась. Не существовало ни одного другого места, где она могла бы жить.

— Где же еще искать? — вслух подумала Лора. В доме было множество стенных шкафов, небольших чуланов, укромных уголков. Она знала каждый из них, всюду все перерыла — и не нашла ничего, что заслуживало бы внимания. Наверное, искать было нечего. Может быть, она просто сошла с ума…

Лора вышла из комнаты, спустилась вниз по лестнице на первый этаж и вошла в кухню. Здесь в печи горел жаркий огонь и пахло рождественским печеньем, которое Лора пекла перед обедом, чтобы привезти его сестре. Несмотря на то что уже почти сорок лет в кухне была электропечь, Лора с особой любовью пользовалась железным чудовищем времен начала XX века, на котором когда-то готовили для всей большой семьи. Она так крепко цеплялась за старые вещи, переживала такой страх, если ей приходилось расстаться с чем-то, что прежде было частью ее жизни, что, казалось, теряла часть себя. Все новое Лора воспринимала враждебно. Развитие мира она считала в высшей степени угрожающим и любую мысль об этом старалась быстро гнать от себя.

Лора поставила на плиту воду. Ей очень хотелось выпить чашку горячего чая. Потом она должна упаковать вещи и застелить постели для гостей. Они приедут завтра в течение дня. Супружеская пара из Германии. У нее здесь еще никогда не было немецких постояльцев. Для нее немцы всё еще были врагами по двум мировым войнам. С другой стороны, Петер тоже был немцем… Однако о нем она не любила вспоминать, и на самом деле предпочла бы принять здесь французов или скандинавов. Но ей срочно нужны были деньги, а кроме этой пары не нашелся никто, кто захотел бы снять на Рождество Уэстхилл-Хаус.

Лора регулярно помещала объявление в специальном каталоге, который предлагал в аренду загородные дома. С ее скромной пенсией она ни за что не смогла бы оплачивать многочисленные ремонтные работы, которые были необходимы, поскольку старый дом постепенно разрушался. Сдача в аренду была единственной возможностью как-то поправить положение, хотя Лора просто терпеть не могла впускать в дом посторонних людей. Сейчас, например, надо было срочно перекрыть крышу, самое позднее — до следующей зимы. Но найти гостей непросто. Те, кто ехал на север, отправлялись в Озерный край или сразу в Шотландию. Йоркшир, край гор и болот, холодных ветров, громоздких, построенных из известняка домов, привлекал не слишком много туристов. Тот, кто вспоминал о Йоркшире, представлял себе свинцовые и угольные шахты, покрытые копотью домовые трубы и мрачные рабочие поселки в туманных долинах.

Но кто знал хоть что-то о прелестных, безоблачных весенних днях, когда вся земля покрывается ярко-желтыми нарциссами? Кто знал о светлой, серо-голубой дымке над горизонтом в жаркие летние дни? Кто вдыхал тот пряный аромат, который приносил в долины осенний ветер? И, как обычно случалось, когда Лора обо всем этом думала, в ней пробуждалась любовь к этому краю, как внезапно возникающая боль, когда перехватывает дыхание. И тогда она опять понимала, что никогда отсюда не уедет. Что вновь выдержит долгие зимы, одиночество и воспоминания. Того, кого действительно любят, никогда не покидают. Это было твердым убеждением Лоры. Даже несмотря на сильную обиду. Возможно, даже придется однажды вместе погибнуть, но не уйти.

Чайник закипел. Лора залила горячей водой чайные листья. Уже один пряный аромат успокоил ее нервы. После первого глотка — это Лора знала из опыта — она станет новым человеком.

«Лора и ее чашка чая, — шутила всегда Фрэнсис, — им она лечит боли в животе, судороги икроножных мышц, ночные кошмары и депрессии. Для нее во всем мире нет другого лекарства».

Фрэнсис тоже любила чай, но никогда не могла с его помощью избавиться от проблем. Она предпочитала более крепкие напитки.

«Хороший скотч со льдом, — говорила она, — и мир в полном порядке!»

Фрэнсис могла заткнуть за пояс любого мужчину. Ее печень, похоже, не имела болевого порога.

Лора задернула тяжелые цветастые шторы, отгородившись от наступившей темноты и завывающего ветра. Воспоминания о Фрэнсис снова разбередили ей нервы. Сейчас ее опять тяготила мысль о том, что чужие люди в течение двух недель день за днем будут копаться в ее вещах. Люди любопытны и обожают узнавать что-то о других. Лора знала это, так как и сама не раз заглядывала в чужие ящики. Однажды письмо, которое было адресовано супругам Ли, проживающим на противоположной стороне от поместья, ошибочно попало к ней. Полдня Лора ходила вокруг него, но все же не выдержала — и открыла его над паром. К ее горькому разочарованию, в нем не содержалось ничего, кроме приглашения семьи Хэйвзов на Праздник весны.

С чашкой чая в руке Лора прошла в столовую, чтобы проверить в шкафах тщательно намытые фарфор и винные бокалы. Старательно выглаженные и аккуратно — край к краю — сложенные белые льняные скатерти лежали в соответствующем ящике под сервантом. Серебряные приборы, отдельно ложки, ножи и вилки, рассортированные по размеру, располагались в бархатных коробочках. Лора удовлетворенно кивнула. Этим немцам не к чему будет придраться.

Лора и здесь задернула шторы и хотела выйти из комнаты. Все это время ее глаза были опущены, и она следила за тем, чтобы ни на секунду не позволить своему взгляду блуждать по комнате. Но, выходя из нее, все же зацепилась глазами за угол каминного карниза и увидела стоящую там большую фотографию в позолоченной раме. Она не смогла удержаться, чтобы не подойти ближе. На черно-белой фотографии была изображена Фрэнсис Грей в возрасте семнадцати лет. На ней была матроска, в которой она казалась очень скромной, а черные волосы откинуты назад. Ее бледная кожа и ярко-синие глаза выдавали в ней абсолютно кельтский тип. На фотографии у нее была показная, чуть надменная улыбка, которая смущала людей и с которой она не расставалась даже в свои самые тяжелые для нее времена, когда люди говорили, что и в самом деле не осталось больше ничего, чем она могла бы гордиться. В действительности же Фрэнсис никогда не показывала своей слабости. Ее неустрашимость ценили лишь

немногие из окружавших ее людей. Многие считали, что она могла бы вести себя скромнее и держаться в стороне.

Фрэнсис и скромность! Лора чуть не рассмеялась. Она посмотрела на девушку на фотографии и произнесла:

— Ты должна была бы мне это сказать. Ты должна была бы просто сказать мне, где ты это спрятала.

Фрэнсис улыбалась и молчала.

Самолет приземлился в Лондоне около семнадцати часов. Барбара и Ральф планировали провести ночь здесь, в отеле, и на следующее утро на арендованном автомобиле отправиться в Йоркшир. Барбара подумала, что было бы очень неплохо вечером побродить по празднично украшенному перед Рождеством городу, а потом поужинать в каком-нибудь уютном месте. Но когда они вышли из самолета, дождь лил как из ведра, и чем дальше, тем больше. И даже Риджент-стрит с ее сверкающими огнями и большой рождественской елкой не могла заставить их здесь задержаться.

Совершенно промокшие, Барбара и Ральф прыгнули наконец в такси, попросили отвезти их в Ковент-Гарден и сумели найти последний свободный столик в «Максвеллс». Там было шумно и многолюдно, но, по крайней мере, тепло и сухо. Ральф убрал со лба мокрые волосы и, наморщив лоб, стал изучать меню.

— Выбери что-нибудь особенное, — предложила ему Барбара. — В ближайшие две недели придется довольствоваться моей стряпней, а ты знаешь, что это такое.

Ральф рассмеялся, но его смех показался ей неестественным.

— В Йоркшире тоже есть рестораны, — предположил он.

— Насколько я поняла из описания дома, мы будем находиться где-то у черта на куличках, — сказала Барбара. — Поблизости какая-то деревушка, но… — Она не закончила фразу и только пожала плечами.

Какое-то время оба молчали, затем Ральф тихо спросил:

— Ты в самом деле считаешь, что все это имеет смысл?

— Но ты всегда мечтал об Англии! И всегда говорил, что хочешь однажды съездить в Йоркшир. Ты…

— Но речь совсем не об этом, — оборвал ее Ральф, — а о нас. При таком положении дел… неужели мы действительно должны

похоронить себя здесь на две недели? Сидеть друг на друге, сталкиваясь со всем, что…

— Да! Ведь вся беда в том, что у нас никогда нет времени друг для друга. Что мы не говорим друг другу ничего, кроме «доброе утро» и «добрый вечер». Каждый из нас живет только своей работой и понятия не имеет, что происходит у другого.

— Я хотел бы, чтобы все было по-другому, ты же знаешь.

— Да, — сказала Барбара горько, — знаю.

Они опять замолчали, потом Ральф произнес:

— Но мы могли бы поговорить и дома. Сейчас, на Рождество.

— Когда же? Ты ведь помнишь, какие у нас были планы на Рождество.

Он помнил. Сочельник они должны были провести у родителей Барбары. Первый день праздников — у его матери. На второй день поехать к брату Барбары. Потом, 27 декабря, у Ральфа сорокалетний юбилей. Опять семейные торжества. Кстати, эта поездка была подарком Барбары на его день рождения. В том числе и по этой причине он не мог от нее отказаться. Жена уже все распланировала, организовала, оплатила. Поговорила со многими родственниками, смягчила их досаду, объяснила ситуацию. Разумеется, не раскрывая правду, конечно, нет! Этого еще не хватало: «Видите ли, наш с Ральфом брак на грани катастрофы, и поэтому…» Нет, он представлял себе, как она все оправдывала его желаниями и своей потребностью исполнять эти его желания. «Ральф всегда мечтал о чем-то подобном. Уединенный коттедж в Северной Англии. В Йоркшире, стране сестер Бронте. Его сорокалетие — все-таки достойный повод, вы не находите? Вы должны это понять. В следующем году мы снова будем праздновать все вместе!»

«Если следующий год еще будет для нас двоих», — подумал Ральф.

Их роли странным образом поменялись местами. Барбара долгое время не замечала, что между ними что-то не так, и каждая из его попыток поднять какую-то проблему и обговорить ее бойкотировалась ею. То ли у нее не было времени и желания, то ли она была слишком уставшей, а может, просто была убеждена в том, что никаких проблем не существует вовсе. Она, кажется, не замечала, что они видятся практически только на бегу.

Но в прошлом году в какой-то момент для нее вдруг стало очевидным, что их отношения действительно зашли в тупик, и Барбара решила, что необходимо немедленно что-то предпринять. Привыкшая быстро улаживать проблемы и преодолевать сопротивление, она забронировала поездку в отдаленный уголок Йоркшира, где в течение двух недель им не помешают ни родственники, ни друзья, ни служебные обязанности. Барбара просто ошарашила Ральфа этим решением, что было вполне в ее духе, но ужасно злило его. Ему казалось, будто она дала стартовый выстрел. Цель: спасение брака. Время: две недели.

Он чувствовал себя конкурсантом на телевизионном шоу. «У вас ровно шестьдесят секунд!» В последние годы, когда ему казалось, что он может остаться один, у него перехватывало дыхание. Может быть, просто исчезла вера в то, что может что-то измениться… Сейчас он не хотел больше говорить. Он не хотел просить о чем-то, что она ему все равно не может дать.

Барбара погрузилась в меню. Ее тихое бормотание выдавало сосредоточенность. Она всегда и все делала с чрезвычайной концентрацией. Если работала, рядом с ней могла разорваться бомба, и она даже не подняла бы глаз.

Когда она работает, подумал Ральф с горечью, я мог бы умереть рядом с ней, и она этого даже не заметила бы.

Он осознавал, что вот уже некоторое время испытывал жалость к самому себе, но серьезно не пытался что-то с этим сделать. Время от времени ему было полезно потрепать свою психику и уверить себя в том, что живется ему довольно скверно.

Барбара подняла глаза.

— Ты уже что-то выбрал? — спросила она наконец.

Ральф вздрогнул.

— О, извини. Что-то отвлекся…

— Здесь есть закуска на две персоны. Подумала, что мы могли бы взять ее на двоих.

— Хорошо.

— Правда? Ты не обязан, если не хочешь. Найду что-нибудь еще.

— Барбара, я вполне в состоянии сказать о том, что чего-то не хочу, — возразил Ральф чуть резко. — Всё в порядке!

— Что ты сразу наезжаешь на меня? Иногда у меня возникает ощущение, что ты намеренно предоставляешь мне свободу действий, дабы потом утверждать, что я сделала по-своему.

— Но это ведь абсурд!

Они смотрели друг на друга. Все как обычно: ее слишком часто подавляемая агрессия находила выражение в каком-нибудь пустяке, и, казалось бы, безобидная ситуация грозила превратиться в крупную ссору.

— В любом случае, — сказала Барбара, — я не буду брать эту закуску на двоих. Я выберу себе что-нибудь другое.

Она знала, что ведет себя по-детски. Но она этого хотела.

— Может быть, ты и права, — подхватил Ральф. — Почему мы должны делить закуску, если нам нечего делить даже в жизни?

— Какая глубокая мысль! И какая остроумная!

— А как иначе я должен реагировать на твои странные капризы?

— Ты вообще не должен реагировать. Просто не слушай меня!

— Думал, мы уехали на две недели, чтобы я тебя слушал, — возразил Ральф холодно.

Барбара ничего не ответила и снова погрузилась в изучение меню. Но на сей раз она не могла сосредоточиться и едва воспринимала то, что читала. Ральф понял это по ее злым глазам. У него и самого пропал аппетит. Когда к ним подошел официант с карандашом наготове и стал терпеливо ждать, глядя на них, он, вздохнув, сказал:

— Мы еще не выбрали.

Понедельник, 23 декабря 1996 года

Она была готова к отъезду. Оба чемодана были собраны и стояли внизу у входной двери, рядом с дорожной сумкой и пластиковым пакетом, в котором лежала провизия, приготовленная в дорогу. В последние годы Лоре пришлось научиться на всем экономить, а вагон-ресторан в любом случае был слишком дорогим удовольствием. Поэтому она приготовила бутерброды и налила чай в два больших термоса. Ведь предстояло длинное ночное путешествие. Но уже завтра она будет у сестры в Кенте — и тогда сможет съесть что-нибудь горячее. Однако это в том случае, если у Марджори будет желание что-то приготовить. Большей частью она пребывает в довольно мрачном настроении, чтобы еще возиться в кухне, поэтому будет уже хорошо, если разогреет хотя бы консервы. Марджори всегда находила причину, чтобы впасть в дурное расположение духа: погода, повышение бытовых расходов, скандалы в королевском доме… Она подавляла окружающих злыми пророчествами и постоянно утверждала, что рада тому, что пребывает в преклонном возрасте, так как это избавит ее от тех трагедий, которые ждут Землю и человечество. Своим пессимизмом, с которым сестра встречала все, что касалось прогресса и развития, она напоминала Лору, только ее поведение определялось не страхом, а агрессией. Марджори никогда ничего не делала для других людей, в то время как Лора занималась этим с утра до вечера.

С Марджори опять будет тоскливо, подумала Лора. Если б ей не приходилось время от времени освобождать дом для сдачи в аренду, она поехала бы к Марджори максимум на выходные. В большей степени из-за приличия, потому что Лора была ее единственной оставшейся в живых родственницей. Возможно, сложись все по-другому, она только писала бы ей иногда письма…

Чем ближе был час отъезда, тем более удрученной чувствовала себя Лора. В пять часов приедет Фернан Ли из Дейлвью, чтобы отвезти ее на вокзал в Норталлертон. Вообще-то Лора просила об этом его жену Лилиан, но накануне вечером он позвонил и сказал, что поедет сам. Наверное, Лилиан в очередной раз не смогла оставить дом.

Лора надеялась, что до ее отъезда гости из Германии уже приедут. В своем письме с подтверждением бронирования она настоятельно просила их приехать не позднее половины пятого. Эта Барбара Имярек (при всем желании Лора не могла запомнить немецкие фамилии) ответила, что в любом случае так и будет.

У Лоры не было больше никаких дел, и она бродила по комнатам с чашкой чая в руке. За окном шел снег. Она включила в подвале отопление, и в доме стало тепло и уютно. Им будет здесь хорошо, этим иностранцам, которые выгнали ее…

«Прекрати! — приказала она себе. — Не будь несправедливой! Никто тебя не выгоняет. Никто никогда не сможет этого сделать».

Лора обводила глазами каждый предмет, запечатлевая его в сознании. Время от времени ее взгляд останавливался на одном из выдвижных ящиков или на расшатанной половице. Тогда она подходила ближе, осматривала место, которое привлекло ее внимание, и, ничего не обнаружив, уходила.

«Прекрати поиски, — говорила она себе строго, — ты сойдешь с ума, если будешь постоянно думать только об этом!»

Посмотрела на часы. Половина третьего. Декабрьский день и так был довольно сумрачным, а скоро он опять растворится в темноте. Если б только ей не нужно было уезжать!

Лора подошла к одному из окон, которые выходили во двор, и стала смотреть на дорогу. Гостей не было видно.

Чем дальше они ехали на север, тем больше дождь переходил в мокрый снег. Барбара и Ральф по очереди садились за руль. Они довольно быстро привыкли к левостороннему движению, хотя у них возникли некоторые трудности при плотном трафике вокруг Лондона. Но трасса A1, которая проходит с юга Англии на север, не вызвала никаких проблем. Метель становилась все сильнее и неприятнее. «Дворники» работали с максимальной частотой, и Барбара, которая как раз сидела за рулем, заметила, что видимость становится все хуже.

— Надеюсь, скоро приедем, — сказала она.

— Может быть, тебя сменить? — спросил Ральф, который до этого все время молча смотрел в окно.

— Проеду еще немного, а потом с удовольствием передам тебе руль. Что-то стало действительно напряжно…

Барбара на мгновение отвела взгляд от дороги и взглянула на Ральфа. Еще с раннего утра она постоянно украдкой посматривала на него. Как глупо она себя вела! Барбара знала этого человека уже пятнадцать лет, одиннадцать из которых они были женаты. И вот теперь она искоса поглядывала на него, как делала это, когда была подростком, с симпатичными мальчиками, которые были для нее недоступны. И хотя ее поведение не очень соответствовало возрасту и вряд ли было уместным по отношению к Ральфу, она не могла его изменить. В этот день он выглядел совсем иначе, и это был еще один тревожный знак того, что они очень мало времени проводили вместе и слишком отдалились друг от друга. Барбара постоянно видела его в костюме и с галстуком. Ральф напоминал ей успешного адвоката конца тридцатых годов, направлявшегося в свою контору с отсутствующим взглядом, так как мысленно он всегда был занят делами, над которыми в данный момент работал. Поэтому она была поражена, неожиданно увидев его в джинсах и свитере, с небрежно зачесанными темными волосами, тихого и расслабленного, все с тем же рассеянным взглядом, но сосредоточившегося на мелькающем за окном пейзаже.

— Вообще-то ты выглядишь довольно моложаво для мужчины, которому через пару дней исполнится сорок, — сказала Барбара.

Ральф наморщил лоб.

— Это комплимент?

— А что же еще?

Он пожал плечами:

— Не знаю… Смотри, вон там, возле ресторана, можно остановиться. Давай поменяемся.

Барбара, кивнув, свернула на парковочную площадку перед рестораном «Счастливый обжора». Ральф вышел и стал обходить машину, в то время как она пересела на его место. Когда муж снова сел в машину, его волосы были белыми от снега.

— Основательно метет, — сказал он. — Надо поторопиться. Если снег усилится, точно где-нибудь застрянем.

— Я всегда считала, что в Англии редко идет снег…

— Относительно редко — на юге. Но в Северной Англии и Шотландии случались настоящие снежные коллапсы. — Ральф вывел автомобиль снова на дорогу. — Однако на сей раз это явно не тот случай, — добавил он, явно успокаивая ее.

Около половины четвертого они въехали в Лейберн, где спросили у полицейского дорогу в Дейл-Ли.

— Поезжайте прямо по трассе А-шестьсот восемьдесят четыре, — объяснил тот. — Проедете Уэнсли, Эйсгарт, Вортон. Под Вортоном поверните на Аскригг. Дейл-Ли расположен немного севернее, в направлении болота Уайтсайд.

После того как Барбара и Ральф съехали с главной дороги, которая проходила через Уэнслидейл, у них все больше и больше возникало ощущение, что они углубляются в отрешенный от всего мира уединенный уголок. Повсюду, справа и слева, простирались бесконечные холмистые луга, уже покрытые слоем снега, с пересекавшими их небольшими стенами. Деревья поднимались в небо, как черные скелеты. Порою виднелась коричневая каменная кладка какого-то дома, затаившегося в низине или, напротив, возвышавшегося на холме и обдуваемого холодными ветрами. На горизонте земля и небо слились в снежной буре в серый ад. Черные птицы кричали над раскинувшимися просторами. Когда появилась покоробившаяся вывеска с надписью «Дейл-Ли, 1 миля», у Барбары вырвался возглас облегчения.

— Наконец-то! Я уж думала, что это никогда не кончится…

Как выяснилось, Дейл-Ли состоял не более чем из десятка домов, выстроившихся вдоль узкой деревенской улицы, а также церкви и кладбища. На улице никого не было, лишь на обочине стояла пара автомобилей. Тем не менее за некоторыми окнами горели яркие электрические огоньки, и на двух дверях висели рождественские венки с большими красными лентами.

— Кажется, там, впереди, есть какой-то магазин, — предположил Ральф. — Нам наверняка смогут там объяснить, как проехать к Уэстхилл-Хаус. Кроме того, нам надо что-нибудь купить. Наша хозяйка вряд ли позаботилась об ужине, а я голоден!

— Хорошая идея, — согласилась Барбара. — Давай купим сейчас самое необходимое, а завтра соберем настоящий рождественский стол. Припаркуйся прямо здесь, за этой шикарной тачкой…

— Это «Бентли», — ответил Ральф благоговейно. — Похоже, здесь живут довольно состоятельные люди.

Нескольких шагов от машины до двери магазина вполне хватило, чтобы они оба превратились в снеговиков. Антрацитно-серое небо

взорвалось миллионами плотных снежных хлопьев.

Пожилая женщина, стоявшая у входа, вглядываясь в снегопад, дружески кивнула им и сказала:

— Это только начало! Я еще на прошлой неделе об этом предупреждала. Только мне никто не поверил. Говорила, что на Рождество будет снегопад, но мои внуки решили, что это все мои фантазии… — Она презрительно фыркнула. — Молодые люди ни о чем не имеют никакого понятия! Они садятся перед телевизором, слушают прогноз погоды и придерживаются его, сколько бы раз метеорологи ни промахнулись. Видите ли, погода здесь, наверху, у меня в крови. Я определяю ее по цвету неба. Я вдыхаю запах, поднимающийся с земли. И знаю, что будет. — Она гордо кивнула. — Моя мать была такой же. Она предсказала катастрофу сорок седьмого года. Тогда высота снежного покрова оказалась более двух метров. Под ним исчезли некоторые дома. И на сей раз будет не лучше. — После этого пессимистического прогноза она улыбнулась и продолжила: — Чем я могу вам помочь? Вы ведь приезжие, не так ли?

— Да. Я — Барбара Амберг. А это мой муж Ральф. Нам надо в Уэстхилл-Хаус.

— О, «Дом сестер»! Меня зовут Синтия Мур. Я — владелица магазина.

— «Дом сестер»? — переспросила Барбара. — Я думала, что мисс Селли живет там одна.

— Да нет, это просто старое название. Оно укоренилось еще в те времена, когда из всей семьи в Уэстхилле остались только две сестры, которые там и жили. Обеих уже нет на свете, но все по-прежнему называют его «Дом сестер». — Она опять улыбнулась и сразу понизила голос, словно собиралась задать неловкий вопрос. — Хотя вы очень хорошо говорите по-английски, мне кажется, что вы…

— Мы из Германии, — поспешил ответить Ральф.

— Из Германии? И вы здесь заплутали? Добро пожаловать в Дейл-Ли! Ферма Уэстхилл вам понравится, если ее еще можно назвать фермой. Лора, конечно, не могла дальше в одиночку держать овец и лошадей. Она немного не в себе, но славная женщина!

— Не в себе? — удивилась Барбара.

— Ну да. Чудачка, старая дева. Немного эксцентричная, иногда чуть истеричная… Уже тринадцать или четырнадцать лет она безвылазно сидит в Уэстхилле и Дейл-Ли, если не считать периодических поездок к сестре в Кент. И там обе так же торчат в квартире, и Марджори бесконечно ворчит… Может, поэтому Лора стала немного чудаковатой.

— Мы были бы очень признательны, если б вы объяснили нам, как добраться до Уэстхилла, — попросил Ральф, воспользовавшись небольшой паузой, которую сделала Синтия. Ему казалось, что она была готова выложить им всю историю жизни Лоры, но у него не было к этому ни малейшего интереса. — И еще мы хотели бы купить кое-что из продуктов.

— Конечно, — с радостью согласилась Синтия. — Берите все, что вам нужно, а потом я объясню, как добираться.

Магазин оказался значительно больше, чем это казалось снаружи. Длинные ряды стеллажей разделялись несколькими проходами. Когда Барбара завернула за угол во второй проход, она чуть было не столкнулась с высоким мужчиной, который появился ниоткуда, балансируя с грудой консервных банок в руках. На нем была темно-зеленая куртка фирмы «Барбур» и высокие сапоги.

Барбара резко остановилась, и Ральф, который шел прямо за ней, наткнулся на нее. Некоторое время все трое удивленно смотрели друг на друга. Каждый из них считал, что в магазине больше никого нет.

— Извините, — сказал наконец незнакомец.

— Ничего страшного, — ответила Барбара.

Он в упор посмотрел на нее. У него были темные глаза и пронзительный взгляд. Барбара тоже взглянула на него, но ей стало не по себе, и она поняла, что первой отведет глаза, если он этого не сделает сам. К счастью, мужчина неожиданно обернулся.

— Лил! — Только что казавшийся таким вежливым тон его голоса полностью преобразился. Теперь он звучал жестко и резко. — Ты идешь, наконец? — Это был скорее не вопрос, а приказ.

Сразу после этого появилась молодая женщина — незаметное, боязливое существо, одарившее обоих незнакомцев смущенной улыбкой, но потом снова робко опустившее глаза. Мужчина высвободил одну руку из-под опасно задрожавшей груды консервных

банок и крепко схватил женщину за кисть. У нее вырвался едва сдерживаемый крик боли.

— Я не могу ждать вечно. Мне надо еще отвезти Лору Селли на вокзал.

— Мы — гости мисс Селли, — воскликнула Барбара.

— О, правда? — На сей раз его взгляд не был глубоким; он посмотрел на нее лишь мельком, почти без интереса. — В таком случае мы на ближайшее время станем соседями. Моя фамилия Ли. Фернан Ли.

— Барбара Амберг. А это мой муж.

Ральф холодно кивнул Фернану.

Тот снова вспомнил о женщине, запястье которой он все еще сжимал так крепко, что костяшки пальцев его руки побелели.

— Моя жена Лилиан, — представил он женщину.

Лилиан все это время стояла с опущенным взглядом и только теперь подняла глаза. Барбара застыла. Она слышала, как за ее спиной резко дышал Ральф. В тусклом свете видавшей виды потолочной лампы оба увидели сейчас то, что не заметили в момент первого короткого приветствия: левый глаз Лилиан украшал уже заживающий безобразный сине-зеленый кровоподтек. Нижняя губа распухла, а в уголке рта образовалась корочка запекшейся крови.

— Очень приятно, — ответил Фернан Ли. — Еще увидимся! — Он кивнул им и, потянув за собой Лилиан, направился к кассе.

Амберги переглянулись.

— Он, наверное, объяснил бы это тем, что его жена упала с лестницы, — сказал Ральф, — но я думаю, скорее…

Он не закончил фразу, но Барбара знала, что он имел в виду, и согласно кивнула.

— Я видела множество таких лиц, — сказала она, — и я имею в виду не только следы от кровоподтеков и синяки. Это еще и выражение глаз. То, как они улыбаются. Как они опускают голову. Как они на тебя смотрят, как будто извиняются за то, что вообще живут на земле. Эта женщина — полная развалина, Ральф. И наверняка она не была такой, пока не познакомилась с ним.

Ральф посмотрел в окно.

— Это его «Бентли». Они как раз садятся в машину.

Незаметно подошла Синтия.

— Ему принадлежит практически вся земля вокруг, — доложила она, — включая все дома в этой местности. Ли были когда-то настоящими феодалами. Единственной независимой собственностью была ферма Уэстхилл, принадлежавшая Греям. И это не давало им покоя. Со временем Фернан купил много земли, входящей в состав Уэстхилла. Многие, правда, гадают, на какие деньги. Говорят, он слишком много пьет и влез в долги. А потом вдруг появился этот автомобиль… Видно, у него есть какой-то резерв.

— А что случилось с его женой? — спросила Барбара. — Она выглядит просто ужасно!

Синтия вздохнула.

— Это большая проблема. Вы знаете, в принципе Фернан Ли неплохой парень. Я не знаю, что произошло между ним и Лил, но, очевидно, он периодически теряет самообладание. Частенько она бывает разукрашена еще похуже, чем сейчас.

— И никто ничего не предпринимает? — спросил Ральф недоверчиво. — Ведь его легко можно привлечь за нанесение телесных повреждений!

— Лил приходится с этим мириться. Иначе она еще больше увязнет во всем этом, — объяснила Синтия. — До сих пор она его постоянно покрывала. Лил в высшей степени изобретательна, если речь идет о том, чтобы найти объяснения ее многочисленным травмам.

— Подобное случается часто, — согласилась Барбара. — Такие мужчины, как этот Ли, становятся неуправляемыми, пока их жены боятся свидетельствовать против них.

— Он действительно неплохой человек, — настаивала Синтия. — У него было тяжелое детство. Его отец тоже пил, а мать — французская эмигрантка, отсюда французское имя — с годами все больше впадала в уныние, потому что так и не смогла избавиться от тоски по Родине. Фернан был раздавлен ими обоими.

— Честно говоря, это объяснение насильственного поведения меня уже давно не устраивает, — признался Ральф. — Человек рождается со свободной волей. И не имеет никакого значения, что до этого происходило в его жизни. С определенного момента он несет ответственность за то, как проживет остальную часть жизни.

Синтия кивнула.

— В принципе вы правы, но… Ну, так что, — попыталась она сменить тему, — нашли то, что вам нужно?

— На первое время — да, — ответила Барбара. — Но мы в любом случае придем еще раз завтра, чтобы купить всё на праздники.

Синтия с сомнением посмотрела в окно, где сильный завывающий ветер кружил снежные хлопья.

— Надеюсь, завтра вы еще сможете сюда добраться. Если будет совсем худо, поможет гарнизон Каттерик. Они расчистят основные улицы своими танками, но о второстепенных улицах никто не позаботится, а Уэстхилл расположен на приличном расстоянии в стороне!

— Ну, все не так драматично, — легкомысленно предположила Барбара. — У нас в машине есть цепи против скольжения. Все будет нормально. Будьте так любезны, расскажите, как нам добраться…

Когда по дому разнесся приглушенный звук медного дверного молоточка, Лора вздрогнула, хотя каждую минуту ждала прибытия гостей. Остатки горячего чая в ее чашке выплеснулись ей на руку, и она тихо вскрикнула. Что творится с ее нервами? Они, кажется, совершенно разболтались только из-за того, что ей предстояла поездка, так называемое противостояние миру, который затаился по ту сторону оборонительных стен Уэстхилла. Она отставила чашку, прошла в прихожую, в спешке поправила перед зеркалом волосы, расправила плечи и открыла дверь.

Штормовой ветер чуть не вырвал дверь из ее руки, и вихрь снежных хлопьев ударил ей в лицо. Было уже почти темно, и Лора едва смогла разглядеть лишь силуэты двоих стоявших перед ней людей.

— Добрый день, я — Лора Селли, — сказала она. Ей пришлось говорить громко из-за завывающего ветра. — Проходите!

Барбара поняла, почему Синтия назвала эту Лору «странной». Пожилая дама была несомненно милой, но довольно рассеянной и нервной. Сначала она повела постояльцев в кухню и предложила им чаю, и едва они сели за стол с чашками в руках, как вдруг вспомнила, что прежде всего должна обязательно показать им весь дом, так как в любой момент за ней могут заехать. Они отставили чашки и последовали за Лорой. На первом этаже, кроме просторной кухни,

располагались гостиная и столовая. Там Барбара сразу заметила стоящую на камине фотографию.

— Кто это?

— Фрэнсис Грей. Греям когда-то принадлежало здесь все.

— И вы у них всё это купили? — спросил Ральф, размышляя, откуда у этой простой на первый взгляд женщины так много денег.

— Я получила это в наследство, — ответила Луиза с гордостью, — от Фрэнсис. Она была последней из всего семейства. Наследников больше нет.

— Наверное, вам здесь очень одиноко, — предположила Барбара. Она подумала, что жить здесь одной из года в год, в течение многих лет, довольно тягостно.

Лора покачала головой.

— Для меня — нет. Знаете, я живу здесь уже больше пятидесяти лет. — Она, кажется, считала это достаточно убедительным объяснением.

По окрашенной в белый цвет деревянной лестнице они поднялись на второй этаж. Здесь были две большие и три маленькие спальни, а также старомодная ванная комната, в которой ванна стояла на четырех изогнутых ножках.

— Я постелила вам здесь, в одной из больших спален, — сказала Лора. — Подумала, там вам будет наиболее удобно.

Барбара и Ральф переглянулись и одновременно пришли к молчаливому согласию: они ни в коем случае не будут говорить Лоре, что уже несколько лет спят в разных комнатах.

Тем не менее Лора почувствовала мимолетную неловкость обоих, правильно истолковала ее благодаря тонкой интуиции и смущенно добавила:

— Разумеется, любая из трех маленьких спален также в вашем распоряжении. Только моя собственная комната должна…

— Конечно, — быстро сказал Ральф.

Когда они спустились по лестнице, Барбара с любопытством спросила:

— Вы были подругой Фрэнсис Грей?

Ральф едва заметно покачал головой; он знал эту привычку Барбары — совершенно беззастенчиво задавать чужим людям

неловкие вопросы — и совершенно этого не понимал. Однако Лора с готовностью ответила:

— Можно и так сказать. Вообще-то я была экономкой. Но попала сюда еще ребенком, и этот дом стал моей родиной. У нас с Фрэнсис больше никого не было.

— И вы жили здесь совершенно одни?

Легкая тень пробежала по лицу Лоры.

— После того как умерла Аделин и уехала Виктория Ли… да.

— Виктория Ли?

— Сестра Фрэнсис.

— Она имеет какое-то отношение к Ли из… э… Дейлвью?

— Барбара… — тихо оборвал ее Ральф.

— Она была замужем за отцом Фернана Ли. Но они развелись.

— Он с ней жестоко обращался?

— Барбара! — воскликнул Ральф, на этот раз более резко. Барбара знала, что он имел в виду: «Ты ведешь себя совершенно бесцеремонно!»

Лора, казалось, была несколько удивлена.

— Нет. Почему?

— Мы встретили Фернана Ли и его жену в Дейл-Ли, — объяснила Барбара, — и миссис Ли имела довольно плачевный вид.

— Ну, — лицо Лоры стало задумчивым и немного печальным, — в подобных вещах всегда участвуют двое, не так ли? Я часто задаюсь вопросом: становятся ли люди жертвами судьбы или сами приносят себя ей в жертву?

Пока Барбара старалась переварить эти неожиданные слова — она никак не ожидала, что Лора попытается затронуть столь сложный психологический аспект, — Ральф вышел, чтобы принести вещи из машины. В дверях он чуть не столкнулся с Фернаном Ли, который, как большая темная тень, внезапно появился из снежной вьюги. Оба мужчины холодно поздоровались. Фернан отступил на шаг, чтобы пропустить Ральфа, и вошел в дом в облаке снега и холода, сразу заполнив собой всю прихожую. Хотя он был лишь немного выше Ральфа, его манеры и внешность были доминирующими, из-за чего все вокруг него казалось меньше, чем было на самом деле.

— Мисс Селли, — сказал он, — нам надо ехать. Погода ухудшается с каждой минутой. Может быть, это вообще будет

последний поезд в ближайшие несколько дней.

— Боже мой, я и предположить не могла, что все будет так ужасно, — пробормотала Лора и начала суетливо бегать взад и вперед в поисках перчаток, шарфа и шапки.

— Надеюсь, нас здесь не заметет по крышу? — спросила Барбара.

Фернан повернулся к ней. В сумраке узкой прихожей она больше почувствовала, чем увидела его взгляд.

— Все может быть, — ответил Фернан. — Возможно, с завтрашнего дня вы здесь прочно застрянете.

— Было бы довольно неприятно!

Он дернул плечами:

— Не думаю, что погода руководствуется тем, что вам приятно, а что нет.

— Я тоже так не думаю, — резко парировала Барбара.

Фернан рассмеялся и сказал — неожиданно миролюбиво:

— Конечно, нет. Извините за глупое замечание.

Он снова повернулся и подхватил оба чемодана и дорожную сумку Лоры, стоявшие наготове возле двери.

— Вы собрались, мисс Селли?

— Да, — ответила Лора.

Она натянула на голову связанную явно ею самой шапку, которая была ей чуть маловата, взяла полиэтиленовый пакет с провизией и свою сумочку, напоминавшую круглую коричневую шоколадную конфету. Глубоко вздохнула — и только в последний момент вспомнила о том, что надо попрощаться с Барбарой. Потом она вышла из дома с выражением лица перепуганного солдата, отправляющегося на тяжелую битву, почти не надеясь выйти из нее победителем.

Молодой человек, сидевший напротив Лоры, на противоположном сиденье у окна, тихонько похрапывал. Его голова, лежащая на подголовнике, чуть склонилась вбок, а рот слегка приоткрылся. Он был похож на младенца, мягкого и розового. Похоже, он видел мирный сон, так как его черты лица казались расслабленными и спокойными.

Студентка, сидевшая у двери купе, тоже спала. Точнее говоря, Лора лишь *предположила*, что эта молодая девушка — студентка. Просто по внешнему виду: джинсы, толстовка, умное лицо, очки в никелированной оправе, короткие, чуть взъерошенные волосы. Перед

тем как заснуть, она все время читала книгу, которая, насколько успела разобрать Лора, была связана с математикой.

Поезд громыхал в ночи, и она не могла уснуть. В купе горел слабый свет, и Лоре удалось разглядеть снежные хлопья по ту сторону оконного стекла. Фернан привез ее на вокзал на своем джипе; ни на каком другом автомобиле он не проехал бы. В Йорке она пересела на другой поезд; при этом ей пришлось долго ждать, так как все расписание сдвинулось во времени. Со всех сторон Лора слышала тревожные сообщения о погоде. Похоже, на севере Англии и в Шотландии ожидался настоящий снежный коллапс. Постояльцев занесет, и у них будет уйма времени, чтобы перерыть весь дом, подумала мрачно Лора. Ей хотелось бы никогда и никуда не уезжать; хотелось выйти на ближайшей станции и немедленно вернуться домой встречным поездом. Но кроме того, что она своим возвращением домой нарушила бы договоренность и стала бы причиной неприятностей, было совсем неясно, удалось бы ей вообще добраться до Уэстхилла.

«Дальше не проехать, — сказал Фернан на вокзале в Норталлертоне, глядя на пургу за окном, и добавил: — Держите за меня кулачки, чтобы я добрался до дому!»

Лора подумала о Барбаре. Чужая женщина вызывала у нее подозрение. Нет, она не была ей неприятна, но Лора чего-то опасалась. Эта женщина имела своеобразную привычку целенаправленно и прямо задавать вопросы. Но, странным образом, Лоре она не показалась любопытной. Любопытство для нее имело негативный оттенок, а в поведении Барбары она этого не почувствовала. Кроме того, любопытство всегда сопровождалось сильным желанием сенсации, но в Барбаре это совершенно не ощущалось. Она казалась человеком, одержимым истинным, жгучим интересом ко всему, что происходило вокруг нее, к каждому, с кем пересекался ее путь. Интересом к причинам и фактам, к предыстории события, с риском, что сенсация станет, таким образом, объяснимой и потеряет свою драматургию. Барбара не подсматривала в замочную скважину — она шла прямо в комнату и спрашивала о том, что хотела знать.

Как и Фрэнсис, подумала Лора и тут же поняла, что это было именно *то*, что вызывало у нее симпатию к Барбаре и одновременно порождало страх и недоверие.

Барбара была второй Фрэнсис Грей.

Вторник, 24 декабря 1996 года

Барбара не знала, что ее разбудило — завывающий ветер или тот ужас, который проник до самых глубин сна. Лицо пылало от стыда, когда она села в постели. За окном бушевала непогода. Буря, казалось, хотела перевернуть весь мир, носилась вокруг дома как свирепый враг, сотрясала оконные стекла, наполняла зловещим гулом старые высокие дымовые трубы. То, что происходило за окном, напоминало преисподнюю, но в данный момент это было далеко не так угрожающе, как то, что происходило у нее внутри. Барбара не могла вспомнить, когда в последний раз видела эротический сон.

— Это просто смешно! — сказала она вслух в темноту, потом бросилась на кровать, зарылась лицом в подушки и стала ждать, когда в ее теле успокоится мягкая, почему-то почти болезненная пульсация.

Фернан Ли как раз снимал с нее колготки на заднем сиденье автомобиля, когда она, к счастью, проснулась и вспомнила, что почти обезумела от страсти. Если она стонала во сне или, чего доброго, даже нецензурно выражалась, это, слава богу, останется ее тайной, так как она была в комнате одна. Ральф оставил ей большую спальню, которую Лора первоначально приготовила для них двоих, и, прихватив одеяло и подушку, перебрался в одну из маленьких комнат. Они не слишком долго это обсуждали.

— Тебе, вероятно, так будет удобнее, — сказал Ральф, и она ответила, что они, мол, просто к этому привыкли.

Снова сев в постели, Барбара, пока искала выключатель ночной лампы, задавалась вопросом: не было ли это сном женщины, которая слишком давно живет без секса. Год? Или даже больше? У нее никогда не было ощущения, что ей чего-то недостает. При постоянном стрессе на работе постель и без того представлялась ей местом, которое она до последней секунды использовала для нескольких часов сна, имевшихся в распоряжении. Ей и в голову не пришло бы потратить пусть даже один из этих драгоценных моментов на что-то другое. Почти каждый вечер у нее были деловые встречи или общественные дела, так что она возвращалась домой, по большей части, когда Ральф уже спал. Зато утром он вставал раньше и уходил из дома, когда она,

проспав, мчалась в ванную. В конце концов они договорились спать в разных комнатах, поскольку так было удобнее из-за разницы в режиме сна.

Барбара нашла выключатель, но света не было. Ей хотелось надеяться, что проблема в лампочке, а не в обесточивании всего дома.

Она вылезла из постели и на ощупь, медленно и спотыкаясь, как бывает в чужом доме, стала пробираться к двери, где находился еще один выключатель. Но и тот не сработал. Та же участь постигла ее и за пределами комнаты.

— Проклятье, — пробормотала Барбара. Она добралась до комнаты Ральфа и, тихонько постучав, позвала шепотом: — Ральф!

— Входи. — Его голос был бодрым и уверенным. — Я все равно не сплю. Буря что-то разошлась.

Барбара вошла и щелкнула выключателем.

— Света нет! — удивился Ральф.

— Я как раз хотела тебе об этом сказать. — От холода Барбара переступала с ноги на ногу — пол был ледяным. — Света нет нигде!

— И внизу тоже?

— Там я не проверяла. Как ты думаешь, что случилось?

— Возможно, всего лишь выбило пробки. Я завтра утром посмотрю.

— А может быть, из-за бури повреждена электропроводка? Тогда мы ничего не сможем сделать.

— Ну, это быстро приведут в порядок. — Постепенно оба они привыкли к темноте и уже могли смутно видеть друг друга. Ральф заметил, что Барбара дрожит.

— Быстро возвращайся в постель, — сказал он, — иначе простудишься. Или… — он запнулся, — или иди ко мне. Только не стой так!

Из-за странного сна у Барбары возникло ощущение, что сейчас ей не следует искать близости Ральфа.

— Лучше пойду, — сказала она. — Надеюсь, что эта проклятая буря до утра стихнет. От этого можно просто сойти с ума!

Барбара снова на ощупь добралась до своей комнаты и нырнула в постель, но уже не могла уснуть и только беспокойно ворочалась. Лишь ранним утром опять задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Это был Ральф. Он уже оделся, но был небрит и казался довольно растерянным.

— Барбара, вставай! Ты это уже видела?

— Что именно?

— Посмотри в окно!

Она поднялась, подошла к окну и тихо вскрикнула:

— О боже! Этого не может быть!

Мир за окном погрузился в снежную белизну. Всюду, насколько хватало глаз, лежал снег, и ничего кроме снега. Больше не было ни лугов, ни дорог, ни подъезда к дому, ни сада. Все исчезло, погребенное под толстой снежной толщей. Деревья вдоль дорожки, ведущей к дому, казались совсем крошечными, потому что их стволы примерно наполовину были погружены в снег, а ветви, казалось, вот-вот сломаются. Два дерева во время бури вырвало из земли; их гигантские корни торчали вверх как свидетельство могущества стихии, которая пронеслась над землей минувшей ночью. Ветер стих, но снег шел беспрестанно, и над уединенным домом лежала глубокая таинственная тишина.

— Просто не верится! — воскликнула Барбара в изумлении. — Я никогда не видела ничего подобного!

— Света нет во всем доме, — сказал Ральф, — в том числе и внизу. Пробки в порядке, так что, скорее всего, повреждена линия.

— Но это ведь быстро отремонтируют? Я имею в виду, что здесь забытое богом место, но ведь не окончательно отрезанное от цивилизации!

— Вопрос в том, удастся ли кому-то вообще пробраться сюда по такому снегу, чтобы суметь что-то отремонтировать. Боюсь, что сюда сейчас не доехать даже на цепях.

— Кстати, о цепях, — сказала Барбара, высматривая что-то за окном. — А где же машина? Она ведь стояла перед входной дверью!

— Она там и стоит, — ответил Ральф; в его голосе смешались шутливая нотка и оттенок паники. — *Под снегом*!

— Значит, мы не сможем поехать в Дейл-Ли?

— Нет. Никаких шансов. Высота снега, по-моему, уже больше метра, а будет еще больше. Так что ничего не получится.

Съежившись от холода, Барбара обхватила плечи руками. Она была в одних трусиках и футболке и только сейчас поняла, что в

комнате довольно прохладно.

— Это я только сейчас так замерзла, — спросила она, — или вчера вечером было действительно теплее?

— Вчера вечером было действительно теплее, — печально сказал Ральф, — потому что еще работало отопление.

Она пристально посмотрела на Ральфа.

— *Что?*

Он кивнул.

— Я был в подвале. Насос без электричества не работает. А аварийного генератора здесь нет.

— Тогда у нас нет и горячей воды! Мы не сможем включить плиту. Не сможем…

— Да, телефон тоже не работает. Линия молчит.

Барбара медленно вернулась к своей постели, опустилась на нее и подперла голову руками.

— Черт возьми! — произнесла она.

Ральф попытался изобразить на лице ободряющую улыбку.

— Но это не конец света, Барбара. Мы ведь не сидим где-то на улице, в снежной пустыне, без крыши над головой, или в машине, которая медленно исчезает под сугробами… У нас есть прочный, сухой дом с несколькими каминами, в которых мы можем развести огонь. Пару дней мы будем отрезаны от внешнего мира, но ведь снег не будет идти вечно, и все утрясется. Послушай, — добавил он, так как в нем шевельнулось ощущение, что это могло бы ее утешить, — мы ведь не единственные, с кем это произошло. У всех вокруг та же проблема, и они ее тоже преодолеют.

Барбара решительно встала и взяла халат.

— Сейчас мне нужен только крепкий кофе, — сказала она, — без этого я не могу думать. Пойдешь со мной на кухню?

Ральф чуть придержал ее за плечо.

— Как ты хочешь?..

— Там стоит старая железная печь. Ее надо как-нибудь разжечь. И даже если мне придется развести костер среди гостиной — я выпью сейчас кофе!

В гостиной, в латунном ящике рядом с камином, аккуратно лежали три полена. Похоже, что это были последние дрова в доме, но Ральф был убежден, что где-то есть более серьезные запасы.

— За домом находится сарай, я видел его вчера вечером, — пояснил он, — и наверняка мисс Селли хранит там свой дровяной арсенал. Мне надо как-то туда добраться. Есть ли здесь лопата?

Пока он ходил в подвал в поисках лопаты, Барбара разожгла старую железную печь. Она быстро поняла, что тремя поленьями печку не разожжет. В столовой лежал тележурнал, который из-за отсутствия света все равно был бесполезен. Барбара вырвала из него пару страниц и положила их между дровами. Вскоре огонь загорелся, и она поставила воду для кофе, чувствуя себя пионером в отсталой стране. В шкафу нашла кофейник и фильтровальную бумагу. Потом поставила на плиту сковородку, поджарила два яйца и достала из пакета два куска нарезанного хлеба. В кухне стало теплее и запахло бодрящим свежим кофе.

— Завтрак готов, — объявила Барбара, когда Ральф вернулся.

У него на щеке было грязное пятно, а в волосах — паутина. Он чихал.

— В этом подвале сплошная пыль и грязь, но там полно всяких лопат для снега, так что я смогу расчистить дорогу к сараю. — Подошел к плите, открыл дверцу и поднес свои окоченевшие руки к пламени. — Там, внизу, ледяной холод, как в могиле. Кстати, у тебя здесь приятно пахнет!

— Кофе и яичница. По крайней мере, съедим хоть что-то горячее.

Усаживаясь за стол, Ральф осторожно сказал:

— Нам следует быть экономнее с запасами. Возможно, их придется растянуть на некоторое время.

— А ты не подумал, что мы могли бы пойти в магазин в Дейл-Ли пешком?

— Исключено. Снег достает мне до бедра, а я довольно высокого роста. Для этого потребуется слишком много времени, потому что нам придется раскапывать дорогу практически после каждого шага. Кроме того, мы наверняка не сможем сориентироваться. Улицы, по которой мы должны идти, не видно, а мы совсем не знаем этой местности.

— Тогда это будет пышное Рождество, — предположила Барбара подавленно. — Послушай, давай после завтрака проведем инвентаризацию, чтобы понять, что у нас есть, хорошо?

Инвентаризация дала удручающие результаты. У них было еще четыре яйца и шесть кусков хлеба, начатая 125-граммовая пачка масла

и кусок уэнслидейлского сыра, примерно размером с кулак. Кроме того, небольшая баночка апельсинового джема, пачка молотого кофе, банка сгущенного молока, пачка соли и коробка сахара. Накануне вечером были еще спагетти, но от них осталась половина, и еще остатки соуса. Они могли бы их, конечно, разогреть, но вряд ли после этого будут сыты.

— Если б только мы послушали Синтию Мур! — воскликнула Барбара. — Ведь она сразу посоветовала нам купить как можно больше продуктов.

— Давай посмотрим еще в кладовой, — предложил Ральф. — Возможно, Лора Селли хранит там какие-нибудь консервы. Мы ей их потом возместим.

Но мисс Селли, похоже, терпеть не могла делать запасы, и, как предположила Барбара, особенно консервов — в ее глазах это явно было новомодное и сомнительное изобретение, к которому она относилась с законным недоверием. В кладовой, примыкавшей прямо к кухне, также не нашлось ничего съестного, кроме четырех небольших картофелин и пары червивых яблок. Единственное, что было в огромных количествах, так это чай. В стеклянных и жестяных банках, в пакетиках, черный, зеленый, фруктовый, лечебный… Любой экзотический сорт, который только можно было себе представить. Этот невероятный выбор, должно быть, обошелся Лоре в приличную сумму. Вероятно, чай являлся единственной роскошью, которую она себе позволяла.

— От жажды мы, во всяком случае, не умрем, — сказал Ральф. — Можем пить чай хоть до седьмого пота. Хотя, разумеется, выглядит это довольно мрачно…

— И в холодильнике мышь повесилась! — воскликнула Барбара раздраженно. — Ты знаешь, мне кажется, она относится к той категории алчных старух, которые в последние дни или недели перед отъездом питаются лишь древними остатками, чтобы не покупать ничего нового, что потом могло бы остаться! А если что-то все-таки остается, они это упаковывают и потом съедают в поезде, потому что не позволяют себе купить в ресторане даже небольшой кусок пирога!

Жена попала в самую точку, подумал Ральф; во всяком случае, ему показалось, что Лора Селли и в самом деле не располагала особыми деньгами, и с содержанием Уэстхилла ей было непросто.

— Смотри-ка, это единственное, что есть в этом постепенно оттаивающем холодильнике, — продолжала Барбара рассерженно, вынимая стеклянную литровую бутылку, заполненную на четверть молоком. — Это ведь замечательно! Теперь, кроме наших остатков сгущенного молока, у нас, по крайней мере, есть какое-то количество молока для кофе и этого проклятого чая!

— Барбара, — воскликнул Ральф; неожиданно его лицо показалось Барбаре очень усталым. — Глупость сделали мы, а не она. Нам надо было вчера купить все, что нужно. И потом, какой смысл сейчас все вокруг поносить…

— На какое время нам хватит того, что у нас есть?

Ральф пожал плечами:

— Посмотрим. Я сейчас перво-наперво займусь дровами, а ты оденься и потом собери все свечи, которые найдешь в доме. Не забудь, что в половине пятого уже стемнеет.

Барбара быстро обнаружила, что свечей в доме больше чем достаточно. Она поставила их в бесчисленные подсвечники, которые были распределены по всем помещениям. Перенесла некоторые из них в столовую и расставила на столе и на каминной полке. Столовая была меньше гостиной, и воздух в ней нагревался быстрее; поэтому ей показалось целесообразным на ближайшие дни сделать ее, помимо кухни, местом их обитания.

Через стеклянную дверь, выходившую в сад, Барбара увидела Ральфа, который с помощью лопаты прочистил в снегу узкий коридор к сараю. Она мельком взглянула на его лицо, это узкое, всегда чуть бледное лицо интеллектуала, и заметила, что оно искривилось от напряжения. Муж старался изо всех сил, но при этом было видно, что он не привык к физической работе. Барбара решила пойти в сад и помочь ему, иначе он рискует заработать себе инфаркт.

К полудню они добрались до сарая. Оба совершенно выдохлись и были на пределе своих сил. Барбара чувствовала, как по спине у нее ручьями струится пот. Так как снег шел не переставая, ее волосы были совершенно мокрые; к тому же снегопад с полным равнодушием постепенно сводил на нет их такую тяжелую работу.

— Теперь ты видишь, — спросил Ральф, тяжело дыша, — что мы ни за что не смогли бы дойти пешком до Дейл-Ли?

Барбара, с трудом переводя дыхание, облокотилась на лопату.

— Разве я что-то об этом говорила?

Она надавила на дверь, и та распахнулась. Барбара была рада, что дверь не заперта, — у нее уже не оставалось сил на то, чтобы заниматься изнурительными поисками ключа.

— Давай, — сказала она, — отнесем дрова в дом. До конца дня я и пальцем не пошевелю!

Но внутри сарая их ждал неприятный сюрприз. Дрова там были, но, очевидно, не нашлось никого, кто разрубил бы бревна длиной в половину ствола на поленья подходящего для камина размера. С тихим стоном Ральф смотрел на стоящий в ожидании чурбан для колки дров, из которого торчал огромный топор.

— Я этого еще никогда не делал. Я и в самом деле не знаю, как…

— Ты не будешь это делать, — быстро сказала Барбара, — ты не имеешь представления, что это такое, и если ты при этом получишь травму, мы не сможем вызвать врача. Я слышала историю от одного мужчины, который при рубке задел топором ногу.

Он рассерженно посмотрел на нее.

— Может, тогда скажешь, что делать? *Ты* будешь рубить дрова?

— Нет. Я в этом также ничего не понимаю. Но не хочу, чтобы это делал ты. Дом отапливался неделями. Правда, помещения на первом этаже довольно холодные, но не ледяные. Если мы тепло оденемся и укутаемся в одеяла, то наверняка не замерзнем.

— Барбара, все это может продолжаться неделю, и тогда довольно быстро здесь станет очень неуютно. Не говоря уже о том, что без огня мы не сможем сделать ни кофе, ни чай, а никаких других напитков у нас просто нет. Мы ничего не сможем сделать ни с яйцами, ни с картофелем. Мне не остается ничего иного, как только попробовать.

Ральф подтащил к чурбану самый маленький ствол и положил на колоду, вытащив из нее топор. Барбара отступила на пару шагов назад. Она едва могла наблюдать за всем этим. Ральф прекрасный юрист, но на удивление непрактичный человек и вряд ли способен даже забить гвоздь в стену. Видеть его здесь, в этом мрачном сарае, с топором в руке и с напряженно-решительным выражением лица, было настолько абсурдно, что можно было только закрыть глаза.

Он размахнулся — слишком робко, подумала Барбара, слишком слабо, — и она задержала дыхание. Последовал громкий треск, и когда она опять посмотрела на происходящее, то увидела, что ствол

пролетел через весь сарай и целехонький лежал теперь в углу, в то время как топор снова торчал в колоде. Ральф с озлобленным выражением лица снова пытался его вытащить.

— Подожди, нам, наверное, надо… — начала Барбара.

Тот повернулся, и в его глазах блеснула злость, которая заставила ее замолчать.

— Будь так любезна, оставь меня одного! Ты думаешь, что мне нужен зритель на этом постыдном представлении, которое я здесь устроил? Я, должно быть, произвожу на тебя смешное впечатление, не так ли? Ты, наверное, предпочла бы иметь в качестве мужа *мужчину*, а не болвана за письменным столом!

— Единственное, что в данный момент производит на меня смешное впечатление, так это твои речи, которыми ты разразился! Неужели ты на полном серьезе считаешь, что достоинство мужчины для меня заключается в его способности разрубить дурацкое бревно?

Его лицо, которое до этого раскраснелось от холода, сейчас стало смертельно бледным.

— При случае, — сказал он тихим, но резким голосом, — ты, может быть, расскажешь мне, что именно считаешь достоинством мужчины. При определенных обстоятельствах, возможно, у меня будет тогда шанс, и когда-нибудь… — Он запнулся.

— Что? — спросила Барбара.

— И когда-нибудь ты вернешься в мою постель. А сейчас иди, оставь меня одного!

Она как-то читала, что мужчины в любой жизненной ситуации думают о сексе, но не могла этого постичь.

— Ты действительно считаешь, что это подходящий момент, чтобы…

— Это подходящий момент, чтобы оставить меня в покое и поискать себе какое-нибудь занятие, — прикрикнул он на нее.

Без лишних слов Барбара повернулась и вышла из сарая, при этом так хлопнув дверью, что с крыши сползла шапка снега. Пусть делает что хочет! Отрубит себе ногу, вывихнет руку или заработает инфаркт… Не ее вина, что их накрыл этот снежный коллапс. Ей нужно просто не обращать внимания на его дурное настроение. Мир между ними сейчас невозможен, разве что они станут избегать друг друга. Возможно, это было худшее из того, что могло случиться с ними — и

то, что их вместе занесло снегом, и то, что они целиком и полностью, в одном доме, были вынуждены терпеть друг друга, к тому же еще дрожа от холода и испытывая нарастающий голод.

Барбара на секунду остановилась в вихре метели на узенькой тропинке, которую они расчистили совместными усилиями. Ей было еще жарко — от работы и от ярости. Она взглянула на дом. Массивные стены из темных, неправильной формы известняковых глыб. Обрамленные белым деревом стрельчатые окна создавали впечатление милого, уютного жилища. Между двумя окнами на втором этаже Барбара обнаружила остатки деревянной решетки — очевидно, шпалеры для дикого винограда. В былые времена дом — или по меньшей мере его тыльная сторона — зарос им до самой крыши. Здесь, за домом, был большой сад. Барбара вспомнила, что накануне в сумеречном свете видела каменную стену, которая теперь полностью исчезла под снегом.

Внезапно перед ее глазами возникла картина теплого летнего вечера; дети, играющие в саду между фруктовыми деревьями, молодая женщина, сидящая на стене и теребящая пальцами растущий между камнями мох… Она сидела с закрытыми глазами и наслаждалась легким дуновением теплого ветра, ласкающего ее лицо. Дом был полон голосов и жизни, и не существовало больше молчания и одиночества старой женщины, которая была слишком алчна, чтобы, уезжая, оставлять какие-то запасы, и которую никто не ждал, когда она возвращалась. Дом имел свою историю, и Барбара была уверена, что когда-то эта история выглядела более привлекательно, чем сегодня.

«Или, возможно, даже местами еще хуже», — пробормотала она.

Картина летнего вечера исчезла. Опять шел снег, тяжелые темные облака низко висели над бесконечными снежными полями. 24 декабря. А они застряли здесь, у них почти нет еды, и Ральф оказался в критической ситуации, потому что не умеет рубить дрова и, похоже, чувствует свою бесполезность как мужчина. У него было такое страдальческое выражение лица…

Барбара покачала головой, словно могла таким образом освободиться от этой картины.

«Счастливого Рождества», — подумала она.

Среда, 25 декабря 1996 года

«…многочисленные поселки и отдельные усадьбы полностью отрезаны от внешнего мира», — объявил диктор равнодушным голосом, завершая передачу новостей. Лора, сидевшая за завтраком перед тарелкой с яичницей-глазуньей, к которой она так и не притронулась, встала и выключила радио, как только раздались первые звуки песни «Тихая ночь, святая ночь». Ей было не до Рождества. Ее мучило серьезное беспокойство.

На сей раз она была почти благодарна своей сестре Марджори за ее чрезвычайно прагматичный подход к жизни. В маленькой квартире мало что указывало на то, что сегодня 25 декабря. На подоконнике стояла обгоревшая наполовину свеча в форме рождественской елки; рядом, на картонной тарелке, лежало рождественское печенье, которое испекла и привезла с собой Лора. Не было никаких праздничных украшений.

«Это стоит денег, — любила говорить Марджори. — И для чего мне нужно тратить силы и устраивать здесь эту ярмарку с шарами и еловыми ветками? Только для того, чтобы через пару недель все это снова убрать? И мир от этого не станет лучше!»

В предыдущие годы Лора всегда огорчалась из-за таких взглядов своей сестры, не находя при этом ни одного убедительного контраргумента. При разумном подходе Марджори была права: рождественские украшения стоили приличных денег, требовали определенных усилий и ничего не меняли в общем удручающем состоянии мира. Но они на некоторое время приносили немного блеска и тепла, а это, как считала Лора, иногда просто необходимо, чтобы обрести силы для повседневной жизни.

Она знала, что у Марджори еще в ранней юности сформировался этот строгий, жесткий характер, а в дальнейшем к нему еще добавилось постоянное брюзжание. Она была младшей из сестер, но рядом с большеглазой робкой Лорой всегда казалась старшей. Лора отдавала должное Марджори, когда та длительное время ухаживала за их отцом, вплоть до самой его смерти, что совершенно выбило ее из сил. После этого она гнала прочь любого мужчину, который

отваживался к ней приблизиться, а на это и без того решались лишь немногие. Потом переехала в этот ужасный многоквартирный дом недалеко от Чатема, в котором живет уже 30 лет и унылость которого даже самого жизнерадостного человека постепенно довела бы до депрессии. Лора никогда не понимала, почему Марджори приняла решение в пользу этого страшного серого бетонного монстра. В Кенте было так много милых деревушек, в которых сестра могла бы снять небольшой коттедж и жить вполне комфортно. Но поскольку во всех ее решениях главенствующую роль всегда играли только практические соображения, она выбрала себе этот «муравейник», который, как отвратительный гнойник, уродовал окружающий ландшафт, прежде всего потому, что располагался в нескольких минутах от фирмы, на которой она до недавних пор работала. Это была небольшая фабрика по производству картонных тарелок, стаканчиков и бумажных салфеток.

В квартире было три комнаты, кухня, ванная и небольшой балкон, выходивший на север, куда никогда не заглядывало солнце. Лору не удивляло, что Марджори все больше впадала в уныние. У большинства людей, которые встречались ей на лестничной клетке, были угрюмые лица.

Но сейчас Лора была слишком занята своими заботами и проблемами, чтобы предаваться размышлениям о Марджори. Со вчерашнего дня она, как завороженная, следила за всеми новостями, передаваемыми по радио и телевидению. Снежный коллапс в Северной Англии везде был главной темой. По телевидению показывали снимки, сделанные с вертолетов: создавалось впечатление, что они приземлялись где-то на Северном полюсе. Бесконечные снежные пространства с одинокими темными точками — домами и деревнями.

Лора, которая с колотящимся сердцем, не отрываясь, следила за этим, задавалась вопросом, что являлось причиной этого ощущения угрозы, которое постоянно в ней росло? Она чувствовала себя негодяйкой, в минуту опасности бросившей на произвол судьбы самое дорогое. Уэстхилл. Что может случиться с домом? Уже больше ста лет стоял он в целости и сохранности и вынес все, что приносили с собой большие и малые катастрофы. А может быть, она видела опасность не для *дома*? Возможно, опасность грозила людям, которые сейчас там

находились? Эта молодая женщина с холодными пытливыми глазами…

Лора глубоко вздохнула, пытаясь припомнить последние снежные коллапсы, происходившие у них на севере. Их было несколько. Самый ужасный случился вскоре после войны, в 1947 году. Тогда Аделина, прежняя экономка, была уже тяжело больна, и ей постоянно требовались обезболивающие медикаменты. Фрэнсис боялась, что закончатся содержащие морфин препараты, прежде чем растает снег и врач опять сможет к ним добраться. Но снегопад вовремя прекратился, и стали работать снегоуборочные машины, которые расчистили дорогу до фермы. Это был первый и единственный раз, когда Лора видела Фрэнсис в таком нервозном состоянии.

— На мой взгляд, современные дети слишком избалованы, — с недовольством сказала Марджори, незаметно вошедшая в кухню. На ней был старый изношенный халат синего цвета, который носила еще их мать, и потертые меховые тапочки на ногах. Волосы были еще не расчесаны. Она выглядела старше своих шестидесяти семи лет. Кожа вокруг рта была дряблой и морщинистой.

Лора, погруженная в свои воспоминания, вздрогнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Мальчишке из квартиры надо мной, очевидно, подарили на Рождество велосипед, — объяснила Марджори. — Он катается на нем внизу возле дома. Велосипед со всеми прибамбасами. Для молодых людей все должно быть самым лучшим! При этом отец не работает, и вся семья живет на пособие… — Она подошла к окну и посмотрела вниз, чтобы еще раз увидеть всю непостижимость происходящего. С неприязнью наблюдая за мальчиком, поняла, что худощавый, с важным выражением лица подросток действительно счастлив.

— В Йоркшире, похоже, действительно все серьезно, — сказала Лора подавленно. — Этот снегопад…

— Здесь редко бывает снег, — возразила Марджори, все еще глядя вниз. — Скоро начнется дождь.

— Может быть, нам тогда пойти прогуляться? Немного размяться…

— Ты можешь пойти, если хочешь. У меня нет желания. — Марджори отвернулась от окна, подошла к столу и тяжело опустилась на стул. Потом, без какого-либо перехода, продолжила: — Н-да, они

перевернут тебе весь дом, эти твои постояльцы. Надеюсь, ты хорошо спрятала свои любовные письма! — Она злобно рассмеялась, зная, что Лора никогда в жизни не получила ни одного любовного письма.

Лора побледнела.

— Думаешь, они действительно будут шарить по дому?

Марджори взяла чайник, налила себе чаю и, обнаружив, что он остыл, скривила лицо.

— Понятия не имею. Но что им еще делать?

— Это невероятно, — воскликнула Барбара. Она сидела за небольшим секретером в гостиной с пачкой бумаг на коленях, которые только что вынула из ящика. — С тысяча девятьсот восемьдесят шестого года Лора Селли постепенно продавала этому несимпатичному Фернану Ли большие участки земли, входившие в состав фермы Уэстхилл. И что меня поражает — за смехотворные деньги!

Ральф как раз вошел в комнату с раскрасневшимися от холода щеками и в испачканной одежде. Он выглядел совершенно выдохшимся и обессиленным.

— Ты находишь это приличным — рыться в документах, которые тебя совершенно не касаются? Я считаю, ты…

— Нам нужна бумага, — перебила его Барбара, — так как иначе мы не зажжем огонь. Я искала повсюду, Ральф, и нашла одну-единственную старую газету. Журналов с телепрограммами не осталось, а книги мы, разумеется, жечь не можем. Я подумала, что, может быть, в секретере найду что-нибудь, что можно было бы использовать для растопки… Но, конечно, не эти договоры купли-продажи.

Она убрала документы назад в ящик и встала. В комнате царил ледяной холод. На Барбаре было два свитера и носки из овечьей шерсти, но она все равно мерзла. Кроме того, ее одолевало мучительное чувство голода. Накануне, в сочельник, они доели оставшиеся спагетти. Каждому досталось по небольшой порции, которая лишь ненадолго смогла утолить дикий голод. Единственным отрадным явлением в этот вечер стали полбутылки бренди, стоявшие в самом дальнем углу шкафа в столовой и, похоже, представлявшие собой весь скудный запас алкоголя отъявленной противницы

спиртного Лоры Селли. Бренди немного согрел их и придал вечеру по меньшей мере подобие праздничной атмосферы.

Наутро следующего дня каждый довольствовался куском хлеба, половиной сваренного вкрутую яйца и небольшим количеством сыра. Они решили выдержать день без еды, а вечером сварить четыре картофелины и позволить себе еще немного сыра. Но уже сейчас Барбара чувствовала себя совершенно обессилившей от голода.

Ральф, стянув с рук перчатки, сказал:

— Я нарубил еще немного дров. Так постепенно обрету навык. Кстати, опять пошел снег!

Барбара посмотрела в окно, за которым в вихре кружились хлопья снега.

— О нет! Я даже не заметила…

Когда они встали в девять часов утра — при этом никто из них не торопился вылезти из постели, чтобы съесть скудный завтрак, — их взорам открылась картина потрясающей красоты. На небе не было ни облачка. Своей холодной арктической синевой, высоким и бескрайним сводом небо напоминало огромный шар из цветного стекла. Утреннее солнце озаряло светом беспрестанно искрящуюся снежную пелену, придавая ей еще больше сверкания, блеска и розового сияния. На мгновение Ральф и Барбара забыли об урчащих животах и только молча смотрели в окно, поражаясь увиденным и воспринимая это как вознаграждение за все возникшие трудности.

— Пожалуй, еще раз поднимусь на чердак, — сказал Ральф. — Может быть, мне удастся найти немного древесной стружки… Нам бы это очень помогло.

— Она, наверное, очень педантичная хозяйка, — сказала Барбара, — одна из тех, кто регулярно наводит порядок. На чердаке только четыре картонные коробки и та самая газета. Хотела бы я, чтобы в моем кабинете когда-нибудь был такой же порядок, как здесь в кладовых!..

— У нас уже было достаточно обломов, — пробормотал Ральф. — Бог мой, как я мечтаю о нормальном отоплении!

— Тебе надо сейчас немного отдохнуть, — предложила Барбара. — Почему бы тебе не найти какую-нибудь книгу и не лечь с ней в постель? Мы пока ничего не можем поделать.

Ральф кивнул и повернулся к двери.

— Обещай мне, что не будешь рыться в ящиках. Это просто неприлично.

— Здесь все равно нет ничего, что могло бы вызывать хоть какой-то интерес, — ответила Барбара, закрывая крышку секретера. На ее взгляд, Ральф уж слишком носится с угрызениями совести, но ей не хотелось делать это предметом принципиальных дебатов. У нее вообще не было больше желания говорить с ним об их проблемах; притом что именно это должно было стать целью их поездки.

Было уже темно, когда Барбара отправилась в сарай. Ей нужны были дрова для кухонной плиты, чтобы сварить четыре смешные картофелины на ужин. От дров, которые Ральф принес днем, уже ничего не осталось, потому что Барбара после обеда использовала их для растопки камина в столовой. Она сидела почти вплотную к огню, что-то читала и даже позволила себе немного бренди. Помещение быстро нагревалось, и на фоне картины падающего снега по ту сторону окна и медленно спускающихся сумерек Барбара испытывала чувство настоящего комфорта. В какой-то момент она пошла наверх, чтобы посмотреть, как там Ральф, и нашла его крепко спящим в своей постели. В свете свечи некоторое время смотрела на его такое знакомое лицо. Он глубоко и равномерно дышал. Было в нем что-то трогательное, как бывает при виде упавшего дерева, и сам он казался необычайно ранимым. Барбара с трудом преодолела искушение наклониться и погладить его по голове. Возможно, его это разбудило бы. Ничего не произойдет, если он встанет к ужину позднее.

Барбара тихо вышла из комнаты, спустилась вниз и надела сапоги и пальто, снаряжаясь в путь к сараю. Дом скрипел и стонал — с наступлением темноты буря вновь усилилась, и ветер, завывая, стучал в окна и стены. Барбара нашла в подвале фонарь для свечи в виде старомодной керосиновой лампы. Она закрепила в нем свечу, надеясь, что буря ее не загасит. На всякий случай положила в карман пальто коробок спичек.

Сначала порывом ветра у нее из руки вырвало входную дверь, а потом она чуть было не выронила фонарь. Плотные колючие хлопья снега били ей в лицо. Дорожку, которую они с Ральфом расчистили с таким трудом, еще можно было различить, но даже здесь Барбара проваливалась в снег почти по колено. Опустив голову вниз, она

пробиралась вперед. Фонарь сильно раскачивало в разные стороны. Свеча сначала мерцала, а потом погасла, но Барбара этого не замечала, потому что ее глаза были закрыты и она передвигалась на ощупь. Дошла до двери сарая, распахнула ее и глубоко вздохнула, когда наконец оказалась под защитой стен. Ее пальто было все в снегу, и волосы, наверное, тоже. Она достала спички и снова зажгла свечу. Причудливые тени плясали на каменных стенах; по полу испуганно прошмыгнула мышь и исчезла за грудой садовых инструментов. Взгляд Барбары упал на большую плетеную корзину, стоявшую в углу. Ей показалось хорошей идеей использовать ее для транспортировки дров. Благодаря корзине она могла бы принести в дом значительно больше поленьев. Барбара поставила фонарь и стала укладывать дрова в корзину. Они были разного размера и все усыпаны щепками. Ральф и в самом деле постарался как следует, судя по внушительным запасам нарубленного. Барбара сладывала в корзину только те поленья, которые там помещались. Потом она стала оглядывать сарай в поисках какой-нибудь крышки или брезента, чтобы накрыть корзину, иначе дрова тут же промокнут и будут плохо гореть. Наконец увидела старое шерстяное одеяло, которое было сложено и лежало на полке в самом дальнем углу сарая.

Барбара осторожно маневрировала между бревнами, разного рода хламом и садовыми инструментами. Сарай был единственным местом, на которое не распространялась любовь Лоры к порядку. Наверное, она редко сюда заходила. Старая хрупкая женщина явно не колола дрова для своих каминов самостоятельно, и, разумеется, ей было не под силу содержать в порядке большой сад. Возможно, ей помогал за небольшое вознаграждение какой-нибудь парень из Дейл-Ли.

Барбара зацепилась ногой за гвоздь, торчавший из стены, и услышала звук разорвавшейся ткани на джинсах. Тихо выругалась, сделала шаг в сторону — и пол под ее левой ногой проломился. Она потеряла равновесие и упала вперед, сильно ударившись подбородком о край стола и расцарапав щеку о латунные прутья стоящей на столе сломанной клетки для хомяков. От боли и испуга Барбара вскрикнула и на некоторое время замерла, потом подняла руку и осторожно ощупала челюсть. Похоже, зуб остался цел и обошлось без переломов, но огромная гематома ей была гарантирована.

«Черт подери!» — выругалась Барбара, поднимаясь на ноги. Повернулась и увидела в полу отверстие, из-за которого упала.

Она поняла, что сломалась одна из продольных половиц — дерево сгнило. Но, кроме этого, она обнаружила, что на этом месте две доски лежали не так, как остальной пол — на твердой глине, — а покрывали выемку глубиной примерно сантиметров десять. Поэтому они не смогли выдержать вес Барбары. То, что здесь до сих пор никто не провалился, объяснялось лишь тем, что доски подгнили совсем недавно и что вообще кто-либо очень редко входил в этот сарай и еще реже рылся в его дальнем углу.

«Ну, конечно, я идиотка, которая стала первой, с кем это случилось», — пробормотала Барбара.

Пытаясь понять, случайно ли возникло это углубление или кто-то сделал его намеренно, она ощупала рукой отверстие. Без фонаря, который остался в передней части сарая, ей едва удавалось хоть что-то разглядеть. Барбара насторожилась, когда ее пальцы наткнулись на какой-то предмет. Что-то твердое и холодное… Она вытащила находку, и в ее руке оказался стальной ящичек. Когда Барбара его открыла, то увидела толстую пачку листов, белых машинописных листов с убористым текстом, примерно страниц четыреста.

Барбара сидела за кухонным столом и читала, когда Ральф спустился вниз. Она не слышала его шагов и вздрогнула, когда он неожиданно появился на кухне.

— Это ты? — Барбара встала, подошла к плите и приподняла крышку кастрюли, которая на ней стояла. — Картошка почти готова. Еще пять минут.

Ральф посмотрел на нее и наморщил лоб.

— Что с твоим лицом?

Она коснулась подбородка, но Ральф покачал головой:

— Нет, выше. На правой щеке.

Рана оказалась более серьезной, чем она думала. Барбара нащупала пальцами запекшуюся кровь.

— О! — воскликнула она.

Ральф провел рукой по своим растрепанным волосам. Его серая щетина еще больше отросла. Похоже, что сон его не освежил. Он казался невыспавшимся и явно пребывал в дурном настроении.

— Ходила за дровами и упала в сарае, — объяснила Барбара. — Мой подбородок самое позднее завтра будет сиять всеми цветами радуги. Буду выглядеть как бедная миссис Ли!

Ральф сел за стол и недоуменно посмотрел на пачку листов.

— Что это?

— Это как раз то, обо что я в буквальном смысле слова споткнулась… Ральф, это совершенно потрясающе. В высшей степени захватывающая рукопись. Она была спрятана в сарае под двумя половыми досками в стальном ящичке. Автобиографический роман Фрэнсис Грей. Женщины, которой принадлежал…

— Я знаю. Что значит — автобиографический роман? Дневник?

— Нет. Это действительно написано в форме романа. История жизни Фрэнсис Грей или по меньшей мере ее часть. Она пишет о себе в третьем лице.

— Ты это читала?

— Да. По диагонали. Но хочу прочесть все, от начала до конца.

— Но ты не должна этого делать! Эта… рукопись, или как она там называется… тебе не принадлежит!

— Ральф, женщины, которая это написала, уже нет в живых. И она не уничтожила рукопись перед смертью. Значит…

— Но она его явно основательно спрятала. Я действительно считаю, что ты не имеешь права его читать.

Барбара села за стол, аккуратно сложила разбросанные страницы.

— Я это прочту, — сказала она, — осудишь ты меня за это или нет. Я прочту эту рукопись, потому что я ее нашла и потому что она меня очень заинтересовала. Я не ждала, что ты отнесешься к этому с пониманием. Тебе нет никакого дела до людей вокруг тебя, и поэтому ты не стремишься узнать хоть что-то об истории этого старого дома.

В ответ она услышала короткий и ироничный смех.

— О, опять перед нами предстает блистательный адвокат по уголовным делам в своей лучшей форме! Всегда переходить из позиции виновного в контрнаступление — ведь это твой девиз. Твоему недалекому, ужасно скучному мужу, конечно, нет дела до людей вокруг него. В полную противоположность его отзывчивой, деятельной жене. Ты знаешь, как можно было бы назвать твои действия, Барбара? Любопытство и бестактность. Это те определения, которые тебе

наверняка не понравятся, но они точно характеризуют именно то, что ты собой представляешь!

Его голос звучал резко. Сказанные им слова были жесткими, он это знал, но хотел задеть Барбару и впервые с момента их знакомства уступил своему желанию, изменив своей традиционной манере вежливого и предупредительного общения, благодаря которой острота его фраз всегда сглаживалась. После того как чувство голода и борьба с неблагоприятными обстоятельствами в течение двух последних дней вымотали его, испытываемое им раздражение из-за всей этой дурацкой ситуации, в которую они попали, все больше росло, и он начал чувствовать сильную агрессию в отношении Барбары. Она, как и он, не могла повлиять на ситуацию, но ему была необходима отдушина за эти два дня и главным образом за прошедшие годы, в течение которых очень многое осталось невысказанным, и многие свои желания и потребности, как ему казалось, он откладывал на потом. История с найденными мемуарами привела его в ярость, потому что она была очень типична для Барбары. Этим неукротимым интересом ко всему и к каждому объяснялось ее равнодушие к *нему* и к *его* делам. Ведь мир был таким пестрым, интересным и полным разных судеб и историй! Зачем ей еще нужен рядом муж?

Она вздрогнула от его слов, но взяла себя в руки.

— Я не совсем понимаю, почему ты так разошелся. Если ты называешь себя недалеким и скучным, то это твоя проблема. Я тебя никогда таковым не воспринимала.

— Вероятно, ты уже несколько лет вообще меня не воспринимаешь. Если ты честный человек, то должна согласиться, что я представляю собой самую неинтересную часть твоей жизни. Возможно, я тебе не особенно мешаю. Я просто относительно безразличен тебе.

— Прежде чем ты погрязнешь в жалости к самому себе, может быть, все же вспомнишь, что именно я организовала эту поездку, чтобы у нас наконец появилось время поговорить? Разве это похоже на равнодушие?

Ральф сделал движение головой в сторону пачки листов.

— Мне кажется, что ты хочешь читать, а не говорить, — возразил он упрямо.

— Черт подери! — В ее глазах блеснул гнев. — Прекрати вести себя как ребенок, Ральф! Если ты хочешь поговорить — давай. Одно с другим не связано!

— Нет, связано. *Все* между собой связано, — ответил он неожиданно уставшим голосом, несмотря на несколько часов сна. — Барбара, будешь ли ты читать этот дневник…

— Это не дневник!

— Будешь ли ты читать этот дневник или нет, в конечном счете не имеет значения. Я нахожу это неправильным, но ты сама себе хозяйка и должна отдавать себе отчет в том, что делаешь. То, что меня действительно раздражает в этой истории, так это то, что и здесь опять проявился этот твой характер, твое привычное «привет, это Барбара, где бы найти и испытать что-то новенькое, волнующее и увлекательное?». Именитый адвокат с несомненным чутьем сенсационных дел. Светская львица в супершикарных шмотках, которая порхает с кинопремьеры на вручение премии или на вернисаж, а оттуда — в очередной ресторан. Женщина, которая состоит в дружеских отношениях с самыми известными журналистами страны и постоянно жаждет информации из первоисточника. И иногда совершенно забывает, что в жизни есть нечто более важное.

— Ральф, я…

— Знаешь, ты вот такая, как сидишь сейчас здесь, нравишься мне в сто раз больше, чем когда, разодетая в пух и прах, несешься на какое-нибудь мероприятие. А теперь твои волосы растрепаны ветром, и, кроме кровавой царапины на щеке, у тебя еще испачкан сажей нос, и… Нет! — Он взял ее за руку, которой она невольно попыталась вытереть нос, и крепко сжал ее. — Оставь как есть. Я боюсь, что мне не скоро вновь придется увидеть нечто подобное.

— Я тоже надеюсь, что за оставшуюся жизнь мне не придется копошиться в дровяных печах, чтобы практически из воздуха состряпать мало-мальски годную к употреблению еду… О, черт возьми! Картошка! — Она вскочила, сняла кастрюлю с плиты, подняла крышку и заглянула внутрь. — Совсем разварилась… — Почувствовала на себе его взгляд и быстро повернулась к нему. Из его глаз исчез весь гнев. — Ах, Ральф!.. Ты, наверное, мечтал совсем о другом, не так ли?

— Когда мы познакомились, ты тоже была другой.

— Я была…

— …не так красива, как сейчас, не так стройна, но я чувствовал твою теплоту, которая за это время где-то затерялась.

— Не хочу говорить о прошлом, — коротко сказала Барбара. Когда он заговаривал об этом, у нее начинала болеть голова.

— Я тоже не хочу говорить о прошлом, — согласился Ральф. — Я только хотел сказать… что иногда чувствую, что остался один наедине со своими желаниями. Порою я мечтаю о женщине, которая ждет меня, когда я возвращаюсь домой. Которая хочет знать, как прошел мой день, и которая слышит меня, если я жалуюсь, что пережил стресс, или которая время от времени признается мне, что восторгается мною, когда я рассказываю ей о каком-нибудь наиболее сложном деле, по поводу которого мне в голову пришла блестящая идея — как в нем выиграть… — Он на секунду замолчал. — То же самое я хотел бы делать и для тебя — во всяком случае, надеюсь, что это действительно то, что я хочу. Что за моей подавленностью на самом деле не кроется моя неспособность справиться с твоим успехом и твоей популярностью.

Это было его постоянное стремление быть честным с самим собой, что Барбара ценила в нем больше всего. Он никогда не пытался спрятаться от правды.

— Ты не менее успешен, чем я, — парировала она, — просто занимаешься другими делами. И тебе известно, каким ты пользуешься уважением!

— А ты — любовью и известностью.

Барбара опять села за стол, оставив плавать в воде стоявший на плите разваренный картофель.

— Ральф, это был мой выбор после окончания учебы. Ты мог бы принять точно такое же решение, поэтому я ничем не лучше тебя. Каждый из нас ориентировался по своим предпочтениям. И ты критиковал меня за мой выбор значительно чаще, чем я тебя за твой. А если быть более точной, то я тебя вообще никогда за это не осуждала.

— Я всегда считал, что ты слишком квалифицированный юрист, чтобы твое имя трепали в заголовках дешевых бульварных газет.

— Но это ведь лишь отдельный аспект, а не решающий аргумент. Важно то, что моя работа доставляет мне огромное удовольствие. Я люблю людей. Мне нравится с ними разговаривать, проникать в

глубину их души. Мне это необходимо. Например, дело Корнблюма, которое я выиграла на прошлой неделе. Конечно, у меня есть амбиции и стремление выиграть процесс, как и у любого адвоката, в том числе и у тебя. Но что меня подстегивает прежде всего, так это понимание того, с каким типом людей я имею дело. Какова его жизнь и какой она была раньше. Что привело его к тому, что он оказался в таком положении, когда ему потребовался адвокат, в частности я. Корнблюм никогда не выезжал за пределы городка, в котором служил бургомистром. Он был хорошим мальчиком, который там многого добился. Им очень гордились. Но у него самого были огромные проблемы. Он мечтал подняться еще выше, однако при этом понимал, что у него для этого не тот формат. Что он всегда останется величиной местного значения, будет проводить вечера в кругу членов стрелкового клуба, кроликозаводчиков и участников карнавального сообщества. Ему нужны были их голоса, но он их всех ненавидел. Тот факт, что у него была связь с проституткой из франкфуртского квартала «красных фонарей», на мой взгляд, в наименьшей степени как-то связан с сексуальными желаниями. Эта девушка была его отдушиной. Она придавала остроту его, как ему казалось, убогой жизни. Давала силы, позволявшие вновь, день за днем, заискивать перед добропорядочными бюргерами в родном городе. Давала уверенность в том, что он другой, что он всего лишь играет в какую-то игру… — Барбара замолчала; ее бледные щеки раскраснелись. — Ты понимаешь?

С одной стороны, Ральф понимал, с другой — нет. Что значит для нее это постоянное погружение в чужие судьбы? Он не мог понять, почему вызывало такой протест все, чего он так страстно желал.

— Мне кажется, что ты слишком раздуваешь эту историю, — сказал Ральф. — Ведь Корнблюм — это мелкий бюргер с некими противоестественными пристрастиями, которые его жена не может или не хочет удовлетворить. Поэтому он бегает к проститутке и в один прекрасный момент терпит фиаско, когда ту однажды ночью расчленяет какой-то клиент, и Корнблюм сначала попадает под подозрение, а потом и в заголовки газет. Его политическая карьера и брак рушатся. Вот и всё.

— За этим стоит целая история жизни.

Он посмотрел на нее — и неожиданно сказал:

— Я хочу, чтобы у нас были дети, пока не поздно.

Барбара провела обеими руками по лицу, и в этом ее жесте сквозили беспомощность и смирение.

— Я знаю, — ответила она, вздохнув.

Четверг, 26 декабря 1996 года

Лора проснулась в шесть часов утра и сразу поняла, что уже больше не заснет. Дождь громко барабанил по стеклам окон. На некоторое время она задумалась, не следует ли ей встать и сделать чай, чтобы хоть немного вернуть себе душевный покой, но потом решила, что это может разбудить Марджори. Ей не хотелось уже сейчас увидеть недовольное лицо своей сестры и услышать брюзжание в свой адрес. Она осталась в постели и, вздохнув, повернулась на другой бок.

Затем вспомнила, что ей приснилась Фрэнсис, хотя не могла сказать, что именно видела во сне. И как всегда, когда речь шла о Фрэнсис, у нее осталось неопределенное чувство печали и обиды. Лора не могла думать о Фрэнсис без того, чтобы эти мысли не сопровождались раздражением. Раздражением и тоской. У нее никогда не исчезнет желание вернуть те годы, которые они прожили вместе, и никогда она не освободится от того тлеющего у нее глубоко внутри гнева, с которым Лора вспоминала о своей безнадежной заботе о Фрэнсис и о ее холодной реакции на нее. Она всеми силами добивалась признания, расположения, любви и что-то из этого получала, но ей всегда недоставало той самой толики, которая причиняла боль. Фрэнсис приближалась к ней, чтобы потом в какой-то момент внезапно остановиться и дальше не двинуться с места. Настоящей дружбы она не допускала. И уж тем более не хотела брать на себя роль матери, о чем Лора так страстно мечтала. В конце концов, она была работодателем, а Лора — всего лишь служащей.

В один прекрасный момент Лора поняла, что ничего не сможет изменить, и тем больше стала добиваться того, чтобы стать незаменимой. У Фрэнсис никогда не должно быть никаких оснований, чтобы уволить ее. Она этого и не сделала, но и фраза «никто не может сделать это лучше тебя, Лора» ни разу не слетела с ее губ. Лора могла делать все, что хотела, но не получала то, о чем так сильно мечтала.

Ей вдруг вспомнился случай из поздних семидесятых. Тихий, холодный, туманный ноябрьский день. Она работала в саду в Уэстхилле: вырезала кусты роз и укрывала растения еловыми ветками от будущих морозных ночей. Изо рта шел пар, но она разогрелась от

работы, и щеки ее горели. Лора любила сад, неустанно ухаживала за ним, содержала его в идеальном порядке и знала, что может гордиться результатами.

В тот день она настолько погрузилась в работу, что даже не слышала, как подошла Фрэнсис. Лора испугалась, когда за спиной раздался ее голос.

— Даже в ноябре сад еще красив, — сказала Фрэнсис, оглядывая сад острым орлиным взглядом голубых глаз. — И так ухожен!..

Лора выпрямилась, подавив стон из-за тянущей боли в спине.

— Н-да, — сказала она скромно, хотя от гордости и счастья кровь прилила к ее щекам.

— Но он никогда не будет таким, каким был в то время, когда еще была жива моя мать, — продолжила Фрэнсис. — У нее было особое отношение к растениям. Она с ними даже разговаривала — на своем ужасном дублинском диалекте, который никто из нас не понимал. Иногда казалось, что ей достаточно всего лишь суметь уговорить какой-нибудь цветок, и он уже начинал цвести. Ее сад славился своей красотой на всю округу.

Радость погасла. Лора была уничтожена, словно кто-то пнул ее ногой. После этого в ее душе осталась глубокая рана.

«Почему ты никогда не была по-настоящему тактичной? — больше всего хотелось прокричать Лоре. — Почему я никогда не могу тебе угодить? Почему ты никогда не замечаешь, что причиняешь мне боль?»

Она что-то пробормотала и быстро отвернулась, чтобы Фрэнсис не увидела слезы в ее глазах. Это было нетрудно — скрыть печаль от Фрэнсис: она редко понимала, если кому-то было плохо.

Та рана не затянулась до сих пор… Лора встала, взяла халат и подошла к окну. Внизу горели уличные фонари, в свете которых было видно, как моросит дождь. Пол был холодным, и Лора подогнула пальцы ног.

Неожиданно вспомнила, что в тот же день к ним приходила Лилиан Ли из Дейлвью. Она просто вбежала в кухню, где Фрэнсис и Лора сидели за ужином. Фрэнсис никогда не запирала входную дверь, и Лора считала, что она поступает легкомысленно. Лицо Лилиан было белым как мел. Она прижимала ко рту носовой платок, перепачканный кровью, и истерично рыдала. Ее губа распухла, а во рту отсутствовал

один зуб. Как выяснилось, это было дело рук Фернана, которому она возразила по поводу какой-то мелочи.

— И так каждый раз, — всхлипывала Лилиан, — каждый раз… Если случается то, что ему не нравится, он полностью теряет самообладание!

— Боже мой, почему вы ему это позволяете? — спросила Фрэнсис с удивлением, в то время как Лора обрабатывала рану Лилиан чистой влажной салфеткой.

— Как же я могу этому помешать, — рыдала Лилиан, — ведь он в десять раз сильнее меня!

— На худой конец вы можете хотя бы развестись и уйти от него, — предложила Фрэнсис. — И еще при этом, конечно, получите хорошую долю.

— Я не могу от него уйти, — прошептала Лилиан.

— Почему?

— Я люблю его.

Фрэнсис потеряла дар речи, а Лора подумала, что *она* как раз может это понять. Для Фрэнсис подобные вещи были ясны и бесхитростны. Она никогда не стала бы разбираться в сложной структуре душевной зависимости, потому что всегда относилась к таким вещам с пренебрежением.

Лора была потрясена, услышав о Фернане такие страшные новости. Он вырос на ее глазах, она готовила ему его любимую еду, если он приходил к ним в гости, давала ему с собой пирог, когда он после каникул возвращался в интернат. Она любила его; он был частью ее маленького мира, в котором она всегда старалась сохранять покой. Когда Фернан вырос, он стал настолько привлекательным, что у Лоры временами возникало волнующее чувство, которое она в себе немедленно подавляла. Она была на шестнадцать лет старше его, незаметная серая мышка. Для Фернана она была всего лишь милой, заботливой Лорой, которая все еще готовит ему вкусняшки. И она никогда не станет для него чем-то бóльшим. Как и он для нее навсегда останется лишь приветливым мальчиком, а позже доброжелательным мужчиной из соседней деревни…

В тот день Фернан показал свое второе лицо, о котором Лора не имела понятия. Было ощущение, будто в идиллию воткнули ядовитую

иглу — или в олицетворение идиллии, за которое Лора так упорно держалась.

До сих пор, подумала она, до сих пор…

Лора ощутила, как ее пронизал ледяной холод, пока она стояла у окна и всматривалась в дождь. Она все же сделает себе чай, разбудит это Марджори или нет. Прекрасный горячий чай. Единственное средство от дрожи, которую вызвали воспоминания…

Была половина седьмого утра, и Барбара проснулась от чувства голода. Накануне она так и уснула с ощущением пустоты в желудке. Ей приснилось, будто она заблудилась в большом вымершем городе. Бродила между бесконечно длинными рядами домов, но нигде за черными мертвыми стеклами окон не обнаружила свет, не увидела ни одного человека, не услышала ни одного голоса. Высоко над собой, между крышами небоскребов, она разглядела узкую полоску серого, неподвижного, холодного неба. Ее мучило болезненное ощущение одиночества, но еще тяжелее было чувство голода. В том, что она оказалась совершенно одна, было что-то нереальное; голод же был реальным и ощутимым. В ее желудке постоянно возникали спазмы, и ее стала постепенно охватывать паника из-за ощущения, что она больше никогда не получит еды.

Когда Барбара проснулась, она некоторое время с облегчением осознавала, что это был всего лишь сон, но потом почувствовала боль в желудке и поняла, что сон — по меньшей мере отчасти — вполне соответствовал реальности. Вместо брошенного города она застряла в снежной пустыне, но хотя бы не была в одиночестве, рядом с ней был Ральф. Однако, несмотря на экономию, их запасы резко шли на убыль, и если ситуация в ближайшее время не изменится, они будут испытывать серьезные затруднения. Барбара подумала о завтраке, который их ожидал, — кофе, каждому по куску хлеба и одно сваренное вкрутую яйцо на двоих, — и вздохнула. За окном завывал ветер, и она видела, что идет снег. Ее кончик носа был ледяным; во всех помещениях, включая кухню и столовую, температура за ночь значительно снизилась. Стены уже давно отдали накопившееся за прошлые недели тепло. Вскоре потребуется пять одеял, чтобы можно было спать.

Барбара подумала, что ждет их в этот второй день рождественских праздников: скудный завтрак, едва годный для того, чтобы успокоить урчащий желудок; растопка камина и поддержание огня; незаменимые лопаты для снега, чтобы снова не занесло проход к сараю. Потом надо принести из сарая в дом дрова, приготовить ужин, которому соответствует поговорка «кот наплакал», помыться холодной водой, стоя при этом в еще более холодной ванне…

Барбара решила оставаться в постели как можно дольше.

Она нащупала лежащие на тумбочке спички и зажгла все восемь свечей на большом медном подсвечнике, который принесла снизу. Рядом с подсвечником лежала та самая рукопись из сарая. Барбара до сих пор так и не смогла приступить к чтению. Они с Ральфом полночи проговорили и в конце концов оба совершенно выбились из сил. Из зеркала на Барбару смотрело заостренное бледное лицо с огромными покрасневшими от усталости глазами. Она упала в постель и через секунду уснула.

Ее не мучили те же угрызения совести, что и Ральфа, но на какой-то момент у нее все же возникло своеобразное чувство, когда она взяла самую верхнюю стопку страниц. Она держала в руках что-то очень личное. Возможно, Фрэнсис Грей порою была очень откровенна в своем описании. С другой стороны, она, Барбара, в этом случае была совершенно нейтральным лицом. Если б Фрэнсис была ее матерью или бабушкой, она, возможно, воздержалась бы от того, чтобы узнать то, что не хочется знать о близких людях. Но ей казалось, будто она имеет дело с биографией клиента, будто изучает процессуальное дело.

Барбара начала читать пролог, который Фрэнсис Грей в 1980 году написала для своих мемуаров.

«Сидя за письменным столом, я смотрю на простирающиеся за окном голые поля верховых болот, над которыми завывает ледяной декабрьский ветер. Небо сплошь затянуто плотными серыми облаками. Говорят, что на Рождество выпадет снег, но вряд ли кто-то знает это наверняка. Здесь, в горах Йоркшира, никто никогда не может сказать, чего ждать. Все живут надеждой…»

Дочитав пролог до конца, она перескочила в 1907 год, когда четырнадцатилетняя Фрэнсис Грей была отчаявшейся, сердитой девочкой.

Июнь 1907 года

Она сидела на берегу Свэйла и играла галькой, которой был покрыт пляж. От прозрачной воды шла приятная прохлада, а высокие деревья вокруг создавали тень. По мосту медленно шла старая женщина. Она мельком взглянула на девочку и, тут же отвернувшись, стала тяжело подниматься вверх, в направлении города.

Ричмонд располагался высоко над рекой, и вверх вели крутые, извилистые тропинки. На самой верхней точке возвышался замок, казавшийся мрачным и тяжелым под голубым июньским небом. На улицах всегда было шумно. Слышался цокот лошадиных копыт по булыжным мостовым и грохот каретных колес. Но вниз до реки не доносилось ни единого звука. Здесь было слышно лишь журчание воды, шум ближайших перекатов и пение птиц.

Она наблюдала за ветвями ив, которые свешивались глубоко в воду и, подбрасываемые течением реки, кружились в танце. Она любила Свэйл, любила сидеть на его берегу. Здесь было как дома, на берегу реки Ур. Приходя сюда, она забывала, что находится в Ричмонде. Она могла внушить себе, что находится у себя, в Уэнсли, — если пробежать через луга, то окажешься дома.

В этот день ей не удалось уйти от реальности. Она то и дело смотрела наверх, на за́мок. И каждый раз у нее на глазах выступали слезы. Слезы ярости, разочарования и печали.

Старая женщина уже давно исчезла, и вдруг она снова увидела на мосту тень: это был Джон. Она встала, расправила юбку и вытерла глаза и нос рукавом белой накрахмаленной блузки, которую носила как школьную форму. Она должна была поскорее взять себя в руки, чтобы Джон Ли не увидел ее зареванной.

Он тоже заметил ее и пошел ей навстречу. Она давно не видела его, и ей показалось, что он стал еще выше и старше. Раньше их разница в возрасте не играла никакой роли. Но теперь этот разрыв стал заметен: Джону было двадцать, и он выглядел как молодой человек; а она в свои четырнадцать лет еще казалась маленькой девочкой.

Она подбежала к нему, и они обнялись. Прижавшись к нему, она не смогла сдержаться и снова расплакалась.

— Фрэнсис, — сказал он, — все не так плохо! Нет никаких причин, чтобы так отчаиваться!

Он чуть отодвинул ее от себя, обеспокоенно посмотрел на нее и смахнул со лба ее растрепанные черные волосы. Она попыталась прекратить плакать, стала сглатывать и давиться.

— Я ведь здесь, — сказал Джон, — теперь все будет в порядке!

Фрэнсис хотела ответить на его улыбку, но почувствовала, что ей это не удается.

— На сколько ты приехал? — спросила она.

— Увы, только до завтра, — ответил он с сожалением. — В воскресенье вечером я должен снова быть в Дейлвью. Но ведь у тебя тогда тоже начнется новая неделя…

Фрэнсис подняла руку, чтобы снова вытереть слезы, но вовремя опомнилась и достала носовой платок.

— Я знала, что ты приедешь, — сказала она.

— Если я получаю от тебя экстренную телеграмму, то всегда приезжаю, — возразил Джон. — Так что случилось?

— Я ударила одноклассницу теннисной ракеткой по голове. Ручкой теннисной ракетки. Ей пришлось зашивать рану.

— Бог мой! И зачем ты это сделала?

Фрэнсис пожала плечами.

— Для этого ведь должна быть причина, — настаивал Джон.

Фрэнсис смотрела мимо него, на реку.

— Она говорила всякие глупости…

Он вздохнул.

— Опять о твоей матери?

— Да. Она сказала: «Твоя мать — ирландская шлюха». И мне надо было это просто стерпеть?

— Конечно, нет. Но то, что ты ее ударила — тоже не выход. Ты же видишь, в итоге у тебя опять неприятности…

— Пять недель! В течение пяти недель я не смогу ездить на выходные домой! Это больше месяца!

Джон взял ее за руку.

— Пойдем, погуляем немного вдоль берега. Ты должна сначала успокоиться. Один месяц — это не так уж долго.

— Для тебя, может быть, и нет. В школе Эмили Паркер это целая вечность.

— Ты должна прекратить так ненавидеть эту школу, — сказал Джон, отодвигая в сторону ветви дерева, чтобы они могли пройти. — Попытайся же увидеть в ней что-то хорошее. Ты изучаешь много предметов и…

— Да что я там изучаю? Как вести домашнее хозяйство, готовить, вязать… Всякую дрянь! *Женственно* вести себя! Все это так…

— Это неправда. У вас есть и другие предметы: математика и литература… и ты учишься играть в теннис. Тебе ведь это нравится! — Джон усмехнулся. — Даже если ты потом иногда используешь свою теннисную ракетку в иных целях…

— Я бы больше хотела заниматься верховой ездой, чем играть в теннис. Но здесь я тоже не могу это делать!

— Ты можешь делать это по выходным дома, — быстро сказал он, когда она открыла рот для возражения. — Сейчас ты не можешь ездить домой, но это не будет продолжаться вечно.

Фрэнсис остановилась. В диком кустарнике жасмина рядом с ними жужжали пчелы. Сладко и соблазнительно пахло летом.

— Вики уехала домой, — сказала она.

— Разумеется. Она — образцовая ученица. Не думай об этом.

— Она на два года моложе, но меня постоянно этим попрекают. «Бери пример с твоей младшей сестры, Фрэнсис!» Я не знаю, как это получается, — сказала Фрэнсис и невольно посмотрела вниз, на синюю юбку длиной до щиколотки, белую блузку, в которой едва можно было пошевелить головой — таким высоким и жестким был воротник. — Но Вики даже в этой отвратительной форме выглядит смазливой!

— Ты тоже выглядишь очень симпатичной, — утешил ее Джон.

Фрэнсис знала, что это не так. Такой милой и хорошенькой, как маленькая Виктория, она никогда не была, но между тем никогда себя с ней не сравнивала. За последние полгода она порядочно выросла, при этом была тощей, как жердь от забора, и казалось, что в ее теле не было ничего, что хотя бы приближенно свидетельствовало о пропорциональности. Ее волосы, которые раньше не доставляли ей никаких хлопот, теперь свисали прядями, так что с недавних пор Фрэнсис была вынуждена их подкалывать, считая при этом, что ее голова теперь напоминает яйцо. Она также не любила свои светлые,

стального цвета глаза. Цвет глаз Вики напоминал темный янтарь. За такие глаза Фрэнсис отдала бы целое состояние.

— Ты снял комнату здесь, в Ричмонде? — спросила она, чтобы отвлечься от мыслей о своей внешности. Это занятие чрезвычайно удручало ее.

— Да. А ты думала, я буду спать в машине? — Семья Ли относилась к немногим семьям, которые, как было известно Фрэнсис, являлись достаточно состоятельными, чтобы иметь автомобиль.

— Можно я приду к тебе сегодня ночью? — спросила она. — У меня нет никакого желания возвращаться в школу!

— Послушай, так не пойдет, — ответил Джон быстро. — Ты только еще больше осложнишь свое положение. Как ты думаешь, сколько неприятностей у тебя будет *потом*? Не говоря уже, — добавил он, — о проблемах, которые возникнут *у меня*, даже если я всю ночь проведу сидя в кресле.

— Я ведь не скажу, что была у тебя!

— А что ты тогда скажешь? — Он остановился перед ней, взял ее за руки и серьезно посмотрел на нее. — Фрэнсис, послушай меня. Я знаю, ты считаешь эту ситуацию ужасной. Ты чувствуешь себя подавленной, и тебе кажется, что ты словно в тюрьме. И ты человек, который это с трудом выносит. Но тебе необходимо это выдержать. Осталось еще три года. Ты должна стиснуть зубы и сделать это!

Она глубоко вздохнула. Три года представились ей вечностью.

— У меня начинается учеба в университете, — объяснил Джон, — это тоже несладко. Но необходимо.

— Университет! — воскликнула она с горечью в голосе. — Чувствуешь разницу?

— Какую разницу?

— Разницу между мною и тобой. Между мужчинами и женщинами. У тебя все это имеет смысл. Твои школьные годы были тоже не самыми лучшими, но ты знал, для чего все это делаешь. Чтобы потом пойти учиться в университет. Чтобы добиться в жизни лучшего. Чтобы понять свои способности и научиться их правильно применять.

— У тебя так же.

— Нет! — закричала Фрэнсис с негодованием. — Нет, не так! Я должна пройти здесь все! Но зачем? Я не смогу пойти в университет.

Вряд ли найдутся университеты, где принимают женщин. Мой отец рассвирепел бы, если бы я явилась к нему с такой идеей.

— Но ты все равно найдешь свой путь, — успокоил ее Джон.

Он, казалось, был удивлен. У Фрэнсис создалось впечатление, что он не имел представления, с какими проблемами она столкнулась. Пару раз она делала намеки, но он их не понял. Или не принял всерьез, подумала она с горечью…

— Да, возможно, я найду свой путь, — согласилась Фрэнсис, — но потом будут новые проблемы. Мне станут чинить препятствия в выборе профессии. В конечном счете каждый ждет от меня, что я выйду замуж и рожу кучу детей!

— А ты себе не можешь это представить?

Она отвернулась и пошла дальше, пробормотав:

— Не знаю. Я совсем не знаю, что мне представлять.

Джон шел за ней следом, потом взял за плечо и повернул к себе.

— Я буду рад, если ты через три года после окончания школы вернешься в Дейл-Ли, — сказал он. Его взгляд был наполнен любовью. — Действительно буду очень рад. Пожалуйста, помни об этом.

Это было обещанием будущего, Фрэнсис прочитала это в его глазах. Но она спрашивала себя, почему ей, несмотря на это, не стало ни капли легче.

Май 1910 года

Никто не мог припомнить такой жаркий май, как в 1910 году. На юге Англии, как писали газеты, жара была почти невыносимой, и особенно страдали и жаловались жители Лондона. На улицах выставлялись бочки с водой, чтобы прохожие могли освежиться. Сезон отпусков еще не начался, но состоятельные люди уже сбежали в свои загородные имения.

В Йоркшире всегда было прохладнее, чем в южных графствах, но этот май даже там отличался необычно жаркой и сухой погодой. День за днем солнце палило с безоблачного голубого неба. Крестьяне уже пророчили длительную засуху и плохой урожай. Но их опасения казались необоснованными. В апреле шли обильные дожди, и луга покрылись свежей густой зеленью. Овцы жадно щипали траву, будто не могли насытиться. И, глядя на них, казалось, что уже ощущаешь великолепный пряный запах сыра, приготовленного из их молока. Еще более знаменитым, чем овечий сыр, был, правда, сыр из коровьего молока под названием «Уэнслидейл», который любят во всей Англии.

Фрэнсис Грей этой весной была беспокойна как никогда. В марте ей исполнилось семнадцать лет, она чувствовала себя взрослой, но у нее было ощущение, что относительно скоро должно произойти какое-то крупное событие, которое послужит началом вступления во взрослую жизнь. При этом она не знала, что это будет за событие. Ей лишь казалось, что до сих пор в ее жизни ничего не происходило и что в дальнейшем все будет не таким однообразным.

В начале апреля она наконец распрощалась с ненавистной школой Эмили Паркер в Ричмонде и в первые недели свободы думала, что никогда больше в ее жизни не будет ничего плохого, что все печали остались позади. До самого окончания школы Фрэнсис ее ненавидела. Она выросла на ферме Уэстхилл, в зеленом, холмистом Уэнслидейле, бегала летом босиком, скакала на лошади без седла и уздечки, сидела по-турецки на кухонном столе и слушала истории, которые ей рассказывала бабушка. Ей казалось невыносимым быть заключенной в мрачном доме в городе, спать в комнате еще с девятью девочками и при этом молчать, потому что все разговоры были запрещены. Во

время прогулок они ходили парами друг за другом, им нельзя было бегать — только на уроках физкультуры, — запрещалось громко смеяться и рассказывать непристойные анекдоты, которые Фрэнсис слышала от рабочих на ферме. Однажды мисс Паркер, директор школы, застала ее сидящей на кровати скрестив ноги. Она была вне себя от ярости, назвала Фрэнсис распутной и испорченной и предрекла ей плохой конец, так как дама, которая не *всегда* смыкает ноги, провоцирует мужчин на определенные мысли, за которыми в худшем случае следуют даже действия. Мисс Паркер была возмущена, пожалуй, даже больше, чем в том инциденте с теннисной ракеткой. При этом во всей школе не было ни одного человека мужского пола и, соответственно, никого, у кого могли бы возникнуть такие опасные мысли. Фрэнсис не очень интересовало, какое мнение имеет о ней старая Паркер, но поскольку за плохим поведением неизбежно следовал запрет на поездку домой в выходные дни, она в конце концов все-таки постаралась в определенной степени вести себя подобающим образом. В итоге получила на удивление хороший аттестат зрелости. Все, о чем она тогда думала, заключалось в следующем: «Все! Все закончилось! Теперь я наконец буду жить!»

После всех этих лет мучительной тоски по дому Уэстхилл должен был бы стать для нее раем. Но что-то изменилось, и прошло несколько недель, прежде чем Фрэнсис поняла, что это *она* стала другой. За прошедшие годы детство незаметно попрощалось с ней. Незаметно, потому что в своей тоске и печали она оберегала его как сокровище и никогда не думала о том, что оно когда-то закончится. Фрэнсис больше не была той босоногой девочкой, которая заслушивалась историями своей бабушки и скакала галопом на лошади. Она была в замешательстве, осознавая, что не успела подготовиться к тому периоду жизни, в который ей предстояло вступить.

Май с его небывалой жарой, казалось, был единственным серьезным предзнаменованием, и беспокойство Фрэнсис еще больше возросло.

— Я думаю о том, что будет со мной дальше, — сказала она однажды утром матери. Была пятница, шестое мая, дата, которую ей в дальнейшем придется вспоминать по многим причинам. — Я ведь не могу все время сидеть дома и ничего не делать!

Ее мать, Морин Грей, как раз искала в своей комнате ноты для фортепиано; с минуты на минуту должна была прийти ее преподавательница по музыке, и она хотела до этого еще раз сыграть заданные произведения.

— Дорогая, все устроится, — сказала мать чуть рассеянно, — почему бы тебе просто не наслаждаться летом?

— Каким же образом? Здесь абсолютно ничего не происходит! Каждый день одно и то же!

— Но, когда еще училась в Ричмонде, ты постоянно говорила, как тебе не хватает Уэстхилла и жизни здесь. По выходным ты жаловалась, что вынуждена учиться и не можешь делать то, что тебе хотелось бы. Теперь ты можешь. Ты хотела, в конце концов, снова лежать на цветущем лугу и смотреть в небо, ты…

— Мама, но я не могу заниматься этим весь день, — прервала ее Фрэнсис раздраженным голосом. — Это просто… я не могу продолжать то, что уже закончила. Мне больше не двенадцать! Мне семнадцать!

Морин вынырнула из шкафа и пригладила волосы. Ей вскоре должно было исполниться 37 лет, и у нее уже было четверо детей, один из которых не прожил и нескольких недель, но выглядела она как юная девушка. Фрэнсис, у которой, как и у ее отца, был кельтский тип внешности, завидовала матери из-за ее медово-золотистых волос и янтарных глаз. Все краски на лице и теле Морин заключали в себе золотистый оттенок, были теплыми, мягкими и гармоничными. У Фрэнсис же, напротив, — холодными и жесткими. Ни малейшего розоватого оттенка, который смягчал бы белизну ее кожи, ни одной светлой пряди на волосах интенсивного черного цвета. В школе мисс Паркер девочки сказали, что у нее интересная внешность. Слово «симпатичная» не звучало никогда.

— Через неделю у Ли состоится Праздник весны, — сказала Морин. — Тебя это не радует?

— Радует, конечно. Но я же не могу бегать с одного праздника на другой. Разве в этом смысл жизни?

— Фрэнсис, пройдет еще немного времени, и один из местных молодых людей попросит твоей руки. Ты выйдешь замуж, у тебя появятся дети, ты станешь вести домашнее хозяйство. И будешь злиться, что испортила себе это прекрасное лето бесплодными

мечтаниями, вместо того чтобы по-настоящему им наслаждаться. Если у тебя на самом деле будет собственная семья, ты больше не будешь иметь так много свободного времени.

— Я еще слишком молода, чтобы выходить замуж и иметь детей.

— Мне тоже было семнадцать, когда появился мой первый ребенок.

— В твое время все было по-другому. Да и *ты* была другой. Я сейчас просто не могу представить себе, чтобы я решилась выйти замуж за человека, с которым потом проживу всю свою жизнь!

Морин вздохнула. Фрэнсис знала, что, по мнению матери, подобные разговоры ни к чему не приведут. Она была убеждена, что Фрэнсис однажды влюбится, резко поменяет свое мнение о детях и браке и будет сама удивляться, почему она так долго была всем недовольна.

— А как у вас с Джоном Ли? — осторожно спросила мать. — Вы ведь с детских лет практически обручены. — Она улыбнулась, и эта ее улыбка разозлила Фрэнсис.

— Ах, мама, когда это было… уже давным-давно. Он меня больше об этом не спрашивает.

— Наверное, ты постоянно делаешь такое недовольное лицо, что он не осмеливается, — предположила Морин. Тут она вздрогнула — с улицы раздался сигнал клаксона. — О господи, это уже приехала мисс Мэйнард, а я все еще не нашла ноты!.. Беги вниз и скажи ей, чтобы шла в гостиную. Я сейчас приду.

Мисс Мэйнард, преподавательница по музыке, была известна своим бестактным поведением. Фрэнсис знала, что сегодня она была в мрачном настроении, и не удивилась, когда мисс Мэйнард сразу же сделала ей замечание.

— Кто же тебе насолил? — спросила она. — Душевные страдания?

— Нет, — ответила Фрэнсис рассерженно. У нее всегда возникал вопрос: почему люди, глядя на молодую девушку, не в состоянии предположить, что у нее могут быть и иные проблемы, кроме душевных страданий?

— У меня есть кое-что, что исправит твое настроение! — заявила мисс Мэйнард и стала рыться в своей сумке. Она извлекла из нее конверт и помахала им перед носом Фрэнсис. — Я иду как раз от Ли.

Старая мисс Ли недавно внушила себе, что она непременно должна играть на фортепиано… Джон Ли попросил меня передать тебе это письмо. — И вложила письмо в руку Фрэнсис.

— Разве Джон дома? — удивленно спросила та. Джон учился в Кембридже и редко приезжал домой.

— Его отец неважно себя чувствует, — объяснила мисс Мэйнард. — Я не знаю, в чем там дело, но в любом случае Джон приехал домой из-за него.

Должно быть, что-то серьезное, предположила Фрэнсис. Джон приехал из Кембриджа в Дейл-Ли явно не из-за простуды отца.

— Письмо заклеено, — констатировала мисс Мэйнард, подмигнув. — Ты можешь проверить. Конечно, меня так и подмывало узнать, что в нем, но по дороге нигде не нашлось водяного пара! — Она громко рассмеялась и прошла мимо Фрэнсис в дом, откуда сразу донеслось: — Морин! Привет, Морин! Это я, Дороти!

Фрэнсис закатила глаза и стала размышлять, куда бы ей скрыться, чтобы спокойно прочитать письмо. После ее возвращения из Ричмонда она видела Джона лишь однажды, мельком, на Пасху во время богослужения. Вокруг них было много народу, и им удалось перекинуться разве что парой слов.

Девушка огляделась. Как всегда, когда она лицезрела ферму Уэстхилл и окружающий ее ландшафт, в ней пробудилось чувство умиротворенности и благодарности за то, что она здесь живет. Кругом, насколько хватало глаз, простирались зеленые холмистые луга, вдали — пасущиеся коровы и овцы, отдельные островки небольших темных пролесков; кое-где ручьи, петляющие вокруг горы. Пастбища вдоль и поперек пересекались низкими, неровными и косыми каменными стенами, поросшими мхом и мелкими лиловыми цветами. Широкая полевая тропа вела от дома вниз, по склону, к извилистой проселочной дороге, по которой в одном направлении можно было попасть в Дейл-Ли и дальше в Аскригг, а в другом — в Дейлвью, в поместье Ли. Семейству Ли уже на протяжении нескольких поколений принадлежала вся земля в окрестностях, за исключением относительно скромного участка земли, который занимала ферма Уэстхилл. В течение минимум двухсот лет каждое поколение Ли всякий раз пыталось завладеть землей Уэстхилла. Но им это не удавалось, и в том

числе Чарльз Грей, отец Фрэнсис, отклонял любое заманчивое предложение старого Артура Ли без малейших колебаний.

Фрэнсис обошла дом и через небольшую калитку вошла в сад. Все здесь цвело и разрасталось не случайно. Каждый цветок, каждый куст, каждое дерево Морин сажала тщательно и обдуманно. Здесь можно было прогуляться вдоль плантаций шиповника и гигантских кустов рододендронов, помечтать в тени фруктовых деревьев или под меланхолично свисающими ветвями плакучей ивы. Еще всего несколько недель — и зацветут розы, а весь сад покроется розовыми и лиловыми цветами фуксий.

С тех пор как Фрэнсис себя помнила, она была постоянным свидетелем ставшего привычным зрелища: мать, стоящая на коленях где-нибудь между кустами и деревьями и копошащаяся в земле. Однажды она сказала, что это в ее характере — преодолевать проблемы и заботы повседневной жизни. «Если я чувствую между пальцами землю, если вижу, что раскрывается новый бутон, если вдыхаю аромат роз, то все мои заботы так быстро растворяются в воздухе, что я даже забываю, что именно так удручало меня еще минуту назад!»

Фрэнсис сумела обойти это пристрастие матери, так как терпеть не могла ползать на коленях и с болью в пояснице бороться с сорняками. Тем не менее она понимала мать, потому что так или иначе земля давала ей столько же силы, что и Морин.

Она села на окрашенную в белый цвет скамейку под одним из вишневых деревьев и открыла письмо. Ей на колени упала открытка, в которой Джон своим округлым почерком написал ей следующее:

«Дорогая Фрэнсис, мне очень надо сегодня после обеда поговорить с тобой. Давай поедем на лошадях! Я заеду за тобой около пяти».

— Интересно, что он хочет, — пробормотала Фрэнсис. Тут она подняла голову и, увидев свою сестру Викторию, которая шла к ней по дорожке сада, вовремя успела спрятать весточку от Джона в карман юбки.

— Привет, Фрэнсис! А я тебя ищу… Что ты здесь сидишь? — крикнула она.

— А почему ты вообще здесь? — спросила Фрэнсис. — С каких это пор в школе мисс Паркер так рано отпускают на выходные? В мое

время, видит бог, было по-другому…

— В школе обнаружили коклюш, — объяснила Виктория, — и нас как минимум на две недели отправили по домам!

— Что же мне так не повезло! — сказала Фрэнсис завистливо. — У нас никогда не было ни коклюша, ни чего-то подобного… Надеюсь, ты не успела заразиться?

— Я тоже надеюсь. Как же это хорошо — неожиданно получить каникулы!

— Безусловно, — согласилась Фрэнсис, но при этом была совершенно уверена, что этот неожиданный подарок для Виктории означает далеко не то же самое, чем это раньше было бы для нее, Фрэнсис. Виктория с удовольствием училась в школе мисс Паркер. Она любила похихикать с другими девочками, обожала чопорную школьную форму, в которой Фрэнсис всегда чувствовала себя как арестантка. Она не была особенно хорошей ученицей, но зато преуспела в пении и рукоделии. Мисс Паркер называла ее «одна из моих любимиц» и предоставляла ей множество привилегий. Фрэнсис всегда могла прочитать мысли старой директрисы по ее лицу: «Как это только возможно, чтобы две сестры были такими разными?»

И тот, кто увидел бы их сейчас, сказал бы то же самое. В свои почти пятнадцать лет Виктория выглядела как прелестная кукла. В ней не было ни капли той бесформенности, от которой в этом возрасте страдала Фрэнсис. Она была очень похожа на свою мать. У нее был тот же золотистый оттенок кожи, волос и глаз, очаровательная улыбка и такой же бархатистый голос. Она всегда была милой и хорошенькой, каждый ее баловал и исполнял любую ее прихоть. Будучи еще крошечным, розовым, пухленьким карапузом, она приводила людей в восторг. Каждому хотелось ее подержать на руках, погладить и прижать к себе. Фрэнсис, которой исполнилось два года, когда родилась Виктория, была достаточно смышленой и разумной девочкой, чтобы суметь это заметить и наблюдать за всем происходящим с болезненной ревностью. Позднее Морин рассказывала ей, что она была совсем другим ребенком: пугающе худым, но очень выносливым и с огромным желанием научиться всему быстрее и раньше других детей. Хватать, ползать, ходить — всем этим она овладела очень рано и училась этому с твердой решимостью, до тех пор пока у нее не стало получаться.

Морин никогда не говорила ей об этом открыто, но Фрэнсис и без того было понятно, что люди не восторгались ею так, как Викторией. Их отец дал младшей дочери имя глубоко почитаемой им королевы, и только позднее Фрэнсис пришла в голову мысль о том, почему не *ее*, как дочь, родившуюся первой, крестили этим именем. Но, вероятно, при виде худого ребенка со слишком светлыми голубыми глазами, которого Морин произвела на свет в марте 1893 года, ему такая мысль даже в голову не пришла. И только очаровательную толстощекую малышку, которую ему два года спустя положили на руки, он счел достойной того, чтобы она носила имя великой правительницы.

В этот майский день на Виктории было синее, достающее до щиколотки платье-матроска и голубой бант в длинных темно-русых волосах, которые блестели на солнце, как мед, и слегка завивались.

Еще два-три года, подумала Фрэнсис, и мужчины из-за нее разобьют здесь дверь своими лбами!

— Джордж, кстати, тоже приехал, — сказала Виктория, — пять минут тому назад, из Уэнсли, на наемном экипаже.

— Джордж? А что случилось? — Их брат учился в Итонском колледже и приезжал домой только на каникулы.

— Он кого-то привез.

— Друга?

— Какую-то женщину! — ответила Виктория. — Приятная, но какая-то странная.

Женщина… Это было интересно. Из всех людей на свете Фрэнсис больше всех любила и восхищалась Джорджем, своим старшим братом. К тому же он был единственным человеком, к которому она относилась практически без критики.

Джордж был привлекательным, умным, деликатным, обаятельным… она могла бы наградить его бесконечным множеством льстивых характеристик. В этом году он заканчивал учебу в Итоне. Если брат во время своей подготовки к экзаменам приехал в Йоркшир, наверняка не больше чем на один или два дня, да еще и привез с собой какую-то даму, Фрэнсис могла предположить, зачем. Он хотел представить девушку семье. Вероятно, тут нечто серьезное…

— Почему ты сразу об этом не сказала? — спросила она, встав. — Где они сейчас? Я хочу поздороваться с Джорджем!

«И посмотреть на эту женщину», — подумала она.

Джордж стоял перед домом, с трудом защищаясь от двухгодовалой дворняги Молли, которая радостно бегала перед ним и с громким лаем то и дело прыгала на него, выражая свой восторг от его приезда. Казалось, что она понимала, что обязана своей жизнью Джорджу. Два года тому назад темным, холодным осенним вечером он нашел на обочине дороги полуживой комок. У него были каникулы, и в течение этих двух недель Джордж постоянно вставал каждую ночь, чтобы дать крохе молоко и яичный желток. Когда ему надо было уезжать, произошло душераздирающее прощание, и теперь, с его возвращением, Молли от счастья потеряла рассудок.

— Джордж! — крикнула Фрэнсис еще издалека, потом подбежала к нему и бросилась в его объятия. Закрыла глаза. От него так хорошо пахло! К нему было так приятно прикоснуться…

Она слышала, как Джордж рассмеялся, нежно и тихо.

— Иногда я не знаю, кто больше рад меня видеть — ты или Молли. В любом случае, мне это очень льстит.

Фрэнсис отступила на один шаг и посмотрела на него.

— Ты надолго?

Он с сожалением покачал головой.

— Я, собственно говоря, вообще не должен был уезжать. Мне нужно каждую минуту зубрить. Но…

Не договорив, он посмотрел куда-то в сторону, и Фрэнсис, последовав за его взглядом, увидела молодую женщину, стоявшую облокотившись на автомобиль мисс Мейнард. Та направилась к ним.

— Элис, позволь представить тебе мою сестру Фрэнсис, — сказал Джордж. — Фрэнсис, это мисс Элис Чэпмен.

— Добрый день, Фрэнсис, — ответила Элис. У нее был глубокий, теплый голос. — Я много о вас слышала. Рада с вами познакомиться.

Фрэнсис нерешительно протянула Элис руку.

— Добрый день.

Они оценивающе посмотрели друг на друга. Фрэнсис подумала, что Виктория права; Элис действительно симпатичная. У нее были тонкие, правильные черты лица, темно-зеленые глаза, красиво изогнутый нос. Волосы цвета меди она зачесывала строго назад. Элис была невысокой и грациозной и источала почти осязаемую энергию. От нее исходила какая-то необычайная сила.

— Знаешь, Джордж, — сказала Элис, — пожалуй, ты должен сначала один пройти в дом и подготовить твою маму к моему появлению. А я пока немного осмотрюсь здесь, на улице. Может быть, твоя сестра будет так любезна и составит мне компанию?

— Мы можем пойти в сад, — предложила Фрэнсис.

Джордж кивнул.

— Хорошо. Очевидно, у моей матери сейчас урок музыки. Тогда мы увидимся позже.

Он улыбнулся Элис, и Фрэнсис увидела в его глазах обожание. У нее возникло ощущение, что из них двоих он был более влюбленным и уступчивым. Элис Чэпмен держала его на коротком поводке.

Виктория исчезла — во всяком случае, ее нигде не было видно. Элис села на каменную стенку в конце сада. Уэстхилл располагался на холме, и отсюда, сверху, открывался великолепный вид на раскинувшиеся на другой стороне долины стойла и дома рабочих с ферм, принадлежавших Уэстхиллу.

Элис огляделась и глубоко вздохнула.

— Как хорошо побыть на природе… Поездка на поезде была бесконечной. В Уэнсли, или как называется это место, Джордж нанял экипаж. — Она улыбнулась. — Какая здесь идиллия!

— Иногда и здесь бывает скучно, — ответила Фрэнсис, сев рядом с Элис. — Откуда вы знаете моего брата?

— Мы познакомились с ним во время демонстрации. Н-да, это мягко сказано… Скорее тогда была настоящая битва. — Она рассмеялась. — Вы выглядите совершенно растерянной, Фрэнсис! Я думаю, вы как раз пытаетесь представить себе вашего брата в качестве участника демонстрации… Однако можете быть совершенно спокойны. Он не имеет к этому никакого отношения. Мы проникли на занятия в Итон и развернули там наши плакаты. Возникла порядочная суматоха.

— Кто это *мы*?

— ЖСПС. Вы ведь наверняка об этом что-то слышали?

Конечно, Фрэнсис слышала о ЖСПС — Женском социально-политическом союзе. Это была партия борцов за права женщин под руководством Эммелин и Кристабель Панкхёрст, которые выступали за предоставление женщинам избирательных прав с помощью радикальных средств. О них много говорили, чаще всего с негативным

оттенком. Многие мужчины насмехались над ними, используя довольно грубые слова: «мужеподобные бабы», «неудовлетворенные шлюхи», «мерзкие вороны» и «бедные сумасшедшие».

Фрэнсис не могла до конца понять подобное поведение мужчин; как будто возникала угроза того, что рухнет империя, если женщины получат избирательное право. «В следующий раз пусть еще мой пес принимает решение о политической судьбе Англии!» — возмущался недавно старый Артур Ли на каком-то общественном мероприятии, и при этом сам зарычал, как разозленная собака. Все присутствующие засмеялись и зааплодировали, в том числе и женщины. Фрэнсис знала, что даже ее отец, хоть и являлся приверженцем партии тори[3], по своим взглядам был либералом и противостоял суфражисткам, как их называли в соответствии с преследуемой ими целью — добиться избирательного права[4].

«Политика не женское дело», — говорил он всегда. Морин никогда не высказывалась по данному поводу, и Фрэнсис расценивала это как молчаливое согласие, но все-таки решила как-нибудь спросить об этом мать с глазу на глаз.

— Я еще никогда не встречала никого, кто являлся бы членом ЖСПС, — сказала она.

— Думаю, ваши родители придают большое значение тому, с кем вы общаетесь, — сказала Элис язвительно, — и суфражетки вряд ли входят в круг одобряемых ими лиц.

— Мои родители придают также большое значение тому, с кем общается Джордж.

— Да, я полагаю. Тогда вряд ли они будут в восторге, когда он представит меня им.

Фрэнсис тоже этого опасалась. Она была крайне удивлена, что Джордж влюбился в эту девушку. Элис была привлекательна и наверняка неглупа, но Фрэнсис не могла представить себе, чтобы у брата не возникали серьезные сомнения в отношении ее убеждений.

— Джордж… — начала она осторожно, и Элис снова рассмеялась.

— Я знаю. Он вообще не согласен с тем, что я делаю. Вероятно, он надеется, что я смогу образумиться, когда повзрослею, но я почти уверена, что он на ложном пути. Может быть, как раз *он* станет разумным.

— Он хочет на вас жениться? — спросила Фрэнсис с любопытством.

Элис замялась.

— Да, — ответила она наконец, — он хотел бы. Только вот не знаю, хочу ли этого *я*.

Пока Фрэнсис размышляла над непостижимостью этого заявления — женщина, которая не испытывает счастья от того, что Джордж Грей хочет на ней жениться! — Элис покопалась в своей сумке и достала плоскую коричневую коробку, из которой вынула сигарету.

— Вы будете? — спросила она.

Фрэнсис, конечно, никогда не курила и знала, что дама в любом случае не должна этого делать. Но чтобы не показаться маленькой девочкой, невозмутимо пробормотала:

— Да, с удовольствием.

Она поперхнулась при первой же затяжке и какое-то время боролась с сильным приступом кашля. Элис терпеливо подождала, пока кашель пройдет, и потом констатировала:

— Это ваша первая сигарета, не так ли?

Так как не было смысла это отрицать, Фрэнсис кивнула и вытерла слезы с глаз.

— Да. Я еще ни разу не пробовала.

Она ожидала услышать насмешливое замечание, но Элис лишь серьезно на нее посмотрела.

— Сколько вам лет? — спросила она.

— Семнадцать, — ответила Фрэнсис и осторожно сделала вторую затяжку. Ощущение было омерзительным, но на этот раз она хотя бы не закашлялась.

— Семнадцать, понятно… Мне двадцать, немногим больше, чем вам, но я уже многое испытала. Мне кажется, что вы тоже этого хотели бы. Вы производите впечатление девочки, которую от всего оберегают и которая очень бы хотела узнать, что такое настоящая жизнь. Или вы просто хотели бы делать то, чего от вас ждут? Выйти замуж, родить детей, иметь гостеприимный дом и устраивать чаепития в дамском кругу.

— Я… не знаю… — ответила Фрэнсис, чуть торопливо продолжая курить. Вдруг ей неожиданно стало очень плохо, и она не

могла сконцентрироваться на словах Элис. Появилась тошнота, в желудке возникли спазмы, и стало рябить перед глазами.

«О нет, — подумала она в ужасе. — Меня сейчас вырвет. На глазах у чужого человека!»

— Вы должны как-нибудь приехать ко мне в Лондон, — продолжала меж тем Элис. — Я могла бы познакомить вас с некоторыми очень интересными людьми…

Фрэнсис соскользнула со стены. Ей казалось, что она едва может передвигаться на своих дрожащих ногах. Издалека она слышала голос Элис: «Фрэнсис! Что с вами? Вы совсем бледная!»

Сильные руки крепко схватили ее за талию. Так плохо ей не было еще ни разу в жизни. У нее начались рвотные позывы.

— Боже мой, это моя вина, — воскликнула Элис, — я не должна была давать вам сигарету!

Фрэнсис наклонилась над густым кустом папоротника, и ее вырвало всем ее завтраком.

Джон Ли не приехал. Ни в пять часов, как он сообщал в своем письме, ни в шесть; не появился он и в половине седьмого.

— Уже действительно пора купить телефон, — рассерженно сказала Фрэнсис матери. — Тогда я могла бы, по крайней мере, позвонить Джону. Я надеюсь, что он припасет убедительное оправдание своему поведению.

— Наверняка, — согласилась Морин.

Она выглядела напряженной. За час до этого Джордж объявил ей и отцу, что намерен жениться на мисс Чэпмен. Чарльз Грей захотел больше узнать о молодой женщине, и при этом выяснилось, что она является членом ЖСПС. Чарльз так рассвирепел, что даже Морин с трудом удалось его успокоить.

— Но зачем ты об этом сказал? — спросила Фрэнсис брата, когда тот сообщил ей о разговоре с родителями; выглядел он при этом совершенно подавленным.

Джордж обреченно пожал плечами.

— Иначе это сказала бы *она.* Когда-нибудь, сегодня или завтра, отец все равно спросил бы, чем она занимается.

— И тогда она сказала бы правду?

Джордж засмеялся, но его смех был безрадостным.

— Можешь быть уверена! Благородная сдержанность, к сожалению, не присуща Элис. Она бы на все лады расписывала ему их идеалы и постаралась бы убедить его в необходимости за них бороться. Ты можешь себе вообразить, как бы они схватились!

Так что он принял на себя весь гнев отца. Чарльз в конечном счете категорически заявил, что он не потерпит в своем доме «эту особу». Только благодаря Морин, владеющей искусством убеждения, наконец согласился до отъезда пары принять у себя в Уэстхилле Элис Чэпмен.

Морин, которая как раз накрывала в столовой стол к ужину, отвлеклась на минуту от своих мрачных мыслей о будущем сына и неожиданных проблемах и пристально посмотрела на Фрэнсис.

— Ты грустишь, потому что Джон не приехал? — спросила она. — И почему ты такая бледная? Что-то плохо выглядишь…

Фрэнсис еще не отошла от действия сигареты.

— Мне действительно неважно, — сказала она, — но это не имеет никакого отношения к Джону. Он мне довольно безразличен, честно говоря. Однако я думаю, что я не буду ужинать.

— Садись с нами и попробуй все же что-то съесть. Вечер и без того не задался, да еще ты хандришь… Боже мой, неужели Джордж не мог найти себе какую-нибудь другую девушку?

Постепенно собрались все члены семьи. Во главе стола сидел Чарльз Грей. Он, как обычно, появился к ужину в темном костюме, светло-сером жилете и с шелковым галстуком. Чарльз утратил статус, который принадлежал ему с рождения, но тем более старался придерживаться определенных традиций. К ним относились элегантная одежда, свечи по вечерам и семья в полном составе из числа присутствующих. Он очень переживал, что смог предоставить в распоряжение Морин только одну-единственную помощницу по ведению хозяйства в доме — энергичную Аделину. На другой прислуге он вынужден был экономить, поскольку хотел, чтобы его дети учились в престижных школах.

На другом конце стола сидела мать Морин — Кейт Лэнси. На Кейт было длинное черное платье в пол, черный чепчик на седых волосах и в качестве единственного украшения — тонкая золотая цепочка с крестиком. Это была невысокая, тощая как жердь особа, и казалось, что при малейшем дуновении ветра она упадет. В действительности же Кейт была более крепкой и здоровой, чем все остальные члены семьи,

вместе взятые. Она была закалена долгими, суровыми годами в трущобах Дублина, которые провела вместе со своим постепенно спивающимся мужем и в ежедневной тяжелой борьбе за то, чтобы спасти себя и своего ребенка от голода. Бабушка Кейт много сделала, чтобы не допустить больше никаких потрясений в своей жизни.

Джордж и Элис вернулись с прогулки. Джордж пребывал в подавленном состоянии, а Элис находилась в прекрасном расположении духа. Она нарвала цветов и отдала их Морин. Появилась Виктория; со своими красными щеками, светлыми волосами и горящими глазами она была красива, как на картинке. Ее вид вызвал мимолетную улыбку у хранившего ледяное молчание Чарльза. Она была его явной любимицей. Виктория была копией Морин и еще ни разу не доставила ему хлопот.

Атмосфера была напряженной и неестественной. Чарльз смотрел перед собой и не говорил ни слова. Фрэнсис ковырялась в своей еде, не попробовав до сих пор ни крошки, и тоже молчала. У Джорджа был такой вид, словно ему больше всего хотелось выйти из комнаты. Даже Виктория безмолвствовала; она заметила, что что-то не так, но не знала причину и не хотела впасть в немилость из-за неловкого замечания.

— Еда превосходная, — сказала наконец Элис. — Кого следует за это похвалить — кухарку или вас, миссис Грей?

— К сожалению, я не могу претендовать на эту славу, — возразила Морин, стараясь придать фразе веселый оттенок. — Она принадлежит Кейт. Сегодня готовила она.

— Я восхищаюсь вами, миссис Лэнси, — воскликнула Элис. — Я лично вообще не умею готовить, у меня нет никакой кулинарной сноровки.

— Этому можно научиться, — ответила Кейт. — Всего лишь вопрос навыка.

Чарльз поднял голову.

— Мне кажется, мисс Чэпмен ни малейшим образом не заинтересована в том, чтобы научиться готовить, Кейт. Это может вступить в противоречие с ее принципами. По ее мнению, женщинам в конечном счете место не на кухне, а на избирательных участках.

— Чарльз! — предостерегающе бросила Морин.

— Отец! — прошипел Джордж. Виктория сделала большие глаза.

Элис одарила Чарльза любезной улыбкой.

— Я не думаю, что кухня и избирательные участки исключают друг друга, — парировала она. — Или вы можете привести мне убедительный довод, мистер Грей?

— Кто-нибудь хочет еще овощей? — спросила Морин поспешно.

Никто не ответил. Все в упор смотрели на Чарльза.

— Женщина, мисс Чэпмен, — проговорил он медленно, — если говорить о ее сути и ее предрасположенности, думает *не* политически. Поэтому она не в состоянии понять структуру, цели и позиции партии. Она отдает свой голос на основании неопределенных эмоций и совершенно иррациональных идей. Я считаю это чрезвычайно опасным — отдавать политическое будущее страны, пусть даже наполовину, в руки людей, которые не имеют ни малейшего представления, о чем вообще идет речь!

Фрэнсис видела, что у Джорджа перехватило дыхание. Слова Чарльза представляли собой невыносимую провокацию для Элис. Но она хорошо владела собой.

— Сколько политических дискуссий с женщинами вы уже провели, мистер Грей? — спросила она. — Должно быть, немало, так как вы с такой уверенностью отказываете женщинам в отсутствии какого бы то ни было политического сознания.

— Я еще не вел никаких политических дискуссий ни с одной женщиной! — возразил Чарльз резко. — И поэтому знаю, что…

— Это зависело от женщин или от вас? Я имею в виду, вы ни разу не встретили женщину, которая была бы готова или заинтересована говорить с вами о политике, или *вы* всякий раз не были к этому готовы?

В глазах Чарльза появилось опасное мерцание. Те, кто его знал, были осведомлены о том, что он должен приложить усилия, чтобы остаться вежливым.

— Не думаю, — сказал он подчеркнуто спокойно, — что эта казуистика нам что-то даст.

— А я полагаю, что именно в этом заключается суть дела, — сказала Элис. — Женщины не дискутируют с мужчинами о политике, так как те ни секунды не станут их слушать. Женщины в таких вопросах хранят молчание, потому что для них не имеет смысла высказывать свое мнение. На основании этого делать заключение о

неспособности женщин заниматься политикой и уж тем более выражать разумные мысли по общим проблемам я нахожу, мягко говоря, отвратительным. — Ее лицо оставалось неизменно дружелюбным, но в голосе послышались резкие нотки.

Чарльз отложил нож с вилкой.

— Я думаю, никто не будет возражать, если вы покинете этот дом, мисс Чэпмен, — сказал он.

— Вы так боитесь нас, суфражеток, что даже не можете выдержать разговор о наших требованиях? — язвительно спросила Элис и встала.

Джордж бросил салфетку на тарелку.

— Если она уйдет, то я тоже уйду, отец, — произнес он с угрозой в голосе.

Чарльз кивнул.

— Конечно. Кто-то ведь должен, в конце концов, отвезти ее на вокзал в Уэнсли.

Джордж вскочил. Он был белым как мел.

— Если я сейчас уйду, то не вернусь.

— Джордж! — крикнула Фрэнсис испуганно.

Чарльз молчал и лишь непрерывно смотрел на сына. Джордж чуть подождал и сказал дрожащим от возмущения и волнения голосом:

— Я от тебя этого не ожидал, отец. Именно от тебя! Ты должен понимать, что я чувствую. После того, как твой собственный отец порвал с тобой отношения, потому что ты с матерью…

Теперь вскочил Чарльз. В какой-то момент казалось, что он хочет ударить Джорджа по лицу.

— Вон! — крикнул он. — Вон! И никогда не смей больше сравнивать мать с этой… этой несносной суфражеткой, с этим ничтожеством… Это ведь ни мужчина, ни женщина, а нечто среднее между ними!

Джордж схватил Элис за руку.

— Пошли скорее отсюда, пока я не дошел до состояния, когда не знаешь, что творишь!

Он потянул ее к двери, где они едва не столкнулись с Джоном Ли, который как раз вошел в дом и теперь удивленно наблюдал за происходящим. На нем были сапоги для верховой езды. Он часто дышал.

— Добрый вечер, — сказал он. — Извините, что я…

— Мы как раз собрались уходить, — ответил Джордж и слегка подтолкнул Элис к двери.

Чарльз все еще стоял возле своего стула; руки его дрожали.

— Добрый вечер, мистер Ли, — сказал он, стараясь взять себя в руки.

— Джон Ли! — воскликнула Фрэнсис язвительно. — А я тебя уже не ждала!

Джон мельком взглянул на нее. Она заметила, что его лицо было бледным, и он казался очень взволнованным.

— Что случилось? — спросила она.

— Не хотите ли вы к нам присоединиться? — спросила Морин. — Я принесу прибор…

— Нет, спасибо, — отказался Джон. — Я должен сейчас же ехать. Только хотел вам… Вы, наверное, еще не знаете?

— О чем? — спросил Чарльз.

— Нам позвонили родственники из Лондона, — сказал Джон. — Его величество король умер сегодня вечером.

Все посмотрели друг на друга, шокированные и испуганные.

— О нет, — тихо произнесла Морин.

— Плохая новость, — пробормотал Чарльз, — очень плохая… — Казалось, что он внезапно сильно ослабел и сразу стал выглядеть более старым и седым.

— Я должен возвращаться домой, — сказал Джон, — отец очень болен и ужасно взволнован. Фрэнсис… извини, что не получилось с сегодняшней прогулкой!

— Ничего. Раз уж такие обстоятельства…

Морин встала.

— Я провожу вас до двери, мистер Ли, — предложила она. — Мы вам очень признательны, что вы специально приехали.

Фрэнсис знала, что мать прежде всего рассчитывала на то, что на улице она увидит Джорджа и Элис и сможет с ними поговорить. Как бы Морин ни сожалела о смерти короля, значительно важнее для нее в этот вечер была ссора между мужем и сыном.

После того как Морин и Джон вышли, в комнате воцарилась полная тишина. Наконец Чарльз тихо сказал:

— Король умер… Эра завершилась.

Он посмотрел в окно, за которым спустился теплый вечер. В его голове пронеслась мысль о том, что времена драматически меняются. Король Эдуард представлял собой последнюю связь с той Англией, в которой вырос Чарльз Грей, которая его сформировала и олицетворяла его мировоззрение. Во времена прогрессирующей либерализации, волнений, классовой борьбы, оглушительной критики устоявшихся традиций король Эдуард все еще был частью викторианской эпохи, воплощал ее ценности и идеалы. Вместе с ним умерла эпоха. И то, что придет ей на смену, представлялось сомнительным и опасным.

Чарльз взял свой бокал. Его руки все еще дрожали.

— Боже, храни Англию, — сказал он.

Фрэнсис потребовалось немало времени, чтобы действительно понять, что ее семья не такая, как другие семьи, и почему это именно так. Когда она была ребенком, мир, в котором она выросла, был для нее таким близким и притягательным, что она ничего в нем не подвергала сомнению. У них было не так много денег, как у Ли или у людей, которые часто бывали в Дейлвью. Но всегда были в достатке еда и хорошая одежда; был большой старый дом, в котором все себя чувствовали комфортно и надежно. Фрэнсис относилась к миссис Ли с определенным почтением, поскольку та носила прекрасные платья, сшитые по последней моде и сплошь украшенные рюшами, кружевами и бантами. Каждое утро служанка очень тщательно причесывала ее. Миссис Ли говорила тихим голосом, постоянно сидела в салоне своего дома с чашкой чая или с рукоделием и управляла целым штатом слуг со всей строгостью и жесткостью, на которую никто не счел бы способной эту мягкую даму с нежным голосочком. Она часто страдала мигренью или по иным причинам чувствовала себя неважно, и тогда никто в доме не смел произнести ни единого громкого слова — все вынуждены были ходить на цыпочках и беззвучно открывать и закрывать двери.

Для Фрэнсис, выросшей в доме, в котором по лестнице вверх и вниз и по саду постоянно бегали трое детей, это было совершенно непривычно, и если сначала она находила миссис Ли со всеми ее болячками действительно элегантной дамой, то в дальнейшем опять стала отдавать предпочтение собственной матери. Морин никогда не болела, насколько могли помнить ее дети, и никогда не сидела в

гостиной с бледным лицом и чашкой чая в руке. Одежда, которую она носила, была значительно скромнее той, которую предпочитала миссис Ли, и она сама подкалывала по утрам волосы. Работая в любимом саду, она часто пела своим сильным, чуть хриплым голосом ирландские народные песни. Она мало что запрещала своим детям; кроме того, в таких случаях ей недоставало какой бы то ни было настойчивости, и она немедленно отменяла свои запреты, как только дети начинали на нее наседать.

Джон Ли, единственный сын в поместье Дейлвью, напротив, вел очень регламентированную жизнь, не имел права на то или на это, и каждое «нет», сказанное его матерью, было для него нерушимым законом. В какой-то момент у Фрэнсис пропало малейшее желание поменяться с ним местами. Тем не менее она любила бывать у него. Несмотря на разделявшие их шесть лет, было время, когда они много играли друг с другом. Фрэнсис благоговела перед Джоном, и когда ему иногда становилось скучно проводить время с маленькой девочкой, у него не было выбора: с Джорджем Греем они не особенно находили общий язык, а с детьми из Дейл-Ли или с сыновьями батраков ему общаться, разумеется, не разрешали. Но однажды Фрэнсис стала свидетельницей разговора между мистером и миссис Ли и впервые узнала, что ее здесь никак не рассматривают как девочку, соответствующую их социальному происхождению.

Ей было тогда восемь лет. Джон уже учился в интернате, и у него как раз начались каникулы. Она захотела сразу навестить его, но у него не было времени, и после того, как они обменялись парой вежливых фраз, Джон отправил ее домой. Фрэнсис по привычке осторожно спустилась вниз по лестнице, поскольку никогда нельзя было знать наверняка, не спит ли в это время миссис Ли или не мучает ли ее именно сейчас головная боль. Проходя мимо салона, дверь которого была чуть приоткрыта, Фрэнсис услышала свое имя. Раздираемая любопытством, она остановилась.

— Я действительно считаю, что маленькая Фрэнсис бывает здесь слишком часто, — сказала миссис Ли. Как всегда, ее голос звучал мягко, но в нем слышался недовольный оттенок. — Мы должны ограничить ее визиты, Артур.

— Но ведь это только на время каникул! Потом…

— Каникулы длинные.

— Но как же я могу это сделать? — спросил Артур. — Я не могу сказать внучке лорда Грея…

— Ты не должен рассматривать Фрэнсис непосредственно как его внучку. В конце концов, он полностью дистанцировался от семьи этого сына.

— Но Фрэнсис все же остается его внучкой. Ведь она не какая-нибудь простая крестьянская девчонка или что-то в этом роде!

Чашка с чаем слегка зазвенела. Миссис Ли поставила ее чуть более резко, чем обычно.

— Она *наполовину* крестьянская девчонка, Артур, и мы должны это четко осознавать. Боже мой, я никогда не пойму, как Чарльз Грей мог настолько потерять самообладание, что женился на этой мелкой ирландской бабенке! Что он нашел в этой особе, спрашиваю я себя…

Артур Ли, которого бесконечные головные боли его жены уже давно привели в объятия и в постель пышной блондинки из Хэйвза — половина графства знала об этом, а позднее узнала и Фрэнсис, — прекрасно осознавал причины, по которым Чарльз Грей закрутил роман с чувственной, жизнерадостной Морин Лэнси из Дублина, хотя и он не мог понять, почему Чарльз не пошел по тому же пути, что и он сам, как это было принято в самых высоких кругах: в их краях в жены выбирали девушку из аристократической семьи и с безупречной репутацией, но для особых потребностей, которые время от времени возникали у мужа и которые только шокировали бы его супругу, параллельно заводилась ничего не значащая любовная интрижка. Девушки из низших кругов служили исключительно для любовных утех, но на них никогда не женились. Чарльз Грей поступил вполне порядочно, но в глазах ему равных он выглядел просто болваном.

Артуру было явно неловко.

— Сложная ситуация. Я не могу просто пойти к Чарльзу Грею и сказать ему, что его дети не должны больше общаться с моим сыном!

— Так прямо мы, конечно, не можем сказать, но можем постепенно все больше и больше ограничивать контакт, используя разные отговорки, пока они наконец не поймут. И они поймут. — В ее голосе звучала неуступчивость, чем она поражала многих людей, которые сначала ее недооценивали. Возникло даже ощущение враждебности, когда она добавила: — Из-за этого мезальянса Грей всю

свою жизнь будет испытывать неприятные последствия. Мы и наша семья, Артур, не обязаны облегчать ему жизнь.

— Конечно, дорогая, — ответил тот подавленно, и последовавший за этим звон кубиков льда, упавших в стакан, свидетельствовал о том, что после этого разговора ему требуется что-то выпить.

Фрэнсис спустилась вниз по лестнице и всю дорогу до самого дома бежала. Один раз она упала и рассадила себе до крови колено, но быстро поднялась на ноги, не обращая внимания на боль. Вбежала в дом — и сразу позвала мать.

Она нашла родителей в гостиной. Те сидели, держась за руки, у окна и смотрели друг на друга. Свет вечернего солнца широкой ярко-красной полосой падал через стекла и освещал лицо Чарльза. Фрэнсис, такая маленькая и неопытная, уловила выражение его глаз. Он смотрел на свою жену взглядом, исполненным нежности и преданности.

— Мама! — Она не знала, что кровь с ее разбитой коленки просочилась через ткань платья и что на ее щеках остались следы земли. — Мама, я больше никогда не смогу играть с Джоном?

Морин и Чарльз вздрогнули и в упор посмотрели на дочь. У матери вырвался испуганный возглас.

— Что с тобой? У тебя совершенно грязное лицо! А это что? Кровь?

— Я упала. Это ничего. Мама, миссис Ли сказала, что Джон не будет больше играть со мной. Потому что я наполовину крестьянская девочка. И что она не понимает, почему папа на тебе женился!

— Она сказала это *тебе*? — спросил Чарльз недоверчиво.

Фрэнсис, осознавая свою вину, опустила голову. Она знала, что подслушивать нельзя.

— Я слышала, как она сказала это мистеру Ли.

— Это невероятно! — Лицо Чарльза покраснело от гнева. Быстрыми шагами он направился к двери. — Я сейчас же найду Артура и скажу ему, *что* о нем думаю!

— Нет, Чарльз! — Морин тронула его за плечо. — Ты ничего этим не изменишь. Мы знаем, что все люди подобного сорта говорят о нас. Нам вообще не следует обращать на это никакого внимания.

— Я не хочу, чтобы от этого страдали дети!

— Они будут с этим сталкиваться, и ты не сможешь этому воспрепятствовать. — Морин погладила Фрэнсис по волосам. —

Единственное, что мы можем сделать, это дать им достаточно самоуверенности, чтобы они всегда могли гордиться собой и своей семьей.

Морин было тринадцать лет, когда ее мать распрощалась с Дублином и переехала с ней в Англию. Кейт Лэнси давно приняла на себя роль кормилицы семьи, так как ее муж потерял работу. А когда он периодически все же находил какое-то место, то самое позднее через два дня опять вылетал с работы из-за постоянного пьянства. Кейт с утра до вечера пропадала в больнице, где работала санитаркой, а по выходным подрабатывала кухаркой в состоятельных семьях, которым требовалась помощница для обслуживания больших ужинов.

Тем не менее, насколько помнила Морин, денег все равно никогда не хватало. Семья Лэнси жила в маленькой сырой квартире в трущобах Дублина, в унылом квартале, состоявшем из покрытых лужами и мусором улиц и рядов однообразных серых домов. В большинстве квартир было всего две комнаты, иногда еще крошечная кухня, но в основном готовили в жилой комнате. В таких небольших помещениях часто проживали семьи из шести-семи человек, и по сравнению с ними Лэнси, которых было всего трое, жили еще неплохо. У родителей имелась отдельная спальня — маленькая комнатка с косым полом, выходившая окнами на север; в ней никогда не было по-настоящему светло. По ночам гостиная была в распоряжении Морин, и она устраивала себе постель на просиженном диване. Иногда она чувствовала себя одиноко, и ей хотелось, чтобы у нее были братья и сестры, но Кейт сразу отклоняла любую связанную с этим просьбу.

— Самой большой ошибкой в моей жизни было то, что я вышла замуж за твоего отца, — говорила она, — но я определенно не собираюсь усугублять эту ошибку, рожая одного ребенка за другим. Ты можешь мне сказать, чем мы все будем питаться? Кроме того, у нас здесь и так не развернуться!

Кейт всегда презрительно отзывалась о соседях, которые размножались «словно кролики» и, по ее мнению, тем самым только ухудшали свое жалкое состояние. Она сама держала своего мужа на почтительном расстоянии, но Дэн Лэнси и без того часто являлся домой изрядно пьяным. В редких случаях, когда он был трезв и чувствовал в себе достаточную силу, чтобы осчастливить свою супругу

в сексуальном плане, она так резко отвергала его, что он испуганно ретировался. Отец был слабым и добродушным человеком, полностью зависимым от своей пагубной привычки и ни в малейшей степени не способным заботиться о семье, но он никогда не был груб ни с Кейт, ни с Морин. Именно это было причиной того, что Кейт так долго его терпела. Она знала, что происходило в семьях соседей, и ей было очевидно, что ее Дэн был не самым худшим вариантом.

По ночам она часто лежала без сна — ей не давали спать бесконечные заботы. Надо было оплачивать жилье, покупать продукты и дрова для печки. Морин выросла из своей одежды, а ее обувь износилась, и на зиму ей нужны были новые ботинки. А рядом с ней спал основательно напившийся Дэн…

Уже ранним утром он шел в паб и возвращался домой только к вечеру. Разумеется, ему нужны были деньги на изрядное количество спиртного. От жены Дэн не получал ничего, и она следила за тем, чтобы в квартире никогда не было денег, которыми он мог бы воспользоваться. Но Дэн брал все, что плохо лежало, и относил к торговцам, от которых не получал и половины той стоимости, в которую эти предметы когда-то оценивались. Однако на один день в пабе этого всегда хватало.

Однажды холодным ноябрьским утром он исчез с зимними сапогами, которые Кейт купила для Морин, сэкономив ради них на еде; она дополнительно брала ночные дежурства в больнице, чтобы скопить денег. Дэн получил за сапоги немалую сумму, которая позволила ему корчить из себя богача и по очереди угощать своих приятелей в пабе. Кейт узнала об этом вечером от своих соседей. Она не сказала ни слова, но ранним утром следующего дня уже стояла у дивана Морин, одетая и с сумкой в руке.

— Вставай и одевайся, — приказала она. — Мы уходим.

Заспанная и дрожащая от холода Морин собрала свои вещи и оделась, слыша, как в соседней комнате храпит ее отец.

— Куда мы пойдем? Что будет с отцом?

— Теперь мы будем жить самостоятельно, — сказала Кейт, — потому что от *него* можно ждать лишь одни неприятности. Пусть он поймет, как справляться одному.

Морин плакала два дня и две ночи напролет — ведь, несмотря ни на что, она очень любила отца и беспокоилась за него. Но так и не

отважилась больше ничего сказать, поскольку на лице матери застыло выражение такой яростной решимости, что она знала — любые споры будут абсолютно бессмысленны.

Из последних денег Кейт оплатила поездку на корабле из Ирландии в Англию. 22 ноября 1886 года они прибыли в Холихед, а оттуда — в Шеффилд и далее в Халл, где Кейт нашла место на суконной фабрике. Здесь ей пришлось работать не менее тяжело, чем до этого в Дублине, но, по крайней мере, теперь не было больше никого, кто постоянно пытался присвоить себе часть ее денег или имущества. Она смогла снять относительно приличную комнату для себя и Морин и даже устроить дочь в небольшую школу для детей рабочих, что было большой редкостью и где преподавали только самое необходимое. Морин оказалась старательной, честолюбивой ученицей. Она буквально глотала книгу за книгой, что попадали ей в руки, и Кейт, поддерживавшая жажду знаний своей дочери, как только могла, часто отказывалась в течение нескольких дней от обеда, чтобы только купить новую книгу. Морин, таким образом, получила знания, значительно превосходившие уровень, который приличествовал девочке ее происхождения.

Это было прекрасное время, когда день ото дня крепли отношения между Кейт и Морин. Для Морин ее мать была самой сильной женщиной мира, прагматичной, целеустремленной, жесткой и решительной в осуществлении того, что она однажды задумала. Кейт ни разу не позволила себе оглянуться назад и размышлять о прошедших днях, часах, событиях. Лишь крайне редко она позволяла оживать своим воспоминаниям; тогда рассказывала дочери о своей юности в маленькой деревушке недалеко от Лимерика, на самом западе Ирландии, там, где земля была покрыта зеленью и влагой и где часто неделями шли дожди. Она рассказывала о силе, с которой воды Атлантики разбивались о берег, и о темных облачных башнях, которые они с собой несли. «Я часами бегала по скалам, смотрела на море, и, когда приходила домой, небо отражалось в лужах на полевых дорогах, и в переливающейся разными цветами воде я надеялась увидеть прекрасное будущее…»

Морин думала о несчастных годах в Дублине — и окидывала взглядом крошечную комнату, которую они с матерью обжили в Халле. В глубине души она считала, что ни одна мечта Кейт о будущем не

осуществилась. Для себя самой Морин сделала однозначный вывод: никаких красивых картин будущего, никаких фантазий о хорошей жизни. Упорно работать и во всем находить компромисс. Это стало ее личной философией.

А потом, когда ей исполнилось шестнадцать лет, она встретила Чарльза Грея.

Он был третьим сыном в семье лорда Ричарда Грея, восьмого графа Лангфельда. Греи были богатыми и отличались снобизмом. Они жили роскошной, разнообразной жизнью, приличествующей людям их уровня и состоявшей из политики, участия в охотничьих обществах и балах, игр в поло и посещений оперы. Лорд Грей имел место в палате лордов и был твердо убежден, что владение поместьями и правительственными учреждениями — это одно и то же. Греи жили в Лондоне, в украшенном колоннами доме на Белгрейв-сквер, но, кроме того, владели семейной усадьбой в Сассексе и еще одним имением в Девоне. Также им принадлежал большой участок земли в Уэнслидейле, в Йоркшире: овечья ферма с просторным жилым домом, который назывался «Охотничий домик». Сюда, на ферму Уэстхилл, они приезжали на охоту — в конце августа на куропаток и в октябре на лис. Эти охоты отмечались как крупные общественные мероприятия, и в течение недели каждый вечер устраивались торжественные ужины, продолжавшиеся до раннего утра.

Участвуя в подобных празднествах осенью 1889 года, Чарльз Грей, который, правда, должен был унаследовать не графский титул, но солидные земельные угодья, встретил Морин Лэнси из трущоб Дублина.

У Кейт в то время дела шли неважно, и Морин нашла работу, чтобы заработать немного денег. Она получила место помощницы на кухне в одной состоятельной семье в Лидсе, и хозяйка отправила ее на неделю к леди Грей для помощи, так как по случаю охоты на красную дичь[5] в сентябре каждый вечер устраивались грандиозные ужины. Так Морин впервые оказалась в Уэстхилле. Вместе с другой девушкой она ночевала в холодном помещении в подвале, в котором не было окон, а остальное время с раннего утра до поздней ночи проводила в кухне, чтобы позаботиться об удовольствиях, которые составляли «простую сельскую жизнь» утонченного общества.

Любовь сразила ее и Чарльза без каких-либо прелюдий. Чарльзу было тогда уже за тридцать, и в семье были обеспокоены тем, что он до сих пор не нашел подходящую партию для женитьбы. У него были темные волосы и светлые голубые глаза, что делало его достаточно привлекательным, но он был неловок, робок и слишком стеснителен, чтобы подобающим образом ухаживать за женщиной. Всю жизнь он пребывал под властью своего вспыльчивого, несдержанного отца, и в нем отсутствовало даже минимальное чувство собственного достоинства. Богатые, симпатичные девушки, с которыми мать настойчиво пыталась его знакомить, пугали его своим кокетством и вызывающими манерами. И вместо популярных среди молодежи вечеринок Чарльз предпочитал посвящать свободное время продолжительным прогулкам на природе. Чем больше он ощущал давление со стороны родителей в отношении женитьбы, тем больше уходил в себя.

Осознанно Чарльз увидел Морин впервые, когда однажды утром во время той самой охотничьей недели проснулся необычайно рано и — задолго до того, как был накрыт официальный завтрак — пробрался в кухню Уэстхилла и попросил кофе. Морин была там совершенно одна. Она выглядела усталой, но любезно улыбнулась и сказала: «Доброе утро, сэр. Вы уже встали?»

Вероятно, именно ее хриплый голос и нежный отзвук ирландского диалекта пленили Чарльза — а потом уже золотистые волосы, кошачьи глаза и мягкая улыбка.

Историю своего отъезда из Дублина, о времени, проведенном в Халле, о первой встрече с Чарльзом в Уэстхилле — об этом впоследствии Морин всегда с готовностью и очень подробно рассказывала своим детям. Истории о том, что происходило в дальнейшем, были более краткими. Очевидно, их отношения с Чарльзом завязались довольно быстро, причем, как ни странно, с ней у него произошел первый сексуальный опыт. После этого Чарльз почувствовал свою полную зависимость от нее. Вскоре в нем проснулось чувство, которое подсказывало ему, что без этой ирландской девчонки он больше не сможет жить.

В течение какого-то времени им удавалось держать в тайне романтические отношения. Морин должна была вернуться в Лидс, и они встречались в укромных сельских гостиницах между Лидсом и

Дейл-Ли. Но вот настало время, когда Чарльз уже не мог больше тянуть со своим пребыванием в Уэстхилле и уехал назад в Лондон. Однако там он чувствовал себя почти больным от тоски и постоянно метался между Лондоном и Йоркширом. Разумеется, это не могло остаться незамеченным его семьей, и отец срочно распорядился выяснить причину.

Он быстро установил, что у Чарльза роман со служанкой, но сначала его это никак не встревожило. Напротив — опровергло целый ряд опасений, которые отец втайне испытывал в связи со сдержанностью Чарльза в его отношениях с женщинами. Наконец-то юноша превратился в мужчину. Он должен спокойно перебеситься и потом жениться на девушке из своей социальной среды.

В мае 1890 года Морин в ужасе сообщила Чарльзу, что она беременна. Ребенок должен появиться на свет в декабре.

— Это вообще не имеет никакого значения, — возразил Чарльз, — я все равно собирался спросить тебя, согласна ли ты выйти за меня замуж.

Морин, хотя ей было только семнадцать лет, значительно тверже стояла в жизни на ногах, чем наивный Чарльз, и знала, что их обоих ждет драма.

— Ты должен хорошо подумать, — предупредила она, — твоя семья не будет от этого в восторге.

— Им придется с этим смириться, — возразил Чарльз.

Скандал, который разразился в этой связи, был такой силы, что он непременно разлучил бы Морин и Чарльза, если б они уже не были к этому времени такой крепкой парой. У старого Ричарда Грея один за другим происходили припадки бешенства, а его жена, рыдая, заперлась в своей комнате и никого не хотела видеть.

— Ты не в своем уме! — орал Ричард на своего сына. — То, что ты намереваешься сделать, совершенно невозможно! Это исключено!

— Я женюсь на Морин, отец. Мое решение непоколебимо, и ты ничего не сможешь изменить, — возражал Чарльз с настойчивостью в голосе, которой никто и никогда за ним не замечал.

У Ричарда зародились определенные подозрения.

— Она что… я имею в виду, она…

— Да, она ждет ребенка.

— Ну так это ведь не трагедия, мой мальчик! — Отец постарался взять себя в руки и говорить спокойно. — Я знаю, что ты чувствуешь. Ты хочешь поступить как человек чести. Это очень порядочно, но ты не окажешь услугу ни ей, ни себе, если загубишь свое будущее. Мы дадим ей денег. Достаточно денег, чтобы она могла спокойно растить ребенка и при этом не жить в нищете. Договорились? Это значительно больше, чем она могла бы ожидать.

Чарльз смотрел на отца полным отвращения взглядом.

— Морин не возьмет наши деньги, — сказал он презрительно, — она бросит их тебе под ноги. И потом, я женюсь на ней не из-за порядочности, а потому что я люблю ее!

Ричард побагровел.

— Ты не женишься! — закричал он. — Она служанка! И, что еще хуже, ирландка! Но самое ужасное — это то, что она католичка!

— Я все это знаю.

— Если ты это сделаешь, то в приличное общество будешь уже не вхож!

— С удовольствием откажусь от общества.

— Я лишу тебя наследства. Ты ничего не получишь! Ничего! И перестанешь быть мне сыном!

Чарльз лишь пожал плечами. Позднее Морин иногда говорила, что будет до конца своих дней стыдиться того, что в то время сомневалась в Чарльзе. Она думала, что он не выдержит и в конце концов у него не хватит сил, чтобы вынести разрыв с семьей.

В действительности же Чарльз не вынес бы разрыва с Морин. Он был непоколебим, даже когда отец и в самом деле лишил его прав на земельные угодья и имущество. Тем не менее по закону Чарльзу полагалась денежная компенсация, размер которой определялся оценочной стоимостью всего имущества. Он получил ферму Уэстхилл в Йоркшире, а также денежную сумму, которую сразу поместил на депозит, чтобы получать с нее ежемесячный доход. От денег Чарльз хотел сначала отказаться, но Морин напомнила ему, что он должен подумать о будущем их детей. Только благодаря деньгам им действительно удалось в дальнейшем отправить Джорджа на учебу в такой элитный колледж, как Итон.

Контакт между Чарльзом и его семьей полностью оборвался. Ни родители, ни два его брата ничего не давали о себе знать. Лишь

незамужняя сестра Маргарет была всегда к нему привязана. Она жила в Лондоне и регулярно писала ему, даже несколько раз навещала. Маргарет была в хороших отношениях с Морин. Обе женщины то и дело старались убедить Чарльза примириться с отцом, но тот упорно отказывался это сделать. Маргарет сообщила, что и Ричард, которого они также множество раз уговаривали протянуть руку своему сыну, отказывался пойти навстречу.

— Я дождусь того дня, когда он сам приползет на коленях, — сказал он один-единственный раз. — А я абсолютно уверен, что он это сделает.

Фрэнсис никогда не сожалела, что не выросла в роскоши, на которую мог бы рассчитывать ее отец. Она знала, что ее детство и юность никогда не были бы так свободны и беззаботны. Йоркшир-Дейлз, который она так любила, тогда не стал бы ее родиной, а был бы всего лишь местом, где она проводила бы свои каникулы. Она никогда не бегала бы босиком и не скакала бы верхом по поместью. У нее не было бы матери, которая на коленях работала в саду, копалась в земле и при этом пела ирландские песни. И она никогда не ощутила бы приятную дрожь, с которой наблюдала за бабушкой Кейт, когда та вечерами сидела в кухне и повторяла молитвы, быстро перебирая пальцами четки и бормоча загадочные латинские слова.

Было 20 мая 1910 года. Стоял знойный день. Пчелы, насытившись, с жужжанием медленно кружили в воздухе. Из лесов и садов струился восхитительный цветочный аромат. На пастбищах коровы и овцы, отыскав тенистые места, терпеливо ждали, когда вечер принесет прохладу.

Дом замер под палящим полуденным солнцем. Слишком тихо, решила Фрэнсис. Даже когда господский дом Дейлвью своей тишиной и мрачностью часто казался склепом, все же хоть что-то напоминало о том, что там есть люди. Но в этот день создавалось ощущение, будто ничто не шевельнется за высокими окнами, словно старые стены затаили дыхание.

В этот день у Ли должен был состояться бал, посвященный началу лета, но в связи со смертью короля он был отменен. Тем более что в этот день, 20 мая, в Лондоне проходила торжественная церемония похорон, спустя две недели после смерти короля Эдуарда — раньше не

успевали прибыть монархи Европы, чтобы отдать последние почести почившему королю. Тысячи людей собрались в Лондоне, заполнив улицы, по которым двигалась траурная процессия. Из-за необычайной жары люди один за другим падали в обморок, со многими случался тепловой удар. Повсюду в стране царил великий траур. Казалось, что на короткое время народ опять объединился, забыв о внутриполитических проблемах, обо всех волнениях и классовой борьбе, которые постоянно повсюду вспыхивали.

Фрэнсис и Джон договорились встретиться, и она надеялась, что тот об этом не забыл, как в прошлый раз. Гробовая тишина, повисшая над домом, пугала ее. Никто не вышел, как обычно, чтобы позаботиться о ее лошади. Из расположенных поблизости бытовок рабочих не доносилось не единого звука.

Фрэнсис спрыгнула с лошади, одернула длинную коричневую юбку и подвела животное вплотную к каменной входной лестнице, где была тень и где она могла привязать лошадь к перилам. Робко поднялась по ступеням и покачала бронзовый дверной молоточек в форме головы льва, но за дверью по-прежнему не раздалось ни единого звука. Фрэнсис решительно нажала ручку, дверь открылась, и она вошла.

В холле стояла приятная прохлада, но у Фрэнсис всегда возникало здесь тягостное ощущение от сумеречного света.

Стены были отделаны темным деревом и украшены многочисленными фамильными портретами в золоченых рамках. Широкая изогнутая лестница вела наверх. С потолка свешивалась огромная люстра, но, кроме особо торжественных вечерних приемов, Фрэнсис никогда не видела, чтобы она горела. В люстру заправлялись настоящие свечи, которые зажигались все по отдельности. Это была долгая и утомительная работа, требовавшая немало времени и участия нескольких слуг.

«Не знаю, — думала Фрэнсис, — смогла бы я жить в таком доме».

Она зябко поежилась. Вдруг с лестницы донеслись какие-то звуки. Девушка посмотрела наверх.

По ступеням медленно спускался Джон. Даже в полумраке холла Фрэнсис разглядела, что он был бледным и утомленным, словно после бессонной ночи. Небритый, на щеках отросла щетина. На нем были

черные брюки, сапоги для верховой езды и мятая рубашка. Усталым движением Джон убрал волосы со лба.

— Фрэнсис, — сказал он, — я как раз хотел посмотреть, не пришла ли ты уже… На сей раз я об этом не забыл.

Джон остановился перед ней, и она взяла его руки в свои. Они были ледяными.

— Что-нибудь случилось? — спросила Фрэнсис. — Здесь стоит такая тишина! И ты… ты белый, как стена, Джон!

В его темных глазах застыл страх, которого она раньше никогда у него не замечала.

— Мой отец, — ответил он тихо, — он умирает.

Где-то в доме три раза пробили часы. Какая-то дверь тихо открылась и так же тихо закрылась.

— О нет, — сказала Фрэнсис. Дрожь в ее теле усилилась, и у нее вдруг возникло непреодолимое желание покинуть холодный, темный дом и выбежать на горячее солнце, прочь от спертого запаха, который повис между старыми стенами. Она жаждала сладкого запаха сирени, которая цвела у въезда на ферму Уэстхилл.

Фрэнсис взяла себя в руки. Она не могла вот так просто сбежать.

— Джон, это ужасно. Мне очень жаль. Я знала, что он болен, но не думала, что все так плохо…

— У него уже давно проблемы с сердцем. Поэтому две недели тому назад они даже вызвали меня сюда из Кембриджа. С того дня, когда умер король, ему стало хуже.

Фрэнсис подумала о своем отце. Смерть короля он также перенес тяжело; замкнулся в себе и, казалось, предался безрадостным мыслям.

— Отец был очень расстроен, — продолжал Джон. — Все, что случается в нашей стране, его очень беспокоит. Для него король был последним бастионом. У меня такое впечатление, будто он боится, что вскоре на Англию обрушатся удары судьбы, один за другим. Он постоянно говорит о вторжении немцев, о революции рабочих и о победе социализма. И между делом отчаянно ловит ртом воздух, потому что едва может дышать. Сегодня утром мы уже решили… я не думаю, что он протянет дольше одного или двух дней.

— А как твоя мама?

— Наверху, у него. Хочет некоторое время побыть с ним наедине.

Фрэнсис все еще держала его холодные руки в своих теплых ладонях.

— Пойдем! Тебе надо выйти на воздух. Там так хорошо… Давай немного пройдемся!

Джон последовал за ней. Когда они вышли на улицу, навстречу теплому ласковому ветру, Фрэнсис глубоко вдохнула пьянящий воздух.

Они шли по полевой дороге. Справа и слева раскинулись молодые зеленые пастбища, на которых паслись коровы; они сонно лежали на лугу и лениво пытались отогнать хвостом назойливых мух.

— Я рад, что ты пришла, Фрэнсис, — прервал молчание Джон. — У меня сегодня столько всего вертелось в голове… мысли, связанные с будущим. И с тобой.

— Со мной?

— Помнишь письмо, которое я написал тебе две недели тому назад? Я хотел встретиться с тобой.

— Помню.

— Я написал, что должен с тобой непременно поговорить.

— Да.

Джон остановился. Его темно-каштановые волосы блестели на ярком солнце. Черты лица были напряжены. Казалось, что в последние часы он повзрослел на несколько лет.

— Я хотел тебя тогда спросить, не выйдешь ли ты за меня замуж. И сегодня хочу задать тебе тот же самый вопрос.

В тишине, которая последовала за его словами, Фрэнсис услышала, как где-то вдали две птицы перекликаются друг с другом, издавая пронзительные крики. И больше не было ни единого звука. Даже шелест листьев не нарушал послеполуденную тишину.

— Или, — сказал Джон через некоторое время, — ты ничего не отвечаешь от волнения, или потому, что отчаянно обдумываешь, как найти выход из неловкой ситуации, чтобы не обидеть меня.

— Просто ты застиг меня врасплох, только и всего.

— Я люблю тебя, Фрэнсис. Это действительно так, и ничто и никогда не может это изменить. Поэтому, — он почти рассерженно сорвал несколько листьев с куста на обочине дороги, — просто скажи «да» или «нет». Только не стой с таким видом, будто ты потрясена!

— Я и не стою с таким видом. Но я не могу вот так просто сказать «да» или «нет». У тебя было время обо всем подумать, а у меня — нет.

Я должна, по крайней мере, хоть немного все взвесить!

Джон поморщился.

— Да, извини. Я не хочу на тебя давить.

Фрэнсис наблюдала за ним со стороны. Джон был очень привлекательным, и чувствовалось, что он это осознавал. По правде говоря — ей это было ясно, — он никоим образом не понимал, почему ей требуется время на размышление. Значительная часть снобистского поведения его семьи была свойственна также и ему, и он ожидал, что девушка, получившая от него предложение, должна отреагировать на него восторженно.

— Что ты будешь делать дальше? — спросила она.

— Дальше я хотел жениться на тебе. В зависимости от того…

— Да?

— Я не могу сейчас вернуться в Кембридж, если мой отец… если его больше не будет. Я ведь не могу оставить здесь мать одну со всем этим. Я должен попытаться найти хорошего управляющего. А потом хотел бы начать осуществлять мою давнюю мечту.

Фрэнсис знала Джона достаточно давно, чтобы быть в курсе его мечтаний.

— Ты имеешь в виду политику?

Он кивнул.

— Сейчас, когда умер король, состоятся парламентские выборы. Я хотел бы баллотироваться от тори здесь, в нашем избирательном округе.

— Тебе будет нелегко, — сказала Фрэнсис, думая при этом не только о его молодости. У консерваторов на севере Англии, где царила ужасная нищета и обострилось социальное напряжение, было непростое положение. В качестве представителя от Западного Йоркшира в нижней палате парламента с прошлого года был фанатичный социалист.

— Конечно, мне будет трудно, — согласился Джон. Он опять остановился; на его лице отразилась смесь усталости и решимости. — Мне только двадцать три года. Кроме того, Ли — самая богатая и влиятельная семья в нашем избирательном округе. Я смогу с этим справиться. В один прекрасный день я стану членом нижней палаты, вот увидишь. Я имею в виду… ты и это должна учитывать. Возможно, тебя пугает перспектива провести всю свою жизнь в Дейлвью, но этого

не будет. Мы несколько месяцев в году будем жить в Лондоне. Мы сможем посещать театр и оперу и выходить в общество. Если ты захочешь, мы будем путешествовать. Париж, Рим, Венеция… куда пожелаешь. У нас будут дети, и…

— Джон! У тебя нет необходимости убеждать меня в том, что с тобой передо мной открывается красивая жизнь. Я и сама это знаю.

— И почему ты тогда колеблешься?

Фрэнсис уклонилась от его вопрошающего, растерянного взгляда и посмотрела вдаль. Сегодня холмы не уходили в облака; они четко вырисовывались на фоне неба. Почему она колебалась? Ни себе, ни ему в этот момент Фрэнсис не смогла бы дать однозначный ответ на этот вопрос. Определенным образом она тоже не была откровенна, когда сказала, что вопрос Джона застал ее врасплох и потому ей требуется время, чтобы подумать. Она не ожидала услышать предложение именно в *этот* момент, но всегда знала, что однажды он предложит ей выйти за него замуж. Так или иначе, это было ясно еще со времен их детства, когда он учил ее верховой езде и они вместе галопировали по лугам, а потом она пыталась выстирать в ручье его испачканные землей и покрытые пятнами от травы брюки, после того как он, упав, испугался, что у его чувствительной матери произойдет нервный срыв. Они это знали, как знали и все остальные, и, возможно, именно поэтому миссис Ли попыталась разлучить их, хотя ей это не удалось.

В течение тех долгих лет, которые Фрэнсис вынуждена была провести в ненавистной школе в Ричмонде, именно Джон утешал ее, когда она тосковала по дому, и удерживал от неподобающего поведения, могущего спровоцировать ее отчисление из школы. Как и в тот июньский день, когда Джон пришел на берег Свейла, чтобы утешить ее, он всегда был готов прийти ей на помощь. Он писал ей горы писем — нежных, веселых, ироничных, — которые доводили ее до смеха. Помимо членов ее семьи, он был для нее самым близким человеком на свете.

Что же вдруг встало между ними? Фрэнсис этого не понимала, но чувствовала, что это как-то связано с длительным, скрытым недовольством, в котором она жила после окончания школы. Это беспокойство, это ожидание чего-то, что оставалось для нее загадкой…

Неожиданно она вспомнила, что сказала Элис Чэпмен в тот день, когда они вместе сидели в саду и курили. «Вы хотели бы просто делать то, чего от вас ждут? Выйти замуж, родить детей, иметь гостеприимный дом и устраивать чаепития в женском обществе?»

— Сейчас я не могу этого сделать, — сказала Фрэнсис вслух.

Джон посмотрел на нее.

— Что?

Мрачный дом, в котором они должны будут вместе жить, в котором всегда холодно и в котором никогда нельзя разговаривать громко, потому что иначе у миссис Ли заболит голова…

— Мне нужно время, — объяснила она. — Я не могу вот так сразу переехать из дома моих родителей в твой дом. Когда же я буду стоять на собственных ногах? Как я пойму, могу ли утвердиться самостоятельно?

— Зачем тебе это понимать? Для чего?

— Ты вообще меня не понимаешь?

Джон взял ее руку. Последние недели и конкретно этот день принесли так много ужасного, что у него сейчас не осталось сил бороться с ней.

— Нет, — ответил он устало, — я не понимаю тебя. Я хочу быть рядом с отцом.

Они медленно пошли назад. Вскоре опять показались темные стены Дейлвью. Неожиданно Фрэнсис спросила:

— Что ты думаешь об избирательном праве женщин?

— Почему это вдруг пришло тебе в голову? — удивленно спросил Джон.

— Просто вдруг мелькнула мысль.

— Тебя занимают странные вещи!

— Так что ты об этом думаешь?

Джон вздохнул. Казалось, что эта тема его не очень интересовала, особенно в данный момент. Его отец умирал. Женщина, которую он любил, его отвергла. Он чувствовал себя одиноким и несчастным.

— Я просто считаю, что время для этого еще не пришло, — ответил он.

— Если слушать мужчин, то оно никогда не придет.

— Я не противник права голоса для женщин. Но не приемлю средств, которыми воинствующие суфражистки пытаются добиться

своих целей. Своими насильственными действиями они только настраивают людей против себя, теряя их последние симпатии.

— Иногда мне кажется, что есть вещи, которые можно осуществить только с помощью насилия, — сказала Фрэнсис. — Пока женщины выдвигают свои требования в вежливой и дружелюбной форме, их никто не слушает. И только если они кричат и бьют оконные стекла, их замечают.

Они почти подошли к дому. Джон все время держал Фрэнсис за руку. Теперь он отпустил ее, взял ее лицо обеими руками и поцеловал в лоб. Потом отступил на шаг.

— Ты высказываешь опасные мысли, — сказал он. — Тебе не следует переживать по каждому поводу, Фрэнсис.

Она промолчала. Джон смотрел на нее, испытывая острое чувство тревоги. Несколько лет спустя он рассказал ей, что в тот момент им овладело такое сильное предчувствие надвигающейся беды, что его стало трясти от холода, несмотря на жаркую погоду. У него было ощущение, что разбилось нечто драгоценное, что принадлежало им обоим. Джон еще ничего не знал о войне, которая начнется через четыре года, о той бездне, в которую она увлечет их обоих, но осознавал, что их ждут тяжелые времена. Он сказал, что в тот вечер у него возникло чувство, что Фрэнсис своим нежеланием выйти за него замуж упустила рай, который они вместе могли бы обрести. И признался, что на самом деле никогда не мог простить ее.

— Но *зачем* тебе нужно в Лондон? — спрашивала Морин уже в третий раз.

Она выглядела растерянной и испуганной. На ней была одежда черного цвета, так как семья только что вернулась в Уэстхилл с церемонии похорон Артура Ли. В столовой Фрэнсис сообщила родителям, что она решила на некоторое время уехать в Лондон.

— Что же ты собираешься там делать? — спросил Чарльз. — Ты ведь не можешь просто куда-то поехать и не иметь представления, чем будешь там заниматься!

— Я подумала, что могла бы жить у тети Маргарет. И просто знакомиться с Лондоном.

— Мне кажется, что это довольно опасно для молодой девушки, — ответила Морин. — Лондон — как другой мир по сравнению с Дейл-Ли и даже с Ричмондом. Ты к этому не привыкла.

— Вот поэтому я и хочу туда поехать. Сколько мне еще киснуть в деревне?

— Ты могла бы подолгу жить в Лондоне, если б вышла замуж за Джона Ли, — неосторожно сказала Морин. — Но тогда ты была бы по меньшей мере…

Фрэнсис посмотрела на мать проницательным взглядом.

— Откуда же ты *это* знаешь?

— Одна из горничных в Дейлвью намекнула. Очевидно, между Джоном и его матерью возник конфликт, в ходе которого он сказал ей, что предложил тебе выйти за него замуж и что ты ему отказала.

— Я чего-то не знаю? — удивленно спросил Чарльз.

— Джон сделал Фрэнсис предложение, а она ответила ему отказом, — повторила Морин.

— Я сказала, что именно *сейчас* не могу выйти за него замуж. В смысле, *немедленно*.

— Сейчас ты не могла бы выйти за него в любом случае, из-за траура по Артуру Ли. Но у тебя была бы возможность свыкнуться с этой мыслью.

— Я хочу поехать в Лондон, — настаивала Фрэнсис. — И в данный момент не желаю строить никаких иных планов.

У Морин был озабоченный взгляд.

— Такие мужчины, как Джон Ли, не будут ждать тебя вечно. Если ты станешь слишком долго раздумывать, какая-нибудь другая женщина уведет его у тебя из-под носа.

— Но, кроме Джона Ли, на свете есть еще и другие мужчины, — вмешался Чарльз, — Фрэнсис получит еще немало предложений.

— Но она любит Джона. Сейчас она ломается, но если потом будет слишком поздно, нам придется пережить драму, — уверяла Морин.

— Мама, я не знаю, люблю ли Джона. Не знаю, хочу ли выйти за него. У меня в голове полный сумбур и неразбериха, и я не имею понятия, что хочу делать в жизни. Мне нужно время. Я просто должна однажды увидеть что-то другое. Хочу в Лондон, — повторила она.

— Тебя действительно трудно понять, — пожаловалась Морин. — Ты все время сетовала, что была вынуждена жить в Ричмонде и едва выдержала это из-за тоски по Уэстхиллу. Теперь ты здесь — и хочешь опять уехать!

— Это другое.

— К тому же, я не знаю, насколько подходящим вариантом является тетя Маргарет. У нее никогда не было детей, и она не от мира сего. Кто знает, сможет ли она присматривать за молодой девушкой?

— Маргарет наверняка отнесется к этому серьезно, — предположил Чарльз.

Морин подошла к окну и посмотрела на улицу. С утра было солнечно, но к вечеру с запада поплыли темные облака, и вдали раздались негромкие раскаты грома. Взволнованно кричали птицы. В воздухе уже пахло дождем, и стоял тяжелый сладковатый цветочный аромат.

— Наконец-то! — сказал Чарльз. — Как давно не было дождя!

Морин повернулась к ним. В ее глазах Фрэнсис прочитала, что она уже больше не встретит сопротивления. Так было всегда. В конечном счете Морин никогда не могла запретить что-то своим детям.

— Отец! — произнесла Фрэнсис.

Чарльз также принял к сведению безмолвное согласие своей жены. По отношению к их детям он мог оставаться непоколебимым, но ему тяжело было занять позицию, отличную от позиции Морин. И он смиренно пожал плечами:

— Если тебе надо уехать, поезжай.

В комнате бабушки всегда пахло лавандовым маслом. Кейт пользовалась им, сколько Фрэнсис себя помнила. Даже в самые худшие и голодные времена в Дублине ей удавалось один раз в год покупать флакончик и ежедневно легким прикосновением пальцев наносить маленькую каплю масла за уши. Никто не мог представить себе Кейт, от которой не исходил бы нежный аромат лаванды.

Когда в тот вечер Фрэнсис вошла в комнату с обоями в цветочек и с занавесками с таким же узором, она восприняла знакомый запах как особое утешение. Она приняла решение — и осуществит его; но с тех пор как родители уступили, Фрэнсис ощущала ком в горле.

Пока согласие родителей не было получено, все было так далеко… И вот прощание стало делом ближайшего будущего. Во время ужина Фрэнсис молчала и вполуха слушала оживленную болтовню Виктории, рассказывавшей о каком-то веселом происшествии в школе.

Морин, уткнувшись в свою тарелку, неожиданно сказала:

— Мы уже больше двух недель ничего не знаем о Джордже, а теперь уезжает и Фрэнсис… Скоро я вообще не буду знать, где находятся мои дети и чем они занимаются.

При упоминании имени Джорджа лицо Чарльза помрачнело.

— Джордж образумится и даст о себе знать, — промычал он, — а куда едет Фрэнсис, тебе ведь известно. У Маргарет ей будет хорошо.

— Если б только у нас был телефон! Тогда…

— Я куплю тебе телефон, — нервно сказал Чарльз, — потому что иначе в ближайшие недели ты сведешь меня с ума. Я куплю телефон, и ты сможешь десять раз в день звонить Маргарет и спрашивать, жива ли еще Фрэнсис.

Кейт сидела в своем кресле-качалке у окна, когда вошла Фрэнсис. На улице тем временем стемнело, и дождь лил стеной.

— Ты хотела поговорить со мной, бабушка? — спросила Фрэнсис.

Кейт отложила в сторону книгу, которую читала, и кивнула.

— Я хотела тебе сказать, что нахожу твое решение верным. То, что ты задумала — хорошая идея. Смотри не передумай, даже если твоя мать в ближайшие дни будет слишком сокрушаться.

Фрэнсис села на кровать бабушки. Она была не меньше растеряна и озадачена, чем перед своим намерением отправиться в Лондон.

— Я надеюсь, бабушка, что поступаю правильно. Джон Ли сделал мне предложение, но я сказала, что сейчас не могу принять решение.

— Вероятно, ты действительно не можешь. Тогда ты правильно сделала, что сказала ему об этом.

— Мне кажется, дело даже вовсе не в нем, а только во мне. Если б я сейчас вышла замуж, то моя жизнь была бы точно определена. Но у меня такое ощущение, что я хочу до этого узнать еще и другую сторону жизни. Ту, о которой еще ничего не знаю, в которой ничто не предсказуемо. Все остальное… кажется, подавит меня. Как ты думаешь, это нормально?

— Нормально или нет, — ответила Кейт, — но ты, в любом случае, должна делать то, что считаешь нужным. То, что ты действительно *хочешь,* а не то, что диктуют определенные общественные нормы. Ты понимаешь? — Она улыбнулась. — У тебя к этому слишком предвзятое отношение. Твои родители пренебрегли всеми правилами приличия, когда поженились. Ты выросла

совершенно свободной, если не принимать во внимание время, когда они отправили тебя в эту ужасную школу. Но это, слава богу, не согнуло тебя. Вероятно, ты никогда не сможешь жить в ограниченном пространстве, и это повлечет для тебя определенные проблемы — но это так. И ты должна с этим смириться.

— Если Джон женится на другой…

Кейт строго посмотрела на нее.

— Ты его любишь?

Фрэнсис сделала какое-то беспомощное движение рукой.

— Да. Мне кажется, да. Но…

— Но недостаточно, чтобы сейчас выйти за него замуж. Фрэнсис, возможно, ты потеряешь его. Но это опасение не должно определять твое решение. Может быть, Джон — это та цена, которую ты должна заплатить. Что-то приходится платить всегда. Смотри, я… — Кейт запнулась. — Я никогда не рассказывала этого твоей матери, — продолжала она, — так как боялась, что она этого не перенесет. Но ты сильнее ее.

— Ты о чем?

— Речь идет о твоем дедушке Лэнси. О Дэне, этом ирландском голодранце, за которого я полвека тому назад вышла замуж. — В голосе Кейт слышались нежность и разочарованность. — Твоя мать считает, что мы больше о нем ничего не слышали. Я думаю, она цепляется за предположение, что он или жив, или, в крайнем случае, умер легкой смертью.

Фрэнсис внимательно посмотрела на бабушку.

— А ты что-то знаешь?

Кейт кивнула.

— В течение пяти лет после того, как уехала с Морин из Дублина, я поддерживала связь с одной знакомой, которая жила рядом с нами. Хотела знать, что стало с Дэном. — Ее лицо помрачнело. — Он умер. И умер в нищете. Один, на улице, оборванный и голодный. Перед смертью он даже не пил, потому что ему никто уже больше ничего не давал. Его выселили из квартиры, поскольку Дэн не мог оплачивать аренду. С этих пор он стал бездомным, блуждал по улицам Дублина, питался отходами, которые базарные торговцы превращали в месиво и выбрасывали, когда демонтировали свои прилавки. Иногда ему удавалось собрать попрошайничеством немного денег, на которые он

сразу же снова покупал спиртное. Зимой его иногда брали к себе домой сердобольные соседи из нашего поселка, благодаря чему он выживал в течение долгих холодных месяцев. Но ты же знаешь, люди там живут очень стесненно и бедно, и у них много своих проблем. Так что в какой-то момент они выставляли его за дверь, где царили холод и сырость. Ты не представляешь, какими сырыми бывают зимы в Дублине.

— Это ужасно, бабушка, — тихо сказала Фрэнсис.

— Он был весь в грязи и паразитах, от него исходил ужасный запах, — продолжала Кейт, — и, очевидно, он в буквальном смысле бросался людям в ноги, умоляя их дать ему хоть немного выпить. И самым ужасным было… самым ужасным было то, что если его упрекали, что он не может заплатить, Дэн всегда отвечал: «Кейт все уладит. Она сейчас в отъезде, но вернется и отдаст вам деньги. Она обязательно вернется!» Но Кейт так и не вернулась…

— Бабушка… — хотела что-то сказать Фрэнсис, но Кейт тут же прервала ее:

— Нет. Тебе не надо меня утешать. Я рассказала тебе это не для того, чтобы излить душу. Я просто хотела этим сказать, что когда я оставила твоего деда, чтобы начать в Англии новую жизнь, я знала, что это был единственный путь, которым я могла пойти. Не в том смысле, что иначе я погибла бы. Я и в Дублине могла бы заботиться о нас с Морин и как-то тащить на себе Дэна. Но я должна была бы еще больше, чем прежде, следить за нашим имуществом, чтобы он не превращал его постоянно в этот проклятый алкоголь, без которого, как он считал, не мог жить. Но в каком-то смысле я бы все же погибла. Что-то во мне каждый день постепенно умирало. Я потеряла радость к жизни, самоуважение, оптимизм. Я все больше теряла от той Кейт, которой некогда была. Я понимала, что должна уехать, и я уехала. Ценой стало… — она глубоко вздохнула, — ценой стало сообщение о том, как он умер, — и жить с этим дальше.

Фрэнсис встала, подошла к Кейт, села на корточки рядом с ее креслом и взяла ее руку.

— Горжусь тем, что я твоя внучка, — сказала она.

Июнь — сентябрь 1910 года

Лето 1910 года было жарким и сухим, и едва ли выпадал день, когда Фрэнсис не жалела, что уехала в Лондон, где ей было так тяжело справляться с этим зноем. День за днем с безоблачного неба палило яркое солнце. Но если в Уэнслидейле даже в самую жуткую жару с холмов дул легкий ветерок, то здесь, в Лондоне, духота висела над городом как свинцовый колпак, и каждое движение давалось с трудом. Это были дни, когда хотелось лениво полежать в саду Уэстхилла и помечтать, побродить по прохладному ручью, оседлать лошадь и прогуляться по полевым дорогам.

В красивом, элегантном доме тети Маргарет, на Беркли-сквер, в котором ничего не нужно было делать и где от жары ощущалось состояние полной разбитости, стоило только переступить порог дома, Фрэнсис чувствовала себя как пойманная птица. Она с тоской вспоминала о том, как они вместе с матерью сидели в кухне в Уэстхилле, пили пахту и болтали; но всякий раз, когда Фрэнсис была близка к тому, чтобы упаковать чемодан и уехать домой, она сжимала зубы и говорила себе, что осрамилась бы перед семьей по полной программе, если б раньше времени закончила свое приключение, за которое так боролась.

Хуже было то, что приключение вовсе не было таковым. Тетя Маргарет вела большей частью, как она сама говорила, очень активную жизнь; но летом, как правило, ее друзья и знакомые, которые, разумеется, без исключения принадлежали к высшему обществу, уезжали из столицы за город. Лондон покидали все, кто мог, а из высшего общества оставались лишь немногие.

— Подожди, пока наступит осень, — утешала ее Маргарет, — тогда мы каждый вечер будем проводить в новой компании.

Она никогда не была замужем; в семье поговаривали, что в ранней юности ей разбил сердце один поклонник, отдав предпочтение другой девушке, но Маргарет сказала Фрэнсис, что в этой истории нет ни слова правды.

— У меня просто не было желания выходить замуж. Для чего мне на всю оставшуюся жизнь связывать себя с каким-то мужчиной,

который будет только толстеть, мучить меня своим дурным настроением и в конце концов изменит мне с какой-нибудь молодой особой? Нет! Я приняла решение в пользу свободы и душевного покоя.

Кроме того, Маргарет заранее выкупила свою долю наследства, что обеспечило ей беззаботную жизнь без ограничений. В своем большом доме она держала повариху, дворецкого, двух помощниц по кухне и двух горничных. Утром Фрэнсис приносили в постель чай и тост с маслом, а потом появлялась спокойная, приветливая Пегги, чтобы помочь ей одеться и причесаться. Фрэнсис четко представляла себе, как выглядела бы жизнь ее отца, если б он поменял свое решение и не женился бы на Морин. Он отказался ради нее от множества удобств, и в те месяцы, проведенные в Лондоне, уважение Фрэнсис к отцу еще больше возросло.

Она быстро поняла, что ее гардероб не соответствует лондонскому уровню, и несколько богатых на события недель занималась выбором фасонов и тканей, а также примерками у портнихи тети Маргарет. Дома по торжественным случаям девушка всегда надевала корсет, но в большом городе женщины уже распрощались с этим неудобным пережитком прошлого. В современных платьях талия и без того была так высоко, что корсет был излишним. Фрэнсис купила костюм и две юбки, элегантное расклешенное пальто и красивые сапожки на шнурках песочного цвета. Она была в восторге от новой моды на шляпы — огромных размеров, искусно украшенные цветами и лентами — и от совершенно нового достижения: пуловеров. Это были вязаные изделия из шерсти или шелка, удобные и свободные, которые просто надевались через голову. Фрэнсис купила себе один пуловер из синего шелка, а другой — из коричневой шерсти.

Она чуть было не решилась даже на последний писк моды — юбку-брюки. На первый взгляд можно подумать, что на женщине юбка, так как ткань спадает широкими мягкими складками до самых щиколоток; но как только дама начинает движение, становится очевидным, что в действительности это брюки. Фрэнсис посчитала, что этот предмет одежды невероятно практичен, однако тетя Маргарет посоветовала ей воздержаться от покупки. Юбка-брюки вызывает всеобщее возбуждение и беспокойство, и только недавно, как рассказала Маргарет, две молодые женщины, которые были так одеты,

подверглись нападкам со стороны группы разгневанных домохозяек из-за нарушения приличий, обычаев и морали, и в конечном счете были даже поколочены.

— Для таких вещей должно еще прийти время, — сказала Маргарет. — Люди привыкают ко всему, только постепенно; но до этого, очевидно, неизбежно серьезное раздражение по поводу каждого новшества.

Так проходили недели. Фрэнсис ходила гулять в Гайд-парк и по Стрэнду, написала два письма Джону, на которые он не ответил; несколько раз они с тетей Маргарет ходили в театр и один раз в оперетту, на знаменитую комическую оперу Гилберта и Салливана «Микадо». В книжном шкафу в гостиной тети Маргарет, во втором ряду, Фрэнсис обнаружила несколько спрятанных за собранием сочинений Шекспира книг с чуждым ей содержанием. Это была эротическая литература. Когда тетя уходила спать, девушка погружалась в чтение романа «Фанни Хилл» Клеланда или в «Разговоры проституток» Паллавичино.

То, что она там прочитала, сначала ее шокировало, и в течение некоторого времени Фрэнсис ежедневно поздравляла себя со своим решением отклонить предложение Джона. Брак, очевидно, предполагает и то, что супруги проделывают между собой очень неприятные и своеобразные вещи.

Несколько раз Маргарет устраивала торжественные ужины для немногих оставшихся в Лондоне друзей, и Фрэнсис впервые констатировала, что разговоры дам ее утомляют и что она одним ухом все время прислушивается к беседам мужчин. С тех пор как вязание все больше стало входить в моду, женщины начали беседовать не только о своих детях и проблемах с прислугой, но и об узорах для вязания и правых и левых петлях. Фрэнсис находила эти темы смертельно скучными. У мужчин разговоры тоже в основном ходили по кругу, но предметы их бесед были интереснее.

Этим душным летом 1910 года основу всех дискуссий составляли три темы: в связи со ставшими необходимыми новыми выборами на повестке дня снова появился проект закона о парламенте, который должен был отменить право вето Палаты лордов, принятое нижней палатой в апреле.

Другой темой было возможное вторжение немцев, ставшее предметом театральных постановок, газетных статей и книг, а также горячих дебатов на каждом углу, что постепенно превратилось в общенациональную истерию (причем представление о том, что может прийти немцам на ум, чтобы совершить вторжение в Англию, зачастую было абсурдным).

Третьей темой были суфражетки, мужеподобные женщины, которые практически вели войну против Британской империи и таким образом пытались компенсировать свои многочисленные разочарования. Среди гостей тети Маргарет были преимущественно приверженцы тори, которые в женском движении видели угрожающий выход из берегов и без того опасного и прогрессирующего либерализма и подозревали феминисток в поддержке мирового социализма.

Фрэнсис редко вмешивалась в дебаты, но внимательно слушала. Если вечер затягивался и вино все больше развязывало языки, мужчины начинали рассказывать двусмысленные анекдоты или нашептывали друг другу определенные фрагменты из дерзко-эротических баллад Суинберна, который умер за год до этого, но при жизни решительно выступал за столь жестко осуждаемый в консервативных кругах либерализм. Те же самые господа, которые прежде высказывались за то, чтобы феминисток и коммунистов, без исключения, бросать в тюрьмы, казалось, были вполне готовы простить Суинберну его политические взгляды за некоторые, очевидно и в самом деле волнующие, стихи. Их лица становились красными, носы начинали блестеть, а в смехе слышались похотливость и жажда развлечений.

Фрэнсис, благодаря ее тайному чтению в то время, чрезвычайно остро реагировала на непристойности, часто считала мужчин ничтожными и все чаще задавалась вопросом, почему они считают себя более достойными, чем женщины, контролировать политические судьбы страны. В голове у нее крутилась масса мыслей, и даже если она зачастую злилась, все равно эти вечерние компании означали приятное развлечение в однообразии этого лета.

Было по-прежнему жарко. До сентября не произошло ровным счетом ничего.

Фрэнсис снова встретилась с Элис Чэпмен в тот самый день, когда к тете Маргарет приехал Филипп Миддлтон.

Это было в начале сентября, и хотя конец лета тоже был теплым и необычайно сухим, гнетущая жара все же отступила, и жизнь в городе стала терпимой.

Утром Маргарет позвонила ее подруга, которая взволнованно попросила ее приехать, так как у нее возникла серьезная проблема.

— Старая добрая Энн немного склонна к истерии, — сказала Маргарет; она стояла перед зеркалом в холле своего дома и поправляла шляпу. — Но я думаю, что мне все же надо сейчас же поехать к ней. Я могу оставить тебя одну? — Она обернулась к Фрэнсис, испытующе посмотрела на нее и потом слегка потрепала по щеке. — Ты такая бледная… Тебе надо немного погулять.

— Я всегда бледная, — ответила Фрэнсис, — но ты права. Я погуляю.

Она бродила по Гайд-парку. Мужчины в круглых шляпах на голове сидели на лужайке, отдыхая в обеденный перерыв. Дамы небольшими группами прогуливались по дорожкам, болтали, шептались и смеялись. Два щенка с развевающимися в разные стороны ушами поочередно набрасывались друг на друга с громким тявканьем. Дети запускали свои волчки. Кончики листьев на деревьях уже окрасились в пестрые цвета. Впервые Фрэнсис не ощутила в этот день щемящую тоску по дому, отравившую ей лето. Неожиданно она подумала, что и в Лондоне живется неплохо.

Вскоре девушка заметила в некотором отдалении довольно большое скопление людей. Испытывая любопытство, она ускорила шаг. Группа собравшихся насчитывала примерно человек сто, и при ближайшем рассмотрении они, все без исключения, оказались женщинами. Большинство явно принадлежали к привилегированным слоям общества, судя по тому, как хорошо и аккуратно они были одеты. Две женщины подняли вверх транспарант, на котором жирными черными буквами был написан лозунг Женского социально-политического союза: ПРАВО ГОЛОСА ЖЕНЩИНАМ!

Женщины столпились вокруг временно сооруженной деревянной площадки, на которой стояла молодая женщина в синем, наглухо застегнутом платье и произносила речь. Она была очень стройной, с тонкими чертами лица, выдававшими в ней чувствительную натуру. Ей

было не больше тридцати лет, и при всей внешней хрупкости у нее оказался неожиданно энергичный голос.

— Уже несколько веков мы, женщины, поддерживаем мужчин. Мы заботимся о них, мы их слушаем, мы их утешаем, мы их ободряем. Мы возимся с детьми и оберегаем мужчин от множества мелких повседневных проблем. И таким образом помогаем им в их работе, в их карьере. Я думаю, что настало время использовать ту самую силу, которую мы до сего времени инвестировали в успех и преуспевание наших мужчин, чтобы обеспечить *наш* успех и *наше* преуспевание!

Раздались бурные аплодисменты. Молодая ораторша взяла стакан, который ей подала другая дама, и сделала глоток.

— Женщины во все времена доказывали, что у них есть сила, мужество и разум, и при этом они ни в чем не уступают мужчинам, — продолжала она. — Поэтому исключение женщин из важной, а может быть, и *самой важной* сферы общественной жизни — политики — является подлостью. Еще ни один мужчина не смог привести убедительной причины, почему женщина не имеет такого же права на непосредственное политическое управление, как он!

Фрэнсис остановилась совсем сзади. Недалеко от нее собралось несколько мужчин, на надежном расстоянии от женщин, но достаточно близко, чтобы Фрэнсис могла расслышать, о чем они говорили.

— Послушайте, послушайте! — воскликнул один из них. — Политическое управление! А потом женщины будут и членами парламента?

— А почему бы ей сразу не стать премьер-министром? — спросил другой.

— У власти в скором времени тоже непременно будет женщина.

Все засмеялись. Полноватый мужчина, постоянно вытиравший носовым платком пот со лба, заметил:

— Но все же она симпатяга, эта малышка! Вполне могла бы найти себе подходящего мужичка, и тогда бы ей не пришлось бездельничать в общественных парках и произносить глупые речи!

— Но слишком худа, — высказал свое мнение другой. — Тот, кто на нее клюнет, останется на бобах.

И снова раздался смех.

— Все, что этим женщинам нужно, — сказал толстяк, — так это мужчины, которые их однажды как следует…

Он наткнулся глазами на взгляд Фрэнсис и тут же смущенно замолчал. Остальные мужчины также поняли, что она слышала их разговор, и как-то беспомощно засмеялись. Фрэнсис смотрела на них с таким презрением, какое только могла выразить, а потом стала протискиваться вперед между другими женщинами.

— На протяжении века мы боролись оружием, которое нам дали мужчины, — продолжала выступавшая, — оружием, которое не представляет никакой опасности. По сути дела, мы были готовы приспособиться, подчиняли свои желания желаниям мужчин и старались не выдвигать никаких неподобающих требований в отношении большего равенства. Те немногие, кто действовал более решительно, в большинстве своем дорого заплатили за это. Остальные отстаивали свои интересы — большей частью это были весьма скромные желания — таким известным и благосклонно санкционированным мужчинами оружием, как лесть, простодушие — и проституция!

Среди присутствовавших возникло некоторое оживление.

Голос выступавшей женщины зазвучал громче.

— Да, проституция! Как часто пытались вы добиться чего-либо таким способом? А если вы, милые дамы, при этом еще симпатичны и сговорчивы, то награда не заставляла себя долго ждать. Мужчины в этом случае всегда были готовы пойти вам навстречу — но насколько далеко, это решали *сами мужчины*. Не так далеко, как *вы,* милые дамы, этого *требовали!*

Одна женщина, которая стояла в нескольких шагах от Фрэнсис, неожиданно разразилась слезами. Другая обняла ее и медленно вывела из толпы собравшихся.

— В течение нескольких лет ЖСПС боролся средствами, которые предоставлялись женскому движению. Мы вели себя мирно и были достаточно коммуникабельны. Мы аргументировали, обсуждали, призывали. Нас за это высмеивали и ни одной секунды не воспринимали всерьез.

Фрэнсис протиснулась еще немного вперед и при этом ткнула локтем в спину стоящую перед ней женщину.

— Извините, — сказала она.

— Ничего страшного, — ответила женщина и обернулась.

Это была Элис Чэпмен.

Она издала тихий возглас изумления.

— Фрэнсис Грей! Не может быть!

— Элис! Это действительно невероятное совпадение.

Элис улыбнулась.

— Девочка со слабым желудком… Далеко от дома, на митинге ЖСПС… Я поражена!

— Честно говоря, на митинг я попала случайно, — призналась Фрэнсис. Она сделала движение головой в сторону ораторской трибуны. — Кто это?

— Вы ее не знаете? Это Сильвия Панкхёрст!

— О, — воскликнула Фрэнсис благоговейно.

— Сильвия Панкхёрст — дочь Эммелин Панкхёрст, соучредительницы ЖСПС.

— Она мне нравится, — прошептала Фрэнсис.

— Мы сейчас делаем всё, чтобы нас воспринимали серьезно, — продолжала меж тем Сильвия Панкхёрст, — и будем делать это и впредь. Существует немало того, что нам следует взять у мужчин — и, в частности, понимание того, что радикальные изменения в большинстве случаев возможно осуществить только насилием. На протяжении всей истории человечества мужчины для достижения своих целей прибегали к оружию. И добивались успеха. И мы докажем, что извлекли из этого урок. Мы тоже прибегнем к оружию. Мы больше не станем просить, мы начнем бороться. В дальнейшем будут происходить уличные бои, будет литься кровь. Они бросят нас в тюрьмы, но мы продолжим нашу борьбу. И победим!

Вслед за ее словами раздались долго не смолкавшие аплодисменты.

Элис тронула Фрэнсис за плечо.

— Пойдемте. Они еще долго будут говорить речи, но сейчас мне больше хотелось бы поговорить с вами. Давайте немного пройдемся, если не возражаете.

Они протиснулись сквозь толпу. Фрэнсис увидела нескольких полицейских в шлемах, вооруженных дубинками, которые зорко наблюдали за демонстрантами.

Элис презрительно фыркнула.

— Вы только посмотрите! Они как будто ловят преступников! И я скажу вам: они буквально ищут повод, чтобы принять решительные

меры. Это невероятно, сколько агрессии испытывают мужчины в отношении женщин, которые протестуют против них…

Они удалились достаточно далеко, и мисс Панкхёрст уже не было слышно. Женщины шли по узкой тенистой дороге. Солнце над ними бросало косые лучи через листья, изображая филигранный узор на сухой земле.

— Как дела у Джорджа? — спросила Фрэнсис. — С того самого вечера мы ничего о нем не знаем.

— Он закончил с очень хорошими оценками, — сказала Элис, — и сейчас готовится к вступительным экзаменам в Сандхёрст. Надеется на стипендию, так как не хочет больше принимать деньги от своего отца.

Речь шла о военной академии в Сандхёрсте. Фрэнсис кивнула.

— У него все получится. Он живет сейчас у вас?

— Да. Временно. — Элис смерила Фрэнсис красноречивым взглядом. — А вы? Что вы делаете в Лондоне?

— Я живу у сестры моего отца. Еще с июня. Я ожидала от Лондона чего-то выдающегося, но до сих пор лишь страдала от жары и тосковала по дому.

— Почему бы вам не присоединиться к нам? — спросила Элис напрямик. — Вы ведь за право голоса для женщин?

Не дожидаясь ответа, она порылась в сумке и достала ручку и блокнот. Что-то неразборчиво написала, оторвала листок и протянула его Фрэнсис.

— Это мой адрес. Заходите просто как-нибудь. Я буду рада. И Джордж тоже.

Фрэнсис растерянно взяла листок.

— Когда я, до встречи с вами, стояла там и слушала, — сказала она, — рядом со мной переговаривались несколько мужчин. Они прошлись по мисс Панкхёрст и по другим женщинам. Дело не только в том, что у них было иное мнение или другие взгляды на эти вопросы. Ужасно было то, с каким презрением, с какой ненавистью они говорили. Это было примитивно и отвратительно. И в этот момент я каким-то образом почувствовала себя униженной.

Элис улыбнулась.

— Вы еще очень молоды. И научитесь не испытывать больше подобных чувств. Вы поймете, что такие люди затягивают в грязь

самих себя, а не нас. Обещаю: вы станете толстокожей, и вас не будет больше интересовать, что думают на ваш счет другие.

Возвращаясь домой под вечер — и сознавая свою вину, потому что Маргарет уже наверняка беспокоилась, — Фрэнсис задавалась вопросом: действительно ли она когда-нибудь обретет эту непоколебимую самоуверенность Элис Чэпмен? Иногда у нее возникало чувство, что ответы удалялись от нее тем дальше, чем настойчивее она спрашивала себя. Она сбежала от Джона, потому что боялась ограниченности брака. Потом приехала в Лондон, чтобы уяснить себе, чего она хочет на самом деле. Но теперь чувствовала себя еще более неуверенно, чем прежде.

Элис приводила ее в восторг. Эта молодая женщина добивалась цели с невероятной настойчивостью, не думая о том, что на своем пути она оставляет одни руины и осколки. У Фрэнсис не сложилось впечатления, что Элис переживала из-за ссоры между отцом и Джорджем. Но если б тот оказался на стороне отца и против нее, ее так же мало это расстроило бы. Это были жертвы, которые необходимо было принести, и она их приносила. В ней было что-то от несентиментального прагматизма, о котором Фрэнсис знала от Кейт. «Какую-то цену всегда приходится платить».

Она шла пешком и очень торопилась, поэтому немного запыхалась, когда добралась до Беркли-сквер. Уже стемнело. Сентябрьским вечером в воздухе уже ощущался легкий запах осени, влажный и пряный, непривычный после летних месяцев. Дом был ярко освещен, из каждого окна струился свет. И хотя Фрэнсис шла довольно быстро, она немного замерзла. Вечера уже становились прохладными.

Мистер Уилсон, дворецкий, открыл ей дверь. Но к ней уже спешила Маргарет, бледная и взволнованная.

— Где же ты была? — закричала она. — Я так волновалась!

— Я встретила одну старую знакомую, — ответила Фрэнсис и, не подумав, добавила: — И я была на митинге ЖСПС. Там выступала Сильвия Панкхёрст.

— Боже мой! — проговорила испуганно Маргарет, и даже мистер Уилсон с трудом сохранил свое, обычно стоическое, выражение лица.

— Извини, что заставила тебя поволноваться, — сказала Фрэнсис, — я просто не обратила внимания на время. — Неожиданно она почувствовала, что голодна. — Ты уже ужинала, тетя Маргарет?

— Боюсь, что еда не полезет мне в горло… Я слишком понервничала. Сегодня был страшный день! — К удивлению Фрэнсис, голос Маргарет дрогнул.

Фрэнсис положила руку ей на плечо.

— Я этого не хотела. Я действительно не думала, что ты будешь так беспокоиться. На этот митинг я попала совершенно случайно, поэтому ты вообще не должна тревожиться.

Они медленно пошли в гостиную, где Маргарет упала на диван. Фрэнсис налила ей бренди, который та выпила залпом.

— Хорошо! — вздохнула она и отставила стакан. — Извини, дорогая! Ты можешь совершенно спокойно считать меня истеричкой. Я разволновалась не из-за тебя. Я просто беспокоюсь…

— О чем?

— Ах, эта Энн! Энн Миддлтон… Ну, ты помнишь, та самая подруга, которую я должна была сегодня навестить. Наверное, я все время кажусь людям свалкой для их душевного мусора. Особенно если у них проблемы с детьми. Вероятно, они считают, что у такой старой девы нет собственных забот, поэтому они могут спокойно оставить своих детей у нее и просить ее, чтобы… — Она запнулась, подумав, что Фрэнсис могла бы принять это на свой счет, и поспешно сказала: — Разумеется, я не тебя имею в виду! У тебя нет никаких проблем.

— О ком же ты тогда говоришь, тетя Маргарет? — спросила Фрэнсис, немного растерявшись.

— Я говорю об этом Филиппе, — процедила Маргарет. — Он *здесь*! Я этого не хотела, но Энн на пределе своих сил, и может произойти трагедия, если Филипп и дальше будет жить под одной крышей со своим отцом.

Фрэнсис наморщила лоб.

— А кто такой Филипп?

— Это сын Энн. Довольно симпатичный молодой человек… Я сначала подумала: черт подери, что мне с этим делать? Но потом посчитала, что могла бы оказать ей услугу по старой дружбе… ну и поскольку она, кажется, действительно в отчаянии. Но теперь мне представляется, что я не справлюсь, и если что-то потом случится, это будет моя вина!

Пока Фрэнсис напрасно старалась разобраться в несколько сумбурном рассказе своей тети, в дверь постучали, и в ответ на произнесенное Маргарет «войдите» в комнату вошел молодой человек. Он испуганно остановился, увидев, что Маргарет не одна.

— О, у вас гости… — Он хотел уйти, но Маргарет сделала ему знак рукой, чтобы он остался.

— Нет, всё в порядке. Подойдите ближе, Филипп. Фрэнсис, это Филипп Миддлтон. Филипп, это моя племянница Фрэнсис Грей из Йоркшира. — Маргарет встала; возможно, подействовал бренди, но она, казалось, опять была совершенно спокойна. — Давайте мы втроем в ближайшие недели куда-нибудь сходим, — добавила тетя.

Филипп подошел к Фрэнсис, наклонился и поцеловал ей руку. Когда он выпрямился и посмотрел на нее, Фрэнсис подумала, что редко встречала такого привлекательного мужчину и никогда не видела таких глаз, в которых читалось столько отчаяния и одиночества, такой ужасающей безнадежности, как в глазах Филиппа Миддлтона.

— Он трижды пытался покончить с собой, — поведала Маргарет, — и каждый раз его спасал только случай. Его мать уже на грани помешательства от страха, что он может опять попытаться это сделать.

— Ему надо лечиться. Почему она думает, что ты сможешь с этим справиться?

— Энн опасается, что он может навсегда остаться в психушке, если хоть раз попадет в жернова психиатрии, — объяснила Маргарет. — Она навела множество справок, и оказалось, что это ужасно — оказаться в психиатрической больнице. Энн очень надеется, что все наладится, если он не будет ежедневно общаться со своим отцом. Филипп очень плохо к нему относится.

Они сидели за завтраком в столовой. Фрэнсис отказалась от чая в постели, потому что ей хотелось поговорить с Маргарет. Филипп не появился. Тетя отправила мистера Уилсона наверх, чтобы тот посмотрел, всё ли в порядке, и тот сказал, что Филипп уже оделся и стоит у окна своей комнаты и смотрит на улицу. После этого Маргарет также отправилась наверх и через некоторое время вернулась с растерянным лицом.

— Он сказал, что не голоден и хочет только смотреть в окно. Он вежлив, но совершенно холоден.

— Почему он хотел покончить с собой? — спросила Фрэнсис, беря с сервировочного столика сосиски и яичницу. Этим утром она ощущала сильный голод.

— Не знаю, есть ли у него вообще склонность к депрессиям… во всяком случае, это, кажется, началось еще в школе. — У Маргарет, очевидно, в это утро также не было аппетита. Она выпила лишь немного чая и выглядела бледной и озабоченной. — Отец отправил его еще маленьким в очень строгий интернат. Филипп был на редкость чувствительным и мечтательным ребенком, очень робким и сдержанным. Его отец непременно хотел это из него выбить. Другие дети увидели в нем самого слабого и сразу начали над ним издеваться. С утра до вечера его дразнили и мучили.

— А не могли родители перевести его в другую школу?

— Его отец настоял именно на *этой* школе. Хотя, вероятно, такое случилось бы везде. По крайней мере, в том, что касается одноклассников. Но что в этом случае делало положение маленького Филиппа еще хуже, так это то, что и директор школы был отъявленным садистом. Он бил детей за малейшую провинность, и бил действительно жестоко. Кроме того, у него был наготове ряд безжалостных пыточных методов — например, держать ребенка запертым в течение трех дней и трех ночей в мрачном подвале. Некоторые ученики должны были снять с себя всю одежду, после чего на них выливали несколько ведер ледяной воды. Или тряпка смачивалась мочой, сминалась в ком и запихивалась бедному созданию, которое, по мнению директора школы, этого заслуживало, в рот…

Фрэнсис почувствовала позыв к рвоте и отодвинула тарелку. Теперь и у нее исчезло чувство голода.

— Но Филипп ведь наверняка ничего не сделал?

— Умышленно — совершенно точно нет. Напротив. Его как будто парализовало от страха, и он старался ни по какому поводу не вызывать недовольства. Но, разумеется, именно тогда и случается одна беда за другой… Кроме того, как я уже говорила, его мучили и другие дети; таким образом, его часто наказывали за то, что они ему

устраивали — опрокинутые чернила на его парте, неубранная постель, разорванная одежда…

— Это на самом деле страшно, тетя Маргарет!

Та озабоченно кивнула.

— Директор тогда тоже придирался к нему. При этом нашел союзника в лице отца Филиппа, который был убежден в том, что именно это сделает из его сына мужчину.

— Я не понимаю, как можно быть таким жестоким со своим собственным ребенком! И он уже тогда пытался совершить самоубийство?

— Когда был ребенком — еще нет. Он только несколько раз сбегал, но каждый раз его возвращали, и за побег надо было платить приличные деньги. Позднее, в старших классах, лучше не стало, и однажды он вскрыл себе вены, но его спасли. Тогда ему было пятнадцать лет.

— А сколько ему сейчас?

— Двадцать четыре. Его отец настоял на том, чтобы Филипп пошел в военную академию. Он должен был непременно стать старшим офицером. Но к муштре мальчик, естественно, вообще не был готов. И снова попытался вскрыть вены. После этого ему пришлось уйти из академии — там не захотели иметь среди учащихся самоубийцу.

— И что он теперь делает? — спросила Фрэнсис.

Маргарет пожала плечами:

— В принципе ничего. Сидит дома, пребывая в полной апатии. Отец обрушивается на него при каждой возможности, называет его трусом и неудачником. В начале года Филипп пытался отравиться.

— А его мать? — резко спросила Фрэнсис. — Почему она это допускает? Как она могла терпеть все это столько лет? Ей надо было настаивать на своем, а не подчиняться отцу.

— Но как? Он же ее муж, — сказала Маргарет таким тоном, словно это было совершенно убедительное объяснение.

Пока Фрэнсис размышляла над ее ответом, дверь открылась и в комнату вошел Филипп. Он робко улыбался.

— Доброе утро, леди Грей. Доброе утро, мисс Фрэнсис.

— Как замечательно, что вы все же решили составить нам компанию, — воскликнула Маргарет подчеркнуто бодро. —

Пожалуйста, присаживайтесь!

Юноша сел напротив Фрэнсис.

— Я бы выпил немного чая, — сказал он.

— Вы слишком худы для вашего роста, — констатировала Маргарет. — Вам надо немного поесть.

— Утром у меня никогда нет аппетита, — возразил Филипп.

Фрэнсис украдкой посмотрела на него. У Филиппа были очень тонкие черты лица, чувствительный узкий рот, густые темно-русые волосы. Зеленые глаза с длинными ресницами можно было бы назвать самым красивым фрагментом его лица, если б они не были наполнены пугающим отчаянием. Как и накануне вечером, Фрэнсис опять охватил ужас.

Неожиданно Филипп поднял глаза. Она не поддалась первому порыву быстро отвести взгляд, и их глаза встретились. Фрэнсис улыбнулась, и через секунду удивления Филипп ответил на ее улыбку.

— Давайте предпримем сегодня что-нибудь приятное, — предложила Маргарет. — Кто знает, сколько еще продержится хорошая погода! Мы могли бы поехать в Хелмсли и устроить пикник на берегу Темзы…

— Конечно. Если вы хотите, — ответил Филипп вежливо.

Маргарет вздохнула.

— Простите! — сказал мистер Уилсон, дворецкий, незаметно войдя в комнату. — Мисс Грей просят к телефону.

Это была Элис Чэпмен. Она приглашала Фрэнсис вечером на встречу ЖСПС.

Фрэнсис согласилась, и у Маргарет появилось серьезное основание, чтобы еще раз глубоко вздохнуть.

Ей стало ясно, что она приютила в своем доме не только склонного к суицидам молодого человека, но еще и суфражетку.

Четверг, 26 декабря 1996 года

Пока Барбара читала, ее руки заледенели. Она отложила листки в сторону и потерла руки под одеялом одна о другую, чтобы усилить в них кровообращение и согреть. Комната постепенно превращалась в ледяную пещеру. У нее мелькнула мысль: интересно, кто здесь раньше спал. Чарльз и Морин? Бабушка Кейт? Кто-то из детей? Может быть, Фрэнсис? Она представила себе, каким в то время было холодное зимнее утро. Потрескивающий огонь в камине. Запахи кофе и поджареного сала, поднимающиеся вверх. Украшенная елка в гостиной. Голоса шести человек, или даже семи, если считать горничную Аделину. И все друг друга перекрикивают, болтают, смеются и спорят… Дом, полный тепла и жизни. В какой-то момент у Барбары возникло чувство тоски; в ней шевельнулось что-то, что до сего времени никогда не проявлялось в виде желания.

«Это тоже жизнь, — подумала она, — в доме, вдали от города, с семьей…»

Но потом старшая дочь уезжает и присоединяется к воинствующим суфражисткам, что сегодня примерно соответствовало бы вступлению в террористическую организацию. Что еще ждало семью Грей? На пороге стояла Первая мировая война, а сын вступил в призывной возраст…

Она будет читать дальше. Она *обязательно* прочтет, что было дальше. Но сейчас должна что-то съесть. За последние часы Барбара просто-напросто забыла про голод, но он приходил в ее сознание все более настойчиво. Ее удивляло, что два дня голодания привели к такому ощущению слабости.

— Можно войти? — спросил голос за дверью. Это был Ральф. Он вошел, принеся с собой запах морозного воздуха. Его щеки раскраснелись от холода. — Завтрак готов, — сообщил он.

— Боже мой, — воскликнула Барбара с чувством вины. — А я все еще лежу в постели! Извини… — Она заметила, что его волосы были влажными. — Как погода?

— Идет снег. Я расчистил дорогу к сараю и принес дрова. Снег, похоже, не собирается прекращаться. — Он подошел ближе и

осторожно дотронулся до ее подбородка. — Кровоподтек просто ужасный!

— Зеленый или синий?.. И боль тоже довольно сильная…

— Можно подумать, что ты принимала участие в боксерском поединке. Тебе надо было, наверное, сразу положить лед. Этого у нас, в конце концов, предостаточно!

Барбара спустила ноги с кровати.

— Я была слишком расстроена… Что у нас на завтрак?

— Чай сколько захочешь, — ответил Ральф лаконично, — половина яйца вкрутую и по куску хлеба для каждого. И тогда у нас останутся еще два яйца, два куска хлеба, немного масла и джема. А потом — всё.

— Во всяком случае, в этом году у нас не будет традиционной праздничной проблемы, — успокоила Барбара. — Нам не надо будет думать о том, как сбросить несколько фунтов, которые мы обычно наедаем за праздники.

— Мы вернемся стройными и закаленными, — добавил Ральф. — Голодание, уборка снега и колка дров не останутся без последствий.

Они оба несколько натужно рассмеялись, потом Ральф кивком указал на стопку листов на тумбочке Барбары.

— Ага, так ты действительно читаешь это?

— Да. Очень интересно. Эта Фрэнсис, чья фотография стоит на камине, была среди женщин, которые боролись за право голоса женщин в Англии.

— Да? Странно… — Как и многие мужчины, Ральф испытывал скрытую неприязнь к феминисткам, не будучи, в общем-то, противником их целей. — Так ты идешь завтракать?

Барбара влезла в халат.

— Можешь себе представить, что здесь когда-то жила семья из шести человек и горничная? — спросила она, спускаясь вслед за Ральфом вниз по лестнице. — Трое детей, родители, бабушка. И собака. Сад, должно быть, летом был великолепен… И когда-то все они были очень счастливы.

Ральф остановился и повернулся к ней. В сумеречном свете лестницы Барбара с трудом могла разглядеть его лицо, но тем более отчетливо уловила оттенок горечи в голосе мужа.

— Замечательно! — сказал он. — Это очень сильно напоминает мне мое представление о том, что для меня является понятием «счастье». У тебя это, правда, всегда вызывало полное непонимание и мгновенное неприятие. Но, к твоему собственному удивлению, ты, кажется, обнаружила, что это может иметь свою привлекательность…

Она ничего не ответила.

Позднее, после скудного завтрака, который скорее возбудил желудки, чем насытил их, Ральф сказал:

— Я считал, что это невозможно, но проклятая пурга, кажется, не закончится никогда. Если так будет продолжаться, то у нас возникнут серьезные проблемы.

— Ты имеешь в виду, с едой?

— Да. У нас есть немного лишь на завтрашнее утро. И это только в том случае, если мы сегодня больше ничего не будем есть, что довольно непросто. Потом мы сядем на мель.

Барбара кивнула. Впервые с тех пор, как они оказались здесь, у нее зародился страх. Она видела несметное количество падающего снега. Он будет идти дни, недели… Они с Ральфом усядутся в этой кухне перед чашками с кофе, а когда его запас закончится — перед чашками с чаем, и их мысли будут только о еде, и больше ни о чем на свете…

«Послушай, — приказала она себе, — не говори всякую чепуху!»

— Конечно, так быстро голодной смертью не умирают, — продолжал Ральф, — но это состояние вызывает дискомфорт, и у меня нет особого желания слишком долго терпеть его. — Он отодвинул свою тарелку, на которой лежала яичная скорлупа — жалкие остатки их убогой трапезы. — Это начинает действовать мне на нервы. Завтра мне исполняется сорок лет, и праздничная еда будет опять состоять из одного сваренного вкрутую яйца и куска хлеба… Ночью я уже видел сон с полными тарелками и кастрюлями!

Барбара подлила себе кофе.

— У меня все то же самое. Но, боюсь, мы мало что можем сделать.

— В подвале стоит пара лыж. На них я мог бы попробовать доехать до Дейл-Ли.

— Слишком опасно. Мы приехали сюда три дня назад в сумерках, было уже почти темно. Поэтому у нас есть только примерное представление, в каком направлении отсюда расположен Дейл-Ли, и даже здесь мы можем заплутать. Предположим, ты заблудишься. В такой холод и в такую пургу это может стоить тебе жизни!

— Я об этом подумал, Барбара. Конечно, существует риск, что деревню вообще не удастся найти. Но даже если здесь действительно уединенная местность, то ведь не всё полностью вымерло! Даже если заблудишься, все равно рано или поздно наткнешься на какую-нибудь ферму или жилой дом.

— Если не повезет, то, может, и нет.

— Мы все-таки в Уэнслидейле в Северном Йоркшире, — сказал Ральф, — а не в сибирских широтах, хотя сейчас это выглядит именно так. Не может быть, чтобы за все время пути в течение дня мне не встретился бы ни один человек.

— Тогда, по крайней мере, давай пойдем вместе, — предложила Барбара.

Ральф покачал головой.

— Там только одна пара лыж.

— Я нахожу эту идею не очень удачной. Но ты, кажется, настроен решительно…

Он потянулся через стол и взял ее руку. Этот жест был редким для них, и Барбара воспринимала его как своеобразную нежность.

— Я не намерен идти сегодня. Я только подумал, что нам надо составить план на тот случай, если погода не улучшится.

Барбара кивнула и снова взялась за кофейник, хотя из своих радикальных курсов диет, которыми она увлекалась в прежние годы, ей было известно, что большое количество кофе на почти пустой желудок может вызвать желудочные боли.

Но в данный момент ей это было совершенно безразлично.

Они разгребли снег и накололи дров, и Барбаре пришлось обрабатывать кровавые пузыри на руках Ральфа, которые появились у него во время работы, несмотря на перчатки. Оба были уставшими и голодными и изо всех сил старались не думать о еде или о такой роскоши, как горячая ванна с обильной пеной. Ральф предложил Барбаре подогреть для нее на плите воду и принести наверх, пока

заполнится ванна на старомодных изогнутых ножках, но Барбара сказала, что подобные усилия не соответствуют реальной пользе.

Ральф, совершенно измотанный, кажется, вздохнул с облегчением. Он нашел на полке детектив об Эркюле Пуаро и отправился с ним в столовую к камину, в то время как Барбара готовила чай из неисчерпаемых запасов Лоры. Она ощущала сильную боль в желудке. На улице стемнело, и с неба каскадом падали снежные хлопья. Барбара резким движением задернула занавеску на кухонном окне. Больше не могла смотреть на этот проклятый снег.

На столе лежала рукопись Фрэнсис Грей. Барбара читала ее весь день напролет, отрываясь лишь на неприятную работу, которую было необходимо сделать. Фрэнсис Грей осенью 1910 года часто встречалась с Элис Чэпмен и участвовала в мероприятиях ЖСПС. Она увиделась со своим братом Джорджем, который тяжело переживал размолвку с отцом, но которому гордость и самоуважение не позволяли самому сделать первый шаг. Еще раз написала Джону Ли, но тот опять ничего не ответил. У нее было несколько столкновений с Маргарет, которая, мягко говоря, не одобряла общения своей племянницы с воинствующими суфражистками.

В течение этих недель тетя столкнулась с серьезным противоречием и не могла принять нужное решение. С одной стороны, она чувствовала себя обязанной сообщить родителям Фрэнсис об опасных амбициях их дочери; с другой стороны, опасалась показаться нелояльной, если выдаст племяницу и тем самым причинит ей неприятности. У нее и так совсем сдали нервы, поскольку она старалась не спускать с Филиппа глаз, подозревая, что тот только и ждет возможности снова наложить на себя руки. А ночью лежала без сна и размышляла о том, что может случиться с обоими молодыми людьми, которых ей доверили.

Филипп, в свою очередь, хотел сблизиться с Фрэнсис, но та скорее терпела это, так как была слишком занята с Элис, чтобы заботиться о меланхоличном молодом человеке с разбитой душой.

Филипп писал ей стихи и дарил цветы, но Фрэнсис, полностью ушедшая в свои мысли, не понимала тогда, что он давно и безнадежно в нее влюблен. Ее занимали лишь две вещи: право голоса для женщин и воспоминания о Джоне.

Воздыхатель не имел понятия, что Фрэнсис любила другого мужчину и мучилась сомнениями, что приняла ошибочное решение, когда отвергла его предложение. Он думал, что ее нетерпение по отношению к нему и рассеянность связаны исключительно с ее активной деятельностью в ЖСПС. В этом вопросе он встал полностью на ее сторону и постоянно подбадривал ее — но делал это настолько робко и сдержанно, что Фрэнсис едва ли замечала, что у нее есть единомышленник. Иногда они ходили вместе на прогулку или в театр, но она делала это скорее из сострадания, так как отчасти чувствовала свою вину и то и дело думала о том, что должна больше заботиться о человеке, который столько пережил…

Барбара села за стол и попробовала чай. Напиток был отвратительным, но на упаковке было написано, что он помогает от боли в желудке. Она погрела руки о горячую чашку и стала пить небольшими осторожными глотками.

Потом снова погрузилась в чтение.

Ноябрь — декабрь 1910 года

— Могу я тебя побеспокоить, Фрэнсис? — спросила Маргарет, просунув голову в дверь комнаты племянницы.

Та сидела в постели с толстым шерстяным шарфом, повязанным вокруг шеи, и держала в руках стакан молока с медом. Она была бледна, а ее глаза лихорадочно блестели.

— Ты неважно выглядишь, — констатировала Маргарет и положила руку на лоб Фрэнсис. — Да у тебя температура!

— Я и чувствую себя довольно скверно, — согласилась Фрэнсис. Уже не первую неделю она боролась с сильной простудой, но ей не становилось лучше.

— Ты знаешь, я действительно сожалею, что ты болеешь, но все же должна признаться: я чувствую настоящее облегчение, что ты сегодня не пойдешь на этот… как называется это мероприятие?

— Женский парламент.

— Да. Я бы очень беспокоилась. Никогда не знаешь, чем может закончиться нечто подобное. Я… я могу полагаться на то, что ты останешься дома?

Только сейчас Фрэнсис заметила, что на Маргарет были пальто и перчатки.

— Ты уходишь?

— Да, на бридж с чаепитием к леди Стенхоуп. Сперва я хотела отказаться, так как подумала, что мне надо быть дома, если ты вдруг плохо себя почувствуешь, и, конечно, из-за Филиппа, но… один раз я, пожалуй, могу увидеться со своими подругами.

Фрэнсис ощутила чувство вины, осознав, насколько ее тетя ограничила свою привычную жизнь, взяв на себя заботу о двух молодых людях в собственном доме.

— Конечно, иди, — сказала она, — и не беспокойся. Со мной ничего не случится. Я проведу остаток дня в своей комнате и постараюсь поправиться. Никаких уличных боев, тетя Маргарет!

— Тогда я действительно спокойна, — ответила та с облегчением. — Присмотри тогда немного за Филиппом, хорошо? Вы могли бы вместе поужинать…

— Честно говоря, я боюсь, что у меня не будет аппетита. Но я могу составить ему компанию. Хорошего тебе дня, и не думай постоянно о нас. Мы ведь уже не маленькие дети!

— Знаешь, — сказала Маргарет, — я очень часто сожалела, что у меня нет собственных детей, но постепенно я начинаю видеть в этом и положительные стороны. — Она погладила Фрэнсис по голове. — Ты — прелестная девушка, это правда, и Филиппа я тоже очень люблю. Но, — она повернулась к двери, — но от забот никогда нельзя уйти полностью, не так ли?

Фрэнсис проспала несколько часов. За окном барабанил нудный ноябрьский дождь, быстро сгущались ранние осенние сумерки. Когда она проснулась, было пять часов вечера. В доме стояла тишина.

Девушка встала. Она чувствовала себя лучше. Сон придал ей силы, и голова уже не болела так сильно, как с утра. У нее даже появилось небольшое чувство голода.

Она решила пойти в кухню и обсудить с кухаркой меню на ужин. Проходя мимо комнаты Филиппа, замешкалась и постучала в дверь.

— Войдите, — отозвался Филипп.

Он, как обычно, стоял у окна и смотрел в темноту, на дождь. В комнате горела лишь небольшая лампа, слабо освещая его лицо. Когда Филипп увидел Фрэнсис, его напряженные черты лица озарила улыбка.

— Фрэнсис! — Он подошел к ней. — Как ваши дела? Вы чувствуете себя получше? — Казалось, молодой человек импульсивно хотел взять ее за руки, но робость не позволила ему это сделать. Филипп так и остался стоять перед ней с опущенными руками. — Вы выглядите гораздо лучше, чем сегодня утром, — констатировал он.

— Я и чувствую себя лучше. Я как раз хотела поговорить с кухаркой по поводу ужина… Вы ведь поужинаете со мной?

— Конечно! — Он оживленно закивал. И, как всегда, что-то смутило Фрэнсис в его поведении.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда увидимся позже.

Филипп протянул руку, но снова не дотронулся до нее.

— Фрэнсис…

— Да?

— Я… это звучит, наверное, глупо, но я очень рад, что познакомился с вами!

«Боже мой», — только и подумала Фрэнсис, но вслух сказала:

— Мне тоже приятно, что мы встретились, Филипп.

— Никогда не думал, что когда-нибудь скажу женщине нечто подобное. Я имею в виду, то, что я рад знакомству с вами. — Он все еще не знал, куда деть руки. Но его такие безразличные, полные безысходности глаза засветились. — Никогда не предполагал, что буду испытывать к женщине такие чувства, — тихо добавил он.

— Филипп, вы ведь едва знаете меня, — возразила Фрэнсис и неуверенно засмеялась.

— Я знаю вас. Знаю намного лучше, чем вы думаете. Я часто думаю о вас…

Фрэнсис не знала, что ей ответить, и молчала.

У Филиппа появилось ощущение, что он зашел слишком далеко. Он также замолчал; наконец произнес, запинаясь:

— Я вас… я имею в виду, что, надеюсь, не поставил вас в затруднительное положение.

— Ничуть, — уверила его Фрэнсис, отчаянно думая, как выпутаться из ситуации, чтобы не обидеть юношу. — Я… мы должны подумать об ужине.

Филипп был задет — его выдали выразительные черты лица. Он старался это скрыть, но его улыбка выглядела искусственной и напряженной.

— Хорошо, — сказал он, — идемте же вниз.

Они дошли до середины лестницы, когда сильный стук в дверь заставил обоих вздрогнуть.

— Но это не может быть тетя Маргарет! — испуганно сказала Фрэнсис.

Прибежал мистер Уилсон. На его лице было написано возмущение таким безобразным поведением, которое проявлял неизвестный гость. Он открыл дверь — и тут же мимо него в холл ворвалась молодая женщина. Ее промокшее пальто, прилипшее к телу, походило на половую тряпку, мокрые спутанные волосы свисали на плечи. Под правым глазом у нее была рана, из которой сочилась кровь.

— Здесь живет Фрэнсис Грей? — спросила она.

— Могу я узнать ваше имя? — недовольно спросил Уилсон.

— Это я мисс Грей. — Фрэнсис спустилась по лестнице и едва успела подхватить молодую женщину, которая чуть не упала на пол. Вместе с Уилсоном они довели ее до стула и помогли сесть.

— Извините, — прошептала незнакомка. Ее губы побелели. — У меня всего лишь немного закружилась голова.

Фрэнсис вынула носовой платок и приложила его к ране.

— Уилсон, принесите, пожалуйста, что-нибудь дезинфицирующее, — попросила она, — а вы, Филипп, — бренди тети Маргарет. Ей нужно восстановить кровообращение.

Филипп сразу же послушно отправился за бренди, а Уилсон замешкался.

— Мы ничего не знаем о личности этой… — начал он.

— Луиза Эпплтон, — ответила женщина слабым голосом. — Меня послала Элис Чэпмен.

— Элис? — Фрэнсис сразу встревожилась. — Сделайте же наконец то, что я вам сказала! — набросилась она на Уилсона. Потом села на корточки рядом с Луизой и взяла ее за руку. — Что с Элис?

— Ее арестовали. Она ранена. Она еще успела назвать мне ваше имя и ваш адрес. Вы должны сообщить об этом жениху Элис. — Она явно боролась со слезами. — Это было так ужасно!..

— Вас задержала полиция?

Луиза не смогла больше сдерживать плач.

— Я еще никогда не видела, чтобы мужчины с такой жестокостью обращались с женщинами, — всхлипывала она. — Они затаскивали женщин в подъезды и там их избивали. Они бросали их на пол и пинали ногами куда попало. Они таскали их за волосы и целенаправленно били в грудь. У меня было чувство, что они хотят нас убить.

Пришел Филипп с бренди в руках. Фрэнсис наполнила бокал и протянула его Луизе.

— Вот. Выпейте. Вам это поможет.

Пальцы Луизы дрожали. Она стала пить бренди маленькими глотками, и ее щеки постепенно розовели.

— Я никогда этого не забуду, — прошептала она, — никогда, покуда жива. Мы хотим получить право голоса. Мы хотим иметь право, которое веками принадлежало мужчинам. И за это они расправились с нами как с преступницами…

— Элис отправили в тюрьму? — спросила Фрэнсис. — Или в больницу? Вы сказали, что она ранена.

— Насколько я поняла, ее должны отправить в тюрьму Холлоуэй. Я надеюсь, что там о ней как-то позаботятся. Она была вся в крови…

Голос Луизы опять задрожал, и Фрэнсис быстро налила ей еще немного бренди. Потом она сказала:

— Я поеду в тюрьму Холлоуэй. Я должна узнать, могу ли хоть чем-то помочь Элис.

— Вы не должны этого делать! — испуганно возразил Филипп.

Из хозяйственных помещений, расположенных в полуподвале, появился мистер Уилсон; за ним шла кухарка, в руках которой были флакончик с йодом и пачка бинтов.

— Что случилось? — спросила она.

— Полиция избила суфражеток и многих из них арестовала, — объяснила Фрэнсис. — Мисс Эпплтон тоже досталось.

Как мистер Уилсон, так и кухарка мисс Вентворс из чистого убеждения не признавали суфражеток, их методы и цели; но материнское сердце кухарки, кажется, дрогнуло, когда та увидела бледную, промокшую насквозь женщину, которая, дрожа как осиновый лист, сидела съежившись на стуле, а на ее щеке запеклась кровь.

— Она заболеет, сидя в мокрой одежде! — сказала мисс Вентворс. — Ей надо немедленно принять горячую ванну и лечь в теплую постель.

— Займитесь этим, мисс Вентворс, — распорядилась Фрэнсис. — Наполните ей ванну и приготовьте для нее гостевую комнату. Я еду сейчас же в тюрьму Холлоуэй!

— Нет! — крикнули в один голос мистер Уилсон, мисс Вентворс и Филипп. Но Фрэнсис уже бежала вверх по лестнице, чтобы взять свое пальто.

Филипп побежал за ней.

— Вы ведь даже не знаете, где это!

— Я возьму извозчика.

— Я поеду с вами.

— Об этом не может быть и речи. Кто-то должен остаться дома и объяснить все тете Маргарет. Ей и без того хватает в жизни всяких кошмаров…

— Но здесь остается Уилсон и мисс Вентворс. Они и расскажут ей, что случилось!

— Филипп, будьте благоразумны! — Фрэнсис взяла из шкафа пальто и шарф, чтобы надеть его на голову. — Останьтесь здесь и успокойте тетю Маргарет.

Филипп стоял в дверях. В этот момент Фрэнсис была не в состоянии это осознать, но позднее она вспомнила, что у него впервые было выражение лица не обиженного ребенка, а мужчины.

— В это время я не позволю вам ходить по Лондону в одиночку, Фрэнсис. Или я пойду с вами, или вы никуда не пойдете!

Она коротко рассмеялась.

— Вы думаете, что мне требуется ваше разрешение?

Но он стоял в дверях как скала, и Фрэнсис знала, что потратит уйму времени, если начнет с ним спорить.

— Тогда пойдемте, три тысячи чертей, — сказала она. — Я не могу сейчас с вами дискутировать.

Филипп кивнул. Минут пять спустя они мчались через дождь и туман, в мгновение вымокнув до нитки.

То было 18 ноября 1910 года, и этот день вошел в историю движения за права женщин как «Черная пятница». В этот день были арестованы 115 женщин; полиция действовала в отношении демонстрантов с невиданной ранее жестокостью. Кристабель Панкхёрст обвинила впоследствии министра внутренних дел Уинстона Черчилля в том, что тот санкционировал свирепые действия полиции в отношении женщин. Это был упрек, который настолько возмутил Черчилля, что он собирался обвинить Кристабель Панкхёрст в клевете.

Но фактом являлось то, что оказалось большое количество раненых, что тюрьма Холлоуэй была переполнена суфражетками и что для многих женщин пребывание там стало настоящим истязанием.

Филипп, тот самый пребывающий в постоянной депрессии Филипп, который, как до этого полагала Фрэнсис, едва ли способен на что-то, разве что смотреть из окна на улицу или сочинять меланхоличные стихи, сумел быстро найти извозчика недалеко от Бонд-стрит. Они, правда, уже совершенно промокли от дождя, но дорога до Айлингтона на севере Лондона, где находилась тюрьма, заняла немного времени. Извозчик отказался подъехать к входу, так как

уже в начале Паркхёрст-роуд было видно, что перед тюрьмой идут уличные бои.

— Внутрь не поеду! Там мою повозку превратят в утиль.

— Мы выйдем здесь, — быстро сказал Филипп и стал копаться в своем кошельке.

— Опять эти проклятые бабы, — проворчал извозчик. — У меня все время возникает вопрос: когда наконец правительство покончит с ними? Я вам скажу, что на выборах через четыре недели отдам свой голос той партии, которая пообещает, что разгонит весь этот сброд!

Филипп сунул ему в руку пару монет и бросил на ходу: «Сдачи не надо!» Потом помог выйти Фрэнсис.

Они стояли на улице под дождем, и на лице Филиппа отражалось отчаяние оттого, что он оказался втянутым в эту дурную историю. Перед входом в тюрьму женщины устроили демонстрацию, требуя освобождения своих арестованных соратниц. Полицейские пытались их разогнать, при этом они без разбора били женщин и произвольно арестовывали кого-то из толпы.

Филипп, у которого от холода не попадал зуб на зуб, крепко держал Фрэнсис за руку.

— Фрэнсис, вы не должны сейчас туда идти! Вы не пройдете! Давайте поедем домой. Мы можем завтра…

Она раздраженно сбросила его руку.

— Я хочу узнать, что случилось с Элис, и я сейчас же туда пойду. Вам не надо идти со мной!

Она плотнее закуталась в свое мокрое пальто и помчалась по улице. Филипп тихо выругался, но все же отправился за ней следом. Протискиваясь между митингующими женщинами, она, как через пелену тумана, слышала крики и брань, а также разгневанные голоса полицейских.

Объятая волнением, Фрэнсис не понимала, что угодила в совершенный хаос и что подвергается серьезной опасности.

Как раз перед ней полицейский тащил за собой прямо за волосы пожилую женщину, другой носком сапога бил в ребра неподвижно лежащее на земле тело. Одна очень элегантная женщина, на которой было пальто с меховой оторочкой и серьги с большими изумрудами, стояла, обхватив руками фонарный столб, и выплевывала кровь в водосточный желоб.

Это зрелище вывело Фрэнсис из транса. Она подошла к женщине. Кто-то упал на нее, и она получила сильный удар по голени, но проигнорировала боль и взяла женщину за руку.

— Я могу вам помочь?

Женщина, которая стояла согнувшись, постепенно выпрямилась и вытерла тыльной стороной кисти кровь на губах.

— Ничего, — ответила она хриплым голосом, — они всего лишь выбили мне два зуба.

Фрэнсис с ужасом смотрела на нее, наконец начиная понимать, что происходит вокруг нее. Она слышала крики, видела, как женщины пытались убежать, а мужчины догоняли их, чтобы избить. Она также видела женщин, которые сражались как дикие кошки; они наносили удары и буквально вцеплялись в полицейских. На улице горело лишь несколько фонарей. Картину довершали туман и дождь, придавая ей призрачную нереальность.

Фрэнсис обернулась и крикнула: «Филипп!» — но не обнаружила его в толпе. Ей потребовался какой-то момент, чтобы вновь сориентироваться, — и в эту минуту произошло следующее: откуда-то из темноты, от небольшой церкви, которая была расположена напротив тюрьмы, на развилке Панкхёрст-роуд и Кэмден-роуд, прилетел камень. Большой, жуткий, ребристый. Он пролетел в миллиметре от головы Фрэнсис и попал в висок полицейскому, который стоял в нескольких шагах от нее. Мужчина упал на колени и потом всей своей тяжестью рухнул на землю, не издав ни единого звука.

Фрэнсис, уверенная в том, что он мертв, вскрикнула. К ней немедленно устремились несколько полицейских и схватили ее. Один вывернул ей руку за спину с такой силой, что Фрэнсис снова закричала, на этот раз от боли. Страж порядка вонзил ей свое колено в крестец, и она наклонилась вперед. Другой схватил ее за волосы и при этом так резко наклонил ее голову в сторону, что из глаз у нее брызнули слезы. Третий встал перед ней, и Фрэнсис поняла, что он собирается ударить ее по лицу. Она напрасно пыталась увернуться. Четвертый полицейский крепко держал ее.

— Не надо. Оставь ее!

— Она его убила! Она убила Билли!

— Тем не менее. Довольно. Решение должен принимать судья.

Мужчина, вывернувший Фрэнсис руку за спину, отпустил ее, как и другой, который схватил ее за волосы. Она сидела на корточках на мокрой от дождя дороге, крепко прижав к себе пострадавшую руку. Сильно болело плечо, и Фрэнсис задавалась вопросом, не вывихнуто ли оно. Полицейский, защитивший ее от своих товарищей, наклонился к ней:

— Встаньте, пожалуйста, мисс. Вы арестованы.

Он помог ей встать на ноги. Боль пронзила руку. Фрэнсис увидела лежащего на земле мужчину; вокруг него стояли несколько полицейских. Ее охватила паника, когда она поняла, *что* ей вменяют в вину.

— Это не я, — сказала она, — это действительно не я.

— Мы всё выясним. А сейчас вы пойдете со мной.

Измученная болью, Фрэнсис не нашла в себе силы сопротивляться. Полицейский повел ее с собой. Позже девушке стало ясно, что ей повезло, потому что он, по крайней мере, не применял насилие.

Когда за ними закрылись ворота тюрьмы, она еще раз сказала слабым голосом:

— Это не я!

Но вряд ли ей хоть кто-то поверил.

Ее заперли в камере, где уже находились четыре женщины. Длина помещения составляла примерно шагов пять, такой же была и ширина. Напротив двери имелось небольшое зарешеченное окно, располагавшееся прямо под потолком, из которого можно было что-то увидеть лишь встав на стул или ящик. Стены были из красного кирпича, пол — из холодного цемента. В камере стояло четыре кровати — по две, одна над другой, с тонкими продавленными матрацами и изношенными шерстяными одеялами, на вид жесткими и колючими. В углу стояло ведро.

Другие женщины выглядели такими же измученными, промокшими и отчаявшимися, как и Фрэнсис. Однако казалось, что никто из них не имел серьезных повреждений; лишь одна держалась за желудок, тихо стонала и говорила, что у нее в любой момент может начаться рвота.

К Фрэнсис, остановившейся у двери, подошла высокая женщина с седыми волосами и энергичным лицом.

— Меня зовут Кэролайн, — сказала она. — Я — медсестра. Позвольте я посмотрю вашу руку. У вас, кажется, сильная боль…

— Да, — ответила Фрэнсис таким сиплым голосом, что ее едва можно было понять. Она откашлялась. — Да, рука очень болит.

— Снимите ваше пальто, — попросила Кэролайн. — Осторожно… Потихоньку…

Мокрое пальто упало на пол.

— Расстегните платье, — продолжила Кэролайн.

Фрэнсис замешкалась, но она понимала, что для стыдливости сейчас не место и не время. Кэролайн стянула ткань с ее плеч.

— Вывиха нет, — констатировала она после того, как обследовала сустав и осторожно подвигала рукой в разные стороны. — Всего лишь ушиб. Рука еще какое-то время поболит, но потом все будет в порядке.

— Большое спасибо! — прошептала Фрэнсис и стала одеваться.

Мокрая ткань платья неприятно липла к телу, и только сейчас девушка заметила, что и кожаные сапожки совершенно промокли, а ноги напоминали две ледышки. Она со страхом подумала, во что выльется ее простуда, если она в ближайшее время не переоденется в сухие вещи. Так как переохлаждение, головная боль и температура были непосредственной реальностью, то связанная с этим опасность занимала ее гораздо больше, чем проблемы, которые возникнут, если она в дальнейшем станет подозреваемой в метании камней. Ей грозило обвинение за причинение тяжких телесных повреждений или даже — если полицейский был мертв или умер впоследствии — за причинение смерти.

— Как вас зовут? — спросила Кэролайн. Она подняла промокшее насквозь пальто Фрэнсис и повесила его на одну из стоек кровати рядом с пальто других женщин.

— Фрэнсис Грей.

Кэролайн внимательно посмотрела на девушку.

— У вас температура. Я вижу это по вашим глазам. — Она положила ей руку на лоб и кивнула. — Да, вы больны.

Подошла другая женщина. Она была молода и хороша собой. Ее платье, хотя, конечно, мокрое и помятое, свидетельствовало о работе

первоклассного портного. Как оказалось, ее звали Памела Купер, и она была дочерью профессора из Оксфорда.

— Я уже три раза просила принести сухую одежду, — сказала Памела. Ее голос дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Это просто невообразимо, что они здесь делают с нами. У них нет никакого права заключать нас в тюрьму, но еще меньше они смеют с нами дурно обращаться!

Она начала дергать решетчатую дверь и кричать:

— Черт подери, есть здесь кто-нибудь? Я требую, чтобы сюда кто-нибудь пришел!

Наконец пришла надзирательница, грубая особа с пушком над верхней губой.

— Хватит орать, — резко осадила она Памелу. — Это вам не гостиница, а я здесь не для того, чтобы плясать под вашу дудку!

Памела не обратила внимания на ее слова.

— Я буду жаловаться, — сказала она, — если мы немедленно не получим сухую одежду и дополнительные одеяла. У этой дамы, — она указала на Фрэнсис, — температура. Она сильно простужена, и если серьезно заболеет, мы привлечем вас к ответственности, что будет иметь весьма неприятные последствия, обещаю!

— Да что вы! — Надзирательницу было не так легко запугать. — Очевидно, она достаточно здорова, чтобы в такую погоду таскаться по улицам и дебоширить. Кто ее просил это делать? Может быть, я? И я же теперь еще должна нести ответственность за ваш идиотизм?

— Нам нужна сухая одежда, — настаивала Памела, — и одеяла. Немедленно!

Надзирательница покачала головой и исчезла, но Памела начала тут же снова дергать решетчатую дверь и кричать. В конце концов она добилась того, что после часа упорных переговоров с надзирательницей им в камеру принесли пять дополнительных одеял. До их мокрой одежды никому не было дела.

— Через полчаса выключают свет, — объявила надзирательница, — и вы должны лежать в постелях.

Памела опять пошла в наступление.

— У нас здесь четыре кровати. А нас пятеро, как вы, возможно, заметили. Нам нужна еще одна кровать!

Глаза надзирательницы издевательски заблестели.

— Вы ведь такие добрые товарищи! Двое из вас могут поспать и на *одной* кровати, — сказала она и исчезла со злой улыбкой на губах.

— Ведьма! — крикнула ей вслед Памела. Ее голос стал хриплым от крика. — Я боюсь, что сегодня мы уже ничего больше не добьемся. Нам действительно придется лечь в кровати, пока не выключили свет.

Они обсудили, как им лучше распределить спальные места. Люси, довольно полная женщина, будет спать одна, как и Фрэнсис, потому что она больна и может кого-то заразить. Кэролайн тоже получит кровать целиком, а Памела разделит спальное место с пятой из женщин — молодой девушкой по имени Хелен, также из Оксфорда; они с Памелой уже давно были знакомы, хотя, правда, не общались близко.

— Надеюсь, здесь нет блох и клопов, — сказала Памела. Она скептически осмотрела свое спальное место. — О боже, я определенно еще ни разу в жизни не спала в такой ужасной постели!

Женщины сняли с себя мокрую одежду, что было непросто в узкой камере, и, насколько это было возможно, развесили ее просыхать. Затем поочередно воспользовались ведром в углу, и для каждой из них это было ужасным испытанием. В своем влажном нижнем белье они легли в постели, натянув на себя по два шерстяных одеяла, которые, правда, едва ли могли спасти их от холода. Не прикрытая плафоном электрическая лампочка, свисавшая с потолка и излучавшая свет, погасла. Камера погрузилась в полную темноту.

Фрэнсис всю ночь не сомкнула глаз. Она ужасно замерзла, и голова у нее с каждой минутой болела все сильнее. Она буквально чувствовала, как поднимается температура. На ум приходили спутанные мысли. Что стало с Филиппом? Понял ли он, что ее арестовали? Бедная тетя Маргарет наверняка пережила шок. Ее племянница в тюрьме! Теперь она должна сообщить об этом своему брату и при этом признаться, что Фрэнсис уже давно общается с суфражетками. Конечно, тетя получит выговор от Чарльза, но все же она совершенно не виновата во всей этой истории.

Фрэнсис думала и об Элис. Находится ли она в той же самой тюрьме? Или ее отправили в больницу? Тяжелая ли у нее рана? Известил ли кто-нибудь Джорджа?

«Что мне делать, если я серьезно заболею, — спрашивала она себя, — если у меня будет воспаление легких? Помогут мне или

оставят замерзать?»

У нее постоянно стучали зубы, от холода или от температуры, Фрэнсис не знала. Она старалась сохранять спокойствие и не разбудить других — если те вообще спали.

Фрэнсис поплотнее укуталась в одеяла и с завистью подумала, что Памеле и Хелен лучше, чем другим: они, по крайней мере, могут согреться друг от друга.

В какой-то момент, когда за окном еще было совершенно темно, в камере неожиданно включилась лампа, и все помещение в одно мгновение наполнилось отвратительным ярким светом. Одновременно по всему зданию стали раздаваться различные звуки: открывающиеся и закрывающиеся двери, дребезжащая посуда, голоса, крики, звенящие ключи…

Женщины приподнялись на кроватях. Памела и Люси были заспанными; остальные, как и Фрэнсис, похоже, вообще не спали. У Фрэнсис, когда она стала выбираться из своей постели, возникло ощущение, будто ей в голову вонзили сотню иголок. Волосы высохли, но наверняка выглядели как спутанные заросли.

В ледяной камере, разумеется, не высохло ни одно платье. Оказалось, что это очень неприятно — надевать влажную одежду, — и все решили, что было бы гораздо лучше, если б они накануне вообще ее не снимали. Им принесли таз с холодной водой. Женщины умылись и помогли друг другу хоть немного привести в порядок волосы. У них не было ни щетки, ни расчески, поэтому прошло немало времени, пока завершилась эта процедура. Потом они сели на нижние кровати и стали ждать, замерзшие и невыспавшиеся.

Через некоторое время появилась надзирательница, оказавшаяся более приятной, чем та, с кем они имели дело накануне. Она принесла завтрак, оказавшийся, к удивлению Фрэнсис, более обильным, чем она ожидала. Он состоял из кофе, достаточного количества хлеба, масла и джема. Надзирательница поставила поднос в угол и снова исчезла. У Люси жадно заблестели глаза, и она хотела тут же встать с кровати. Но Памела усадила ее обратно.

— Нет! — сказала она энергично.

Все посмотрели на нее. Только Кэролайн сразу кивнула.

— Вы правы, Памела, — сказала она. — Мы должны отреагировать на наш арест так, как это делают и всегда делали наши

соратницы.

— Голодовка, — сказала Фрэнсис.

Памела посмотрела на других.

— Согласны? — Вопрос был формальностью; кроме того, он звучал как приказ. Все молча выразили свое согласие.

— Один-два дня будет тяжело, — предупредила Кэролайн, — но мы должны это выдержать. Возможно, они вскоре нас отпустят.

— Каждая может позволить себе сейчас немного кофе, — решила Памела, — но это всё. Больше мы не примем никакой еды.

Горячий кофе повысил жизненный тонус женщин. Пока Фрэнсис маленькими глотками пила кофе, она неожиданно вспомнила, что рассказывала ей Элис о голодовке, в которой она сама принимала участие; в итоге заключенных стали кормить принудительно. Как сказала Элис, это было самое ужасное, что когда-либо с ней происходило.

Фрэнсис впервые подвергли принудительному питанию на четвертый день после ареста. Она, как и сокамерницы, оставалась стойкой, хотя им в камеру приносили весьма пристойную еду. После того как ее уносили, маленькое помещение еще долго хранило различные ароматы съестного. Фрэнсис не была уверена, выдержала бы она это одна, но рядом с другими у нее не оставалось выбора. Странным образом голодание далось наиболее тяжело вовсе не полной Люси, хотя та частенько причитала, а энергичной Памеле. Казалось, она с каждым часом становилась все бледнее и была вынуждена часто неожиданно садиться, так как у нее темнело в глазах; два раза она даже внезапно падала, как поваленное дерево. Фрэнсис пыталась уговорить ее съесть как минимум немного супа, поскольку соль помогла бы стабилизировать кровообращение, но Памела наотрез отказалась и с утра до вечера продолжала бороться со своими обмороками.

— Ты психопатка! — сказала надзирательница, крепкая особа, с которой они столкнулись в первый вечер. — Все вы психопатки. Вскоре увидите, к чему это приведет… Бог мой, как можно быть такими идиотками! — Она взяла поднос с нетронутой едой, и женщины посмотрели ей вслед голодными глазами.

Хотя Фрэнсис иногда казалось, что ее желудок на ощупь напоминает болезненную впадину, холод досаждал ей значительно больше, чем чувство голода. У девушки и без того не было особого

аппетита, но ее состояние ухудшилось; Фрэнсис постоянно лихорадило, и от этого она еще больше мерзла. Каждую минуту, днем и ночью, ее била дрожь, и подчас она боялась, что ее мечта о горячей ванне — это всего лишь иллюзия; но как сильно, как страстно она об этом мечтала…

Четырех дней в ужасной, исключительной обстановке хватило ей, чтобы взглянуть на свою прежнюю жизнь другими глазами и с совершенно не привычной до сего времени благодарностью. Большой уютный дом, красивая комната, чистая сухая одежда, неограниченное количество еды и напитков; если она была больна, ее мать и бабушка заботились о ней, заваривали для нее травяной чай, проводили с ней время и постоянно спрашивали о ее самочувствии. Еще никогда никто не обращался с ней так дерзко и грубо, как эти надзирательницы, — никто в семье, никто в ненавистной школе, и уж тем более Джон.

Любая мысль о нем причиняла ей боль. Она побоялась пропустить в жизни что-то важное, если б согласилась выйти за него замуж, не использовав свои иные возможности. Но теперь поняла, что существуют возможности, о которых лучше вообще не знать. Впервые жизнь показала ей свое поистине уродливое лицо, состоявшее из холода и голода, из крошечной камеры, жесткой постели, зловонного ведра в углу, из мучительно тесного совместного проживания с четырьмя другими женщинами, с которыми ее связывала общая идея и больше ничего; но для того, чтобы двадцать четыре часа в сутки сидеть друг на друге, одной общей идеи было слишком мало. И именно в отношении того, что касалось этой идеи, Фрэнсис часто мучили сомнения. Нет, не с точки зрения содержания — но тем не менее она задавалась вопросом, насколько сильно ее в действительности это увлекает. Она чувствовала себя как человек, которому в голову пришла мысль, он обдумал ее и нашел удачной. Но сердце эта мысль не затронула, и даже нынешняя сложная ситуация не могла ей помочь. Со всем, что с ней происходило, она должна была справляться самостоятельно, своим собственным умом, и никакой внутренний огонь не смог бы помочь ей преодолеть это. Иногда ее мучил вопрос, была ли она способна на настоящую страсть; страсть по отношению к человеку или идеалу. В Элис она всегда чувствовала что-то от этой страстной силы, и в Памеле тоже обнаружила что-то

подобное. Памела жила ради своей борьбы. При необходимости она была готова за это умереть.

Памела была первой, кого они забрали, чтобы подвергнуть принудительному кормлению. Когда ее привели назад в камеру, выглядела она жутко; у нее были искусанные до крови, совершенно распухшие губы, багровые пятна на запястьях и лодыжках, за которые ее привязывали. Надзирательницы тяжело дышали, когда ввели ее в камеру, и сказали, что еще никто и никогда так не сопротивлялся. Сама Памела ничего не могла рассказать. Из-за резинового шланга, который ей вводили в желудок, у нее так болело горло, что она не могла вымолвить ни слова.

Потом настала очередь Фрэнсис.

Все это время она надеялась на то, что уже окажется на свободе, прежде чем это коснется и ее. Она была убеждена, что ее семья уже давно попыталась привести в действие все возможные рычаги, чтобы помочь ей. Возможно, что они нашли даже кого-то, кто мог засвидетельствовать, что она не бросала камень. Ее, правда, смущало, что еще никто не пришел, но Памела считала, что в данный момент это, скорее всего, запрещено; было произведено так много задержаний, что режим в тюрьме сбился.

В полдень за ней пришли двое высоких мускулистых парней, которых, видимо, отряжали именно для такого рода работы. Это была реакция на мощный протест, который проявили суфражетки. Старший из них спросил Фрэнсис, не предпочтет ли она прекратить свою голодовку и избавить всех их — и прежде всего саму себя — от предстоящей процедуры, но Фрэнсис ответила отказом. Ей было смешно представить, как эти двое крепких мужчин подхватят ее с обеих сторон за руки, будто опасаясь, что она в любой момент может сбежать или напасть на них. У нее была температура, она совершенно обессилела от голода и болезни, и совершенно точно в данный момент не представляла собой никакой серьезной угрозы.

— Желаю тебе выстоять! — крикнула ей вслед Кэролайн. — Это неприятно, но от этого не умирают.

От страха у Фрэнсис обмякли колени. Она задавалась вопросом, как ее угораздило попасть в такое страшное положение. Пришлось собрать всю свою энергию, чтобы не спасовать и не попросить своих

провожатых вернуться и не пообещать им, что она будет есть добровольно.

«Я должна это выдержать, — сказала она себе. — Элис выдержала, и Памела тоже. Я не хочу оказаться сломленной».

По темной лестнице со стертыми ступенями они спустились в подвал здания тюрьмы и пошли по длинному узкому коридору, по обеим сторонам которого, справа и слева, располагались закрытые стальные двери. Совершенно подавленная, Фрэнсис спрашивала себя, что скрывается за этими дверями.

В конце коридора одна стальная дверь была открыта, и они вошли в пустое квадратное помещение без окон, в котором не было ничего, кроме одного дряхлого стула.

— Садитесь, — сказал один из мужчин.

Фрэнсис опустилась на стул. Этот путь по коридору дался ей непросто. Она поняла, что больна серьезнее, чем думала. Ей казалось, что над головой у нее купол, заглушающий все звуки вокруг, и это вводило Фрэнсис в состояние притупленности и оцепенения.

Она знала, что не сможет сопротивляться. У нее вообще не было на это сил. Ее единственный акт сопротивления заключался в том, что она отказалась прекратить голодовку. Во всем остальном придется покориться судьбе.

Мужчины всё еще стояли рядом с ней как часовые. Обращаясь к Фрэнсис, они пытались говорить на мало-мальски понятном английском, но между собой использовали такой странный диалект, что Фрэнсис едва что-то понимала. Впрочем, она даже и не пыталась что-то понять — просто надеялась, что все быстро закончится.

Прошло несколько минут, и в комнату вошли еще двое мужчин в сопровождении двух надзирательниц такого же роста и комплекции. Для принудительного кормления, казалось, подобрали самых мощных тюремщиков — явное свидетельство богатого опыта по применению этого метода.

— Привяжите ее, — приказала одна из надзирательниц ленивым голосом.

Фрэнсис почувствовала, как на ее запястья, лодыжки и верхнюю часть туловища набросили жесткие веревки и грубыми рывками туго затянули их. Она с трудом подавила в себе крик боли. Зачем они сделали это? Мера предосторожности или унижение жертвы? Они

слишком хорошо знали, как чувствует себя человек, полностью лишенный способности двигаться, крепко привязанный к стулу, беспомощный и опустошенный…

«Банда, — подумала Фрэнсис, и среди лихорадки, тоски и голода в ней неожиданно закипела ярость. — Проклятая банда!»

А потом она увидела шланг. Черный и толстый. *Слишком* толстый! Неужели они считают, что она сможет его проглотить? Вряд ли. Они просто запихнут ей его в горло, а потом будут проталкивать в пищевод, так как она будет давиться. Ей этого не перенести…

Фрэнсис знала, что они это могут сделать. Она знала, что они это сделают.

Теперь она все поняла: веревки, много крепких людей… Единственного взгляда на шланг было достаточно, чтобы мобилизовать в ней силы, о которых она даже не догадывалась.

Фрэнсис дергалась, пытаясь высвободиться. Она боролась, как дикий зверь в клетке. Потом она услышала голос: «Привяжите ее как следует! Еще одна дикая кошка…» Другой голос добавил: «Жалкие твари!» В восклицании прозвучала скорее усталость, чем гнев, и Фрэнсис подумала, что этот человек, наверное, с утра до вечера занимается принудительным кормлением арестованных женщин и что, вероятно, эта работа ему основательно надоела.

Сильные руки прижали ее запястья к спинке стула. Чьи-то руки в кожаных перчатках взяли ее за подбородок и наклонили голову назад. Фрэнсис увидела над собой искаженные лица и почувствовала на своем лице чужое дыхание. Она сопротивлялась изо всех сил, но ей не удалось сделать ни единого движения; лишь судорожные конвульсии пробегали по ее телу.

Другие руки, тоже в перчатках, грубо схватили ее за челюсть и рывком открыли ей рот. Она возмущенно попыталась снова сомкнуть губы; от ярости у нее на глазах выступили слезы, но она была бессильна что-то изменить: ее зафиксировали настолько прочно, что было ощущение, будто она зажата тисками.

Неожиданно Фрэнсис почувствовала на языке отвратительный вкус резины — горький, с каким-то химическим привкусом, — и в следующий момент у нее возник почти непреодолимый рвотный рефлекс. Ее охватила паника; она поняла, что задохнется, если у нее сейчас начнется рвота. С помощью языка, в буквальном смысле

единственной мышцы во всем ее теле, которой она еще могла свободно пошевелить, Фрэнсис, как безумная, боролась с резиновым шлангом, не имея ни малейшего шанса. Сильный позыв к рвоте, которым она отреагировала, когда шланг проник в ее горло, выразился громкими и устрашающими звуками. Жесткий и толстый шланг в ее пищеводе вызывал адскую боль, но еще хуже была тошнота; ужасно было и то, что она боялась задохнуться, что внутри у нее все было напряжено, и это еще больше усиливало муки. Она издавала несвязные, каркающие звуки, пытаясь сказать своим истязателям, чтобы они отпустили ее, что ее сейчас вырвет и она задохнется… Но никто не обращал на это никакого внимания.

Они закачали жидкое питание ей в желудок. Закончив, стали вытаскивать шланг, еще более грубо и торопливо, чем вводили. Боль была нестерпимой, внутри все горело огнем. Фрэнсис чувствовала себя израненной и разбитой.

Но, несмотря ни на что, несмотря на панику, отчаяние, жестокую внутреннюю боль, у Фрэнсис вновь вскипела ярость — элементарная, неудержимая ярость, которую ничем нельзя было укротить.

Хватка парня, который размыкал ей челюсти, ослабла. Шланг выскользнул. И Фрэнсис со всей силой, которую ей придала эта пытка, вонзила зубы в его руку. Почувствовала, как они прокусили резиновую перчатку, и услышала, как треснула кость. Мужчина заревел. Фрэнсис еще успела бросить взгляд на его мгновенно побелевшее как мел лицо — и упала со стула, потеряв сознание.

На следующий день ей позволили остаться в постели, хотя обычно это было запрещено. Но надзирательница, которая утром принесла завтрак, — чтобы потом унести его совершенно нетронутым, — бросила на нее лишь беглый взгляд и потом согласно кивнула, когда Фрэнсис едва слышимым голосом попросила разрешения не вставать.

Она ощущала жар от высокой температуры, при каждом вдохе из груди вылетали хрипящие звуки. Ее собственное тело казалось ей разорванным, израненным и обескровленным. Было тяжело говорить и глотать. У нее постоянно возникали спазмы в животе, и то и дело приходилось плестись к ведру в углу камеры. И это было, пожалуй, самым ужасным. Уже само пользование ведром, если ты не болен,

являлось мукой, но настоящий ад испытывали те, у кого возникала рвота или понос.

На завтрак Фрэнсис не хотела ничего пить, потому что глотание причиняло ей нестерпимую боль, но остальные настояли на этом.

— Иначе вы совсем ослабеете, — сказала Кэролайн. — Давайте! Хотя бы немного воды…

Женщины поддержали ее голову и поднесли стаканчик к губам. Фрэнсис поняла, что они останутся непреклонными. Она выпила, но даже чистая вода разливалась огнем в поврежденном пищеводе, и на глазах выступили слезы.

После завтрака за Памелой снова пришли, хотя она все еще едва могла говорить и выглядела ужасно.

— Это несправедливо! — воскликнула Люси, после того как Памелу увели охранники. — Почему опять *она*?

— Они знают, что им скорее удастся сломить волю человека, если они не будут давать ему передохнуть, — с мрачным видом объяснила Кэролайн. — Но не беспокойтесь. До нас еще дойдет очередь!

После ее слов повисло тяжелое молчание. Фрэнсис подумала, что если теория Кэролайн верна, то ее сегодня еще раз подвергнут обработке, и тихо застонала. Она не знала, где взять силы, чтобы вынести это еще раз.

Памелу привели назад. Она молча села на кровать и уткнула лицо в подушку. Никто не отважился обратиться к ней. Прошло несколько часов, в течение которых ничего не происходило. Но к вечеру появилась надзирательница и приказала Фрэнсис встать и идти с ней.

Памела впервые после своего возвращения подняла голову. Ее губы настолько распухли, что лицо выглядело совершенно обезображенным.

— Она ведь так больна, — прошептала она невнятно.

— Не встревайте! — рявкнула надзирательница.

Фрэнсис с трудом поднялась. У нее кружилась голова и болело горло, но по крайней мере прекратились спазмы в животе. Девушка расправила юбку и попыталась горячими от жара руками распутать волосы. Она знала, что выглядит ужасно, но надеялась хотя бы частично вернуть свое прежнее достоинство, если немного приведет себя в порядок. Фрэнсис испытывала панический страх, но старалась вести себя так, чтобы никто этого не заметил. Впрочем, кажется, все

знали, насколько она слаба, иначе для ее сопровождения наверняка опять явились бы двое парней, а не всего лишь одна женщина.

«Я должна разыграть из себя жалкое существо», — подумала она, идя по коридору.

К ее удивлению, на сей раз ее привели не в подвал, а в помещение, располагавшееся на первом этаже тюрьмы, которое разделялось посередине на две половины доходившей до потолка решеткой. На каждой из сторон стоял деревянный стул.

— Садитесь, — скомандовала ей надзирательница. Сама она стояла в дверях и грызла ногти.

Фрэнсис села, глубоко вздохнув. Она все еще нервничала, но паника исчезла. Очевидно, ее не станут снова подвергать той пытке, которую учинили накануне. Она с любопытством смотрела на дверь с другой стороны помещения. Было ясно, что к ней пришел посетитель. Тетя Маргарет? Филипп? Или, может быть, родители?

Дверь открылась, и в комнату вошел Джон.

Фрэнсис была настолько удивлена, что невольно встала. Она рассчитывала увидеть кого угодно, но только не Джона. Он подошел к ней, и по его испуганному выражению лица она поняла, что выглядит более чем ужасно.

— Боже мой, Фрэнсис, это ты… — произнес Джон. — Что ты наделала?

Он взял ее за руки через прутья решетки, что тут же вызвало протест надзирательницы:

— Дотрагиваться запрещено! Отойдите каждый на шаг назад!

Джон послушался, но Фрэнсис по-прежнему стояла, вцепившись в решетку.

— Джон! — Она с трудом сиплым голосом выговорила его имя. — Джон, как же хорошо, что ты пришел!

Она осознавала, насколько велик был между ними контраст. Джон в темном костюме, чистый и ухоженный, элегантный и пахнущий дорогой туалетной водой; она — оборванная и запущенная, в помятом, покрытом пятнами платье, пропотевшая, с растрепанными и свалявшимися волосами… Позже Джон как-то сказал ей, что она выглядела как голодное, паршивое животное и что он редко в жизни так пугался.

Джон сглотнул.

— Что они делали с тобой?

Фрэнсис поняла, что ей проще говорить шепотом.

— Они меня принудительно кормили, — выдохнула она, — и еще у меня грипп.

Джон побледнел.

— Бог мой! — воскликнул он.

— Все будет хорошо, — прошептала она, успокаивая его.

Джон посмотрел на нее взглядом, полным беспокойства и нежности, — и неожиданно улыбнулся.

— Ты знаешь, что стала здесь знаменитостью?

— Почему?

— Насколько я понял, ты — главная тема разговоров во всей тюрьме. Ты откусила палец охраннику — по крайней мере, для этого тебе не хватило совсем чуть-чуть. У каждого, кто называет твое имя, в голосе сквозит изумление.

— Они мучили меня. Поэтому…

Джон забыл об указаниях надзирательницы и опять подошел ближе к решетке. Протянул руку и слегка коснулся лица Фрэнсис.

— Этот самый охранник мучил тебя? — спросил он тихо.

— Да, и он тоже.

— Жаль, что ты не откусила ему всю руку, — резко сказал Джон.

Фрэнсис была поражена яростью в его глазах, но с удивлением увидела, как та уступила место растерянности и беспомощности.

— Но почему? — спросил он. — Почему?

Она знала, что Джон имеет в виду участие в демонстрации и ее легкомыслие, итогом которых стало ее теперешнее положение и это жалкое состояние.

— Самое смешное, — сказала она шепотом, который едва можно было разобрать, — что я вовсе не участвовала во всех этих протестах. Я была больна и сидела дома.

— Но ты…

— Я узнала, что одна моя подруга ранена и, кроме того, арестована. Я хотела найти ее. Хотела узнать, не могу ли я чем-нибудь ей помочь. Поэтому и приехала сюда. — Она пожала плечами. — Мне просто не повезло.

Джон невольно тоже перешел на шепот:

— Ты тяжело ранила полицейского. Попала ему камнем в висок. Тебе невероятно повезло, что он остался жив!

— Это была не я. Кто-то позади меня швырял камни. — Фрэнсис поняла, что не сможет говорить долго — у нее очень болело горло. Устало добавила: — Клянусь тебе, что действительно не делала этого.

— Это будет очень тяжело доказать. На тебе висит обвинение в причинении тяжкого телесного повреждения, к тому же полицейскому… Боже мой, Фрэнсис! — Джон провел рукой по волосам, раздраженно и растерянно одновременно. — Я просто не могу этого понять. Что у тебя общего с этими женщинами? Я ведь говорил тебе еще тогда, в Дейлвью, что это опасно и тебе лучше держаться в стороне!

Тогда, в Дейлвью… Как давно был этот по-летнему жаркий майский день! Фрэнсис казалось, что не меньше чем полжизни отделяют ее от той девочки, которой она тогда была.

— Не всегда можно оставаться в стороне, — пробормотала она и одновременно подумала, что это решение может привести ее к целому ряду серьезных проблем в жизни.

— Фрэнсис, я не противник избирательного права для женщин, — сказал Джон, — но таким путем идти нельзя. Это просто бессмысленно. Разбитые окна и летящие камни — это не аргументы!

— Но они заставляют услышать нас, — прошептала Фрэнсис и виновато улыбнулась. — Я не могу много говорить, Джон. У меня ужасно болит горло.

— Фрэнсис, — сказал он с мольбой в голосе, — может быть, мне удастся тебя отсюда вытащить… Я не знаю пока, что нам делать с подозрением на причинение телесных повреждений, но, возможно, использовав некоторые связи, мне удастся отправить тебя в больницу. Ты действительно очень плохо выглядишь, и я думаю, что ты…

— Не надо.

— Почему?

— Потому что… — Как ему объяснить? — Я не могу этого сделать. Ведь другие останутся здесь.

— Но они принимали участие в демонстрации, а ты — нет. Ты же сама говоришь, что попала в эту дурацкую ситуацию совершенно случайно!

Ее веки горели. Было ощущение, что температура поднимается с каждой минутой.

— Случайностью было то, что я не принимала участие в демонстрации. Если б у меня не было простуды, я тоже была бы там. Я поддерживаю идеи этих женщин, поэтому не могу сейчас воспользоваться какими-то привилегиями и исчезнуть. Другим тоже плохо, но они вынуждены оставаться здесь.

Лицо Джона, на котором до сих пор попеременно проявлялись самые различные чувства, теперь выражало лишь досаду.

— Ты хочешь сказать этим, что после всего произошедшего здесь, — он махнул рукой, — все еще хочешь продолжения этой истории? Что, как и прежде, солидарна с этим движением?

— Да.

Он пристально посмотрел на нее. Надзирательница навострила уши, пытаясь понять, о чем они говорят.

— Ты сошла с ума, — сказал Джон. — Ты, очевидно, не понимаешь, что вляпалась по уши. Ты должна отойти от всего этого. Лишь тогда у тебя появится шанс доказать, что ты не бросала тот камень. Фрэнсис, прошу тебя, не совершай новые глупости!

— Я не могу этого сделать. Камень я не бросала, и я об этом заявлю, но во всем остальном поддержу своих коллег.

В его глазах вспыхнула ярость, какой она никогда не видела в нем раньше.

— Ты все теряешь, Фрэнсис. У тебя действительно к этому талант. Ты потеряла то, что могло быть между нами, и этого уже достаточно. Но ты потеряешь еще и свое будущее. А это уже идиотизм. Ради чего? Избирательное право для женщин ведь не зависит от тебя. И изменения в законах не произойдут лишь потому, что ты сидишь здесь и страдаешь. Твоя борьба и без того скоро закончится, потому что они посадят тебя в тюрьму на несколько лет. Ты совершенно напрасно играешь роль святой мученицы!

— Я — часть их. Я не могу поджимать хвост и убегать, как только запахнет паленым. Ты тоже так не поступил бы.

— Я бы с самого начала не ввязался в такую бессмыслицу! — резко возразил Джон. — Фрэнсис, — он взглянул на надзирательницу и понизил голос, — я все еще хочу на тебе жениться. Ты уже, видит

бог, вкусила жизнь по другую сторону Дейл-Ли. Мне бы хотелось, чтобы…

На измученном лице Фрэнсис появилась улыбка, полная пренебрежения и болезненной иронии.

— Конечно! Перспективный политик Джон Ли! Ты хочешь пробиться в нижнюю палату, да еще являешься сторонником тори… И для твоей карьеры тебе, конечно, нужна подходящая жена, которая тебя поддерживала бы. Не та, которая сидела в тюрьме и примкнула к этим распущенным суфражеткам. Ты хочешь на мне жениться, но перед этим я должна, разумеется, изменить свои взгляды и принять твои… Какой же ты дурак, Джон! Разве ты меня недостаточно хорошо знаешь, чтобы понимать, что я это никогда не сделаю?

— Пожалуйста, оставь…

Но она отвернулась и, собрав последние силы, обратилась к надзирательнице:

— Я хочу назад в камеру.

— Фрэнсис! — закричал Джон. — Ты совершаешь ошибку!

Она еще раз взглянула на него. Образ его, стоящего там, по ту сторону разделяющей их решетки, врезался в ее память больше всех других. Джон так не вписывался в эту обстановку… Но он пришел, потому что приходил всегда, когда она попадала в трудную ситуацию. Он любил и одновременно ненавидел ее в этот момент.

Внезапно Фрэнсис поняла, что Джон никогда больше не предложит ей выйти за него замуж. Скорее он откусит себе язык. На глазах у нее закипели слезы, и она быстро отвернулась, чтобы он этого не заметил. Фрэнсис отказала ему во второй раз — и теперь потеряла его навсегда. При этом она чувствовала, что ее потеря заключается не только в этом мужчине, а охватывает все, что составляло ее жизнь. Принято решение, отрезавшее ее от всех, кого она любила.

Фрэнсис вышла из комнаты, так и не посмотрев больше на Джона.

В какой-то момент ее положили в больницу. У нее было тяжелое воспаление легких и такая высокая температура, что Фрэнсис едва понимала, что происходило. Только значительно позже она осознала, как близко была к смерти в те недели.

В больнице ее навестила Маргарет. Она очень похудела и по малейшему поводу начинала плакать. Филипп просиживал у кровати

Фрэнсис столько, сколько ему разрешали. Пришел Джордж. На нем была униформа курсанта военной школы в Сандхёрсте, и Фрэнсис, блуждая в лихорадочных сновидениях, не узнала его. Он рассказал, что Элис отпустили из тюрьмы, но ее тоже принудительно кормили, и теперь у нее подорвана психика. Только позднее это известие дошло до сознания Фрэнсис. Она также не помнила, что постоянно звала мать, но Морин не пришла. Иногда видела над собой доброе, худое лицо седовласого мужчины — и тогда ей казалось на миг, полный радости, что это ее отец. Но, несмотря на постоянный туман, окутывавший ее, Фрэнсис все же поняла, что это был не Чарльз, а врач, который ее лечит.

Но он придет, скоро, подумала она с неизменной надеждой ребенка, который еще не знает, как редко бывает благосклонна жизнь к исполнению заветных желаний.

Ее отец действительно пришел, но это произошло не так, как она об этом мечтала. Он появился перед самым Рождеством, в тот день, когда Фрэнсис впервые позволили встать с постели и она, опираясь на руку медсестры, на ватных ногах сделала несколько первых шагов. За десять дней до этого ее состояние было настолько критическим, что врач сказал ей позже, что уже не верил в ее выздоровление. Фрэнсис невероятно похудела, под глазами залегли черные круги, а лицо было призрачно бледным. Она чувствовала себя слишком слабой, чтобы вставать, но сестра объяснила ей, что может быть опасно лежать так долго.

Фрэнсис плелась по длинному больничному коридору, потом возвращалась назад, и ей было очень плохо. Но она чувствовала, как к ней возвращаются силы. Снова пробуждалась ее воля к жизни, которую болезнь, кажется, почти сломила. Фрэнсис стискивала зубы. Она будет ходить. Она будет есть. Она станет здоровой. И тогда станет видно, что будет дальше.

Она подумала, что глаза обманывают ее, когда увидела Чарльза, идущего к ней по коридору. Она отпустила руку медсестры, на которую опиралась, и неуверенными шагами пошла к нему навстречу.

— Отец!

Он едва успел поймать дочь, прежде чем ее колени подкосились. Она лежала на его руках, вдыхая хорошо знакомый запах туалетной

воды, сигарет и виски, и у нее было чувство, что после очень долгого отсутствия она опять вернулась домой.

— Мама тоже здесь? — наконец спросила Фрэнсис и подняла голову. Посмотрела ему в лицо — и испугалась чужого, отстраненного, почти враждебного выражения в его глазах. Невольно отступила на шаг назад — но тут же опять покачнулась от слабости. Отец снова подхватил ее под руку, успев удержать от падения.

— Я разговаривал с врачом, — сказал он. — Тебе разрешили уйти из больницы, считая, что в знакомой обстановке ты поправишься быстрее.

— Ты имеешь в виду, дома, на ферме Уэстхилл?

Чарльз покачал головой:

— Сейчас для тебя это будет слишком долгая поездка. Маргарет согласилась снова оставить тебя у себя — несмотря на все, что ты сделала. — Последнюю фразу отец произнес особенно резко, и Фрэнсис сразу заметила, как на его лице появилась обычная холодная сдержанность. На самом деле его переполнял гнев, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы по меньшей мере оставаться вежливым.

К ним подошла медсестра, все это время стоявшая в стороне. Она улыбалась.

— Я знала, что сегодня приедет ваш отец и заберет вас, — сказала она, — и мы хотели сделать вам сюрприз. Надеюсь, что нам это удалось…

Она продолжала улыбаться. Фрэнсис взяла себя в руки.

— Конечно, — ответила она, стараясь улыбнуться в ответ, — я на это не рассчитывала.

— Пойдемте, я помогу вам одеться и собрать вещи, — сказала медсестра и взяла ее под руку.

Чарльз, кажется, был рад отпустить дочь.

— Я подожду здесь. — Он даже не пытался изобразить на лице улыбку. — Не торопись.

Фрэнсис поплелась в палату и стала одеваться с помощью медсестры. Несколько дней тому назад Маргарет принесла ей кое-какую одежду на время выздоровления. Длинная шерстяная юбка болталась на Фрэнсис как мешок для картошки, а свитер висел на ее костлявых плечах словно костюм на огородном пугале.

— Берегите себя. Самое худшее позади, — сказала сестра, — сейчас вам нужно только как следует питаться, не так ли? Вскоре вы снова будете в порядке.

Фрэнсис оглядела себя в зеркале и подумала: как ужасно, что ее разгневанный отец увидел ее такой худой, как скелет, и бледной, как привидение… Если он считал, что она загубила свою жизнь, то ее нынешняя внешность могла только укрепить его мнение. Если б она могла добавить своему лицу хоть немного краски! В таком виде, как сейчас, Фрэнсис чувствовала себя безнадежно слабой и жалкой. Но у нее не было здесь ни помады, ни пудры; она ничем не могла изменить свое лицо. Пощипала себя за щеки, чтобы придать им налет свежести, но это не сильно изменило печальную картину.

— Я думаю, мы можем идти, — обратилась к ней сестра.

Нужно было еще попрощаться с другими сестрами и врачами. По тому, как все смотрели на нее, Фрэнсис поняла, что, должно быть, стала в больнице объектом всеобщей заботы. Все больше и больше понимала она, насколько серьезным было ее состояние.

Медсестра отнесла ее сумку вниз, к выходу, где уже ждал экипаж, заказаный Чарльзом. 19 декабря, шел дождь, и воздух был очень холодным. Над городом спустились сумерки. Фрэнсис знобило, и она обхватила руками свое исхудалое тело.

— Что за мрачный, серый день, — сказала она.

При этом и сама Фрэнсис, и ее отец понимали, что речь идет не только о погоде.

Больница осталась далеко позади. Фрэнсис, у которой от холода стучали зубы, глубоко вжалась в сиденье. Искоса взглянула на отца. Тот пристально смотрел вперед, его губы были плотно сжаты.

— Отец… — тихо произнесла Фрэнсис.

Он повернулся к ней. Его лицо выражало неприкрытый гнев.

— Да?

— Отец, я должна… должна потом вернуться в тюрьму? Ты знаешь, из-за…

— Из-за случая с полицейским. Да, я в курсе. Нет, — он опять отвернулся от нее, — ты можешь успокоиться. Обвинение снято.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать это.

— О, — воскликнула она изумленно. Чарльз молчал. — Это была не я, отец. Я бы тебе в этом призналась. Но это действительно была не

я.

— У тебя почти не было шансов, — сказал Чарльз, — надеюсь, тебе это понятно. Ты заодно с этими… с этими суфражетками. Ты была в центре этого столпотворения. Камень прилетел точно с твоей стороны. Полицейский был очень тяжело ранен, и все указывало на тебя.

Фрэнсис понимала, что отец прав. Ее положение было отчаянным. Было?..

— Отец, почему тогда они не предъявили обвинение?

Чарльз все еще не смотрел на нее.

— Не всё ли равно, — возразил он.

— Нет, не всё равно. Я хочу знать.

Он немного помолчал, потом резко повернулся к ней:

— Это твой дед, благодари его. Тебе этого достаточно?

Из-за давнишнего семейного конфликта Фрэнсис никогда не видела своего деда в лицо. Для нее он был туманной фигурой из ее фантазий, древним стариком с седыми волосами и свирепым лицом, который сидел с недовольной физиономией в кресле в своем загородном поместье, будучи в разладе с собой и со всем миром. Фрэнсис задавалась вопросом, почему он вступился за внучку, которую не знал и которая к тому же являлась дочерью ирландской католички.

— Как он вообще узнал об этом? — спросила она растерянно.

— Я сказал ему, — ответил коротко Чарльз.

— Ты? Но я думала, что вы уже двадцать лет…

— Правильно. За последние двадцать лет мы не сказали друг другу ни слова. И я гордился этим. Гордился, что не нуждаюсь в нем. Гордился тем, что с легким сердцем отказался от всего. И он считал, что глубоко ранит меня, если лишит всего этого. Клянусь богом, я не хотел никогда больше его видеть. У меня не было отца.

Фрэнсис провела рукой по лбу; тот был влажным и холодным.

— Ты поехал к нему? — прошептала она.

— Поехал? У меня было ощущение, что я пополз. Я был вынужден стучать в его дверь и просить о помощи. Он мог торжествовать. И дал мне почувствовать свой триумф. Он наслаждался.

Что она могла сказать? Не было ничего, что сейчас не прозвучало бы глупо и скучно.

— Он был единственным, кто мог помочь, — продолжал Чарльз. — Граф Лэнгфилд из Палаты лордов. У него есть влияние и власть. Твоя мать и бабушка очень настойчиво просили, чтобы я к нему поехал. Для него было несложно доказать, что его внучка не могла бросить тот злосчастный камень и что она, пребывая в юношеском заблуждении, была втянута в историю, к которой в принципе не имеет никакого отношения. Он успешно справился со своей миссией. С тебя быстро сняли все подозрения.

В юношеском заблуждении…

История, к которой она не имеет никакого отношения…

Этого я не хотела, подумала Фрэнсис; но она была слишком больна, слишком разбита, чтобы затевать спор — как выяснилось позже, совершенно бессмысленный.

— Не знаю, что я сделал не так, — сказал Чарльз, — если двое из моих детей так ко мне относятся. Сначала Джордж, который связался с этой ужасной особой и даже решился привести ее в мой дом, теперь — ты… Ты присоединилась к этому движению, участвуешь ночами в уличных боях с полицией, попала под подозрение в причинении телесных повреждений и…

— Я его не…

— Я, кажется, сказал *под подозрение*. Не строй из себя невинную жертву. Даже если ты действительно не бросала камень, под подозрение попала именно ты, потому что связалась с соответствующим сбродом. И кто бы ни был преступником, ты ничем не лучше его!

Нет смысла с ним говорить, подумала Фрэнсис. Он вынес свой приговор — окончательный и не подлежащий обжалованию.

— Раз ты так ко мне относишься, — повторил Чарльз. Фрэнсис охотно объяснила бы ему, что борьба за избирательное право для женщин не представляет собой посягательство на его личность. Ей казалось, что ее отец и многие мужчины, однако, воспринимают это именно так.

— Раз ты так относишься к твоей стране! — продолжал Чарльз. — Ты и твои… сподвижницы! И именно сейчас, когда Англия переживает тяжелые времена… Беспорядки на каждом углу.

Бесконечные забастовки. Социалистические идеи. К тому же беспокойство из-за опасности, которая грозит извне. Вызывающая тревогу германская политика гонки вооружений. Все на пороге перемен. У каждого из нас должна быть обязанность… — Он сделал паузу. — Да что я говорю? Зачем пытаюсь это тебе объяснить?

«Каким усталым он выглядит, — подумала Фрэнсис, — и каким старым!»

С болью в сердце она поняла, какая пропасть разделяет их, как велика ее рана. Вспомнила тот день, когда Джон пришел к ней в тюрьму. Вспомнила, как подумала тогда, что отрезана от всех, кого любит…

Фрэнсис протянула руку над сиденьем и чуть коснулась руки отца, мысленно поблагодарив его за то, что он не отдернул ее.

— Отец, — произнесла она с мольбой в голосе.

Чарльз посмотрел на нее. Он был серьезен и говорил сдержанно, несмотря на то что волновался и с трудом подбирал слова.

— Я никогда тебе этого не прощу, Фрэнсис. Даже если б хотел — не смог бы. Возможно, я мог бы еще простить тебе участие в демонстрациях, хотя мне трудно понять, как ты могла так поступить. Но никогда не смирюсь с тем, что из-за этого был вынужден обратиться к своему отцу.

— Понимаю, — сказала Фрэнсис так же спокойно, как и он. Она почувствовала ком в горле, но задавила в себе слабость. Никаких слез! Не сейчас! Не здесь! Может быть, потом, когда она будет одна…

Экипаж остановился перед домом Маргарет на Беркли-сквер. Все окна в доме были ярко освещены, глядя тепло и гостеприимно через окутывающую все вокруг темноту. Извозчик вышел из экипажа и подергал ручку звонка рядом с дверью. Сейчас ее услужливо откроет мистер Уилсон…

— Будет лучше, — сказал Чарльз, — если ты пока не будешь приезжать в Уэстхилл. Я договорился с Маргарет; можешь жить у нее сколько захочешь.

— Понимаю, — повторила Фрэнсис. Ком в горле ощущался все больше. «Не плакать, не плакать», — стучало в ее голове…

Через окошко экипажа, в луче света, падающем из дома, она увидела мистера Уилсона. Извозчик передал ему дорожную сумку Фрэнсис. Вслед за ним появился Филипп.

Филипп… В этот ужасный момент он был неким утешением.

— Ты не пойдешь со мной? — спросила Фрэнсис, хотя знала ответ заранее.

Чарльз покачал головой.

— Я хочу успеть на последний поезд в Йоркшир. Маргарет в курсе дел.

Он протянул дочери руку, и она в ответ подала свою. Их руки были ледяными.

— До свидания, — сказал отец.

Мистер Уилсон открыл дверь экипажа. Подошел Филипп, готовый помочь Фрэнсис выйти. Внутрь ворвался влажный, холодный воздух.

— Передай привет маме, — попросила Фрэнсис, — и бабушке. И Виктории. Ах да, и Аделине. — Это было опасно — произносить все эти имена. Слезы были готовы вот-вот брызнуть из ее глаз.

Она облокотилась на руку Филиппа. Проклятая слабость в ногах! Неужели отец не может помочь ей дойти до дома? Теперь она будет вынуждена плестись с помощью чужого человека… Злость моментальна высушила ее слезы, и Фрэнсис нашла в себе силы добавить:

— Еще передай, пожалуйста, привет Джону.

— Да, кстати, — сказал Чарльз, — ты ведь еще не знаешь… Джон получил большинство голосов в нашем избирательном округе и наконец-то попал в нижнюю палату парламента. Говорят, что его ожидает блестящая карьера.

Январь — июнь 1911 года

Фрэнсис говорила, что где-то она прочитала, будто каждый человек хоть раз в жизни должен пройти через тяжелый кризис. И речь идет не просто о трудных временах, неудачах и провалах, а о глубоком потрясении, которое ставит под сомнение все, что до сих пор составляло его жизнь. Конец стабильности.

Фрэнсис пережила такой кризис в 17 лет. 1910 год, серый и безотрадный, закончился. 1911-й не принес никаких перемен к лучшему. Здоровье ее до сих пор не восстановилось. Она была бледной и худой, и нередко чувствовала такую слабость, что это доводило ее до слез. У нее наступила глубокая депрессия; она часто погружалась в длившиеся часами раздумья и по ночам не могла уснуть. Она так плохо выглядела, что Маргарет постоянно приглашала врача, который всякий раз обследовал Фрэнсис с головы до ног, диагностировал малокровие и истощение и прописывал ей рыбий жир.

— Это ваша душа, не так ли? — спросил он и, положив палец под подбородок Фрэнсис, поднял ее голову, заставив ее посмотреть на него. — Вы мучаетесь, у вас нет сил. В этом нет ничего удивительного — после такой тяжелой болезни… Вы были на волоске от смерти. В борьбе с ней вы совершенно обессилели. У вас больше нет никаких резервов. На это потребуется время, моя дорогая.

Он отпустил ее и улыбнулся.

— На все требуется время. Иногда кажется, что определенное состояние длится вечно, но это не так. Все изменяется. И в то время как мы еще полагаем, что все ужасно, и отчаиваемся из-за этого, изменение уже начинается. Поверьте мне, пока вы здесь сидите и не чувствуете ничего, кроме слабости и отчаяния, в вас уже зарождаются новые силы, и в один прекрасный день, к своему большому удивлению, вы их почувствуете.

Ее навещал Джордж. Он был поражен, что Чарльз порвал отношения и с ней.

— Боже мой, что за отец! — с негодованием воскликнул брат. — Он действительно ничем не лучше, чем его собственный. Если мы

делаем что-то, что его не устраивает, он захлопывает все двери… Не мучай себя из-за этого. Делай как я. Живи своей жизнью.

Время от времени заходила Элис, для которой тюрьма на сей раз не прошла бесследно. Она курила больше, чем прежде, и казалась нервной и возбужденной. Фрэнсис попыталась извиниться перед ней; ей все еще казалось, что она предала других, когда дед вытащил ее из тюрьмы.

Но Элис сказала, что ей нечего стыдиться.

— Ты очень мужественно себя вела, Фрэнсис. Но теперь тебе нужно восстановить силы. Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу тебе, что ты и в самом деле выглядишь ужасно? Ты, кажется, способна упасть от малейшего ветерка!

Ни Джордж, ни Элис, ни Маргарет не могли ее взбодрить или достучаться до нее уговорами. Фрэнсис казалось, что после каждого такого разговора она чувствует себя еще более уставшей, и вдобавок к этому — еще более виноватой, потому что не может отблагодарить близких за их старания и заботу. Единственным человеком, с которым она чувствовала себя лучше в это время, был Филипп.

— Расскажи мне что-нибудь, — просила она его иногда, — или почитай. У тебя очень красивый голос.

Филипп был рядом с ней с утра до вечера, и казалось, что его депрессия уменьшалась в такой же степени, в какой она увеличивалась у Фрэнсис. Позднее та поняла, что с ним происходило: он никогда не был в такой ситуации, когда какой-то человек нуждался в нем и ему было необходимо, чтобы он был рядом. К тому же речь шла о женщине, в которую он был влюблен. Филипп часто сталкивался с тем, что женщин привлекала его яркая внешность, и они знакомились с ним ближе, но в конце концов наступал момент, когда они начинали понимать, что имеют дело с больным человеком, и тогда постепенно отдалялись от него.

Фрэнсис же воспринимала его таким, какой он был. Она отдавала себе отчет, что находится в исключительной ситуации, в которой цеплялась за каждого, кто проявлял к ней дружеское расположение и участие. Филипп, с его глубоко израненной душой и тяжелыми воспоминаниями о детстве и юности, как никто другой умел найти для нее утешение. И это определяло его значимость для Фрэнсис. Его эйфория в отношении того, что он внезапно стал сильным,

основывалась на заблуждении. Филипп не стал сильнее — он всего лишь нашел человека, который был слабее, чем он, и таким образом соотношение сил изменилось. Он не задумывался над тем, что это всего лишь вопрос времени, пока Фрэнсис не поправится окончательно.

Как Филипп написал ей позже в письме, в то время он уже строил планы на дальнейшее совместное будущее. Он видел ее своей женой и матерью своих детей. Они станут делить друг с другом все тревоги и заботы, которые не казались ему такими уж серьезными. Он всегда будет рядом с ней, а она — рядом с ним. Где-то далеко, позади, лежала широкая черная полоса, в которой остались все тревоги прошлого. Перед ними брезжил яркий свет.

На ее восемнадцатый день рождения, 4 марта, Филипп подарил Фрэнсис золотой медальон со своей фотографией внутри и на прилагаемой открытке написал цитату из «Мечты мира»: «…и в следующий момент он держал в своих объятиях мечту мира, и горечь долгих лет отпала от них и была забыта».

В первый раз Фрэнсис охватило чувство, будто к ней приближается что-то, с чем ей следует поскорее покончить, пока еще не поздно. Но именно в тот день ей показалось, что у нее осталось еще меньше сил, чем раньше. Она праздновала свой восемнадцатый день рождения и чувствовала себя обессиленной, словно была старой женщиной. От бабушки Кейт пришло письмо, но от Чарльза и Морин не было ничего.

Четвертое марта выпало на субботу. Маргарет пригласила Элис и Джорджа на чай, и Джордж, у которого был выходной, с удовольствием принял приглашение. Кухарка испекла торт, пирог и печенье — достаточно, чтобы накормить целую армию. Из напитков были чай, кофе и горячий шоколад со взбитыми сливками.

Почти все осталось нетронутым. У Фрэнсис и так не появилось аппетита, а Филипп никогда не был любителем поесть. Элис и Джордж явно поссорились. Они едва обменивались отдельными словами, делая маленькие глотки из своих чашек и нехотя ковыряясь в тарелках. Фрэнсис предположила, что дело было в вечной теме, касающейся женитьбы. Она не понимала, почему Элис так настойчиво отказывается выйти за Джорджа замуж, и сочувствовала своему брату, который явно страдал.

Одна лишь Маргарет радовалась всему этому великолепию. Но в какой-то момент она заметила, что никто, кроме нее, не наслаждается прекрасной едой, и, отложив ложку в сторону, огорченно спросила:

— Вам не нравится?

— Что вы, тетя Маргарет! Конечно, нравится, — вежливо уверил ее Джордж. По нему было видно, что он уже сломал голову, ища объяснение своей сдержанности. — Я еще должен влезть в свой мундир, — вяло добавил он.

— Мы все переживаем тяжелые времена, — честно сказала Элис. — Не принимайте это на свой счет, Маргарет. Я знаю, вы потратили немало усилий.

— Если б я могла хоть немного вас взбодрить!.. — Маргарет вздохнула. — Фрэнсис, душа моя, ты ведь не собираешься навсегда остаться такой худющей, как сейчас? Давай я положу тебе великолепный кусок шоколадного пирога…

— Спасибо. Я правда не могу больше ничего есть, — ответила Фрэнсис сдавленным голосом, посмотрев в окно. Шел дождь, по улицам Лондона носился холодный ветер.

«Как хочется, чтобы наконец опять настало лето», — подумала она, не будучи уверенной в том, что что-то изменится к лучшему. Но, может быть, ее хотя бы перестанет знобить… Фрэнсис постоянно мерзла, даже если, как сейчас, находилась в непосредственной близости от большого камина. Озноб, как вирус, поселился в ее теле, и его ничем нельзя было изгнать.

Никого не удивило, что Джордж довольно рано сказал, что ему пора идти. Элис тут же отставила свою чашку с кофе, чтобы присоединиться к нему. Для всех присутствующих было очевидно, что оба все это время горели желанием продолжить ссору и что они непременно это сделают.

Элис обняла Фрэнсис и рассеянно произнесла:

— Пока, малышка. Постарайся наконец поправить здоровье!

Это была фраза, которую Фрэнсис уже несколько месяцев говорили все, и прозвучала она как-то механически. На минуту девушка задумалась, стали бы люди произносить это свое «постарайся наконец поправить здоровье!», если б она вдруг стала толстой матроной с розовыми щеками, сидела бы в кресле-качалке и прекрасно себя чувствовала. Но эта мысль не вызвала у нее улыбки.

— Скоро увидимся, — пообещал Джордж. — Береги себя!

Ей удалось ответить что-то подходящее и поблагодарить за визит. Затем она сказала Маргарет, что это был действительно замечательный день, но она хотела бы подняться наверх и лечь, потому что у нее болит голова. Ее неудержимо тянуло в свою комнату — в покой и темноту. Побыть одной, думала она, только побыть одной. Подальше от всех этих обеспокоенных взглядов и мучительных вопросов…

Фрэнсис поднялась к себе в комнату и энергично закрыла за собой дверь. Снова посмотрела в окно на небо. Уже смеркалось, но оно было еще зеленовато-голубым. Дождь перестал, ветер разорвал пелену облаков. На западе вспыхнул последний красный отблеск заката.

Она пристально смотрела на плывущие облака, потом решительно подошла к окну и задернула гардины. Неспокойный вечер и будто стеклянное небо очень напоминали ей Уэнслидейл, и это было больше, чем она могла сейчас вынести. Иногда ей казалось, что ее здоровье подтачивается в том числе и тоской по дому.

Фрэнсис легла на кровать в чем была, даже не сняв обувь. Она чувствовала себя такой измученной, что уже через несколько минут уснула. Когда же проснулась, в комнате было совершенно темно; исчезла даже узкая полоска света, пробивавшаяся в комнату между гардинами. Ощущая себя разбитой, Фрэнсис села в кровати. Ей показалось, будто ее что-то разбудило, но она не поняла, что именно. И только когда раздался осторожный стук в дверь, осознала, что именно этот звук проник в ее сны.

— Войдите, — сказала Фрэнсис.

Дверь открылась, и в комнату вошел Филипп.

Сначала она увидела лишь черную тень, которая резко выделялась на фоне освещенного коридора. Молодой человек остановился, не решаясь войти.

— Фрэнсис? — позвал он ее наконец.

Она включила ночник, который распространял приглушенный свет под сиреневым шелковым абажуром.

— О, Филипп!.. Который сейчас час?

— Уже полночь. — Он говорил вполголоса. — Я хотел только… я хотел только еще раз увидеть вас. Мне показалось, что вы весь день не очень хорошо себя чувствовали.

Фрэнсис смахнула волосы со лба.

— А когда я чувствовала себя хорошо? — спросила она со смирением в голосе. — Иногда мне кажется, что это несчастное бессилие не кончится никогда.

Филипп вошел в комнату, осторожно закрыв за собой дверь.

— Я боюсь разбудить Маргарет, — объяснил он.

Тетя никогда не одобрила бы его присутствие в комнате своей племянницы в такой час, Фрэнсис это знала, но нормы приличия ей самой с некоторых пор были безразличны.

Она кивнула.

— Да, я тоже не хотела бы нарушить ее сон. Она и так уже много натерпелась со мной.

— Вы не должны это так воспринимать. Она любит вас и не считает обузой.

— Н-да, — процедила Фрэнсис.

Филипп беспомощно стоял посередине комнаты.

— Вы уже… я имею в виду… открытку… Вы ее уже прочитали?

— Конечно. — Она попыталась вспомнить, что он ей написал. Что-то о мечте мира и о двух людях, которые нашли друг друга…

— Марло, — сказал Филипп. — У него изумительный язык, вы не находите? Я особенно люблю тот фрагмент, который я вам написал. Менелай блуждает по пылающей Трое и наконец встречает Елену. Их чувства противоречивы и сбивчивы. Десять лет… что знает он о том, что у нее в душе? Возможно, она любит другого. Может быть, она любит Париса, который ее похитил…

Фрэнсис стала перебирать свои скудные знания в области греческой мифологи и в итоге поняла, что со школьных времен мало что осталось в ее памяти.

— Но потом, — продолжал Филипп, — он видит, что это его Елена. Что бы ни было, важен только момент, когда ты вновь обретаешь потерянное. Они оба пережили несчастье, и вокруг них бушует ад. Но они одержат победу.

Фрэнсис задавалась вопросом, почему он ей это рассказывает. На ее взгляд, его рассказ звучал слишком романтично и был оторван от реальной жизни. Она попыталась вспомнить, чем закончилась история Менелая и Елены, но ей ничего не пришло в голову. Да и шла ли вообще об этом речь?

Филипп задумался над своими словами, но потом вернулся в реальность. Он, кажется, снова увидел Фрэнсис и комнату, окутанную слабым светом, полную теней и тайн, где ощущался запах лаванды, которую Фрэнсис в знак воспоминаний о Кейт хранила в шкафу в маленьких ароматических подушечках. В его глазах было своеобразное выражение, которое Фрэнсис не могла понять.

Неожиданно Филипп подошел к ней, сел на край постели и взял ее руки.

— Я мог бы тебе помочь, — сказал он, — я мог бы тебе помочь со всем справиться. Ты пережила самое страшное. Я знаю, что ты чувствуешь. Поэтому я могу…

— Ты этого не знаешь, — перебила его Фрэнсис. Она хотела освободить свои руки, но он крепко держал их в своих. — Ты не можешь этого знать. Никто не может.

Она невольно тихо застонала, вернувшись к воспоминаниям. Мрачный подвал. Стул. Люди, которые крепко держат ее, которые всем своим весом давят на нее, чтобы удержать. Веревка вокруг тела. Грубые руки, схватившие ее за челюсть, чтобы открыть ей рот. Ужасный шланг, который они проталкивают ей в горло. Фрэнсис снова почувствовала, как ее душат тошнота и панический страх.

— О боже, — прошептала она. Слезы выступили у нее на глазах и побежали по щекам. — Это было так страшно… Так больно…

Филипп притянул ее к себе.

— Знаю.

— Я думала, что умру.

— Да. Я понимаю тебя.

— Думала, они меня убьют, и никто мне не поможет… Никто мне не поможет!

Успокаивая, он гладил ее по волосам. Его руки были мягкими, несущими утешение.

— Я чувствовала себя такой беззащитной… Я не могла пошевельнуться. Пыталась бороться, не хотела просто смириться. Но ничего не могла сделать. Вообще ничего не могла сделать!

Слезы текли ручьем. Впервые с того дня Фрэнсис по-настоящему плакала. Это была не просто пара беспомощных слезинок из-за скверного самочувствия. Это были настоящие рыдания, идущие из

глубины. То оцепенение, что сжимало ее, ослабло. Словно вскрылась рана и из нее вытек яд, пожирающий тело.

— Но самым худшим была не боль, даже не страх смерти и тошнота. Самым страшным было то, что они *делали.* Что они меня держали и… Это было подобно насилию. Так я себя чувствовала. Так я чувствую себя сейчас. Облитой грязью и униженной.

Филипп обнимал ее. Она намочила слезами его рубашку, но ее тело уже не так сотрясалось под его руками, нежно гладившими ее.

— Уже все хорошо, — сказал он мягко. — Все хорошо.

— Я никогда не смогу это забыть… Наверное, я никогда не смогу стереть это из своей памяти…

— Ты это забудешь. Я буду рядом. Я буду всегда рядом с тобой.

Где-то глубоко внутри ее раздался тревожный звонок. «Что он имеет в виду? Он — хороший друг, но не более того, и я должна ему об этом сказать…»

Но тут же Фрэнсис почувствовала себя глупо, так как, возможно, он тоже подумал всего лишь о дружбе, к тому же ей совсем не хотелось говорить об этом сейчас. В последние месяцы она чувствовала себя больным, одиноким ребенком. Она наслаждалась, когда ее кто-то обнимал, гладил и утешал.

— Я принадлежу тебе, — шептал Филипп, плотно прижавшись губами к ее уху. Фрэнсис ощущала на лице его дыхание. Впоследствии она не могла объяснить себе, как случилось, что их губы встретились. Она почувствовала соленый вкус своих собственных слез.

Как это приятно, подумала она.

Его руки скользнули ей под свитер, и Фрэнсис очнулась от своих мыслей. Она отпрянула назад.

— Филипп…

Он часто дышал. Потом прижался головой к ее груди.

— Я люблю тебя, Фрэнсис, — пробормотал он, — я хочу… я хочу тебя, Фрэнсис!

Фрэнсис довольно четко представляла себе, что он хочет, поскольку выросла в деревне и видела многое. Последние пробелы в знаниях она восполнила, начитавшись эротической литературы из книжных собраний Маргарет. Девушка понимала, что должна остановить Филиппа от дальнейших действий.

— Филипп, пожалуйста, оставь меня! — сказала она.

Что-то в ее голосе привело его в чувство. Он резко поднял голову и убрал руки. Его щеки раскраснелись.

— Боже мой, Фрэнсис, прости меня, пожалуйста. Я…

— Ничего, — ответила она. Встала, подошла к комоду и достала носовой платок, потом вытерла лицо и высморкалась. — Я должна извиниться, сесть и плакать…

Он стоял с опущенными руками посреди комнаты.

— Ты наверняка думаешь, что я хотел воспользоваться ситуацией…

— Глупости. В самом деле, всё в порядке.

— Я не хотел бы, чтобы ты думала, будто я… всего лишь искал мимолетного приключения.

Фрэнсис слегка улыбнулась. Мысль о том, что именно Филипп мог искать мимолетного приключения, казалась слишком абсурдной.

— Я вовсе так не думаю. Пожалуйста, не беспокойся.

— Я… — Он, похоже, хотел сказать что-то еще, но, очевидно, не решился. — Тогда я пойду. Спокойной ночи, Фрэнсис.

— Спокойной ночи, Филипп. — Она посмотрела ему вслед, наблюдая, как он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, и глубоко вздохнула.

«Настанет время, — сказала она себе, — действительно настанет время, и ты оправишься от болезни».

Менее чем через неделю они завершили то, что начали в тот вечер. Фрэнсис впоследствии так отчетливо помнила этот день еще и потому, что в стране произошли волнения. Газеты пестрели экстренными сообщениями. Министр иностранных дел Англии сообщил, что нет никакого соглашения, которое вынуждало бы Англию к военной поддержке Франции. После этого встревоженное французское правительство вспомнило о договоренности, согласно которой Англия брала на себя обязательство прийти на помощь Франции в случае нападения Германии. В связи с этим немецкое правительство сочло необходимым подтвердить свое миролюбие и заявить о том, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении кого-либо. Но из-за всей суматохи возможность наступательной войны со стороны Германии однажды опять стала

злободневной темой, и на каждом углу в панике обсуждалось, что в таком случае произойдет и насколько в это будет втянута Англия.

Маргарет каждый день после обеда уезжала к кому-то на неизменный бридж, сопровождаемый чаепитием, хотя первоначально она объявила, что в такие тяжелые времена ей не до общения, потому что существует угроза войны…

— Тетя Маргарет, война начнется определенно не сегодня, — сказала Фрэнсис, успокаивая ее. — И точно не завтра. Если ты так беспокоишься, будет лучше, если ты выйдешь в общество, чтобы немного отвлечься.

Тетя еще немного посетовала, но в конце концов, конечно, победил ее вкус к жизни, и она уехала.

Фрэнсис и Филипп вместе пили в салоне чай, и хотя горничная подала к столу свежеиспеченный пирог, ни один из них к нему не притронулся. Между ними возникло некое напряжение, которое день ото дня росло и которое они не могли больше игнорировать. Они не чувствовали себя больше как брат и сестра и не были просто молодыми людьми, которые волею случая вынуждены жить в одном доме; теперь они были мужчиной и женщиной.

Для оторванной от жизни Маргарет было вполне типично, что она задумывалась и беспокоилась обо всем и каждом, но при этом совершенно упустила из виду щекотливую ситуацию, которая могла сложиться из совместного проживания в ее доме молодого человека и юной девушки.

В этот вечер они опять целовались, а потом отправились наверх, в комнату Фрэнсис, и когда оказались друг напротив друга, глаза Филиппа загорелись от любви, а Фрэнсис рассудительно задавалась вопросом, как это все бывает и заставит ли это ее почувствовать, что она действительно наконец повзрослела.

Фрэнсис считала это неприятным и неэстетичным и растерянно спрашивала себя, и что только люди в этом находят. Данная тема всегда была покрыта тайной, молодых людей настойчиво от этого предостерегали. Говоря об этом, некоторые шептались и хихикали.

Фрэнсис пришла в возбуждение от рук и губ Филиппа, но очень нервничала, а Филипп был слишком неопытен, чтобы продлить это возбуждение. И постепенно оно полностью исчезло. Вместо этого каждый мускул в теле Фрэнсис судорожно сжался. Она была очень

напряжена, но решила выдержать испытание до конца. Девушка с удивлением рассматривала лицо Филиппа, которое очень изменилось и стало не таким привлекательным, как обычно; оно блестело от пота, а в его глазах она увидела выражение пустоты. Фрэнсис было любопытно, все ли мужчины выглядят так в подобной ситуации — отстраненными и глуповатыми. Неужели и Джон тоже?

Мысль о нем неожиданно причинила ей сильную боль. Внезапно она поняла, что совершила что-то совершенно бессмысленное, и надеялась лишь на то, что скоро все закончится. Единственное, что ей действительно понравилось — это лежать в объятиях Филиппа, ощущать его теплое тело, прижавшееся к ее спине, и его равномерное дыхание на ее волосах. Он сразу уснул, но Фрэнсис была этому только рада, так как могла спокойно предаться своим мыслям.

Неожиданно Филипп проснулся и, очевидно, внезапно понял, что произошло. Он испуганно вздохнул, и его руки еще крепче обняли Фрэнсис.

— Мы, конечно, поженимся, — прошептал он. — Я люблю тебя, Фрэнсис. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она надеялась, что ее молчание не будет воспринято им как согласие.

В последующие недели Фрэнсис стремительно поправлялась — с каждым днем ей становилось все лучше. Это заметили все. У нее опять появился аппетит, она хорошо спала и совершала длительные прогулки. Бледные щеки порозовели, а глаза обрели прежний блеск. Она стала чаще улыбаться, а иногда даже смеялась от всего сердца. Маргарет отмечала это со все большим удовлетворением. Как-то утром, в конце мая, когда они вместе с Фрэнсис вдвоем сидели за завтраком, она посмотрела на племянницу сияющими глазами и подмигнула ей.

— Я знаю, почему ты стала поправляться!

— Почему же? — спросила Фрэнсис, ни о чем не подозревая.

Маргарет понизила голос, хотя вблизи никого не было.

— Филипп мне вчера открылся. Он сказал, что вы поженитесь. О, Фрэнсис, я так рада за тебя!

Фрэнсис быстро подняла свою чашку с чаем и стала пить большими глотками, стараясь выиграть время. Ситуация становилась острой. От ухаживаний Филиппа в последние недели она упорно

уклонялась и переводила разговор на другую тему, если тот начинал мечтать о будущем. Фрэнсис поняла, что не сможет бесконечно продолжать свою тактику — закрывать глаза и уши. Она переспала с ним, и он воспринял это как обещание. Теперь настало время искренне сказать ему правду. В конце концов, он уже начал говорить об этом с другими людьми — при этом тот факт, что об этом узнала именно Маргарет, было равносильно публичному оглашению.

— Все это еще неопределенно, — сказала Фрэнсис, допив чай, после чего не могла уже спрятаться за чашку. — Мне бы хотелось, чтобы ты об этом пока никому не говорила, тетя Маргарет.

— Я буду нема как могила, — заверила ее сразу Маргарет, — можешь быть уверена!

Фрэнсис вздохнула. Если она в чем-то и была уверена, так это в том, что Маргарет не будет молчать.

— Я так горжусь тем, что вы встретили друг друга в моем доме, — продолжала тетя. — Я стала, так сказать, свахой, не правда ли? После этих всех страшных событий… наконец произошло что-то, чему можно порадоваться!

— Я… — попыталась что-то сказать подавленная Фрэнсис, но Маргарет отмахнулась.

— Тебе не надо мне ничего объяснять. Я рада, что ты благодаря ему опять ожила.

С осознанием своей вины Фрэнсис подумала, что это действительно так, только взаимосвязь была иной, нежели это представляли себе Филипп и Маргарет. Оба считали, что именно любовь Филиппа вырвала ее из депрессии. Но все было значительно сложнее. Филипп привык в ходе бесконечных монологов придумывать трагические истории из прошлого, при этом представляя их обоих одинокими детьми, жертвами враждебного окружающего мира, потерпевшими крушение, которые ухватились друг за друга, чтобы вместе выжить… Фрэнсис, которой все больше становился противен этот ее образ, однажды набросилась на него:

— Прекрати же наконец говорить всякую чепуху! Нечего нас сравнивать!

Он посмотрел на нее совершенно обескураженно.

— Я только хотел сказать…

— Ничего не хочу об этом слышать, — недовольно перебила его Фрэнсис. Она видела: он упрекал себя за то, что невольно напомнил ей о том, что она, очевидно, хотела забыть.

Но, парадоксальным образом, одно ему действительно удалось: он ее растормошил. Постоянно подчеркивая, что она такая же, как он, Филипп в то же время понимал ее стремление любой ценой избежать его участи. Разве она не была опасно близка к тому, чтобы стать таким же унылым человеком, как он? Пребывать в смятении, не испытывать ни по какому поводу радости, бояться мира и кроющихся в нем опасностей?

Фрэнсис не хотела идти по жизни с выражением лица, как у робкого ребенка. Не хотела проводить свои дни, стоя у окна в ожидании чего-то, что никогда не придет. Она этого не хотела — и никогда этого не допустит. Она что есть мочи боролась с темной силой, стремящейся захватить ее в клещи, — и с каждым днем все больше освобождалась от этой силы.

Но с Филиппом она вела злую игру, Фрэнсис это понимала. Она знала о его чувствах, и это была ее обязанность — сказать ему чистую правду о *своих* чувствах.

После разговора с Маргарет Фрэнсис предприняла две попытки поговорить с ним, но каждый раз видела, как он смотрит на нее, — и тогда прерывала разговор или просто не решалась его начать, потому что чувствовала себя монстром. Ночами она часто не могла уснуть и проклинала тот час, когда легла с Филиппом в постель. Ей это ничего не принесло, но поставило в затруднительное положение, потому что когда-то она должна будет сказать Филиппу, что ее согласие вступить с ним в интимные отношения не означает, что она согласна выйти за него замуж.

Она была в достаточной степени ребенком своего времени, чтобы при одной мысли о том, что ей придется говорить такие фривольности, на щеках у нее появлялся румянец. Женщина не позволяла себе никаких интимных отношений с мужчиной до замужества, и если это все же происходило, то старалась потом как можно быстрее выйти за него замуж. В любом случае, она не ложилась в постель с мужчиной, которого не любила. Для того, что сделала Фрэнсис, единственным приемлемым оправданием могла быть только сильная страсть, но при всем желании она не могла на полном основании убедить себя в том,

что чувствовала хотя бы искру таковой. Как в свое время в тюрьме, когда с изумлением наблюдала, с какой фанатичной самоотверженностью добивалась Памела своих целей, она и сейчас с удивлением задавалась вопросом, почему сама не была способна проникнуться чувством опьяняющей силы. Что бы она ни делала, у нее всегда возникало ощущение, что какая-то часть ее самой находится рядом и анализирует ее действия с холодным рассудком и полным отсутствием эмоций.

«Может быть, мне не хватает чего-то, — думала она, — что есть у других людей…»

В конце концов — и это была пугающая мысль — она никогда не узнает, чего именно ей не хватает; потому что какое определение, в конечном счете, она могла дать тому, чего не чувствовала?

Однажды светлой, теплой июньской ночью, когда Фрэнсис лежала без сна в своей постели, она вдруг поняла, что ей делать, что решит ее проблемы и вернет ей ее мир: она должна вернуться домой. Домой, в Дейл-Ли, в Уэстхилл, к своей семье. Ко всему, что она любит и что ей близко.

Фрэнсис села в постели, сердце ее колотилось. Тоска по холмам и долинам, по прозрачным ручьям и высокому небу Уэнслидейла вновь захватила ее. Прочь из Лондона с его переполненными улицами, шумом повозок и автомобилей, гнилостным запахом с берегов Темзы и мрачным небом над фабричными дымовыми трубами на востоке города. Прочь от Филиппа со всеми его ожиданиями и умоляющими взглядами. Прочь от осознания вины, с которым она думала о женском движении.

Домой. К Чарльзу. К Морин. К Кейт.

— Я должна была сделать это уже давно, — сказала она вслух, — давно!

Конечно, ее отец был тогда на нее очень зол. Он сказал, что никогда ее не простит. Но многие люди со зла говорят такие вещи, которые на самом деле никогда не сделают.

Фрэнсис старалась забыть о том эпизоде, так как чувствовала: для ее отца было очень важно, чтобы он не принимал решений и не заявлял о них импульсивно и сгоряча. Она просто забыла это, потому что хотела забыть. Вместо этого в ней проснулся здоровый юношеский

оптимизм: он ее любил. И снова будет ее любить. И Джона она также вернет. Как и отец, тот тоже любил ее с самого детства. И наверняка уже давно забыл происшествие в тюрьме.

Так она сидела и строила планы, и только к утру ей удалось заснуть на пару часов.

Фрэнсис никогда в жизни не была трусливой, вплоть до этого дня, да и в будущем ей будет это несвойственно. Но в данной ситуации ей не хватало мужества поговорить с Филиппом. Она села и написала ему письмо; после пятой попытки осталась наконец довольна, хотя и содрогнулась при мысли о том, что он испытает, когда прочтет его.

Вечером следующего дня Фрэнсис тайком упаковала чемодан; брала с собой лишь самое необходимое, остальное Маргарет пришлет ей как-нибудь позже. Тете она также написала письмо, в котором благодарила ее за помощь и просила прощения за свой ночной отъезд. Поскольку Филипп, без сомнения, посвятил Маргарет в свои планы относительно женитьбы, то Фрэнсис могла открыто объяснить, что хочет избежать этого недоразумения и предоставить Филиппу возможность заново строить свою жизнь без нее.

Она легла спать рано, но не могла уснуть и лишь смотрела в темноту, прислушиваясь к биению своего сердца. В четыре часа утра встала, оделась, взяла чемодан и на цыпочках спустилась вниз по лестнице. Как тихо ни шла Фрэнсис, видимо, она чем-то нарушила тишину, потому что неожиданно, как из-под земли, перед ней вырос мистер Уилсон, который в своем сером шлафроке и в носках ручной вязки выглядел очень забавно. Он держал в руках свечу и, оказавшись перед Фрэнсис, поднес ее прямо к лицу девушки.

— Мисс Грей! — воскликнул он удивленно. — Что вы делаете здесь, внизу, в такое время? — Потом заметил, что на ней было пальто, а в руке чемодан. — Боже мой!..

Фрэнсис едва подавила в себе желание закрыть ему рот.

— Мистер Уилсон, пожалуйста, говорите потише! — прошептала она. — Вы разбудите весь дом!

— Но куда вы собрались? — спросил шепотом Уилсон.

— Я еду домой. В Йоркшир. Вот здесь мои объяснения леди Грей и мистеру Миддлтону. — Фрэнсис сунула в руку ошеломленному дворецкому оба письма. Вообще-то она собиралась положить их на

стол в столовой, но теперь с таким же успехом могла озадачить этим Уилсона. — Будьте добры, передайте им эти письма, когда они встанут.

— Но…

— Мистер Уилсон, пожалуйста, не создавайте мне сейчас проблем. Я хочу успеть на ранний поезд на Йоркшир.

— Вы не можете вот так просто… Я не знаю… — Бедный мистер Уилсон совершенно не понимал, что ему делать.

Фрэнсис положила руку ему на плечо.

— Никто не будет вас ни в чем винить. Я же не сбегаю куда попало. Я еду домой, а причины этого отъезда подробно описала в этих письмах.

— Как вы доберетесь до вокзала?

Она вздохнула. Мистер Уилсон такой старомодный, такой церемонный…

— В худшем случае найду экипаж на Гросвенор-стрит. Не беспокойтесь!

Фрэнсис видела, что дворецкий очень взволнован. Ей оставалось только надеяться, что тот не разбудит Маргарет, едва она выйдет из дома. Тетя, конечно же, сразу прочтет письмо, поймет истинную причину и попытается остановить свою племянницу.

Фрэнсис вышла из дома. Ночь была облачной и темной, но дул теплый ветер, и она внушила себе, что он пахнет цветущим жасмином. Прошел почти год с тех пор, как Фрэнсис приехала в Лондон. Она чувствовала, что утолила безудержный голод, выгнавший ее из дома. Набралась некоторого опыта, пережила горькие времена — но снова встала на ноги и идет по жизни с высоко поднятой головой.

Когда-то, где-то, в течение минувшего года она перестала быть девочкой, которую всегда лелеяли и от всего оберегали.

Этим она добилась того, чего хотела добиться.

Словно высокая стройная свеча с филигранным орнаментом сверху донизу, возвышался над городом в ясном небе воскресного утра Йоркский собор. Солнце осветило его ярким светом, разлившимся далеко вокруг, в то время как дома и переулки у его подножия еще лежали в тени. Для Фрэнсис, которая лишь ненадолго, проездом оказалась в Йорке и использовала оставшееся время для посещения собора, это напоминало торжественный прием. Храм своим

спокойствием и красотой немного напоминал мать, которая радушно встретила свое дитя. Еще никогда Фрэнсис не рассматривала это роскошное сооружение во всем его совершенстве с такой теплотой.

Какой-то господин, который стоял рядом с ней и также восхищался собором, посмотрел на нее.

— Настоящее чудо! — сказал он. — Вы видите его впервые?

Фрэнсис покачала головой:

— Нет, я выросла в Йоркшире. Но провела целый год в Лондоне и…

Она не закончила фразу, но мужчина понял, что имелось в виду, и с пониманием кивнул.

— На юге! — произнес он пренебрежительно.

«Юг» для каждого истинного жителя Йоркшира являлся почти бранным словом, и самого юга Англии как будто принципиально не существовало: по меньшей мере, о нем или не говорили вовсе, или говорили исключительно в отрицательных тонах. Собственно говоря, так или иначе существовал только Йоркшир; остальная же Англия каким-то образом была разбросана вокруг него.

— Да, — продолжил мужчина, — тогда вам самое время снова почувствовать под ногами родную землю, не правда ли? Целый год в Лондоне! С трудом верится…

Последний отрезок пути все больше наполнял Фрэнсис нетерпением. Она ощущала себя лошадью, которая бьет копытом, чуя родную конюшню. Несколько раз вспоминала о Филиппе, который наверняка уже давно прочитал письмо, — и сразу пыталась перевести мысли на что-то другое.

Был полдень, когда поезд прибыл на станцию Уэнсли. Хорошо знакомый небольшой вокзал лежал под горячим солнцем. Фрэнсис заметила, насколько иным по сравнению с Лондоном был здесь воздух — более свежим и пряным. Ветер нес с собой запах трав и цветов, редких ольховых рощ и холодных источников.

Фрэнсис надо было найти какую-то возможность, чтобы добраться до дома. Это оказалось совсем непростой задачей. Кроме нее, из поезда вышли лишь несколько селян, но никого из них не ждал автомобиль или повозка. Фрэнсис уже прошла приличный отрезок пути по проселочной дороге, когда возле нее остановился автомобиль, в котором сидела пожилая пара.

— Вас подвезти? — спросила дама. — Чемодан у вас, похоже, довольно тяжелый…

— Мне нужно в Дейл-Ли. Это примерно…

— Мы знаем Дейл-Ли. Нам это по дороге. Если хотите, можете поехать с нами.

Фрэнсис с облегчением их поблагодарила. Мужчина и женщина ехали на дорогом лимузине и были празднично одеты. «Какое счастье, — подумала она, — что именно сегодня недалеко от Дейл-Ли состоится какое-то торжество, иначе я точно не нашла бы никого, кто ехал бы туда!»

Оба незнакомца были немногословны. Фрэнсис, трясшаяся на небольшом сиденье позади них, погрузилась в свои мысли. Она смотрела по сторонам; над ней проплывало прозрачное голубое небо с длинными перисто-слоистыми облаками, а впереди простирались долины и голые плоскогорья. Повсюду царила почти болезненная уединенность, которую сохраняла эта местность. То и дело мелькали заливные луга, колыхавшиеся на ветру и блестевшие серебром под солнечным светом.

Как я все это люблю, подумала Фрэнсис почти с изумлением.

Супружеская пара на деле оказалась мелочной, так как они высадили Фрэнсис в самом низу полевой дороги, ведущей вверх, к Уэстхиллу, не предложив довезти ее до места, что заняло бы не более трех минут. Так что пришлось идти пешком с чемоданом под палящим солнцем. Дорога, правда, не была крутой, но постоянно шла в гору, и Фрэнсис очень быстро запыхалась. Справа и слева от дороги, насколько хватало глаз, простирались пастбища для выпаса овец. Многие животные собрались в тени деревьев. Они лежали в траве с закрытыми глазами. Лишь одна овца лениво поворачивала голову, когда Фрэнсис останавливалась через каждые несколько шагов и вытирала пот со лба. Чемодан, который сначала показался ей легким, был на удивление увесистым, и, кроме того, Фрэнсис была тепло одета. Когда она ночью покидала дом, было значительно прохладнее. Неужели эта дорога всегда была такой долгой?

Но вот уже последний отрезок пути; она шла все быстрее и быстрее и уже вскоре оказалась во дворе перед домом. Бросила чемодан и помчалась к входной двери.

— Мама! Отец! Это я, Фрэнсис! Я вернулась!

Дверь была открыта — здесь никогда не запирали двери. Фрэнсис вошла в прихожую. Ее встретила сумеречная прохлада. И полная тишина.

Она прошла по всем комнатам на первом этаже, но там никого не было. Только Молли лежала в столовой на своей подстилке. Услышав шаги, она в ожидании подняла голову, но когда увидела, что это не Джордж, которого она ждала день и ночь, а всего лишь Фрэнсис, надежда в ее глазах погасла. Она не встала, хотя и завиляла хвостом — несколько разочарованно, но вежливо. Фрэнсис подошла и погладила ее.

— Молли, куда все делись? — спросила она. — Кажется, вообще никого нет дома!

Молли похлопала хвостом по полу и снова положила голову между передними лапами. Фрэнсис выпрямилась и пошла на второй этаж, но и там никого не было.

— Все исчезли, — пробормотала она. — Странно… Даже бабушки и Аделины нет!

Затем она вспомнила, что оставила чемодан на солнце перед домом, и оттащила его наверх, в свою комнату.

Здесь ничего не изменилось. На кровати все еще лежало голубое одеяло с узором в виде роз, а на стенах висели репродукции картин Сислея. На письменном столе Фрэнсис обнаружила старые, высохшие небольшие букетики цветов и ее дневник в зеленой полотняной обложке, в котором содержались такие важные записи: «Сегодня был ягненок, мисс Паркер его так любит, но мне, как всегда, стало плохо!» или «Наша команда выиграла в лакросс; каждый из нас после этого получил бант, который мы можем приколоть, но я считаю, что это выглядит слишком нелепо!».

Во всем, что было когда-то таким родным и близким — и комната, и одеяло с розами, и дневник, — она больше не нуждалась. Эти вещи были из другого времени, и Фрэнсис поняла, что ее возвращение получилось двояким. Она вернулась домой — но не могла повернуть стрелки часов назад, не могла больше чувствовать себя защищенной под одеялом с розами.

Девушка открыла окно и посмотрела вниз на цветущий сад. Если б она протянула руки, то почти смогла бы коснуться ветвей вишневого дерева. Погруженная в мысли, Фрэнсис смотрела на небольшую

полевую дорогу, начинавшуюся с той стороны каменной изгороди сада и исчезавшую где-то за холмом. По ней можно было попасть в Дейлвью, если не хотелось идти по главной дороге.

И вдруг у нее появилась мысль: раз никого из семьи нет дома, то она тоже может пойти в Дейлвью и зайти к Джону. Если он, конечно, у себя. Вероятность того, что он сейчас может находиться в Лондоне, Фрэнсис решила вообще не принимать в расчет.

Она вынула из чемодана летнее платье из синего, как сапфир, муслина; Филипп как-то сказал, что оно делает ее глаза еще более темными и сияющими. Платье было немного помято, но ей сейчас было не до этого. Фрэнсис переоделась и расчесала волосы, потом придирчиво осмотрела себя в зеркале. Она все еще была довольно худа — резко очерченные острые скулы, платье бесформенно висит вдоль тела… Но Джон, в конце концов, уже видел ее в тюрьме в жутком состоянии; он удивится, что она, несмотря ни на что, пришла в себя.

Фрэнсис надела большую соломенную шляпу, украшенную длинными голубыми лентами, чтобы защитить голову от солнца, и отправилась в путь.

Вдоль всей улицы, поднимающейся вверх, и на большой парковочной площадке перед домом стояли многочисленные автомобили и экипажи — не менее пятидесяти штук. Водители в начищенной униформе облокотились на капоты радиаторов автомобилей и читали газеты или стояли группами под деревьями, смеялись и болтали. Извозчики приносили воду и сено для лошадей. При этом они вытирали пот со лба и ворчали из-за своих жестких ливрей, сковывающих движения. Любопытные взгляды следовали за Фрэнсис, которая нерешительно шла вдоль дороги, ведущей к дому.

— Чем дальше, тем симпатичнее гости! — крикнул черноволосый водитель в униформе из ярко-красного сукна с позолоченными пуговицами, сверкающими на солнце. Другие ответили на его реплику смехом.

Фрэнсис, игнорируя взгляды и слова, подошла к дому, который, как всегда, казался темным и мрачным на фоне ясного неба. Навстречу ей неслись звуки музыки. Гул голосов? Она ускорила шаг и последние метры преодолела почти бегом.

Входная дверь была широко распахнута и со всех сторон украшена горами цветов. На ступенях, ведущих вверх, в также украшенный цветами холл, лежал красный ковер. В дверях стоял слуга в ливрее, погруженный в свои мысли; заметив Фрэнсис, он сделал строгое лицо.

— Слушаю вас!

— Я… — начала Фрэнсис, но не знала, что сказать дальше. Да и что она могла сказать? Она ведь не знала, что здесь происходит… Заметила, что слуга критически смерил ее взглядом сверху донизу. Ее милое голубое летнее платье явно совершенно не подходило для торжества этого уровня и этой значимости.

— У вас есть приглашение? — поинтересовался он.

Так как слуга не знал, кто она, он из осторожности вел себя очень вежливо, но дал ей понять, что просто так ее не пропустит.

Подняв голову, она с достоинством произнесла:

— Я — Фрэнсис Грей. У меня нет приглашения, так как я должна быть в Лондоне. Но сегодня неожиданно вернулась.

Музыка, которая на какой-то момент стихла, заиграла вновь. Тихо дребезжали тарелки и бокалы, на этом фоне раздавались голоса и смех.

— Да… — Слуга, казалось, не знал, что делать. Он не понимал, можно впустить ее или нет. — Вы — родственница мисс Виктории Грей?

— Я ее сестра. — Почему он назвал именно Викторию, самую молодую в семье?

— Ну… — Слуга замялся.

Фрэнсис решила больше не тратить на него время. Она просто пробежала мимо него в дом.

— Стойте! Вы не можете просто так…

Она прошла по красному ковру в окружении цветов — бог мой, похоже, они вычистили все оранжереи в Йоркшире! — и открыла двустворчатую дверь, ведущую в большой зал на другой стороне холла. И остановилась, стараясь осмыслить то, что увидела.

Зал, как и вход в дом, также был роскошно украшен цветами. Три его высокие, покрытые белым лаком двери со стороны сада были распахнуты, и через них открывался вид на каменную террасу, тянущуюся по всей ширине дома, с которой широкие ступени спускались в расположенный ниже парк. В зал проникал теплый

цветочный аромат. Фрэнсис знала, что здесь почти всегда было очень холодно, и зимой, несмотря на два огромных камина, его едва можно было обогреть.

За длинными столами сидело около ста гостей: мужчины в темных костюмах или в парадной форме, дамы — в длинных пестрых шелковых платьях, увешанные украшениями. На столах лежали белоснежные камчатные скатерти, на которых стоял тончайший фарфор. Мать Джона, насколько помнила Фрэнсис, принесла его в дом в качестве приданого и всегда очень гордилась им. Горели свечи в высоких серебряных подсвечниках. В углу расположилась группа музыкантов, негромко игравших веселые мелодии. Бесшумно сновали туда-сюда официанты — уносили пустые тарелки, приносили новые блюда и наливали вино.

Это было ошеломительное зрелище, представшее перед Фрэнсис как картина: изображение чего-то, что не имеет никакого отношения к реальности. Ей казалось, что все действующие лица движутся по невидимым нитям и кто-то на заднем плане руководит ими, режиссируя каждый эпизод, как на сцене. Пьеса называлась «Свадьба».

Главными действующими лицами были Джон Ли и Виктория Грей.

Они сидели за самым длинным столом, который тянулся через весь зал. Молодые люди располагались ровно в его середине, и перед ними стоял огромный букет цветов. Джон был одет в темную форму со времен его короткой военной службы, с высоким жестким воротником, украшенную несколькими нашивками его полка и различных объединений, членом которых он являлся. На Виктории было свадебное платье кремового цвета и фата из белого кружева, закрепленная в волосах цветочной композицией. Она выглядела как на картинке. За последний год Виктория таинственным образом очень повзрослела. Когда Фрэнсис уезжала, ей как раз исполнилось четырнадцать лет; значит, теперь она была на пороге своего шестнадцатого дня рождения. Похоже, что свой пятнадцатый год Виктория использовала для того, чтобы избавиться от платьев-матросок, челок и беспрерывного хихиканья. Ее вид вызвал у Фрэнсис тошноту, и она невольно зажала рот рукой.

Рядом с Джоном сидели Морин и Чарльз, рядом с Викторией — мать Джона и бабушка Кейт. Все были заняты разговорами. Морин первой увидела свою дочь, случайно подняв глаза. Она онемела, и Фрэнсис поняла, что ее губы произнесли ее имя.

— Фрэнсис!

Вслед за Морин ее увидели остальные. Джон побледнел. Виктория вздрогнула. Кейт, беседовавшая с каким-то господином справа, замолчала. Странным образом замешательство, которое началось с главных лиц, постепенно пошло по всем рядам. В конце концов все гости замолчали, и даже музыканты, совершенно обескураженные, перестали играть. Лишь одинокая скрипка доиграла последние ноты, и на зал опустилась тишина, а сотня пар глаз устремилась на Фрэнсис.

Она стояла в своем голубом мятом платье, с раскрасневшимися от быстрой ходьбы и зноя щеками, и постепенно — будто готовясь к внезапному шоку — осознавала, что произошло.

Она попала на свадьбу своей сестры. Ее сестра и Джон Ли поженились. Виктория выглядела как маленькая принцесса с цветами в волосах, и у нее был глуповатый вид.

Никто ничего ей не сказал. Никто не счел нужным ей об этом сообщить. Она снова почувствовала, что ее тошнит.

«Я должна уйти, — подумала она в панике, — домой, в Лондон, куда-нибудь…»

Но во всем этом ужасе у нее еще осталось немного холодного рассудка, и он подсказал ей, что она покроет себя позором до конца своих дней, если сейчас повернется и сбежит. Тогда каждый поймет, что она чувствует. Среди присутствующих — их лица расплывались перед ее глазами — наверняка было достаточно соседей, которые точно знали, что Джон Ли и Фрэнсис Грей практически обручены. Они с нетерпением ждали реакции Фрэнсис — как та справится с таким унижением. Она ни в коем случае не хотела доставить им такую радость — видеть, как она в растерянности сбегает.

Ее колени подогнулись, в ушах стоял шум, но она медленно направилась к Джону и Виктории. Пересекла весь зал, буквально чувствуя, как все затаили дыхание. Подошла к Виктории, которая онемела от страха и не знала, куда смотреть, нагнулась к ней и

поцеловала ее в щеку. От Виктории исходил запах ландышевых духов, а ее кожа была сладкой, как у младенца.

Голос Фрэнсис звучал чуть сипло.

— Я непременно хотела поздравить мою младшую сестру с ее свадьбой, — сказала она. — Желаю тебе всего самого хорошего, Виктория.

— Спасибо, — пробормотала та, все еще не в силах смотреть Фрэнсис в глаза.

«Неужели я тоже так же *внезапно* превратилась из ребенка в молодую девушку? — растерянно спрашивала себя Фрэнсис. — Это создание просто перестало быть той Викторией, которую я знала». Все, что было в ней просто милым, набрало силу: волосы больше отливали золотом, темные глаза светили теплее. В вырезе ее платья Фрэнсис увидела верхнюю часть ее небольшой, но высокой груди. И сразу показалась себе старой, худой кошкой. Она никогда не могла соперничать с сестрой в привлекательности, но сейчас различие между ними было просто мучительным.

Джон встал. Его холодные бледные губы коснулись лба Фрэнсис. Чистый, братский поцелуй.

— Фрэнсис, — сказал он; казалось, что ему было тяжело говорить. — Какой сюрприз!..

— Да, не правда ли? Я приехала сегодня из Лондона утренним поездом.

Фрэнсис надеялась, что остальные гости по меньшей мере не знали, что сестра невесты не имела ни малейшего понятия о свадьбе. При этой мысли в ней закипела ярость. «Они, по крайней мере, должны были оповестить меня…»

Чарльз сжал губы, протягивая руку своей старшей дочери. Морин притянула ее к себе, но уклонилась от ее взгляда. Кейт была единственной, кто смотрел на нее прямо. То, что Фрэнсис видела в ее глазах, было не так просто понять. Сочувствие? Кейт никому не выражала сочувствие, максимум — неуважение, но в ее взгляде не было неуважения.

В ее лице читалось понимание того, что сделала сейчас Фрэнсис, и — теперь она это поняла — признание смелости и самообладания, с которым она вошла в этот зал и на глазах у всех поздравила свою

сестру. Кейт едва заметно улыбнулась своей внучке, и та ответила на ее улыбку.

Мать Джона, старая миссис Ли, которая никогда не любила Фрэнсис, не смогла удержаться от бестактного замечания. Она наверняка не была довольна тем, что Виктория стала ее невесткой, но раз уже это должна быть дочь ирландской католички, то Виктория, по меньшей мере, была не самым плохим выбором.

— Такова жизнь, — сказала она и протянула Фрэнсис руку. — Я всегда думала, что именно вы однажды переедете в Дейлвью. Но что есть, то есть, не так ли?

— Мама… — прошептал Джон.

— Что такое? Разве это не так? Вы были раньше неразлучны… Ну да, в Лондоне Фрэнсис набралась жизненного опыта и, в любом случае, нашла для себя иные приоритеты в жизни…

Фрэнсис, не говоря ни слова, отвернулась, спрашивая себя, сколько еще выдержит, стоя вот так перед этой женщиной.

— Куда же вас посадить? — раздумывала вслух миссис Ли, оглядываясь по сторонам.

Фрэнсис быстро положила ей руку на плечо.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я и так чувствую себя неловко из-за того, что пришла без предупреждения. Я всего лишь хотела поздравить счастливую пару.

— Но вы же не уйдете прямо сейчас? Как моя потенциальная в прошлом невестка, вы непременно должны присутствовать на торжестве.

«Это — единственное, в чем я не завидую Виктории, — подумала Фрэнсис. — Как она будет жить рядом с этим дьяволом в юбке?»

Она чувствовала, что не в состоянии остаться на празднике. Все силы, что были у нее в запасе, она израсходовала на то, чтобы поздравить Викторию и вынести этот страшный, отстраненный поцелуй Джона. Теперь Фрэнсис мечтала только об одном — остаться одной, никого не видеть, и лучше всего до конца своей жизни.

— Я очень устала, — сказала она, — я уже с полуночи на ногах.

Повернулась, чтобы уйти. Наконец она начала различать некоторые лица. Здесь собралось полграфства. Она увидела даже ту самую супружескую пару, которая подвезла ее до Уэстхилла.

— Если б вы сказали нам, что вам надо сюда, то могли бы поехать с нами, — сказала дама, когда Фрэнсис проходила мимо нее. Это прозвучало как упрек, как будто Фрэнсис ее лично обидела.

У двери она еще раз быстро обернулась. Гул голосов возобновился. Она увидела Джона в форме, а рядом с ним — Викторию, напоминавшую майский ландыш, такую милую, прелестную и совершенную…

«Идеальная супруга, — подумала Фрэнсис, — идеальная супруга для депутата нижней палаты парламента Джона Ли!»

А потом ей и в самом деле стало плохо, и она вышла на улицу, где, дрожа и обливаясь по*т*ом, села на камень и стала ждать, когда прекратится сильное сердцебиение.

Вечер сохранил то совершенство, которое принес день. Ночь не спешила приходить. Солнце, хотя и зашло на западе за горизонт, все еще освещало небо, обрисовывая последние небольшие облачка красными ободками. Было 21 июня — самый длинный день и самая короткая ночь года, и здесь, наверху, на севере, до самого восхода солнца не наступит полная темнота.

Фрэнсис сидела в самом дальнем углу сада на каменной стенке — именно с этого места открывался далекий вид на долину. Она подтянула ноги к телу и обвила их руками, так как воздух был прохладным и от травы и земли вокруг поднималась влага. Где-то квакали лягушки; блеяли овцы. Намного сильнее, чем днем, в саду источал свой сладкий аромат жасмин.

Фрэнсис не обернулась, когда услышала позади себя тихие шаги; она знала, кто это. Это подсказал ей нежный лавандовый запах.

— Уже очень поздно, — сказала Кейт, — а ты, видимо, очень устала… Не хочешь пойти спать?

— Мне кажется, что я не смогу уснуть. Я буду постоянно… — Она сжала губы. Ей было тяжело это произнести.

Кейт поняла, что она имела в виду.

— Ты думаешь о Джоне и Виктории?

Она подошла ближе, облокотилась на стену и устремила взгляд на летнюю долину, в которой тени становились все более глубокими и темными, а тихий ветер таинственно теребил листья деревьев.

— Что за чу́дная ночь, — сказала Кейт. — Такими ночами мне всегда хочется опять стать молодой.

— Бабушка, — спросила Фрэнсис тихо, — почему ты мне ничего не сказала?

Кейт немного помолчала.

— Я струсила, — наконец честно ответила она. — Побоялась твоей печали. Я сказала себе, что когда они поженятся, я поеду в Лондон и скажу об этом Фрэнсис. Я понимала, что кто-то должен тебе это сказать, прежде чем ты случайно встретишь одного из них.

— Ты бы действительно приехала?

— Думаю, да. Я могу дать голову на отсечение, что отложила это на потом. Этого шока, который ты испытала сегодня, можно было избежать. Но что теперь причитать! Я слишком долго медлила — и вот результат…

Фрэнсис вспомнила о письме, которое написала Филиппу, потому что не могла сказать ему правду в лицо. Она не могла осуждать Кейт. Она и сама повела себя ненамного мужественнее.

— Я не понимаю, как Джон мог это сделать, — сказала она и испугалась холодного отчаяния в своем голосе. — Он любит меня. Он всегда меня любил. Еще полгода назад…

— Ты несколько раз ему отказывала. Такой мужчина, как Джон, не будет просить вечно. Я предполагаю, что его женитьба на Вики — это просто попытка забыть тебя. Он же не может всю свою жизнь сохнуть по тебе. И, возможно, это еще и в какой-то степени упрямство. Мол, Фрэнсис не захотела выйти за меня — во всяком случае, немедленно, — так пусть же знает, что у меня есть еще и другие возможности.

— Виктория — не просто принятое решение, — сказала Фрэнсис с отчаянием в голосе. — Я ведь видела ее сегодня. Она стала такой взрослой… Она очень хорошенькая, бабушка. Намного красивее, чем я была или буду.

— Она — куколка. Эффектная и ласковая. Но со временем, возможно, станет немного скучной.

— Я казалась себе сегодня такой страшной… Такой старой… Какой-то уже… одряхлевшей.

Кейт тихо рассмеялась.

— В твои восемнадцать лет ты не можешь быть одряхлевшей. Но какие-то следы определенные события, конечно, оставили. Ты просто перестала быть молодым неопытным существом.

— Ну как же! — сказала Фрэнсис, и в ее голосе послышалась обида. — Я сидела в тюрьме, потом несколько недель лежала в больнице, в то время как Вики была занята только тем, что холила себя, лелеяла и наряжалась. Конечно, она целиком и полностью являет собой женщину, способную привлечь молодого растущего политика.

— О, я слышу что-то вроде жалости к самой себе?.. Оставь, Фрэнсис! Каждый выбирает свой путь. Ты знала, что должна будешь заплатить за это. Мы говорили об этом год назад, помнишь? Ты совершенно ясно осознавала, что многое поставила на карту.

— Но я не думала…

— Ты не думала, что тебе так жестоко предъявят счет? Такова жизнь, Фрэнсис! Иногда тебе везет и удается на удивление легко отделаться. Но зачастую все складывается неудачно. И лучшее, что можно сделать, это смириться, потому что уже ничего не поправить.

— Дело не только в Джоне, — сказала Фрэнсис устало. — Еще отец и мама… Я это заметила сегодня. Отец меня действительно не простил. И мама… Она меня, правда, не отвергла, но дала понять, на чьей стороне находится.

— Морин и Чарльз — единое целое, Фрэнсис. — Так у них было всегда. Возможно, потому, что в самом начале их совместной жизни им чинили много препятствий. Морин всегда поддерживает Чарльза, что бы ни случилось. Но я могу заверить тебя, что она ужасно страдает из-за разлада в семье. Сначала Джордж, теперь ты… не думай, что ей легко!

— Это случилось так быстро… Внезапно под нами разверзлась земля. До этого все было замечательно. Жизнь текла так легко… Казалось, что никакая буря никогда не сможет разрушить нашу семью. Вероятно, у нас все было слишком хорошо. Но кто-то, видно, захотел показать, что бывает и по-другому…

Зябко поежившись, Фрэнсис сильнее прижала ноги к телу. Долина, раскинувшаяся внизу, полностью погрузилась в темноту. Шелест листьев стал более внятным. Но далеко позади, на западе, по небу тянулась еще светлая широкая полоса.

— Это все еще моя родина, — пробормотала она. — Она еще есть у меня. Чувство к этой земле никто не сможет у меня отнять.

Старческая жесткая рука Кейт легла на ее плечо.

— Ты права. Ее тебя действительно никто не сможет лишить.

Фрэнсис повернулась к бабушке. Переполненная внезапными, неконтролируемыми эмоциями, она резко сказала:

— Бабушка, я ненавижу Викторию. Я ненавижу ее, и не стыжусь этого!

Несмотря на темноту, она поняла, что Кейт улыбнулась.

— Ты не должна ненавидеть ее, Фрэнсис. Ее стоит пожалеть. Одно я поняла сегодня совершенно точно: Джон все еще любит тебя. Только тебя. Для Виктории это будет непросто.

На следующее утро в Дейлвью должен был состояться фуршет и завтрак, и Морин сказала, что Фрэнсис в любом случае должна принять в этом участие.

— Но ведь меня никто не приглашал, — сразу возразила та.

Однако мать сказала, что старая миссис Ли, прощаясь накануне вечером, настоятельно просила ее привезти с собой Фрэнсис.

— Поскольку вчера ты там появилась, каждый знает, что ты здесь, — добавила она. — Разумеется, ты приглашена. И выглядело бы очень странно, если б ты сейчас не пришла.

— Ну, почему-то никто ведь не нашел странным то, что я не была приглашена на свадьбу своей сестры. Точнее сказать, никто не нашел странным, что мне даже никто об этом не сообщил.

Морин строго посмотрела на нее.

— Это *ты* отдалилась от семьи, а не семья от тебя!

— Я сделала, что…

— Ты разбила сердце отцу, — сказала Морин тихо. Фрэнсис испугалась гнева в ее глазах. — Ты знала, что делаешь, и все же сделала это. Так что не жалуйся, что нити разорваны. — И вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Прием проходил в узком кругу, не в большом зале, а в маленькой, значительно более уютной столовой, стены которой были отделаны деревянными панелями, увешанными многочисленными портретами предков времен Гражданской войны[6]. Собралось примерно человек двадцать, чтобы поднять бокалы за молодую пару. Когда приехало

семейство Греев, Джона и Виктории еще не было, и роль хозяйки исполняла старая миссис Ли, одетая в темно-серое платье с белым кружевным воротником и старинным гранатовым украшением.

— Где же молодые? — поинтересовалась Морин.

Пожилой господин, уже отдавший немалую дань предложенному шампанскому, воскликнул:

— Но, милостивая государыня, у них есть занятие поинтереснее, чем здесь с нами завтракать! — Он недвусмысленно осклабился, и Морин смущенно улыбнулась.

«Это какой-то дурной сон, — подумала Фрэнсис, — настоящий дурной сон!»

Наконец появились Джон и Виктория. Сестра выглядела очень свежей и молодой, в бледно-желтом муслиновом платье, с двухрядным жемчужным ожерельем на шее — свадебный подарок ее свекрови. На Джоне был простой темный костюм с галстуком в серую и желтую полоску, причем желтый цвет точно соответствовал оттенку платья Виктории. Он не казался столь счастливым, как его молодая жена, но это бросилось в глаза только Фрэнсис, которая смотрела на него более проницательным взглядом, чем кто-либо еще из присутствующих.

Морин отставила свой бокал, подошла к Виктории, обняла ее за плечи и что-то ей прошептала. Та улыбнулась, и по ее щекам побежал нежный румянец.

Фрэнсис, резко вздохнув, отвернулась. Исходя из своего вновь приобретенного опыта, она имела совершенно четкое представление о степени близости, которая произошла между Джоном и Викторией минувшей ночью, и на протяжении долгих, бессонных часов боролась с картинами, возникавшими в ее воображении. Она отчаянно надеялась, что для Виктории это окажется чем-то ужасным и неприятным, но по ее виду этого нельзя было сказать. Возможно, Джон был более опытным любовником, чем Филипп; возможно…

«Прекрати об этом думать, — приказала она себе, — немедленно прекрати!»

Ее бокал с шампанским был уже пуст, но мимо как раз проходил официант с подносом, и Фрэнсис взяла себе еще один. Она знала, что выпила слишком много на голодный желудок, потому что накануне ничего не ела, но в данный момент спиртное по крайней мере сняло ее внутреннее напряжение. Когда Джон подошел к ней, чтобы

поздороваться, она уже почти опустошила очередной бокал и была в состоянии спокойно смотреть ему в глаза.

Этим утром он не целовал ее в лоб, а коснулся губами руки. На сей раз Джон смог подготовиться к встрече и казался более уравновешенным, чем накануне.

— Я слышал, что ты была очень больна, — сказал он. — Рад, что тебе, очевидно, лучше. Ты хорошо выглядишь.

Это прозвучало в большей степени вежливо, чем честно. Фрэнсис знала, что после этой бессонной ночи выглядит ужасно. Посмотрев утром на себя в зеркало, она увидела черные круги под глазами и призрачную бледность на щеках.

— Я слышала, что ты победил на окружных выборах, — ответила она. — Можешь собой гордиться. Наверняка было нелегко.

— Если честно, то я сам едва верил, что на сей раз мне это удастся, — сказал Джон. — Отрыв был минимальным. Но я рад, что смог преодолеть эту планку.

— Ты теперь часто будешь в Лондоне?

— Мы уезжаем туда уже сегодня. Послезавтра начинаются торжества по поводу коронации. Как депутат, я должен в этом участвовать. В течение недели. Это будет довольно напряженно.

— Ах да, коронация!

Фрэнсис совсем забыла о том, что в Лондоне уже несколько недель полным ходом шла подготовка к коронации Георга V. Все эти вещи уже долгое время не имели для нее никакого значения. Но она неожиданно вспомнила о том, как примерно год тому назад умер король Эдуард. Теперь коронуют его сына. За это время вся ее жизнь перевернулась, она потеряла людей, которых любила, в том числе отчасти из-за самой себя. Разом исчезла острота ее оскорбленных чувств. Осталась лишь тихая, неопределенная печаль.

Фрэнсис открыла рот, чтобы спросить Джона, почему он это сделал, почему женился на Виктории, — но увидела его умоляющий взгляд и поняла, что он знает, о чем именно она хочет его спросить, и что просит ее этого не делать. Поэтому она сказала лишь:

— Ну, возможно, когда-нибудь мы встретимся в Лондоне. Хотя я еще не знаю точно, где стану жить в будущем.

— Я желаю тебе, чтобы ты была счастлива, — сказал Джон тихо, прежде чем подошла Виктория и тронула его за плечо, неуверенно

улыбнувшись сестре.

— Нам нужно уже начинать завтрак, — сказала она. — Гости наверняка проголодались. Твоя мама считает, что я должна… — Она внезапно замолчала.

— …ты должна начать завтрак в качестве хозяйки дома, — закончил фразу Джон, — и ты наверняка будешь очаровательной. — Его слова были преисполнены любви.

«Бабушка была не права, — подумала Фрэнсис. — Он любит ее. Почему бы и нет? Она молода, обаятельна и буквально молится на него. У нее есть все, чего нет у меня…»

— Ты нас простишь? — учтиво спросил Джон.

Фрэнсис кивнула.

— Разумеется.

Завтрак завершился. Теплая и солнечная погода, как и накануне, поманила гостей в парк, где они стояли небольшими группами, бродили по аллеям или сидели на скамьях в тени деревьев. Джон и Виктория пошли наверх, чтобы собраться в дорогу. Машина, которая должна была доставить молодую пару на вокзал в Норталлертон, уже ждала их. Еще полчаса, и они уедут.

Фрэнсис направилась в библиотеку. Это было мрачное помещение с витражными освинцованными окнами, пропускавшими скудный свет. Кроме книжных стеллажей, которые доходили до потолка, здесь были только два кресла и стол. Воздух здесь стоял затхлый, было прохладно.

«Побуду здесь всего минуту и пойду», — подумала Фрэнсис. Она выпила достаточно много черного кофе, чтобы скрыть, что ничего не ела. Но действие шампанского продолжалось. У нее кружилась голова и урчало в желудке. Однако сумеречный свет, прохладный воздух, запах пыли и кожи благотворно подействовали на нее и вернули часть душевного покоя.

Фрэнсис вспомнила, как когда-то давно, в годы ее детства, когда они с Джоном играли в прятки, она спряталась здесь, в библиотеке, в небольшой нише, обшитой деревянными панелями. Ниша существовала до сих пор, но ей казалось невероятным, что там можно было уместиться.

Джон наконец ее нашел. Он помог ей выбраться из укрытия, и потом они стояли друг против друга, и он, посмотрев на нее, сказал: «У тебя в волосах паутина!» Его голос чуть дрожал. Потом он нагнулся, поцеловал ее в корни волос и рассмеялся: «Теперь нет!»

Фрэнсис считала, что это было очень романтично, и долго мечтала о том, чтобы у нее опять появилась в волосах паутина, но этого больше не произошло.

«Странно, что здесь ничего не изменилось, — подумала Фрэнсис. — Как будто остановилось время. В любой момент может открыться дверь, и Джон…»

Дверь открылась, и в комнату вошла Виктория.

Она сменила свое желтое платье, в котором была за завтраком, на серый дорожный костюм, делавший ее старше на несколько лет. На лацкан ее жакета была приколота розовая роза; такими же цветами была украшена серая соломенная шляпа, которую она держала в руках. Как и прежде, сестра выглядела превосходно. Сначала она была супругой политика, которая дает завтрак, теперь же стала супругой политика в поездке. Никто не смог бы сделать это лучше.

— Одна из девушек сказала, что видела, как ты пошла в библиотеку, — сказала Виктория. — Что ты делаешь здесь одна?

— Мне нужно немного покоя, — ответила Фрэнсис. — Знаю, я не должна была просто…

«Это *ее* дом, а не твой! Ты не имеешь права заходить в какие-либо комнаты и закрывать за собой дверь!»

— Нет, нет, всё в порядке, — поспешила ответить Виктория и озабоченно посмотрела на сестру. — Ты очень бледная, Фрэнсис.

— Это из-за света.

— Да, возможно… — Виктория, казалось, пребывала в нерешительности. — Ты много пережила, — наконец сказала она. — Мама рассказывала, что в… тюрьме тебя принудительно кормили. Это, наверное, ужасно!

— Да, не особенно приятно. Но тебе не надо мне сочувствовать. Я всегда знала, что делала.

— Да… конечно…

— Ты, наверное, спешишь, — сказала Фрэнсис. — Твой муж, вероятно, уже ждет.

— Он ищет свою мать, чтобы проститься. Фрэнсис… — Казалось, Виктории стоит невероятных усилий, чтобы подобрать нужные слова. — Фрэнсис, мне очень жаль, что все так получилось.

— Тебе жаль, что ты вышла замуж за Джона? Сейчас жаль?

— Нет, я не это имела в виду. Я имею в виду… ты ведь знаешь, что именно. Я… причинила тебе боль, но я этого не хотела. Так уж… просто случилось у нас с Джоном.

— Тебе не за что извиняться, Виктория.

— Не за что? — В ее голосе прозвучала надежда. — Правда?

— Правда. — Фрэнсис молилась, чтобы сестра не почувствовала неприязнь, с которой она смотрела в ее милое лицо под копной золотистых волос. Ни за что на свете Виктория не должна заметить ее обиду, ее отчаяние.

— Не думай об этом. Я немного обижена, что не была приглашена на свадьбу, только и всего.

Виктория, похоже, испытала глубокое облегчение.

— Я очень рада. Ты знаешь, я думала… вы с Джоном…

— Ради бога! Это было давным-давно. Детские шалости, не более того.

— Слава богу! Тогда между нами больше ничего не стоит, да? Я, конечно, очень хотела пригласить тебя на нашу свадьбу, и Джорджа тоже, но отец… ты ведь знаешь… он был против!

«И ты будешь всю свою жизнь ориентироваться на то, что другие хотят, а что нет», — с презрением подумала Фрэнсис.

Но она сказала, улыбнувшись:

— Я знаю это. Давай, надевай свою очаровательную шляпу и иди искать своего мужа. А то вы опоздаете на поезд.

Виктория быстро поцеловала сестру в щеку, повернулась и выбежала из комнаты. Дверь за ней громко захлопнулась.

Фрэнсис осталась одна. Ее лицо пылало. Только сейчас она почувствовала ландышевый аромат, витавший в комнате. Ландыши. Сладкие и невинные. Ласковые и манящие.

Она ощутила их присутствие в тот самый момент, когда их аромат воплотил все, чего у нее не было. И никогда не будет.

Вернувшись в Уэстхилл, они встретили почтальона, который привез для Фрэнсис телеграмму из Лондона. Ее прислала Маргарет.

В ней она коротко сообщала о том, что Филипп Миддлтон после прочтения письма от Фрэнсис совершенно сломался. Вечером того же дня он предпринял новую попытку самоубийства — и на сей раз ему это удалось.

Филипп принял большую дозу таблеток и умер по дороге в больницу.

Четверг, 26 декабря — пятница, 27 декабря 1996 года

— О нет, — в ужасе сказала Барбара и чуть отодвинула от себя рукопись, словно пытаясь таким образом дистанцироваться от того, что она прочитала. Ее глаза горели; уже несколько часов она сидела за чтением. Только сейчас Барбара увидела, что огонь в печке погас и в комнате стало холодно и неприятно. В чашке, стоявшей перед ней, оставалось немного чая; она отпила из нее — и скривилась. Чай тоже был холодным и неприятным, горьким.

— Ты ничем больше не хочешь заняться, кроме чтения этих мемуаров? — спросил ее Ральф, стоя у двери. Он только что вошел в дом с охапкой дров, принеся с улицы холодный морозный воздух. Пройдя к печке, чтобы сложить там дрова, оставил за собой следы от мокрого снега. — Ты, кажется, что-то кричала мне?

— Я?.. Я только вскрикнула «О нет», потому что прочла неприятный фрагмент, — объяснила Барбара. Она встала и потянулась. — Друг Фрэнсис Грей совершил самоубийство. Совсем молодой человек. Потому что она не ответила на его чувства.

— Только не увлекайся этим слишком сильно, — предостерег ее Ральф. — Все это уже в далеком прошлом. Такие старые дома, как этот, всегда скрывают множество историй, в том числе и с трагическим исходом.

— Мне все это совсем не кажется таким уж далеким, — задумчиво ответила Барбара. — Фрэнсис для меня — совершенно живой образ. Ты знаешь, что меня очень трогает? То, как Фрэнсис описывает свои родные края, свой дом и окрестности вокруг. Она борется со своей неспособностью к страсти, но у нее есть явная страсть к своей родине. Она все здесь очень любила. И я неким образом, благодаря ее описаниям, тоже начинаю относиться к этому с любовью.

— Лично я не могу это утверждать. — Ральф аккуратно уложил дрова и встал. Серая щетина на его щеках превратилась в равномерное темное пятно. Он выглядел изможденным. — Я мечтаю лишь о том, чтобы выбраться отсюда. Хочу опять слушать музыку, смотреть

телевизор и принимать по утрам горячий душ. Хочу есть то, что я хочу и сколько хочу. Ты знаешь, что я постоянно вижу перед собой? Жареного гуся. Клёцки. Краснокочанную капусту. И рождественское печенье. И пунш. И…

— И ферменты, чтобы все это переварить, — закончила его фразу Барбара. Затем приподняла свитер и подергала свободно болтающийся пояс своих джинсов. — Я тоже чувствую чудовищный голод, но *вот это* — хороший побочный эффект!

Очень хороший. Она все еще испытывала упоительное наслаждение, когда ее одежда становилась свободнее.

— Я тоже попытаюсь смотреть на это подобным образом, — сказал муж и вытер со лба пот. — Так. На завтра у нас, по крайней мере, достаточно дров.

Только сейчас Барбара поняла, что он, очевидно, все это время опять рубил в сарае дрова.

— А который сейчас час? — спросила она.

Ральф посмотрел на часы.

— Без четверти двенадцать. Почти полночь.

— И ты еще трудишься?

Он пожал плечами:

— То, что я сделаю сейчас, мне не придется делать завтра утром. А без дров мы не сможем приготовить на завтрак кофе.

Барбара посмотрела на его руки. Мозоли опять прорвались и кровоточили.

— Завтра я попробую порубить дрова, — сказала она. — Твои руки должны зажить.

— Об этом не может быть и речи. Я наконец-то начинаю набираться опыта. До нашего отъезда смогу обрести новую профессию. Мне только надо найти где-то в доме другие перчатки, мои пришли в совершенную негодность.

Барбара улыбнулась.

— Ты выглядишь ужасно чудн*о*.

Ральф ответил на ее улыбку.

— А ты, думаешь, нет? — Он подошел к ней и слегка дотронулся до ее опухшего подбородка. — Цвет становится все более интенсивным. Я бы сказал — очень оригинально.

Она слегка отстранилась.

— И довольно больно. Наверное, очень хорошо, что меня сейчас никто не видит. Кроме тебя, конечно.

— Ну, я не в счет, — сказал Ральф и рассмеялся, но его смех прозвучал как-то неестественно.

Они стояли очень близко друг к другу. Внезапно между ними возникло напряжение, которое смутило Барбару — ее, которую уже давно ничто не могло смутить. «Люди становятся нервными, если их целыми днями держать вместе в одном доме», — подумала она и отступила на шаг. Спросила, чтобы сказать хоть что-то:

— Снег все еще идет?

Ральф покачал головой:

— Не идет уже несколько часов. Не хочу сглазить, но, возможно, самое худшее уже позади.

— Ты хочешь сказать, что, если снег прекратится, скоро они приведут всё в порядок? Провода и всё остальное?

— Они наверняка с этого начнут. Только вот, прежде чем мы сможем отсюда выбраться, пройдет какое-то время. Тебе придется еще немного меня потерпеть.

— Ну зачем ты так говоришь? Ты — не то, что я вынуждена терпеть. У меня… у меня нет проблем с тобой.

— Я думал, что наша жизнь состоит только из проблем. Именно поэтому мы здесь.

— Но все это в данный момент совсем не важно. Наверное, это связано с этой проклятой бурей. Мне кажется очень странным говорить сейчас о проблемах в наших отношениях, когда наша каждодневная и главная проблема состоит в том, чтобы раздобыть дров для огня и что-то из еды!

— Это точно значительно важнее, ты права.

Барбара незаметно отодвинулась еще немного назад.

— Все образуется, — сказала она неопределенно.

Ральф покачал головой.

— Просто так, само по себе, ничего не образуется. Мы не будем сидеть здесь вечно, Барбара. Мы вернемся в нашу старую жизнь и должны будем принять решение в отношении нас двоих. Мне почти сорок лет. — Он безрадостно улыбнулся. — Во всяком случае, меня отделяет от этого события менее десяти минут. В сорок лет люди окончательно перестают надеяться на то, что какие-то вещи меняются

в лучшую сторону сами по себе. Они понимают, что ничего не изменится к лучшему и что время уходит от них гигантскими шагами, пока они ждут какого-то чуда.

— Ну, не так уж все плохо в нашей совместной жизни…

— Возможно, ты этого не чувствуешь, но я не могу быть счастлив с женщиной, которую вижу самое большее два раза в день, и то на бегу. Я мечтаю о семейной жизни. О детях. И я не хочу быть древним отцом. У меня такое чувство… если я сейчас не подумаю о себе и своих желаниях, то станет слишком поздно.

Барбара ощутила внутри себя что-то холодное и темное, отчего она содрогнулась.

— Ты хочешь со мной развестись? — спросила она тихо.

Ральф поднял руки в беспомощном жесте, но снова опустил их.

— Я просто несчастлив, — сказал он сдержанно.

— Но…

— Никаких «но». Попытайся сейчас не приукрашивать ситуацию, Барбара. Посмотри на себя: ты буквально пятишься от меня. Ты держишь дистанцию, от которой меня в дрожь бросает. Не спала со мной больше года. Ты действительно не можешь себе представить, что я чувствую себя обманутым, одиноким и оскорбленным?

Барбара могла себе это представить. Конечно. Или он думал, что она кусок дерева, бесчувственная и равнодушная? Она понимала, что чувствует Ральф, но не была уверена, что может что-то изменить.

Некоторое время они молчали, не глядя друг другу в глаза; оба понимали, что им нечего сказать — и что, как бы это ни было жестоко, откладывать решение больше нельзя. Бой напольных часов в гостиной заставил их вздрогнуть.

— Полночь, — сказала Барбара.

Она подождала, пока пробьет двенадцатый удар. Она не могла просто стоять как вкопанная. Это был сороковой день рождения Ральфа. 27 декабря. Нельзя вести себя как ни в чем не бывало.

Барбара подошла к мужу и положила руки ему на плечи.

— Поздравляю тебя, — сказала она тихо, приблизив к нему свое лицо. — В самом деле, от чистого сердца — всего тебе самого наилучшего!

Его руки сначала робко, а потом с нарастающей уверенностью обхватили ее талию. Ральф притянул ее к себе и попытался найти ее

губы, но Барбара быстро уткнулась в его плечо, не давая возможности соприкоснуться их лицам.

— Останься сегодня ночью у меня, — прошептал он, зарывшись в ее волосы, — пожалуйста.

Его тело казалось таким близким и в то же время как будто из другого времени. Это было так давно… Барбара заметила, как живо отреагировало ее собственное тело, хотя она этого не хотела. Ее разум включился молниеносно, прежде чем она чуть было не уступила ему. Возможно, секс с ним доставил бы ей удовольствие, но это могло иметь слишком много последствий, которые сначала следовало основательно обдумать.

— Нет, — пробормотала Барбара, — я сейчас просто не могу.

Ральф еще сильнее прижал ее к себе. Его руки скользнули вниз к ее бедрам, дыхание участилось. Почувствовав, как он возбужден, и увидев, как неожиданно настойчиво он действует, Барбара резким движением высвободилась из его объятий и отступила на шаг.

— Оставь меня! — В ее голосе слышались панические нотки, так как Барбара боялась, что он или она, или, в конце концов, они оба могут потерять контроль над ситуацией.

В глазах Ральфа, в его чертах лица она все еще видела его страстное желание, пока над ним не возобладал гнев.

— Боже, да в чем дело? — крикнул он в ярости. — Не делай вид, будто я пытаюсь тебя изнасиловать!

— Нам нужно прежде всего… — начала Барбара, но Ральф сразу перебил ее:

— Пожалуйста, давай поставим на этом точку! Если ты хочешь *прежде всего* обсуждать наши отношения, вступать в глобальную дискуссию или разбирать феминистские нормы поведения, то прими к сведению, что в данный момент я ни в коей мере к этому не расположен! Я просто хотел переспать с тобой, ни больше ни меньше. Для всего остального я слишком устал и раздражен!

— Ты сам начал до этого говорить о наших отношениях и нашем будущем!

— Правильно. Но я не собирался непременно вести дискуссию. Ведь существуют и другие возможности, с помощью которых ты могла бы показать мне, нужен я тебе еще или нет. Тем не менее должен

согласиться: ты мне это показала, и настолько ясно, что никаких сомнений у меня не осталось.

— Знаешь, что действительно досадно? — раздраженно спросила Барбара. — В жизни постоянно приходится сталкиваться с тем, что самые нелепые клише имеют самую высокую степень достоверности. Я всегда отказывалась верить, что бóльшая часть мужчин действительно думает, что все проблемы лучше всего решать в постели. Должна сказать, что теперь, благодаря тебе, мне будет сложно сохранить все еще положительное в целом мнение о мужчинах!

— Я ни в коем случае не считаю, что все проблемы решаются в постели, — возразил Ральф, негодуя, потому что ей удалось вынудить его перейти к обороне. — Я всего лишь подумал, что любым отношениям пойдет на пользу, если как минимум раз в год кто-то из супругов будет искать близости другого. Но в твоих глазах, очевидно, это имеет отношение к сексизму или к домогательству, или является проявлением притязаний на мужское господство или что-то в этом роде…

— Удивительно, — холодно сказала Барбара, — сколько бессмыслицы может наговорить умный мужчина, если женщина препятствует реализации его намерений. Вы ведете себя как маленькие дети, которые топают ногами, если им не дают их любимую игрушку!

Она увидела, как Ральф побледнел.

— Мне лучше уйти, — сказал он, — пока я не сказал или не сделал чего-то, о чем потом буду жалеть. Спокойной ночи! — И вышел из кухни, захлопнув за собой дверь.

— Почему ты просто уходишь, когда я с тобой говорю! — крикнула Барбара, но на лестнице уже раздавался звук его шагов, а затем она услышала, как наверху так же громко захлопнулась дверь в спальню, как перед этим кухонная дверь.

Можно поспорить на все что угодно, что он дважды повернет ключ в двери!

— Может быть, нам поехать в Лондон и немного погулять? — предложила Лора, стоя в кухне у окна и глядя на улицу. — Кажется, погода неплохая.

— Неплохая… — проворчала Марджори. — По-моему, довольно прохладно.

— Зато сухо.

Продолжавшийся несколько дней дождь ночью действительно прекратился. Резкий ветер гнал по голубому небу редкие облака и свистел между домами. В бесчисленных лужах отражалось холодное бледное солнце.

— Если мы тепло оденемся… — начала было Лора, но внутренне уже передумала. Ей было ясно, что ее сестра, сидевшая за завтраком с угрюмой физиономией, не собирается ничего предпринимать.

— Зачем это вообще нужно? — спросила Марджори. — Идти гулять… У меня нет свободных денег, которые я могла бы потратить впустую, и у тебя тоже. Так для чего же?

Лора, вздохнув, механически поставила на плиту чайник с водой и положила в ситечко чай. Раз они все равно никуда не пойдут, она может спокойно выпить еще пару чашек; в конце концов, тогда не будет проблемой чаще бегать в туалет.

— Я тебя не совсем понимаю, Марджори, — сказала она. — Ты постоянно говоришь, что я кисну там у себя в Йоркшире. Но когда я приезжаю к тебе и хочу поехать с тобой в Лондон, у тебя нет никакого желания это сделать. У тебя вообще ни к чему нет желания! Я считаю, что ты киснешь значительно больше, чем я. Я постоянно поддерживаю связь с соседями, даже если они уезжают куда-то далеко, и с людьми из Дейл-Ли. А ты…

— А я и не говорю, что у тебя недостаточно связей. Связи приходится поддерживать, какими бы плохими ни были люди.

Лора подумала, что потребуется немало сил, чтобы сопротивляться упорству Марджори и не поддаваться ее беспрестанному пессимизму.

— Я бы просто не выдержала пребывания в этом страшном доме, — продолжала Марджори. — Не могу забыть, как омерзительно там тогда было. Я бы постоянно чувствовала себя подавленной.

«Да, но твое настроение и здесь не назовешь великолепным», — подумала Лора и сказала вслух:

— В этом, вероятно, и заключается различие. Я никогда не считала, что там омерзительно. У меня было ощущение, что я обрела родину. Никогда не понимала, почему ты не любишь Уэстхилл.

— Там *было* омерзительно, — настаивала Марджори. — Все эти бабы… Эти две исполненные ненависти сестры…

— Они не были исполнены ненависти. Да, они не особенно любили друг друга, но в этом виновата Виктория. Фрэнсис…

— О, я знаю! Святая Фрэнсис… Она ненавидела свою сестру. Ты можешь говорить все, что ты хочешь. И все потому, что Виктория когда-то увела у нее мужика… Боже мой! Побеждает лучший. Так оно и есть.

— Фрэнсис много сделала для своей сестры. Она все время с ней возилась… Именно Фрэнсис сохранила для них обеих наследство родителей — дом и землю. Виктория потеряла бы все!

Марджори злобно ухмыльнулась.

— Видит бог, Фрэнсис не всегда хорошо обходилась с тобой, но в сомнительных случаях ты постоянно встаешь на ее сторону. И прежде всего в отношении Виктории! Знаешь, что я думаю? Ты ненавидишь Викторию до сих пор. В конце концов, у тебя тоже был с ней конфликт из-за мужчины, тогда, в конце войны, и…

Лора побледнела.

— Это было очень давно!

Чайник засвистел. Резким движением сняв его с плиты, Лора стала наливать кипящую воду через ситечко в заварной чайник. Несколько горячих капель попали ей на руку, но она подавила в себе крик боли, не желая выказывать Марджори свое замешательство.

— Я рассказывала тебе все это не для того, чтобы ты теперь постоянно меня этим попрекала! — сказала она обиженно.

Марджори зевнула.

— Я в любом случае была очень рада, когда уехала оттуда. Я постоянно чувствовала тоску по дому… Мне просто не хотелось там оставаться.

— Это было лучше, чем бомбардировки здесь, в Лондоне.

— Это на твой взгляд. Я скорее смирилась бы с бомбардировками.

Лора нервно размешивала чай в ситечке, висящем в чайнике.

— Ты знаешь, — сказала она, — я хотела бы еще раз позвонить в Уэстхилл. Может быть, телефонную связь восстановили…

— В этом есть необходимость? Подумай только, сколько будет стоить разговор с Йоркширом! — сразу забрюзжала Марджори.

— Я его оплачу. Но, скорее всего, я и так не дозвонюсь.

Лора уже прошла в прихожую, где на столике в стиле бидермайер стоял телефон. Набрав номер, заметила, что она так крепко сжала

трубку, что, казалось, хотела ее раздавить. Попыталась немного расслабить свои мышцы…

Как и два дня назад, в трубке опять раздались короткие гудки. Если б Лора из новостей по радио и из газет не знала, что во многих районах Северной Англии отсутствует телефонная связь, она запаниковала бы. Слыша постоянные короткие гудки, решила бы, что произошла какая-то трагедия, не зная точно, в чем она заключается. Но Лора знала, что случилось, и смиренно положила трубку.

— Никогда не пойму, почему из-за какого-то старого дома нужно так сходить с ума, — сказала Марджори, когда она вернулась в кухню. — И что же, по-твоему, может произойти? Не могут же твои постояльцы, в конце концов, погрузить его на спину и унести!

— Я могу его потерять, — возразила тихо Лора. Она сделала глоток чая. Он был таким горячим, что она вздрогнула. — А это все, что у меня есть.

— Опять деньги? — спросила Марджори. — Если честно, не понимаю, почему у тебя все время с этим проблемы. Я не могу опять…

— Я знаю, — сказала Лора.

Она села за стол, подперев голову руками.

Барбара проснулась ранним утром, очнувшись от тяжелого сна без сновидений. Встала и подошла к окну. На улице было еще темно, но уже не так, как в ту ночь, когда бушевала снежная буря, а небо затягивали плотные облака. За окном стояло ясное, совершенно тихое утро с трескучим морозом и небом, усеянным звездами. Когда взойдет солнце, бескрайние снежные поля засверкают во всей своей потрясающей красоте.

Хотя в комнате было так холодно, что она дрожала, Барбара некоторое время продолжала стоять у окна, всматриваясь в темноту, хотя вряд ли могла там что-то разглядеть.

С болезненной ясностью она вспоминала о полуночном инциденте, когда Ральф обнял ее на кухне. Она не могла объяснить, откуда у нее в тот момент появилось внезапное чувство страха; но в это прозрачное зимнее утро поняла, что сила его чувств напугала ее. Барбара осознавала, что Ральф любит ее не меньше, чем когда-то, и что решение в отношении их совместного будущего зависит только от нее.

— Если б я только знала, чего хочу на самом деле… — пробормотала она.

Холод стал невыносимым. Ей нужно было вернуться в постель или одеться. Барбара вспомнила о мемуарах Фрэнсис Грей, которые все еще лежали на кухонном столе, и решила пойти вниз.

В кухне стоял такой же холод, как и наверху, в спальне. Несмотря на свитер, колготки под джинсами и две пары носков, Барбара сильно замерзла. Окоченевшими пальцами она положила в печку дрова, а между ними — последние клочки бумаги, и разожгла огонь. Скоро ледяные стенки печки согреются, и она сможет прислониться к ней спиной.

Пока Барбара ждала, когда согреется вода для утреннего кофе, она листала страницы записей Фрэнсис. Что означало для нее самоубийство Филиппа? Она не так много писала об этом. Но те чувства, которые скрывались за сухими словами, выдавали ее глубокие переживания.

«Фрэнсис с этим не справилась», — было написано в записках. А потом автор сменила тему, потому что все было ясно и все сказано. Какими они были на самом деле, эти мучительные мысли, которые кружились в голове Фрэнсис Грей бессонными ночами, не стоит описывать.

«Она вернулась в Лондон, — пробежала глазами Барбара, — так как в Уэстхилле не могла найти утешения. Все там напоминало о Джоне. К тому же она чувствовала ледяное неприятие отца, который придерживался своего обещания — никогда ее не прощать. Он не указал ей на дверь, так как она была и оставалась его дочерью и его дом был ее домом, но вел себя холодно и недружелюбно и проявлял оскорбительную отстраненность. В конце концов Фрэнсис собрала свои вещи и отправилась в Лондон…»

Барбара быстро пролистала следующие страницы. В кухне было еще слишком холодно, чтобы сидеть и спокойно читать. Дрожа от холода, она ходила по кухне взад и вперед, мельком просматривая исписанные листки.

«После того как Фрэнсис под покровом ночи сбежала от Маргарет, она не могла продолжать там жить — и отправилась к Элис в ее небольшую квартиру в Степни. Этот небогатый городской квартал

на востоке Лондона значительно отличался от привлекательных жилых районов центра города, и мрачная квартира Элис в принципе была слишком мала для двух женщин, потому что ни одна из них теперь не имела возможности для личной жизни. В квартире имелась крохотная кухня с унылым видом на север, на запущенные задние дворы, в которой всегда было холодно и сыро. Гостиная и спальня также казались очень маленькими и разделялись простой занавеской. Элис спала в спальне, а Фрэнсис — на диване в гостиной. Для мытья они использовали мойку в кухне, где из проржавевшего крана тонкой струйкой шла только холодная вода. Правда, в доме имелся туалет, но он был общим для всех квартиросъемщиков, располагался на лестничной площадке и был в основном занят.

Еще здесь был комендант, незаметный мужчина, застенчивость которого смущала и приводила в ступор окружавших его людей. Однажды, запинаясь и глотая слюну, он довольно невнятно рассказал Элис страшную туманную историю о том, что его мать умерла в сумасшедшем доме, куда ее отправили после многочисленных попыток разными способами убить своего маленького сына. У него явно произошла психическая травма, но при этом он был всегда приветлив и услужлив и выполнял свою работу, для которой, собственно говоря, был слишком умен, всегда вовремя и надежно. Похоже, он был безнадежно влюблен в Элис и каждое утро и каждый вечер пытался поймать ее на лестничной площадке, чтобы потом поочередно краснеть и бледнеть и с трудом выдавливать из себя хотя бы одно слово.

Сложности возникали, когда появлялся Джордж, — иногда поздним вечером, если у него был выходной и он мог остаться на ночь. Старший брат остался для Фрэнсис единственным членом семьи, и она всегда была рада его видеть. Но рядом с молодой влюбленной парой, которая и без того редко находила время для общения, Фрэнсис казалась самой себе обузой и возмутителем спокойствия. Ночами она не могла уснуть на своем диване, чтобы не слышать звуки, доносившиеся с той стороны занавески, где располагались Элис и Джордж. Она понимала, что оба они стараются вести себя как можно тише, но не получают от этого полного удовольствия.

Кроме того, Фрэнсис невольно становилась свидетельницей бесчисленных выяснений отношений, которые велись шепотом, но

довольно в резкой форме. Предметом этих дискуссий была тема женитьбы, и каждый раз эти разговоры завершались безрезультатно. Джордж по сути своей был глубоким консерватором, считал «бульварные отношения», как он однажды в порыве гнева назвал их, отвратительными и ничего не хотел так, как узаконить их связь с Элис. Та же настойчиво отказывалась.

— Я не создана для этого, — говорила она всякий раз, как бы Джордж ни уверял ее, что у него нет ни малейшего намерения сделать из Элис покорную супругу.

— Ты так пугаешься этого, будто тебя со мной ждет страшная судьба или мрачное существование! — сказал он однажды ночью довольно громко и раздраженно, очевидно забыв, что в гостиной была Фрэнсис. — Ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понимать, что я никогда…

— Это не имеет к тебе никакого отношения. Я не признаю институт брака как таковой. И говори потише! Фрэнсис спит.

Иногда Джордж впадал в такую ярость, что среди ночи уходил из квартиры и клялся, что никогда не вернется. Но он всегда возвращался, потому что не мог оставить Элис. Фрэнсис было досадно, что она была вынуждена наблюдать, как ее брат становился просителем, и какую боль ему причиняло постоянно быть отвергнутым. Она решила не вмешиваться, но ее некогда дружелюбное отношение к Элис с каждым днем становилось все более холодным. Время от времени между ними возникала настоящая напряженность.

Если б Фрэнсис попросила у своего отца деньги, он прислал бы их ей, но она не просила. Она занималась поиском постоянной работы; пока же переписывала материалы для профессора зоологии, работавшего над научным трактатом, и вела переписку для одной небольшой частной школы для слепых, директрису которой не смущало, что Фрэнсис жила в неблагополучном районе, — она была только рада, что нашла дешевую рабочую силу.

Фрэнсис зарабатывала весьма немного. Она могла сама оплачивать свое питание и отдавать Элис деньги за жилье, но ни за что не сумела бы снимать квартиру самостоятельно. Она оставалась зависимой от Элис и была очень этим недовольна. У Элис было небольшое количество денег, доставшихся ей по наследству, которые

она довольно умело вложила; но при этом всегда говорила, что долго так не протянет. Им приходилось экономить везде и всюду.

Борьба суфражеток разгорелась с новой силой, и Элис была в рядах их лидеров. Ее множество раз арестовывали, и она всякий раз объявляла голодовку. Фрэнсис только некоторое время спустя заметила, что каждый раз после возвращения из тюрьмы Элис становилась меньше ростом. Они постоянно травмировали ей позвоночник. Элис утратила свою живость, стала выглядеть значительно старше, чем была в действительности, ее движения становились все более вялыми и неуклюжими.

Борьба за избирательное право женщин смешалась с классовой борьбой рабочих. Повсюду в стране вспыхивали беспорядки среди шахтеров, железнодорожников, фабричных рабочих. Забастовки определяли ежедневные события в стране. Англия, довольная и ленивая, которая так долго пребывала в зените своей имперской славы, своих упорядоченных отношений, своих кажущихся непоколебимыми общественных структур, теперь дрогнула в самом своем основании. Старое время, когда многие правила, законы и традиции уже давно исчерпали себя, с грохотом рухнуло и безвозвратно ушло. Слишком многое, что долгое время никак не проявлялось, теперь вырвалось наружу. Появились политики, которые были убеждены в том, что вскоре грянет гражданская война.

Гражданская война — и война внешняя… В августе 1911 года в одном информационном агентстве Лондона появилось сообщение, что между Германией и Францией началась война. Новость вызвала панику и истерию, и хотя Берлин и Париж в полдень того же дня дали официальное опровержение, ужасный призрак войны блуждал по всей стране.

В феврале 1912 года министр обороны Англии лорд Ричард Холдейн по приглашению немецкого рейхсканцлера Бетмана Гольвега совершил поездку в Берлин. Он быстро понял, что у того имеется совершенно конкретная задача: на случай войны с Францией он намеревался заключить с Англией соглашение о нейтралитете, чтобы в критической ситуации не получить еще одного противника. Холдейн заявил о готовности подписать такое соглашение, но только если в формулировке будет указано, что Германия *подвергнется нападению*, а *не будет вовлечена* в войну, то есть при определенных обстоятельствах

не будет сама являться агрессором. Канцлер отклонил данное ограничение, и Холдейн, несолоно хлебавши, отправился на родину.

15 апреля того же года Англия пережила новое потрясение. Во время своего первого рейса из Саутгемптона в Нью-Йорк считавшийся непотопляемым пассажирский трансатлантический лайнер «Титаник» незадолго до полуночи столкнулся с айсбергом в Северном море и затонул. В этой крупнейшей катастрофе в истории гражданского флота Англии погибло более полутора тысяч человек. На борту «Титаника» было слишком мало спасательных лодок; кроме того, капитану не следовало выбирать этот северный маршрут.

В период растущих волнений и угроз было впору сравнить гордый «Титаник» с самой Британской империей — и то и другое считалось неразрушимым. Теперь корабль лежал на морском дне, а Англия, казалось, летела в пропасть. Возможно, гибель корабля, которая вызвала у англичан такое глубокое и неослабевающее потрясение, стала символичной. Вместе с «Титаником» погибли не только люди, но и еще значительная часть английского самосознания.

К тому же после этого события вновь разгорелись острые политические и социальные конфликты: при гибели корабля в ночном ледяном море выжили преимущественно пассажиры первого класса, в то время как туристы, располагавшиеся на нижней и средней палубах, в отчаянной борьбе за лодки были оттеснены. Участники рабочего движения и профсоюзы, а также их газеты, выражали протест, но достопочтенная «Таймс» не смогла отказать себе в удовольствии нанести феминисткам удар в спину. Женщин и детей с «Титаника» пропускали на спасательные лодки в первую очередь, и «Таймс» язвительно написала, намекая на боевой клич суфражисток, что на тонущем корабле теперь кричали не «Право голоса женщинам!», а «Лодки женщинам!». Женщины внезапно потеряли всякое ощущение равенства.

В июне 1913 года ЖСПС понес первую жертву. На крупном дерби Англии суфражетка Эмили Дэвидсон бросилась под лошадь короля, чтобы привлечь его внимание к проблемам женщин. Она была тяжело травмирована и через несколько дней умерла. Планировавшийся сначала некролог в «Дейли мейл» так и не появился, потому что не было уверенности в том, как на него отреагируют читатели. Все более

радикальные методы суфражеток вызывали в народе значительное недовольство.

В феврале 1914 года вновь возникли столкновения между суфражетками и полицией. Фрэнсис оказалась среди протестующих, которые отправились к дому министра внутренних дел и стали выбивать там оконные стекла. Она была опять арестована и посажена в тюрьму на восемь недель. И опять объявила голодовку и многократно подвергалась принудительному кормлению, но на сей раз ей удалось избежать травматического шока, как при первом аресте. Она справилась с этим довольно спокойно и вышла из тюрьмы, в соответствии с обстоятельствами, бодрой и здоровой».

Барбара была удивлена, как сильно изменилась молодая женщина. В ней не осталось ничего от той юной девушки, которую рвало в куст папоротника оттого, что она закурила сигарету, мучилась кошмарными сновидениями и депрессиями после того, как, оказавшись в тюрьме, впервые в жизни испытала суровое и жестокое обращение.

Фрэнсис поссорилась со своей семьей и потеряла мужчину, которого любила. Другой молодой человек совершил из-за нее самоубийство. С ней жестоко обращались, она тяжело заболела и чуть не умерла. Она уже давно влачила жалкое существование и жила в унылом квартале, вдали от своих любимых родных мест. Ее уже трудно было чем-то удивить и тем более потрясти.

Новая Фрэнсис, с которой Барбара познакомилась, бродя по холодной кухне в это ледяное декабрьское утро, вряд ли тратила время на то, чтобы задумываться, жаловаться или мечтать о прошлых днях. Новая Фрэнсис попыталась сделать лучшее из того, что у нее было. Она слишком много курила и пристрастилась к шотландскому виски, которому — как она писала на этих страницах — была верна вплоть до самого преклонного возраста. К тому же, как она прямо заявляла, у нее была не слишком приятная внешность, чтобы на нее смотреть.

«Фрэнсис никогда не была особенно симпатичной. Но ее угловатые черты лица и слишком резкий контраст между белой кожей, черными волосами и холодно-голубыми глазами — все это смягчалось и казалось более привлекательным благодаря обаянию, отражавшемуся в ее улыбке и проистекавшему из ее чистоты и непосредственности. Постепенно она утратила все это. Теперь в ее улыбке не было теплоты, а в глазах — блеска. Зато ее мысли стали

более ясными, формулировки — более точными, а речь — более неприкрытой, чем раньше. Она жила, чувствуя, что ей больше нечего терять и что она в определенном смысле неприкосновенна. Это было заблуждением, как она впоследствии поняла, но в тот момент это убеждение придавало ей силу и самоуверенность».

А вокруг Фрэнсис мир шел к кровавой войне, неудержимой и со смертельными последствиями. В марте 1914 года, в день, когда ей исполнился двадцать один год, первый лорд Адмиралтейства, Уинстон Черчилль, произнес пламенную речь перед нижней палатой парламента, в которой он защищал свою грандиозную политику перевооружения английского флота. Эффективность британской армии, заявил он, будет зависеть от силы Англии на море. Он подвергся резкому нападению со стороны лейбористов, и его позиция была расценена как угроза миру во всем мире.

Но мир и не мог подвергаться большей опасности. Многие страны и без того находились на грани войны.

28 июня в Сараево сербским террористом был убит наследник австрийского престола.

Спустя четыре недели Австрия объявила Сербии войну.

1 августа Германия начала мобилизацию. После того как Франция заявила о том, что не намерена соблюдать нейтралитет в европейской войне, Германия потребовала от бельгийского правительства пропустить через ее территорию немецкие войска. Бельгия ответила отказом. В ответ на это Британия предъявила Германии ультиматум — немцы обязаны уважать нейтралитет Бельгии.

3 августа немецкие войска перешли бельгийскую границу.

4 августа 1914 года Англия объявила войну Германии.

Фрэнсис написала по этому поводу следующее:

«Начало войны сплотило народ — во всяком случае, на данный момент. Если в предшествующие войне дни еще происходили многочисленные демонстрации с требованиями к правительству ни в коем случае не ставить на карту сохранение мира, то новость о вторжении немецких войск в Бельгию вызвала серьезную смену настроений во всей стране. Даже лейбористская партия оказала поддержку правительству Асквита. Все внутриполитические конфликты постепенно стихли. Англичане столкнулись с внешним врагом и прекратили враждовать между собой. Они опять стали

настоящими патриотами и были готовы отдать всё для победы своей страны.

Но для Фрэнсис день 4 августа 1914 года навсегда остался в памяти не только из-за начала войны. Это был день, когда ее бабушка Кейт навсегда закрыла глаза. Причиной ее смерти стал слишком поздно диагностированный аппендицит. Несколько дней спустя все члены семьи впервые за несколько лет собрались вместе — Джордж, который уже получил повестку и сразу с кладбища должен был отправиться в свой полк, оцепеневшая от горя Морин, Чарльз с неподвижным лицом.

Виктория, в высшей степени элегантно одетая и с шикарной прической, появилась под руку с Джоном, но Фрэнсис была так опечалена смертью Кейт, что не придала этому значения. Она только отметила, что Джон очень нервничал. В эти первые дни войны он должен был находиться в Лондоне, и ему хотелось быстрее туда вернуться. Виктория, несмотря на всю свою привлекательность, выглядела необычайно меланхоличной, что было неудивительно на похоронах; но позже Морин рассказала Фрэнсис, что Виктория в отчаянии, потому что уже три года со дня свадьбы не может забеременеть, хотя за это время неоднократно обращалась к врачам и провела несколько курсов лечения.

Возможно, в другое время Фрэнсис не смогла бы подавить злорадство, но в данный момент она оставалась равнодушной ко всему, что видела и слышала. Она думала только о Кейт. Для нее бабушка была единственным человеком, который действительно ее понимал и безоговорочно принимал. Кейт воодушевила ее на поездку в Лондон. Кейт пришла на помощь, когда Джон и Виктория поженились и Фрэнсис не знала, как справиться со своим отчаянием. Она всегда могла прийти к Кейт. Она чувствовала себя защищенной, когда грубые руки старой женщины гладили ее по волосам, когда Фрэнсис вдыхала тонкий аромат лавандового масла…

Теперь она осталась одна».

Барбара отложила листки в сторону и подлила себе свежего кофе. Добавила в него лишь каплю молока, но положила много сахара. Горячий сладкий напиток оживил ее, и она сразу почувствовала себя лучше, хотя в кухне все еще было холодно и плита отдавала лишь

немного тепла. Барбара обхватила чашку обеими руками, наслаждаясь легким покалыванием, которое приятно распространялось по пальцам. Сделала большой глоток, обожгла рот и сразу сделала следующий, потому что ей стало так хорошо…

Она вздрогнула, когда в двери появился Ральф. Барбара не слышала его шагов и думала, что он еще спит.

— Доброе утро, — сказал Ральф. Он казался бледным от бессонной ночи. Из-за щетины на щеках, которая еще вчера вечером придавала ему сексуальность, он казался более старым и усталым.

— Который час? — спросила Барбара. Она оставила свои часы наверху.

— Девять. Я проспал.

— Почему? У нас отпуск. Хотя проходит он довольно своеобразно… Вообще-то, — она озабоченно посмотрела на него, — ты не выглядишь так, будто проспал. Скорее, будто ты совсем не спал.

Он провел рукой по лицу.

— Да, это правда. Но около семи я все же уснул.

— Садись и выпей кофе. К сожалению, не могу преподнести тебе торт именинника, но обязательно сделаю это, как только мы вернемся домой. — Она принесла вторую чашку, ложку и поставила на стол сахарницу. — Хочешь съесть свой последний кусок хлеба?

— Спасибо. Приберегу на потом. Утром еще терпимо, но во второй половине дня у меня появляется зверское чувство голода.

— У меня то же самое. — Барбара взяла кофе с плиты и налила Ральфу. Остановилась у мойки, наблюдая, как он пил и как постепенно розовели его щеки.

Наконец он поднял глаза.

— Спасибо еще раз за твой подарок. Ты знаешь, что я давно мечтал о поездке сюда.

— О! — Барбара протестующе подняла обе руки. — Тебе не за что меня благодарить. Я представляла все это совсем иначе.

— Со снегом ты ведь ничего не могла сделать. — Он рассматривал многочисленные листы, разложенные на столе. — Уже дочитываешь?

— Пока нет. Только что началась Первая мировая война.

— А Фрэнсис Грей ты уже узнала ближе?

— Мне кажется, да, — задумчиво ответила Барбара. — Она была сильная женщина, хотя ей часто было непросто. В данный момент ей очень тяжело. Ее семья от нее отвернулась, потому что она примкнула к движению суфражеток. Она живет в нищете где-то на востоке Лондона. Ее бабушка, самый близкий человек, умерла. А мужчина, которого она любила, женился на ее младшей сестре.

— Мне кажется, что на этой картине в столовой она выглядит суровой. На мой взгляд, она не очень симпатичная.

— Тебе бы понравилась ее сестра Виктория. Ласковая, любезная, маленькая белая мышка. Очень милая и без малейшего желания идти собственным путем. Привязанная к дому и полностью ориентированная на своего мужа. Не создающая никаких проблем и не строящая никаких честолюбивых карьерных планов.

В голосе Барбары появилась резкость, которая была слишком хорошо знакома Ральфу. Она всегда использовала этот тон, когда речь шла о карьере, о том, как согласуются высокие профессиональные достижения с семьей и детьми. Они вели дискуссии на эту тему до полного изнеможения. Смысл заключался в том, что Барбара просто не хотела иметь семью. Она не хотела, и поэтому — Ральфу постепенно это становилось ясно — было бессмысленно пытаться что-то объяснять и постоянно убеждать ее, что у него нет намерения тормозить ее карьеру и что дети и немного больше семейной жизни никак на нее не повлияют.

Это не было вопросом логики или разума. Барбара отказалась от этого. И Ральф вряд ли мог надеяться на то, что она передумает; по крайней мере, на это оставалось мало времени. Барбаре было тридцать семь. Время медленно уходило.

В особо мрачные минуты Ральф размышлял, не может ли более глубокая и истинная причина заключаться в нем самом. Возможно, она боялась сблизиться с ним, поскольку — по крайней мере, в ее глазах — это являлось условием и следствием создания семьи. Детей она, возможно, воспринимала как обязательство в любом случае оставаться с Ральфом.

Барбара была перфекционисткой. Неудача в браке могла быть для нее довольно неприятным явлением, но распад всей семьи означал бы большое личное поражение.

Может быть, она нашла бы твердость духа в другом мужчине?

Слишком мучительно, решил он, чтобы продолжать думать об этом.

Она говорила о готовности Виктории Грей приспосабливаться — Ральф ждала ответа.

— Я объяснял тебе уже сотню раз, — сказал Ральф, — что меня вообще не интересует женщина, которая подчиняет себя мужчине и организует свою жизнь, ориентируясь на него. Мне надоело повторять это вновь и вновь. Хочешь верь, хочешь нет, мне безразлично.

Барбара наморщила лоб; это был тон, к которому она не привыкла и который на какое-то время смутил ее. Но ее мысли сейчас были связаны с книгой, и ей не хотелось сейчас думать о Ральфе.

— Очевидно, она не могла иметь детей, — сказала Барбара. — Во всяком случае, в течение трех лет после свадьбы так и не забеременела, хотя предприняла для этого все. Интересно, стало ли именно это причиной развода…

— Кто так и не забеременел? — рассеянно спросил Ральф.

— Виктория Грей. Или — Виктория Ли, кем она тогда являлась. Лора ведь рассказывала, что та развелась с Джоном Ли. — Барбара чуть задумалась. — Она так странно это сформулировала… Виктория была замужем за отцом Фернана Ли, сказала она. — И что, была матерью Фернана?

— Его мать была французской эмигранткой, — вспомнил Ральф. — Так сказала Синтия Мур, разве ты не помнишь?

— Да, действительно… Значит, потом у Джона была еще одна жена.

— Ты все это выяснишь. — Ральф допил свой кофе, отодвинул чашку и встал. — Я принесу лыжи из подвала, и посмотрим, что из этого выйдет. Если до завтра не случится ничего кардинального, мне придется отправиться в Дейл-Ли.

Барбара посмотрела в окно. Небо было синим и ясным.

— Снега пока еще нет. Может быть, к нам попробуют пробиться с помощью снегоуборочной машины?

— Я это и имею в виду, сказав «если не случится ничего кардинального». Но, возможно, не случится ничего. А нам нужно чем-то питаться. Ситуация постепенно обостряется.

— Хорошо. Но не уходи, не предупредив меня, ладно?

— Нет, конечно. Я хочу сначала проверить свою способность лыжника-марафонца. — Он направился к двери, но вдруг остановился. — Да, я хотел бы извиниться, если сегодня ночью был слишком навязчив. Думаю, что больше это не повторится.

Барбара вздрогнула. В его голосе было что-то жесткое и отталкивающее, что ее напугало.

— Я тоже должна извиниться, — сказала она тихо, — я отреагировала слишком резко. Прости.

Ральф кивнул и вышел из кухни.

Барбара неожиданно почувствовала себя очень скверно.

— Ах, черт подери, просто все так неудачно сложилось… — пробормотала она. — Мы заточены здесь вместе вот уже скоро четыре дня, отрезаны от внешнего мира, мерзнем и голодаем… Это просто невероятно!

Барбара выпила еще одну чашку кофе и решительно села за стол с намерением читать дальше. Она не могла заниматься ничем другим — и совершенно не чувствовала себя готовой к размышлениям о своих личных проблемах.

Май — сентябрь 1916 года

Однажды майским вечером 1916 года на одной из улиц Лондона Фрэнсис совершенно неожиданно встретила Джона. Она шла с работы и была очень уставшей. Фрэнсис работала на производстве столовой посуды на одном из многочисленных и спешно построенных оборонных предприятий, задачей которых было преодоление бедственного положения в обеспечении британских солдат во Франции. Это было скучное, бессодержательное занятие, но поскольку ей надо было каким-то образом зарабатывать деньги, она хотела по меньшей мере что-то сделать при этом и для солдат.

Линия фронта во Франции вот уже год как была заморожена; окопы и заграждения из мин и колючей проволоки тянулись на сотни километров, но ничего не происходило. Джордж, который, будучи лейтенантом пехоты, застрял в этом дурацком положении, регулярно писал письма Элис, а та передавала их Фрэнсис. Он очень старался не жаловаться, но его психическое состояние явно выдавало ярость, отчаяние и обреченность. Его рота понесла значительные потери, и Джордж потерял многих из своих товарищей, погибших у него на глазах. После этого у него началась депрессия. Он не говорил об этом прямо, но каждый, кто знал его, мог прочитать это в любом его слове.

— Если война затянется, — сказала как-то Элис, — он превратится в морального калеку. Даже если выживет на войне, вернется конченым человеком.

Это заставило Фрэнсис пойти на работу на оборонное предприятие.

— Так, по крайней мере, у меня будет чувство, что я его немного поддерживаю, — объяснила она.

Элис разозлилась.

— Ты поддерживаешь *войну*! То, что убивает Джорджа. Я думала, что ты на стороне тех, кто *против* этого!

— Я тоже против. Но идет война, против мы или нет. И сейчас мы должны по меньшей мере поддерживать наших солдат.

Они отчаянно спорили — впрочем, спор являлся их обычным состоянием.

Элис была озлоблена и разочарована, поскольку так ничего и не добилась в отношении избирательного права женщин. Война расколола движение и лишила его участников возможности действовать. Казалось, что все закончилось.

Несколько раз она сидела в тюрьме. Нечеловеческие условия заключения сделали свое дело, превратив ее в психически неуравновешенную женщину с подорванным здоровьем. Но Элис продолжала цепляться за идею, за которую боролась, и за то время, когда она горела азартом и боевым духом. Она не могла смириться с изменениями в ее стране и в сознании ее народа, вызванными войной. Ее злило и одновременно отчаивало, когда она видела, как легко приспособилась Фрэнсис к наступившим переменам. Элис не понимала или не замечала, с каким трудом та в минувшие годы усваивала прагматичный образ мышления: не оглядывайся назад, не смотри слишком далеко вперед, думай только о том, что требуется в данную минуту…

В годы войны не имело никакого смысла вести борьбу за избирательное право женщин, поэтому Фрэнсис считала бесполезным тратить на это свои силы. Элис постоянно упрекала ее в том, что она вообще никогда не интересовалась их «делом», но едва ли могла обосновать это утверждение, поскольку Фрэнсис, как и все они, сидела в тюрьме, голодала и вступала на улице в схватки с полицией. Тем не менее Элис чувствовала, что Фрэнсис не была вместе с нею сердцем и душой. Сама Элис была готова на все ради общего дела, а Фрэнсис занялась своими делами… В их отношениях возникла серьезная трещина, и дружба уже не могла стать прежней.

В тот вечер, когда Фрэнсис встретила Джона, она, несмотря на усталость, не торопилась домой: Элис еще с утра была в дурном настроении, и Фрэнсис предстоял очередной вечер конфликтов и ссор, поэтому она решила воспользоваться хорошей погодой и немного прогуляться. Доехала на трамвае до набережной Виктории и прошлась вдоль берега Темзы. Воздух был теплым и прозрачным. Вечернее солнце разливало золото по воде.

Облик города полностью изменился с тех пор, как Фрэнсис впервые приехала в столицу: куда ни взглянешь — повсюду солдаты. И лишь немногие из них казались здоровыми и полными сил. Большинство вернулись из Франции на родину; сутулые фигуры,

уставшие молодые мужчины с состарившимися лицами, с глазами, в которых можно было прочитать весь тот ужас, который они видели. Многие потеряли ногу и с трудом передвигались на костылях, у других не было руки или глаза. Медсестра вела по дороге молодого человека лет двадцати с еще детскими чертами лица. Повязка закрывала его глаза. Он то и дело качал головой и бормотал себе под нос какие-то несвязные фразы. Продавец газет держал над головой «Дейли мейл» и кричал: «Всеобщая воинская повинность! Нижняя палата парламента принимает решение о всеобщей воинской повинности! Премьер Асквит проголосовал!»

«Теперь они пошлют туда еще больше наших парней», — подумала Фрэнсис с ужасом.

Она вынула из кармана пару монет и купила газету. Повернувшись, чтобы идти дальше, столкнулась с каким-то господином.

— Извините, — сказала она рассеянно, подняла глаза и изумленно воскликнула: — Джон!

Он тоже был удивлен.

— Бог ты мой, Фрэнсис! Что ты здесь делаешь?

— Просто гуляю. А ты?

— Я был по делам в суде. — Они находились недалеко от Темпла. — И, кроме того, я тоже хотел немного погреться на солнце.

Они растерянно смотрели друг на друга.

— Давай немножко пройдемся, — наконец предложил Джон.

И только в этот момент Фрэнсис заметила, что на нем военная форма.

Они уже дошли до Нортумберленд-авеню, а она до сих пор не отошла от шока.

— Ты едешь во Францию? Почему? Ты ведь депутат парламента. Ты не должен этого делать!

— Но я хочу. Я кажусь себе трусом, сидя здесь, дома. Другие подставляют грудь под пули, а я веду красивую, безопасную жизнь. Я добиваюсь этого с тех пор, как началась война.

— Ты не боишься? Судя по тому, что пишет Джордж, там очень страшно…

Джон криво улыбнулся.

— Ужасно боюсь. Но было бы хуже, если б я самому себе не смог больше смотреть в глаза. Как только надел эту форму, я стал чувствовать себя лучше.

— Понимаю, — сказала Фрэнсис. И в какой-то степени она действительно это понимала, но холодный и злой страх уже распространялся по ее телу и овладевал ею еще в большей мере, чем когда Джордж уходил на фронт.

Странным образом ее глубоко взволновало то, что Джон вскоре уедет во Францию и в любой момент может погибнуть. Узнала бы она вообще, если б что-то случилось? Ведь сообщение было бы направлено Виктории, а не ей. У нее нет никаких прав на этого человека — ни права просить его остаться, ни права на письмо с выражением соболезнования, если с ним произойдет нечто страшное, и в принципе — сомнительное право на то, чтобы так беспокоиться за него. По крайней мере, открыто. Все, что касалось Джона, она должна была улаживать сама с собой.

— Что говорит… — ей было непросто выговорить имя, — что говорит об этом Виктория?

Он сделал неопределенный жест.

— Она, конечно, не хочет, чтобы я шел. Из-за этого у нас происходят серьезные стычки. Она совсем не понимает… — Джон запнулся; было впечатление, будто он прикусил себе язык, злясь на себя за то, что слишком много сказал. — Ей нелегко, — продолжал он. — Она не останется в Лондоне, когда я уеду. Переберется в Дейлвью — там она хотя бы будет рядом с семьей.

«Бедняжка, — думала со злобой Фрэнсис. — Если муж уезжает, ей надо немедленно сбежать к мамочке. Если б она пережила хоть что-то, что пережила я, она знала бы, каково это — испытать все на своей шкуре!»

Она тут же ужаснулась той ненависти, которую ощутила, и надеялась лишь на то, что Джон ее не заметил. «Возьми себя в руки», — приказала она себе.

Это не очень помогло. Джон выглядел еще лучше, чем при их последней встрече, старше и серьезнее. Его лицо стало более узким. Фрэнсис рассматривала его руки. «Что ты ощущаешь, когда к тебе прикасаются эти руки, когда они тебя обнимают?» Виктория знала это. У Виктории было право на его объятия. Она засыпала вечером рядом с

ним, а утром просыпалась рядом с ним… При этих мыслях Фрэнсис начинало слегка мутить.

Джон, очевидно, тоже что-то понял, потому что неожиданно спросил:

— Тебе нехорошо? Ты очень побледнела.

— Нет. Всё в порядке. Я немного устала, только и всего.

Он озабоченно посмотрел на нее, и Фрэнсис поняла, насколько непривлекательно выглядит. Ее простое серое помятое платье, висевшее на ней, было подходящим для работы на фабрике, но вряд ли могло понравиться молодому человеку. Наверняка она выглядела еще более бледной, чем обычно. Волосы Фрэнсис кое-как зачесывала назад; в течение дня отдельные пряди выбивались и свисали ей прямо на лицо. Она чувствовала себя пропотевшей, измотанной и совершенно непривлекательной. И думала о маленькой блестящей Виктории. Наверняка та ждала мужа дома в красивом платье, прохладном и чистом, и, конечно, пахла ландышем, а не пóтом…

— Ты за все это время так ни разу к нам и не приехала, — сказал Джон. — Я вообще ничего о тебе не знаю. Чем ты занимаешься? Где и как живешь?

— Я истинная патриотка. Работаю на оборонной фабрике. — Фрэнсис чуть напряженно улыбнулась. — Поэтому ты должен извинить меня за мой внешний вид. Весь день ишачила, и сейчас без задних ног.

Она надеялась, что он действительно считает ее патриоткой. Ему не следует знать, что она нуждается в деньгах. Тогда было довольно модно, даже в высших кругах, работать, помогая Англии в ее борьбе. Правда, большинство молодых женщин трудились в качестве медсестер, и лишь немногих могла вдохновить работа на фабрике.

Джон кивнул, очевидно, не задумываясь над тем, почему она выбрала именно такую неприятную работу. Казалось, он погрузился в собственные мысли. И, пока Фрэнсис размышляла, что происходит в его голове, неожиданно произнес:

— Меня интересует еще кое-что перед моим отъездом во Францию. Если я задам тебе один вопрос, сможешь ты мне на него честно ответить?

— Это зависит от вопроса, — осторожно ответила Фрэнсис.

— Тот молодой человек, — сказал Джон, — который из-за тебя покончил с собой, — это было действительно что-то серьезное? Я имею в виду, с твоей стороны?

Фрэнсис в изумлении посмотрела на него. Она и понятия не имела, что ему об этом известно.

— Ты знаешь об этом? — спросила она.

Джон улыбнулся.

— Ты думала, что нечто подобное может остаться неизвестным? Твоя тетя Маргарет совсем не та особа, которая будет хранить такую тайну. Мне кажется, она рассказала об этом почти каждому, кого встретила — от первого лорда Адмиралтейства до последней кухарки на Беркли-сквер. Ты в течение целого сезона была главной темой для сплетен в лондонском обществе!

Фрэнсис поняла, как отстраненно она жила, — потому что ничего об этом не знала. И как была наивна… Конечно, Маргарет рассказала всем о трагическом романе, разыгравшемся в ее доме, ведь она была прекрасно информирована благодаря прощальным письмам Фрэнсис. Наверняка прочла не только собственное письмо, но и письмо, адресованное Филиппу… Она не была тем человеком, который оставит нечто подобное при себе.

— С моей стороны это было далеко не так серьезно, как с его, — ответила она на вопрос Джона. — Но это то, что я… — Она замолчала.

Он остановился.

— Что?

— Эта история… это то, что я никогда себе не прощу. — Фрэнсис откашлялась. — У тебя, случайно, нет сигареты?

Джон оторопел. Дама, даже если она и курит, никогда не станет делать этого на улице. Но потом он вспомнил, что Фрэнсис еще несколько лет тому назад распрощалась с целым рядом условностей и в той или иной степени пренебрегала нарушением общественных норм.

Ухмыльнувшись, Джон достал серебряный портсигар и, открыв его, протянул Фрэнсис.

— Пожалуйста. За все эти годы ты не стала менее упрямой. — Он поднес ей спичку.

Фрэнсис сделала глубокую затяжку.

— В жизни можно многое потерять, — ответила она, — если все время следить за тем, чтобы любой ценой соблюдать установленные правила.

Его ухмылка исчезла.

— Но иногда, — сказал он, — в жизни можно упустить решающие вещи, если слишком вольно обращаться с правилами.

Что-то в его тоне заставило Фрэнсис насторожиться. Это не было перепалкой. В его голосе слышалась печаль, которая стала для нее неожиданностью. До сих пор Фрэнсис была убеждена, что она единственная, у кого за прошедшие годы было столько неприятностей. Теперь она увидела, что и Джон получил свою долю.

И ей вдруг сразу показалось таким тщетным, таким бессмысленным то, что они стояли здесь и были несчастливы, понимая, что упустили то, что принадлежало им с самого начала: их неразрывную, глубоко переплетенную связь. То, что они сделали, было заблуждением, самым большим заблуждением, какое только могло быть. Они растратили часть своей жизни, пребывая в ситуации, в которую угодили благодаря заблуждениям, недоразумениям и упрямству.

«Прежде всего, благодаря *его* упрямству, — думала Фрэнсис, — в значительно большей степени, чем моему».

Это осознание того, как много лет она уже потеряла, заставило забыть свою гордость, осторожность и сдержанность. Она пренебрегла всеми предостережениями, которые сама себе высказывала: «Не показывай ему, что тебе больно. Никогда не спрашивай его, почему он это сделал…»

— Почему ты это сделал? — спросила она. — Почему ты женился?

Секунду Джон пребывал в замешательстве, но быстро взял себя в руки.

— Это не тот вопрос, который нам следует обсуждать, — ответил он холодно и тоже закурил. Мимо них прошел отряд поющих призывников. Над рекой дул свежий ветер. Между домами заходило солнце.

— Ты один решаешь, какой вопрос нам следует обсуждать, а какой нет? — резко спросила Фрэнсис. Она была не намерена

принимать этот отказ и хотела немедленно получить ответ на свое «почему».

— *Почему?* Почему так неожиданно? Я имею в виду, почему ты приехал и так *внезапно* женился?

— Почему тебя это интересует?

— А почему тебя интересует, что было между Филиппом и мной?

— Один-один, — сказал Джон.

— Я ответила тебе честно и хочу получить от тебя такой же честный ответ.

— Это не было так уж неожиданно. Мы встречались на некоторых праздниках. Вместе совершали конные прогулки. Она интересовалась моей предвыборной борьбой. Она… — он передернул плечами, — она как-то сразу перестала быть маленькой девочкой и превратилась в молодую женщину.

— Но ведь это не повод — сразу на ней жениться!

На его лице неожиданно появилось выражение враждебности.

— Ты не захотела быть со мной. Поэтому мне кажется, что ты не имеешь права…

— Ты хотел сыграть со мной злую шутку. Будь же честен и признайся в этом! Ты не мог смириться с тем, что я сразу не бросилась тебе в ноги, когда ты сделал мне предложение. Ты ведь такой привлекательный. Такой состоятельный. Честолюбивый и успешный. Ты не мог понять, как это женщина не упадет тебе на голову, как созревший плод!

Она видела, что Джон в ярости и с трудом заставляет себя сдерживаться — вероятно, чтобы не провоцировать ее на еще более резкие высказывания. Некоторые прохожие уже с любопытством оглядывались на них.

— Фрэнсис, сейчас нет ни малейшего основания, чтобы анализировать наше поведение в то время. Как вышло, так вышло; и никто из нас уже ничего не может изменить. Я женился на Виктории, и ты должна с этим смириться.

— Как убедительно ты опять изображаешь полное спокойствие! Только потому, что не хочешь признать, насколько детскими и к тому же расчетливыми и эгоистичными были твои мотивы… Ты хотел разозлить меня — и, кроме того, сообразил, насколько подходящей будет для твоей карьеры такая жена, как Виктория. Признайся же! Я с

моим прошлым стоила бы тебе голосов. Как неловко было бы появляться со мной в приличном обществе! Другое дело — милая, симпатичная Вики… Ее можно прекрасно демонстрировать, не так ли? Беспорочная девочка из хорошей семьи — за исключением одного позорного пятна: она, как и я, является дочерью ирландской католички. Почему тебя это, собственно говоря, не остановило? Ты ведь все подчиняешь принципам, только чтобы в сохранении своей репутации не потерять ни одного очка…

— Фрэнсис, довольно! И потом, говори потише! Я не думаю, что всему городу следует знать, о чем мы спорим.

— А если мне это совершенно безразлично?

Джон бросил свою наполовину выкуренную сигарету на землю и растоптал ее.

— Делай что хочешь. Я пойду. Не хочу, чтобы ты впутывала меня в такой бессмысленный разговор!

— Иди! — Это прозвучало как выстрел из пистолета. Люди кругом остановились.

— Фрэнсис, я прошу тебя, прекрати! Ты ведешь себя смешно, — предостерег ее Джон.

— Это меня волнует вдвое меньше, чем тебя, — ответила она тише, чем прежде, но все равно очень резко.

Джон решительно схватил ее за руку и потянул за собой.

— Возьми себя в руки! — прикрикнул он на нее.

Фрэнсис выдернула руку и отступила на шаг, чувствуя, как на глазах бледнеет.

— Прекрати наконец демонстрировать что-то мне, себе и всем остальным!

Люди кругом замолчали, с интересом следя за происходящим.

— Ты не любишь Викторию! Ты не можешь любить эту безмозглую девчонку! Она ведь даже не способна выражать собственные мысли. Все, что она может — это наряжаться, хлопать ресницами и говорить «да, Джон» и «нет, Джон». Ты никогда не боялся, что и сам выживешь из ума, если проведешь остаток своей жизни с женщиной, которая не может сосчитать до трех?

Теперь Джон рассвирепел до такой же степени, что и она, и было видно, что он с невероятным трудом сдерживает себя, чтобы не дать волю рукам. Его губы сузились и побелели, а кожа стала матовой.

— Я запрещаю тебе говорить так о Виктории. Раз и навсегда. Она — моя жена. Она — твоя сестра. Своими словами ты в первую очередь дискредитируешь саму себя. У тебя нет ни малейшего права осуждать ее подобным образом, и я решительно прошу тебя никогда больше не делать этого!

Фрэнсис еще ни разу не приходилось видеть Джона таким разгневанным. Внутренний голос подсказывал ей, что лучше было бы помолчать, но она не хотела, чтобы он думал, будто смог запугать ее.

— Вики — одна из тех женщин, которые загребают жар чужими руками, — презрительно продолжала Фрэнсис. — В то время как она покупала себе новые платья, кривлялась перед зеркалом и в конце концов отхватила себе одну из лучших партий в северных графствах, я сидела в тюрьме и боролась за избирательные права женщин, что в конечном счете являлось борьбой и за *нее* как за женщину!

— Возможно, ее вовсе не интересовало избирательное право, так что не пытайся строить из себя великую благодетельницу. Борьба, которую ты вела, была исключительно твоим делом. Никто от тебя этого не требовал, никто не давил на тебя. И теперь не упивайся жалостью к самой себе, потому что последствия оказались более суровыми, чем ты себе это представляла. Прежде всего не требуй чтобы судьба вознаградила тебя за твои жертвы или предоставила тебе нечто вроде компенсации. Так в жизни не бывает!

Словами «жалость к самой себе» Джон попал в точку и вернул ее на землю с островка гнева и несдержанности. Жалость к самой себе она всегда презирала — неужели же на сей раз попалась на удочку?

Неожиданно Фрэнсис почувствовала, что у нее больше не осталось сил. Ее руки вяло обвисли, она не ощущала больше гнева, а только смертельную усталость и грусть.

— Ах, Джон… — проговорила она тихо.

— Мне надо идти, — сказал он, — уже поздно. Как ты доберешься до дома? Взять для тебя машину?

— Поеду на трамвае. Можешь идти, а я еще немного побуду здесь.

Он мялся.

— Если ты имеешь в виду…

— Конечно. Хочу еще немного прогуляться.

— Ну, хорошо. Прощай, Фрэнсис. Мы увидимся не скоро.

— Будь здоров. Береги себя.

Джон, кивнув, взял руку Фрэнсис и на мгновение поднес ее к своим губам, потом повернулся и пошел по дороге быстрыми шагами, которые, казалось, становились все легче, чем дальше он удалялся от Фрэнсис.

«Ты знаешь, что твой отец и я очень опечалены разладом в нашей семье», — писала Морин. Ее знакомый плавный почерк на белом листе бумаги болезненно тронул Фрэнсис. Она так долго ничего не слышала о своей матери!

«Тем не менее, я думаю, ты имеешь право узнать обо всех переменах, которые у нас ожидаются. Поэтому я хотела бы сообщить тебе сегодня радостную новость: в декабре у тебя будет маленькая сестренка или маленький братик».

Фрэнсис опустила письмо.

— Но этого не может быть! — сказала она вслух.

Элис, которая в крошечной кухне пыталась приготовить на плите что-то неопределенное, спросила:

— Плохие новости?

— Вообще-то нет… Моя мать снова ждет ребенка.

— Ого, — воскликнула Элис. — Последняя попытка параллельно с любимой Викторией родить еще одного благовоспитанного отпрыска, после того как не сложилось с тобой и Джорджем!

Фрэнсис сочла это замечание неостроумным и лишенным вкуса и промолчала.

— Не хотела тебя обидеть, — добавила Элис, смягчив тон.

— Всё в порядке… Бог мой, — Фрэнсис задумалась, — маме уже за сорок! Не понимаю, зачем ей еще раз идти на такой риск.

— Наверное, просто так получилось… И теперь она не может ничего изменить.

— Я считаю это опасным.

— Если она здорова, то справится.

Фрэнсис стала читать дальше: «Я еще ничего не рассказывала Вики, хотя вижу ее почти каждый день. Она постоянно живет в Дейлвью, с тех пор как Джон уехал во Францию; чувствует себя одиноко и беспокоится за мужа, но больше всего печалится из-за того, что все еще не может забеременеть. Она побывала у стольких врачей, и ни один не мог ей сказать, в чем причина… А у меня, ее матери, будет

еще один ребенок. И если я сначала обрадовалась, то теперь печаль Вики делает мое положение по-настоящему тяжелым».

«Хотела бы я знать, почему Виктория круглосуточно вызывает у всех сожаление», — спрашивала себя Фрэнсис, разозлившись.

«Надеюсь, что у тебя все хорошо, — писала Морин в конце письма. — Я часто думаю о том, как и на что ты живешь. С нашей стороны деньги никогда не были вопросом; надеюсь, ты это понимаешь. Если тебе что-то нужно, скажи. Со следующего месяца ты сможешь нам даже звонить. Чарльз наконец сдержал свое давнишнее обещание: у нас в Уэстхилле установят телефон. Я буду рада поговорить с тобой».

Фрэнсис написала ответное письмо, в котором пожелала матери благополучия в ближайшие месяцы и уверила ее, что с радостью ждет рождения младенца.

Она действительно была рада, но, если говорить совершенно честно, должна была себе признаться в том, что к ее радости примешивалась немалая доля злорадства. Беременность Морин означала бы тяжелый удар для Виктории, и Фрэнсис наслаждалась этим — даже если со временем она будет этого стыдиться.

1 июля 1916 года началось крупное наступление английских и французских войск на реке Сомма, после того как в результате массированного артобстрела, продолжавшегося целую неделю, враг был сломлен. Уже в течение первого часа наступления англичане потеряли 21 000 солдат. Битва на Сомме стала одним из самых страшных, кровопролитных и бессмысленных сражений Первой мировой войны. После ее завершения в ноябре того же года совместные потери английской и французской сторон насчитывали 600 000 человек. Немецкая сторона потеряла 450 000 солдат. На территории протяженностью пятьдесят километров английские и французские войска отвоевали площадь примерно в двенадцать километров.

Чем хуже были новости из Франции и чем больше раненых и инвалидов ежедневно появлялось на улицах Лондона, тем больше возрастало беспокойство Фрэнсис за Джона. Она почти каждый день звонила или в Уэстхилл, или в Дейлвью. У нее была возможность звонить с фабрики, на которой она работала; но, разумеется, за это

надо было платить, и каждодневные междугородние звонки обходились ей в круглую сумму. Однако Фрэнсис знала: если с Джоном что-то случится, его мать, Виктория, Чарльз и Морин узнают об этом первыми.

Когда она впервые позвонила в Дейлвью и дворецкий наконец нашел Викторию и подозвал к телефону, сестра захлебывающимся от слез голосом сразу сказала:

— Ты уже знаешь? Мама ждет ребенка!

— Бог мой! — воскликнула Фрэнсис со злобой в голосе.

Услышав рыдания Виктории, она решила, что что-то случилось с Джоном, и ее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Непостижимо! Ее муж по ту сторону Ла-Манша день за днем рискует своей жизнью, а Виктория сидит дома и скулит, потому что не может родить ребенка!

— Она сказала мне об этом сегодня утром, — продолжала Виктория. Потом наступила пауза, пока она сморкалась. — О, Фрэнсис, ты не представляешь, как ужасно я себя чувствую!

— Есть какие-то новости от Джона? — спросила Фрэнсис. Звонок был слишком дорогим, чтобы выслушивать причитания сестры.

Она была настолько занята своим горем, что ей потребовалось какое-то время, чтобы до конца понять вопрос Фрэнсис.

— От него нет никаких новостей, — сказала наконец Виктория. — Я размышляю, надо ли мне написать ему, что у мамы будет ребенок, — продолжала она. — Как ты думаешь?

— Думаю, в том положении, в котором он сейчас находится, его мало это интересует, — ответила Фрэнсис и злобно добавила: — Другое дело, если б ты написала ему, что *ты* ждешь ребенка.

Этого короткого замечания было вполне достаточно, чтобы Виктория снова разразилась слезами.

— Я уже не знаю, что мне еще сделать! Это ужасно! Я не могу больше думать ни о чем другом! Как мне быть?

— В данный момент ты ничего не можешь сделать, потому что Джон во Франции. Ты должна расслабиться и прекратить ломать себе голову. Ты сведешь себя с ума, а заодно и всех нас!

— Ты знаешь, Джон так добр ко мне… Он никогда не упоминает, что хочет ребенка; но я знаю, что он надеется на наследника. Все это имущество здесь… что же мы будем делать, если у нас не будет сына?

— Ты всегда представляешь все таким образом, будто это зависит от тебя. Может быть, причина того, что у вас нет детей, в Джоне… Не пытайся заставить себя чувствовать свою вину!

— Но я…

— Послушай, Виктория, этот разговор стоит мне немалых денег. Мы должны заканчивать. Я еще позвоню.

«Чтобы спросить о Джоне, — подумала она. — Боже мой, сколько жалости к себе в этой особе!»

Потом она стала звонить в Дейлвью, чтобы справиться о Джоне, настолько часто, что это насторожило даже постоянно занятую собственной персоной Викторию.

— Почему тебя это так интересует? Ты ведешь себя так, как будто ты его жена!

«Я и была бы ею, если б все пошло так, как должно было быть», — подумала Фрэнсис. Но вслух она сказала:

— Мы были раньше большими друзьями. Естественно, я беспокоюсь за него.

Однако Виктория стала догадливой. Через несколько дней она опять набросилась на сестру:

— Джон — *мой* муж! Я надеюсь, ты это помнишь!

Это прозвучало довольно агрессивно, хотя Виктория раньше ни с кем так не разговаривала. Она уже не была прежней Викторией, сильно изменившись за эти годы войны. Она постепенно поняла, что никогда не сможет иметь ребенка. Кроме того, она скучала по своему мужу, беспокоилась за него. В огромном мрачном доме, в котором Виктория была вынуждена жить с лишенной чувства юмора, строгой свекровью, она испытывала постоянный холод и одиночество, но не могла больше сбежать к своей семье в Уэстхилл, потому что была не в силах смотреть на свою беременную мать. Она все больше ныла и хандрила — и постепенно утратила то обаяние, которое раньше проявляла в общении с людьми.

Прошел сентябрь. Писем от Джорджа не было. Элис почти заболела от страха. До этого Джордж всегда регулярно писал. Но если в начале войны он пытался приукрасить свое положение и изобразить его оптимистическим, то в начале битвы на Сомме, очевидно, уже был не в состоянии сделать это. Два года войны подточили и изнурили его.

Свои письма он писал стаккато, и они отражали ужасное, тяжелое положение солдат.

«Рядом с нами обрушился блиндаж, погибли все до одного. Эти проклятые блиндажи! В одну секунду они могут превратиться в братскую могилу… Дождь идет беспрестанно. У нас в блиндаже все залито водой на тридцать сантиметров. Все мокрое: одежда, обувь, одеяла, провиант… Это сплошная ледяная трясина. Один из моих солдат, несший еду, по-настоящему увяз, и двое других его вытаскивали…

…На пару дней мы разбили лагерь в пещере под землей; она была кем-то вырыта давным-давно. Воздух здесь такой ужасный, что никто не может долго выдержать. Невероятно холодно. Свечи, которые должны давать нам немного света, постоянно гаснут, потому что здесь очень мало кислорода…

…Постоянный артиллерийский обстрел с немецкой стороны. Мы опять сидим в блиндаже. Одно точное попадание, и мы погребены. Один солдат вчера потерял рассудок, начал говорить всякую бессмыслицу, и у него началась лихорадка. Позднее выяснилось, что его брат накануне погиб после ранения в живот…

…Я боюсь, Элис. Я еще никогда не испытывал такого страха. Предпочел бы получить пулю в голову, чем испытать состояние, когда над тобой рушится блиндаж. Я никогда не думал, что страдаю клаустрофобией, но здесь она проявляется у меня в большей степени, чем у многих других…

…Элис, когда это закончится? Когда это наконец закончится?»

Таким было последнее письмо. Потом от Джорджа не было никаких известий — в течение бесконечно долгих четырех недель.

— Это совершенно не значит, что произошло что-то плохое, — постоянно говорила Фрэнсис. — Ты только представь себе, что там происходит. Это было чудом, что до сих пор его письма приходили быстро и регулярно. Теперь всё не так.

— Не думаю. Другие же получают письма… — Элис наводила справки; доставка полевой почты из Франции в целом осуществлялась достаточно регулярно. — Он писал практически каждый день! Почему же теперь молчит?

— Не знаю. Я позвоню сегодня еще раз матери; может быть, она за это время что-то узнала…

Но Морин тоже не получала писем, хотя особенно не волновалась по этому поводу, потому что Джордж с начала войны и так прислал ей лишь четыре почтовые открытки, чтобы она знала, что он жив. Его отношения с родителями в известной степени так и не наладились. Своим звонком домой Фрэнсис добилась только того, что Морин теперь тоже забеспокоилась. Фрэнсис показалось, что голос матери на сей раз звучал иначе, чем обычно; он был не таким свежим и уверенным. А когда она спросила ее о самочувствии, Морин ответила, что беременность дается ей нелегко.

— Я просто старею. Раньше у меня не было никаких проблем.

Потом она добавила:

— Все происходит как-то одновременно: война, разлад между отцом и тобой… Ты знаешь, я на многое сейчас смотрю иначе. В жизни нельзя тратить слишком много времени на раздоры. Неожиданно все сразу может закончиться, и уже ничего нельзя будет поправить.

Что-то в голосе матери встревожило Фрэнсис. То, что она сказала, и как она это сказала, прозвучало пророчески. Морин действительно боялась. Боялась конца. Чьего конца? Она боялась того, что ничего нельзя будет исправить…

Теперь и Фрэнсис все больше беспокоилась за Джорджа.

В августе — после заключения пакта с Россией — в войну вступила Румыния. В середине сентября во Франции англичанами впервые были применены бронеавтомобили, благодаря чему появилась возможность преодолевать воронки от разрыва снарядов и окопы, — и английским войскам удалось продвинуться глубоко к рубежам немецкой обороны. Ликование в Англии было нескончаемым; многие предрекали, что мощные гусеничные машины сыграют решающую роль в дальнейших сражениях.

Но в действительности эйфория оказалась преждевременной; как часто бывало в этой войне, опять возникли проблемы с обеспечением. На фронт было отправлено слишком мало танков, и многие из них еще в пути вышли из строя. Оставшейся техники не хватало для широкомасштабного наступления. Короткий проблеск надежды быстро померк.

Однажды дождливым вечером в конце сентября Фрэнсис вернулась с фабрики и застала Элис в лихорадочных сборах в дорогу. В гостиной стояли два раскрытых чемодана, из-за чего в комнате практически не осталось места, где можно было бы стоять или ходить; несколько платьев было разложено на диване, который служил Фрэнсис кроватью. Между чемоданами балансировала Элис.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила Фрэнсис, осторожно пробравшись в кухню, где поставила на стопку газет свои снятые в прихожей мокрые галоши.

— Я получила сообщение, — сказала Элис, — от командира батальона, где воюет Джордж. Он тяжело ранен.

Фрэнсис проглотила слюну.

— Что?

— Джордж лежит в лазарете в какой-то проклятой французской деревне. Он нетранспортабелен, — объяснила Элис.

Несмотря на плохие новости, она больше не казалась такой отчаявшейся и подавленной, как в предыдущие недели. Плохая новость была все же новостью. Неизвестность закончилась. Теперь она могла действовать.

С обмякшими коленями Фрэнсис опустилась на табурет.

— Боже мой, — прошептала она.

— У него при себе был мой адрес, а не адрес родителей. Поэтому написали именно мне, — сказала Элис, и в ее словах слышалось удовлетворение.

— Что же конкретно произошло? — спросила Фрэнсис. Она была в шоке.

— В его блиндаж попала граната. Он был засыпан. Все его товарищи погибли. Выжил только Джордж. У него довольно серьезное повреждение головы и более легкое — правой ноги. Майор пишет, что сейчас его жизни ничто не угрожает.

Засыпан в блиндаже… Самое большое опасение Джорджа. Был ли он в сознании, когда они его откапывали? Какой смертельный страх ему пришлось испытать!

— Это ужасно, — сказала Фрэнсис и, заметив взгляд Элис, добавила: — Я не имею в виду то, что его жизни ничто не угрожает, а

то, что с ним случилось самое худшее. То, чего он больше всего опасался.

— Он, наверное, совершенно растерян, — продолжила Элис, — и это явно значительно бльшая проблема, чем его повреждения. Я еду к нему.

— Во Францию? На фронт?

— Лазарет, разумеется, находится за линией фронта. Мне кажется, Джордж нуждается сейчас в ком-то, кого он знает, кто ему близок.

Седцебиение у Фрэнсис постепенно нормализовалось. Она не знала, какие последствия для человека могут иметь раны, полученные на войне, поскольку никогда ничего об этом не слышала и не читала — иначе беспокоилась бы больше. Она думала только об одном: «Слава богу! Он не умрет. Всё в порядке!»

— В принципе, мы должны быть рады, — сказала она. — Кто знает, сможет ли он еще вернуться на фронт… Возможно, для него уже все позади.

Элис не могла разделить ее оптимизм.

— Не исключено, что он уже никогда не оправится от психических травм. Я слышала о солдатах, попавших в психиатрические больницы.

— Но не Джордж. Он сильный.

— Не такой сильный, как ты, возможно, думаешь, — возразила Элис. Она тщательно сложила шарф и положила его в чемодан. — В любом случае, я еду к нему. И без него оттуда не вернусь. Я привезу его назад в Англию. В одном ты права: он никогда не вернется на фронт. Никогда! Я этого не допущу.

К своему удивлению, Фрэнсис поняла, какими глубокими в действительности были чувства Элис к Джорджу. Она всегда думала, что Элис не может по-настоящему любить и Джордж обречен всю свою жизнь бегать за ней, получая назад в лучшем случае лишь половину тех чувств, которые отдал сам. Но, видимо, заблуждалась. Что-то в этом союзе, что-то в человеческих качествах Элис она вообще не понимала… Фрэнсис посмотрела на свою подругу с еще большим интересом и вновь вернувшимся уважением. И потом, не раздумывая больше ни секунды, сказала:

— Я с тобой. Я тоже поеду во Францию.

Октябрь — ноябрь 1916 года

Октябрьский день был солнечным и холодным, но в полуразрушенном амбаре, в котором англичане устроили лазарет, царила удушливая жара. Раненые были размещены на полевых койках, расположенных вдоль стен, но из-за того, что лазарет был переполнен, многие лежали просто на полу, завернутые в одеяла. Проходы между койками должны были оставаться свободными, однако и здесь находились раненые солдаты. Санитары, доставлявшие на носилках все новых раненых, каждый раз спотыкались о множество вытянутых рук и ног или случайно задевали ногами какого-нибудь беднягу, который от этого — если не лежал без сознания или уже находился на грани смерти — страшно вскрикивал или же просто, как извозчик, сыпал проклятьями. С помощью брезентовых навесов помещение увеличили, но это решило проблему лишь временно. Во вновь сооруженной части уже было столько же раненых, что и в амбаре, а на большой лужайке перед ним, на которой в хорошие времена проходили деревенские праздники, а светлыми майскими ночами устраивали танцы, сидели солдаты с легкими ранениями или уже почти выздоровевшие. Многие прогуливались и переговаривались, некоторые с прикрытыми от наслаждения глазами курили сигареты — редкий и вожделенный деликатес. Кто-то апатично сидел на траве под деревом или на скамейке и смотрел перед собой. Молодой человек, у которого были ампутированы обе ноги выше колен, сидел в инвалидной коляске с мертвенно-бледным лицом и дрожащими губами бормотал что-то невнятное. И над всем этим грохотал артиллерийский огонь находящегося в непосредственной близости фронта. Дым затуманил горизонт. Небо было залито насыщенной, глубокой осенней синевой, а деревья окрашены пестрыми красками осени.

Умирающие кричали.

«Это кошмарный сон, — думала Фрэнсис, — дикий, кошмарный сон, и нет другого желания, кроме одного — скорее проснуться…»

Кошмарный сон состоял из крови, гноя, экскрементов, рвотных масс, в которых копошились мухи, из грязных повязок, лихорадочно горящих лиц, наполненных ужасом глаз, спутанных бород и впалых

щек, из рук, которые протягивались к каждому проходящему мимо с мольбой о воде или морфии, чтобы заглушить боль. Он состоял из криков тяжелораненого, которому измученный бессонными ночами врач в бывшем сарае для хранения дров, переоборудованном под операционную, удалял из живота пулю…

Кошмарный сон — это непрерывный грохот артиллерии. Это мужчина, которого двое санитаров несколько минут назад принесли в амбар; он кричал, обезумев от боли, и прижимал обе руки к животу. Его форма жалкими клочьями висела на теле. Между пальцами что-то просачивалось, и когда Фрэнсис, движимая странным внушением, несмотря на весь испытываемый ею ужас, присмотрелась, она поняла, что это кишки.

Впервые с тех пор, как Фрэнсис оказалась здесь — а она за это время увидела много, слишком много чего, — она не смогла справиться с собой. Отвернулась, и ее вырвало в жестяное ведро, стоявшее рядом с койкой пациента.

— Давайте, девушка, не стесняйтесь, — сказал тот устало, — все это может доконать любого.

Тихо постанывая, Фрэнсис выпрямилась и вытерла дрожащей рукой рот. Когда же наконец решилась опять повернуться, увидела, что санитары поставили носилки с раненым в живот всего лишь в нескольких шагах от нее. Руки мужчины вяло свисали по бокам, глаза были широко раскрыты и опустошенно смотрели в потолок. Крики стихли.

— Черт возьми, — проговорил один из санитаров, в то время как к ним уже стремительно направлялась энергичная дама в форме медсестры. Она быстрым взглядом оценила ситуацию и дала санитарам указание вынести умершего пациента.

— Быстро, быстро! Нам нужно место! И еще там, на койке в углу, тоже умерший! Побыстрее с ним, эта койка нужна для прооперированного!

«Они мрут как мухи, — подумала Фрэнсис, — и ничего с этим не поделаешь…»

Вот уже в течение нескольких недель фронт не продвинулся ни на миллиметр ни вперед, ни назад, но число погибших и раненых росло без конца.

Жители маленькой деревушки Сен-Равиль, недалеко от Бомона на реке Анкр, притоке Соммы, ежедневно приносили в лазарет продукты; некоторые добровольно варили суп и помогали при раздаче. При этом все жутко боялись, так как старый амбар располагался чуть за пределами Сен-Равиля и ближе к линии фронта, и иногда грохотало так, что, казалось, граната разорвалась прямо перед дверью. Несмотря на это, все делали свою работу спокойно и невозмутимо, словно всего в одном километре отсюда и не было светопреставления.

Фрэнсис тоже старалась чем-то помочь. Правда, у нее не было никакого опыта в уходе за больными, зато оказались крепкие нервы и способность решительно браться за дело. Она не была чрезмерно чувствительной, и это понравилось старшей сестре, энергичной пожилой даме из графства Сомерсет.

— Мисс Грей, вы не могли бы помочь здесь?

— Мисс Грей, вы не могли бы быстро помочь там убрать?

Такие призывы раздавались все чаще. Тот нервный срыв, который испытала Фрэнсис, когда проносили мужчину с ранением в живот, остался единственным случаем подобного рода. Она не чувствовала в себе ни малейшего призвания быть медсестрой, потому что в ней было слишком мало идеализма для данной профессии и в принципе слишком мало любви к людям; но с теми чувствами, которые возникали у нее при виде всего этого ужаса, она разобралась самостоятельно, найдя в себе мужество не сбежать от окружавшего ее кошмара.

Джордж сначала лежал на одной из полевых коек, но так как его телесные повреждения хорошо заживали, ему пришлось освободить ее для одного из новых тяжелых пациентов, и он временно расположился на одеяле сразу у входа. Элис решительно протестовала против этого и вообще не хотела успокаиваться, пока наконец не появился врач и грубо не отчитал ее, после чего она замолчала и, покраснев, отвернулась. Элис день и ночь сидела скорчившись возле Джорджа, спала по часам и ела так мало, что в течение недели страшно похудела. Она помогала Джорджу есть, мыла его, рассказывала ему какие-то истории и оберегала его сон.

Фрэнсис считала это чрезмерной заботой, хотя она сама испугалась, когда увидела своего брата в первый раз. Он был таким худым, что можно было подумать, что он состоит только из кожи и

костей. Глаза провалились, в них не было ни жизни, ни эмоций. Все в нем казалось мертвым: тусклые и взъерошенные волосы, серая кожа, обескровленные губы. Не осталось ничего от привлекательного молодого человека с радушной улыбкой и живыми глазами.

«Как хорошо, что мама его не видит таким», — прежде всего подумала Фрэнсис.

Он сразу узнал их обеих.

— Элис? Фрэнсис? Как вы здесь оказались?

Джордж говорил монотонным голосом, то повышая, то понижая его. Было непохоже, чтобы он был очень рад видеть обеих женщин. Он ничего не спрашивал о родителях и о доме. Казалось, ничто не могло проникнуть в глубины его души.

Фрэнсис заметила, что его раны хорошо заживают, и это принесло ей облегчение.

— Конечно, он все еще в шоке, — сказала она Элис, которая была очень взволнована после этой первой встречи. — Он оставался заживо погребенным в течение сорока восьми часов. Вокруг него были только погибшие товарищи… Неудивительно, что он в невменяемом состоянии!

— Он не только в невменяемом состоянии. Ты разве не видишь, что он стал совершенно другим человеком? Он практически ничего не воспринимает!

— Это просто вопрос времени.

— Откуда ты знаешь? Людей, которые перенесли тяжелый шок, нужно основательно лечить, и совершенно определенным образом. На это здесь ни у кого нет времени. Я боюсь, что он полностью погрузится в свой собственный внутренний мир.

Фрэнсис сказала себе, что Элис видит только призраки. Лишь значительно позже ей пришлось признать, что она увидела трагедию уже тогда, когда еще никто ее не осознавал.

Многие мужчины в лазарете, наряду со своими телесными повреждениями, страдали еще и от психологических травм. Они видели, как умирают их товарищи, и сами месяцами жили в постоянном страхе смерти. При этом были солдаты, которые более четырех месяцев без смены оттрубили в траншеях.

Фрэнсис много ухаживала за восемнадцатилетним юношей из Нортумберленда, самого северного графства Англии. Он ужасно

тосковал по родине и не мог смириться со смертью своего лучшего друга, который погиб рядом с ним от пули в голову. Он рассказывал Фрэнсис, что ночами ему все время снятся лошади.

— Я видел так много погибших лошадей… Они кричали. И плакали. Я не знал, что лошади умеют плакать. Они лежали на земле и боролись со смертью. Их тела были разорваны в разных местах, они истекали кровью… Некоторые смирялись и тихо, с широко раскрытыми глазами ждали своего конца. Лишь иногда совсем тихо фыркали. На их мордах было столько печали! Они все время стоят перед моими глазами, как самые невинные жертвы в этой войне…

Фрэнсис вспомнила лошадей дома, в Уэстхилле, их шелковистые уши и темные глаза, как плотно прижимались они своими мягкими ноздрями к человеческой руке… Она понимала юношу и все время старалась раздобыть для него что-нибудь вкусное. Если слышала, что он стонет во сне, быстро будила его, потому что знала: ему опять снятся лошади.

Джордж находился под полной опекой Элис, и Фрэнсис лишь изредка удавалось общаться с ним. В своих многочисленных беседах с другими ранеными она пыталась что-то узнать о Джоне. Не имела представления, где стояло его подразделение, но называла каждому его имя.

«Лейтенант Джон Ли? Понятия не имею, мэм. Никогда не слышал».

Втайне Фрэнсис хотела, чтобы его ранили — конечно, несерьезно, — и чтобы его привезли в лазарет, лучше всего в Сен-Равиль. Но, с другой стороны, чтобы его ранение не позволило ему вернуться на фронт и чтобы при этом его жизнь была вне опасности. Ночами, лежа без сна на узких нарах в крестьянском доме, служивших ей кроватью, она представляла себе романтические сцены — и одновременно смеялась над собой за свои девичьи фантазии. Разве она недостаточно пережила, чтобы предаваться такого рода сентиментальным мечтам?

«Тебе уже двадцать три года, а не семнадцать, — безжалостно напоминала она себе иногда. — Ты больше не молодая девушка, которая думает, что имеет право на самое лучшее в жизни. Ты *ни на что* не имеешь права. Тебе может пару раз повезти, и это свалится

тебе на голову случайно и незаслуженно; но за остальное ты должна жестко бороться — и радоваться, если получишь половину того, что ты хотела. И потом, Джон — муж твоей сестры. Тебе не следует мечтать о том, что он неожиданно признается тебе в любви. Ты не должна бороться за него. Оставь его в покое».

Но Фрэнсис продолжала наводить о нем справки, и если ее спрашивали, кем он ей приходится, она уклончиво отвечала, что Джон — ее очень близкий друг. Но ни разу не сказала, что Джон — ее зять. В конце концов распространилось мнение, что Фрэнсис — невеста лейтенанта Ли, и она не стала это опровергать. Всем было жаль эту молодую женщину, которая ничего не знала о судьбе мужчины, которого любила, и каждый обещал немедленно сообщить ей, если что-то о нем узнает.

Как-то теплым солнечным днем Фрэнсис прогуливалась на противоположной стороне деревни; она надеялась хоть на короткое время избавиться от грохота снарядов, который с раннего утра с новой силой беспрерывно доносился до деревни. Небо на востоке никогда не расчищалось — такими плотными и темными были клубы дыма. Без конца разрывались гранаты, артиллерия вела огонь в смертельном стаккато. Отставшие от своей части солдаты, появившиеся в деревне, сообщили, что фронт впервые за несколько недель продвинулся вперед. Англичане и французы отвоевали несколько метров земли. Немцы оставили передовую линию своих окопов и отступили.

Фрэнсис не разделяла всеобщего ликования. Чему они так радуются? Клочку илистой земли, напичканной минами и колючей проволокой, которую немцы до вечера наверняка отобьют?

Расплата человеческими жизнями была высока: в лазарет снова пошел поток раненых, какого уже давно не было. Санитары работали без перерыва. Они приносили одни носилки за другими. В какой-то момент в амбаре и в дополнительном помещении под брезентом не осталось места, и солдат стали класть на лужайке перед амбаром. Вскоре там оказалось сто пятьдесят мужчин, лежавших длинными рядами. Они стонали, кричали, умирали…

— Что мы будем делать, когда стемнеет? — растерянно спросила молодая медсестра. — Ведь ночи уже очень холодные!

Врач, не спавший уже сорок восемь часов и выглядевший так, что его в любой момент можно было положить рядом с пациентами, лишь

посмотрел на нее беспомощным взглядом.

— Ничего не поделаешь. Им придется остаться на улице и как-то пережить это. Молитесь, чтобы не начался дождь.

Всю первую половину дня Фрэнсис помогала чем могла, но в какой-то момент подумала: «У меня больше нет сил. Мне нужно отдохнуть. Совсем немного. Я не могу больше видеть, как кто-то страдает и умирает. Я этого не вынесу».

Она ушла и бродила среди осенних полей, оставив позади фронт и погибших, но была не в состоянии даже на секунду забыть об этом. Где-то вдали все еще раздавался грохот орудий. Вокруг Фрэнсис видела лишь несколько убранных полей; большинство же пашен не были возделаны и заросли сорняками. Мужчины в основном ушли на фронт, а оставшиеся в деревнях женщины были не в состоянии в одиночку справиться с этой работой. Все выглядело запущенным. На одном из лугов ржавел брошенный плуг. Была ли жива лошадь, которая тянула его?

Воздух был чист и прозрачен, и Фрэнсис, возвращаясь, почувствовала себя немного лучше.

Перед амбаром царил хаос из невообразимого количества раненых солдат, санитаров и медсестер. Кто-то выкрикивал неразборчивые распоряжения, на которые никто не обращал внимания. Порядок размещения распался, и из-за этого исчезли проходы, по которым можно было передвигаться. Вспомогательный персонал был вынужден самостоятельно прокладывать себе дорогу — и застревал всякий раз в местах, где было трудно пройти. В общей суматохе у двух санитаров с носилок соскользнул солдат; теперь он тихо умирал в пыли вытоптанной поляны. Молоденькая медсестра, прозрачная как призрак и на вид совершенно изможденная, внезапно упала на землю вниз белым как мел лицом и осталась неподвижно лежать. Всюду пахло хлороформом. Один солдат с деревянной ногой бродил между ранеными и кричал, что продает свежие мидии; разумеется, ему нечего было предложить, и он просто протягивал каждому свою пустую руку, на которой не было трех пальцев.

Чуть в стороне от этой суматохи на пеньке сидел Джордж и курил сигарету. Казалось, он был совершенно безучастен ко всему происходящему вокруг. Создавалось впечатление, что он ничего не слышит и ничего не видит. Джордж был погружен в самого себя и

производил впечатление человека, который ведет внутренний диалог. Точно так же он мог бы сидеть одиноко где-нибудь в лесу, у какого-нибудь ручья или на лугу в Уэнслидейл. Невообразимым образом рядом не было вездесущей Элис.

Фрэнсис подошла к нему.

— Джордж!

Он поднял на нее глаза без особого интереса.

— А, это ты… Я думал, что Элис уже проснулась.

— Неужели она наконец-то отправилась спать?

— У нее уже не было сил. Она пошла к себе и хотела через час вернуться.

— Если Элис заснет, — сказала Фрэнсис, — то до вечера не проснется. Она совершенно измотана.

Она в нерешительности остановилась и подождала, пока Джордж предложит ей сесть рядом с ним. Но он больше не обращал на нее внимания и продолжал молча курить. Тогда Фрэнсис просто села на корточки в траву возле его ног. Трава была еще теплой и сухой от дневного солнца. Еще пара часов, и настанут сумерки — первый предвестник темного осеннего вечера, который принесет с собой холодный воздух и влагу, поднимающуюся с земли. Это еще больше обострит критическую ситуацию для раненых, которые лежат под открытым небом и борются со смертью.

— Как ты себя чувствуешь, Джордж? — спросила Фрэнсис.

Он проследил взглядом след от дыма своей сигареты. Затем ответил:

— Вполне прилично, спасибо.

Это был тот ответ, который Джордж постоянно давал на вопрос о его самочувствии. Потом он осознал, что Фрэнсис сидит на траве.

— Извини, — сказал он и с трудом попытался встать. Тело не хотело его слушаться. — Садись на мое…

Она мягко усадила его назад.

— Сиди. У меня сейчас более здоровые кости.

Он остался на месте.

— Хочешь курить?

— А у тебя есть?

Джордж, кивнув, достал из кармана пиджака помятую сигарету и раздавленный коробок спичек.

— Элис достала. Не знаю, как она это делает, но у нее каждый день есть для меня что-то особенное.

— Она любит тебя, я поняла это за последнее время. Возможно, она сама это осознала лишь тогда, когда от тебя в течение нескольких недель не было никаких известий. Она действительно испугалась.

— Элис никогда не хотела быть со мной, — сказал Джордж, но это прозвучало ни обиженно, ни печально. Признание, совершенно лишенное эмоций.

Он поднес Фрэнсис огонь, и та с наслаждением сделала длинную затяжку, преодолев угрызения совести из-за того, что лишила Джорджа такой ценности. Может быть, это было и неприлично, но она натосковалась по дурманящему действию никотина. Она не смогла бы от этого отказаться.

И ей действительно сразу стало лучше. Она расслабилась — и внутренне отстранилась от происходящих вокруг событий.

— Теперь еще бы виски, — сказала она с тоской в голосе, — и мир ненадолго стал бы почти нормальным…

Джордж улыбнулся.

— Фрэнсис! Разве дама у всех на виду будет пить виски?

Она пожала плечами:

— Как даму меня все равно больше нигде не воспринимают. Но меня это, честно говоря, не очень волнует.

Он кивнул.

— Это то, что приходит с годами, не так ли? Кого-то перестает волновать то, что раньше было для него очень важным. Ты гонишься за чем-то… и потом замечаешь, как несущественно это все… как бессмысленно…

Фрэнсис озабоченно посмотрела на него. Его пессимизм зашел слишком далеко. Она сама уже многое отсекла от своей жизни, а на оставшееся смотрела по-новому. Однако ничто из всего этого не обозначила бы как «бессмысленное» — ни прошлое, ни настоящее. Но Джордж… Фрэнсис рассматривала его серое лицо, его впалые глаза; казалось, в нем не было жизни, не было надежды…

— Мне кажется, для наших родителей многое изменилось, — сказала она. — Мама дала мне это понять в нашем последнем разговоре. Джордж, я совершенно уверена, что они встретят тебя с

распростертыми объятиями. Для них будет важно только то, что ты жив.

— Врач сегодня сказал, что я уже транспортабелен. Элис хочет как можно быстрее вернуться со мной в Англию.

— Это хорошо. Тебе надо домой. В Уэстхилл. Там тебе будет спокойно.

— Не думаю, что хочу домой, — ответил Джордж. — И не знаю больше, что для меня дом. Все потеряло значение.

— Это ты сейчас так думаешь. Ты был очень болен. Пережил худшее. И это естественно, что сейчас ты ощущаешь пустоту.

— Никогда этого не забуду. — Его взгляд был устремлен вдаль, куда-то, где он видел то, чем ни с кем не мог поделиться. — Я думал, что умираю. Когда балки переломились, когда я услышал, как расщепилось дерево, когда земля посыпалась вниз и все стало черным, я подумал, что умираю. Мною овладел жуткий страх. Я все время испытывал страх. В окопах, когда справа и слева от меня гибли мои товарищи и, умирая, кричали, когда рядом свистели пули и весь мир казался преисподней… Я всегда испытывал страх. Но больше всего — там, внизу, в блиндаже. Мы сидели в воде, дрожа и замерзая, а снаружи, над нами, бушевал ураган; и я знал, что это воля случая — попадет в нас граната или нет. Чистая случайность. Мы ничего не могли сделать.

— Я знаю. Это страшно, что ты пережил…

Джордж ее совсем не слушал.

— Я пришел в себя еще когда лежал там, внизу. Стояла кромешная тьма. Я слышал, как кто-то стонет, совсем рядом со мной. Ничего не видел. Попытался что-то сказать, но не смог произнести ни звука. Мое тело было единой болью.

— Я понимаю.

— В какой-то момент товарищ рядом со мной перестал стонать. Это звучит страшно, но его стон был лучше, чем тишина. Я чувствовал себя… таким безнадежно одиноким… — Его рука, в которой он держал сигарету, дрожала. — Надо мной нависла гора земли; свободное пространство было только через две балки. Я знал, что могу лишь ждать, пока у меня не закончится воздух. Лишь лежать и ждать, когда умру…

Фрэнсис сжала его дрожащую руку.

— Но ты не умер, Джордж. Ты живешь, и только это важно. Все остальное ты должен забыть.

— Я ведь тебе сказал. — Его голос звучал так, будто он вынужден был объяснять что-то непонятливому ребенку. — Я не смогу это забыть.

— Тебе только так кажется. Ты увидишь, как только окажешься дома…

— Дома больше нет.

— Но ты же должен куда-то поехать!

— Посмотрим. — Джордж уже почти докурил сигарету и теперь осторожно теребил крошечный окурок кончиками пальцев. — Странно, — сказал он тихо, — когда я лежал засыпанный там, внизу, я боялся умереть. Испытывал жуткий страх, и все, о чем я мог думать, было одно: может быть, я как-то выживу… Ни за что на свете я не хотел остаться там, как мои товарищи. А сейчас… сейчас я хотел бы умереть, как они.

— Ты не должен так говорить. И не должен так думать. Все будет в порядке. Поверь мне!

Наконец он посмотрел на нее.

У него такие же красивые золотистые глаза, подумала Фрэнсис, как у мамы. В лучах солнца они сверкали, как два прозрачных топаза. Фрэнсис осознавала, какими холодными, почти водянистыми, должно быть, казались ее глаза, но если она завидовала глазам Виктории, то глазами Джорджа только восхищалась.

— Джордж, — сказала она тихо.

— Могла ли ты себе это представить? — спросил он. — Мы оба во Франции, в одном лазарете, а вокруг нас свирепствует страшная война… Мы не были к этому готовы. И это плохо. Я не могу с этим справиться, потому что ничто в моей жизни не научило меня, как это делать.

— Никто не сможет научить тебя чему-то подобному. Каждый сам должен решать, как он с этим будет справляться. — В какие размышления он погрузился? Бессмысленные, подумала Фрэнсис, и бесполезные.

— Это была полная идиллия, — продолжил Джордж, как будто сестра ничего не сказала. — Жизнь в Уэстхилле. Это было нереально.

Мы были изолированы от мира как такового. Реально лишь то, что здесь. То, что здесь, это — жизнь.

— Нет. Это только ее часть. Злая, кошмарная часть. Не вся жизнь.

Он докурил сигарету — пепел падал под кончиками пальцев в траву — и опять ушел в себя; его глаза больше не смотрели на Фрэнсис. Где он был? Опять в блиндаже? Неужели он опять переживал те мрачные часы? И слышал, как смолкли стоны?

Впервые Фрэнсис испуганно подумала: «Элис все-таки права. Он болен. Значительно серьезнее, чем я думала».

По ее телу побежали мурашки, и она почувствовала страх. С Джорджем они прожили бóльшую часть их прежней жизни. Это были самые лучшие годы. Он был ее старшим братом, ее опорой, ее надеждой. И теперь Фрэнсис осознала, что потеряла его. «Я потеряла того, прежнего Джорджа. Я никогда больше не смогу на него опереться. С этого момента — и только если он не откажется — он сможет опереться на меня».

Так они сидели некоторое время, погрузившись в свои мысли, пока не похолодало и не опустились сумерки.

Появилась бледная Элис.

— Завтра мы можем вместе с ранеными уехать назад в Англию, — сказала она. — Там будут места для нас троих.

Джордж равнодушно смотрел мимо нее. Фрэнсис подняла голову.

— Уже завтра?

Элис кивнула.

— Врач разрешил.

— Надеюсь, он не ошибся, — сказала Фрэнсис. — Здесь наверняка отправляют людей раньше, чем это допустимо. Им ведь дорог каждый миллиметр площади.

Завтра! Уже завтра они поедут домой, в Англию… Но она еще ничего не узнала о Джоне. Не говоря уже о том, чтобы хоть немного поговорить с ним. Его последним воспоминанием о ней была их случайная встреча, где Фрэнсис предстала перед ним на берегу Темзы в Лондоне в непривлекательном платье, пропотевшая и изможденная, ругающаяся как рыночная торговка… Ее еще и сегодня бросало в жар от стыда, когда Фрэнсис думала о том, какое впечатление тогда произвела на него. Она многое отдала бы, чтобы вернуть все назад.

— В отношении Джорджа доктор прав, — сказала Элис. — Его можно перевозить, даже я это вижу. Чем скорее он отсюда уедет, тем лучше. Ему нужен покой и тишина, а у меня он получит и то, и другое.

— Ты хочешь везти его к себе в Лондон? — удивленно спросила Фрэнсис.

— А куда же еще?

— Ему нужно в Йоркшир. Там его дом!

— Ведь отец Джорджа не желает его видеть, — тихо прошипела Элис, не желая напоминать об этом больному.

— Но ведь он был на волоске от смерти. Для моих родителей многое изменилось. Мама ясно сказала об этом.

— В Лондоне ему будет лучше, — настаивала Элис.

— В узкой, сырой, маленькой квартире? — воскликнула Фрэнсис. — Это несерьезно с твоей стороны!

Они с негодованием смотрели друг на друга, не желая уступать. Наконец Фрэнсис сказала:

— Я знаю, в чем дело. Тебя не жалуют в Уэстхилле. В этом твоя проблема. И тебя раздражает мысль о том, что выхаживать его будет мать, а не ты. Вместо того, чтобы думать о нем и о том, что для него будет лучше!..

— Это была моя идея поехать к нему во Францию, — сказала Элис. — Из вас никто не двинулся бы с места, чтобы привезти его назад, чтобы быть с ним. Ты просто присоединилась ко мне, самостоятельно ты и шагу не сделала бы!

— Он *мой* брат!

— Он… — начала Элис, но не договорила.

Фрэнсис рассмеялась.

— Он *не твой муж*! Напротив, ты успешно отвергала его все эти годы. Так что теперь не выдвигай требований, на которые не имеешь права.

— Джордж, — сказала Элис, — наверное, ты сам должен решать, куда поедешь. Я не могу представить себе, что ты отправишься к отцу…

Мощный взрыв неподалеку от них не дал ей договорить. Со стороны лазарета доносились крики: все испугались, так как еще никогда раньше снаряды не ложились так близко. Джордж же даже не

вздрогнул. Он пристально смотрел в сторону заросшего клена и, казалось, пронизывал его своим взглядом.

Фрэнсис, все еще сидевшая в траве, решительно встала, расправила обеими руками смявшуюся юбку и сказала:

— В одном ты права, Элис: Джордж должен уехать отсюда. Здесь он лишь впадает в депрессию. Завтра ты поедешь с ним в Англию и, надеюсь, там найдешь решение в его интересах.

Элис в упор посмотрела на нее.

— Хорошо. Но разве ты не поедешь с нами?

— Я еще на некоторое время останусь здесь. Есть дела.

Чтобы избежать дальнейших вопросов, Фрэнсис быстро пошла прочь; вслед ей донесся голос Элис: «Что, черт подери, ты еще собираешься здесь делать?» Не обращая на это внимания, она вошла в амбар, игнорируя зловонные запахи и крики, и стала искать старшую сестру, чтобы спросить ее, может ли она остаться здесь еще на пару дней и помогать врачам.

Через пятнадцать минут Фрэнсис узнала, что Джон не вернулся из разведки и вот уже неделю считался без вести пропавшим.

Она увидела Джона в конце октября в больнице на Атлантическом побережье, куда его отправили для восстановления. Это стало результатом того, что Фрэнсис рассказывала о нем каждому солдату, каждой медицинской сестре, каждому врачу — и в конце концов действительно получила нужную ей информацию. Юноша из Нортумберленда, который не мог забыть умирающих лошадей, в тот день, когда у нее произошел долгий, тяжелый разговор с Джорджем, взволнованно подозвал ее к себе.

— Там новая медсестра! Она знает этого Джона Ли, вашего жениха!

Его глаза блестели. Он боготворил Фрэнсис, потому что она с пониманием отнеслась к его переживаниям, связанным с лошадьми; также его подкупила ее забота о «женихе». Он больше, чем другие, постоянно старался что-то для нее разузнать.

— О, Пит, правда? Где она? Как ее имя?

Юноша указал ей на новую медсестру — невысокую темноволосую девушку, очень молодую, которая явно с большим рвением ухаживала за ранеными. Фрэнсис подошла к ней, и та

сообщила, что Джон числится без вести пропавшим; Пит ничего об этом не знал и позднее сокрушался, что именно он принес очаровательной Фрэнсис Грей такие неутешительные новости.

Молодая женщина была замужем за офицером, отправившим Джона в разведку. Вместе с другим молодым солдатом тот выдвинулся к позициям врага поздним вечером. Они не вернулись — возможно, решили пройти слишком далеко за линию расположения немецких войск, тем более что следующим утром немцы предприняли наступление и отвоевали два километра территории.

Молодую женщину звали Диана Уилсон. Она пыталась утешить Фрэнсис и сказала, что это совершенно не значит, что оба погибли.

— Но если они попали к немцам и…

— Немцы тоже не расправляются с каждым немедленно. Они берут их в плен. Это не смертный приговор.

В глазах Фрэнсис — в соответствии с британской пропагандой — немцы были варварским народом, и она совершенно не была уверена, что пленение и уничтожение — это не одно и то же.

— Может быть, — сказала Диана, — им удалось спрятаться от немцев и потом пробиваться к своим…

— Я должна немедленно поехать туда! — воскликнула Фрэнсис.

Диана взяла ее за руку.

— Я понимаю ваше волнение, мисс Грей. Но так просто, как гражданское лицо, вы не сможете там находиться. Кроме того, *куда* вы поедете?

— Туда, откуда он ушел.

— Но вы ведь не знаете, появится ли он именно там. Останьтесь здесь. Мой муж — командир Джона Ли; он в любом случае узнает, если Джон вернется. Я скажу ему, чтобы он меня сразу проинформировал. Договорились?

Фрэнсис согласилась, что это было разумным решением. Она кивнула и повернулась, чтобы идти, но Диана резким голосом сказала:

— Мисс Грей!

— Да?

— Молодой солдат, который поведал мне вашу историю, сказал, что вы — невеста Джона Ли. Но я знаю его через моего мужа, и мне известно, что он женат.

Фрэнсис ничего не сказала в ответ, выдержав при этом испытующий взгляд Дианы.

— Ладно, — сказала наконец та с ноткой презрения в голосе.

«Теперь она думает, что я любовница Джона Ли», — подумала Фрэнсис, но она не видела никаких оснований, чтобы оправдываться перед Дианой и расставлять все точки над i.

Тем не менее Диана сохраняла молчание, и Фрэнсис по-прежнему считалась невестой Джона. Теперь ей оказалось на руку, что в последние недели она завоевала доверие и признание врачей и медсестер. Обычно гражданские лица не имели права так долго оставаться непосредственно за линией фронта. Но в лазарете была необходима любая помощь, а Фрэнсис доказала, что она может напряженно работать. «Оставайтесь здесь, пока не получите известие о вашем женихе», — сказала старшая медсестра, и Фрэнсис хотя бы в этом отношении могла вздохнуть с облегчением.

Погода, до сего времени солнечная и сухая, изменилась. Часто шел дождь; воздух стал холодным, по утрам низко над землей висел туман. Фронт опять застыл. Короткое наступление англичан не привело к длительному успеху — они с большими потерями отвоевали лишь небольшую пядь земли. Под проливным дождем окопы превратились в стылые грязные канавы, в блиндажах солдаты сидели по колено в воде. Если летом положение было просто плохим, то теперь ситуация обострилась еще больше. Холод и сырость доконали и без того измученных бойцов. Свирепствовала дизентерия; вши и блохи донимали больше, чем беспрерывный артобстрел. В лазарете раненые лежали буквально друг на друге, и едва у кого-то появлялись признаки улучшения, он сразу освобождал свою койку внутри амбара и перебирался наружу под натянутый брезент. Земля здесь была такой сырой, а воздух таким холодным, что можно было радоваться, если дело обходилось без воспаления легких.

Фрэнсис много работала, чтобы отвлечься; но, несмотря на непреходящую физическую усталость, она находилась в таком нервном напряжении, что ночами не могла уснуть. Она постоянно видела перед собой Джона, видела, как он подрывается на мине, как погибает от ружейных выстрелов. Не сошла ли она с ума, всерьез надеясь, что он еще жив?

Это беспокойство делало ее раздражительной; все обращались с ней крайне осторожно, так как она быстро взрывалась. Однажды Фрэнсис услышала, как старшая медсестра говорила одной из коллег: «Она неприятный человек, эта мисс Грей. Ты видела ее глаза? Совершенно холодные. Я не могу ее понять. Но она невероятно работоспособная. Этого у нее не отнять. Иногда я не знаю, что бы делала без нее».

У Фрэнсис не было ни одной подруги среди медсестер; впрочем, ее это не сильно волновало. Лучше всего она ладила с Дианой, хотя та и не одобряла ее отношений с женатым мужчиной. У Дианы был такой же несентиментальный, практический тип характера, как и у Фрэнсис, и они испытывали друг к другу определенное расположение.

Диана просила своего мужа, чтобы тот сразу же сообщил ей, если узнает хоть что-нибудь о Джоне Ли. 27 октября она получила телеграмму: Джон действительно больше двух недель скрывался на вражеской территории и наконец смог пробиться к своим. Он заработал серьезное переохлаждение, но остался жив и сейчас восстанавливается в госпитале неподалеку от Гавра.

Этот госпиталь не шел ни в какое сравнение с лазаретом, в котором работала Фрэнсис. Он ничем не походил на тот переоборудованный под стационар амбар, расположенный на поле сразу за линией фронта, где весь мир, казалось, погрузился в кровь, раздробленные конечности, крики и стоны, в дым, огонь и нескончаемый грохот артиллерии; куда привозили бойцов, которых вытаскивали прямо из окопов, — искалеченных и обезображенных до неузнаваемости. Элементарные правила гигиены зачастую не соблюдались, но это никого больше не беспокоило, потому что приходилось радоваться даже тому, что вообще находилось место, куда можно было положить раненого; и если одеяло на койке было пропитано кровью предыдущего солдата, никто не обращал на это внимания. В какое-то время речь шла только о том, чтобы хотя бы выходить немногим больше солдат, чем потерять — не важно каким образом.

В госпиталь под Гавром привозили солдат после первичного пребывания в полевом лазарете, где их немного приводили в порядок и по меньшей мере чуть-чуть подлечивали. Бывший частный санаторий

для состоятельных французов располагался в большом парке с многочисленными деревьями и кустарниками, а также убранными, очищенными от листвы дорожками, усыпанными гравием, которые извивались между небольшими прудами с золотыми рыбками и покрашенными в зеленый цвет скамейками. Боевые действия шли достаточно далеко отсюда, и ничто не нарушало царящую здесь мирную тишину. С деревьев облетела пестрая листва, и ухоженные лужайки покрылись ковром из шуршащих листьев. Светло-желтые стены виллы, которая полностью скрылась в глубине парка, лишь слегка проглядывали между ветвями постепенно теряющих листву деревьев.

Внутри, в коридорах, сновали медицинские сестры в белоснежной униформе и санитары, и иногда можно было вообразить, что нет никакой войны, унесшей тысячи жизней. Правда, в здешних холлах не было чахоточных дам, как в прежние времена, и увидеть можно было разве что людей в военной форме: солдат на инвалидных колясках или костылях, с повязками на голове или с перевязью для руки на шее, с глазными повязками или с лицами, изуродованными отравляющим газом. Множество мужчин имели ранения разной степени тяжести, но у всех без исключения была глубоко ранена душа, опустошенная и выжженная. И это отражалось в их глазах.

Впервые увидев Джона, Фрэнсис испугалась. Он всегда был высоким, сильным мужчиной с крепким здоровьем и в хорошей спортивной форме; болезнь была *понятием,* которое Фрэнсис никогда не могла бы связать с ним. Он и теперь, собственно говоря, не был болен. Но испытания оставили на нем значительно более серьезный отпечаток, чем она себе представляла. Джон сильно похудел, форма буквально висела на нем; глаза провалились, скулы остро выступали под пергаментной кожей. «Он похож на старика, — подумала Фрэнсис, — на несколько десятков лет старше, чем прежде!»

У него была отдельная комната — уютная каморка под самой крышей. Когда Фрэнсис вошла, он сидел у окна и пристально смотрел наружу. За окном рос красивый каштан, с которого как раз облетали листья, и Джон следил взглядом за каждым отдельным листком, медленно опускающимся на землю.

Он не обернулся, когда Фрэнсис вошла, но догадался, кто это, потому что сказал с иронией:

— А, моя невеста!

Она по-прежнему придерживалась этой версии, потому что не была уверена, что в ином случае ее пропустят к нему.

— Он еще очень слаб, — сказала директор санатория, при этом строго посмотрев на Фрэнсис. — Вообще-то он пока не готов к приему посетителей.

— Я приехала из Англии. Несколько недель работала в полевом лазарете, чтобы иметь возможность остаться там. Мне надо его увидеть.

— Гм… Вы говорите, что обручены с ним? В этом случае… я сделаю исключение.

Теперь, в его комнате, Фрэнсис подумала, что, возможно, допустила ошибку. В конечном счете его это разозлило.

Она тихо сказала:

— Извини, что мне пришлось солгать. Иначе они меня к тебе не пустили бы.

— А это было так важно? Ты непременно хотела прийти ко мне? — Джон резко повернулся к ней, и Фрэнсис только сейчас заметила, что он сидит на инвалидной коляске.

— Ты ранен?

— Нет. У меня всего лишь слабость. В принципе, это кресло мне больше не нужно.

— Я хотела тебя увидеть, потому что многое должна тебе объяснить.

Он сделал нетерпеливое движение рукой.

— Тебе не надо мне ничего объяснять. Если ты проделала такой путь только для того, чтобы объясниться, — забудь. Как ты вообще узнала, что я здесь?

— Я выяснила это недавно. В лазарете, где я работала, кое-кто тебя знал.

— Смотри-ка! Фрэнсис Грей в полевом лазарете… Как же тебя занесло туда?

Фрэнсис почувствовала, что начинает злиться. К чему этот цинизм? По какому праву он цепляется к ней?

— Надеюсь, что хорошо справилась там со своей работой, — ответила она холодно, — а это была нелегкая работа. Нам приходилось собирать солдат практически по частям, когда их привозили.

— Знаю. Я тоже испытал, что такое война. И уверен, что ты действительно хорошо работала. Ты можешь рьяно взяться за работу и вынести то, от чего другие теряют сознание.

Фрэнсис сжала губы.

— Я могу уйти, если ты намерен ссориться.

Джон пожал плечами:

— Ты можешь делать все, что захочешь.

Она растерялась. Больше всего ей хотелось выйти из комнаты, хлопнув дверью, но потом она вспомнила о Джордже, о его сильнейшем отчаянии. Он стал другим, и Джон тоже. Джордж погружался в депрессию; Джон, очевидно, находил спасение в ярости и агрессии. Того, кто однажды оказался в жерновах войны, она не щадит, оставляя в его памяти картины непостижимого ужаса, лишает здоровья, покоя и радости жизни, а потом бросает в угол, где он пытается снова встать на ноги…

«Мне надо набраться терпения в общении с ним. Он так много пережил. Как и Джордж. С ним было, конечно, проще, но Джон заслуживает такого же участия».

Фрэнсис преодолела свой порыв уйти. Вместо этого она прошла вглубь комнаты, тихо закрыв за собой дверь, и осторожно спросила:

— Джон, тебе было тяжело, да?

— Тяжело?.. Да, было. Но не мне. Я ведь еще жив. Но тот мальчишка…

Другой солдат, которого он взял с собой. Он не вернулся.

— Ты уверен, что он погиб?

— Погиб или попал в плен, не знаю… Ему едва исполнилось девятнадцать.

— Джон…

— Это была моя идея — взять его с собой в тот день, — сказал он. В его глазах заблестели слезы, Фрэнсис это видела, но он не мог плакать. — Он все время умолял и упрашивал. Хотел сделать что-то особенное, что-то авантюрное… И я предложил его в качестве своего напарника. Он был в восторге.

— Ты сделал то, что он хотел.

Руки Джона вцепились в подлокотники коляски.

— Я должен был знать, что ему не хватит смелости. Он был переполнен пламенным идеализмом, но, по сути, являлся еще

ребенком. Я до сих пор не понимаю, как мы могли сбиться с пути. Мы проникли глубоко на немецкую территорию. Это оказалось чудом, что нас не разорвало на клочки взрывом, или что немцы нас не подстрелили. Что-то было не в порядке с компасом. Мы совершенно заблудились.

— Но ты ничего не мог с этим поделать.

— Я был старшим. Нес ответственность за вылазку. И вообще не должен был брать его с собой. И уж точно…

— Что?

Джон не смотрел на нее.

— Я бросил его на произвол судьбы.

Фрэнсис подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Я тебе не верю.

Он рассмеялся, но его смех был горьким.

— Не веришь? Конечно, нет, ты с удовольствием до конца своей жизни носилась бы с портретом героя, который сама себе создала. К сожалению, должен тебя разочаровать. Я отнюдь не тот прекрасный мужчина, которого ты хочешь во мне видеть.

— Кто тебе сказал, что я хочу видеть в тебе прекрасного мужчину? — Фрэнсис улыбнулась, но он не ответил на ее улыбку. — Что же случилось?

— Когда нам стало ясно, в какой ситуации мы оказались, у Саймона — так его звали — сдали нервы. Его охватила паника. Он в буквальном смысле был не в состоянии сделать ни одного шага. Ему везде мерещились вражеские солдаты. Он упал на землю и стал плакать, как маленький ребенок.

— И что ты сделал?

— Я стал его уговаривать. Сказал, что выведу нас, что у нас есть шанс. Конечно, я не был в этом уверен — напротив, боялся и понимал, что надежды почти нет. Но я знал, что у нас нет выбора и мы должны попытаться.

— Но ты не смог уговорить его пойти дальше.

Джон покачал головой.

— Он был в панике, буквально окаменел от страха. Хотел остаться там. Сказал, что не может идти. У него пропало все мужество.

— И ты ушел без него, — сказала тихо Фрэнсис.

— Да. Я не видел другой возможности. Я не мог тащить его с собой, потому что он сразу же начинал кричать. Мне оставалось лишь надеяться, что немцы, если они его нашли, не станут сразу стрелять в девятнадцатилетнего ребенка.

— Они точно этого не сделали. Они просто взяли его в плен.

Джон теребил свои руки. Его пальцы переплелись между собой.

— Может быть… А может быть, он все-таки пошел и наступил на мину, или его расстреляли… Не знаю. Все, что я знаю, это одно: я не имел права уходить без него.

— Но…

— Никаких «если» и «но». Я не имел права это делать. Конечно, это было бы очень глупо — сидеть там и ждать немцев. Но тем не менее я не должен был уходить. Я был старшим по званию и возрасту. А Саймон дошел до предела. Оставить его сидеть там… — Джон в отчаянии покачал головой и стал пристально вглядываться в окно.

Фрэнсис порылась в своей сумке.

— Хочешь курить?

Впервые с его лица исчезло напряжение.

— Если у тебя есть сигареты — с удовольствием.

При прощании с солдатами в лазарете Фрэнсис получила в подарок сигареты и берегла их как сокровище. Теперь они курили вместе с Джоном, молча, погрузившись в свои мысли. Потом Фрэнсис рассказала о Джордже и о том, как Элис боролась за то, чтобы забрать его в Лондон.

— Несколько лет она заставляла его просить и умолять ее. А теперь вдруг начинает бегать за ним…

Джон улыбнулся. Фрэнсис, покраснев, резко встала.

— Ты подумал, что это напоминает нас, да? Что я начала бегать за тобой после того, как ты женился на моей сестре? Но я до этого не заставляла тебя ждать, потому что якобы хотела поиграть с тобой, Джон. Просто сказала тебе: «Мне необходимо на какое-то время поехать в Лондон». И ничего другого.

Улыбка исчезла с его лица, на нем опять появилась прежняя напряженность.

— Забудь наконец эти старые истории, — сказал он с раздражением, — все это никому больше неинтересно. Это было так

давно… Сейчас другое время, другая жизнь. Все так, как есть, и мы ничего не изменим, постоянно говоря об этом.

«Все как у Джорджа, — подумала Фрэнсис, — до него не достучаться. Он весь в себе. Он живет теми картинами, которые не может забыть, и кроме этого его ничего больше не интересует».

С робостью, которая вообще-то была ей несвойственна, она сказала:

— Пока ты здесь, я могла бы остаться с тобой. Если ты, конечно, хочешь. Я могла бы снять комнату в деревне, и…

Он пожал плечами:

— Ты можешь делать что захочешь.

Теперь уже разозлилась она. Понятно, что Джон многое пережил, но и ей было нелегко. Фрэнсис понимала, что он подавлен — то впадает в агрессию, то уходит в себя, — но с этим ранящим равнодушием она не смирится никогда.

Раздавив окурок в пустой чашке из-под кофе, стоявшей на столе, она холодно сказала:

— Хорошо, я поняла. Знаешь, провести ноябрь в какой-то забытой богом дыре на французском побережье Ла-Манша я и так никогда не мечтала. Я наверняка очень быстро найду возможность, чтобы вернуться из Гавра в Англию.

Когда ее рука уже лежала на дверной ручке, Фрэнсис услышала голос Джона.

— Останься, — сказал он. Это прозвучало резко и решительно, как приказ. Очевидно, он тоже это заметил, потому что, пока Фрэнсис медленно поворачивалась, тихо добавил: — Пожалуйста!

Она увидела в его глазах безутешность, ужас, который за это время сотню раз видела на лицах других. Джон напомнил ей раненое животное, разозленное и испуганное одновременно. Он укусил бы любую руку, которая к нему протянулась, — и в то же время жадно ждал эту руку.

Она часто размышляла о том, как бы описала эти ноябрьские недели в маленькой северофранцузской деревушке под Гавром, если б вела дневник, — но в этом не было необходимости, потому что Фрэнсис обладала феноменальной памятью и ей не нужно было фиксировать факты в письменном виде.

О днях в Сен-Ладюне она сказала бы, что они были сплошь дождливыми, с сильными штормами; потом опять опускался туман и наступали штиль и гнетущая тишина, нарушаемая лишь криками чаек откуда-то из непроницаемой серой пелены. Если начинался ветер, холодный и сильный, дувший с моря на берег, облака разрывались, и между ними пробивалось бледное ноябрьское солнце; оно не грело, но на короткое время освещало все вокруг, пока снова не скрывалось за плывущими темно-серыми облаками. Если начинался дождь, то это происходило резко и внезапно, и холодные капли ощущались на коже, как уколы иголок.

От деревни до побережья было примерно минут двадцать ходу. Здесь располагалось несколько деревянных домиков — в них летом и в более радостные времена продавали сладости и кофе, — белый павильон в дюнах, где играли музыку, когда отдыхающие прогуливались вдоль берега: дамы в красивых платьях и больших шляпах, с кружевными зонтиками от солнца, и мужчины в начищенных до блеска туфлях, которые, уступая атмосфере песка и моря, позволяли себе пиджаки, небрежно наброшенные на плечи, и рубашки с закатанными рукавами.

Теперь маленькие домики были огорожены и забиты, в павильоне нашли приют несколько чаек, спрятавшихся от шторма. Берег был безлюдным и опустевшим, усеянным только водорослями, илом, древесиной и всевозможным мусором, который приносило море.

Дни в Сен-Ладюне — это также крошечная каморка в деревенском доме, где жила Фрэнсис. Обычно хозяйка сдавала комнату только летом, но была рада, что нашла нежданную гостью поздней осенью. В комнате с покрытым белой краской дощатым полом стояли широкая уютная кровать с большой перьевой подушкой, шкаф с полками, аккуратно застеленными цветной бумагой, от которых исходил слабый запах лаванды, что напоминало Фрэнсис о бабушке Кейт, и умывальный столик с фарфоровой чашей и кувшином с холодной водой. На подоконнике лежала желтого цвета морская раковина, из которой сыпался мелкий белый песок, если Фрэнсис поднимала ее вверх. Такие раковины она собирала еще ребенком в Скарборо, когда они всей семьей ездили на морской курорт на восточное побережье Йоркшира. Раковина словно улыбалась ей из другого времени.

Фрэнсис непременно должна была упомянуть и мадам Вероник, хозяйку. Она была вдовой вот уже два года — и не пролила ни одной слезинки по своему умершему мужу, как она доверительно поведала Фрэнсис. Вероник была миловидной стройной женщиной с тонкой белой кожей и черными как угольки глазами. Она разрешила Фрэнсис беспрепятственно передвигаться по всему дому.

— Не прячьтесь там, наверху, в маленькой комнате, — говорила она, — спускайтесь вниз и устраивайтесь у камина. Мне вы не мешаете. Я и так слишком часто бываю одна.

Лучшее, что было у Вероник, это ее почти неисчерпаемый запас виски и сигарет. И это было не просто какой-то виски, а настоящий *скотч.* Вероятно, в связи с ним существовала некая темная история, потому что Вероник тут же замолкала, если речь заходила о ее хранящихся в подвале сокровищах. Афера с каким-то шотландцем? Сделка с контрабандистами? По Вероник было видно, что в ее жизни были какие-то тайны, но она ими не делилась. Однако тем, что у нее было, щедро делилась с Фрэнсис.

Сен-Ладюн… Часовые прогулки по берегу, только Джон и Фрэнсис, большей частью в полном молчании, несмотря на нескончаемый дождь и холод. Часто они промокали до нитки и промерзали до костей, когда возвращались в деревню. К Джону постепенно возвращалась его физическая сила; о том же, как обстояли дела с его внутренним состоянием, Фрэнсис говорить не хотелось.

Иногда, когда они сидели съежившись в какой-нибудь защищенной от ветра ложбине между дюнами, чтобы немного передохнуть, пока холод не заставит их отправиться дальше, она спрашивала:

— О чем ты думаешь?

И почти всегда Джон отвечал одно и то же:

— Ни о чем.

Его глаза, по которым она раньше могла что-то прочитать, были закрыты.

Англичане приостановили свои наступления на немецкие позиции на Сомме; в боях жертвами пали сотни тысяч солдат, но ничего не изменилось. Премьер Асквит высказался против позорного компромиссного мира, но в Англии рабочие начали выходить на улицы и проводить демонстрации в поддержку немедленного заключения

мирного соглашения. По ту сторону Ла-Манша происходили волнения, о чем было известно даже в Сен-Ладюне.

Прежде всего, вспоминая эти недели, Фрэнсис сказала бы: «Это было как на острове. Вокруг нас царили смерть и насилие. Ничего из этого до нас не доходило. Мы получили в подарок небольшой отрезок времени вне реальности. Мы осознавали тот короткий срок, который нам остался. Но были слишком далеко, чтобы думать о том, что будет потом».

Иногда Фрэнсис спрашивала себя, как наказывается измена с мужем сестры. Она не знала точно, откуда должно прийти это наказание, потому что ее вера в бога или другие небесные силы, мягко говоря, зиждилась на песке. Фрэнсис была воспитана в англиканской вере английской официальной церкви, но ее мать и бабушка, которые были католичками, несомненно, оказали на нее свое влияние, и такие понятия, как «чистилище» и «отпущение грехов», всегда играли роль в ее сознании. Она никогда не решалась жестко отмахнуться от них, как от вздора.

Теперь она думала, что если во всем этом есть хотя бы доля правды, то она вряд ли может рассчитывать на прощение и, вероятно, долго будет жариться в аду. Иногда Фрэнсис горячо молилась, читала по несколько раз «Аве Мария» и «Отче наш», как это делала Кейт, перебирая свои четки; но считала, что это не будет иметь особого значения, потому что она не была истинной верующей, а всего лишь боялась возмездия. Как по божественным, так и по светским законам она, несомненно, совершила великий грех.

Все бы было проще, если б они могли предаться любви где-нибудь в дюнах, на море. Тогда они оправдали бы себя тем, что были одержимы страстью, придав, таким образом, их истории налет невинности. Но погода этого не позволяла. Поэтому они отправились в маленькую комнатушку в доме Вероник, и это превратило их встречу в преднамеренное и спланированное действие, отвратительное и безнравственное. Вероник никоим образом не ставила им палки в колеса, хотя Фрэнсис, утратив после выпитого виски бдительность, отказалась перед ней от версии о «женихе».

— Кто же он тогда? — спросила Вероник.

— Муж моей сестры, — ответила Фрэнсис.

— О… — воскликнула Вероник протяжно, и блеск в ее глазах говорил о том, что она обожает истории подобного рода.

В дальнейшем дни протекали по одному сценарию: утром Фрэнсис шла за Джоном в санаторий, потом они час за часом гуляли, независимо от погоды, несмотря на холод, туман или дождь, и во второй половине дня, в ранние зимние сумерки, возвращались в дом Вероник, поднимались в комнату Фрэнсис, снимали мокрую одежду и ложились в постель.

Джон был хорошим любовником, как и представляла себе Фрэнсис. По сравнению с бедным неопытным Филиппом, с ним все было по-другому: более агрессивно, более интенсивно, а потом опять неожиданно тепло и нежно. Но безмолвные, повторяющиеся изо дня в день действия — возвращение домой, избавление от мокрой одежды и постель — превратили их свидания в ритуал и некоторым образом сделали их бездушными.

Джон несколько месяцев провел на фронте и перенес психологическую травму. Похоже, он был не в состоянии проявлять более глубокие чувства. Да и Фрэнсис слишком хорошо знала: то, что ею движет, это не одно лишь желание и любовь: прежде всего она хотела найти то, что залечило бы ту ее рану, беспрерывно жгущую ее и причиняющую боль, начиная с того летнего дня пять лет тому назад, когда Фрэнсис приехала в Дейлвью и увидела Джона и Викторию в роли жениха и невесты.

И она действительно нашла успокоение в объятиях Джона, в его горячем быстром дыхании рядом со своим лицом, в его поцелуях, соленых от морских брызг. Она поняла, что у любви много мотивов и много путей. И иногда, в очень редкие, волшебные мгновения, снова видела девочку и мальчика, которые рука об руку бежали через луг, решив никогда не расставаться…

Все закончилось в последние ноябрьские дни. На улице за окном в воздухе кружились первые снежинки. Джон и Фрэнсис лежали, плотно прижавшись друг к другу, на смятых подушках и одеялах, после холодного дня наслаждаясь теплом своих тел под мягкой периной, когда он неожиданно сказал:

— Я получил сегодня письмо от Виктории.

Фрэнсис не могла слышать этого имени без учащенного сердцебиения. Она восприняла то, что он сказал, как злонамеренное

проникновение окружающего мира в нежный кокон, образовавшийся вокруг них.

— От Виктории? Откуда она знает твой адрес?

— Я написал ей, что приехал сюда.

— Зачем?

Джон засмеялся. Казалось, что этот наивный вопрос рассмешил его.

— Ведь ей же сообщили, что я пропал без вести. Разумеется, я должен был написать ей, что жив и сейчас восстанавливаюсь здесь, на побережье.

— Ты хочешь сказать, что теперь она приедет сюда?

— Конечно, нет. Не думаю, что Виктория одна поедет через всю Англию и в этот бесконечный шторм пересечет Ла-Манш, чтобы попасть во Францию. Это для нее, где бы она ни была, равнозначно фронту.

— Я… — начала Фрэнсис, но Джон перебил ее:

— Виктория — это не ты. Некоторые вещи для нее исключены.

Ей показалось, что она услышала в его голосе некое преисполненное уважения признание, и это примирило ее с ужасом, в который ее вогнала сестра.

Так же непосредственно, как и до этого, Джон сказал:

— Еще одна неделя, и я вернусь в свой полк.

Фрэнсис села в постели.

— Это невозможно, — сказала она. У нее сразу пересохло во рту. — Врач не разрешит.

— Уже разрешил. Я в порядке. Нет никаких оснований оставаться в санатории и строить из себя больного.

Фрэнсис встала с постели и влезла в халат. В зеркале, висевшем над умывальной тумбой, она увидела, как побледнела.

— Никто не может от тебя этого потребовать, — настаивала она. — Ты уже сделал свой вклад в эту войну. Каждый понял бы…

— Я сам этого хочу. И мое решение неизменно.

Привычная бутылка виски и два бокала стояли наготове на подносе. Фрэнсис налила себе и выпила одним глотком. Ее руки слегка дрожали.

— Боже мой, — проговорила она тихо.

— Тебе лучше вернуться в Англию, — сказал Джон.

Она посмотрела на него. Он сидел в кровати. Его руки, которые только что обнимали ее, теперь расслабленно лежали на одеяле. Ничего в нем не принадлежало ей. Совсем ничего. У нее не было права, у нее не было влияния. Он сделает то, что хочет, не думая о ней.

— В истории с тем парнем, — сказала она, — ты ничего не изменишь, даже если снова подставишь свою голову.

Резким движением Джон отбросил одеяло, встал и начал одеваться.

— Прекрати, — бросил он, — я не хочу больше ничего об этом слышать!

— Джон, я считаю…

— Я сказал, что не хочу ничего слышать! — Фыркнув, он обеими руками провел по еще влажным растрепанным волосам, приглаживая их.

— Твои вещи еще не высохли, — проговорила Фрэнсис. — Давай просушим их внизу, у камина. Потом ты еще выпьешь виски и…

— …и передумаю? Большое спасибо, Фрэнсис! Нет. Я ухожу, и плевать на мокрую одежду!

«И это только потому, что я упомянула этого парня», — подумала Фрэнсис.

Джон захлопнул за собой дверь, и на лестнице раздались его шаги.

Фрэнсис отставила бокал.

— Катись тогда! — крикнула она. — Вали на свой фронт! Потребуй от судьбы вторую попытку! Делай что хочешь. И вымещай свое проклятое настроение на других!

На следующий день она собрала свои чемоданы и поехала в Гавр, чтобы отправиться в Англию.

Декабрь 1916 года

Лондон встретил ее холодной, серой и унылой погодой. Такого привычного в декабре праздничного предрождественского настроения совсем не чувствовалось. Люди принесли уже слишком много жертв войне, чтобы радоваться предстоящим каникулам. Лишь в немногих семьях не погиб хотя бы один человек.

Среди населения росло недовольство. От патриотических настроений мало что осталось. Люди желали, чтобы наконец наступил мир, и правительству приходилось сдерживать мощный общественный протест. Оно призывало граждан отдать все силы для победы над противником и не позволить втянуть страну в соглашательский мирный договор. На перекрестках появлялись плакаты, призывавшие всех участвовать в войне. Что-то наподобие такого: «Что вы скажете, если ваши дети однажды спросят, что *вы* сделали для победы в этой войне?» Но вряд ли это могло изменить антивоенные настроения. Многие опасались, что их дети уже *ничего* не смогут спросить их, если война наконец не закончится.

Фрэнсис хотела в первую очередь навестить Элис — но в квартире в Степни застала только Джорджа. Она ужаснулась тому состоянию, в котором находился ее брат. Он еще больше похудел и в своих помятых, слишком широких брюках и свалявшемся шерстяном свитере выглядел как старик, у которого нет ни энергии, ни сил, чтобы прилично одеться, вымыться и причесаться. Его взъерошенные волосы сильно отросли и, казалось, до сих пор пахли отвратительным средством от вшей, которое втирали солдатам в кожу головы. Он был плохо выбрит; на отдельных участках неравномерно росла серая щетина — явно дилетантская работа Элис.

Джордж сидел у окна и пристально смотрел перед собой. В его красивых золотисто-карих глазах не было больше прежнего сияния. Похоже, что со времени, проведенного в лазарете, его состояние стало еще хуже. В квартире стоял страшный холод и пахло прогорклым кулинарным жиром.

Фрэнсис сразу открыла все окна. Холоднее уже быть не могло, но по меньшей мере, возможно, уйдет застоявшийся запах. Затем пошла

на кухню, где скопилась грязная посуда с остатками пищи. Поскольку здесь была только холодная вода, потребовалось немало времени, чтобы смыть с тарелок образовавшуюся корку. Фрэнсис взяла ведро и отправилась в подвал, чтобы принести уголь, но помещение, в котором он всегда хранился, было пустым. Когда она спросила коменданта о причине этого, тот лишь грустно посмотрел на нее.

— Мне действительно очень жаль, мэм, — сказал он беспомощно. — Каждый день пытаюсь достать топливо. Правда. Но уголь строго нормирован. Может быть, завтра мне повезет… Я бы вам с удовольствием помог.

— Вы *должны* нам помочь! — ответила Фрэнсис раздраженно. — Мы окоченели там, наверху! С моим братом совсем плохо. Он приехал из Франции, где несколько недель пролежал в лазарете с тяжелым ранением.

Его серые глаза были полны истинного сострадания.

— Мне жаль, что ему так плохо. И вам, и мисс Чепмэн тоже. То, что мне удастся раздобыть, мисс Чепмэн получит непременно, можете быть уверены. Разумеется, другие жильцы не должны об этом знать. Но я даже видеть не могу, какая она худая, бледная и замерзшая!

«В отношении Элис он все еще не сдался», — подумала Фрэнсис.

— Посмотрю, что могу сделать, — пообещал комендант.

Но Фрэнсис понимала, что она сама должна взять это дело в свои руки. Этот мужчина, конечно, стремился порадовать Элис и, таким образом, расположить ее к себе, но он был слишком робок и не обладал в достаточной степени пробивными качествами, чтобы раздобыть желанное топливо. Фрэнсис знала, что люди нынче часто бьются за него в буквальном смысле.

Она опять поднялась наверх, села на корточки перед Джорджем, продолжавшим сидеть в той же позе, и веско сказала:

— Я сейчас уйду и попробую где-нибудь достать дрова или уголь, или еще какое-нибудь топливо. Скоро вернусь. Ты больше не будешь мерзнуть, обещаю тебе. И я приготовлю тебе горячую еду, даже если мне придется украсть продукты.

У нее почти не было денег. Свои запасы Фрэнсис израсходовала во Франции, чтобы оплатить питание и аренду жилья у Вероник. Поездка в Англию тоже обошлась в немалую сумму. Тем не менее ей удалось купить в порту небольшой мешок угля, под тяжестью которого

она чуть не надорвалась, когда тащила его домой, ни разу при этом не остановившись. От напряжения Фрэнсис была вся мокрая от пота, когда наконец добралась до дома.

Кроме того, она купила картофель и рыбу; на остальное не хватило денег, к тому же в ближайшие дни ей придется как-то выживать. Но когда Элис вернулась вечером домой, в печи горел огонь, квартира сияла чистотой, было тепло и уютно, а в кухне жарилась рыба и варился картофель.

— О, — воскликнула Элис, — что здесь происходит?

И только потом она увидела Фрэнсис. Ей не удалось скрыть, что она была недовольна присутствием своей бывшей подруги.

— Когда ты приехала?

— Сегодня днем, — ответила Фрэнсис. Она была зла и знала, что по ней это видно. — Я в ужасе, Элис. Действительно в ужасе!

— Тсс! — Та сделала движение головой в сторону неподвижно сидящего Джорджа.

— Ох! Я не верю, что ему интересно то, о чем мы говорим. — сказала Фрэнсис. — Он нас совсем не воспринимает… Это так выглядит твоя забота о больном человеке? Когда я приехала, здесь стоял такой холод, что можно было видеть собственное дыхание, и так отвратительно несло испортившейся едой, что любому стало бы плохо. Джордж сидел совершенно один на своем стуле и смотрел перед собой. Элис, при таких условиях он и без того впал бы в депрессию, даже если б у него не было никаких травм!

Элис устало стянула с головы вязаную шапку, сняла пальто, шарф и перчатки. Было видно, что она замерзла и выбилась из сил.

— Где ты вообще была целый день? — спросила Фрэнсис.

— Работала.

— Работала? Но ты ведь всегда…

— Деньги из моего наследства растаяли. К тому же я два раза в неделю хожу с Джорджем к психологу. Это довольно дорого. Поэтому я нашла работу.

— Что же ты делаешь?

— Работаю в конторе. Это фирма, импортирующее вино. Работа довольно напряженная, но они прилично платят.

Фрэнсис стало неловко.

— О жертвах войны вообще-то должно заботиться государство…

Элис покачала головой.

— Джордж не считается инвалидом. Ведь физически он в порядке. А его душа никого не интересует. Если б он спутанно говорил или был однозначно душевнобольным… Но ведь это не так.

— Давайте сначала поедим, — предложила Фрэнсис. Она уже накрыла перед камином стол, украсив его свечой. От еды шел соблазнительный запах. Фрэнсис и Элис принялись за еду с аппетитом, между тем как Джордж, казалось, ел только потому, что ему сказали, что он должен это сделать.

«Он совершенно не замечает, что у него на тарелке, — подумала Фрэнсис. — Он не обратил бы внимания, даже если б это был собачий корм».

Потом женщины помыли посуду, и Фрэнсис снова заговорила о Джордже.

— Ты хотела сделать как лучше, найдя психолога, Элис, я понимаю. Но не думаю, что это принесет какую-то пользу, если другие обстоятельства этому не способствуют. Я действительно испугалась сегодня днем. Джордж слишком часто остается один, если ты каждый день ходишь на работу. Ничто не вырвет его из собственных размышлений. Он сидит здесь в холоде, в этой дыре, и смотрит на стены. Наверное, он постоянно видит мрачные картины, от которых его никто не отвлекает. Ты не замечаешь, что он все больше уходит в себя?

— Здесь не всегда так холодно, — защищалась Элис. — Мы на этой неделе в первый раз остались без угля.

Фрэнсис вздохнула.

— И это ведь самое незначительное из всего…

— Другого пути нет, — упорствовала Элис, оттирая стакан.

— Нет, есть. Ферма Уэстхилл.

Элис язвительно рассмеялась.

— Ты опять начинаешь? Думаешь, Джорджу пойдет на пользу, если он увидит своего отца? Который выставил его из дому и критикует направо и налево?

— Я тебе уже сказала: времена изменились.

— Но не люди.

— И люди тоже, поскольку после всего, что произошло, они считают более важными другие вещи, нежели раньше.

— Я с этим не согласна, — ответила Элис.

Стакан в ее руке треснул, в мойку закапала кровь. Элис побледнела.

Фрэнсис вынула носовой платок и замотала им пораненный палец.

— Кровь сейчас остановится. — Она мягко и с пониманием посмотрела на бледную как полотно Элис. — Ты должна его отпустить. Зная, как складываются обстоятельства, я считаю, что ты не сможешь по-настоящему о нем заботиться.

— Я смогу, — сказала Элис, потом бросилась к окну, распахнула его и жадно вдохнула свежий холодный воздух. На ее лбу выступили капельки пота.

— Извини, — сказала она, — думала, что упаду.

«Она устала как собака, — подумала Фрэнсис, — и нервы на пределе… Все это совершенно лишило ее сил».

— Я здесь все закончу, — сказала она. — Иди к Джорджу и отдохни.

Элис послушалась. Когда Фрэнсис через десять минут вошла в комнату, та сидела в кресле с закрытыми глазами, опустив голову на грудь, и спала глубоким сном. Пораненная рука, обмотанная носовым платком, лежала на подлокотнике и выглядела по-детски трогательно. Фрэнсис никогда раньше не замечала, что у Элис были очень маленькие руки, как у восьмилетней девочки…

В следующие дни они крутились друг возле друга как две кошки. Тема Джорджа больше не поднималась. Элис уходила на целый день на работу; Фрэнсис шла в магазин, убирала квартиру и ходила с Джорджем на прогулку, которая заключалась в том, что она вела его под руку по улице, а он безучастно семенил рядом.

В один из вечеров Элис отправилась с ним к психологу. Когда они вернулись, Джордж почувствовал себя явно хуже. Его лицо было совершенно белым, руки дрожали, и он задыхался.

— Так всегда бывает, когда вы туда ходите? — спросила Фрэнсис испуганно.

— Это совершенно нормально! — Элис сразу заняла оборонительную позицию. — В разговоре с Джорджем доктор копается во всем, что с ним произошло. Только так Джордж сможет справиться и преодолеть травму.

— У меня создалось впечатление, что он еще больше в это погружается.

— Я не хочу с тобой об этом говорить! — закричала Элис и, хлопнув дверью, выбежала из квартиры.

Фрэнсис поняла, что немедленно должна принять решение о своем дальнейшем пребывании в Лондоне. У нее почти не оставалось денег. Она должна была или найти работу — а это значит, что Джордж будет опять предоставлен сам себе, — или ехать домой. Она ни в коем случае не хотела жить за счет Элис. Достаточно того, что она обитает в ее квартире…

Прошло десять дней. Пятнадцатого декабря над городом висел холодный туман. Фрэнсис в полдень возвращалась из магазина — и неожиданно увидела Джорджа, сидящего на ступеньках перед входной дверью. На нем не было пальто, а только его привычный шерстяной свитер и старые широкие брюки. Он дрожал всем телом, губы его посинели.

Фрэнсис отставила сумку и наклонилась к брату.

— Джордж! Бог мой, почему ты сидишь здесь, на улице?

Джордж поднял голову. Он казался невменяемым и растерянным.

— На улице?

— Ужасный холод! Ты простудишься! Вставай, Джордж, пожалуйста. Пошли наверх, в квартиру!

— Стреляли, — ответил Джордж, с трудом поднявшись. Некогда крепкий молодой человек, страшно сутулясь, качался, как травинка на ветру. — Я испугался, — продолжил он, проведя рукой по лицу; в его глазах стоял страх.

— Джордж, ты в Лондоне! Ты в безопасности! С тобой ничего больше не может случиться. Ты не должен больше бояться.

Одной рукой она подняла сумку, а другой взяла Джорджа под руку. К счастью, он не сопротивлялся, а послушно позволил отвести себя наверх. Там Фрэнсис сразу уложила его в постель, поставила к ногам грелку и замотала шею шарфом. Потом напоила его настоем шалфея и горячим молоком с медом. Кто знает, сколько Джордж там сидел? Такого истощенного, как он, пневмония, несомненно, прикончила бы. Фрэнсис надеялась, что ей удалось предотвратить болезнь.

Элис расстроилась из-за случившегося, но осталась при своем мнении — Джордж поднимется на ноги только здесь, у нее.

— Он никогда раньше не выходил на улицу, — сказала она, — это был действительно исключительный случай. Такое наверняка больше не произойдет.

— Нам еще повезло, что Джордж остался сидеть на лестнице, — ответила Фрэнсис. — В следующий раз он может отправиться дальше — и потом будет беспомощно блуждать по городу… И тогда мы его вообще не найдем.

Элис, ничего не возразив на это, пошла в соседнюю комнату, в которой спал Джордж. Фрэнсис слышала, как она сказала: «Все снова будет хорошо. Вот увидишь. Все будет хорошо».

«Но не из-за того, что ты решишь все его проблемы», — подумала Фрэнсис, злясь на Элис, но и на себя тоже, за то, что слишком долго тянет. И приняла твердое решение.

В понедельник, как только Элис отправилась на работу, Фрэнсис разбудила Джорджа и помогла ему одеться. У него не было никаких признаков простуды — очевидно, ее усилия не прошли даром.

— Мы возвращаемся в Уэстхилл, — объявила она ему. — Прямо сегодня. Как ты на это смотришь?

Как обычно, брат ничего не ответил.

— Через неделю Рождество, — продолжала Фрэнсис, — наверняка дом уже украсили. Мы будем есть индейку и пудинг с изюмом, который испечет Аделина, а мама сыграет что-нибудь на пианино. Может быть, пойдет снег… Ты представляешь это себе?

— Да, — сказал Джордж. Он слушал, как прилежный ученик.

Фрэнсис, ободряюще улыбнувшись, быстро собрала его вещи, надела пальто и шляпу. Теперь, поскольку она наконец знала, что ей делать, она не могла больше ждать и должна была наконец решиться. Узкая темная квартира и грязный квартал вызывали у нее отвращение.

«Никогда больше, — подумала Фрэнсис, когда они уже стояли на улице, — никогда больше меня здесь не будет!»

Неожиданно Джордж остановился и посмотрел на нее. В его глазах, которые обычно, казалось, терялись в тумане, мелькнуло выражение ясности.

— А Элис? — спросил он.

Фрэнсис крепче взяла его под руку.

— Она сейчас не может за тобой ухаживать. Она знает об этом — и согласилась, чтобы ты поехал со мной в Дейл-Ли.

Она была готова на любую ложь, лишь бы убедить его поехать с ней.

Джордж пошел дальше; его закрытое лицо не позволяло понять, успокоили ли его слова Фрэнсис или Элис просто не занимала больше его мысли.

Никогда еще она не ехала домой с более горячим сердцем, чем в тот мрачный, холодный зимний день, когда вскоре после обеда уже начинали сгущаться сумерки. Ни разу во время учебы в школе ненавистной мисс Паркер Фрэнсис так страстно не стремилась в Уэстхилл. За окнами поезда простирались припорошенные снегом луга и поля, над которыми свистел холодный ветер и трепал голые кустарники, окружавшие пастбища. На горизонте небо и земля сливались в непроницаемую серую толщу. Темнота, казалось, с каждой минутой становилась все более плотной.

Пассажиров в поезде было немного. Некоторые спали или читали. В основном это были женщины или пожилые мужчины; молодые мужчины находились во Франции. На Джорджа смотрели сочувственными взглядами. Фрэнсис надела на него китель от его формы, и его невероятная худоба свидетельствовала о том, какие ужасы войны он перенес.

— Если б они только наконец заключили мир, — сказала одна женщина своей соседке. — Я не могу больше смотреть на этих раненых молодых парней.

— У этого скорее не в порядке здесь. — Ее соседка побарабанила пальцами себе по голове. — Он, видно, словил сюда пулю.

Фрэнсис пристально посмотрела на нее, и та смущенно опустила глаза.

Они сделали пересадку в Йорке, но дальше поехали на стыковочном поезде не до Уэнсли, а вышли еще в Норталлертоне, потому что там скорее можно было взять машину. Было половина пятого; наступил вечер. На вокзале стояла лишь одна машина, и на нее претендовала супружеская пара, которая была нагружена корзинами, полными яиц и овощей. Фрэнсис, таща за собой апатичного Джорджа,

подошла к машине и энергично оттеснила женщину от дверцы, которую та как раз открывала.

— У меня здесь инвалид войны. Вы должны уступить нам машину.

— Позвольте! — возмутилась женщина.

Ее муж бросил на Джорджа озабоченный взгляд.

— Ему совсем плохо, — сказал он сочувственно.

— Он участвовал в битве на Сомме, — объяснила Фрэнсис, — и два дня пролежал засыпанный землей в блиндаже. У него тяжелая травма.

— Мы тут ни при чем… — начала женщина, но муж оборвал ее.

— Возьмите машину. Мы найдем что-нибудь еще.

— Кен, я действительно считаю…

— Он сражался за всех нас. Минимум, что мы можем сделать, это уступить ему машину.

Мужчина улыбнулся Фрэнсис, она улыбнулась ему в ответ и стала помогать Джорджу сесть в машину. Она слышала еще, как женщина ругалась и кричала, но ее это больше не волновало. Вздохнув, Фрэнсис опустилась на мягкое сиденье.

— В Дейл-Ли, — сказала она водителю. Тот кивнул, и они тронулись с места.

Ветер рвал облака на клочки и гнал их по темному небу. Между ними на землю то и дело падал лунный свет, освещая заснеженный ландшафт. Фрэнсис прижалась лицом к стеклу, вглядываясь в темноту. Она знала каждый луг, каждый холм, каждое дерево; любой изгиб улицы, каждый отдельный двор. Ей казалось, что родина приветливо встречает ее с распростертыми объятиями.

У подъема в Уэстхилл машина забуксовала, и водитель сказал, что он не сможет въехать наверх.

— Дальше я не проеду. Извините, но последний отрезок вам придется пройти пешком.

— Ничего, — сказала Фрэнсис, протягивая ему последние деньги. У нее не осталось больше ни единого пенни.

Она помогла Джорджу выйти из машины.

— Джордж, мы дома. Мы приехали!

Он кивнул. Влажный, холодный воздух окутал их, как только они оказались на улице. Фрэнсис вспомнила жаркий июньский день пять

лет тому назад, когда она так же поднималась по этой дороге, изнывая под палящим солнцем. И потом в августе 1914 года, когда приезжала на похороны бабушки Кейт. Те страшные дни, когда началась война… С тех пор весь мир перевернулся. Ничто уже не было как прежде.

Но золотые дни вернутся. Война не может длиться вечно. По законам жизни плохие времена не приходят навсегда. Семью закрутило в вихре, но она вновь обретет мир и покой. Скоро. Вот-вот наступит Рождество. Появится малыш, и они вздохнут с облегчением.

Вскоре в темноте показались огни. Пробивавшийся через ночь свет излучал тепло. Уэстхилл-Хаус. Фрэнсис увидела вдали плющ, расползавшийся по темным стенам. Свет бросал светлые пятна на снег, покрывавший двор.

Перед входной дверью стоял крытый парный экипаж. Лошадь перед ним опустила голову и закрыла глаза, защищаясь от усиливающегося снегопада.

Фрэнсис наморщила лоб. Гости? В такой неуютный вечер? Странно, что лошадь беспечно оставили здесь. У ее отца в отношении животных были железные принципы. Если гость приехал с кучером, то, пока его угощали бы каким-нибудь напитком, лошадь отвели бы в стойло и дали бы большое ведро воды и пучок сена.

Может быть, кто-то приехал на короткое время и скоро поедет назад?

На ее стук в дверь ничто не шевельнулось, но, как часто бывало, дверь и без того оказалась незапертой, и они вошли в дом. Прихожая была ярко освещена. Из гостиной доносились тихие голоса.

Джордж остановился на лестнице. Фрэнсис помогла ему снять пальто.

— Сними сразу же ботинки, — сказала она, — они наверняка совершенно промокли от снега. Тебе ни в коем случае нельзя простужаться.

Джордж послушно сел на нижнюю ступеньку и окоченевшими руками стал пытаться снять ботинки. Фрэнсис собиралась стянуть с рук перчатки, когда услышала на лестнице шаги. Она подняла глаза. Аделина, домработница, спускалась по ступеням, неся что-то на руках. Это была целая гора измятых простыней и полотенец.

Увидев Джорджа и Фрэнсис, она замерла.

— Мистер Джордж! Мисс Фрэнсис! Какими судьбами?

Джордж даже не повернулся к ней.

— Мы приехали из Лондона, Аделина, — сказала Фрэнсис. — Я привезла Джорджа домой. Он много перенес во Франции.

— Хорошо, что вы здесь, — воскликнула Аделина, и это прозвучало иначе, чем Фрэнсис представляла себе приветствие.

Аделина казалась напряженной. Она всегда как-то по-особому любила Джорджа и теперь должна была бы с радостным криком броситься к нему. Потом она возмущенно заявила бы, что он очень похудел и что немедленно должен пойти с ней на кухню, чтобы съесть что-то подобающее, и что теперь понятно, к чему это приведет, когда мужчин втянули в эту бессмысленную войну…

Но ничего из этого Аделина не сказала. Она по-прежнему стояла, растерянно глядя на обоих, не проявляя при этом никакой радости.

— Аделина! — Голос Фрэнсис прозвучал резко. Ее неожиданно окутал страх, как тяжелое пальто, в котором трудно было дышать. — Аделина, что-нибудь случилось? — Ее глаза внимательно оглядывали прихожую в поисках ответа. Никаких елочных гирлянд над зеркалом. Никаких веток омелы в вазе на окне. — Почему нет никаких украшений?

— Ах, мисс Фрэнсис… — начала Аделина.

Тут они услышала быстрые звуки «тапп-тапп-тапп» по каменной плитке. Молли, их собака, поняла, кто приехал. Она ждала годами. Она не могла больше так неистово прыгать, как в свои молодые годы, — но лизала Джорджу руки, тихо и спокойно. Ее умные глаза светились теплом.

Что-то проснулось в Джордже. Он поднял голову, и его взгляд изменился.

— Молли, — проговорил он. Они смотрели друг на друга, проникаясь взаимным теплом. Своими худыми пальцами Джордж гладил Молли по голове.

— Молли, — прошептал он еще раз.

Фрэнсис не замечала их.

— Аделина! — повторила она резко.

Служанка медленно преодолела последние ступени. Гору полотенец она несла перед собой как щит. И только в этот момент, когда Аделина приблизилась, проходя мимо Джорджа и Молли,

Фрэнсис увидела, что полотенца были сплошь покрыты кровью — свежей, алой кровью.

Она резко вдохнула воздух.

— Боже мой! Что это? Где отец? Где мама?

— Мистер Грей в гостиной с доктором, — ответила Аделина, — а миссис Грей…

Она запнулась. Фрэнсис схватила ее за запястье. Еще немного, и она встряхнула бы старую женщину.

— Что с моей матерью? Говори же! Она родила? — Только этим можно было объяснить такое обильное кровотечение. Но неужели при родах женщина теряет столько крови? Это нормально?

— Я не слышу крика ребенка. Что случилось?

— Ребенок… умер, — ответила Аделина и разразилась слезами.

— О нет… — тихо пробормотала Фрэнсис. — О нет! Бедная мама! Я должна пойти к ней.

— Подождите, мисс Фрэнсис! — Голос Аделины звучал жестко, как наждачная бумага. — Я должна вам сказать… Миссис Грей…

Она не договорила, но в ее молчании сосредоточилась страшная правда, которая стала настолько неодолимой, что, казалось, заполнила собой все.

— Это… это неправда, — пробормотала Фрэнсис.

Аделина зарыдала еще сильнее.

— Доктор ничего не мог сделать. Миссис Грей навсегда покинула нас вместе с маленькой девочкой.

Фрэнсис поднималась вверх по лестнице тяжелыми шагами старой женщины. Она все еще была в пальто и шляпе, но наконец сняла перчатки и положила их наверху на перила лестницы, с которых они соскользнули и упали вниз, в прихожую. Невозможно было сейчас думать о чем-то, кроме одного: мамы больше нет. «Она умерла, и я больше никогда не смогу с ней поговорить. Она умерла».

Слово «умерла» кружилось и стучало в ее голове. Беспощадно и бесконечно. Это слово не оставляло выхода. Фрэнсис не могла, как обычно, позволить блуждать своим мыслям в поисках решения, в бешеной спешке искать возможность, чтобы отвратить угрожающую беду или извлечь из создавшейся ситуации хоть что-то положительное.

Не оставалось ничего, что можно было бы сделать или что-то изменить. Все закончилось.

Из спальни родителей до нее донесся запах болезни и крови; он был ей хорошо знаком по работе во Франции. В комнате было так жарко, так душно, что перехватывало дыхание. Тихо, словно она могла разбудить спящую, Фрэнсис вошла в комнату. Ее встретил сумеречный свет. Горел лишь небольшой ночник с темно-зеленым шелковым абажуром, и на комоде, напротив кровати, были зажжены свечи в позолоченном трикирии, который Морин всегда особенно любила. У изножия кровати обозначилась худая фигура Виктории, которая со сложенными руками смотрела на мать.

Фрэнсис отпрянула назад. Она думала, что находится здесь одна.

Услышав шаги, Виктория повернула голову. Ее глаза покраснели и опухли от слез.

— Ах, Фрэнсис! — воскликнула она. Казалось, что в эту минуту Виктория была не особенно удивлена неожиданному появлению сестры.

Фрэнсис медленно приблизилась, пристально глядя на кровать. Аделина не только убрала окровавленные простыни, но и сменила пододеяльник и наволочку. Морин лежала в чистом белоснежном белье. Одеяло доходило до рук, которые были аккуратно сложены и лежали поверх него. Единственным украшением на ней было обручальное кольцо. Красивые длинные волосы были заплетены в косу, лежавшую на плече.

Девичья прическа, сложенные руки, белая постель лишь на первый взгляд производили впечатление умиротворенности, которое было обманчивым — достаточно посмотреть на лицо умершей: это, должно быть, была долгая борьба и тяжелый уход. Смерть не смогла стереть с лица Морин следы страха и боли. От носа к уголкам рта пробежали две резкие линии, которых раньше не было. Казалось, что Морин слегка сдвинула брови, потому что над ее носом пролегла складка, придававшая лицу непривычно строгое и одновременно страдальческое выражение. Фрэнсис никогда раньше не видела свою мать такой. Морин всегда была для нее воплощением радости и веселого нрава. Ее лицо всегда сияло. Она часто чему-то улыбалась или тихонько напевала. Даже если ругалась со своими детьми, что случалось достаточно редко, она не могла сердиться на полном

серьезе. Поэтому дети никогда не воспринимали всерьез ее упреки; да и как это возможно, если человек при этом тебе подмигивает?

Но сейчас…

Фрэнсис подумала: «Как она, должно быть, страдала! Что сделала смерть с ее лицом!»

— Мама, — прошептала она.

Виктория дрожала всем телом.

— В конце мы уже думали, чтобы все скорее закончилось, — сказала она, беззвучно всхлипывая. Было ощущение, что сестра хочет плакать, но у нее больше нет на это сил. — Было страшно. В какой-то момент она уже не могла кричать. Только постанывала, как гибнущий маленький зверек…

Фрэнсис обошла кровать, опустилась перед Морин на колени и взяла ее руки. Они были ледяными.

— Мама… — Это прозвучало как мольба. Как будто была надежда, что Морин повернет голову, откроет глаза и увидит свою дочь.

— Схватки начались еще позавчера, — сообщила Виктория, — в субботу утром. Отец позвонил мне. «Мама чувствует себя хорошо, — сказал он, — она совершенно спокойна. В твоем присутствии нет необходимости. Акушерка уже здесь, и она сказала, что не будет никаких осложнений».

Никаких осложнений!.. А через шестьдесят часов мама умерла. И ее ребенок тоже.

— Я обрадовалась, что меня здесь не было, — продолжала, запинаясь, Виктория. — Я не была здесь с того момента… как узнала, что она беременна.

О да, конечно, в этом была вся Виктория! Вечное кружение вокруг собственных проблем. Она скорее оставит собственную мать на полгода одну, чем перешагнет через себя, возьмет себя в руки и смирится с тем, что не у нее, а у другой женщины родится ребенок.

Кожа у Морин приобрела желтоватый оттенок. Она выглядела значительно старше своих лет. Фрэнсис не могла оторвать от нее глаз. В ней постепенно распространялось ощущение ледяного холода, который пробирался из груди в каждый уголок ее тела, хотя в комнате было очень жарко, а она все еще не сняла пальто. Казалось, что ее шею обхватило стальное кольцо, которое все больше сжималось.

— Вчера утром мне позвонил отец и сказал, что я должна приехать. — Голос Виктории был хриплым от слез. — Мол, дела у мамы неважные, ребенок никак не вылезает. Вечером мы вызвали доктора. Он заключил, что у ребенка неправильное положение, но мама справится.

Фрэнсис отняла пальцы от холодных окоченевших рук матери и медленно встала. Ее взгляд скользил по комнате и наконец остановился на деревянных весах, на которых все они провели свой первый год жизни. Потом весы много лет стояли, пылясь, на чердаке. Теперь их принесли вниз, протерли и с радостью и нетерпением поставили в родительской спальне…

Она подошла ближе. Ее маленькая сестра лежала на кружевной подушке, прикрытая бледно-зеленым шерстяным одеялом. Головка была повернута немного вбок. Она выглядела не как новорожденный ребенок, а — странным образом — как старая женщина, которая уже многое пережила в жизни. Ее кожа имела тот же желтоватый оттенок, что и у матери. Темные, на удивление густые волосы были тщательно расчесаны. Кто-то — вероятно, Аделина — привел ее тельце порядок. Но и здесь на маленьком личике отпечаталось выражение боли. Как и Морин, несчастное дитя несколько дней отчаянно боролось за свою жизнь — и вот она, печать этой борьбы…

«Маленький ангел», — подумала Фрэнсис. Она пыталась понять свои чувства к этому крошечному существу, которое было ее сестрой; но среди всего этого холода и пустоты, охвативших ее, она ничего не смогла ощутить.

— Как ее зовут? — спросила Фрэнсис.

Виктория растерянно посмотрела на нее.

— Что?

— Ребенка. Ведь родители наверняка выбрали какое-то имя.

— Да. Если б был мальчик, его назвали бы Чарльзом, как отца. А девочку — Кэтрин.

— Кэтрин, — медленно повторила Фрэнсис. Внезапно у нее закружилась голова; она подбежала к окну, распахнула его и перевесилась через подоконник в холодный вечер, глубоко дыша.

— Боже мой, — простонала она, — да здесь можно задохнуться!

Головокружение вскоре прошло. Фрэнсис обернулась.

— Тебе не пришло в голову открыть здесь окно? — набросилась она на Викторию.

Та вздрогнула. Она выглядела такой растерянной, что Фрэнсис пожалела о своей несдержанности.

— Извини. Я… — Она вытерла лоб, на котором выступили капельки пота. — Это такой шок… — Ее голос оборвался. Она с трудом подавила в себе слезы. Если сейчас расплакаться, это будет продолжаться не один день. — Я пойду вниз, посмотрю, как там Джордж.

— Джордж?!

— Я привезла его. Мы с Элис забрали его из лазарета во Франции.

— Джордж здесь! — На лице Виктории отразилось облегчение. По ней было видно, что она ждет от своего старшего брата утешения и помощи — того, что она не надеялась получить от сестры с ее раздраженным жестким голосом и холодными глазами.

Но Фрэнсис разрушила этот лучик света во тьме.

— Джордж очень болен. Его ни в коем случае нельзя ничем обременять, ты слышишь? Он ничем не сможет помочь, он сам нуждается в помощи!

— Что с ним? — спросила Виктория, широко раскрыв глаза.

— Джордж получил серьезную психологическую травму, — объяснила Фрэнсис, а потом стала описывать все, что означали два года фронта со всем его ужасом. Вскоре она остановилась. На милом кукольном личике Виктории появились испуг и непонимание. В ее защищенном мире, состоявшем из прогулок в парк Дейлвью, из долгих вечеров за книгой у камина и из периодических визитов других женщин, чьи мужья служили во Франции, не было места для представления о том, что такое война.

Ближе всего Виктория соприкоснулась с войной, когда в Лондоне принимала участие во встречах патриотических дамских обществ, в которых вязали чулки для участников войны и сматывали перевязочный материал. Кто-то при этом играл на фортепиано, подавались кофе и печенье, а приятная беседа поддерживалась последними сплетнями.

«Как она может это понять, — с презрением подумала Фрэнсис. — Она ведь ничего не испытала. Совсем ничего!»

Комната наполнилась влажным холодным воздухом. Виктория зябко обхватила себя обеими руками.

— Это страшно, — посетовала она. — Почему все это обрушилось на нашу семью? А Джордж… он не совсем в себе?

— Он полностью погружен в свои мысли. Ему требуется сейчас очень много любви, покоя и понимания. — Поймет ли он вообще, что умерла его мать?

Фрэнсис сделала над собой усилие. Она не могла вечно стоять здесь и смотреть на Морин. Нужно проверить, как там Джордж и отец.

— Ты останешься здесь на ночь, Виктория? — спросила она.

Сестра кивнула.

— Я бы хотела остаться с мамой.

Фрэнсис издала злобный звук.

— Это ведь никому ничего не даст. Ложись лучше в постель. Ты выглядишь совершенно серой от переутомления!

— Я хочу быть с мамой, и я это сделаю, — возразила Виктория непривычно резко. Фрэнсис еще никогда ее такой не видела.

Неожиданно для самой себя она сказала:

— Как хочешь, — и вышла из комнаты.

Джорджа внизу уже не было. Фрэнсис огляделась. Вдруг в дверь кухни просунулась голова Аделины.

— Мистер Джордж здесь, у меня, мисс Фрэнсис, — сказала она. — Я варю ему прекрасный горячий суп. От бедняжки остались лишь кожа да кости.

— Спасибо, Аделина. — Фрэнсис почувствовала себя немного спокойнее благодаря простому и такому привычному присутствию Аделины. — Отец все еще в гостиной?

— Да. Доктор тоже там.

Фрэнсис постучала в дверь гостиной и вошла.

Оба мужчины стояли посередине комнаты. Доктор обернулся к Фрэнсис. Это был пожилой мужчина с морщинистым лицом и приветливыми глазами.

— О, мисс Грей! Я очень сожалею о том, что случилось с Морин и младенцем…

Она его совсем не замечала. Ее взгляд искал только отца. Серый костюм, часы на цепочке, шелковый галстук — безупречен, как всегда. Плечи едва заметно сутулятся. Руки, лежащие на спинке кресла, слегка

дрожат. Лицо погасшее. Фрэнсис напугала безмолвная мука в его глазах.

— Отец! — воскликнула она беспомощно.

Они похоронили Морин за три дня до Рождества на небольшом идиллическом кладбище Дейл-Ли, где умершие покоились в тени старых деревьев с раскидистыми ветвями. Летом здесь росла высокая трава и папоротник; маленьким ручейком журчал источник реки Ур; из мха, который образовался в трещинах ломкой кладбищенской стены, росли лиловые цветы. Здесь всегда создавалось ощущение, будто бредешь по запущенному романтическому саду, отрешившись от гнетущих мыслей, которые обычно вызывает подобное место.

Но в этот декабрьский день в голых ветвях деревьев свистел холодный ветер, серые облака висели низко над землей, окутывая холмы. Тонкий слой снега опять исчез, обнажив примятую, размякшую траву. Темные и мрачные надгробные камни возвышались над голыми могилами, на которых не было цветов. Несколько ворон с криком слетели с деревьев, когда приблизилась траурная процессия. Шел мелкий моросящий дождь, холодная влага которого постепенно пронизывала каждого до костей.

Морин и ее ребенка похоронили рядом с Кейт, в углу кладбища, который был отведен для граждан католической веры, и где, кроме могилы Кейт, была еще только одна могила. Для Кэтрин англиканский священник совершил заупокойную мессу, но тем не менее она была погребена вместе со своей матерью-католичкой; никому не пришло бы в голову похоронить их отдельно. Фрэнсис удалось пригласить католического священника; он ехал из Ричмонда и был в дурном расположении духа, потому что его автомобиль по дороге увяз в грязи и рядом не было никого, кто мог бы помочь ему вытащить машину.

Для Фрэнсис это было похоже на кошмарный сон — стоять на том самом месте, которое было ей знакомо с детства и которое она всегда любила за его уединенность, и видеть, как в землю опускается гроб, упокоивший ее мать. Ей хотелось на кого-нибудь опереться, но отец, разумеется, взял под руку Викторию, и они прошли вперед. А для Фрэнсис оставался только Джордж, который в этот день был беспомощным и растерянным, как старик. Он стоял, сгорбившись, и опирался на руку Фрэнсис, а она то и дело озабоченно смотрела на

него сбоку. Понимал ли он, что происходит? Его взгляд, как обычно, блуждал где-то вдали.

Виктория все время рыдала и дрожала как осиновый лист. Она опять превосходно выглядела: на ней было меховое пальто до щиколоток, на голове — небольшая черная меховая шапка, а на руках — тонкие кожаные перчатки. Единственным украшением была однорядная нитка жемчуга. Ее нежное лицо все еще оставалось миловидным, несмотря на то что оно распухло от слез. Казалось, ничто на свете не могло уменьшить ее очарования. Фрэнсис вполне могла представить, что ее вид вызывает у мужчин инстинкт покровителя и чувство нежности. Ей было стыдно, что она смотрит на свою сестру со злостью и ревностью даже в такой момент, как этот. Они потеряли Морин. В ее мыслях сейчас не должно быть ничего дурного.

Собрались почти все жители деревни, чтобы проводить Морин в последний путь. Молодых мужчин почти не было — еще одно горькое напоминание о войне.

Многие женщины плакали.

— Она была такой очаровательной, такой приветливой, — сказала одна из них Фрэнсис. — Всегда находила для каждого доброе слово… Лучшие почему-то всегда уходят так рано!

И так нелепо, подумала Фрэнсис. Морин была здоровой, крепкой женщиной. Она как минимум прожила бы такую же долгую жизнь, как Кейт. Если б не ребенок…

Фрэнсис посмотрела на отца, на его серое, окаменевшее лицо. Впервые ей в голову пришла мысль о том, что, возможно, его мучает сильное раскаяние. Ребенок не планировался. Его оплошность была не меньшей, чем Морин. В конечном счете он виновен в ее смерти.

Поздним вечером все гости, присутствовавшие на похоронах, наконец ушли, и над Уэстхиллом опять повисла тишина. Виктория сидела в кухне у Аделины и беспрерывно плакала. Джордж наверху, в своей комнате, гладил Молли. Фрэнсис вместе с Чарльзом проводила последних гостей, и они вернулись в гостиную. Ради отца Фрэнсис до сих пор старалась держать себя в руках, но ей надо было как-то отвлечься от причинявших боль мыслей. Она налила себе большой стакан виски и зажгла сигарету.

— В день, когда мы предали твою маму земле… — сказал Чарльз неодобрительно.

— Это поможет, отец. Выпей глоток.

Чарльз покачал головой:

— Нет, я не хочу.

Он тяжело опустился в кресло, в котором сидел вечерами, напротив кресла Морин. Фрэнсис помнила их беседы, их смех, их влюбленные взгляды…

Она быстро опрокинула в себя виски — иначе разразилась бы слезами, а это было бы похоже на прорыв дамбы. Тут же повторно наполнила стакан. Тепло расползлось по всем ее членам, приятно согревая ее тело. В желудке на какой-то момент возникло напряжение; она почти ничего не ела, и ее внутренние органы взбунтовались из-за грубой атаки в виде крепкого алкоголя. Но это быстро прошло, и осталось лишь ощущение расслабленности. Все стало менее жестким, контуры утратили четкие границы.

— Если ничего не хочешь выпить, отец, то, может быть, ты пойдешь и ляжешь? — сказала она. — Сегодня был тяжелый день, а в последние ночи ты вообще не спал. — Она слышала, как он часами ходил в своей комнате. — Ты выглядишь очень уставшим.

— Все равно не усну, — возразил Чарльз.

Он провел рукой по лицу. Фрэнсис подошла к нему. Она не решилась сесть в кресло матери и продолжала стоять. Протянула руку и слегка тронула плечо отца, почувствовав, какими твердыми и напряженными были его мышцы.

— Плохо, что ты до сих пор спишь в комнате, где… она умерла, — сказала она мягко. — Ты можешь пойти в мою комнату. А я переберусь к Виктории — она все равно вернется в Дейлвью.

— Я останусь в комнате, которую почти тридцать лет делил с Морин, — ответил Чарльз, и его упрямое выражение лица не оставляло никаких сомнений в том, что его невозможно в этом переубедить.

— Как хочешь. Это просто предложение… Отец, надо поговорить о Рождестве.

— О Рождестве? Ты хочешь поговорить о Рождестве?

— Из-за Джорджа. — Фрэнсис пододвинула обтянутую бархатом скамеечку для ног и села на нее. — У него не всё в порядке. Он

пережил нечто страшное. И должен сейчас почувствовать, что вернулся домой. Ради него нам надо собраться всем вместе. Ты понимаешь?

По его глазам она поняла, что сейчас его все это вообще не интересует.

«Джордж — твой сын, — подумала она со злостью, — он не должен сейчас замыкаться в себе».

— Речь не идет о каком-то веселом празднике. Это совершенно исключено. Но нам надо сделать индейку и украсить дом. Мама… она очень этого хотела бы.

— Делай все, что считаешь нужным, — сказал Чарльз.

Фрэнсис подавила в себе вздох. Виктория, продолжающая беспрерывно рыдать. И Чарльз, который, словно старый больной человек, сидит в кресле, проявляя полное равнодушие. Как Джордж мог здесь поправиться?

Некоторое время оба они молчали. Во всем доме не было слышно ни звука, лишь негромкое потрескивание поленьев в камине нарушало тишину. Фрэнсис не могла вспомнить, когда в Уэстхилле было так тихо. Лаяла собака, Морин все время что-то напевала, Чарльз без конца рассуждал о политике, Виктория бегала вверх и вниз по лестнице, Джордж то и дело заглядывал в кухню, пытаясь выманить у Аделины что-то съедобное, та ругалась, а бабушка Кейт, которая таинственным образом была в курсе всего, что происходило вокруг, присоединялась к Аделине. Где-то хлопала дверь, кто-то спотыкался о лежащие на полу предметы… Дом был полон голосов, смеха, а иногда и серьезных ссор.

Эта могильная тишина, которая теперь царила в доме, была противоестественной. Она не соответствовала тому, что здесь всегда происходило, была тяжелой и давящей. У Фрэнсис опять возникла потребность вскочить и распахнуть окно, но она сдержала себя. Возможно, это не понравилось бы отцу.

— Она была моей жизнью, — неожиданно сказал Чарльз. Это прозвучало так искренне, что Фрэнсис вздрогнула. — Она была моей жизнью, — повторил он тихо. — А теперь все кончено.

В желудке Фрэнсис опять возник спазм, но на сей раз дело было не в алкоголе.

— Не все кончено, — сказала она. — Ты не один. У тебя есть мы. Виктория, Джордж и я. Мы тоже часть тебя и твоей жизни.

Боль сделала отца бесчувственным.

— Вы — не часть моей жизни, — сказал он, — вы идете своей дорогой.

— Это вполне естественно. Но мы принадлежим друг другу.

Он ничего на это не возразил, но его молчание говорило больше, чем слова.

Фрэнсис подалась вперед.

— Отец, если ты не можешь простить мне то, что я была в тюрьме и что тебе пришлось меня вызволять, то я уже ничего не смогу изменить. И уж точно не буду просить тебя о прощении. Но для твоего же блага тебе не следует сейчас отвергать своих детей. И ты должен простить Джорджа — если ты все еще думаешь, что он совершил такую ошибку, сделав выбор в пользу Элис. Он сражался за нашу страну. В том числе и за тебя. Он заслужил, чтобы ты принял его с распростертыми объятиями.

— Я ничего о нем не знаю.

— А ты хочешь что-то о нем знать?

— Нет.

Фрэнсис порывисто встала.

— А я много знаю о нем, — сказала она резким голосом. — Я была там, во Франции. В лазарете, где лежал Джордж. Сразу за линией фронта. Я узнала, что такое война, в непосредственной близости, и иногда задаюсь вопросом — как может человек продолжать жить после этого ада. Мужчины гибли там как мухи. Умирали на руках врачей. Кричали и стонали, истекая кровью. Некоторые умоляли, чтобы их пристрелили. Кто-то терял рассудок. Я это видела. Я знаю, о чем говорю.

Она сделала паузу. Лицо Чарльза оставалось неподвижным.

— Джорджу нужна твоя помощь, — настойчиво продолжала Фрэнсис, — он больной человек. Если ты сейчас дашь ему понять, что он один, то, возможно, Джордж никогда не поправится.

Все время, пока она говорила, отец смотрел мимо нее. И только сейчас он поднял на нее глаза.

— Речь идет не о прощении, а о том, что у меня нет сил о ком-то заботиться. Мне самому нужен кто-то, на кого я мог бы опереться. —

Он поднялся с кресла, подошел к окну и стал всматриваться в темноту. Затем пробормотал: — Как хорошо, что у меня есть Виктория. Она — моя опора.

У Фрэнсис перехватило дыхание. Неужели он сказал это всерьез? Кукла, которая все время причитает и уже несколько дней беспрерывно скулит? Как, интересно, она может быть опорой?

— Виктория? — переспросила она скептически. Но Чарльз, похоже, не собирался вдаваться в объяснения; он молчал, продолжая всматриваться в ночь.

«Конечно, она всегда делала то, чего от нее ждали, — подумала Фрэнсис, — чего *он* от нее ждал. Она предсказуема для него, и поэтому отец чувствует себя с ней уверенно».

Она старалась подавить в себе злобу. Ей казалось неправильным в день похорон Морин испытывать чувство ненависти к своей сестре. Но, без сомнения, это чувство было; оно родилось уже давно и не стало меньше — даже из-за вины, которая лежала на ней из-за ее аферы с Джоном.

Фрэнсис допила оставшийся виски, сопротивляясь искушению налить себе третий стакан. Если б она, уходя из комнаты, не смогла бы сохранить уверенную походку, это только укрепило бы ее отца в его негативном мнении о ней.

«Дорогая маленькая Вики наверняка еще никогда не была пьяной», — подумала она с горечью.

— В любом случае, — сказала Фрэнсис, — Джордж должен пока остаться здесь. Нет другого места, куда можно было бы его отправить. А он в данный момент не может сам о себе заботиться. Ты согласен?

— С чем?

— С тем, чтобы он остался здесь, — повторила Фрэнсис слегка дрожащим голосом.

Чарльз пожал плечами:

— Пока дела идут по-прежнему, он может остаться. И ты тоже. Вы мне не мешаете.

— Что значит «пока дела идут по-прежнему»?

— Пока Уэстхилл принадлежит нам. Я не знаю, сколько еще это продлится.

— *Что?*

— Дела обстоят неважно. Многие из наших арендаторов на войне. Овцы болеют. Много животных погибло. Большинство арендаторов бросили всё и уехали.

— Насколько все плохо? — спросила Фрэнсис с тревогой. Она едва могла в это поверить. Отец говорил так, будто речь шла о чем-то незначительном. При этом на кону стояло *все*.

— Не знаю точно. Но у нас теперь есть проблемы с деньгами.

— И что ты намерен делать?

Отец посмотрел на нее так, будто она была чужим человеком, который вообще ничего не понимает.

— Ничего, — ответил он, — я ничего не собираюсь делать. Не хочу ничего делать.

Тяжелыми шагами прошел мимо нее и вышел из комнаты.

Фрэнсис растерянно смотрела ему вслед, потом упала в кресло. Чарльз настолько неожиданно и с таким равнодушием сообщил ей новость о том, что Уэстхилл находится в серьезном положении, что было ощущение, будто он сказал, что на Рождество ожидается дождь. Казалось, ему было совершенно безразлично, что со всеми ними будет, и у нее возникло мрачное предчувствие, что ничего не изменится.

Отец не впал в то преходящее безропотное смирение, которое исчезает по мере того, как стихает боль. Он никогда не найдет успокоения, никогда больше не обретет новые силы. Фрэнсис призналась себе в эти минуты, в этой наполненной тишиной комнате перед камином: у ее отца вообще больше не осталось сил, и он больше не сможет их восстановить. У него их просто никогда не было. Он был слабым человеком, а тот совсем незначительный ресурс, который дала ему природа, израсходовал, когда разорвал отношения с семьей ради женитьбы на Морин. Это ему удалось также и потому, что красивая, своенравная девушка из Ирландии, которую никто и ничто не могло сломить, явилась для него большей опорой, чем его собственная семья.

Чарльзу нужен был человек, который взял бы его за руку и повел. Если кто-то нарушал с трудом достигнутое равновесие, как это сделали Джордж и Фрэнсис, он отстранялся и делал все, чтобы этого не случилось во второй раз. Если он сказал, что Морин была его жизнью, то это было именно так. Чарльз жил только благодаря ей.

Теперь, когда ее не стало, он тоже потерял смысл в жизни.

Июль 1919 года

Розовые и желтые розы вились по каменным стенам небольшого коттеджа. Между ними пробивалась вика. Как синий сапфир, переливался на солнце дельфиниум. В высокой пенистой траве сада затерялся одинокий ярко-красный дикий мак. На корявой, покосившейся яблоне, которая разрослась, несмотря на сопротивление морским ветрам и штормам, краснели яблоки. По стене, окружавшей имение, бродила черно-белая кошка. У подножия скал, которые примыкали к саду с другой стороны, сверкало светло-бирюзовое море, испещренное белыми пенными гребнями. Бухта в Стейнтендейле блестела в этот день под лучами яркого солнца. Широкая равнина между Скарборо и Норт-Йорк-Мурс, обычно мрачная из-за своей скудной растительности и уединенности, на сей раз казалась ласковой и цветущей под синим безоблачным небом.

Трудно сказать, какого возраста был мужчина, вышедший из коттеджа и зажмурившийся от яркого солнца. Его волосы были седыми, отросшими и довольно растрепанными. Лицо покрывала такая же седая борода. Но загорелая кожа была гладкой, лишь вокруг глаз лежали небольшие складочки. Мужчине пришлось нагнуться, чтобы пройти через дверь. Он был высок, но не горбился, как это часто бывает с пожилыми людьми.

Мужчина смотрел на двух женщин, вместе несших корзину по садовой дорожке, по обеим сторонам которой росли незабудки. Он не улыбнулся, но и не выразил какого-то неудовольствия. Гости, похоже, ни обрадовали, ни разозлили его.

Вслед за мужчиной появилась собака. Она была уже довольно старой — ее нос поседел, а голубовато-белые с налетом зрачки свидетельствовали о том, что она едва может видеть. Но собака поняла, кто пришел, и радостно завиляла хвостом.

— Добрый день, Джордж, — сказала Фрэнсис. На ней было светлое летнее платье и соломенная шляпа. Платье было с рисунком из голубых цветов, которые придавали ее глазам немного тепла и цвета. — Мы приехали позже, чем думали, извини. Прокололи шину,

сразу за Скарборо. К счастью, мимо проходили два парня, и они нам помогли.

— Я все равно не слежу за временем, — сказал Джордж, взял корзину и поставил ее рядом с собой на землю. — Она становится все тяжелее, — констатировал он.

Элис смахнула влажные волосы со лба.

— Господи, как же жарко сегодня! Здесь, наверху, никакого ветра… У тебя есть что-нибудь попить?

— Подождите, — сказал Джордж и исчез в доме.

Элис села в траву, облокотившись на ствол яблони. Она выглядела уставшей и бледной. На ее лице блестел пот.

— Я думала, сегодня мы вообще останемся на этой сельской дороге, — пробормотала она.

Фрэнсис посмотрела на Элис со смешанным чувством раздражения и сочувствия. Элис часто ныла. Ей всегда было слишком жарко или слишком холодно, слишком ветрено или слишком душно, слишком темно или слишком светло. Она также постоянно страдала от непонятных болезней, которые ни она, ни кто-либо еще не мог правильно определить. Часто жаловалась на боли в желудке, потом у нее кололо в сердце или возникала мигрень. Всякий раз, когда Фрэнсис вспоминала о крепкой, энергичной женщине, с которой познакомилась девять лет тому назад, она едва могла это понять. Да, пребывание в тюрьме истощило Элис. Остальное было вызвано распадом женского движения, необходимостью признать, что идея была раздавлена событиями того времени и зашла в тупик.

Тот факт, что после окончания войны за женщинами признали избирательное право, уже не мог обрадовать Элис; она была слишком ожесточена. Ограничение, заключавшееся в том, что избирателями могли быть только женщины, достигшие тридцати лет, раньше заставило бы ее выйти на баррикады. Вместо этого она восприняла новость с безропотным смирением.

«Элис просто не может успокоиться, что теперь не живет в Лондоне, — подумала Фрэнсис, — она жительница Лондона до мозга костей. Жизнь здесь, наверху, вызывает у нее все более депрессивное настроение».

Вот уже полтора года каждое воскресенье протекало по одному и тому же сценарию: Фрэнсис садилась в свой автомобиль и ехала через

все графство до Скарборо на восточном побережье, чтобы забрать Элис, которая жила там в убогом отеле. Та всегда ждала ее, стоя на улице в одном из своих старомодных платьев до щиколотки и с бледным лицом. И тут же начинала жаловаться на многочисленные неприятности, с которыми ей приходилось здесь бороться: прежде всего — ее здоровье, потом еще люди в отеле с их любопытством и враждебностью, и бесконечная денежная проблема… Кроме того, ее постель была слишком жесткой, никто не мог здесь печь приличный хлеб, ну а местный диалект — это уже слишком…

Фрэнсис с трудом сдерживалась, чтобы не осадить ее и не потребовать хоть *немного* помолчать или рассказать что-нибудь *приятное*. Потом опять думала о том, что это неудивительно: у каждого поехала бы крыша при такой жизни, какую вела Элис. Она сидела в этом ужасном отеле в приморском городе, который не любила, в той области Англии, к которой не имела никакого отношения и климат которой ненавидела. С утра до вечера ей было нечем заняться. Элис расходовала остаток средств из своего наследства на оплату комнаты и скудное пропитание. У нее ни с кем не было никаких контактов. В своей строгой, непринужденной манере она презирала каждую женщину, которая не участвовала в «борьбе», а в Скарборо не было никого, кто был бы этим увлечен. Она читала горы книг, которые брала в библиотеке. В отеле часто вырубался свет, поэтому Элис на протяжении долгих, темных зимних месяцев сидела при свете свечи, напрягая глаза. Летом жизнь становилась проще, но она никогда не была богата событиями.

Женщина, которая любила дискуссии, страстный и бескомпромиссный борец, теперь целыми днями проводила в молчании и жила жизнью, ни в малейшей степени не соответствовавшей ее натуре.

Все это продолжалось с января 1918 года, когда Джордж переехал в Стейнтендейл у подножия Норт-Йорк-Мурс, чтобы жить в полном уединении.

Джордж показался в дверях, держа в каждой руке по стаканчику с водой, и протянул их Фрэнсис и Элис.

— Вот. Если захотите, я принесу еще.

Обе женщины с удовольствием утолили жажду.

— В такую погоду здесь замечательно, — сказала Фрэнсис, глядя на море. Отсюда, сверху, оно казалось мирным и гладким, но она знала, что его волны с силой бьются о крутой берег. — Каждый раз, когда бываю здесь, я вспоминаю наши каникулы в Скарборо. Ты помнишь?

— Да, — ответил Джордж, но в его голосе не было ни радости, ни тоски. Его здоровье с военного лета 1916 года улучшилось лишь в одном — теперь он опять был в состоянии вести беседы. Правда, его речь была односложной, и он никогда не был инициатором разговора, но отвечал, если его о чем-то спрашивали, и не погружался больше в безбрежное молчание, которым раньше разрушал любую попытку сблизиться с ним.

Однако его безразличие никуда не делось. Тот панцирь, который защищал его от внешнего мира, дал трещины, но не разбился. Единственное существо, пробуждавшее в Джордже настоящие чувства, была старая собака Молли. Тот, кто видел, как он ее гладил и тихо с ней говорил, отмечал вновь вернувшуюся к нему жизненную силу, некогда свойственную этому молодому человеку. Ведь он все еще оставался молодым человеком — ему не было еще и тридцати.

— Отцу, кажется, наконец стало получше, — продолжала Фрэнсис, — он обрел внутреннее равновесие. Теплая погода идет ему на пользу.

— Я рад это слышать, — сказал Джордж вежливо. — Хочешь еще воды?

— Спасибо, пока нет. — Она видела, что взгляд брата остановился на ее сильно загоревших, потрескавшихся руках, и чуть покраснела. — У меня были более ухоженные руки, я знаю. Но — много работы… Если я не буду принимать в ней участие, то мы не сможем содержать ферму.

— О… я не обратил внимания на твои руки, — ответил Джордж рассеянно. — А что ты вообще имела в виду?

— Ничего. Всё в порядке.

— Как твои картины, Джордж? — подхватила разговор Элис.

Он пожал плечами:

— Сейчас очень яркий свет. Не годится для работы.

— Но ты еще рисуешь?

— Да.

— Ты что-нибудь продал в последнее время? — спросила Фрэнсис.

Джордж покачал головой.

— Уже давно ничего.

Ему, похоже, это было безразлично. Фрэнсис знала, что он не прилагает никаких особых усилий, чтобы продать свои картины или просто обратить на них чье-то внимание. Тем не менее иногда тот или иной заинтересованный путник находил дорогу к его коттеджу, расположенному в полном уединении на широкой, голой равнине, высоко над морем. В деревнях на восточном побережье распространились слухи о том, что есть здесь некий отшельник, который пишет картины.

— У него не всё в порядке с головой, — говорили люди, когда рассказывали о нем, и при этом стучали пальцем себе по лбу, — но он совершенно безобидный. Война доконала этого бедного парня. Сейчас он разговаривает только со своей собакой и рисует странные картины.

Фрэнсис пару раз слышала фразы подобного рода, и у нее при этом возникало чувство, будто ей разрезают сердце. Все-таки тот, о ком они говорили, был ее братом, тем самым Джорджем, который утешал своих сестер, если они плакали, который ремонтировал им их кукол и провожал их на сельские праздники и балы. Это был тот самый Джордж, который с блестящими оценками окончил Итон.

А теперь… Молодой человек смотрел на нее усталыми глазами. Их жизнь не выполнила ни одного из своих обещаний. Но, может быть, она ничего и не обещала… Привыкнув к той безмятежности, в которой их семья жила столько лет, Фрэнсис заключила, что и в дальнейшем жизнь будет такой же неизменной и ровной. Сегодня она поняла: то, что считалось надежным, никогда таковым не было. Все было очень просто — надежность вообще не существовала! Все могло рухнуть само по себе — даже то, что виделось прочным как скала. И оставалась только борьба за выживание, за саму себя и за тех, кто не мог больше бороться самостоятельно.

— В корзине много продуктов, Джордж, — сказала Фрэнсис, — их не следует оставлять здесь, на солнце. Отнеси их в кладовку.

Он послушно взял корзину. Элис поднялась с травы.

— Я помогу тебе. — И бросила на Фрэнсис взгляд, говоривший о том, что она на какое-то время хочет остаться с Джорджем наедине.

После того как они исчезли в доме, Фрэнсис отправилась в сад. Она вспомнила родное поместье — каким был тамошний сад, пока была жива мама! За это время он заметно зарос, так как ни у кого не было времени за ним ухаживать. Но здешний сад был ухожен со всей любовью и заботой. Сколько цветов посадил Джордж! Они цвели беспорядочным, пестрым ковром. В ветвях фруктовых деревьев жужжали пчелы. Кошка, которая до этого гуляла по стене, свернулась на деревянной скамье, сонно открыв один глаз, когда подошла Фрэнсис, и снова его закрыла. Она жила у кого-то в деревне, вспомнила Фрэнсис, и каждый день приходила сюда. Животные любили Джорджа и с удовольствием находились рядом с ним. Да и брат совершенно определенно предпочитал животных людям. В их присутствии он, кажется, на время забывал многое из того, что его обычно преследовало и мучило.

По крайней мере, это хороший знак, что он создал здесь маленький рай, подумала Фрэнсис.

Воспоминание о цветах и деревьях в его саду было утешением для нее каждый раз, когда она в очередной раз, испуганная до глубины души, стояла перед новой картиной, написанной им.

Джордж начал рисовать вскоре после своего возвращения из Франции, и Фрэнсис поддержала и воодушевила его, купив мольберт, краски и холст. Когда рисование стало положительно сказываться на состоянии Джорджа, он стал делать это во имя Господа. Его картины всегда были одинаковыми: мрачные краски, лица, искаженные гримасами, огнедышащие чудовища, которые, казалось, вылезли прямо из преисподней… Картины излучали ненависть и насилие, в них ощущалось присутствие страшной смерти.

Фрэнсис едва могла представить, что происходило в душе ее брата, когда он рисовал такие картины. Но все-таки всегда надеялась, что однажды он нарисует цветок или птицу, а может быть, и лицо ребенка, которому мир еще не причинил никакого страдания. Поэтому она постоянно покупала ему краски и холст. Кроме того, каждое воскресенье привозила в корзине продукты для него и для Молли. И тайком оплачивала две трети арендной платы за коттедж. Она договорилась с владельцем, чтобы Джордж об этом ничего не знал. Ему, теперь оторванному от жизни, было совершенно невдомек, что

коттедж не может стоить той минимальной суммы, которую составляла его пенсия участника войны.

Фрэнсис, конечно, предпочла бы, чтобы Джордж остался в Уэстхилле, вблизи от нее и под ее присмотром; но он ни за что на свете не хотел этого, и в конце концов ей пришлось уступить. Это причинило ей боль, словно она отрывала от сердца любимое дитя.

Фрэнсис обернулась, услышав голоса, и посмотрела в сторону дома. Солнце уже сдвинулось дальше на запад; ей пришлось прищуриться и прикрыть сверху рукой глаза, чтобы что-то увидеть. Элис вышла из дома в сопровождении Джорджа. Фрэнсис сначала подумала, что она разговаривает с *ним*, но потом поняла, что Элис звала *ее*.

— Фрэнсис! Фрэнсис! Ты идешь?

Она подошла к ним. На лбу у Элис пролегла вертикальная складка. У нее был такой вид, будто ее мучает головная боль.

— Нам пора. Тебе ведь еще далеко добираться.

Фрэнсис, кивнув, легонько тронула Джорджа за плечо.

— Ты не возражаешь, если мы поедем? Или, может быть, ты хотел бы о чем-то поговорить?

Она знала ответ наперед.

— Нет, нет, спасибо большое, — ответил Джордж вежливо, — конечно, вы можете ехать.

Фрэнсис иногда думала о том, заметил бы он, если б они вообще больше не приезжали. У него тогда вряд ли было бы что-то поесть и не было бы красок для рисования… Может быть, он просто сел бы тогда в угол — и постепенно становился все меньше и меньше, пока однажды не исчез бы совсем.

— Увидимся в следующее воскресенье, — сказала она, и Джордж эхом откликнулся: «Да, в следующее воскресенье…»

Женщины вышли из сада. У калитки Фрэнсис еще раз оглянулась, но Джордж уже скрылся в доме. Одинокий, заколдованный цветущий сад стоял под лучами послеполуденного солнца.

Когда они сидели в машине и ехали по проселочной дороге, Элис неожиданно сказала:

— Я вернусь в Лондон. — Ее интонация не вызывала никаких сомнений в том, что это решение принято ею твердо.

Фрэнсис удивленно скосила на нее глаза.

— Ты уверена?

— Я только что еще раз разговаривала с Джорджем, — ответила Элис. — Все это не имеет смысла. Я для него чужой человек. Он не помнит ничего из того, что было раньше, или не хочет помнить. Я больше не верю в то, что что-то может измениться.

Фрэнсис тоже не верила.

— Он живет в своем собственном мире; это помогает ему уйти от воспоминаний.

— Иногда я спрашиваю себя, был бы у меня шанс, если б ты тогда с ним не уехала. Шанс пробиться к нему…

— Элис…

Было бессмысленно в сотый раз начинать этот разговор. Элис спорила, плакала и кричала. То, что она в один прекрасный момент бросила бороться, было вызвано ее нервным истощением и депрессией, в которой она жила годами. Та прежняя Элис — Фрэнсис это знала — выцарапала бы ей глаза и пустила бы в ход все средства, чтобы вернуть Джорджа в Лондон. Теперешняя Элис переехала в Северную Англию, чтобы быть рядом с ним, и примирилась со своей бывшей подругой, чтобы хоть что-то получить из того, что она давно потеряла: близость и расположение Джорджа.

Даже сейчас Элис ограничилась коротким замечанием, избегая дальнейших упреков и обвинений.

— Я хочу уехать как можно скорее, — сказала она.

— Тогда тебе придется опять искать квартиру.

— Я что-нибудь найду. На первых порах, наверное, смогу пристроиться у Хью Селли, а там уже что-то подыскивать.

Хью Селли, комендант…

— Я бы не стала этого делать, — предостерегла ее Фрэнсис. — Он сразу этим воспользуется. И не думай, что когда-нибудь он откажется от своих намерений.

Они остановились перед маленьким отелем в конце набережной в Скарборо. Грязные окна, поблекшие шторы, отслоившаяся голубая штукатурка. Несколько женщин, стоявшие и болтавшие у входа, прервали разговор и с нескрываемым любопытством стали пристально рассматривать автомобиль и его пассажиров.

— Да ладно… — проговорила Элис и уже хотела открыть дверь.

Фрэнсис задержала дыхание.

— Попробуй все же немного больше думать о себе, — попросила она. — Ты всегда была такой сильной… Ты ни в ком не нуждалась. Даже Джордж в течение многих лет тебе был не нужен.

Элис улыбнулась.

— Я знаю, Фрэнсис, что ты имеешь в виду. Что я несу заслуженное наказание. Когда Джордж за меня боролся, у меня в голове была сотня других вещей, более важных для меня на тот момент. А теперь, когда я чувствую себя у последней черты и брошенной всеми и когда нуждаюсь в нем, — его больше нет рядом. Если б он отвернулся от меня со злости или из-за уязвленной гордости, я смогла бы его вернуть. Я смогла бы все ему объяснить. Но он болен. Я могла бы сделать то, что хочу, — но никогда больше не смогу до него достучаться. Судьба может быть такой коварной, ты не находишь? Она готовит нам такие повороты, которые невозможно рассчитать.

— Да, — тихо сказала Фрэнсис, — иногда все действительно идет очень странно.

Они помолчали. Женщины у входа еще глазели на них.

— Если ты в следующее воскресенье опять поедешь к Джорджу, передавай ему от меня привет, — попросила Элис и вышла из машины.

— Конечно. И, Элис, — ты не должна себя недооценивать. Ты не всегда будешь чувствовать себя слабой и одинокой, ты опять встанешь на ноги. Сама. Не связывайся с недостойным человеком.

Элис кивнула. Фрэнсис посмотрела ей вслед — и лишь с трудом удержалась от желания показать глазеющим теткам язык.

Она услышала голос своей сестры еще у двери. Тот, как всегда, был жалобным и плаксивым. Уже некоторое время в нем слышалась резкая нотка, которой раньше не было и которая выдавала нервный надрыв и хроническое недовольство.

— Он обращается со мной хуже, чем с собакой. Ни одного дружеского слова, ни единого проявления нежности… И он так быстро раздражается… Иногда я по-настоящему начинаю его бояться.

— Но ведь он не применяет насилие? — спрашивал Чарльз, уставший, как всегда, но проявлявший озабоченность. Виктория была человеком, который все еще мог пробуждать в нем сильные эмоции.

— Нет, до этого не дошло, — подтвердила Виктория и через некоторое время важно добавила: — Пока не дошло.

Фрэнсис, стоя в прихожей, презрительно скривила рот.

Ох уж это вечное истеричное жеманство ее сестры! В последние годы она превратилась в женщину, постоянно ищущую сочувствия. Ее проблемы в браке были прекрасным поводом для того, чтобы повсюду вызывать жалость к себе, и, по мнению Фрэнсис, она слишком перегибала палку.

Как будто Джон действительно мог поднять на нее руку! Она действовала ему на нервы, и только, и он просто прибегал к грубому поведению, чтобы держать ее на расстоянии. Но это было бесполезно. Чем холоднее он с ней обращался, тем больше она к нему липла — и без конца ревела.

— Хорошо, дорогая, чем я могу тебе помочь? — воскликнул Чарльз.

Теперь настала его очередь выслушивать ее причитания. Фрэнсис почувствовала в его голосе печаль, и в ней опять закипела злоба.

Спустя два с половиной года после смерти Морин Чарльз отчасти вновь обрел внутреннее равновесие, но, разумеется, не стал прежним и не обрел вновь душевный комфорт. А теперь еще и Виктория со своими причитаниями осложняла его жизнь… Она была просто не в состоянии сама справиться со своими проблемами, а отец — слабый и неспособный подвергать ее даже малейшей критике — был самым подходящим человеком для ее исповедей. Она часами могла жаловаться ему, и при этом он никогда не терял терпения. Это же его Вики, его любимица!

У Фрэнсис, которая, рассчитывая только на себя, попыталась привести ферму в порядок, при этом оградив отца от всех проблем, иногда возникало желание схватить Викторию и влепить ей пощечину. Это *ей* пришлось взять на себя самые тяжелые заботы. Виктория не имела никакого понятия о том, сколько раз за последние месяцы они находились на грани выживания.

«Если б у нее были мои проблемы, она уже давно сломалась бы, маленькая глупая гусыня», — думала со злостью Фрэнсис.

— Эх, *никто* не может мне помочь, отец, это самое ужасное, — сказала Виктория. — Джон так сильно изменился с тех пор, как вернулся с войны… Я его просто не узнаю.

— Это произошло со многими мужчинами. Возьми, например, Джорджа.

— Джордж, по крайней мере, неагрессивен. Он от всего отстранился, но никогда не говорит ничего неприятного.

«И ты считаешь, что это лучше? — подумала с насмешкой Фрэнсис. — Хотела бы я знать, как бы ты отреагировала, если б Джон сидел в какой-нибудь халупе и рисовал, и совсем о тебе не заботился бы. Ты бы сетовала еще больше, чем сейчас!»

— Может быть, ему просто необходимо какое-то время, — предположил Чарльз.

— Сколько же еще нужно времени? — взволнованно спросила Виктория. — Скоро уж год, как закончилась война. Он вернулся домой победителем. Что мешает ему снова начать свою прежнюю жизнь? Он ведь мог бы вернуться в политику. Но нет, он этого больше не хочет. Черт возьми…

— Вики… — мягко остановил ее Чарльз.

— Ты знаешь, что я иногда думаю, отец? Как бы абсурдно это ни звучало, Джону не хватает войны. Такое ощущение, что он горит тем, чтобы еще раз там себя проявить. Он такой беспокойный… Он не может обрести свой собственный мир, хотя мир уже везде и давно.

Это описание состояния Джона показалось Фрэнсис, на цыпочках прокравшейся по коридору к двери, чтобы лучше слышать разговор, на удивление точным. На удивление — потому что оно исходило от Виктории, которая обычно мало понимала, что происходит в других людях.

— Если б он потерял на войне ногу или руку, — продолжала Виктория, — я решила бы, что он враждует со всем миром. А так… мы могли бы жить нормальной жизнью!

— Он был когда-то очень приятным юношей, — сказал Чарльз.

Голос Виктории стал еще более резким.

— Был! Был! Иногда я думаю, что жизнь состоит только из «когда-то был». Когда-то все было хорошо. До войны. Когда еще была жива мама. Когда все мы были вместе, когда жизнь была мирной и безмятежной…

«Она не может взять себя в руки, — с раздражением подумала Фрэнсис. — Разве она не понимает, что это и его *раны* тоже?»

— Я это хорошо помню, — печально сказал Чарльз.

— Джон был самым нежным, самым внимательным мужем, о котором только можно было мечтать. Жизнь с ним была такой

чудесной… Я никогда не забуду нашу свадьбу. Самый прекрасный день в моей жизни! У меня были такие мечты…

Ее голос встревоженно дрогнул. Фрэнсис представила себе беспомощное лицо отца. Что можно сделать с дочерью, которая все время плачет? Конечно, это разрывает ему сердце. Его маленькая Виктория, его любимица…

— Я хотела, чтобы у нас были дети. Настоящая семья. Я так этого хотела… — Она-таки заплакала. — Все бы отдала, отец, чтобы у нас был ребенок!

— Ты еще молода, — сказал Чарльз, ощущая явную неловкость; в его понимании это была не та тема, которую должны обсуждать отец и дочь. — Еще есть время. Однажды у тебя будет ребенок.

— Каким образом? — Это прозвучало резко, почти истерично. — Откуда у меня может быть ребенок, если Джон… с тех пор как он вернулся из Франции, он… он ни разу со мной… вообще не прикасается ко мне!

Фрэнсис слышала, как Чарльз встал и стал ходить по комнате.

— Боже мой, Вики! Это не то, что… Ты не должна со мной это обсуждать. Об этом ты должна говорить со своим мужем.

— Я и пыталась. Почти каждый день. Но он избегает этих разговоров и постоянно злится, если я их начинаю. Говорит, я должна оставить его в покое.

— Если б была жива твоя мать… она наверняка смогла бы дать тебе совет.

— Я просто не знаю, что делать. Он меня больше не любит. Я это чувствую. Все, что он когда-то испытывал ко мне, угасло.

— Может быть, тебе стоит поговорить об этом с Фрэнсис? — предложил Чарльз, с совершенно явным намерением как можно скорее отодвинуть от себя эту проблему. — Она, как женщина, наверняка сможет тебе…

Виктория нехорошо рассмеялась. Ее слезы вмиг иссякли.

— Как женщина!.. Отец, что ты говоришь? Как раз Фрэнсис вообще не имеет никакого представления о таких вещах. Кто она? Старая дева без малейшего опыта!

— Ты не должна так пренебрежительно говорить о своей сестре!

— А как еще я могу говорить о ней? Не требуй от меня, чтобы я подобрала для нее добрые слова. Иногда у меня создается впечатление,

что она единственная из нас всех, кого устраивает, что все так обернулось!

— Виктория, я действительно разозлюсь, если ты продолжишь так говорить о Фрэнсис, — воскликнул Чарльз. Он и в самом деле казался возмущенным.

— Ты же видишь, как она все здесь взяла в свои руки, — продолжала свои нападки Виктория. — Ведет себя так, будто она здесь хозяйка… Если б не умерла мама, если б Джордж не… не стал таким странным, то ей это никогда не удалось бы. Она определяет все, что здесь происходит. Самовольно снизила аренду, чтобы фермеры остались здесь… Снизила почти наполовину! Мне непонятно, почему ты ей это позволяешь!

— По той самой причине, которую ты только что сама озвучила: чтобы фермеры и рабочие здесь остались. Иначе мы не сможем вести дела.

— Она покупает овец. Коров. Лошадей. Ездит по рынкам и торгуется с продавцами как простая крестьянка. Это просто неприлично. Научилась водить машину и теперь колесит по округе. Она должна думать о том, из какой она семьи! Она унижает всех нас своим поведением!

Старое кожаное кресло у камина заскрипело — Чарльз, должно быть, опять сел.

— Мне давно пришлось бы продать Уэстхилл, если б она так много не работала. Я не смог бы один с этим справиться. Она обеспечила мне спокойную старость в доме, в котором мы с Морин были счастливы. И за это я должен быть ей благодарен.

«За это я должен быть ей благодарен…» Фрэнсис впилась ногтями в ладони. Неужели его холодность до сих пор осталась такой болезненной? Он все еще не простил ее, никогда не сокращал дистанцию, которая образовалась между ним и ею. Он выказывал ей вежливое признание. Большего она от него не получит.

— В любом случае это ужасно, — добавила Виктория, не будучи в силах удержаться. — Ты когда-нибудь обращал внимание на ее руки? Грубые и все в трещинах, будто она работает на поле. У нее тусклые волосы и обгоревшая на солнце кожа. Кроме того, у нее стало очень худое лицо. Из-за этого она выглядит старше своих лет.

— Оставь ее в покое. Она живет своей жизнью, а ты — своей. Если ты ее не очень любишь, то должна уйти с ее пути.

— Я это сделаю… Отец, я сейчас должна поехать домой. Скоро будет ужин. Пусть буду ужинать лишь в компании свекрови, но… — Виктория не закончила фразу.

К двери приблизились шаги. Фрэнсис молниеносно отскочила к лестнице и поднялась на несколько ступеней. Разумеется, старые доски заскрипели.

— Эй! — крикнула Виктория. — Кто там? Аделина?

Фрэнсис перегнулась через перила.

— Нет, это я. — Она наслаждалась выражением испуга, появившимся на лице сестры, но все же решила не подавать виду, что она многое слышала. — Я как раз приехала от Джорджа.

Ее голос звучал так непринужденно, что Виктория расслабилась.

— О, правда? Как у него дела?

— Судя по обстоятельствам — довольно неплохо… Добрый день, папа.

— Добрый день.

Чарльз вслед за Викторией вышел в коридор. Отец и дочь стояли рядом и смотрели наверх, на Фрэнсис. Ее задело, когда она увидела, как очаровательно опять выглядит Виктория. Она коротко постригла волосы, как делала это, когда была совсем молодой. Ее платье было чуть выше колен, из светло-зеленого муслина, с глубоким вырезом и широкой, в бело-зеленую полоску, лентой на талии, завязанной сбоку. На ногах — элегантные белые туфли. Виктория казалась очень нежной и хрупкой. Она и Чарльз с его аристократической внешностью, с серебристыми волосами и в первоклассно сшитом костюме являли собой великолепную картину. «На их фоне я, должно быть, действительно кажусь драной кошкой», — подумала Фрэнсис.

— Я как раз собралась уходить, — сказала Виктория. — Приезжай как-нибудь к нам в Дейлвью. — Это прозвучало вежливо, но без капли искренности.

— Хорошо, как-нибудь, — ответила Фрэнсис так же ни к чему не обязывающей фразой и повернулась к Чарльзу: — Отец, не жди меня к ужину. Мне нужно еще раз уехать.

— Куда же? — спросила Виктория.

— У нас новый арендатор. Нужно обсудить с ним пару вопросов.

Виктория ничего на это не ответила и, сопровождаемая отцом, вышла из дома. Фрэнсис побежала наверх, в свою комнату, чтобы переодеться. Она и так потеряла слишком много времени, и ей нужно было спешить.

Спустя полчаса она припарковала свой автомобиль рядом с небольшим каменным домом. Он стоял на возвышенности, примыкавшей к лесу позади усадьбы Дейлвью, и являлся частью поместья. Дом был старый; вблизи можно было заметить, что повсюду между камнями вылезла глина и вместо нее в щелях проросли мох и лишайник. В крыше в некоторых местах зияли прорехи. Дому было примерно лет сто пятьдесят, и он слишком долго подвергался воздействию суровых ветров, которые особенно часто бушевали над плоскогорьем весной и осенью. Здесь, наверху, было мрачно и неуютно, и неудивительно, что уже давно никто не хотел жить в этом доме.

Фрэнсис вышла из машины. Дневная жара даже здесь сводила на нет малейшее дуновение ветра. Все замерло. Над горами висела давящая духота. Фрэнсис показалось, что она стала чувствовать себя хуже, хотя приближался вечер, который должен был принести прохладу. Она не могла пошевелить рукой, не покрывшись по́том.

Входная дверь открылась.

— Мне кажется, будет гроза, — сказал Джон и вышел из дома.

Фрэнсис улыбнулась ему. Она надела красивое платье и причесала волосы, подумав при этом в сотый раз, не следует ли ей их подрезать. «Возможно, после этого я буду выглядеть моложе», — подумала она, озабоченно разглядывая свое лицо в зеркале.

«Худое лицо делает ее старше своих лет», — сказала Виктория. Возможно, она права, но — пусть катится к черту! У нее слишком много дел, чтобы думать еще и о том, что бы такое сделать, чтобы ее щеки стали полнее, а нос — не таким острым.

Но Фрэнсис знала, что именно *сейчас* она симпатична. Она знала, что Джону нравится, когда она загорелая, — чудо при ее белой коже! Что он любит ее грубые руки и длинные непослушные волосы.

Я никогда их *не* обрежу, решила она, когда Джон притянул ее к себе и погрузил руки в ее волосы. Его губы прижались к ее губам.

Украденные поцелуи. Украденные часы. И все-таки мир вокруг изменил свое лицо.

Золотые дни. Что-то от их блеска вернулось.

Пятница, 27 декабря 1996 года

У Барбары заболели глаза. Сколько часов она уже сидит за кухонным столом и читает? Подняла голову — и чуть не вскрикнула от боли. Ее тело было так напряжено, что по всему позвоночнику от шеи вниз потекла ужасная боль. В течение нескольких часов она не меняла свое положение.

Стрелки на кухонных часах показывали пять. По ту сторону окна стояла кромешная тьма. В печи горел слабый огонь. В помещении было довольно прохладно; кроме того, Барбара почувствовала слабость от голода.

Это был хороший предлог, чтобы оторваться от чтения; к тому же она обнаружила, что Фрэнсис Грей в этом месте сама сделала паузу. Вставленный листок-закладка указывал на то, что дальше начинается вторая часть. Таким образом, первая заканчивалась — без каких-либо дальнейших комментариев — в маленьком доме где-то на плоскогорье позади Дейлвью жарким, предгрозовым июльским вечером 1919 года.

Фрэнсис и муж ее сестры на одном из, очевидно, регулярных страстных свиданий… Во время их встреч в течение нескольких недель в маленькой комнатушке на побережье Северной Франции они нарушили табу. Джон Ли вернулся с войны другим человеком. Он был убежден в том, что повел себя как трус, не мог с этим справиться и озлобился. В отличие от Джорджа, который выбрал уединение и выражал страдание своей души в производящих ужас картинах, Джон надел на себя маску холодного равнодушия, говорящую о том, что его больше ничего не интересует; теперь он с презрением относился ко всему, чего раньше хотел и добивался, за что боролся. Что такому человеку было делать с очаровательной скучной куклой Викторией? Моральных принципов, которые раньше удержали бы его от того, чтобы изменять своей жене и постоянно травмировать ее своим отталкивающим поведением, у него больше не было. Жизнь показала ему свое злое лицо; возможно, теперь настала его очередь показать, что он тоже может быть злым.

А Фрэнсис давно научилась брать то, что хотела иметь. Между сестрами теперь установилась открытая вражда, и Фрэнсис, понятное

дело, не тратила свое время на осознание чувства вины.

Если б не этот проклятый снег, подумала Барбара, то можно было бы пойти и посмотреть, существует ли еще та самая старая лачуга…

Она встала, подложила в печку дрова, и уставшее пламя вспыхнуло с новой силой. Некоторое время сидела у огня и грела руки, а когда встала, у нее потемнело в глазах и закружилась голова, так что пришлось ухватиться за спинку стула. Желудок наполнился жгучей болью. Барбара и понятия не имела, что голод может вызывать такие боли.

— Ничего не поделаешь, — сказала она тихо себе под нос, — один из нас завтра должен тронуться с места и попробовать раздобыть что-то из еды.

Она как раз размышляла, где может быть Ральф — тот не показывался весь день, — как неожиданно зазвонил телефон.

Барбара вздрогнула от испуга, словно услышала пистолетный выстрел, и на секунду замерла в замешательстве. Хотя они лишь несколько дней жили, будучи отрезанными от внешнего мира, ей казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как они соприкасались с такими каждодневными благами цивилизации, как, например, телефон. Холод, постоянное ощущение голода, медленно ползущие часы увеличивали реальное время во много раз. Где-то в другой жизни существовали телефоны, доставка пиццы и пенистые ванны. Все это осталось далеко позади…

Опять пронзительно зазвонил телефон, и Барбара наконец сдвинулась с места. «Мир еще *существует*, — подумала она взволнованно, — и он нас не забыл!»

Когда Барбара вошла в гостиную, то увидела, что Ральф уже опередил ее. Он стоял возле небольшого стола у окна, прижимая к уху телефонную трубку. Рядом с ним стоял подсвечник с четырьмя горящими свечами, освещавшими комнату в достаточной мере, чтобы хотя бы различить отдельные предметы мебели. На стенах плясали причудливые тени.

— Вы наверняка очень беспокоились, мисс Селли, — говорил Ральф по-английски. — Но в принципе всё в порядке — только мы основательно застряли здесь. У нас нет света, нет отопления, и до сих пор не работал телефон. — Некоторое время он слушал, потом сказал спокойным тоном: — Нет, правда, не волнуйтесь. Дом не…

Он не договорил. Барбара подошла ближе. Она не могла разобрать, что сказала Лора на другом конце провода, но слышала, что та говорила быстро и взволнованно.

Только теперь Ральф заметил Барбару, повернулся к ней, показал свободной рукой на телефонную трубку и нервно произнес шепотом: «Это Лора». Барбара кивнула.

— Нет, я вас не успокаиваю, — сказал он, — но совершенно уверен, что в доме ничего не повреждено. Нет, крыша тоже цела. И никакая лавина на нас не скатывалась. Нет… нет, вам не нужно приезжать. Вы тоже не смогли бы сюда пробраться… Да, конечно. Разумеется, вы можете звонить в любое время. Конечно. Привет от моей жены. Да. До свидания, Лора!

Он положил трубку.

— Боже мой, я думал, у нее будет нервный припадок… При этом ее, кажется, значительно меньше интересует, что мы замерзаем и голодаем. Она в панике лишь из-за того, что что-то может случиться с домом.

— Думаю, ей довольно дорого обходится его содержание, — предположила Барбара. — Она простая женщина и наверняка получает небольшую пенсию. Любой ремонт для нее превратится в серьезную проблему.

— Наверное, ты права, — согласился Ральф. Зябко поежился и взял подсвечник. — Пойдем в кухню, там теплее. Я все хуже переношу этот бесконечный холод.

В кухне по сравнению с гостиной, которая не отапливалась уже неделю, было действительно тепло. Ральф кивнул на листы бумаги, разбросанные по столу.

— Похоже, ты не можешь остановиться. Тебя не видно и не слышно весь день!

— Извини, — сказала Барбара с чувством вины.

Наверное, он колол дрова, пока она удовлетворяла свое любопытство… Барбара собрала листы, чтобы освободить стол для ужина. Ужин!.. Кусок хлеба, половина сваренного вкрутую яйца и немного сыра для каждого — все это вряд ли заслуживает названия *«ужин»*.

— Я опробовал лыжи, — сообщил Ральф. — Всё в порядке, и завтра я отправлюсь в Дейл-Ли.

— Но теперь, когда работает телефон…

— Нам это особенно не поможет. Теперь мы не совсем отрезаны от внешнего мира, но прислать продукты по проводу они все равно не смогут.

— Но снег прекратился. Скоро снегоуборщик расчистит дороги…

— Конечно. Но я не знаю, когда это будет. Возможно, только дня через три. Уже завтра утром у нас, кроме одного яйца, остатков сыра и небольшого количества мармелада, не будет никакой еды. И у меня нет абсолютно никакого желания продолжать голодать.

— Ты вела себя как последняя истеричка, — мрачно сказала Марджори. — Спорю, что ты вывела этих людей из себя.

— Я ведь разговаривала с ним совсем недолго, — защищалась Лора. От волнения у нее на щеках появились красные пятна. — О боже, я совершенно запуталась… Я, конечно, думала, что опять не дозвонюсь. И даже не могла поверить, когда кто-то вдруг ответил…

— Ты ведешь себя как человек, который впервые позвонил по телефону. В самом деле, Лора, с тобой не всё в порядке. Ты воспринимаешь всё слишком серьезно.

— Ты меня не понимаешь… И не можешь понять.

Лора наконец отошла от столика с телефоном в прихожей, у которого она до сих пор стояла как вкопанная, и вошла в кухню, где Марджори сидела за столом и помешивала в чашке холодный кофе.

— Я могу выпить немного шерри? — спросила Лора. Шерри было единственным алкогольным напитком, который Марджори держала в доме.

Марджори подняла брови.

— Шерри? Я думала, ты сделаешь себе чай! Если хватаешься за алкоголь, то ты действительно в невменяемом состоянии!

Лора налила бледно-желтое шерри в бокал. Оно оказалось таким сухим, что она скорчила гримасу, сделав первый глоток.

— Он говорил совершенно обычно… Похоже, всё в порядке, кроме того, что их занесло снегом.

— Иногда тобой действительно движут буйные фантазии… А что там может быть не в порядке?

Лора ничего не ответила на этот вопрос, лишь сочувственно посмотрела на свою сестру. Марджори от всего отгородилась. Конечно,

благодаря этому ей жилось спокойнее, но в ее жизни не было никаких событий. Ни взлетов, ни падений.

У Лоры точно камень с души свалился. Они ничего не нашли. Этот Ральф, как там его, не стал бы разговаривать с ней так непринужденно. Он был немного нервозным, она это заметила. Видно, счел ее чудаковатой старухой, которая слишком сильно разволновалась из-за неожиданного снегопада… Пусть думает что хочет. Главное — он ничего не знает.

Шерри было ужасным, но оно помогло Лоре расслабиться, и она не могла отказать себе во второй рюмке.

Марджори недоверчиво наблюдала за ней.

— Знаешь, Лора, когда я вижу тебя такой, мне кажется, что из нас двоих старшая — я. Иногда ты бываешь неразумна, как маленький ребенок. Думаю, ты разволновалась, потому что снегопад мог что-то уничтожить в твоем доме… Тебе все равно придется продать Уэстхилл, ты это и так знаешь. И тебе опять нужны деньги, но на сей раз я тебя не выручу. Я просто не могу. Смирись наконец с мыслью, что от этих развалин необходимо избавиться, вместо того чтобы постоянно с ними носиться!

— Еще не вечер, — упрямо сказала Лора. Кратковременная эйфория, переполнявшая ее после разговора с Ральфом, опять исчезла, и вернулось отрезвление. «Почему Марджори всегда такая, — думала она, — почему она находит в этом удовольствие — осложнять жизнь другим?»

— У тебя будет все больше долгов. А слишком солидный кредит банк не одобрит. Максимум, что ты можешь сделать — заложить ферму. И тогда это будет лишь вопрос времени, когда ее заберут. Я бы на твоем месте ее продала, пока ты еще диктуешь цену!

— Наверное, я все-таки смогла бы выкрутиться… Ведь мне еще принадлежит немного земли. Мне надо наладить фермерское хозяйство. Фрэнсис как раз занималась этим после Первой мировой войны. Она часто мне об этом рассказывала. Тогда она…

Марджори презрительно фыркнула.

— Не обижайся на меня, Лора, но ты — не Фрэнсис Грей. У тебя совсем другая натура. Она смогла все перевернуть, а ты — нет!

— Хорошо же ты обо мне думаешь…

— Извини, но ты и сама это знаешь. Ты — не предпринимательница. Для этого надо иметь мужество, идеи. Нужно обладать решительностью. Ты знаешь, что всего этого в тебе недостаточно. Ты милый человек, Лора, и всегда была хорошей собеседницей для старой Грей, подходящей кухаркой и домработницей. Но то, что ты поедешь туда и опять поднимешь ферму, которая когда-то процветала… нет, это для тебя непосильная задача. И тебе это тоже известно!

Лора допила шерри. Оно показалось ей еще ужаснее, чем прежде. Она была совершенно подавлена. И прежде всего, поскольку знала, что Марджори права.

— Не говоря уже обо всем остальном, — продолжала сестра. — Тебе нужен какой-никакой стартовый капитал. Где ты его возьмешь?

— Я не знаю, — прошептала Лора. Когда Марджори наконец закончит свои проповеди?

Но ту понесло.

— Самое время продать эту развалину. Фернан Ли в любом случае готов ее тут же купить. Тогда он наконец получит то, что всегда хотел иметь, а ты избавишься от массы забот. Зачем одинокой женщине дом с таким количеством комнат? Там все продувается сквозняками. Непрактично. И потом, этот убогий ландшафт… В романах Бронте он еще имеет свою привлекательность, но в действительности в нем нет ничего, из-за чего там стоило бы жить.

— Марджори…

— Почему ты, в конце концов, не можешь сделать как я? Обычная квартира в многоквартирном доме. Если что-то не в порядке, то этим занимается комендант. И у тебя больше не будет никаких неприятностей!

«Она такая самоуверенная, черт подери», — подумала Лора, посмотрев на свою сестру. Скривившееся в ухмылке лицо… Колючие глаза… Бесцветные волосы, сплетенные на затылке в тугой узел… Похожее на мешок шерстяное платье…

Марджори была *безразличной*. Даже на небольшие деньги можно уютно обставить квартиру и купить достойную одежду. Ей бы не повредило, если б она начала пользоваться губной помадой и сходила бы к приличному парикмахеру. С внешностью нельзя перебарщивать и

придавать этому слишком большое значение — но нельзя и тонуть в такой беспросветной скупости, как это делала Марджори.

«Как ей вообще пришло в голову, что у нее завидная жизнь?» — спрашивала себя Лора, с удивлением отмечая, что в ней закипает злоба на сестру; невероятное раздражение, которое она еще никогда не испытывала в отношении Марджори, а возможно, вообще ни к одному человеку. Будучи робкой и спокойной, Лора всегда старалась ни в ком не вызывать неудовольствие и никогда не позволяла себе гневных мыслей. Но чем больше она загоняла себя в угол, тем меньше ей удавалось спокойно реагировать на окружающий ее мир.

— У меня есть все, в чем я нуждаюсь, — объяснила Марджори, — и я не намерена не спать ночами из-за ненужных забот.

— У тебя есть все, в чем ты нуждаешься? — переспросила Лора. — Ты уверена?

Это прозвучало так резко, что Марджори вздрогнула.

— Ну, я… — начала она, но сестра не дала ей договорить.

— У тебя нет ничего, совсем ничего, — вырвалось у нее. — Ты живешь в такой скучной квартире, что здесь можно впасть в полное уныние. Посмотри на себя; у тебя такой вид, будто ты как минимум лет двадцать не смеялась. Неужели ты действительно находишь в этом прелесть — каждое утро, как только встанешь и посмотришь в окно, видеть лишь эти грязные многоэтажные дома? Здесь ведь нигде нет ни одной травинки, ни одного дерева, ни одного цветка! Неужели ты не замечаешь, как здесь *отвратительно*?

— Лора! — воскликнула пораженная Марджори.

— Да, ты права, у меня есть заботы, и немало. Я часто мечтала о том, чтобы моя жизнь была совсем другой. Но когда утром смотрю в окно, я вижу луга, холмы и деревья, насколько хватает глаз. Летом в моем саду стоит запах цветов. Я просыпаюсь под пение птиц, а зимой белки подходят к самым окнам кухни и лакомятся орешками…

Она замолчала. Сестра пристально смотрела на нее.

— Мое сердце там, Марджори, — продолжала Лора более спокойно, — понимаешь ты это или нет? Уже более пятидесяти лет я люблю этот дом и землю вокруг. И так запросто я с этим не расстанусь.

— У тебя нет шансов, — тихо ответила Марджори, и ее голос прозвучал неожиданно сочувственно.

Лора села рядом с ней за стол и положила голову на руки.

В течение вечера позвонили родители Барбары и мать Ральфа, чтобы поздравить Ральфа с днем рождения и спросить, как обстоят дела со снежным коллапсом, о котором сообщали по телевидению и писали в газетах. На тот случай, если позвонит кто-то из родственников, Ральф и Барбара уже договорились представить ситуацию безобидной, насколько возможно.

— Это значит, что все населенные пункты и отдельные хозяйства уже несколько дней отрезаны от внешнего мира, — сообщила мать Ральфа.

В ее голосе слышалась укоризненная нотка. Ее обидело, что ее сын решил отпраздновать свой сорокалетний юбилей без нее, что он со своей женой уединился в какой-то забытой богом глуши… И вот что из этого получилось. Снежная катастрофа и ничего, кроме неприятностей.

— Я множество раз пыталась тебе дозвониться. Ужасно беспокоилась.

— Линия была повреждена, — сказал Ральф.

Он спрашивал себя, почему голос матери всегда так утомляет его. Возможно, дело в ее постоянном брюзжании. Ральф никогда не пытался объяснить себе эту связь, но сейчас неожиданно понял, что уже несколько лет выслушивает ее бесконечные упреки с огромным трудом.

— Телефон заработал всего несколько часов назад, — сказал он.

— Что же помешало тебе сразу позвонить и успокоить меня? — причитала мать, то и дело вздыхая.

У Ральфа уже было наготове замечание, что в собственный день рождения не принято звонить людям, чтобы получить соответствующие поздравления, но он оставил эту мысль. Мать была права; в данных обстоятельствах следовало бы ей позвонить. И хотя это вообще не пришло ему в голову, он, разумеется, не мог это сказать. Она бы выражала свое недовольство бесконечно.

— Через Союз международного туризма в Йорке я узнала, что телефоны не функционируют во многих местах, — сказала мать, — и там мне тоже сказали, чтобы я не волновалась. Ситуация скоро наладится.

Как бы то ни было, но Ральф все-таки считал заботу матери трогательной. Он знал, что она почти не говорит по-английски, а если сталкивалась с каким-нибудь англичанином или американцем, даже простое *good morning* давалось ей с трудом и она смущалась. Он мог себе представить, как мучилась она, расспрашивая незнакомого человека по телефону о непогоде и связанных с этим повреждениях. Но, поскольку речь шла о сыне, ее единственном ребенке, она раздобыла бы любую необходимую ей информацию даже на китайском языке.

— Послушай, мама, все действительно не так уж плохо, — сказал Ральф подчеркнуто бодрым голосом. — У нас красивый, теплый дом и достаточно еды. — Ложь ради успокоения взволнованного человека — это, собственно говоря, не ложь, считал он. — И к тому же теперь опять работает телефон. Просто в данный момент мы не можем отсюда уехать, но это продлится еще буквально пару дней. Снег уже давно прекратился.

Родители Барбары, позвонившие примерно через полчаса, также были довольно взволнованы, но по крайней мере они не высказывали упреков. После того как они поздравили Ральфа, мать Барбары захотела поговорить со своей дочерью.

— Надеюсь, вы еще выносите друг друга, — сказала она прежде всего. — Если б мне пришлось попасть с твоим отцом в какой-нибудь снежный коллапс, мы, наверное, через три дня набросились бы друг на друга с ножами.

— Ну, для этого мы еще достаточно разумны, — сказала Барбара и в очередной раз с удивлением отметила, что ее мать всегда знала больше, чем ей казалось. Она никогда не говорила с дочерью о давшем трещину браке, но тем не менее явно знала, что у них есть некоторые проблемы. И все-таки мать обладала достойным благодарности качеством — никогда ни во что не вмешиваться, если об этом ее не попросят.

— Кстати, твой господин Корнблюм покончил с собой, — сообщила она, — в первую пятницу после Рождества. Сегодня было сообщение в газете.

— О боже! — воскликнула потрясенная Барбара. Честный, немного чудаковатый, но совершенно безобидный Петер Корнблюм, которого она совсем недавно вытащила из серьезной

неприятности… — Почему вдруг? Его невиновность была доказана. В скором времени вся эта история была бы забыта!

— Но пострадала его карьера. Хотя это, конечно, не повод для самоубийства. В газете написали, что Корнблюм на Рождество попытался примириться с женой, но из этого ничего не вышло. Она не простила его.

— Н-да, — пробормотала Барбара.

Вскоре после этого она спросила себя, смогла ли сама простить Ральфа, если б неожиданно узнала, что тот уже несколько лет посещает квартал «красных фонарей» и имеет интимную связь с проституткой. Она сильно в этом сомневалась…

— Он пустил себе пулю в лоб, — продолжала мать, — его обнаружил кто-то из его детей.

После разговора с матерью Барбара чувствовала себя подавленной и удрученной. Она понимала, что не должна принимать эту историю слишком близко к сердцу. Корнблюм был одним из ее многочисленных клиентов. Дело завершено. Она сделала все, что могла — и выиграла процесс. Ей не в чем было себя упрекнуть; она не несла ответственности за «реабилитацию» своих доверителей, да и не могла ее нести. Ее работа заключалась в том, чтобы оказывать им юридическую помощь, а с частными делами они должны справляться самостоятельно. Но то, что ее мучило, не было в прямом смысле ощущением вины, а скорее являлось разочаровывающим чувством, когда кажется, что ты уже победил, а в конечном итоге победа превращается в проигрыш… Жизнь текла по ее собственным законам, и оправдательный судебный приговор мог не иметь при этом никакого значения. Так или иначе, долги рано или поздно должны быть возвращены. И Корнблюм в том числе не смог этого избежать.

Ральф, облокотившись на мойку в кухне, пытался с помощью бренди подавить свою злобу на мать. Глянув на Барбару, он сразу понял: что-то произошло.

— Что случилось?

Барбара взяла стакан и тоже налила себе бренди.

— Корнблюм застрелился. Мама только что мне рассказала. Было сообщение в газете.

Ральф на какое-то время задумался.

— Корнблюм?.. Ах, Корнблюм! Мэр, на которого хотели повесить убийство проститутки…

— Да, и обвинение было снято; но его жена, конечно же, не была в восторге от того, чем занимался ее муж. Газета предполагает, что он застрелился, поскольку его жена отказалась пойти с ним на примирение. — На какое-то время Барбара замолчала, а потом тихо добавила: — Но это ведь не причина, чтобы кончать с собой.

— Это расстроило тебя, не так ли?

— Ты знаешь, что между адвокатом и доверителем всегда возникают особые отношения. А если дела идут успешно, то при этом еще и появляется большое доверие… — Барбара задумалась. — Поначалу с Корнблюмом было очень тяжело. Он просто не хотел открываться. В нем были только страх и недоверие. Но в какой-то момент лед вдруг растаял. Даже не знаю, почему; может быть, он понял, что я действительно его единственный союзник и что смогу помочь ему только в том случае, если он будет со мной абсолютно честным… После этого открылись все шлюзы. Ведь Корнблюм годами жил в постоянном обмане, и для него это было освобождением — открыть душу. Он полностью мне доверился. Мне кажется, я смогла понять, что происходит в его душе.

— Собственно говоря, в нем было именно то, что ты презираешь. Внешне — вполне приличный, респектабельный гражданин, за которым скрывается любитель утех, способный проводить свое свободное время в борделе… Ты, как правило, испытываешь отвращение к таким людям.

— Да, это правда. Но если человек рассказывает о себе всё, ты начинаешь понимать те вещи, к которым до сего времени, может быть, относилась негативно. У него была *своя* история, в которой он объяснил, почему был таким, каким был.

— В любом случае, — сказал Ральф, — тебе абсолютно не в чем себя упрекнуть. Ты сделала для него все, что могла. Ему был вынесен оправдательный приговор, большего он не мог требовать. Его разрушенный брак — это уже не твоя проблема.

— Я себя ни в чем не упрекаю. Меня просто это… потрясло. Наверное, так происходит всегда, когда самоубийство совершает тот, кого ты знаешь. И в значительно большей степени, чем когда человек умирает естественной смертью. Удивительно, насколько велико,

насколько непреодолимо должно быть то отчаяние, которое его переполняло… Тебе не кажется?

Ральф задумчиво посмотрел на нее; как всегда, в его взгляде была та нежность, которая заставляла ее чувствовать свою вину.

— Наверняка, — ответил он.

Некоторое время они молчали, потом Барбара неожиданно спросила:

— Ты всегда был уверен в том, что постоянно будешь заниматься своей профессией?

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Ральф.

— Ну, до выхода на пенсию. Будешь ли ты всегда до этого времени работать адвокатом.

— Я не учился ничему другому.

— Можно заниматься и тем, чему не учился.

— Ей-богу, не понимаю, к чему ты клонишь. — Он казался обеспокоенным. — Я имею в виду — именно ты. Для тебя ведь твоя профессия — это сама жизнь. Для тебя нет ничего более важного. Поэтому я никогда не думал, что такой вопрос, который ты задала, вообще может возникнуть в твоей голове.

— Иногда моя профессия просто действует мне на нервы, — сказала Барбара.

И в следующий момент, к своему собственному ужасу, разрыдалась.

В теплой, уютной постели она постепенно успокоилась, но чувство подавленности осталось. Барбара пролила целые потоки слез, она всхлипывала и дрожала. Ральф чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Что случилось? Успокойся же, — повторил он несколько раз. Наконец заключил ее в свои объятия, сначала неуверенно, не зная, как она на это отреагирует. Но плач так сотрясал ее, что Барбара, казалось, не заметила, что Ральф ее обнял. Она не могла говорить, и он просто предоставил ей возможность выплакаться — и только мягко гладил ее по волосам. Когда же ее рыдания затихли, спросил:

— Это из-за самоубийства Корнблюма?

— Я… не знаю, — выдавила Барбара, но тут же поняла, что это не так. Хотя ей самой не было понятно, из-за чего началась истерика, она

все же осознавала, что это не связано с бедным Корнблюмом. Его самоубийство напугало ее — и испуг явился запускающим механизмом нервного срыва.

«Но почему, почему?» — спрашивала она себя, свернувшись в постели в позе эмбриона. Может быть, тот факт, что они сидят здесь в снежном заточении, значительно больше расшатал нервы, чем ей казалось… Или в ней поселилось скрытое чувство клаустрофобии, пробившее себе дорогу… А может быть, ее запутанные чувства к Ральфу постепенно довели ее до помешательства… Или то, что они уже без малого неделю сидят здесь и не могут толком найти выход из собственного безмолвия… Но как все это связано с ее профессией, с внезапной мощной потребностью от всего освободиться?

…Это вечное чувство пустоты в желудке постепенно сводит с ума!

Барбара стала вспоминать, когда она в последний раз плакала. Дело это оказалось непростым, поскольку такие эпизоды случались редко. Ей припомнился процесс, в котором она за два года до этого выступала защитницей; довольно запутанное дело о жестоком обращении с детьми, потребовавшее очень внимательного отношения и вызвавшее много эмоций. Барбара, как адвокат, получила свою долю гнева, направленного на подозреваемого, а впоследствии и обвиняемого. Она вчистую проиграла процесс, и в течение нескольких дней газеты ерничали и осыпали ее ехидными насмешками. И наконец однажды, когда она утром читала бульварную газету, нервы ее не выдержали, и Барбара в течение двадцати минут плакала навзрыд: от злости, ярости и оттого, что она просто не привыкла проигрывать.

Это была новая мысль: может быть, она плакала, потому что испытывала чувство поражения? Тем, что доверитель застрелился, ее эго был нанесен удар. Неужели он лишил ее, таким образом, победы, а она до сих пор не научилась мириться с тем, что все может выйти из-под ее контроля? Сколько еще было в ней от той девушки, которой она когда-то была и о которой больше не хотела вспоминать, раз такая история выбивает у нее почву из-под ног?

Перед этим, на кухне, Барбара в какой-то момент высвободилась из объятий Ральфа и опустилась на один из стульев, стоящих у стола. Она знала, что выглядит сейчас как зареванный ребенок: бледные щеки, красные глаза, распухший нос и растрепанные волосы. Она

немного отдышалась, и Ральф сделал ей чай из листьев мальвы — его мать всегда утверждала, что он обладает успокаивающим действием. Потом нашел в телефонной книжке номер Синтии Мур, владелицы универсального магазина, и исчез в гостиной, чтобы позвонить ей и спросить, какова ситуация в деревне и когда можно рассчитывать на помощь. Барбара небольшими глотками пила чай. Она слышала, как Ральф разговаривает, но не могла разобрать, что именно он говорит. Наконец он вернулся в кухню.

— Синтия считает, что завтра я должен обязательно поехать на лыжах в деревню. Они не успевают с уборкой дорог. Тракторы чистят главную улицу, но они не могут расчищать каждую второстепенную дорогу, ведущую к отдельным домам. Так что нам остается только этот вариант.

Барбара кивнула.

— О’кей, — произнесла она пискляво.

Ральф озабоченно посмотрел на нее.

— Всё в порядке?

— Да, все нормально, — ответила Барбара и тут же опять начала плакать.

Ральф решительно поднял ее со стула и взял под руку.

— Ты сейчас же пойдешь в постель, — сказал он, — а эту проклятую рукопись оставишь здесь, внизу. Это многочасовое чтение при плохом освещении постепенно сведет тебя с ума.

Наверху он помог ей раздеться; при этом Барбара не думала о том, что уже давно избегает его присутствия, когда не одета. Она натянула футболку и толстый свитер, а когда легла в постель, Ральф заботливо укрыл ее. Она отметила, что ей приятна его забота, хотя раньше она всегда противилась, когда за ней кто-то ухаживал.

— Спасибо, — тихо сказала Барбара.

— Я внизу, если что, — сказал он и вышел из комнаты.

Через час она поняла, что не может уснуть. Сначала ее изнурили слезы, а теперь возникло чувство беспокойства, которое, казалось, усиливалось с каждой минутой. «Вероятно, Ральф ошибся, — думала она, ворочаясь в постели. — Чай из мальвы — это не успокоительное средство, а в чистом виде возбуждающее».

Попробовала щелкнуть выключателем, но света по-прежнему не было. Барбара стала ощупывать тумбочку, потом наконец нашла

спички и зажгла свечи на подсвечнике. Посмотрела на часы. Стрелки показывали начало одиннадцатого. Слишком рано для такой полуночницы, как она.

Барбара вспомнила о рукописи, которая осталась внизу на кухонном столе. Даже если Ральф считал, что причиной ее нервного срыва явилось многочасовое чтение, ну и что? Она была совершенно уверена в том, что ворочаться без сна в постели гораздо хуже. То, что Барбара читала «дневник» Фрэнсис, как Ральф называл его, все равно с самого начала было для него словно бельмо на глазу. И потом, это не дневник! И потом, из всех, кто там упоминался, больше никого не осталось в живых!

Ей не терпелось приступить ко второй части рукописи. В конце концов Барбара встала. Осторожно спустилась вниз — может быть, Ральф ничего не заметит… Правда, она в любом случае не позволила бы ему давать ей указания, но сейчас не хотела с ним спорить. Только что он был таким заботливым… Странно, что ей было немного больно вспоминать об этом.

Из-за осторожности Барбара не стала брать с собой свечу, так как свет наверняка привлек бы внимание Ральфа. Ей пришлось некоторое время постоять на темной, ледяной лестнице, пока глаза не привыкли к темноте. Теперь она могла спуститься вниз. Дважды скрипнули ступени, но потом все стихло. Может быть, Ральф уже давно спит…

В кухне Барбара ориентировалась без каких-либо затруднений. В окно падал лунный свет, освещая стоящие на столе пустые стаканы из-под бренди, тарелки с крошками хлеба, заварочный чайник. От плиты шел небольшой жар. Барбара собрала рукопись и вышла из кухни так же тихо, как и вошла в нее.

Идя по коридору, невольно посмотрела через открытую дверь в столовую — и резко остановилась.

Она увидела Ральфа.

Точнее сказать, лишь его силуэт на фоне холодного света, проникавшего снаружи. Он стоял у окна, повернувшись к ней спиной. Барбара не знала, заметил ли он ее, или ему было просто безразлично, что она бродит здесь, внизу. Ральф стоял неподвижно и смотрел в окно; и что-то в его позе — слегка ссутуленные плечи, напряжение во всем теле? — выдавало его одиночество. В бессловесном взаимном выражении чувств, которого не было даже в лучшие годы их

влюбленности, Барбара ощущала, насколько одинок он был и какую боль ему причиняет это одиночество. Она порывисто и испуганно вздохнула, и Ральф обернулся. Казалось, он не удивился, увидев ее перед собой, — возможно, перед этим слышал ее шаги.

— Не можешь уснуть? — спросил он.

Барбара подняла рукопись вверх и виновато улыбнулась.

— Не могу. Нужно что-то почитать на ночь.

Ральф кивнул.

— Иногда это помогает. Я имею в виду — если не можешь уснуть.

— Тоже скоро ложишься?

— Да. Но еще не поздно. — Он сделал движение головой в сторону окна. — На улице очень светло.

— Знаю. Уже видела, когда была в кухне.

— Ты ничего не надела на ноги, — сказал муж. — Зачем ты стоишь на холодном полу?

Барбара посмотрела на свои босые ноги. Пальцы невольно подогнулись, прячась от холода, шедшего от плитки.

— Пойду наверх, — сказала она чуть смущенно. — Спокойной ночи.

Они посмотрели друг на друга. И вдруг Барбара разом поняла, почему она плакала. Она плакала по той же самой причине, по которой Ральф стоял здесь, всматриваясь в ночь. В какой-то момент, сегодня, в последнюю ночь или за прошедшие дни, оба они осознали, что все прошло. Они так и не нашли дорогу друг к другу. Вероятно, она больше не существует, и уже давно. Они просто этого не замечали, или не хотели замечать. Теперь это осознание поразило ее как удар и выбило почву из-под ног. Они не могли больше обманывать себя, скрываться где-то в этом занесенном снегом доме, в котором они в буквальном смысле застряли вместе со всеми их проблемами.

Барбара повернулась и стала подниматься по лестнице. От холода у нее ломило ноги. Она энергично захлопнула дверь и, стуча зубами, залезла под одеяло. Тепло приятно охватило ее, как чьи-то объятия.

«Я не хочу сейчас задумываться, — сказала она себе, — просто не хочу сейчас вообще ни над чем задумываться».

Листы бумаги зашелестели в ее руках. От них исходил запах древесины, и Барбара ощутила его успокаивающее действие. Она стала искать страницу, на которой остановилась.

«Золотые дни. Что-то от их блеска вернулось».

Барбара перевернула страницу. За ней шел лист, на котором стоял только заголовок «*Часть 2*», а дальше следовали рукописные записи Фрэнсис Грей. За все эти годы синие чернила поблекли, почерк был неровным. Барбаре пришлось потрудиться, чтобы разобрать текст.

«В течение двадцатых годов мне удалось снова добиться подъема фермы, и я ухитрилась пройти без ущерба даже тридцатые годы, которые ознаменовались всемирным экономическим кризисом…»

Часть 2

В течение двадцатых годов мне удалось снова добиться подъема фермы, и я ухитрилась пройти без ущерба даже тридцатые годы, которые ознаменовались всемирным экономическим кризисом. Вернулись прежние арендаторы и пришли новые — после того, как я ощутимо снизила арендную плату, что вызвало резкую критику со стороны Виктории; но иначе мы не смогли бы привлечь людей — и что бы тогда делали со всеми нашими лугами и пастбищами? Когда ситуация улучшилась, я смогла постепенно опять повысить арендную плату, и от этого никто не пострадал. Мы выращивали овец, коров и в небольшом количестве — лошадей.

Лошади всегда были моей страстью, даже когда я была еще маленькой девочкой и когда Джон учил меня верховой езде. Мы тогда вместе с ним носились по полям. Я любила встать утром чуть свет и поехать к стойлам. Их недавно построили, хотя мне пришлось взять на них кредит в банке, но, к счастью, отец предоставил мне полную свободу действий. Когда я приезжала, еще не было никого из конюхов, лишь раздавалось тихое ржание. Лошади тут же подходили к дверям своих боксов, ибо знали, что я принесла им яблоки и морковь. Они дышали мне в шею и опускали свои ноздри и мягкие губы в мои ладони.

Никогда я не испытывала такого покоя, как когда стояла там, прислонившись к могучему телу лошади, прислушиваясь к биению ее сердца. Мне всегда казалось, что животные — это важная часть того, откуда мы пришли и куда уйдем. У меня всегда вызывали сожаление люди, не могущие понять животных, а таких, которые их мучают, я просто презираю.

Я также любила наших овец и коров. У нас были внушительные стада и отары. Мы заработали немало денег, продавая шерсть и изготавливая знаменитый сыр «Уэнслидейл». Новых овец я купила на рынке в Скриптоне, который работает там каждую неделю. Я часто покупала слабых, некрасивых животных, которых никто не хотел приобретать и которых мне отдавали за смешные деньги. Но я знала,

что делаю. У меня работали добрые люди. Из каждой такой паршивой овцы вырастало роскошное здоровое животное.

Виктория, разумеется, морщила нос, глядя на меня, потому что я носила только брюки и сапоги и бóльшую часть времени проводила на лошади. Однажды она сказала мне: «Ты стала настоящей сельчанкой!»

Стала? Я всегда ею была. Я срослась с землей здесь, в Уэстхилле, с его лесами, горами, болотами, с холодными ветрами, с животными. Я так и не смогла почувствовать себя в Лондоне как дома, хотя меня туда так тянуло, когда мне было семнадцать лет… Но, будучи молодыми, мы часто не понимаем, к чему действительно лежит наше сердце. Мы не знаем покоя, боясь что-то пропустить, и хотя перед нами вся наша жизнь, думаем, что время, как песок, уходит сквозь пальцы. Мы боимся никогда не сделать того, что не сделаем сейчас.

Я, по крайней мере, могу сказать, что пользовалась своей молодостью; правда, вопрос в том, всегда ли разумно и осмысленно я это делала. Во всяком случае, я никогда ни от чего не уклонялась и была там, где происходили какие-то события. Я выходила на демонстрации с суфражетками и сидела с ними в тюрьме. У меня была связь с мужчиной, который впоследствии покончил жизнь самоубийством. Меня не принимали в хорошем обществе, и я жила в ужасной нищете. Я была во Франции и пыталась помочь солдатам, которые были обезображены на полях сражений. И я в течение нескольких лет имела отношения с мужем моей сестры — со всеми сопутствующими угрызениями совести, чувством вины и страхом наказания небесными силами.

Бедная Виктория! В те годы, когда я пыталась сделать из Уэстхилла действительно доходную ферму, она постоянно насмехалась надо мной и *совсем ничего* не знала. Иногда меня почти ранило, что сестрица совершенно ничего не подозревает, так как это означало, что она не видит во мне ни малейшей опасности. Вероятно, думала, что Джон не будет засматриваться на женщину, которая всегда пахнет стойлом и животными, руководит фермой, как мужчина, ведет переговоры с банками и торгуется со скотопромышленниками. Еще во время войны, когда я тревожилась о Джоне, она на какое-то время заподозрила это… но все давно прошло.

«Ах, Виктория! Ты действительно думаешь, что я хожу только в грязных сапогах, пропадаю в стойлах и разговариваю грубым, резким

голосом, потому что иначе меня серьезно не воспринимает ни один из мужчин, которые у меня работают?

Это *одна* сторона. Но я тайно заказывала себе каталоги и выкройки, а когда закончились проблемы с деньгами, покупала себе ткани в Лейберне или Норталлертоне и шла с ними к портнихе. Ты бы удивилась, если б узнала, сколько вечеров я провела на примерках. Ты была бы поражена, узнав, сколько денег я потратила на духи и украшения. Я любила долго и основательно приводить себя в порядок перед встречей с твоим мужем! Предпочитала темно-синие или зеленые платья, потому что моя белая кожа так красиво сочетается с этими цветами…

Я была вынуждена умело пользоваться своим талантом, дорогая сестра, и мне это давалось значительно тяжелее, чем тебе, так богато одаренной природой. Я всегда должна была отвлекать внимание окружающих от своих блеклых глаз и угловатых форм лица. Не каждая обладает розовыми щеками и ямочками. Я компенсировала это глубокими вырезами и обнаженными ногами. Мои ноги были действительно красивыми — возможно, они были даже самой красивой частью моего тела. Я любила тонкие шелковые чулки, которые носили в двадцатые годы, легкие, пастельных тонов туфли, легкие ткани для платьев.

Джон был уже не тем мужчиной, каким был раньше и которым больше никогда не станет. Он много пил, он мог быть злым и ранимым. Но он заставил меня почувствовать себя желанной, и через всю его резкость я ощущала что-то от той неизменной любви, которую он испытывал ко мне со времен нашего детства».

Виктория стала хозяйкой в Дейлвью. Ее свекровь умерла в 1921 году. Сестра часто оставалась одна, скучала и все чаще приходила к Чарльзу, чтобы поныть и пожаловаться. Она была все еще очаровательной, но теперь на ее лице застыло выражение легкого раздражения. Она оставила надежду когда-нибудь родить ребенка, и это превратило ее в глубоко разочарованную женщину.

Джон, впрочем, не был причиной того, что у них не сложилось с ребенком — я знала об этом задолго до того, как через несколько лет родился его сын Фернан. Я была дважды беременна от него — в 1923 и 1925 году. Все уладила в Лондоне — главным образом ради отца. Я полностью исчерпала свой кредит доверия у него, а точнее говоря —

даже превысила своим пребыванием в тюрьме перед войной. Став матерью-одиночкой, потеряла бы все, что еще могло остаться от него. Было не так легко, как звучит сейчас, но других вариантов не существовало, а я не привыкла жаловаться на неизбежность.

В марте 1933 года мне исполнилось сорок лет. Это было время охватившей весь мир депрессии, и нас здесь это тоже коснулось. Многое изменилось в мире. Россия стала республикой, в Москве правил Иосиф Сталин. Тамошняя революция унесла множество жизней и принесла много горя. Люди там жили в нищете и страхе. У нас, в Англии, на трон взошел король Эдуард VIII, беспринципный нерешительный человек, который в 1936 году из-за своей любви к разведенной американке Уоллис Симпсон отрекся от престола и передал правление своему брату, герцогу Йоркскому. В Германии в январе рейхсканцлером был избран Адольф Гитлер. Но здесь еще никто не представлял, какие последствия это будет иметь для всего мира, и в том числе для Англии.

Сорокалетие ничего не изменило в моей жизни. Виктория рыдала на мой день рождения, так как он напомнил ей о том, что скоро придет и ее очередь. В тот период она очень плохо выглядела. Мне кажется, Джон действительно вытирал об нее ноги.

В течение всех этих лет я, как и прежде, каждое воскресенье ездила к своему брату Джорджу в его коттедж под Скарборо. Я привозила ему еду и напитки, краски и холсты. Иногда он позволял мне немного убраться и стереть пыль. В целом же он сам все содержал в порядке, а сад все больше превращался в райский уголок. Многие небольшие кусты и деревья, которые он посадил, за это время выросли и образовали цветущие душистые заросли. Летом от калитки дом уже не был виден. Но зимой завеса тумана окутывала голые ветви, и волны Северного моря глухо и зловеще бились о крутой берег, и тогда я начинала беспокоиться за брата. Самоубийство Филиппа в 1911 году всю жизнь лежало камнем на моем сердце, и я опасалась, что Джордж от одиночества и мрачных мыслей может также однажды решиться на подобный шаг.

Меня беспокоило, что его картины не стали радостнее. И через двадцать лет после войны он по-прежнему рисовал все те же черные физиономии под мрачным небом, как и тогда, после своего возвращения. Неужели его душа никогда не обретет мир? Я должна

смириться с тем, что он больной человек, для которого нет средства исцеления.

Молли, его любимая собака, умерла в 1925 году. Ей было 17 лет! Джордж не обмолвился об этом ни единым словом и никак не проявлял своих чувств, что меня очень встревожило. Через несколько недель после смерти Молли я привезла ему в корзине взъерошенного щенка, но Джордж отказался его взять, и мне пришлось забрать его и оставить себе. Он стал большой, красивой собакой, самой умной из всех, что я знала; кроме того, он был очень верным другом. Пес очень подошел бы Джорджу, и я всегда сожалела, что брат отказался от него.

Что касается отца, то он жил тихой, меланхоличной жизнью, часто ходил на могилу нашей матери и просиживал там часами. То ли он вел с ней немой диалог, то ли вспоминал прошедшие годы, представляя себе картины тех лет, когда оба были молоды и счастливы и объединились против остального мира, — я не знаю.

Однажды, холодным февральским днем 1929 года, он так долго не возвращался домой, что я уже стала беспокоиться и отправилась его искать. Как я и предполагала, отец оказался на кладбище. Был вечер, но дни стали уже длиннее, и на голубом небе проплывали длинные, разорванные темные облака. Отец сидел на пеньке напротив могилы мамы. Он, кажется, не замечал холода и только смотрел вверх, в это высокое небо, наполненное фантастическим светом уходящего дня. Он не слышал, как я подошла, и вздрогнул, когда я тронула его за плечо.

— Отец, — сказала я тихо, — уже поздно. Пойдем домой.

— Иди, Фрэнсис, — сказал он, — я приду позже.

— Очень холодно. Ты…

Отец перебил меня, раздраженно и сердито, чего уже не случалось несколько лет:

— Оставь меня в покое! Ты не имеешь права решать за меня! Я пойду домой, когда захочу.

— Отец…

— Иди же наконец, — сказал Чарльз почти умоляюще. Я поняла, что дальнейшие препирательства не имеют смысла, и отправилась домой одна.

Этот день я хорошо помню еще и потому, что дома обнаружила письмо от Элис. Оно, должно быть, пришло еще днем, но я весь день

была занята и не видела его. Она писала, что в конце января у нее родилась вторая дочка и что все идет хорошо.

Я была очень удивлена, поскольку не знала, что она опять беременна. Ее старшей дочери скоро будет три года. Элис действительно вышла замуж за оказавшегося очень симпатичным, но просто *неподходящего* ей Хью Селли вскоре после того, как уехала тогда из Скарборо. Я с трудом могла в это поверить, хотя иногда опасалась такого… в смысле, как-то этого ожидала.

Наверное, нужно было принять ее объяснение: она боялась одиночества и делала все, чтобы его избежать. Странным было только то, что это так не соответствовало самой натуре Элис — во всяком случае, той Элис, которой она когда-то была; той, которая много, много лет тому назад сидела со мной на стене, огораживающей сад, позади дома, курила и смеялась, а потом утешала меня, когда мне стало плохо; той, которая спорила с моим отцом об избирательном праве женщин и потом в первых рядах участвовала в демонстрациях в Лондоне. И теперь эта женщина, движимая отчаянием, вышла замуж за кроткого бесхарактерного мужчину, который носил ее на руках, но не мог быть для нее соответствующим ей партнером…

О чем она с ним разговаривала? Что понимал он из того, что двигало ею и занимало ее? Но, возможно, теперь это было для нее не так важно — найти мужчину, с которым она могла бы говорить. Возможно, на сегодняшний день ей нужно было то тепло, которое ей мог дать Селли. А может быть, его обожание грело ей душу…

Хотя из-за Джорджа между нами возник серьезный конфликт и наша дружба в принципе разрушилась, я все еще переживала из-за таких ее метаморфоз. Ее запугивали в тюрьме — и действительно доконали. Самая сильная женщина из тех, кого я знала, теперь стала маленькой и слабой, зависимой и беспомощной. А узнав новость о рождении второго ребенка, я окончательно похоронила надежду, что Элис когда-нибудь освободится от всего этого, уйдет от своего жалкого Хью и займется тем, на что она способна — может быть, будет писать книги или издавать газеты…

Я все время представляла ее себе сидящей в мансардной комнатушке где-то в центре Лондона, с растрепанными волосами, с сигаретой в зубах; рядом — стакан виски, а перед ней — пишущая машинка, на которой она сосредоточенно что-то строчила,

отрешившись от всего мира. А вместо этого она вытирала сопливые носы своим детям и содержала в порядке мрачную квартиру Селли… И я ничего не могла в этом изменить.

Но в общем и целом это было мирное время, когда моя любовь к земле, на которой я жила, все больше крепла, а работа в равной степени как выматывала, так и по-настоящему приносила удовлетворение. Боль из-за того, что я не могла выйти замуж за мужчину, которого любила, утихла. Нынешний Джон, как любовник, был более терпимым, чем если б он был моим мужем. Определенным образом я вытянула более счастливый билет — и в то же время нет. То, что наши отношения оставались тайными, конечно, причиняло мне боль, хотя я все время пыталась уговаривать себя, что не играет никакой роли, являемся ли мы официально парой или нет. Что имела Виктория от того, что называлась «миссис Ли»? Люди считали меня старой девой, а те, кто знал меня со времен моего участия в движении суфражеток, тайком констатировали: неудивительно, что на «такую» не клюнул ни один мужчина.

Они могли думать что угодно. Но в их уважении, пусть даже иногда выраженном против воли, я была уверена. Они знали, что процветание фермы Уэстхилл — это моя заслуга. Экономический кризис в тридцатые годы мы выдержали лучше, чем многие другие, и я чувствовала, что за это многие мною восхищались. «Она дымит как вытяжная труба, а пьет как мужик!» — говорили обо мне. Откуда им было знать, что я бываю очень мягкой, очень нежной… После Франции и смерти матери, казалось, я утратила все, что во мне было, — нежность, ранимость и чувственность. Я только знала, что глубоко во мне еще живет юная Фрэнсис Грей и что иногда она опять появляется, словно не было никогда ничего злого, словно она никогда не видела мрачной стороны этого мира.

Но на горизонте поднимались темные облака, и хотя я в основном была занята коровами, овцами и лошадьми, даже в сонном Дейл-Ли в Северном Йоркшире не могла не знать, что происходит за границей.

В марте 1938 года немецкие войска вступили в Австрию. В сентябре на Мюнхенской встрече четырех держав — Германии, Англии, Франции и Италии — Гитлер получил одобрение на присоединение к Германии Судетской области Чехословакии. В октябре немцы заняли территорию Судет, а в марте следующего года

уже вошли в Прагу. В Англии было неспокойно. В апреле 1939 года объявили всеобщую воинскую обязанность. Это напоминало 1914 год: все говорили о войне, и по всей стране распространялись тревожные настроения. Те, кто всегда предостерегал от прихода Гитлера, получили подтверждение своим мрачным прогнозам, а те, кто до сего времени не испытывал никакого беспокойства, почувствовали, что недолго еще им придется закрывать на это глаза.

В течение всего этого времени я эгоистически думала: «Как хорошо, что Джон уже слишком стар. В пятьдесят два года его, по крайней мере, не пошлют на войну».

И в первый раз я была по-настоящему рада, что у меня нет детей, так как вполне возможно, что сын оказался бы в числе призывников, и тогда я сошла бы с ума от страха.

Просто в жизни так устроено: радости, как и несчастья, редко распределяются равномерно — как правило, все приходит одновременно. Наша жизнь, начиная с 1918 года, текла без особых взлетов и падений. Теперь же, двадцать лет спустя, злые силы опять вступили в заговор.

1 сентября 1939 года немецкие войска вступили в Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну.

В тот же день Виктория нанесла нашему отцу удар, который, по моему убеждению, в конечном счете убил его.

Сентябрь 1939 года

Во всей Англии 3 сентября 1939 года вряд ли нашелся бы хоть один гражданин, который с раннего утра не сидел бы перед приемником и не слушал бы взволнованно периодически передаваемые специальные сообщения.

За два дня до этого немцы напали на Польшу. Мир не мог больше оставаться в стороне и наблюдать за тем, как Гитлер бесцеремонно реализует свою политику экспансии и не моргнув глазом пренебрегает всеми договорами и соглашениями. Все признаки указывали на войну.

Премьер Чемберлен предпринял последнюю попытку предотвратить беду: утром 3 сентября английский посол в Берлине передал немецкому правительству ультиматум, в котором содержалось требование немедленного прекращения военных действий в Польше до одиннадцати часов. И вот побежали минуты, и все задавались вопросом — пойдет ли Гитлер на уступки.

Раньше у Фрэнсис не было времени, чтобы интересоваться событиями, происходящими в мире, но в то воскресное утро она сидела перед приемником, ни на секунду не покидая дом и ощущая почти болезненную нервозность. Она уже понимала, что война неизбежна, по какой-то причине ни на секунду не сомневаясь, что немцы не примут ультиматум.

В десять часов появилась Виктория, растерянная и значительно менее аккуратно одетая, чем обычно. У нее был такой вид, будто она этой ночью ни минуты не спала, а в ее сорок четыре года ее лицо уже не могло просто так скрыть следы бессонной ночи. Впервые она показалась старой. Ее глаза опухли, словно она плакала. Складки в уголках рта углубились. Фрэнсис удивилась, что пустоголовая сестра — как она втайне называла Викторию — так близко к сердцу приняла новость о предстоящей войне, что забыла как следует причесаться и наложить макияж. Но, как выяснилось, волнение Виктории вообще не имело ничего общего с международной политикой.

— Где отец? — спросила она суетливо и огляделась в кухне, где Фрэнсис и Аделина сидели перед приемником. Фрэнсис курила одну сигарету за другой, а Аделина пила молоко с медом, чтобы успокоить

нервы. Она заявила, что при ее возрасте — чуть меньше восьмидесяти лет — разворачивающиеся события ей однозначно не по силам.

— Отец пошел на могилу, — ответила Фрэнсис, — но до одиннадцати обещал вернуться.

— Точно?

— Конечно, — ответила Фрэнсис раздраженно, поскольку уже догадалась, что голова Виктории занята явно не ультиматумом Чемберлена. — В одиннадцать с большой долей вероятности мы уже вступим в войну с Германией. Отец очень этим обеспокоен.

Чарльз колебался, стоит ли ему вообще уходить, но вот уже двадцать три года по воскресеньям в первой половине дня он всегда ходил на могилу Морин, и какой-то там Гитлер не в силах был ему в этом помешать.

— Я подожду его здесь, — сказала Виктория, села на стул и заплакала.

Аделина, охнув, встала, достала из шкафа стакан и сняла с плиты кастрюлю с молоком.

— Детка, выпейте прекрасное горячее молоко с медом, — сказала она. — Вот увидите, как вам это поможет. Мы все сегодня немного не в себе.

— Мне ничего не поможет, Аделина, совсем ничего, — всхлипывала Виктория.

Фрэнсис выключила радио.

— Что случилось? — спросила она.

— Джон… — выдавила из себя Виктория.

Фрэнсис подошла к сестре и взяла ее за руку.

— Что с ним? Он заболел?

Виктория так испугалась, что перестала плакать и широко раскрыла глаза. Затем сделала слабую попытку освободиться от руки Фрэнсис, но ей это не удалось.

— Нет, он не заболел. Он… Я ухожу от него. Вот, хотела спросить отца, могу ли я снова жить здесь… Хочу развестись.

Фрэнсис отпустила руку Виктории и тихо сказала:

— О боже!

— Господи! — пробормотала Аделина, совершенно забыв про мед, который медленно капал с ложки на пол.

— Но почему вдруг так неожиданно? — спросила шокированная Фрэнсис.

— Это совсем не неожиданно, — сказала Виктория, пытаясь вытереть носовым платком лицо. — Я постоянно размышляла об этом в течение всех последних лет. Мне только казалось, что я не смогла бы это сделать. Вы знаете, как мама-католичка относилась к разводам.

Виктория сильно шмыгнула носом. В лучах утреннего солнца, падавших в окно, ее лицо казалось распухшим и безобразно раскрасневшимся. В эту минуту от ее очарования не осталось ничего.

— Так что же все-таки случилось? — спросила Фрэнсис серьезно.

— Он ужасно напился этой ночью. И мне стало страшно.

— Он вам ничего не сделал? — спросила Аделина, широко раскрыв глаза.

Виктория покачала головой.

— Но у меня сложилось впечатление, что он был на грани.

Фрэнсис издала презрительный звук.

— Боже мой, Виктория, думаю, ты опять преувеличиваешь! Пусть он напился. Такое случается. У каждого бывают тяжелые дни, и люди выпивают слишком много. Но от этого мир не рушится.

— Но он слишком много и слишком часто пьет… Не то чтобы он каждый день был совершенно пьян, но не проходит и дня без выпивки. К тому же пьет и утром.

— Он много пережил, — мягко сказала Аделина. Она наконец заметила, что держит стакан с молоком в одной руке, а ложку с медом — в другой, и что мед, как янтарная клякса, расплывается на полу. — Батюшки мои! — воскликнула она.

У Виктории заблестели глаза. Непривычно резко она продолжила:

— Много пережил? Что же именно? Он был на войне, как и многие другие. Бросил на произвол судьбы этого мальчишку, как он считает, но что ему было делать? Ждать, пока его самого убьют или возьмут в плен? Есть мужчины, которые потеряли на войне ногу или глаз. Тем не менее после возвращения с войны они не превратили жизнь своих семей в ад! — Ее голос опять задрожал, но на сей раз она подавила в себе слезы. — Я перепробовала все, — спокойно сказала Виктория и сразу перестала казаться взрослым ребенком, превратившись в по-настоящему взрослого человека.

— Бедная Вики! — утешала ее Аделина, поставив перед ней молоко. — Вот, выпейте!

Виктория стала пить осторожными глотками. Потом она продолжила:

— Вы знаете, это и в самом деле был ад. Я выдержала больше двадцати лет. После войны я для него практически перестала существовать. Бывали периоды, когда он неделями не говорил мне ни единого слова. Меня для него больше не существовало. Когда я пыталась с ним заговорить, он реагировал агрессивно, с раздражением. Умоляла его сказать мне, чем я могу ему помочь, но он только сказал, чтобы я оставила его в покое и что я его не понимаю. Но какой шанс дал он мне, чтобы я его поняла? Если он со мной не разговаривает! — Она сделала еще пару глотков молока. От горячего напитка ей, похоже, стало лучше. — И потом, он так часто уходил… А я все время сидела одна в этом огромном, мрачном доме… Если б у меня хотя бы были дети…

— Ты уже сказала ему, что хочешь с ним развестись? — спросила Фрэнсис.

— Да, сегодня утром. Он, правда, был пьян, как все время на этой неделе… Но тем не менее сказала.

— И что? Как он отреагировал?

— Ответил, что не будет ставить мне палки в колеса. Он был совершенно спокоен.

Глаза Виктории выдавали ту боль, которую она испытывала. Ее муж однозначно дал ей понять, что ее решение ему безразлично. Фрэнсис пыталась привести в порядок свои ощущения. Почему ее так напугала эта новость? Была ли на месте ее совесть, когда она увидела Викторию в таком состоянии — примирившуюся с судьбой, печальной и потерянной? Она знала, что погасшая любовь Джона к Виктории никак не связана с ней, Фрэнсис; но в то же время понимала, что если б не она, возможно, у них была бы возможность вновь обрести то, что их когда-то давно связывало. В мучительном выражении глаз Виктории сегодня утром была и ее вина.

После того как Фрэнсис в течение многих лет вынашивала и таила в себе ненависть к Виктории, она неожиданно пришла к выводу, что этой ненависти больше не существует и от нее остался лишь горький привкус во рту. За что ей проклинать сестру? За то, что та отобрала у

нее мужа? За ее кокетство? За ее нелепое кривляние? За ее презрительные речи, которые она вела о женщинах, не столь очаровательных, как она? За ее мироощущение, в рамках которого речь всегда шла лишь о нарядах, украшениях и вечеринках? За ее любовь к дамским посиделкам, скачкам и балам? За ее розовые щеки и золотистые волосы?

В один прекрасный момент все это сразу стало незначительным. У женщины, которая сидела в кухне на стуле и пила молоко, больше не было розовых щек, а украшения, наряды и перебранки ее в данный момент точно больше не интересовали. Эта женщина выглядела удрученной, обиженной и очень грустной, и Фрэнсис не могла вымещать на ней свой гнев.

— Ты должна еще раз спокойно обдумать все это, — сказала она, ощущая неловкость, и при этом значительно мягче, чем обычно говорила с сестрой.

Но Виктория, которая всегда была нерешительной, вела себя как ребенок и которую болтало на ветру как травинку, на сей раз, очевидно, приняла действительно твердое решение.

— Нет, — сказала она, — здесь нечего обдумывать. Я больше двадцати лет боролась и страдала. Если б у нас была какая-то возможность, я нашла бы ее за это время. Но ее нет. И если все оставить так, как есть, то однажды это меня убьет.

— Ваша мать вас поняла бы, — сказала Аделина. — Она была ревностной католичкой, но семья для нее всегда была важнее церкви. Она бы сказала, что вам не следует так больше мучиться!

Виктория сложила бледные губы в слабую благодарную улыбку.

— Для меня очень важно то, что ты сказала, Аделина. Спасибо.

Фрэнсис сделала пару нервных шагов к окну и назад.

— Может быть, тебе поможет, если я поговорю с Джоном, — сказала она.

Виктория опять улыбнулась, но на сей раз ее улыбка была горькой.

— Может быть, ты хочешь сделать как лучше, Фрэнсис, но уже поздно. О том, что у меня проблемы с семейной жизнью, ты знаешь уже много лет. И тебя это ничуть не беспокоило. А сейчас тебе вдруг приходит в голову, что ты могла бы мне помочь… И если я правильно понимаю, это совсем не связано с тем, что я вдруг начала для тебя что-

то значить. Ты беспокоишься за репутацию семьи, если вдруг станет известно о моем разводе. Поэтому хочешь сейчас взять на себя роль посредницы.

— Позволь, — хотела возразить Фрэнсис, но сразу вмешалась Аделина.

— Хватит! Никаких ссор! Это ни к чему не приведет. Виктория, Фрэнсис хочет вам помочь. Мы обе хотим, чтобы у вас было все хорошо!

— *Ты* — да, Аделина, — пробормотала Виктория, но потом замолчала. Мнение Аделины всегда пользовалось авторитетом в доме. Она вырастила их обеих. Раньше вмешивалась, когда они ссорились из-за куклы, теперь вмешалась, когда возникли другие проблемы…

— Это плохо, но это еще не конец света, — сказала она.

— Нет, именно конец, — раздался голос Чарльза у двери, — именно так оно и есть. Конец света.

Все вздрогнули. Никто не слышал, как вошел отец. Он стоял в дверях в своем темном выходном костюме, который стал ему свободен в последние годы. Даже воротник белоснежной рубашки не прилегал плотно к его тонкой, морщинистой шее.

— Отец! — сказала Виктория, вставая. В какой-то момент показалось, что она готова броситься в его объятия — но затем сдержалась и в нерешительности остановилась.

— Вы, вероятно, не всё слышали, сэр, — сказала Аделина. — Вы должны точно знать, что произошло, прежде чем судить.

На лице Чарльза появилась растерянность.

— Что вы имеете в виду, Аделина?

— Я тебе все расскажу, отец, — сказала Виктория тихо.

Фрэнсис первой поняла, что речь, очевидно, идет о чем-то другом.

— Отец, что случилось? — спросила она, насторожившись.

— Премьер-министр только что сделал заявление, — сказал Чарльз. Его лицо еще больше побледнело. — Мы находимся в состоянии войны с Германией.

Они совершенно забыли снова включить радио. Чарльз сел перед приемником в гостиной. Срок действия ультиматума истек. Немецкая сторона не пошла на уступки.

Виктория, кажется, поняла, что отец имел в виду не ее, когда говорил о конце света, и по ее лицу пробежало выражение облегчения.

Аделина окаменела от страха.

— О нет! — прошептала Фрэнсис.

— Боже, храни Англию, — проговорил Чарльз.

Виктория заявила, что ноги ее больше не будет в доме Джона, и в тот же вечер переехала в свою прежнюю комнату в Уэстхилле. Джон в течение всего дня ни разу не позвонил, не говоря уже о том, чтобы появиться.

— Я могла бы с таким же успехом броситься в воду, — горько сказала Виктория, — но он даже не думает обо мне. Даже не пытается выяснить, где я!

— Он понял, что ты здесь, — сказала Фрэнсис. — Ты всегда бежала домой, когда возникали какие-нибудь проблемы. Почему ты должна была в этот раз броситься в воду?

Виктория обиженно посмотрела на сестру.

— Иногда я горю желанием узнать, почему ты меня всегда ненавидела.

Фрэнсис покачала головой:

— Я тебя не ненавидела. Зачем так драматизировать? Мы просто очень разные, и в этом вся проблема. Мы не понимаем друг друга.

— Ты обиделась на меня за то, что я вышла замуж за Джона. Хотя ты сама от него отказалась, и при этом никакая другая женщина не должна была быть с ним.

— Что за глупости!

— Можешь теперь торжествовать. Я потеряла Джона. Уже много лет назад. У меня с ним не сложилось.

— Не жалей себя, — раздраженно сказала Фрэнсис. — Иди в свою комнату и ложись спать. Ты ужасно выглядишь! — Она повернулась и направилась к двери.

Определенным образом Виктория выбрала подходящий день для сообщения печальной новости, так как драма с разводом, кажется, затерялась в общем водовороте событий, связанных с началом войны. Чарльз лишь устало сказал: «Ах, дитя мое!» — и снова прильнул к радиоприемнику в гостиной. Но он принял события значительно ближе к сердцу, чем показалось вначале. Когда Фрэнсис ночью спустилась вниз, чтобы налить себе стакан воды, она увидела

сидящего в гостиной отца. Он ничего не делал и, казалось, прислушивался к слишком громкому тиканью напольных часов.

Фрэнсис тихо подошла к нему.

— Иди спать, отец. Это плохо, что ты так много размышляешь.

Он поднял глаза.

— В моем возрасте уже не хочется долго спать.

— Сейчас все не так, как было в первую войну, отец. Нам не надо никого туда посылать. Это уже легче.

— Нацисты — это большая опасность. Они хотят завоевать весь мир. А немцы сильны, Фрэнсис. Они обретают особую решительность, если хотят победить. Если они выиграют эту войну, то нормальной жизни больше не будет.

— Но ничего не изменится, если ты будешь сидеть здесь всю ночь без сна. Попробуй забыть о Гитлере на пару часов.

— Если честно, — сказал Чарльз, — в настоящий момент причиной моей бессонницы скорее является твоя сестра.

— Но она-то сама как раз мирно спит.

— Почему она так со мной поступает? Со всеми нами? Развод!.. В первый раз я сегодня подумал: хорошо, что ваша мать не дожила до этого времени. Это разбило бы ей сердце!

Фрэнсис мысленно спрашивала себя, как это возможно, чтобы ее отец мог так подумать о женщине, с которой он прожил полжизни и которую безумно любил. Морин не была человеком, которому можно было разбить сердце, не важно по какой причине. Она недолго пребывала бы в отчаянии и попыталась как-то исправить ситуацию.

Хотя у Фрэнсис не было особого желания говорить что-то хорошее в адрес Виктории, она чувствовала себя обязанной объяснить отцу, что его младшая дочь действительно долго страдала и, следует признать, всегда пыталась скрыть эту трагедию от семьи.

— Джон действительно недостойно вел себя с ней, — сказала Фрэнсис, — и она основательно намучилась в последние двадцать лет.

Чарльз невольно сжал левую руку в кулак. Это была тонкая рука старого человека с набухшими венами и многочисленными бурыми пятнами.

— Я знал. Я ведь знал. Каждые два дня она приходила сюда и плакала. Не подумай, что меня это не трогало. Иногда разрывалось сердце, когда я видел ее такой жалкой. Но… — Отец подался вперед; в

его голосе появились жесткие и холодные нотки, он говорил очень медленно и акцентированно. — Нужно было держаться! Ты понимаешь? Если что-то начинаешь, то нужно выдержать. Не сдаваться! Нужно держаться того, на что однажды решился.

— Обстоятельства могут измениться. Никто не обязан страдать всю жизнь.

Чарльз откинулся назад. Его рука разжалась.

— Ты не сможешь этого понять. Все твое поколение, вероятно, не сможет этого понять. Мы живем в такое время, когда все ценности рушатся. Очень печально, что это приходится переживать. Посмотри только на королевский дом! Легкомысленный Эдуард отрекается от престола, чтобы жениться на сомнительной даме из Америки… Его долг, его ответственность в жизни заключалась в том, чтобы быть королем Англии. От этого не убежишь.

— Ты отказался от множества привилегий, чтобы жениться на маме. *Ты* должен это понять.

— Я в течение всей своей жизни не оставлял в беде никого, кому был нужен.

— Если речь о Виктории, — сказала Фрэнсис, — она тоже никого не бросала в беде. И уж тем более Джона, для которого много лет была пустым местом. Отец, — она положила ладонь на его руку, — у меня нет оснований защищать Викторию, ты это знаешь. Мы никогда не любили друг друга. Но она имеет право на каплю счастья в жизни, и с Джоном…

— Право? — грубо перебил он ее. — Это как раз то, в чем я вас обвиняю! Тебя и твое поколение! Вы постоянно оперируете понятием «право» в отношении себя. У вас есть право и на то, и на это, и если вам оно не предоставляется, то вы берете его сами; при необходимости — даже с помощью силы. На чем ты основываешь все эти права? — Отец отдернул руку и с трудом встал. В нем чувствовалось раздражение. — Я скажу тебе, что ты в принципе вообще не имеешь никаких прав. Никаких! Даже права на жизнь! И уж тем более — права на счастье. Кто, черт подери еще раз, сказал, что у нас есть право на счастье?

— А какое право имеешь ты на то, чтобы об этом судить? — холодно ответила Фрэнсис.

Он смерил ее взглядом, в котором перемешались ярость и презрение, и молча вышел из комнаты.

Виктория оставалась верна своей клятве никогда в жизни больше не переступать порог Дейлвью; но уже через два дня она начала ныть, что все ее личные вещи остались там — ее одежда, ее белье, ее обувь. У нее, мол, нет даже теплого жакета, а сейчас, в начале сентября, воздух уже становится прохладнее…

— Ты можешь взять у меня все, что тебе требуется, — сказала Фрэнсис, — и еще остались мамины вещи.

Глаза Виктории опять наполнились слезами.

— Как ты не можешь понять, что мне нужны *мои* вещи? Они… они мне просто необходимы. Иначе у меня возникает чувство, что в моей жизни больше нет *ничего* постоянного!

Фрэнсис раздражалась, но Аделина отнеслась к этому с пониманием.

— Ей нужно то, что принадлежит ей. Она потеряла все, что составляло ее жизнь. Теперь она должна найти пристанище дома, потому что потерпела неудачу в браке. Она должна сохранить что-то, что связывает ее с самой собой.

Фрэнсис сказала, что ей трудно понять, как женщина может причитать из-за своей одежды, когда страна вот уже несколько дней находится в состоянии войны и повсюду возникают значительно более серьезные проблемы. Но в конце концов она выразила готовность поехать вместе с Аделиной в Дейлвью и собрать там для Виктории чемодан с ее самыми необходимыми личными вещами.

— Я никогда этого не забуду, Фрэнсис, — сказала Виктория с искренней благодарностью и облегчением в голосе.

— Успокойся. Я делаю это только для того, чтобы прекратилось твое бесконечное нытье, — ответила Фрэнсис. Виктория сжала губы и замолчала.

Стоял солнечный сентябрьский день, ослепительно яркий и безоблачный; воздух был свеж и прохладен, как прозрачная родниковая вода.

Джона не было дома, когда они приехали в Дейлвью, и слуга, открывший им дверь, был явно в замешательстве из-за возникшей ситуации. Ему, разумеется, были знакомы и Фрэнсис, и Аделина, но он

не знал, может ли отвести их наверх, в гардеробную комнату миссис Ли, чтобы они там упаковали ее вещи.

— Я даже не знаю, — растерянно сказал слуга, — у меня после этого могут быть неприятности…

Он позвал горничную Виктории, Сару, которая в конце концов согласилась подняться с обеими женщинами наверх. Как выяснилось, она сгорала от любопытства.

— Миссис Ли больше не вернется? — спросила служанка, понизив голос, больше обращаясь к Аделине, которая была из той же социальной среды.

Аделина не видела оснований уходить от вопроса.

— Нет, миссис Ли больше не вернется.

— Он был ужасно пьян той ночью, после которой она ушла! — В голосе Сары ощущался ужас. — Он ударил стулом о стену в библиотеке, и при этом сломались две ножки. Он орал, что больше не может ее выносить. Бедная миссис Ли была белой как полотно. Она пыталась что-то сказать, но он закричал, чтобы она замолчала, или он за себя не отвечает! Разве это не ужасно?

Блестящее представление для прислуги, подумала Фрэнсис.

Они вошли в просторную гардеробную комнату Виктории, оклеенную обоями с рисунком в виде роз и васильков, со множеством стенных шкафов. В середине комнаты стоял туалетный столик с зеркалом, рамка которого была украшена великолепной резьбой. На столике лежал серебряный набор — щетки, расчески и ручное зеркало, рядом стояли шкатулки для украшений из эбенового дерева с инкрустацией из слоновой кости.

— Пожалуй, мы всё это возьмем с собой, — решила Фрэнсис. — Без украшений и макияжа Виктория не может жить.

Она открыла одну из шкатулок и посмотрела на сверкающие украшения. Видимо, было время, когда для Джона не существовало слишком дорогих вещей для своей жены. Но это было достаточно давно, чтобы тронуть Фрэнсис. Она только подумала — совершенно объективно, без какого-либо сочувствия, — что несчастье Виктории на самом деле было безмерным и болезненным и совершенно непонятным для нее самой.

— Мистер Ли наверняка не будет ничего иметь против, — сказала Сара, при этом в ее голосе явно ощущалась нотка неловкости. — Все

эти вещи принадлежат миссис Ли.

— Ответственность за то, что мы здесь делаем, я беру на себя, — сказала Фрэнсис. — Не беспокойтесь, Сара!

Ее взгляд скользил по дверцам шкафов. У Виктории был такой гардероб, что его хватило бы на небольшой городок.

— Вы должны помочь нам отобрать здесь кое-какую одежду, Сара, — продолжала она. — Мы, разумеется, не в состоянии взять с собой всё, тем более что даже не сможем разместить это у нас. Нам нужно белье, чулки, обувь, несколько повседневных платьев — легких и теплых, — пальто, жакет и несколько свитеров. И длинные брюки, если они есть у Виктории.

Длинных брюк у нее не было, но Сара сказала, что она, кроме того, подберет для Виктории полный гардероб. Сара и Аделина занимались вещами, а Фрэнсис села на подоконник и закурила сигарету. Она видела, что Сара открыла рот, чтобы что-то возразить, но, очевидно, все-таки не решилась ничего сказать и молча его закрыла.

Наконец, сложив свитера и уложив шелковые чулки в сумку, она как бы между прочим спросила:

— Они разведутся — мистер и миссис Ли?

Аделина посмотрела на Фрэнсис, та пожала плечами.

— Похоже, что так, — сказал Джон, входя в комнату. Он указал на чемоданы и лежащую кругом одежду. — Что здесь происходит?

У Сары на лице сразу выступили красные пятна.

— Мисс Грей сказала… я думала… мы… — запиналась она.

Фрэнсис соскользнула с подоконника.

— Я попросила Сару нам помочь. Виктории нужны кое-какие вещи.

— Конечно, — сказал Джон, — это само собой разумеется.

На нем были брюки для верховой езды, сапоги и свитер. Минувшим летом его лицо сильно загорело, а в волосах появилась седина. Этим утром Джон казался неожиданно расслабленным и, очевидно, еще ничего не пил. В этот момент он никак не напоминал мужчину, которого можно было бы представить в роли мучителя, от которого ушла жена, потому что жизнь с ним стала невыносимой.

— Пока здесь упаковывают вещи, — сказал он, — мы могли бы где-нибудь поговорить, Фрэнсис?

Аделина бросила на него резкий взгляд.

— Хорошо, — равнодушно ответила Фрэнсис и вышла вместе с ним из комнаты.

— Это даже лучше, что так вышло, — сказал Джон. — Лучше для Виктории. Она обретет покой.

Они сидели на задней террасе, с которой открывался прекрасный вид на парк. Фрэнсис очень давно здесь не была; ее встречи с Джоном проходили в других местах, и она стеснялась заходить в дом, в котором жила ее сестра. Она заметила, что парк не был так ухожен, как в те времена, когда еще была жива мать Джона. В начале своего брака Виктория наверняка имела честолюбие и была достаточно энергична, чтобы во всех отношениях продолжить то, что делала ныне усопшая свекровь; но в последние годы она была слишком много занята личными проблемами, чтобы следить за домом и парком.

Прислуга, разумеется, делала не более того, что было необходимо. Большинство кустарников разрослось, и аллея стала труднопроходимой. Летние ураганы сорвали ветки с деревьев, и они валялись разбросанные по огромной территории, где их никто не убирал. Все заросло высокой травой, и в цветниках среди бурьяна проглядывали, пытаясь самоутвердиться, редкие цветы. Фрэнсис спрашивала себя, замечал ли это Джон, было ли ему это просто безразлично, или он этого вовсе не видел.

Они сидели на плетеных креслах и пили виски. Фрэнсис подозревала, что Джон был рад ее появлению в Дейлвью еще и потому, что у него появилась возможность на полном основании выпить с утра.

Когда они вышли в гостиную, он попытался ее поцеловать, но она отстранилась.

— Не сейчас…

— Почему?

— Просто мне кажется, что это неправильно, — сказала Фрэнсис. Джон рассмеялся, но, видимо, понял, что она испытывает.

— Ты, похоже, недавно ночью потерял над собой контроль, — сказала она, — все рассказывают об этом с ужасом в глазах… Виктория испугалась тебя, а Сара подумала, что ты можешь что-то сделать со своей женой.

— Что за глупости, — возразил Джон и раздраженно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Просто слишком много выпил, только и всего. Я никогда не поднимал на Викторию руку, в течение всех этих двадцати восьми лет. Она очень любит все драматизировать.

— Но ты сломал в библиотеке стул…

— Возможно. Может быть, даже два. Боже мой, когда выпьешь, совершаешь такие вещи, за которые тебе на следующее утро бывает стыдно… Разве не так? Но я никого и пальцем не тронул.

— Ей было тяжело с тобой в последние годы.

— Я знаю. — Джон залпом допил виски и посмотрел внутрь стакана, как будто мог там еще что-то обнаружить. Фрэнсис понимала, что он размышлял, будет ли это неблагоразумным — налить себе еще.

— Я плохо к ней относился, и она это не заслужила, — сказал Джон. — Когда вернулся с войны, у меня все больше и больше возникало чувство того, что я не могу ее выносить. Я стал другим, а она оставалась все такой же — прелестной, с огромными глазами — и считала, что мы можем продолжить нашу совместную жизнь с того места, где остановились. Она ничего не поняла из того, что случилось в мире за эти четыре года.

— Каким образом Виктория могла это сделать? Она сидела здесь, в Дейлвью, и день и ночь задавалась только одним вопросом — почему у нее нет детей. Новости о том, что действительно происходило во Франции, вряд ли доходили сюда.

— Фрэнсис, для Виктории это не самый животрепещущий вопрос. До нее сюда может вообще ничего не доходить, потому что ее ничего не интересует. Кроме моды и светских сплетен — это единственное, в чем она что-то понимает.

Фрэнсис зло улыбнулась.

— Ты знал об этом, прежде чем женился на ней.

Джон долго смотрел на нее, поворачивая в руках пустой стакан. Еще немного, и он не сможет больше сдерживать себя — встанет и нальет себе еще виски.

— Не знаю, поверишь ты мне или нет, — сказал он, — но я женился на ней не потому, что хотел досадить тебе. Некоторое время я действительно хотел прожить с ней счастливую жизнь. Я знал, что Вики поверхностна и не очень умна, но она была очень привлекательной и какой-то… предсказуемой. В тебе этого не было

вообще, и мне этого хватило. Возможно, если б не война, если б я не совершил во Франции эту страшную ошибку… Я продолжил бы свою политическую карьеру, и она поддерживала бы меня, насколько ей это было под силу. Я знал, что всегда могу рассчитывать на ее лояльность. Война каким-то образом выбила меня из колеи. Я не живу в лачуге, как твой брат, и не рисую, подобно ему, полные кошмаров картины, но меня все здесь доконало. — Он поднял свой стакан, в котором таял последний кубик льда. — Я так много пил в последние двадцать лет, что каждый день удивляюсь, как до сих пор жив. Еще я удивляюсь, что здесь, в Дейлвью, все это еще как-то сохраняется. У меня хорошие работники.

Фрэнсис ничего не возразила в ответ. Она лишь смотрела на парк, раскинувшийся внизу, в котором раньше в это время года осенние цветы образовывали ковер из огненных красок. Запустение было более заметно, чем Джон, очевидно, представлял себе. Между камнями на террасе образовались плотные подушки из мха, балюстраду покрывал зеленый лишайник. Фрэнсис зябко поежилась. Воздух сегодня и без того был прохладным, несмотря на солнце, но здесь, в тени этого огромного каменного дома, было по-настоящему холодно. Фрэнсис опять подумала о том, что она всегда страдала от этого холода, когда находилась в Дейлвью.

— В какой-то момент для меня это стало слишком, — продолжал Джон, — ее очаровательное лицо, ее огромные глаза, ее неспособность понять что-то из того, что происходило во мне… Но, может быть, я вообще всем пресытился. Я сам себя не узнавал. Думаю, алкоголь многое сжигает в человеке, даже то, что делает тебя тем, что ты есть. Он действительно меняет тебя. Ты становишься другим. — Он встал. — К черту, перед тобой мне незачем кривить душой. Принесу еще виски. Ты будешь?

Фрэнсис покачала головой. Она и так лишь притронулась к стакану, тот был почти полон. Посмотрела вслед Джону, когда он направился к двери в дом. В течение последних лет, когда они время от времени встречались — иногда каждую неделю, потом месяц или два не виделись вообще, — она, конечно, не могла не заметить, что Джон пил. Но не представляла себе, что он серьезно болен, или так настойчиво гнала от себя эту мысль, что она действительно никогда не

проникала в ее сознание. Степень алкогольной зависимости Джона Фрэнсис реально поняла только этим утром.

Джон вернулся. В лучах солнца, которые тем временем робко пробились на веранду, виски в его стакане искрился как янтарь. Он наполнил стакан доверху.

Теперь встала Фрэнсис.

— Давай немного пройдемся по парку, — предложила она, — мне ужасно холодно. Аделине потребуется еще какое-то время.

Джон, который с бледным лицом в упор смотрел на стакан виски перед собой, сказал:

— Я не буду препятствовать Виктории. Она получит развод как можно быстрее. Иначе это будет нечестно.

Он опять сел в кресло. Немного виски выплеснулось из стакана ему на руку и оставило на ней влажный, блестящий след.

— Я просила тебя пойти в парк, — настаивала Фрэнсис с нетерпением в голосе.

Джон начал пить, сконцентрировавшись только *на этом*. Фрэнсис подождала немного, и вдруг ей показалось, что она исчезла из его сознания. Теперь она поняла, что имела в виду Виктория, когда сказала: «Порой я просто не существую для него».

Фрэнсис спустилась вниз по ступеням к парку. Замерзнув, сидя в тени на террасе, она по-настоящему ощутила тепло солнечных лучей. Солнце ласкало ее обнаженные руки. Она пошла быстрее, как будто это могло помочь ей сбросить с себя подавленность, охватившую ее. Высокий мрачный дом с множеством окон остался позади. Как и мужчина, который сидел на террасе и пил свой виски. Там же остался страх перед тем, что было, и печаль о том, что могло бы быть.

Июнь — октябрь 1940 года

«Мы будем защищать наш остров, чего бы нам это ни стоило, — заявил Уинстон Черчилль, новый премьер-министр. — Мы будем сражаться на побережьях, мы будем сражаться на суше, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах; мы никогда не сдадимся…»

Вся Англия сидела перед приемниками и слушала ставшую впоследствии знаменитой речь Черчилля «Мы будем сражаться на побережьях», моментально проникшую в сердца людей. Она вырвала его соотечественников из состояния обреченности и летаргии в эти мрачные весенние дни 1940 года, когда немцы сражались в Норвегии, разгромили Бельгию, Люксембург и Голландию и напали на Францию. В условиях сильнейшей критики, которая со всех сторон сыпалась на него, премьер Чемберлен подал в отставку. Именно его политикой умиротворения агрессора, которую он проводил до 1939 года, объясняли тот факт, что немецкие войска с такой неудержимой мощью вторглись в Европу. Черчилль, его преемник, говорил совсем иначе — четко, ясно и без каких-либо приукрашиваний. Он назвал национал-социалистов в Германии «ужасными тиранами, как сами себя они еще никогда не обозначали в мрачном каталоге преступлений против человечности».

«Вы спрашиваете, что является нашей целью? — гремел его голос в Палате общин. — Я могу выразить это одним-единственным словом: победа. Победа любой ценой, победа, несмотря на весь этот ужас. Победа, независимо от того, насколько долгим и тяжелым будет путь к ней!»

В тот самый момент, когда англичане застыли в страхе перед триумфальным шествием немецких войск, Черчилль вернул им их веру в себя, их мужество, их решительность. Вся страна испытывала небывалый эмоциональный подъем после удавшейся эвакуации 33 000 британских и французских солдат из Дюнкерка, где у них, окруженных и беспрерывно обстреливаемых немецкими войсками, за спиной было только море. 860 кораблей и лодок курсировали по проливу в непрерывном челночном движении, доставляя солдат на спасительный

остров. И хотя они прибывали туда с совершенно подорванным здоровьем и практически безоружные, их встретили с ликованием, как после победы. Их увели из-под носа у немцев. Врагу показали, что с англичанами нужно считаться[7].

Даже в Дейл-Ли, где жизнь всегда текла как во сне и, казалось, весь остальной мир был далеко в стороне, война оставила свой отпечаток. Большинство молодых мужчин были призваны в армию, кроме тех немногих, кто был незаменим на своих фермах. В конце концов, было необходимо каким-то образом обеспечивать снабжение продуктами населения Англии.

Дейл-Ли уже понес первые потери: погиб сын священника — во время осады Дюнкерка, при бомбардировке, предпринятой немецкой стороной, непосредственно перед самым началом эвакуации его подразделения. Отцу смогли передать труп солдата, чтобы девятнадцатилетний юноша мог быть похоронен на родине. Вся деревня, все окрестности приняли участие в похоронах. Все знали, что они оплакивают первую жертву — но не последнюю.

14 июня пал Париж. Вновь образованное правительство Петена в связи с катастрофическим положением потребовало прекращения огня. Генерал Шарль де Голль, которому удалось бежать в Англию, заявил, что никогда не признает эту капитуляцию. В последующие годы он из эмиграции поддержит движение Сопротивления во Франции и будет постоянно призывать своих соотечественников к борьбе против немецких завоевателей.

Произошли первые бомбардировочные налеты немецкой авиации на различные цели в графстве Эссекс; британцы ответили атаками на Гамбург и Бремен. В конце июня немцы заняли британские Нормандские острова. В июле усилились воздушные налеты на юго-восточную область Англии. Англичане в ответ начали ночные налеты на немецкие города.

В августе в Дейл-Ли появилась незнакомка, женщина, которую никто не знал, никто никогда раньше не видел. Конечно, она стала главной темой всех разговоров и невероятных предположений. В течение нескольких дней судачили даже о том, что она немка и, возможно, шпионка, и стали раздаваться первые призывы к тому, что ее следует выгнать из деревни и «показать ей, что случается с каждой,

кто выдает англичан немцам». Наиболее разумные сразу указали на то, что шпионке именно в Дейл-Ли совершенно точно абсолютно нечего выведывать.

Потом выяснилось, что молодая женщина была француженкой и эмигрировала перед приходом во Францию немецких оккупантов. Она остановилась в гостинице «Святой Георгий и дракон» и поселилась в убогой мансардной комнате, в которой этим жарким августом было невыносимо душно, а зимой ее нельзя было топить. Хозяйка гостиницы сказала, что беженка говорит на хорошем английском языке, с однозначно французским — и ни в коем случае не немецким — акцентом. Кроме того, она предъявила французский паспорт. Ее звали Маргарита Брюне.

Фрэнсис не обращала внимания на ажиотаж, вызванный приездом Маргариты Брюне. У нее было достаточно собственных забот, так как из-за войны она потеряла несколько молодых рабочих, трудившихся на ферме, и поняла, что работа повсюду остановилась.

— Этот проклятый Гитлер, — сказала она в ярости своему отцу. — Все шло так хорошо… Теперь он развяжет войну по всем направлениям, и у нас будет еще больше проблем!

— Как ты можешь так эгоистично рассуждать! — воскликнула Виктория, которая случайно оказалась рядом и слышала то, что сказала Фрэнсис. — У нас-то все нормально. Подумай лучше о бедных людях во Франции, Голландии или Польше. Им намного тяжелее!

— Ты вообще не имеешь об этом никакого представления! — с раздражением возразила Фрэнсис. — Только сидишь здесь целыми днями, тебя обслуживают, а ты постоянно ноешь из-за своего неудавшегося брака… И у тебя нет тех проблем, с которыми мне приходится ежедневно сталкиваться!

— Ты противная, самоуверенная особа! — парировала Виктория. — Только и можешь постоянно…

— Девочки, — устало сказал Чарльз. С тех пор как узнал, что Виктория разводится, он, кажется, еще больше постарел, еще больше ушел в себя. По нему было видно, как он нервничает из-за постоянных конфликтов своих дочерей.

— Так или иначе, сегодня я пригласила на чай Маргариту Брюне, — объявила Виктория. — Кто-то должен немного ее

поддержать. Она кажется ужасно потерянной. Ей, должно быть, очень тяжело находиться вдали от родины!

— Как быстро ты поменяла свои убеждения, — язвительно заметила Фрэнсис. — Еще пару дней назад ты, как и большинство здесь, была убеждена, что она немецкая шпионка. А тут — сразу приглашение на чай?

Виктория передернула плечами.

— В эти времена надо быть осторожной. Но теперь, когда известна ее личность, к ней следует относиться как к гостье.

Фрэнсис была убеждена, что ее сестра решила принять Маргариту исключительно из-за скуки и любопытства; но в дальнейшем ей стало ясно, что к этому дружескому жесту Викторию побудило ее одиночество. Сестра предложила помощь — но в действительности она сама нуждалась в помощи. В конце концов, разрыв с Джоном был единственным выходом из ее ситуации, но она опять в этом засомневалась.

Почти каждое утро Виктория появлялась за завтраком с заплаканными глазами, выпивала два глотка кофе и съедала один тост и яйцо. Бледное лицо свидетельствовало о том, что она очень мало спала. Ее жизнь уже давно шла кувырком, и она израсходовала все свои силы, ведя длительную борьбу, которую все же проиграла. Окончательное поражение причиняло боль и сопровождалось глубоким душевным истощением, в котором Виктории едва удавалось защититься от угрожающей тьмы внутри себя.

У нее не было никого, с кем она действительно могла поговорить: отец, как и прежде, осуждал ее решение расторгнуть брак с Джоном и ничего не желал об этом слышать. Фрэнсис думала лишь о ферме, была раздраженной и нервной и делала такое гневное лицо, что никто не отважился бы обременять ее своими личными проблемами. Оставалась только Аделина, но она была старой женщиной, которая к тому же никогда не была замужем и многое из того, что говорила Виктория о Джоне, просто не понимала.

Только спустя годы Фрэнсис поняла, что она должна была радоваться тому, что Виктория искала дружбы с незнакомой француженкой; возможно, это была самая первая ее попытка вытащить себя из болота.

Но тогда, в августе 40-го, она не могла быть великодушной, и ее злило, что Виктория прикрывается маской любви к ближнему, чтобы корчить из себя сильную личность и совать свой нос в личные дела других людей.

— Я отчаянно жду каких-нибудь новостей о своем муже, — сказала Маргарита Брюне.

Она говорила на отличном английском языке, но с сильным французским акцентом. Привлекательная: темноволосая и темноглазая, стройная; несмотря на бедность ее поношенного летнего платья, была в ней какая-то притягательная элегантность, которую ей придавали осанка и пластика движений. Виктория ловила каждое ее слово. Фрэнсис, которая хотела только поздороваться и сразу уйти, все же осталась в комнате и приняла участие в беседе. Чарльз, сидевший в своем старом кресле, казался более оживленным, чем обычно.

— Немцы арестовали его в тот день, когда пал Париж, — продолжала Маргарита. — Они явились ранним утром, когда мы еще спали. Ему не разрешили ничего взять с собой, даже немного теплых вещей на случай холодов.

— Может быть, он вернется, прежде чем настанет осень, — предположила Виктория.

Маргарита печально улыбнулась.

— Я в это не верю.

— Какова же была причина ареста? — спросила Фрэнсис.

— Фернан — мой муж — в течение нескольких лет принимал участие в борьбе с нацизмом. Он был членом организации по оказанию помощи беженцам, переправлявшей преследуемых лиц в Германии через границу во Францию. Он ничего мне об этом не рассказывал, но я, конечно, замечала, что муж что-то скрывает; к тому же он часто не приходил ночами домой. Я даже подумала, что у него другая женщина… — Она закусила губы и тихо добавила: — Сегодня я бы предпочла, чтобы так и было. Это причинило бы мне боль, но не было бы столь ужасно, как то, что произошло.

— Вашему мужу нужно было бы сразу исчезнуть, как только Гитлер вошел во Францию, — сказал Чарльз.

— Я умоляла его сделать это, — ответила Маргарита. — Я говорила ему, что он должен уехать из Франции как можно скорее. Но

он не хотел. Не видел опасности. Он был убежден, что нацисты о нем ничего не знают и можно продолжать борьбу.

— Но оказалось, что они о нем знали, — пробормотала Фрэнсис.

Маргарита кивнула.

— Я думаю, кто-то его предал. В любом случае, они не теряли время. Он выглядел ужасно бледным, когда уходил с ними. Я видела, сколько страха было в его глазах.

Никто не знал, что сказать. Любой утешительный комментарий прозвучал бы смешно. Даже наивной Виктории было понятно, что муж Маргариты имел все основания испытывать подобный страх.

— Потом я навела справки и узнала, что они увезли его в Германию. В концентрационный лагерь под Мюнхеном. Он называется «Дахау».

— В таком лагере наверняка тяжелые условия, но это определенно можно пережить, — предположила Фрэнсис. — Немцы не будут уничтожать каждого, кто им чем-то не угодил. В какой-то момент они его отпустят. Да и, возможно, все и без того быстро закончится. Гитлер не может побеждать всегда. Когда-нибудь этому придет конец.

— К сожалению, я знаю, что дела обстоят хуже, чем это можно представить, — сказала Маргарита. — Мой муж мне рассказывал. Они систематически убивают людей в лагерях. Это будет чудо, если он останется жив.

— Не говорите такие страшные вещи! — воскликнула Виктория.

Маргарита бросила на нее холодный взгляд.

— Нужно смотреть на факты трезво. В таком случае, как этот, нельзя целиком поддаваться отчаянию, но и не следует питать слишком большие надежды. Я стараюсь держаться где-то посередине.

— Мне в любом случае кажется разумным ваше решение уехать из Франции, — сказал Чарльз.

— Да?.. А вот я кажусь себе дезертиром. Через две недели после того, как моего мужа арестовали, раздался анонимный звонок. Какой-то мужчина предупредил: на следующий день меня арестуют. До сих пор не знаю, кто это был. Полночи я колебалась. Я не хотела бросать мужа на произвол судьбы. Подумала: «Если они меня арестуют, то, возможно, мы опять с ним увидимся. И тогда по меньшей мере будем переносить все невзгоды вместе». Но потом сказала себе: «Я не могу быть уверенной в том, что попаду в тот же самый лагерь. И если меня

арестуют, я уже ничего не смогу сделать». Ранним утром я собрала немного вещей и поехала к своим друзьям. Потом через Испанию и Португалию приехала в Англию.

— А почему вы оказались именно в Йоркшире? — спросила Фрэнсис.

— В Бредфорде жила одна моя дальняя родственница. Кузина моей матери третьей или четвертой степени. И я вспомнила о ней. Но, как выяснилось, за это время она умерла. Так я оказалась здесь, наверху, и подумала, почему бы и нет. Я хотела найти себе пристанище в какой-нибудь небольшой деревушке, потому что так выйдет дешевле. То, что я попала в Дейл-Ли, было случайностью. — Маргарита пожала плечами. — Здесь так же хорошо, как и в любом другом месте, не так ли? Правда, у меня остается не так много времени, чтобы найти работу. Еще примерно четыре недели — и у меня закончатся деньги. Возможно, я все же ошиблась, приехав в деревню… В городе, наверное, больше возможностей.

— Мы вам что-нибудь подберем, — сказала Фрэнсис.

— В Париже я преподавала в школе, — объявила Маргарита, — математику и биологию. К сожалению, здесь мне это вряд ли пригодится. Но, может быть, я могла бы давать детям частные уроки французского языка?

Фэнсис не хотела говорить ей, что во всей округе не было детей, которые учили бы французский язык. В двух семьях, где обращали внимание на образование — в их собственной и в семье Ли, — все дети уже выросли. А так здесь жили одни крестьяне. И в воспитании своих потомков они придавали значение совсем другим ценностям, нежели французский язык.

Виктория удивила всех, когда заявила, что сама с удовольствием стала бы брать уроки. Она учила в школе французский и преуспела в нем.

— Но… — начала Фрэнсис, однако Виктория перебила ее непривычно резко:

— Я хочу освежить свои знания. Если они вообще еще сохранились. Я целую вечность ни слова не говорила по-французски.

Позднее, когда Маргарита ушла, она сказала Фрэнсис:

— Ей нужна помощь, но она слишком горда, чтобы просто взять деньги. А если я буду брать уроки, то, по крайней мере, смогу немного

поддержать ее. Это страшно, что ей приходится испытывать, ты не находишь? Я не смогла бы вынести эту неизвестность.

— Ей не остается ничего другого, — сказала Фрэнсис и добавила чуть недовольно: — Ты удивляешь меня, Виктория. Я и не знала, что ты так много думаешь о других людях. Должно быть, ты ей симпатизируешь?

— Я считаю, что она красивая и образованная. Кроме того… — Виктория запнулась, потом продолжила: — Кроме того, я очень одинока. Мне нужно как-то отвлечься. Уроки французского могли бы скрасить мою повседневную жизнь.

— Ну, тогда вы взаимно заинтересованы в этом, — заключила Фрэнсис.

Она тоже находила Маргариту симпатичной и очень умной, но спрашивала себя, может ли действительно возникнуть дружба между ней и Викторией. Неужели Маргарита почувствует симпатию к ее вечно ноющей сестре?

В сентябре немецкие истребители бомбили Лондон, сея хаос в центре города. Каждую ночь люди отправлялись в подвалы или в вестибюли метро. Дома горели целыми кварталами, пожарные команды работали в беспрерывном режиме. Завалы заблокировали дороги. Война продолжалась в опасной близости, решимость врага была серьезной.

Гитлер планировал высадку немецких войск в Англии, но то и дело переносил операцию «Морской лев» из-за неблагоприятных погодных условий. Королевским военно-воздушным силам Великобритании постоянно удавалось сбивать вражеские бомбардировщики и тем самым демонстрировать немцам, что англичане устроят им тяжелую жизнь. Но страх народа был все же очень велик, особенно в столице и в промышленных областях. Бомбы не только разрушали дома и улицы, они изматывали и запугивали людей. Ночное пребывание в бомбоубежищах, сопровождавшееся воем падающих бомб и звуками взрывов, стоило кучи сил и нервов. Распространяющиеся слухи о предстоящем десанте немецких войск сделали свое дело, посеяв беспокойство и страх.

В последнюю неделю сентября из Лондона позвонила Элис. Это был прохладный, тихий осенний день, когда туман не рассеивался до

самого вечера и, казалось, проглатывал все голоса и звуки. В воздухе висели запахи прелой листвы и влажной земли. Уже смеркалось, когда Фрэнсис возвращалась домой из стойл, где с раннего утра занималась кобылой, у которой возникли проблемы при родах. Но маленький жеребенок все-таки появился на свет, и мать и детеныш могли отдохнуть после большого напряжения.

Фрэнсис устала и ужасно замерзла. Она мечтала только о горячей ванне. Войдя в дом, услышала, как Маргарита и Виктория в столовой болтают по-французски. Маргарита над чем-то смеялась.

«О Виктории можно говорить что угодно, но она действительно оказывает помощь этой бедной женщине», — подумала Фрэнсис.

В гостиной резко зазвонил телефон.

— Соединяю вас с Лондоном, — скучающе сообщила женщина-оператор, когда Фрэнсис взяла трубку.

Звонила Элис. Голос у нее был резкий и взволнованный. Она говорила так быстро, что, казалось, в любой момент может прикусить себе язык.

— Фрэнсис, это страшно… В наш дом сегодня ночью попала бомба. Он разрушился. Разрушился *весь*. К счастью, сохранился подвал, но когда с потолка посыпалась известь и пыль, я подумала — все кончено. Звук был как в преисподней. Когда мы выбрались из подвала, все вокруг горело. Небо было огненно-красным от многочисленных пожаров. Люди кричали, и…

— Элис, — сказала Фрэнсис умоляюще, — успокойся же. С кем-нибудь из вас что-то случилось?

— Нет, мы в порядке.

— Где ты сейчас?

— Мы у знакомых Хью. От нашего дома ничего не осталось. У нас ничего больше нет из одежды, кроме той, которая на нас!

Элис была на грани истерики, это было слышно по ее голосу. Фрэнсис смотрела в окно на тихий туманный день и с трудом представляла себе, что в Лондоне минувшей ночью разыгралась такая трагедия. То, о чем сообщила Элис, казалось, было из другого мира.

— Береги нервы, Элис. Все будет в порядке. Я могу тебе чем-то помочь?

— Ты можешь взять к себе моих детей, — сказала Элис.

Лора и Марджори должны были приехать в Норталлертон 11 октября. Это был дождливый и ветреный день, серый и мрачный, ухмылявшийся метафоре «золотой октябрь». Но что было делать Фрэнсис?

— Они сейчас эвакуируют детей из Лондона в принудительном порядке, — сказала Элис, — и я боюсь за них. Детей наших друзей уже увезли. Однажды утром они сидели с сотней других детей на каком-то поле, и крестьяне из окрестных деревень приезжали, чтобы отобрать себе тех, кого они хотели бы увезти с собой. Братьев и сестер бесцеремонно разделяли. Это были страшные сцены. Я не хочу, чтобы с моими детьми случилось то же самое, но не могу оставить их здесь, потому что у меня их отберут.

— Сколько им сейчас лет? — спросила Фрэнсис. Она не очень любила детей, к тому же не знала, как с ними обращаться. Но если она откажется, это будет выглядеть неприлично.

— Лоре только что исполнилось четырнадцать, — ответила Элис, — а Марджори — двенадцать. Обе находятся в невменяемом состоянии после минувшей ночи, особенно Лора. Но они славные девочки. Они точно не доставят тебе хлопот.

Двое испуганных детей, и одна из них в проблемном возрасте! Только этого ей не хватало… Но Фрэнсис согласилась — и после этого выпила двойной виски.

Она чувствовала себя совершенно растерянной, когда поехала встречать детей. День был мрачным и, казалось, предвещал беду. Чарльз с раннего утра отправился на могилу Морин, хотя был сильно простужен и ему было лучше остаться дома, но он, конечно, не захотел слушать никаких советов. Виктория беспокоилась, так как Маргарита не явилась на урок французского языка в девять часов, как было условлено.

— Я ничего не могу понять, — сказала она Фрэнсис, когда та в половине десятого спустилась вниз, чтобы ехать в Норталлертон, — она всегда была так пунктуальна… И она совершенно не похожа на человека, который может просто не прийти.

— Она это как-то объяснит, — рассеянно ответила Фрэнсис. — Послушай, Виктория, ты не хочешь проводить меня на вокзал? Может быть, ты скорее завоюешь доверие детей…

— Я подожду Маргариту. Она может прийти в любой момент.

В машине с беспрерывно работающими дворниками Фрэнсис спрашивала себя, с чем может быть связано то, что она чувствует себя так дискомфортно? Возможно, считает, что неспособна справиться с бедными детьми? Это было смешно. В жизни она преодолевала еще не такое! Но где-то на этих одиноких проселочных дорогах, между промокшими осенними лугами, облетевшими деревьями и погрузившимися в туман холмами, когда Фрэнсис ощущала в себе необъяснимую грусть, сродни постепенно прогрессирующему параличу, она поняла, что впервые в жизни чувствует себя старой и что именно этим объясняется подавленность, так угнетающая ее.

Раньше она никогда не задумывалась о возрасте, процесс старения воспринимала как выгоду и никогда не испытывала желания снова стать молодой. Юность? Она была сейчас сильнее, чем раньше, самоувереннее, она нашла свое место в жизни и шла своей дорогой. Вечные желания и искания были позади. Она смирилась с самой собой, со всем, что ей было дано, но и со всем, в чем ей было отказано. Прошло уже много лет, когда Фрэнсис в последний раз сетовала, что не так красива, как Виктория. Или когда она переживала из-за Джона.

Но сегодня… Она знала, что увидит сейчас детей Элис. Детей, которые безжалостно напомнят ей о течении времени — самим своим существованием. Почему так упорно засела в ее памяти одна картина? Элис и она, сидящие на каменной стене в самом конце сада, курящие сигареты, такие юные… а из дома доносятся голоса Морин, Кейт, Чарльза и Виктории, Джорджа… еще не искалеченного войной…

Возможно, подумала Фрэнсис, именно это причиняет такую боль. Не годы. Но потери. Раны. Боль не становится тише с течением времени. Она становится сильнее.

Поезд опаздывал. Фрэнсис нужно было ждать три четверти часа до его прибытия. На перроне почти никого не было. В конце концов она пошла в привокзальное кафе, выпила горячий кофе и потерла под столом одна об другую озябшие ноги. Позади нее какая-то женщина причитала, что с начала войны ничего не работает, что поезда раньше приходили вовремя и что Англия в самом скором времени накроется медным тазом. Муж пытался ее успокоить, но она впала в ярость и кричала довольно громко и грубо. Фрэнсис почувствовала себя немного лучше. Она попросила принести двойной бренди, и пока потягивала его, подошел поезд.

Хотя из него вышли несколько детей, она сразу узнала девочек Элис. По меньшей мере младшую, которая была очень похожа на свою мать. На обеих были одинаковые серые пальто, из-под которых выглядывали темно-синие юбки в складку, плотные серые чулки и коричневые полуботинки. У обеих девочек были длинные светлые волосы, заплетенные в две косы. Они держались за руки и оглядывались вокруг, широко раскрыв большие глаза.

Фрэнсис подошла к ним.

— Вы Лора и Марджори Селли? Я Фрэнсис Грей. Добро пожаловать в Йоркшир!

— Спасибо большое, — пробормотала Лора.

Она была на голову выше своей сестры и немного полнее ее. Фрэнсис с сожалением констатировала, что Лора больше похожа на отца. Нельзя сказать, что она была некрасивой, но ее голубые глаза казались не слишком осмысленными, а лицо не отличалось живостью. У нее был вид милой, славной, робкой девочки.

— Надеюсь, что вы будете комфортно чувствовать себя на ферме Уэстхилл, — сказала Фрэнсис, стараясь придать голосу оптимистическую нотку, и взяла дорожную сумку, которую девочки поставили между собой. — Вещей у вас немного…

— У нас больше и нет, — объяснила Марджори. — Наш дом был сначала разрушен во время бомбардировки, а потом сгорел. Эту сумку мы все время брали с собой в подвал, поэтому она уцелела.

— Конечно. Ваша мама мне все рассказала. Если мы этим не обойдемся и вам что-то потребуется, то просто купим необходимое, хорошо? — Они направились к машине. — Вы любите лошадей?

— В Лондоне не так много лошадей, — ответила Марджори.

— А я боюсь больших животных, — добавила Лора.

Фрэнсис, подавив в себе желание вздохнуть, сказала подчеркнуто бодрым голосом:

— Посмотрим. Может быть, вы с ними подружитесь. Я надеюсь, что вы не будете здесь скучать. Здесь намного тише, чем в Лондоне.

— Как хорошо, что здесь не падают бомбы, — сказала Лора.

Ее серьезное лицо было очень бледным. Фрэнсис хорошо видела в ее чертах следы недавно перенесенного ужаса. Эти девочки много пережили. Что чувствовали дети, сидевшие в темном подвале, когда над ними рухнул пылающий дом? И даже выбравшись из этого ада,

они знали теперь, что их родители по-прежнему подвергаются опасности. Наверняка они тоскуют по дому и чувствуют себя одиноко. Странным образом Лора, старшая, кажется, страдала больше, чем младшая Марджори. Мимика последней выдавала внимательность и любопытство по отношению к тому, что ее окружало. Лора же производила впечатление ребенка, полностью ушедшего в себя.

В машине ни одна из девочек не произнесла ни слова. Чтобы прервать гнетущую тишину, Фрэнсис наконец сказала:

— Вам не повезло, что сегодня на улице так сыро и холодно. Когда светит солнце, осень здесь, наверху, очень красивая. Вы это еще увидите.

— Мне здесь нравится, — сказала Лора вежливо.

— Вам, конечно, не хватает ваших родителей… Они останутся у знакомых, к которым вы поехали после той ночи?

— Они хотели подыскать себе что-то свое, — сказала Лора, — но это будет тяжело. В Лондоне многое разрушено. И у папы нет работы.

— Нет? И давно?

— Уже два года.

— Ведь он же был комендантом в вашем доме.

— Арендаторы постоянно жаловались на него. — Лора понизила голос. — Он не успевал делать ремонт и прочее. Поэтому его уволили.

— Лора! — резко сказала Марджори. — Мама сказала, что никто не должен об этом знать!

— Но мисс Грей ведь мамина подруга…

— О, называйте меня, пожалуйста, Фрэнсис, хорошо? Я знаю вашу маму уже очень давно. Мы были когда-то очень близкими подругами.

— Ты слышала? — сказала Лора сестре.

Фрэнсис вспомнила о Хью Селли во время последней войны. Ему очень редко удавалось раздобыть топливо, и они большей частью мерзли. Он был просто слишком робким, в определенной степени — неприспособленным к жизни. Поэтому ее не особенно удивило, что он в конечном счете потерял работу. Теперь вся нагрузка легла на Элис.

— Ваша мама зарабатывает деньги? — спросила она.

— Она работает в конторе. У адвоката, — объяснила Лора.

«Это останется самой большой загадкой всей моей жизни, — разочарованно подумала Фрэнсис, — почему Элис вышла замуж за

этого бездаря Хью. Вот уж чего никогда не пойму…»

Когда Фрэнсис и девочки приехали в Уэстхилл, дождь был таким сильным, что они, пробежав от машины до входной двери, промокли насквозь. Фрэнсис видела, что дети очень устали и дрожат от холода. Они провели в дороге всю ночь и, вероятно, не сомкнули глаз, как и в предыдущие ночи из-за воздушной тревоги. Их силы, казалось, были на исходе, и даже более подвижная Марджори заметно сникла.

— Сейчас вы примете горячую ванну, — сказала Фрэнсис, — а потом ляжете в постель. Вы обе выглядите очень уставшими. Аделина принесет вам что-нибудь поесть.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала Лора.

— Ерунда! Мы… — Фрэнсис запнулась, увидев идущую с кухни Аделину. — Это наши гости, Лора и Марджори Селли. Дети, это Аделина. Она покажет вам вашу комнату и наполнит ванну. Правда, Аделина?

— Пришла миссис Маргарита, — тихо сказала Аделина. — Она с Викторией в гостиной.

— Она все-таки пришла!.. Виктория беспокоилась. Я сказала ей, что… — Она второй раз остановилась, увидев выражение лица Аделины. — Что-нибудь случилось?

— Я отведу детей наверх, — поспешно сказала та.

Она это знала. Встав утром, она уже знала, что этот день принесет беду. Фрэнсис была подавлена и беспокойна и постоянно чувствовала приближение какого-то несчастья. Теперь она стояла в гостиной напротив Маргариты, бледной как смерть, с большими застывшими глазами, сидевшей в кресле Морин. Она напоминала птицу, выпавшую из гнезда. Ее руки обхватили чашку с чаем так крепко, что костяшки на пальцах побелели. Чашка была полной; она не могла сделать ни одного глотка, но держала ее на уровне груди, словно неожиданно окаменела. Виктория стояла чуть сзади, как всегда элегантно одетая и тоже очень бледная.

— Вы уверены, что это так? — спросила Фрэнсис.

Виктория пожала плечами.

— Это было официальное письмо, направленное его матери. Из Германии. Фернан Брюне, к сожалению, скончался от воспаления легких.

— Она может получить урну с его прахом. — Бледные губы Маргариты едва шевелились, когда она говорила. — Они это тоже написали. Но она должна оплатить расходы по доставке.

— Но вы же не видели это письмо, Маргарита.

Француженка, казалось, неожиданно вспомнила о чашке, которую все еще крепко держала в руках, и с тихим звоном отставила ее в сторону. Чай выплеснулся, пролившись на поверхность стола.

— Нет оснований сомневаться в его существовании, — сказала она. — Мать Фернана рассказала об этом парижским друзьям, которые помогли мне с побегом. Они мне и написали. Почему это должно быть не так? Кому нужно это выдумывать?

На это Фрэнсис было нечего возразить. Маргарита была права.

— Мой муж умер, — произнесла Маргарита в тишине. Это прозвучало так четко и так холодно, что все вздрогнули. — Я сразу все поняла, когда сегодня утром получила письмо. Возможно, я даже знала об этом все это время…

— О, Маргарита, мне так жаль! — воскликнула Виктория чуть театрально.

— Спасибо, — ответила та. Ее глаза лихорадочно блестели, но оставались сухими. Она не будет плакать, Фрэнсис поняла это инстинктивно. У Маргариты были стальные нервы.

— Мне только хотелось бы знать, правда ли то, что он умер от «воспаления легких», — продолжала она. — Я хочу на это надеяться. Было бы хуже, если б они его просто убили. Если б он умер под пытками. — При последней фразе ее голос немного дрогнул.

— От нацистов правды никогда не добьешься, — опрометчиво заявила Виктория.

— Ах, оставь! Если они пишут «воспаление легких», то, значит, так оно и есть! — резко парировала Фрэнсис. — Зачем нацистам искажать факты?

— Они настоящие звери, — ответила Маргарита, — но всё же пытаются создать видимость приличного обращения. Не могут же они написать в письме: «Мы пытали месье Брюне до тех пор, пока он не умер». «Воспаление легких» в любом случае звучит лучше. — Она встала. — Возможно, я никогда не узнаю правду, какими были его последние минуты…

Никто ничего не сказал. Да и что можно было сказать? Что мог чувствовать в свои последние минуты Фернан Брюне? Они наверняка были тяжелыми и жестокими. В немецком концлагере легко не умирают. Это знали все, и не было смысла убеждать Маргариту в обратном.

— Что вы будете делать? — наконец спросила Фрэнсис.

Маргарита пожала плечами:

— А что я могу сделать? Пока что — лишь остаться здесь. Возвращаться в Париж слишком рискованно. Я наверняка все еще в черных списках нацистов.

Она взяла пальто, которое небрежно перебросила через спинку стула, и свою сумку.

— Виктория, если вам будет удобно, давайте перенесем занятия на завтра или послезавтра. Боюсь, я не смогу сейчас сконцентрироваться.

— Конечно. Просто приходите, когда вам будет получше.

— Может быть, вы хотите выпить бренди перед тем, как идти домой? — спросила Фрэнсис.

Маргарита покачала головой.

— Спасибо. Я не пью алкоголь. — Она посмотрела в окно, за которым барабанил дождь. — Кто-то идет… Двое мужчин.

Виктория проследила за ее взглядом, и ее глаза нервно заблестели.

— Это Джон, — прошептала она.

То, что увидела Фрэнсис, совсем ее не удивило; это являлось в определенной степени вершиной всех неприятностей этого неудачного дня. Джон привел домой их отца. Тот кашлял, его лихорадило. Чарльз не мог самостоятельно ни идти, ни стоять и лишь тяжело опирался на руку зятя. При каждом вдохе из его груди вырывались хрипы. Лоб был горячим. Под дождем он промок до нитки и дрожал от холода.

Как выяснилось, Джон совершал прогулку по кладбищу — при всей тревоге за состояние отца, Фрэнсис все же нашла момент, чтобы в полной растерянности спросить, почему Джон туда отправился, — и обнаружил там Чарльза, который, полностью погруженный в себя, сидел на скамье перед могилой Морин, под непрерывным дождем, и сильно кашлял. Джон несколько раз обращался к нему, но так и не получил ответа, и наконец решил отвести его домой. Это было

непросто — довести Чарльза до машины; правда, тот не сопротивлялся, но висел на плече Джона как мешок, а его ноги волочились по размякшей земле.

— Вам надо вызвать врача, — посоветовал Джон. — По-моему, все не очень хорошо.

— Как я рада, что ты его нашел! — сказала Фрэнсис. — Ты можешь помочь нам отвести его наверх?

Вместе им удалось сначала поднять Чарльза по лестнице, а потом — дотащить до спальни. Когда он оказался на своей постели, Фрэнсис облегченно вздохнула.

— Спасибо.

Джон тяжело дышал.

— Не за что. — Улыбнулся. Удивительно, но он, кажется, был трезв этим утром. — Как дела, Фрэнсис?

— У нас гости. Двое детей одной моей подруги из Лондона. Родители хотели отправить их подальше от бомбардировок.

Он кивнул.

— Ужасно… В Лондоне творится кошмар. Мы должны радоваться, что живем здесь, наверху.

— Да…

Они в нерешительности стояли друг против друга. Джон совершенно промок.

— Тебе нужно ехать домой и переодеться, — наконец сказала Фрэнсис. — Иначе заболеешь.

Он осмотрел себя.

— Я, должно быть, выгляжу как тряпка для уборки?.. Да, ты права; я лучше пойду. — Он быстро коснулся ее плеча. — Мы увидимся?

Фрэнсис быстро взглянула на отца. Глаза Чарльза были закрыты, он тяжело дышал и, похоже, не видел ничего, что происходит вокруг.

— Не знаю. — Она понизила голос до шепота. — Когда-то нам придется это прекратить, ты не находишь?

— Я скоро получу развод. Не придется больше никого обманывать. А ты хочешь все закончить…

— Возможно, дело именно в этом, Джон. В вашем предстоящем разводе. Я спрашиваю себя, какова доля моей вины в крахе вашего брака, и мне от этого становится еще горше.

— В этом нет никакой твоей вины. — Он вытянул руки и притянул ее к себе. — Зачем ты себе это внушаешь? Проблемы между Викторией и мной заключаются совсем в другом. Ты не имеешь к этому никакого отношения.

Фрэнсис почувствовала его дыхание над своим ухом, ощутила тепло от его объятий, хотя Джон был совершенно промокшим. Она всегда любила, когда он ее обнимал, и эти объятия не стали исключением. Как она должна была объяснить ему, что это связано с их уже немолодым возрастом, что она часто думала о том, что уже пора закончить эти страстные встречи в убогих лачугах между лугами и полями…

Через три года ей будет пятьдесят. Конечно, Фрэнсис не считала, что в этом возрасте у нее больше нет права на эротические удовольствия. Но с ними она так и не свыклась. Существует ощутимая разница, когда ты сбегаешь на тайную встречу с мужчиной, когда тебе тридцать лет, — и пятьдесят. В тридцать все овеяно романтизмом. В пятьдесят уже невозможно избавиться от ощущения, что ты еще не сделала решающий поворот в жизни. Не будут же они и в восемьдесят лет валяться в какой-нибудь старой избе, а потом стряхивать с седых волос паутину и солому…

Развод разводом, но она, как бывшая свояченица Джона, не могла так просто приехать в Дейлвью и на глазах у изумленной прислуги пойти с ним в постель. Это разнеслось бы по всему графству еще до того, как они успели бы сосчитать до трех. Их отца это просто убило бы, а Виктория заподозрила бы, что это продолжается не один год, и развернула бы драму небывалого размера.

Нет, их встречи должны навсегда остаться конспиративными. Но при этом Фрэнсис ощущала все большую неловкость. Джон не поймет. Ни один мужчина не поймет, что свою роль играют и совершенно прозаические причины. Значительно больше, чем раньше, она предпочла бы сегодня настоящую постель, ее собственную или его, но в любом случае не дряхлую кровать в избе, на которой уже не одно поколение сельских рабочих произвело свое потомство. Она хотела, чтобы *после этого* можно было вымыться под струящейся теплой водой; ей было неприятно влезать в свою одежду и чувствовать, как она липнет к телу. И потом, ей часто хотелось просто поболтать с Джоном, выкурить с ним пару сигарет, а не спать с ним.

Тот факт, что они редко виделись, напрягал ее; так как они никогда не знали, когда представится следующая возможность, им бы показалось это непозволительной роскошью — не воспользоваться случаем и не отправиться в постель. Но из-за этого они теряли что-то другое. Точнее, это касалось Фрэнсис. Джон, по ее мнению, был вполне доволен такой ситуацией.

Она высвободилась из его объятий. Ей трудно было судить, насколько Чарльз, пребывая в своих лихорадочных снах, мог быть свидетелем их объяснения. Она отступила на шаг назад.

— Мне нужно немного времени. Я в данный момент не совсем понимаю, что я… действительно хочу.

Джон кивнул.

— Подумай, Фрэнсис. Но не слишком долго. Мы не становимся моложе.

«В этом он, черт подери, прав», — горько подумала она, рассматривая седые пряди в его волосах с той же беспощадностью, с которой утром в ванне изучала свои собственные волосы.

— С возрастом усиливается понимание того, что остается мало времени, — сказала Фрэнсис, — но и растет уверенность в том, что не следует делать то, чего действительно не хочешь. У нас были хорошие времена, Джон. Каким будет будущее, я еще должна решить.

Джон еще раз протянул руку и чуть коснулся щеки Фрэнсис.

— Я никогда не получу тебя целиком, — сказал он тихо. — Так было раньше, так же остается и сейчас. И так будет всегда.

— Фрэнсис, я не могу уснуть, — сказал детский голос, раздавшийся у двери.

Фрэнсис вздрогнула. В комнату вошла Марджори, босая, одетая в пижаму. В руке она держала облезлого мишку, у которого не было глаза и ноги.

— Марджори! Я думала, вы уже спите…

— Лора спит. Спит как сурок, — сказала Марджори. — А я не могу. — Она с любопытством с ног до головы оглядела Джона; потом ее взгляд упал на Чарльза, который, наверное, показался ей странным, потому что лежал на постели в одежде и тяжело дышал. — Кто это?

— Это мой отец, Чарльз Грей. К сожалению, он очень болен. Мы с Джоном только что подняли его сюда, наверх.

Фрэнсис размышляла, как давно девочка стояла здесь. Сознательно ли она подкралась незаметно? Или они ее просто не слышали?

Поборов свою растерянность, она представила обоих друг другу.

— Это Джон Ли, наш сосед. Джон, это Марджори Селли, одна из двух сестер из Лондона.

— Добрый день, Марджори, — сказал Джон.

— Добрый день, сэр.

Или Фрэнсис это себе внушила, или в голосе Марджори, в ее взгляде действительно что-то скрывалось?

— Марджори, ты должна по меньшей мере лечь в постель. Тебе в любом случае надо отдохнуть, даже если ты не будешь спать. Джон, пойдем вниз и позовем Аделину. Она должна заняться отцом.

— Я не хочу спать, — настаивала Марджори, при этом пристально и беспрерывно глядя на Джона.

«Эта девочка еще доставит мне неприятности», — подумала Фрэнсис. Вслух же сказала:

— Я хочу, чтобы ты пошла в постель, Марджори. Если хочешь, возьми книгу и почитай, если действительно не хочешь спать. Ты столько всего перенесла, и я здесь за тебя отвечаю, понимаешь? — «И ты сделаешь то, что я скажу», — добавило ее выражение лица.

Марджори поняла. Преувеличенно громко вздохнув, она удалилась, держа в руках мишку. Взгляд ее глаз не обещал ничего хорошего.

— Я ей не нравлюсь, — сказала Фрэнсис, — и заметила это еще на вокзале. От нее исходит враждебность.

— Думаю, что это твоя предубежденность, — предположил Джон. — Она еще маленькая девочка. Почему же она должна быть враждебно настроена? Просто испугана, здесь все для нее новое и чужое…

— Она видела нас, Джон, — сказала Фрэнсис, — она видела, как ты меня обнимал, и слышала то, о чем мы говорили. Я вижу это по ней.

— Даже если и так… Ты всерьез думаешь, что она может на почве этого что-то нафантазировать? Фрэнсис, я знаю, что ты не особенно любишь детей, но ты не должна видеть в них монстров!

Они вместе спустились по лестнице. Внизу стояли Аделина, Виктория и Маргарита. Виктория держалась в стороне и была явно взволнована, поскольку впервые за последние несколько недель вновь увидела Джона, который пока еще сохранял статус ее мужа. Она попеременно бледнела и краснела.

Джон дружески поприветствовал ее:

— О, добрый день, Виктория!

В ответ на это она повернулась и исчезла в гостиной.

— Что случилось? — спросила Маргарита. Она была все еще очень бледной.

— Моя жена сейчас не очень настроена говорить со мной, — ответил Джон.

— Как дела у мистера Грея? — спросила Аделина. — Может быть, мне присмотреть за ним?

— Это было бы очень кстати, Аделина. — Фрэнсис стало неловко, когда она услышала из гостиной всхлипывания Виктории. «Неужели эта размазня не может хоть один раз взять себя в руки? — подумала она с раздражением. — Поучилась бы у Маргариты!»

Аделина, казалось, какое-то время не могла принять решение, должна ли она сначала пойти к ребенку, а потом к мистеру Грею, или наоборот, — но в любом случае отправилась наверх. Когда она ушла, Фрэнсис повернулась к Маргарите.

— Дождь усилился. Вам надо немного задержаться у нас. Пока доберетесь до деревни, промокнете насквозь.

— Вам надо в Дейл-Ли? — спросил Джон. — Тогда я смогу вас быстро отвезти.

— О, не беспокойтесь из-за меня! — запротестовала Маргарита. — Вам наверняка нужно совсем в другую сторону…

— На машине до Дейл-Ли — это рукой подать. Пойдемте, мисс…

— Мадам Брюне.

— Я Джон Ли. Мне действительно не составит никакого труда вас отвезти.

«Она понравилась ему, — подумала Фрэнсис. — Такого рвения он давно уже не выказывал».

— Соглашайтесь, Маргарита, — посоветовала она. — Джон — не особенно учтивый человек. Он не стал бы предлагать, если б действительно не хотел этого.

— Вы очень любезны, — тихо ответила Маргарита.

Джон открыл входную дверь.

— Мы поехали. Фрэнсис, если возникнут проблемы с Чарльзом и тебе будет нужна помощь, позвони мне.

— Хорошо. Спасибо.

Она посмотрела им вслед, как они бежали к машине, лавируя между огромными лужами во дворе. Дождь шел сплошной серой стеной. Постепенно усиливался ветер, оттягивая мокрые ветви деревьев. Мокрая листва покрыла землю. Фрэнсис знобило. Она закрыла дверь и прислушалась к жалобному плачу Виктории, который напоминал звуки, издаваемые больным животным.

«Кто-то должен ведь о ней позаботиться», — подумала Фрэнсис с осознанием своего долга.

Но сейчас она просто не могла этого сделать. Она не хотела никого больше видеть, никого больше слышать. Хотела только одного — пойти в свою комнату и весь остаток дня ни с кем больше не разговаривать.

Ноябрь 1940 — июль 1941 года

Всех удивило, что Чарльз пережил зиму. У него было тяжелое воспаление легких и целую неделю держалась высокая температура.

В ноябре врач, приходивший каждый день, чтобы осмотреть больного, сказал:

— Самое худшее заключается в том, что у него очень слабая воля к жизни. Он не борется. И это снижает его шансы.

Фрэнсис делала для отца все, что могла, да и Виктория ночи напролет проводила у его постели. Она впадала в панику каждый раз, когда кто-то говорил о возможной смерти Чарльза или если его состояние серьезно ухудшалось.

— Он не должен умереть! Не должен! — кричала она тогда.

— Отец очень стар, — сказала Фрэнсис, — и скоро уже двадцать пять лет, как он оплакивает мать. Если б он умер, для него это было бы, наверное, самым лучшим решением проблемы.

Виктория побледнела.

— Как ты такое можешь говорить? — набросилась она на сестру.

Фрэнсис могла представить себе, что в ней происходило: Чарльз, правда, не простил Виктории крушение ее брака, но для нее он являлся тем не менее единственным человеком, который у нее был. А она была его маленькой девочкой, пусть даже разочаровала его. Отец накрывал ее руку своей, даже когда ругал ее и впадал в ярость. Лицо Виктории становилось серым при одной мысли, что она останется в Уэстхилле одна с Фрэнсис, именно с ней, как с последним представителем их семьи. Фрэнсис знала, что Виктория боится ее холодных глаз и ее резкого голоса.

«Она никогда не вырастет», — с презрением думала Фрэнсис. Но потом опять возникали моменты раскаяния, в которые она пыталась вести себя с Викторией более мягко. В основном ей это не удавалось, так как Виктория воспринимала лишь грубоватый тон сестры, а не значение ее слов. В конечном счете они никогда не понимали друг друга, и дело неизменно заканчивалось ссорой.

1941 год начался серо и безрадостно, и все были удручены, потому что с фронтов приходили лишь печальные новости. За

исключением случайных, незначительных неудач, немецкие войска побеждали повсеместно. Находились люди, которые пророчествовали, что немцы вот-вот надорвутся и череда их побед на этом завершится, но пока Гитлер, кажется, взял в кредит много удачи.

В ноябре его бомбардировщики атаковали расположенный недалеко от Бирмингема город Ковентри и почти полностью разрушили его. Это был самый тяжелый воздушный налет в военной истории. Вся Англия неделю пребывала в шоке. И до сих пор немецкие летчики продолжали бомбардировку крупных английских городов, прежде всего Лондона. Правда, они встречали упорное сопротивление со стороны военно-воздушных сил Великобритании.

— Наши парни сбивают каждого второго из них, — говорили англичане, полные патриотической гордости, и даже если это было преувеличением, то число сбитых британцами немецких летчиков в любом случае было высоким.

В Уэстхилле жизнь этой бесснежной, слякотно-холодной зимой шла своим чередом. Обе девочки, казалось, постепенно привыкли — насколько могла судить Фрэнсис, так как сами дети оставались очень закрытыми. Лора говорила еще меньше, чем Марджори. Зато она каждый раз так набрасывалась на еду, будто ела в последний раз. В начале октября, когда они приехали, Лора была немного пухленькой, но все равно выглядела как ребенок; к марту следующего года она прибавила двадцать фунтов, у нее расширились бедра и увеличились груди, которые заметно выделялись под обтягивающим свитером и чуть шевелились при каждом ее шаге.

Фрэнсис считала повышенный аппетит Лоры хорошим знаком, а Аделина лопалась от гордости, поскольку считала, что это дань ее кулинарному искусству.

— Лора меня беспокоит, — сказала однажды Маргарита.

Она каждый день приезжала в Уэстхилл. Фрэнсис пришла в голову идея, что Маргарита может заниматься обучением девочек. Ни она, ни Элис не обговаривали вопрос посещения школы. У Элис в голове было только одно — уберечь своих детей от воздушных налетов; эта опасность заслоняла банальную мысль об их образовании. Фрэнсис же быстро поняла, что Лора и Марджори нуждаются в обязательном упорядоченном режиме, прежде всего зимой, так как они привязаны к дому и с утра до вечера находятся в помещении. Но она

не видела особого смысла в том, чтобы посылать их в деревенскую школу в Дейл-Ли, в которой крестьянским детям дают базовые знания в чтении, письме и счете, и ничего кроме этого. А ездить каждое утро в более крупную школу в Эйгарс-Виллидж было слишком далеко.

Поэтому каждое утро к ним приходила Маргарита и вела занятия до полудня. После этого она, как правило, принимала участие в семейных обедах, а потом, пока дети делали уроки, Маргарита и Виктория за чашкой чая перед камином занимались французским языком. Фрэнсис знала, что Элис никогда не сможет вернуть ей деньги за занятия; но в Уэстхилле дела шли неплохо, и ей не составляло особого труда выделять соответствующие суммы. К тому же это значительно облегчало жизнь Маргарите и занимало детей. Фрэнсис была бы готова заплатить вдвое больше, только б неприятная Марджори, которая внешне чем-то напоминала крысу, постоянно не шпионила и не преследовала ее. Фрэнсис считала, что у девочки слишком хитрый взгляд. Между тем она иногда одергивалась, пытаясь убедить себя в том, что это смешно — видеть в маленькой девочке столько злого умысла.

Тем не менее Фрэнсис была удивлена, когда Маргарита сказала ей, что беспокоит ее Лора. Да ладно! Она же не доставляет никаких хлопот. Лора была несколько медлительной и неповоротливой, но всегда добродушной и приветливой.

— Вас беспокоит Лора? Не Марджори?

— С Марджори, кажется, всё в порядке, — ответила Маргарита, — но Лора… Вы заметили, как сильно она поправилась? И продолжает поправляться и дальше.

Фрэнсис удивленно посмотрела на нее.

— Вас это беспокоит? Я считаю, что это, напротив, хороший знак. Думаю, что свежий воздух и покой идут ей на пользу и возбуждают аппетит.

Маргарита покачала головой:

— Боюсь, что все не так просто. То, что проявляет Лора, это не здоровый аппетит растущего человека. Она без разбора съедает все, что может раздобыть. Это ненормально, Фрэнсис. На мой взгляд, за этим кроется пищевая зависимость, и это опять же указывает на серьезные душевные проблемы.

— Вы серьезно так думаете?

— Я не психолог и поэтому должна быть осторожна с диагнозами. С другой стороны, уже несколько лет преподаю юным девушкам, и мне многое приходилось видеть. Нарушения пищевого поведения часто возникают в период развития. Многие одержимы манией похудения и вообще ничего не едят или после каждой еды искусственно вызывают рвоту. Другие беспредельно полнеют — вот как Лора.

— Боже мой! — Фрэнсис вздохнула.

— Я могла бы подумать, что проблемы Лоры связаны с изменением обстоятельств ее жизни, — сказала Маргарита. — Поймите меня правильно, Фрэнсис: вы очень хорошо заботитесь о детях. Но обе девочки совершенно точно испытали шок от ночных бомбардировок. Их дом обвалился над ними, когда они сидели в подвале; они пережили невероятный, смертельный страх. А потом им сразу пришлось разлучиться с семьей, поехать к чужим людям в незнакомое место… Все это очень тяжело. Кроме того, они постоянно беспокоятся о своих родителях, которые всё еще подвергаются опасности погибнуть под бомбами… Во всяком случае, я очень хорошо знаю, что это такое. Я все это знаю. Страшная тоска по родине. Страх за любимого человека. Но мне тридцать, а не четырнадцать. Я могу с этим справиться, в отличие от Лоры.

— И что же я могу сделать? — спросила Фрэнсис растерянно.

— Может быть, вам надо как-нибудь поговорить с ней? Я уже пыталась, но она от меня отгородилась.

Фрэнсис подумала, что ей только этого не хватало. Она надеялась, что Элис позвонит, чтобы они могли обсудить ситуацию, но та звонила нечасто, а ей позвонить было некуда. Они с Хью нашли убежище в мансарде в Мейфэр («Слишком узкой, чтобы в ней можно было даже повернуться вокруг собственной оси», — сообщила Элис), и там не было телефона. Элис потеряла свою работу, поскольку дом, в котором находилась канцелярия адвоката, был разрушен во время бомбардировки, а сам адвокат сбежал в Девон. Она брала теперь случайную работу и между делом пыталась дозвониться в Уэстхилл.

Возможность для разговора с Лорой представилась однажды ночью, когда Фрэнсис застала девочку около часу ночи в кладовой. Она засиделась над своей бухгалтерией в гостиной и вообще забыла о времени. Стояла ветреная, прохладная мартовская ночь, но в воздухе уже ощущались самые первые проявления весны. Под ветром слегка

дребезжали оконные стекла — но странные звуки, которые различила Фрэнсис в ночной тиши, были иными. Возникало ощущение, что по каменному полу шлепают босые ноги.

— Боже мой, который сейчас час? — пробормотала Фрэнсис. Она встала и вышла из комнаты в коридор. Через дверь, ведущую в кухню, в темноту падал луч света.

Лора прицепила к окну небольшую лампу и распахнула настежь дверь в кладовую, чтобы видеть, что она ест. Когда Фрэнсис вошла, она сидела на полу, босая и в белой ночной рубашке, ставшей ей слишком узкой и готовой лопнуть по всем швам. Перед девочкой стояла миска с шоколадным пудингом, который Аделина заранее приготовила на следующий день. Склонясь над ним, как собака над миской с кормом, Лора зачерпывала пудинг голыми руками и отправляла в рот. Длинные волосы падали вперед и были перемазаны шоколадом.

— Лора! — вскрикнула шокированная Фрэнсис. — Что ты здесь делаешь?

Девочка повернулась и уставилась на нее широко раскрытыми глазами. Она выглядела смешно со своим перепачканным ртом, склеившимися волосами и крошками пудинга между пальцами. Лора не произносила ни слова.

— Ты глотаешь пудинг так, будто неделю голодала! — сказала потрясенная Фрэнсис. — К тому же еще ешь руками… Неужели ты не могла взять хотя бы ложку?

Лора неуклюже поднялась на ноги.

— Я… все случилось слишком быстро, — проговорила она, запинаясь.

— Что было слишком быстро?

Лора опустила голову.

— У меня не было времени сходить за ложкой. Это было… это… я не могла больше ждать…

Фрэнсис вспомнила, что Маргарита упоминала слово «зависимость». Очевидно, она попала в самую точку. То, что происходило с Лорой, было абсолютно нездоровым, зависимым поведением.

Фрэнсис взяла девочку за руку, вывела из кладовой в кухню и показала ей на скамейку у кухонного стола.

— Так, Лора, садись. — Она вышла в коридор и тут же вернулась с парой домашних тапочек, которые кто-то поставил под вешалкой. — Надень, иначе заболеешь, как Чарльз.

Затем она достала из буфета тарелку, ложку, принесла из кладовой миску с пудингом и поставила на стол перед Лорой.

— Так. Ты ведь большая девочка, верно? У тебя нет необходимости ночами тайно бросаться на запасы продуктов и, стоя на коленях, поглощать их. Сейчас ты можешь есть как нормальный человек. А завтра утром прежде всего вымоешь голову. Ты перепачкала все волосы.

Но Лора, кажется, потеряла аппетит. Она не притронулась к пудингу и сидела на скамейке как перепуганный кролик, не решаясь поднять глаза.

Фрэнсис села напротив нее.

— Лора, ты действительно не должна бояться. Я не сержусь на тебя из-за того, что ты ночами пробираешься в кладовую. Но, честно говоря, я беспокоюсь за тебя. То, сколько ты ешь, ненормально. Мне ничего для тебя не жаль, правда. На меня тоже иногда ночью нападал голод, и я могла пойти на кухню. Правда, у меня всегда было время, чтобы как минимум взять ложку. И… это происходило не очень часто.

Она остановилась. Лора все еще сидела с несчастным лицом и смотрела перед собой на поверхность стола.

— С тобой это происходит частенько, не так ли? — осторожно спросила Фрэнсис.

Лора кивнула. Из ее глаз выкатилось несколько слезинок, которые беззвучно покатились по ее толстым щекам.

«Что за ужасная девчонка», — подумала Фрэнсис сочувственно. Ее глаза напоминали глаза рыбы. При более близком рассмотрении оказалось, что у Лоры длинные, пушистые ресницы; но так как они были такими же светлыми, как и волосы, казалось — по крайней мере, на расстоянии, — что ресниц нет вовсе. Она сидела на скамейке как массивный, бесформенный мешок. Ее небольшой рот с узкими губами почти исчез между распухшими щеками.

— Извините, — выдавила она, — я знаю, что вела себя безобразно. Вы были так любезны, приняв нас здесь, а я вас постоянно обкрадывала… Я не могу прекратить есть. — Теперь она зарыдала уже по-настоящему. Ее тело тряслось и дрожало.

— Но, Лора, не думай о еде! — попросила Фрэнсис. — Проблема совсем не в этом. Меня беспокоит то, что ты, очевидно, несчастна. Что тебя так гнетет?

— Я не знаю!

— Ты боишься за своих родителей? Что с ними может что-то случиться?

— Не знаю…

— Может, ты часто вспоминаешь бомбардировки? Ту ночь, когда сгорел ваш дом?

— Правда не знаю, — плакала Лора. У нее потекло из носа, и она стала вытирать его рукавом ночной рубашки. Фрэнсис в последний момент подавила в себе возражение, которое уже вертелось у нее на языке.

— Не знаю. Я не думаю ни о чем другом — только о еде. Каждую минуту, днем и ночью, все мои мысли только о еде. Я поступаю неправильно, да? Ведь должна думать о своих родителях. Они сидят в Лондоне, под бомбами, и, наверное, с трудом выживают… Может быть, им даже нечего есть… — Она запнулась, потом неожиданно рассмеялась, но это был смех отчаяния. — Ну, вот опять! Еда! Возможно, у родителей совсем иные проблемы; но если я о них думаю, то спрашиваю себя прежде всего о том, достаточно ли у них еды.

Фрэнсис задумалась, потом сказала:

— В данный момент я не знаю, чем могу тебе помочь, но подумаю, обещаю тебе. А пока хочу попросить тебя только об одном: не делай этого тайком. В этом нет никакой необходимости. Хорошо? Может быть, я смогу тебе помочь, но ты должна быть откровенной со мной. Ты можешь попытаться?

Лора кивнула и вытерла слезы. Ее лицо было красным и опухшим.

— Я попробую, Фрэнсис. Спасибо.

— Марджори знает о твоей проблеме?

— Да. Но она просто дразнит меня. Постоянно говорит мне, что я толстая и противная.

— Я поговорю с ней. — Фрэнсис встала. — А сейчас надо идти спать. Или ты хочешь еще что-нибудь съесть?

— Нет. — Лора тоже встала.

Фрэнсис критически оглядела ее.

— Тебе нужно купить новую одежду. Ты уже… выросла из своих старых вещей. Ты будешь чувствовать себя лучше, если сможешь надеть что-то новое и красивое.

— Хорошо, — сказала Лора, и эта фраза прозвучала покорно и малоубедительно.

— А сейчас поднимайся наверх.

Фрэнсис посмотрела Лоре вслед, наблюдая за тем, как та неловко, с грацией суягной овцы, выходила из кухни. Внезапно она почувствовала себя совершенно без сил и опять села на стул, с отвращением глядя на пудинг и вспоминая вымазанные им пальцы Лоры. Было почти три часа ночи, когда Фрэнсис наконец заставила себя выбросить содержимое миски в мусорное ведро, поставить ее в мойку, выключить свет и отправиться спать.

На следующее утро она призвала к ответу сначала Аделину, потом Марджори.

— Минувшей ночью я застала в кладовой Лору, — сказала она Аделине, — готовую проглотить все, что попадет ей под руку. Мы с ней поговорили. Она призналась, что подобные ночные трапезы позволяет себе уже давно. И ты, Аделина, вероятно, в курсе. И не рассказывай мне, что не знала, кто по ночам уничтожает запасы! В этом случае ты бы без конца жаловалась и все сделала бы для того, чтобы выяснить, кто в этом виноват. Ты знала, что это Лора, и покрывала ее!

— Боже мой, но что же мне было делать! — запричитала Аделина. — Донести вам о бедной девчонке? Она и так столько всего пережила! Я была рада, что ей нравится моя еда, поэтому смотрела на это сквозь пальцы…

— Этим ты оказывала ей медвежью услугу. Лора больна. Ей нужна помощь, и тебе надо было непременно поговорить со мной.

Аделина не ответила, лишь плотно сжала губы. Выражение ее лица говорило о том, что все, о чем говорила Фрэнсис, она считает новомодной чепухой. Больна!.. У девочки здоровое чувство голода, и она ест немного больше, чем надо. И что с того?

С Марджори Фрэнсис говорила более резким тоном:

— Я слышала, что ты насмехаешься над своей сестрой. Ты называешь ее толстой и противной. Это так?

Марджори, сделав упрямое лицо, молчала.

— Я хочу знать, правда ли это, — повторила Фрэнсис.

Марджори подняла глаза и посмотрела на нее дерзким взглядом.

— А разве не так? — спросила она с вызовом. — Разве она не толстая и не противная? И не прожорливая? Скажите тогда, что вы о ней думаете!

— Марджори, довольно! Если ты будешь дерзко себя вести, то узнаешь меня с той стороны, которая будет тебе особо неприятна. Ты меня поняла?

В глазах Марджори появилась неприкрытая враждебность.

— Вы хотите меня побить? Не имеете права!

— Ты бы удивилась, если б узнала, насколько мало меня беспокоит, имею я на что-то право или нет… В любом случае, не стоит рисковать!

Марджори ничего не ответила.

— Так что отныне ты оставишь Лору в покое, — продолжила Фрэнсис. — Больше никаких колкостей, слышишь? И помни о том, что я буду пристально наблюдать за тобой. И даже не пытайся меня провести!

— Можно я пойду?

— Да, если мы договорились.

Марджори повернулась и молча вышла из комнаты.

В апреле греки капитулировали перед атаковавшими их немецкими войсками. Поспешившие им на помощь англичане вынуждены были начать отступление. Впервые с тех пор, как Уинстон Черчилль занял должность премьер-министра, на него обрушилась критика; его упрекали в том, что он не придерживается четкой линии, а лишь произносит громкие речи. К тому же в боях с немцами мало чего удалось добиться. Повсюду наблюдалось чувство отчаяния. В мае во время налета вражеской бомбардировочной авиации было разрушено здание нижней палаты. Многие расценили это событие как дурное предзнаменование.

В тот момент Фрэнсис, правда, меньше занимали мысли о возможном вторжении немецких войск; значительно больше она беспокоилась об Элис, от которой вот уже больше двенадцати недель не поступало никаких известий. Это было необычно и, по мнению Фрэнсис, не предвещало ничего хорошего. Она дважды писала на

последний адрес. На первое письмо вообще не пришло никакого ответа. А на второе отреагировала хозяйка квартиры. В письме, написанном с умопомрачительными ошибками, она сообщила Фрэнсис, что супруги Селли в марте съехали с квартиры куда-то в Бетнал-Грин, на востоке города, так как мистер Селли нашел там место коменданта. Но она не знает их новый адрес.

Это сообщение еще больше насторожило Фрэнсис. Она не могла представить себе, чтобы Элис поменяла квартиру, не сообщив своим детям новый адрес. Она старалась скрыть свое беспокойство от Лоры и Марджори, и девочки тоже ничего об этом не говорили. Но однажды Фрэнсис, поднимаясь по лестнице, стала невольной свидетельницей громкого разговора между детьми.

— Спорим, их убили, — сказала Марджори. Ее голос звучал презрительно.

— Да? А почему ты тогда пишешь маме письмо? — спросила Лора. Она, как всегда, говорила плаксивым голосом.

— Потому что хочу. Вот почему!

— Ты ведь его все равно не сможешь отправить. Мы не знаем адрес.

— Я не смогу его отправить, *потому что их больше нет!*

— Прекрати! Прекрати все время это повторять! — крикнула Лора. — Это не так! Ты не можешь этого знать!

— Ты такая наивная, Лора! При этом старше, чем я… Просто не можешь сложить два и два.

— Мама скоро позвонит, — упрямо настаивала Лора.

Марджори громко рассмеялась.

— Может быть, ты еще веришь в Санта-Клауса?.. Мы больше никогда не увидим маму. Плохо только, что мы сидим здесь. Но они нас здесь наверняка не оставят, а запихнут в детский дом!

Лора всхлипнула.

— Довольно, — пробормотала Фрэнсис. Она хотела войти в комнату, но едва успела увернуться от заплаканной Лоры, которая промчалась мимо нее в ванную и захлопнула за собой дверь. Было слышно, как внутри защелкнулся замок.

— Марджори! — строго сказала Фрэнсис. — Я слышала случайно, как ты…

Марджори была белая как стена.

— Что? Сейчас вы опять будете на меня нападать? Хотя я совершенно права! Вы знаете это! Мама и папа погибли! И они никогда не вернутся!

С этими словами она тоже выбежала из комнаты, прежде чем Фрэнсис успела ее удержать. Ее шаги застучали по лестнице.

Фрэнсис закатила глаза. Ее взгляд упал на листок бумаги, который лежал на столе у окна. Ведь Лора спросила у Марджори, зачем та писала письмо матери…

Фрэнсис с любопытством подошла ближе. Она понимала, что не должна читать чужое письмо; двенадцатилетняя девочка тоже имеет право на тайну переписки. Но ей очень хотелось узнать, что Марджори пишет своей матери о жизни в Уэстхилле.

«Дорогая мама, — было написано на листке, — здесь совершенно ужасно. Ты даже себе не представляешь, какая отвратительная эта Фрэнсис. У нее холодные глаза и жесткий, громкий голос. Меня она терпеть не может, в отличие от Лоры. Лоре разрешается все. Даже беспрерывно жрать, хотя она и так толстая, как свинья. Фрэнсис сказала, что она меня побьет, если я еще раз скажу, что Лора толстая. Разве она имеет такое право? Мама, а мы не можем вернуться к вам с папой в Лондон? Немцы по-прежнему сбрасывают так же много бомб? Если ты меня в скором времени не заберешь, я убегу. Я…».

На этом месте Марджори, должно быть, что-то помешало. Письмо обрывалось на середине предложения.

Фрэнсис отошла от стола. Она знала, что девочка ее не любит и что ей плохо в Уэстхилле. И все-таки была озадачена. Она не думала, что у Марджори может возникнуть мысль сбежать.

«Когда же наконец Элис даст о себе знать? — с беспокойством подумала Фрэнсис. — Постепенно моя ответственность за девочек все больше возрастает…»

На протяжении следующих недель она постоянно следила за Марджори, но не смогла обнаружить ничего, что говорило бы о ее подготовке к побегу. Девочка теперь не прилагала никаких усилий, чтобы скрыть ненависть к Фрэнсис, при этом та все еще ломала голову над тем, чем же навлекла на себя эту ненависть. Она просто возникла, еще на вокзале в Норталлертоне. Ненависть с первого взгляда, которая была так же необъяснима, как и любовь с первого взгляда. Инстинктивное, импульсивное неприятие, какое бывает у собак,

которые по необъяснимым причинам бросаются друг на друга, хотя ничто это не провоцировало.

Фрэнсис сказала себе, что война когда-нибудь закончится и они с Марджори забудут друг друга. Дети Элис — это всего лишь эпизод. Через несколько лет она вряд ли вспомнит о них.

22 июня немцы вторглись в Россию. Многие англичане были в ужасе, так как считали поначалу, что оптимизм Гитлера, с которым он напал на сильного противника, на огромную страну, говорил о том, что немцы действительно оказались сильнее, чем казалось прежде, и что они, должно быть, располагают скрытыми резервами. Иначе вряд ли пошли бы на такой риск.

Лишь немногие предвидели в нападении Гитлера на Россию конец военных удач немецких войск. Премьер Черчилль еще за несколько месяцев до этого предрекал, что немцы предпримут бросок на восток, и теперь это подтвердилось. Он относился к тем, кто был убежден в том, что Гитлер разинул пасть на слишком большой кусок, и это послужит началом его собственного поражения.

Но поначалу немецкие танки со ставшей уже привычной быстротой все глубже проникали на территорию России.

— Такое впечатление, что их ничто не может остановить, — сказал Чарльз, сидя у приемника и слушая последние военные новости. — Похоже, что весь мир капитулирует перед манией величия этого народа.

— Нет, мир не капитулирует, — возразила Фрэнсис. — Он просто не замечал предупреждающие сигналы и слишком долго не мог оправиться от своего удивления. Но отныне у Гитлера будет все больше и больше неприятностей, более серьезных, чем он может себе представить.

Она была убеждена, что Гитлер разобьется о Россию. Однако Чарльз в своем принципиальном пессимизме не разделял ее мнения и предвидел близкий конец мира.

В эти летние недели 1941 года отец стал тенью самого себя. После того как преодолел зиму и воспаление легких, он, казалось, каждый день умирал от постепенной потери сил. Каждое утро складывалось впечатление, что от него осталось немного меньше, чем было

накануне. Когда Фрэнсис спрашивала его, как он себя чувствует, отец говорил лишь: «Хорошо, дитя мое, очень хорошо».

Все в доме считали, что его конец близок, но никто об этом не говорил, и даже сам Чарльз лишь однажды сказал: «Я рад, что мне не придется пережить две вещи: победу нацизма над миром и развод Виктории». Это был единственный случай, когда он в присутствии Фрэнсис и Аделины упомянул о своей смерти.

На это шокированная Фрэнсис сказала: «Как ты можешь верить в то, что национал-социализм победит?» А Аделина одновременно с ужасом воскликнула: «Не говорите только Виктории таких вещей, сэр! Бедной девочке и так тяжело!» Только потом они дружно уверили Чарльза в том, что он поправится и будет еще долго жить.

— Ты выглядишь сегодня значительно лучше, чем вчера, отец, — сказала Фрэнсис, но Чарльз только посмотрел на нее долгим, ироничным взглядом. Потом с трудом поднялся и тяжело вышел из комнаты.

Чарльз ошибался: ему не удалось умереть до того, как Виктория развелась. Никто в доме не оповещал его — никто на это и не решился бы, — что Виктория и Джон решили осуществить развод по упрощенной процедуре и поэтому им не нужно было соблюдать установленные сроки.

Виктория обосновывала спешку «душевной жестокостью», которую проявлял ее муж по отношению к ней на протяжении двух десятков лет практически без какого-либо повода, и Джон безоговорочно согласился с этим. После этого Виктория опять ночи напролет лежала без сна и плакала в безнадежном отчаянии в свою подушку — ибо думала, что Джон будет противиться быстрому разводу и, таким образом, появится шанс для примирения. Ее глубоко ранило, когда она поняла, что он предпочел предстать единственным виновным лицом (хотя Джон, по ее мнению, на самом деле таковым являлся), чем на один день дольше оставаться с ней в браке. Он не затевал спор в отношении денег и, кажется, был готов отдать ей все, что у него было, чтобы только наконец получить свободу. Виктория в своем горе побежала к Маргарите, но та отреагировала чуть раздраженно.

Наконец наступило 23 июля, день, когда Джон и Виктория официально были разведены. Горе и разочарование в значительной степени подорвали способность Виктории проявлять такт и дипломатию. Вместо того чтобы представить отцу положение дел осторожно, щадя его, она неожиданно выпалила все за ужином.

— Отец, кстати, мы с Джоном сегодня развелись, — сказала Виктория, внезапно влезая в безобидную беседу о слишком холодном лете. После этого бросила салфетку и вышла из столовой.

Чарльз стал бледным как мел.

— Как? — спросил он неловко. Его рука, в которой он держал вилку, задрожала.

— Отец, мы ведь знали, что этот момент придет, — сказала Фрэнсис. — Просто это случилось несколько быстрее. Хорошо, что все уже позади.

— Моя дочь — разведенная женщина, — пробормотал Чарльз. Его дряхлое лицо, казалось, еще больше ввалилось. Фрэнсис про себя проклинала беспечность Виктории, с которой та выпалила свою новость. Лора сделала большие глаза.

— Виктория — *разведенная* женщина? — спросила она. — Но это плохо, да? Собственно говоря, ведь нельзя…

— Лора, боюсь, ты ничего в этом не понимаешь, — перебила ее Фрэнсис довольно резко. Девочка сжала губы.

— Я хочу подняться в свою комнату, — тихо сказал Чарльз.

Он решил встать, но ему это не удалось. Фрэнсис и Аделине пришлось поддержать его и практически отнести наверх по лестнице. В спальне они его раздели. Фрэнсис пришла в ужас, когда увидела тело отца. Он превратился в скелет. Выступали ребра и кости бедер. Морщинистые руки стали тонкими, как у маленького ребенка. На впалой груди росли редкие седые волосы.

— Завтра нужно обязательно опять вызвать врача, — сказала Фрэнсис, — отец выглядит хуже, чем при воспалении легких.

Чарльз открыл глаза.

— Мне не нужен врач.

— Он лишь произведет осмотр и скажет нам, как тебя лечить. Ты должен обязательно поправиться.

— Зачем? — спросил Чарльз.

Отец умер через два дня, в своей постели, во сне. С того вечера он больше не вставал. У врача после осмотра был встревоженный, тяжелый взгляд.

— Он очень слаб, — сказал он, — у него совсем нет сил. Тяжелая болезнь минувшей зимой полностью истощила его организм. Кроме того, мне не нравится его сердце. Ему нельзя волноваться. Нельзя напрягаться. Иначе вряд ли можно будет что-то сделать.

Последними словами, которые Чарльз сказал Фрэнсис, были: «Позаботься о Виктории». Это было, когда она принесла ему крепкий мясной бульон, сваренный для него Аделиной, покормила и хотела оставить одного, чтобы он поспал после обеда.

— О чем ты говоришь, отец? — спросила она.

— Позаботься о Виктории! — повторил Чарльз и закрыл глаза. Он хотел спать.

Фрэнсис подождала еще пару минут, прислушиваясь к его дыханию, которое показалось ей четким и мерным. Она оставила его одного, и в какой-то момент в течение последующих полутора часов его сердце перестало биться. Когда Фрэнсис вскоре пришла к нему, отец был уже мертв. Он лежал в том же положении, в каком она оставила его, но больше не дышал. Его рот был слегка приоткрыт, рука свисала с кровати.

— Отец! — выкрикнула Фрэнсис. Видимо, ее голос был громким и испуганным, поскольку сразу же прибежали все, кто находился в доме, включая Маргариту. Фрэнсис взяла Чарльза за руку; та была окоченевшей и очень холодной.

— Он умер, — произнесла она.

Виктория, тихо застонав, прошептала:

— О боже…

Аделина в ужасе вскрикнула. На лице Лоры отразилось выражение страха, а во взгляде Марджори угадывалась жажда сенсации. Маргарита никак не проявляла своих чувств, но в ее темных глазах отражалось участие.

— Это моя вина, — произнесла Виктория, — моя вина! Это…

— Глупости! — фыркнула Фрэнсис.

Но в действительности она была убеждена, что именно Виктория была виновата в том, что произошло. Она, конечно, ничего не могла сделать с тем, что отец так близко принял к сердцу ее развод, но ее

бесконечные жалобы и причитания еще больше усугубили ситуацию; а своим необдуманным заявлением два дня назад Виктория усилила его переживания, которых ему следовало избегать. Когда-нибудь Фрэнсис ей все это выскажет, но не сейчас, не у постели умершего отца.

— Позвони врачу, Аделина, — попросила Фрэнсис, — он должен прийти и выписать свидетельство о смерти.

— Отчего он умер? — спросила Марджори.

— Я думаю, у него остановилось сердце, — ответила Фрэнсис. — Идите сюда, дети, посмотрите на него и проститесь!

Лора послушно подошла, а Марджори лишь энергично покачала головой, повернулась и выбежала из комнаты. На лестнице были слышны ее шаги, потом внизу хлопнула входная дверь.

— Когда она вернется, пусть пеняет на себя, — раздраженно сказала Фрэнсис.

Но Маргарита спокойно сказала:

— Она еще маленькая. То, что здесь произошло, ей слишком тяжело воспринимать.

— Бедный мистер Грей, — пробормотала Лора. Она в упор смотрела на исхудавшего, старого человека; ее руки с толстыми пальцами вцепились в спинку стула. — А когда его похоронят?

— Я должна поговорить со священником, — сказала Фрэнсис. Затем добавила: — Я еще каким-то образом должна известить Джорджа и привезти его сюда. На сей раз он должен будет покинуть свое уединенное жилье.

Но Джордж не должен был ничего и никому. Он и не думал расставаться с выбранным им самим уединением даже на один день. Как он вдруг встретится с чужими людьми после того, как вот уже двадцать пять лет общался только с сестрой?

Фрэнсис поехала в Стейнтондейл, чтобы сообщить брату о смерти Чарльза и взять его с собой; но он сказал, что не поедет с ней. При этом был так спокоен, будто не сомневался в том, что она его поняла, или же ему было безразлично, поняла она его или нет. Фрэнсис не удалось уяснить для себя, насколько тронула Джорджа смерть отца. Его выражение лица абсолютно не изменилось, когда она сообщила ему об этом. Он, как всегда, был отрешен от всего мира, находясь в коконе, которым опутал себя и который защищал его от безумия.

— Ты должен поехать, — настаивала Фрэнсис, но Джордж не ответил, а только устремил взгляд в окно, на море, как он делал это всякий раз, когда приезжала Фрэнсис и нарушала его покой.

— Никто не поймет, если не приедешь, — сказала Фрэнсис умоляющим тоном.

При звуках ее голоса он еще раз обернулся, и она увидела на его лице выражение удивления. Удивления тем, что сестра считала, что его может как-то волновать чье-то там непонимание. И тем, что *ее* это волновало.

Фрэнсис смущенно посмотрела в сторону и, вставая, сказала:

— Ну хорошо… Возможно, ты простишься с ним по-своему.

Она до последнего надеялась, что Джордж, возможно, еще приедет, придет на могилу и скажет отцу слова прощания. Ей было больно, что он этого так и не сделал, поскольку знала, что Чарльзу это тоже причинило бы боль. Пришли все, только не его единственный сын.

Вся деревня собралась на кладбище в тот ветреный и солнечный июльский день. В тени деревьев было прохладно, но ветер то и дело теребил ветви с густой листвой, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, доносили тепло и свет и рисовали светлые пятна на поверхности мха и на старых камнях. Люди в тишине стояли вокруг могилы, и на большинстве лиц была искренняя печаль.

Чарльз Грей никогда не был одним из них. Происхождение и образование высоко подняли его над крестьянами; но его спокойная, сдержанная натура не позволяла ему дать кому-то повод подумать, что он считает себя человеком более высокого уровня. Он каждого дружески приветствовал и всегда был вежлив. Кроме того, всем было известно, что он отказался от роскошной жизни и изобилия, чтобы жениться на женщине, которую любил, и уже одно это открыло ему сердца людей.

— Он был тонким человеком, — сказала одна крестьянка со слезами на глазах, — действительно очень тонким!

Фрэнсис перенесла похороны без слез, ибо знала, что смерть пришла к Чарльзу как спасение, чтобы завершить постепенное угасание, которое началось двадцать пять лет тому назад. Чарльз наконец обрел свой мир. Но невыплаканные слезы обжигали ее изнутри, и она малодушно думала, что теперь больше ничего и никогда

не будет, как прежде. Она никогда больше не сможет ощутить себя ребенком в Уэстхилле, никогда больше не будет чувствовать себя защищенной. И хотя Фрэнсис уже давно все решения принимала самостоятельно, давно заботилась о семье и занималась фермой, Чарльз все еще оставался высшей инстанцией, патриархом, который устранился от дел, но чья мудрость и опыт всегда были рядом, и в которых она нуждалась.

Теперь она осталась одна. Одна с ответственностью за дом и землю, со своей заботой о двух детях, о несчастной Виктории. К тому же шла война, и кто знал, что им всем еще предстояло вынести…

Фрэнсис глубоко вздохнула, как будто это могло облегчить то давление, которое легло на ее плечи.

— Земля к земле, — сказал священник, — прах к праху, тлен к тлену…

Фрэнсис подняла глаза и обвела взглядом присутствующих, все еще сохраняя надежду увидеть среди них Джорджа.

Она увидела Джона, который выглядел очень благородно в своем черном костюме. Очевидно, он еще ничего не пил в этот день, так как его щеки были бледными, а сложенные руки немного дрожали. Ситуация с ним еще больше осложнилась: несколько месяцев он был в приличной форме, пока не пил. Теперь ему было действительно тяжело обходиться без алкоголя. Фрэнсис заметила, что Джон также оглядывается по сторонам, и подумала, что он ищет ее, что на долю секунды показалось ей утешением, успокаивающим боль.

Но потом ей было ясно, что искал он вовсе не ее, так как они с Викторией стояли возле самой могилы, у всех на виду. Фрэнсис видела, как он улыбался, почти незаметно, и когда проследила за его взглядом, поняла, кому предназначалась эта улыбка. Маргарита немного наморщила лоб, словно находила это неприличным — обмениваться улыбками во время похорон, — но в то же время, казалось, ей это было приятно.

Фрэнсис была потрясена. Она не имела об этом ни малейшего понятия. Между Джоном и Маргаритой возникли отношения, наверняка пока еще хрупкие, но уже достаточно заметные…

Как она могла не обратить на это внимания раньше?

Суббота, 28 декабря 1996 года

Барбара читала почти до утра. Лишь около четырех часов погасила свечи, откинулась на подушку и почти мгновенно уснула.

Проснулась она от яркого света, ослепившего ее, едва открылись глаза. Растерянно подумала: «Должно быть, уже поздно, если солнце светит в комнату!»

Но потом поняла, что разбудило ее не солнце, а лампа возле кровати. В предыдущие дни Барбара сотни раз щелкала выключателем — и в конце концов, видимо, оставила лампу включенной. Если отопление заработало, значит, у них есть теперь свет, тепло и телефон; правда, как и прежде, не было еды.

По ту сторону окна было еще темно, насколько Барбара могла видеть через щель между шторами. Она посмотрела на часы и определила, что спала всего три часа. Рядом с ней, на полу, лежали две стопки листов; наиболее толстой из двух была прочитанная часть, более тонкую ей еще предстояло одолеть. Но это подождет — Барбара хотела еще немного поспать.

Она выключила свет. Странное чувство; она уже привыкла задувать свечи, так что горящая лампа сейчас казалась ей редкой роскошью.

Барбара откинулась на подушку и подождала, пока сон снова возьмет свое, но этого не произошло. Хотя ей щипало глаза, а голова была тяжелой от усталости, она не могла уснуть. У нее болел желудок, и, казалось, все внутренности напряглись. Она не знала, что голод может причинять такие боли. Для женщины ее поколения, родившейся в конце пятидесятых годов, голод был практически незнакомым состоянием — во всяком случае, настоящий голод. Барбара уже посещала разные курсы похудения, или же иногда после тяжелого рабочего дня у нее был зверский аппетит; но она еще никогда на собственном опыте не испытывала постоянный голод в течение нескольких дней и знала об этом только из рассказов родителей, бабушек и дедушек.

«Вся эта история — какой-то бред, — думала Барбара, — просто бред».

Она попыталась думать о книге, чтобы забыть о голоде. Ей пришла на ум Лора, девочка с булимией. Барбара усмехнулась; неудивительно, что в памяти — при ее-то урчащим желудке — остался ночной налет на миску с пудингом. Но она тут же поняла, что вспомнила о Лоре не только из-за голода, а еще потому, что рассказ о девочке разбудил в ее воспоминаниях картины, которые она глубоко закопала в своем подсознании и о которых никогда больше не хотела бы вспоминать…

Барбара вспомнила себя подростком, и это были далеко не самые приятные мысли.

Сегодня она любому могла бы рассказать о том, что в юности была довольно полной, хотя ей никто бы не поверил. Не только потому, что сейчас у нее стройная фигура, но еще и потому, что она во всех отношениях выглядела превосходно. Одежда и обувь, украшения, прическа и макияж — все всегда было безупречным, и даже самые придирчивые критики не могли найти в ее внешности какой-либо изъян. Если она одевалась небрежно, то ее небрежность всегда была стильной, не говоря уже об элегантной одежде. Она считалась высоко дисциплинированной, успешной женщиной, которая всегда держит свою жизнь под контролем. «Барбара — и слишком полная? Исключено!»

Она не лежала ночами на полу и не вылизывала миски с пудингом, но постоянно ела и ела, при любой возможности. Прежде всего — картофельные чипсы. От них ей было плохо, появились прыщи. Но Барбара не могла прекратить. Она впихивала в себя сладкие пестрые конфеты — резиновых мишек, шоколад и засахаренный арахис. Была убеждена в том, что делает это, потому что считает себя несчастной из-за своей внешности. Чем более толстой казалась она себе в зеркале, тем более неистово запихивала что-то в себя, чтобы облегчить свое горе. Страшный порочный круг, в котором причина и следствие слились в ужасную беду…

Лишь значительно позже Барбара подумала, не имел ли ее неутолимый голод более глубокую причину. Не будучи склонной к любительской психологии, она все же пришла к заключению, что это было связано с соперничеством с младшим братом. У Барбары всегда были хорошие отношения с матерью, но она знала, что та очень хотела сына.

— Для тебя мы даже не придумали имя, — рассказывала она иногда Барбаре, — настолько я была уверена в том, что родится мальчик!

Когда спустя почти восемь лет после рождения Барбары на свет появился желанный сын, мать была вне себя от радости. Правда, справедливости ради, Барбаре следовало признать, что мать всегда старалась совершенно одинаково относиться к детям, — и все-таки было что-то особое, связывавшее ее с сыном, какая-то невидимая пуповина, которая так и не была перерезана, бессловесное понимание друг друга.

Барбара не помнила, чтобы она ощутимо страдала от этого, но где-то в глубине души это в ней сидело. Иногда у нее внезапно возникало чувство внутреннего озноба, без всякой видимой причины, и если она начинала много есть, тепло постепенно возвращалось к ней. Возможно, причина была в брате, но, может быть, и в чем-то совсем ином. В какой-то момент ситуация стала развиваться по нарастающей. Она беспрерывно ела, рыдала, глядя в зеркало, и опять ела, чтобы задушить слезы.

И, конечно, ни один юноша не интересовался ею, ни один!

Барбара беспокойно металась суда-сюда; прошлое крепко держало ее и не отпускало от себя. У нее горело лицо, когда она думала о школьных вечеринках, которые ненавидела, но которые должна была посещать. Развлекаться было в порядке вещей, а веселиться — первой заповедью. Ей вспоминалось узкое подвальное помещение с сумеречным освещением, потрясающая музыка, запах пота, духов, салата из лапши с майонезом и алкоголя, хотя он был запрещен. Пары прыгали на танцплощадке или — уже поздним вечером — танцевали, тесно прижавшись друг к другу, буквально сливаясь в единое целое — шаг вперед, шаг назад, — но, по сути дела, оставаясь на одном месте.

Барбара обычно сидела рядом с учителем, наблюдающим за учениками, и судорожно старалась завязать и поддержать разговор, чтобы создалось впечатление, будто она слишком погружена в захватывающую беседу, чтобы интересоваться танцами. Конечно, никто ей не верил, и Барбаре, заливавшейся краской, то и дело приходилось переживать минуты неловкости, когда учитель, руководствуясь своими педагогическими обязанностями, подзывал какого-нибудь юношу и отправлял его к никому не нужной Барбаре со

словами: «А теперь потанцуй с Барбарой!» Юноша закатывал глаза и кривил рот, в то время как Барбара беспомощно бормотала: «Я совсем не хочу сейчас танцевать…» При этом она бросала взгляд на решительное лицо учителя, свидетельствовавшее о том, что он не позволит ей улизнуть.

Когда мучительный танец, во время которого ее партнер, как правило, даже не пытался скрыть свою неприязнь к ней, заканчивался, Барбара бежала в туалет; но и там она натыкалась на толпу девочек, которые толклись перед зеркалом, болтали и дурачились, обменивались губной помадой и хвастались своими приключениями.

— Вы не поверите, Франк схватил меня за грудь!

Барбара могла только мечтать о подобных посягательствах.

Конечно, на момент поступления в университет она была еще девственницей, и у нее постоянно возникало мрачное чувство, что это видно издалека. В течение первых двух семестров Барбара держалась особняком, как, впрочем, было всегда, и использовала свою обособленность, чтобы со всей энергией и концентрацией отдаться учебе. Осознание того, что она обладает острым умом и даром необычайно быстрого восприятия, стало для нее первым настоящим успехом и существенно повысило ее самосознание.

Потом уже и ее товарищи по университету заметили, что среди них есть интеллектуалка, которая получает лучшие оценки и пользуется большим уважением преподавателей. Многие ей завидовали, но, с другой стороны, советом и помощью Барбары можно было легко воспользоваться в случае наиболее сложных проблем, и так она неожиданно обрела массу друзей — и начала понимать, что ее могут любить, что ей удалось завоевать восхищение и признание.

И Барбара нанесла решительный удар. Отныне она отказалась от картофеля фри с майонезом и записалась на курсы гимнастики. Познакомившись на одном семинаре с Ральфом, она была все еще пухленькой, но гораздо стройнее, чем прежде. То, что ею наконец заинтересовался мужчина, к тому же такой привлекательный, как Ральф, вселило в нее еще больше оптимизма. Барбара голодала и занималась гимнастикой, пока не достигла идеального веса. С помощью парикмахера она придала своим волосам цвета бродячей собаки красивый золотистый блеск. И еще поняла, что любит элегантную одежду и имеет хороший вкус.

Она непреклонно избавлялась от всего, что напоминало ей прежнюю Барбару; насколько было возможно, прятала раны и шрамы за отличными оценками и заметными успехами, за броской губной помадой и шикарными шмотками, за самооценкой, которая — она знала — иногда была поспешной, но всегда служила определенной цели: добиться того, чтобы люди относились к ней с уважением и симпатией.

Барбара полностью изменилась и преобразилась, не осознавая этого сама и не принимая во внимание то, что Ральф не считал ее метаморфозу фантастической…

Сегодня, в это утро, когда на нее нахлынули воспоминания, дремавшие уже целую вечность, ей неожиданно пришло на ум, что Ральф влюбился в другую женщину, а не в ту, которой она была сегодня. Возможно, это не сделало его таким счастливым, как она себе это представляла…

Барбара села в кровати, откинула одеяло. От всех этих мыслей, этих картин она шарахалась, как от заразной болезни, и довольно успешно — и не хотела предаваться им сейчас. Ей не хотелось больше лежать в постели. Она должна была встать и чем-то заняться, лучше всего — дальнейшей судьбой Фрэнсис Грей и…

Внизу зазвонил телефон.

В данный момент это было именно то, что нужно, — желанное переключение внимания. Барбара вскочила с постели, выбежала из комнаты и понеслась вниз по лестнице, только сейчас заметив, что не надела тапочки и что холод как нож врезается в ее ноги. Она увидела, что дверь подвала была приоткрыта; внизу горел свет, и Ральф чем-то гремел — вероятно, пытался запустить отопление. Барбара очень надеялась, что ему это удастся. Она уже дрожала всем телом, потому что в спешке забыла также накинуть халат.

— Да? — сказала она в трубку, тяжело дыша.

— Барбара? Это Лора. Надеюсь, не разбудила вас.

— Нет, я уже… — Барбара запнулась. *Лора?*

— Вы меня слышите? — спросила та чуть смущенно.

— Да… да, конечно. Извините.

Идиотка! Сегодня ночью во время чтения она была уставшей, а утром слишком долго спала, и до этого самого момента толком не

осознавала, что их хозяйка Лора и бедная, толстая Лора в воспоминаниях Фрэнсис — это одно и то же лицо…

Лора Селли, конечно! Она родилась в 1926 году — значит, сейчас ей семьдесят лет. Именно тот возраст, в каком и должна быть владелица Уэстхилла. Конечно, трудно представить себе старую худую женщину подростком, страдающим булимией, но кто бы мог представить себе такой саму Барбару? А ведь только вчера она успокоилась после своего бесцеремонного копания в записях Фрэнсис Грей, решив, что всех персонажей этого автобиографического романа все равно уже нет в живых…

Как же можно было так заблуждаться! Лора жива, и они даже стояли друг напротив друга… Впервые с тех пор, как Барбара начала читать эту так долго скрываемую историю, она поняла, что имел в виду Ральф, когда хотел предостеречь ее от этого. Она внезапно отчасти показалась себе вуайеристкой.

Барбара слушала то, что говорила Лора, вполуха, — и потеряла нить разговора.

— …но Марджори считает, что я все равно туда не доберусь, и я хотела спросить, а как считаете вы?

— Извините, Лора, я не поняла, что вы сказали. О чем идет речь?

— У вас что-то не в порядке? — В голосе Лоры чувствовались тревога и недоверие. — Барбара, вы такая странная… Что случилось?

— Всё в порядке, правда. Просто немного устала.

— Я сказала, что планирую четвертого января поехать домой. Вы ведь хотели в этот день уезжать, не так ли?

— Да. Мы так договаривались.

— Марджори — моя сестра — говорит, что я, скорее всего, не смогу добраться, а вы — уехать. И я хотела узнать ваше мнение.

Марджори. Строптивая младшая сестра, которая относилась к Фрэнсис с враждебным неприятием…

«Пора мне уже сосредоточиться на разговоре с Лорой», — подумала Барбара.

— Думаю, до четвертого января ситуация здесь наладится, — сказала она. — Снег не идет уже несколько дней. И Синтия Мур сказала, что главная улица уже давно расчищена. От мира отрезаны только мы здесь, наверху.

— И всё действительно в порядке? — спросила еще раз Лора.

— Конечно. И с нами, и с домом.

Барбара спрашивала себя, знала ли Лора, что существуют воспоминания Фрэнсис Грей? Сама ли Лора спрятала их под половицы в сарае? Или это сделала еще Фрэнсис, которая потом унесла эту тайну с собой в могилу?

— Не беспокойтесь, Лора, — сказала она, — мы еще до этого созвонимся. Я буду держать вас в курсе дел.

— Это было бы замечательно. До свидания, Барбара. Все так или иначе наладится, не так ли?

Она положила трубку. Барбара задумчиво смотрела на телефонный аппарат и спрашивала себя, что Лора имела в виду своей последней фразой. «Все так или иначе наладится…» Она говорила о снеге — или о чем-то другом, значительно более важном?

— Она мне показалась какой-то странной, — сказала Лора, — какой-то другой. Растерянной, что ли. Мыслями где-то в другом месте… и в то же время совершенно бодрая… Странно.

— Ты ведь едва знаешь эту женщину, — сказала Марджори, — как же ты вообще можешь определить, что она стала другой? Ты видела ее один раз в жизни и едва перебросилась с ней парой слов. Откуда ты можешь знать, какая она *обычно*?

— Ну, это просто заметно, если у другого человека что-то вертится в голове, — настаивала Лора. — Для этого его не нужно знать. Когда она ответила по телефону, ее голос звучал совершенно естественно. И вдруг… да, именно так. Скованно. Он сразу стал скованным!

— Ты просто вбила себе это в голову, — проворчала Марджори.

Она сидела за кухонным столом, читая газету, и выглядела не совсем выспавшейся. Лора слышала, что ночью Марджори то и дело вставала и шла в кухню — очевидно, чтобы выпить стакан воды. Конечно, Лора испытывала чувство вины. Накануне она была слишком груба со своей сестрой. Она назвала отвратительными квартиру, поселок и всю эту местность. Она сказала Марджори, что та выглядит так, будто уже несколько лет не улыбалась. Она была в ярости и громко кричала, бросая язвительные фразы. Теперь ей было стыдно за свою выходку.

— Ты слишком рано туда позвонила, — сказала Марджори. — В семь утра… Это неприлично.

— Ее голос не был сонным, — возразила Лора. Сев за стол напротив сестры, она тихо сказала: — Марджори, насчет вчерашнего… извини меня. Я была слишком груба.

— Всё в порядке. Не будем об этом.

— Но мне очень жаль, что я…

— Лора! — резко сказала Марджори. — Прекрати! Если один раз в своей жизни ты действительно рассердилась и сказала то, что думаешь, тебе не надо на следующий день от этого отказываться. Ради всего святого, не сожалей о своей ярости и о том, в чем ты меня упрекала!

— Я…

— Ты очень хороший человек, Лора. Может быть, ты не поверишь, но это может сразить любого. Всегда ласковая, всегда любезная, всегда приветливая, даже если кто-то действует тебе на нервы… Ты была такой всегда. Но знаешь, на что ты этим самым провоцируешь людей вокруг себя? Вынуждаешь их обращаться с тобой все хуже и хуже. Ведь такая доброта действительно может свести с ума. Кому-то просто захочется посмотреть, как далеко можно зайти. Все время думать: «Черт подери, когда же она наконец выйдет из себя, начнет ругаться и с силой хлопнет дверью? Когда наконец перестанет получать пинки?» Но ничего не происходит. Ты делаешь большие, печальные глаза, втягиваешь голову в плечи, смотришь как побитая собака и ничего не говоришь!

Лора почувствовала, как начинает бледнеть. К такому упреку она не была готова. У нее внезапно пересохло во рту.

— Ты даже не замечаешь, что люди тебя презирают, — безжалостно продолжала Марджори. — Ты думаешь, они тебя любят, потому что ты всегда так мило улыбаешься и говоришь «да» и «аминь» на все, что они тебе предлагают… На самом деле они считают тебя скучной. Кстати, Фрэнсис Грей не была исключением.

— Марджори! — прошептала шокированная Лора.

— Возможно, сначала она еще испытывала какое-то сочувствие. Ты ведь была ребенком, а детей меряют другими масштабами. Но ты становилась все старше и старше — и в какой-то момент она стала обращаться с тобой как с половой тряпкой.

— Это неправда!

— Перестань постоянно лгать самой себе, Лора. Такая женщина, как Фрэнсис Грей, искала людей, с которыми она могла бы потягаться и которых могла бы задеть, а не таких, которые уступали бы ей и были податливыми, как стенка из пенопласта. Ты, конечно, была удобна для нее. Ты делала все, что требовалось, по дому и готова была разбиться в лепешку, чтобы ей угодить. Ты болтала с ней долгими одинокими вечерами и заботилась о том, чтобы время не тянулось слишком долго в ее большом, пустом доме. Ты варила ей по утрам кофе, наливала виски, который она пила ведрами, и терпела все ее капризы. И за все это она тебя презирала…

— За все это она оставила мне в наследство Уэстхилл.

Марджори рассмеялась.

— И что? Кому-то ведь она должна была это оставить, а кроме тебя, больше было некому… По сути дела, она лишь взвалила на тебя эту обузу, втянула тебя в борьбу, которую ты в конце концов проиграешь.

— Ты закончила? — спросила Лора чуть слышно.

— Собственно говоря, я только хотела сказать, что вчера вечером я оценила тебя по достоинству, — ответила Марджори, и ее голос неожиданно смягчился, стал почти мирным. — До этого я и представить себе не могла, что ты можешь быть такой вспыльчивой.

Вспыльчивой? От того гнева, который она позволила себе накануне, в Лоре не осталось и следа. Она казалась себе тряпичной куклой, у которой болтаются руки и ноги.

— Ты ничего не знаешь о Фрэнсис Грей и обо мне, — сказала она устало, — ничего о том, что нас связывало, совсем ничего.

— Сегодня ночью я думала о том, что ты сказала, — призналась Марджори, — и поняла, что во многом ты права. Моя жизнь и вправду протекает довольно скучно. Я подумала, что, может быть, нам действительно стоит куда-нибудь сходить в сочельник?

Лора ошеломленно посмотрела на сестру. То, что Марджори захотела в сочельник куда-нибудь сходить, было так же невероятно, как если б королева объявила, что она на всю оставшуюся жизнь уходит в католический монастырь.

Пальцы Марджори скользили по строчкам в газете, лежавшей перед ней.

— Я посмотрела, что предлагают на тридцать первое декабря. Здесь недалеко есть гостиница «Уайтстоун Хаус». Там у них шведский стол и театрализованное представление. Билеты еще можно купить.

Лора знала «Уайтстоун Хаус», потому что проезжала мимо него. Отвратительная коричневая коробка, которой по необъяснимым причинам дали название «Уайтстоун».[8] Внутри, правда, гостиница выглядела вполне прилично.

— Позвонить туда? — спросила Марджори.

Лора все еще чувствовала бессилие. И в данный момент не могла решиться на предложение Марджори.

— Я не знаю, — сказала она беспомощно.

Ральф вышел из подвала с грязными руками и растрепанными волосами. На нем был темно-синий свитер, который в начале поездки выглядел очень элегантным, а теперь, после каждодневной многочасовой уборки снега и колки дров, стал грязным и свялявшимся. Тем не менее Ральф в это утро побрился и выглядел более ухоженным, чем с серой щетиной.

— Отопление опять работает, — объявил он. — Я уже везде повернул термостаты на радиаторах. Разумеется, потребуется какое-то время, чтобы помещение прогрелось, потому что дом совершенно остыл, но в течение дня наверняка будет вполне комфортно. И когда я вернусь…

— Ты действительно хочешь поехать?

Они стояли в прихожей, и Барбара переминалась с одной ноги на другую, потому что ей казалось, что пальцы на ее ногах постепенно превращаются в ледышки.

— У нас нет другого выхода, — ответил Ральф. — Во всем доме не осталось никакой еды. Ситуация становится критической. Сколько мы сможем еще голодать?

— Я только боюсь, что ты заблудишься.

— Не беспокойся. Я буду проезжать мимо какого-нибудь жилья и в случае необходимости смогу спросить дорогу.

— Никакой дороги больше вообще не существует.

— Но есть определенное направление. — Он сделал движение головой в сторону телефона. — Кто звонил?

— Лора Селли. Представь себе, я…

Барбара запнулась на середине фразы. Ральфу со всеми его оговорками как раз не следовало знать, что Лора являлась персонажем воспоминаний Фрэнсис.

— Представь себе, она уже думает о возвращении четвертого января, — сказала Барбара, быстро изменив начатую фразу. — Эта женщина — сплошной комок нервов. Похоже, она действительно опасается, что за пару дней мы полностью развалим ей весь дом.

— Дом — это все, что у нее есть, — сказал Ральф и посмотрел на часы. — Давай, оденься; мы еще успеем вместе выпить кофе — и я поеду.

После завтрака, состоявшего из кофе и последнего кусочка сыра для каждого, Барбара проводила Ральфа до сарая, где тот оставил лыжи. Было восемь часов утра, бледный дневной свет поднимался на востоке над покрытым снегом горизонтом. С холмов дул резкий, холодный ветер. На небе низко висели облака, и оно уже не было больше ясным и синим, как в последние два дня, а казалось мрачным и роковым.

Барбара озабоченно посмотрела на Ральфа.

— Знаешь, я не хочу накаркать, но, похоже, опять пойдет снег, ты не находишь?

Ральф кивнул.

— Может быть. Но, возможно, ветер разгонит облака. В любом случае, надо немедленно отправляться, чтобы быстрее вернуться.

Она задержала дыхание.

— Может быть, ты все же останешься? Мне кажется, это очень рискованно. Представь себе, что будет так же, как в самом начале. Тогда у тебя возникнут серьезные проблемы.

— Нам нужно что-то есть, Барбара. И раздобыть еду *до того*, как нас здесь, возможно, снова занесет снегом. — Ральф улыбнулся. — Не беспокойся. Ты же знаешь, что я хороший лыжник.

Они отнесли лыжи к двери дома. Высота снежного покрова была около метра. Ральф с трудом прицепил лыжные крепления к своим зимним сапогам, надеясь, что те выдержат. Оставшиеся в доме лыжные ботинки были ему малы.

— Я сделаю три креста[9], когда ты вернешься, — сказала Барбара.

У нее было тревожно на душе. Она с самого начала не была в восторге от его плана, но выхода не было, да и до вчерашнего дня погодные условия становились все лучше. Однако теперь они вновь стали угрожающими, и Барбару охватывал страх, когда она думала о долгом дне, который ей предстояло пережить. Сама Барбара была защищена и находилась в безопасности, в теплом доме, а Ральф отправлялся в снежную пустыню, рассчитывая только на свою способность к ориентированию. Он, городской человек, едва ли могущий обращаться с компасом, даже если б он у него был.

Все-таки, утверждал Ральф, у него есть примерное («Что значит *примерное* в этом случае?» — спрашивала себя Барбара) представление, в каком направлении располагается главная улица. Если он до нее доберется, то все будет в порядке. Во-первых, она, по словам Синтии Мур, была расчищена, и, возможно, даже проедет какой-нибудь автомобиль, который его подвезет. А кроме того, тогда было бы не так важно, в каком направлении он будет двигаться, даже если не окажется непосредственно в Дейл-Ли. Вдоль дороги было множество деревень; в худшем случае ему придется немного пройти пешком. Правда…

— Обратный путь будет непростым, — сказала Барбара озабоченно.

Все время в гору, по снегу высотой в метр. И здесь уже речь будет идти не о том, чтобы попасть на улицу, на которую почти неизбежно наткнешься. На обратном пути он должен будет найти Уэстхилл — одиноко стоящий дом…

— Справлюсь, — сказал Ральф.

— Обещай мне одно, — попросила Барбара. — Если доберешься до деревни, когда уже начнет смеркаться, то, ради всего святого, не возвращайся сегодня! Ты наверняка сможешь переночевать где-нибудь там. До утра я не умру с голоду; и в любом случае это будет разумнее, если ты отправишься назад при дневном свете.

— Обещаю, — сказал Ральф.

Он убедился в том, что его рюкзак удобно пристроен на спине. Он был нужен ему для покупок; а пока в нем лежали только портмоне, карманный фонарик и термос с горячим чаем.

— Попробуй где-нибудь раздобыть чаю на обратную дорогу, — сказала Барбара.

Она казалась самой себе заботливой матерью, провожающей своего ребенка в школу и дающей ему тысячу указаний. Ральф не был ребенком. Но и отправлялся он не в школу. Это было испытанием на выносливость для мужчины, который являлся великолепным адвокатом, но посредственным спортсменом и таким же лыжником, который никогда не тренировал выносливость и не отличался блестящей физической формой.

Ральф поцеловал ее в щеку холодными губами. Барбара смотрела ему вслед, наблюдая, как беспомощно и неуклюже передвигается он на своих лыжах — точнее, с трудом преодолевает горы снега. Это не было красивой легкой ездой в зимний отпуск. Его долговязая фигура постепенно исчезла в тумане и сумраке дня.

Когда Барбара уже не могла различить его силуэт, она повернулась и пошла в дом, который приветливо встретил ее.

Тепло приходило в дом очень медленно. В отопительных трубах все время что-то булькало и громыхало. Барбара опять приготовила себе кофе и села в гостиной, прислонившись спиной к радиатору. Все еще в халате, она ощущала лень и расслабленность, которые вытеснили все мысли об опасностях, поджидавших Ральфа. Она пила горячий кофе маленькими глотками. Тепло струилось по всему ее телу, как мощный животворящий поток. Закрыв глаза, Барбара увидела перед собой Ральфа — тот, уже вернувшись, распаковывает на кухонном столе рюкзак… Интересно, что там?

Они будут вместе стоять в теплой кухне и готовить вкусную еду, а потом накроют в столовой стол белой скатертью и поставят дорогую фарфоровую посуду, и, может быть, зажгут камин; теперь тот будет создавать уют, а не являться единственным источником тепла, возле которого они могли немного согреться, как это делают замерзшие кошки. Может быть, Ральф даже привезет бутылку вина. Они будут есть, пока…

Желудок громко заурчал. Мысль о еде опять вызвала у Барбары болезненные спазмы. Барбара открыла глаза. Еще пара минут, и у нее изо рта закапала бы слюна, как у собаки. До вечера ей надо как-то отвлечься.

Всего одиннадцать часов. За окном мрачно. Низкие серые облака погрузили ландшафт в рассеянный, светопоглощающий туман. И они

обещали снег, большое количество снега.

«Об этом я сейчас не должна думать, — приказала себе Барбара, — пока еще снег не идет!»

Она пошла наверх в ванную и пустила горячую воду, потом покопалась в шкафчике над раковиной и обнаружила старомодный, с корковой пробкой флакон, в котором была соль для ванны с розмарином. Насыпала соль в ванну, с удовольствием наблюдая за тем, как постепенно образуется пена. После всех проблем прошлой недели эта ванна, этот великолепный запах показались ей неслыханной роскошью.

Погрузившись в воду, Барбара глубоко и с наслаждением вдохнула полной грудью распространявшийся аромат. Благо таких непредвиденных, проблематичных ситуаций, как та, в которую они попали, заключается в новом отношении, которое ты начинаешь испытывать — по крайней мере, на короткое время — к совершенно банальным вещам. Раньше горячая ванна была для нее обычной повседневной процедурой. Без этого злоключения, когда они оказались занесенными в Северной Англии, она никогда не испытала бы этого чувства настоящего счастья — насладиться горячей ванной.

С закрытыми глазами и совершенно расслабленная, Барбара оставалась лежать в ванне, пока вода не начала остывать. Вытираясь, она рассмотрела себя в зеркале — и пришла в восторг, когда увидела, как отчетливо выступают у нее тазовые кости, как ввалился ее живот. Как большинство людей, которые когда-то страдали от излишнего веса, она необычайно обрадовалась своей стройности. Ее пресс снова был жестким и крепким.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказала она себе.

Затем Барбара вымыла голову и высушила ее феном. Наконец она опять почувствовала себя чистой и ухоженной. В доме уже было достаточно тепло, и ей не нужно было надевать на себя несколько слоев одежды, только чтобы не дрожать от холода. Она влезла в черные леггинсы и пуловер и побежала вниз по лестнице. Было уже около часа. Когда Барбара вошла в гостиную, она увидела, что пошел снег.

Все это время она ничего не замечала, и сейчас это стало для нее ударом. Правда, хлопья не были большими и плотными, а напоминали

скорее легкую морось, но это было только начало. Ситуация могла ухудшиться.

— О проклятье, — пробормотала Барбара.

Она побежала к телефону. На блокноте, лежавшем рядом, был нацарапан номер телефона Синтии Мур, который Ральф записал накануне вечером. Барбара набрала номер и стала ждать. Расслабленность, которую она ощутила после ванны, исчезла. От нервозности у нее пощипывало в руках и в ногах.

— Да? — отозвалась Синтия запыхавшимся голосом.

— Синтия? Это Барбара. С фермы Уэстхилл, вы, наверное, помните…

— Конечно. Добрый день, Барбара! Как у вас дела?

— Честно говоря, не очень хорошо. Я беспокоюсь за своего мужа. Он у вас не появлялся?

— Все-таки поехал? — Синтия, похоже, была удивлена. — Я имею в виду, что вчера вечером я сама ему это посоветовала, но сегодня… Сейчас опять пошел снег!

Барбара думала, что у нее остановится сердце.

— Его невозможно было переубедить, — сказала она. — И теперь я очень волнуюсь.

— Вам не надо волноваться, — сказала Синтия. Она вновь обрела свою прежнюю бодрость. — До нас он доберется в любом случае. А там я предложу ему свою гостевую комнату, и он сможет тут переночевать, а утром отправиться в обратный путь. Вы продержитесь еще одну ночь без продуктов?

— Конечно. Это не имеет значения. Я только боюсь, чтобы ничего не случилось.

— Все будет нормально. Я позабочусь об этом.

— Знаете, — сказала Барбара, — проблема в том, что я не уверена, что он заедет к вам. Он хотел попытаться добраться до дороги на Аскригг, а там пробиваться до следующего пункта — если не найдет Дейл-Ли. Он мог бы остановиться и в Аскригге, или…

— …или в Ньюбиггинге, или в Вудхолле. Тем не менее в те немногие магазины, в которые он может зайти, я могу позвонить. Я знаю там людей. Скажу им, чтобы они его не отпускали.

После разговора с Синтией Барбара почувствовала облегчение, но все равно не успокоилась. Она знала Ральфа. Его может свести с ума

мысль о том, что она здесь одна и голодает. Он ни за что на свете не согласился бы где-то переночевать, вместо того чтобы вернуться к ней.

Барбара знала, что эти размышления ни к чему не приведут. Она должна была чем-то заняться. Если все время будет смотреть в окно и считать снежные хлопья, то сойдет с ума.

В конце концов Барбара поднялась наверх, в спальню, и взяла пачку оставшихся листов. Сегодня она дочитает историю Фрэнсис до конца. И твердо будет верить в то, что с Ральфом за это время ничего не случится.

Барбара села в столовой, так как за большим столом было удобнее всего читать. Немного полистала записи, пропустила период после смерти Чарльза Грея, потом вступление в войну США в декабре 1941 года после нападения Японии на Перл-Харбор, суровую зиму…

Она начала с 1942 года.

Январь — апрель 1942 года

В январе 1942 года исчез Джордж. Исчез в прямом смысле: неожиданно его просто не оказалось дома.

Фрэнсис не была у него три недели подряд, так как выпало очень много снега и ехать на машине было рискованно. К счастью, она, следуя инстинкту, перед самым Рождеством привезла ему много продуктов, так что Джордж мог вполне обходиться ими в течение долгого времени. Тем не менее у Фрэнсис все время возникало нехорошее чувство. Когда в середине января дороги расчистили, она немедленно собралась в путь, хотя этот день и не был привычным воскресеньем.

Коттедж был пуст. Сначала Фрэнсис подумала, что это неудивительно, так как Джордж, разумеется, не ждал ее среди недели и, наверное, отправился на прогулку. Но потом ей бросились в глаза две странные вещи: Джордж всегда содержал свое жилище в чистоте, но сейчас вся мебель была покрыта пылью, а в углах висела паутина. В кладовой было полно продуктов, которые Фрэнсис привезла ему еще в декабре. Масляные краски высохли; похоже, что к ним никто не притрагивался уже несколько недель. Его картины — Джордж их постоянно зарисовывал, иначе не хватило бы места для его произведений — небрежно лежали, сложенные стопкой, возле кухонной двери. На Фрэнсис смотрели привычные перекрученные гримасы; по полотну извивались краски, напоминавшие о чистилище. Многочисленные кисточки, которые Джордж обычно тщательно промывал скипидаром, на сей раз лежали измазанные красками; они засохли и пришли в негодность. Все указывало на то, что Джордж, покидая дом, не собирался возвращаться. Но куда он мог отправиться?

Фрэнсис прошла по прогулочному маршруту, по которому любил ходить брат, — по лугам над крутым берегом, — а потом направилась вниз по опасной тропинке, ведущей к морю, которая в небольшой бухте упиралась в каменистый берег. Был очень холодный день, море отливало свинцом, и по небу плыли мрачные облака. Фрэнсис лазала между скалами и намывными породами и звала Джорджа, но ветер и

шум морского прибоя уносили ее голос. Совершенно промокшая от брызг и замерзшая, Фрэнсис наконец отправилась назад.

Она просидела в домике Джорджа до вечера, дрожа от холода и напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Но слышала лишь завывание ветра и крики чаек. Когда уже стало совсем поздно, она решила ехать домой. По пути заехала к ближайшим соседям Джорджа, жившим от него примерно в двух милях. Крестьяне недоверчиво посмотрели на нее, но все-таки вспомнили, что видели ее здесь пару раз. Нет, чудака из Стейнтондейла они уже давно не встречали; но это ничего не значит, потому что он вообще нигде не бывает.

— Если вы что-то о нем услышите, не могли сообщить мне? — Фрэнсис с надеждой огляделась в низкой лачуге, забитой безвкусными безделушками, в которой было очень жарко от огня в камине. — У вас есть телефон?

Телефона у них, конечно, не было. Но у кого-то в Стейнтондейле он был.

— Я оставлю вам свой номер, — сказала Фрэнсис. Она написала номер телефона в блокноте, вырвала листок и протянула женщине. Та недоверчиво смотрела на цифры, будто боялась увидеть за ними что-то дьявольское.

— Если мы что-то узнаем, то сообщим, — пробормотала она.

В последующие недели Фрэнсис постоянно ездила на побережье и искала своего брата. Иногда с ней приезжала даже Виктория, которая тоже очень беспокоилась за Джорджа. Страх на какое-то время объединил сестер, они больше не ссорились и старались поддержать друг друга.

Фрэнсис и Виктория прочесали весь Скарборо, продирались через толщу дремучих лесов вокруг Стейнтондейла, поднимались на Робин-Худс-Бэй, маленькое живописное местечко на побережье, с узкими улочками и многочисленными лестницами между домами. Сюда часто приезжают художники, и Фрэнсис подумала, что, может быть, Джордж выбрал это место для работы. Они спрашивали о нем почти в каждом доме и даже показывали картину Джорджа в надежде, что кто-то, возможно, сможет опознать его по стилю. Люди пугались, увидев мрачное изображение, и уверяли, что не знают никого, чья душа настолько черна, чтобы писать такие картины. То же ждало их и в Уитби.

Фрэнсис бродила даже по пустынным высоким болотам на севере, где туман поглощал любой звук вокруг нее и скрывал любую перспективу, и лишь иногда, неожиданно, взору открывался вид на долину, гору или пару овец, которые потом так же внезапно исчезали.

— Может быть, он отправился в Южную Англию, — сказала однажды Виктория в конце февраля, когда они после двухдневных поисков, которые привели их в Нортумбрию, измученные добирались домой. — Возможно, мы ищем его совсем не в том направлении.

Фрэнсис покачала головой:

— Не думаю. Джордж стремился к уединению. К югу население более плотное. Я скорее предположила бы, что он поехал в Шотландию.

Мысленно она видела его на Гебридских островах, в окружении тишины и суровой природы, на зимнем берегу с бушующими совсем рядом волнами. Это было как раз в его духе.

— Если он еще жив, — сказала Виктория глухо и устало добавила: — Я больше не могу его искать, Фрэнсис. У меня просто нет сил.

На сей раз Фрэнсис не нашла никаких аргументов для резкого возражения и не испытала никакого гнева. Она понимала Викторию. Ее собственные силы тоже иссякли.

Несмотря на тревогу о Джордже, Фрэнсис не переставала с подозрением относиться к Маргарите и Джону — правда, не имея при этом никаких доказательств связи между ними. Она была уверена, что тогда, во время похорон Чарльза, не могла ошибиться, но с тех пор ей ничего больше не бросалось в глаза.

Маргарита, как и прежде, каждый день приезжала в Уэстхилл и давала уроки Лоре и Марджори. Она никогда ничего не говорила о Джоне, но и ни разу не сказала ни единого слова о своем погибшем в концентрационном лагере муже. Складывалось впечатление, что француженка ни за что не хотела вспоминать о прошлом.

Однажды Виктория заговорила о том кошмаре, который пережила Маргарита, и о ее потере, но та жестко остановила ее:

— Я ничего не хочу об этом слышать! Это всё в прошлом. Пожалуйста, никогда больше не говори об этом!

Виктория обиженно замолчала.

Фрэнсис не могла понять сущность молодой француженки. Маргарита закрылась броней, о которую разбивалась любая попытка приблизиться к ней. Он была дружелюбной с каждым и часто улыбалась, но в то же время ее поведение казалось неестественным. За ее улыбкой сверкала стальная твердость — и лишала эту улыбку тепла. Всегда ли она была такой? Или ее изменили переезд в другую страну, смерть мужа, жизнь на чужбине? Одиночество Маргариты ощущал почти каждый, кто с ней общался. Единственным человеком, к которому она проявляла определенную сердечность, была Лора, за которую молодая женщина явно чувствовала себя ответственной и которой хотела помочь.

Поднимаясь утром по крутой дороге из Дейл-Ли, Маргарита казалась единственным человеком в бесконечной дали. Фрэнсис иногда видела в окно, как она идет. Когда растаял снег, все дороги развезло, и француженка с трудом добиралась до их дома. Вокруг лежали лишь голые луга, еще бурые и жесткие после зимы, и многочисленные каменные стены, разделявшие пастбища. Ни одного дома, кроме Уэстхилла, и никаких предвестников весны в холодном ветре. Для Фрэнсис эта земля была ее родиной. Но часто она спрашивала себя, какое впечатление мог этот край производить на человека, которого лишили корней и он оказался вдали от всего, что ему было дорого.

Было бы неудивительно, если б Маргарита искала человека, на которого она могла бы опереться, — ведь Виктория, как бы ни старалась, очевидно, не могла стать таким человеком. В интеллектуальном плане их двоих разделяла пропасть. Но Джон… С его тягой к алкоголю, его цинизмом, его непредсказуемостью? Как мог именно он оказать поддержку пострадавшей женщине?

Как-то утром в начале апреля Маргарита впервые пришла не одна. Фрэнсис увидела ее еще в окно и удивилась, обнаружив рядом с ней вторую фигуру — немного полноватую женщину с седыми волосами в коричневом пальто. Ей было явно непросто успевать за энергичным шагом Маргариты. У Фрэнсис сразу возникло какое-то неприятное чувство, которое она не могла объяснить.

Она спустилась вниз и подошла к входной двери. Вскоре женщины вошли в дом. На лице Маргариты, как всегда, не отразилось никакого волнения, лишь слегка порозовели щеки; ветер растрепал ее

волосы. Пожилая женщина, остановившаяся в нескольких шагах от нее, выглядела совершенно измотанной.

— Боже мой, — тихо произнесла она, — снизу даже подумать было нельзя, что здесь такой крутой подъем!

Женщина утирала пот со лба. Фрэнсис увидела, что она не такая уж полная, какой казалась на расстоянии. Такое впечатление создалось из-за неудачного покроя ее пальто. Она была вполне стройной, а усталость на ее лице могла быть вызвана не только подъемом вверх; она просто глубоко впиталась в ее черты и, должно быть, уже давно.

— Миссис Паркер, — представила ее Маргарита, — Фрэнсис Грей. Она повернулась к Фрэнсис: — Миссис Паркер нашла кого-то в Уэнсли, кто привез ее на автомобиле с вокзала в Дейл-Ли.

— Автомобиль был забит овцами, — добавила миссис Паркер. — Я, наверное, еще пахну ими.

— Она как раз спрашивала у хозяина «Святого Георгия и дракона» дорогу на ферму Уэстхилл, когда я спустилась вниз и предложила поехать со мной. Это ее немного утомило.

Фрэнсис обратила внимание на то, что Маргарита ни одним словом не упомянула, кто, собственно говоря, такая эта миссис Паркер и что ее сюда привело. Нехорошее чувство усилилось.

— Вы хотите кофе, миссис Паркер? — спросила она.

— Лучше стакан воды, если можно, — ответила миссис Паркер. Затем она, видимо, решила, что пора сказать что-то еще, кроме своего имени. — Я из ведомства по делам несовершеннолетних, мисс Грей. Вчера приехала из Лондона.

— Тогда вы, наверное, приехали по поводу Лоры и Марджори Селли?

Миссис Паркер кивнула.

— Да. И, к сожалению, у меня плохие новости.

Фрэнсис пригласила даму в столовую, так как в гостиной Маргарита давала уроки детям. О том, что кто-то приехал по их поводу из Лондона, им никто не сказал.

Миссис Паркер привезла действительно прискорбную новость: Элис погибла.

— Миссис Селли погибла еще примерно год назад, — сказала она. — В мае сорок первого, во время бомбардировки. Это случилось не дома, а в маленьком магазине сувениров в Тауэре, где она работала.

Дело было поздним вечером, и миссис Селли готовила бухгалтерский отчет для владельца, чтобы заработать еще несколько лишних фунтов. Бомба попала в соседний дом. Из-за вибрации в магазине обвалилась потолочная балка и убила миссис Селли.

— Я так и думала, — пробормотала Фрэнсис. — Мне давно стало ясно: что-то случилось. Она не могла просто так перестать звонить.

— Муж, которому сообщили о ее смерти, ни слова не сказал, что у них есть две дочери, эвакуированные в Йоркшир. Между нами, — миссис Паркер понизила голос, — он странный человек. Я не имею в виду, что он из криминального мира или что-то в этом роде… Но какой-то беспринципный и без капли инициативы.

Именно так Фрэнсис всегда и оценивала Хью Селли.

— Мы сейчас несколько перегружены, — сказала миссис Паркер. — Так много смертельных случаев, так много детей-сирот… Мы слишком поздно узнали о том, что есть еще два ребенка. Потом опять потребовалось немало времени, пока нам снова удалось разыскать мистера Селли, потому что из-за постоянно растущих долгов по аренде его выселили из последней квартиры. Правда, он все еще живет в Бетнал-Грин, в каком-то идущем на снос доме. Не знаю, как он сводит концы с концами. В любом случае, мистер Селли подтвердил, что у него есть две дочки и они давно вывезли их из Лондона из-за воздушных налетов. И назвал ваш адрес, миссис Грей. И вот я здесь. — Она откинулась назад и сделала глоток воды.

— Бедная Элис, — проговорила тихо Фрэнсис. — Погибла… Вы знаете, мы были когда-то близкими подругами.

— Страшная война, — сказала миссис Паркер. Но она постоянно сталкивалась с такими историями и, видимо, не намеревалась долго выражать свои соболезнования. — Вопрос заключается в том, как быть с детьми?

Фрэнсис ощутила пронзительный взгляд женщины, направленный на нее, и с трудом взяла себя в руки. Она представила себе Элис, которую старалась сохранить в памяти молодой, сильной женщиной, уверенной и решительной. О той Элис, которой та стала потом, Фрэнсис не хотела вспоминать. Так же, как не хотела помнить отца и Джорджа в их последний период жизни. Были хорошие времена, и именно их она хотела сохранить в своих воспоминаниях.

— Да, — повторила Фрэнсис, — как быть с детьми? Отец…

— Отец говорит, что сейчас совершенно не готов заниматься детьми, если они вернутся, и, на мой взгляд, это было бы катастрофой — посылать сейчас девочек к нему. Он, конечно, мог бы настоять, и мы ничего не смогли бы с этим сделать, но он в этом вовсе не заинтересован. Я не представляю себе, как в этой дыре, где он сейчас обитает, могут жить еще двое детей.

Фрэнсис поняла, что попала в тупиковую ситуацию. Если дети не вернутся к отцу, остается только один путь — детский дом… или она пока оставит их у себя. При этом совершенно неясно, сколько продлится это «пока». Произошло именно то, чего Фрэнсис всегда опасалась: она должна взять девочек на себя.

— Может быть, — сказала миссис Паркер с надеждой, — вы могли бы оставить детей в своем доме, пока не закончится война? А там посмотрим… Детские дома сейчас все переполнены.

«Что я могу сейчас сказать? — спрашивала себя Фрэнсис с досадой. — Если я откажусь, то стану человеком, потерявшим совесть!»

— Это для меня не так просто, — сказала она, испытывая неловкость, — я ведь тоже немолода. В следующем году мне исполнится пятьдесят. И у меня нет опыта общения с юными девушками.

— Ну…

— Особенно постоянно возникают проблемы с Марджори. Она уже грозилась сбежать. Не могу понять, почему ей здесь так не нравится.

— Может быть, стоит спросить самих детей? — предложила миссис Паркер.

— Хорошо, — сдалась Фрэнсис. — Давайте так. Пусть дети решают сами.

Она поговорила с ними вечером, после того как отвезла миссис Паркер в Дейл-Ли, где та сняла комнату в «Святом Георгии и драконе», чтобы дождаться решения девочек. Фрэнсис знала: миссис Паркер надеется, что они примут решение в пользу Уэстхилла, в то время как сама Фрэнсис страстно желала, чтобы они решили иначе. Сама она не могла отправить их в Лондон — из-за Элис.

Всю вторую половину дня Фрэнсис откладывала разговор. Она сообщила новость Аделине и Виктории, и обе ходили теперь с явно

расстроенным видом, так что Лора и Марджори заметили, что что-то не так, и то и дело спрашивали, что случилось. К вечеру Фрэнсис с тяжелым сердцем поднялась по лестнице, вошла в комнату к девочкам и сказала, что их мама погибла.

— Откуда вы это знаете? — сразу же спросила Марджори резким голосом, и ее лицо говорило о том, что она ни на грош не верит Фрэнсис.

— Сегодня утром здесь была дама, которая приехала из ведомства по делам несовершеннолетних, — объяснила Фрэнсис. — Ваш отец рассказал ей о вас. Теперь она должна каким-то образом определить ваше будущее.

— Я давно знала, что мамы больше нет, — сказала Марджори. — Ничего нового! — Она говорила очень решительно, но стала совершенно белой.

— Знаю, для вас это страшная новость, — сказала Фрэнсис. — Я очень хотела бы вернуть вам вашу маму. — Она посмотрела на Лору, которая опустилась на кровать и в шоке пристально смотрела на противоположную стену. — Лора…

Девочка не отреагировала.

— Я хочу вернуться к своему отцу, — сказала Марджори.

— У вашего отца… сейчас не очень хорошо идут дела. Он живет в Бетнал-Грин, в каком-то подвале. Речь не о том, что он не хочет вас забрать, но сейчас он не сможет о вас по-настоящему заботиться. Поэтому миссис Паркер, та самая дама, могла бы пока определить вас в детский дом…

— Нет! — Это был крик отчаяния. Вслед за этим Лора вскочила на ноги и бросилась в объятия Фрэнсис, чуть не опрокинув ее своим весом. — Нет! Пожалуйста, не надо! Оставьте нас здесь, Фрэнсис, пожалуйста! Не отправляйте нас! Мы будем делать все, что вы скажете, только оставьте нас здесь! — Она сильно рыдала, и все ее тело дрожало.

— Ради всего святого, Лора, — воскликнула потрясенная Фрэнсис, — успокойся же! Никто тебя никуда не собирается отправлять!

— Лора, ты сумасшедшая, — бросила Марджори. — Ты не можешь остаться жить здесь только потому, что ты этого хочешь!

Лора подняла голову, которую уткнула в плечо Фрэнсис. Ее лицо было залито слезами.

— Я хочу остаться здесь! Я не хочу к отцу, и тем более в детский дом. Пожалуйста, Фрэнсис! Мой дом здесь!

— Ты действительно это ощущаешь? — озадаченно спросила Фрэнсис.

Она, конечно, знала, что Лора, в отличие от Марджори, никогда не противилась жизни в Уэстхилле, но ей было непонятно то, что девочка пустила здесь корни. Ребенок из Лондона на уединенной ферме на севере Йоркшира, вдали от всего, что было для нее родным, — и она называла это своим домом!

Но потом Фрэнсис подумала, что у Лоры не было счастливого детства, с их папашей-размазней, с их постоянно переутомленной матерью, и все это в одном из самых унылых рабочих районов на востоке столицы… Возможно, она считала настоящим раем большой, красивый дом, далекую перспективу, свежий воздух и множество животных.

— Вы, Виктория и Аделина — это все, что у меня есть, — всхлипывала Лора. — Нам впятером… ведь хорошо здесь живется!

Фрэнсис не переставала удивляться. Она никогда не имела представления об ощущениях Лоры. Получалось, что ей нравится жизнь в этом доме с тремя очень разными женщинами, между которыми постоянно возникали разного рода трения. Похоже, что она нашла здесь тепло родного гнезда.

Для нее это стало неожиданностью и очень тронуло ее. Намерение расписать Лоре и Марджори жизнь в детском доме в радужных тонах постепенно сходило на нет.

— Если у тебя есть желание, Лора, ты можешь остаться на столько, на сколько захочешь, — сказала Фрэнсис.

— Лора боится, что в детском доме она не сможет есть столько, сколько захочет! — съязвила Марджори.

Фрэнсис посмотрела на нее холодным взглядом. Девочка только что узнала, что потеряла мать… и все ей трын-трава!

— Марджори, должна тебе сразу сказать, что у тебя не будет шансов остаться здесь, если ты и дальше будешь с такой ненавистью относиться к своей сестре, — сказала она. — Я собственноручно отправлю тебя в детский дом, можешь быть уверена!

— Марджори тоже должна остаться здесь, — заплакала Лора.

— Я должна подумать, — сказала Марджори.

Но ее непоколебимость была лишь игрой. В последующие дни Фрэнсис постоянно слышала, как она горько плачет.

Миссис Паркер с облегчением отправилась в Лондон, когда убедилась, что дети останутся у Фрэнсис.

— Я рада этому, — сказала Виктория, — дом без них был бы пустым.

— У нас было бы значительно меньше неприятностей, — проворчала Фрэнсис, — и меньше расходов. Частные уроки с Маргаритой — это уже приличные деньги!

— Зато у нас есть двое детей, — сказала Виктория, и Фрэнсис поняла, что сестра внутренне уже давно их удочерила.

Она не стала ей возражать, так как в одном Виктория была права: Лора и Марджори оживляли дом. И когда они вечерами все вместе сидели вокруг стола в столовой — с Маргаритой, которая часто была у них в гостях, их было шестеро, — ей даже начинало казаться, что вернулись прежние времена.

Тогда они выглядели единой семьей.

Август 1942 года

— Фрэнсис, могу я с вами поговорить? — раздался голос Маргариты.

Она так неожиданно появилась в саду среди кустов и деревьев, что Фрэнсис, которая в самом дальнем углу сада на коленях копалась в грядке с овощами, вздрогнула. Она подняла голову.

— О, Маргарита! Я не слышала, как вы подошли… — Смахнула влажные волосы со лба. День был жарким, почти душным, и у нее постоянно выступал пот. — Что нового?

— Если вы имеете в виду войну, ничего хорошего. — Маргарита села на стенку. — Роммель вплотную подошел к Каиру, и англичане отступили до границы с Египтом.

— Я знаю. Но Черчилль говорит, что англичане не отдадут больше ни пяди земли. Да и Россия, кажется, становится для немцев бедой… Все это теперь должно скоро закончиться.

— Мы все постоянно это говорим. Но Гитлер сильнее, чем кто-либо мог себе это представить. А если он в конце концов все же победит? Кто сказал, что зло всегда проигрывает? Уверенность в силе добра существует только в сказках.

Фрэнсис задумчиво посмотрела на нее.

— Вы сегодня производите на меня удручающее впечатление, Маргарита. Это из-за плохих новостей из Африки? Или вас заботит что-то еще?

Француженка, казалось, искала слова, что для нее было необычно. Как правило, она выражала свои мысли довольно четко и ясно.

— У меня проблема… С Викторией. То есть она еще ничего не знает об этом, но…

— О чем вы говорите?

Маргарита смотрела мимо Фрэнсис.

— Мы с Джоном хотим пожениться.

У Фрэнсис из рук выпала небольшая лопатка.

— Я знаю, что это очень неожиданно, — продолжала Маргарита, — мы никому ничего не говорили, и никто ничего не замечал…

«Да, если ты не заблуждаешься!» — подумала Фрэнсис. Первый шок долго не проходил. Она спрашивала себя, что именно почувствовала, но не могла этого понять. По всему ее телу распространялась какая-то странная пустота.

— Виктория всегда была так любезна со мной, — сказала Маргарита. — Конечно, мы очень разные, и…ну да, иногда она действует мне на нервы. Но она была здесь первым человеком, который мне помог. Тогда это очень много значило для меня. Она не то чтобы моя близкая подруга, но я не хотела бы причинить ей боль.

«Дурацкое положение, — подумала Фрэнсис. Из внутренней пустоты постепенно образовалось чувство горечи. — Опять. Опять я стою здесь и наблюдаю, как он женится на другой…»

— Я знаю, что Виктория все еще не пришла в себя после развода с Джоном, — продолжала Маргарита. — Она, наверное, никогда не сможет прийти в себя. Все, что случилось, она воспринимает как болезненное поражение. И, насколько я могу об этом судить, никогда не сможет от него оправиться. И если Виктория узнает, что мы с Джоном… — Француженка не договорила фразу до конца. Она казалась искренне опечаленной и растерянной.

Фрэнсис показалось, что она наконец должна что-то сказать.

— Вы совершенно в этом уверены? Я имею в виду — вы с Джоном уже всё точно решили? Бесповоротно?

— У меня будет ребенок, — спокойно ответила Маргарет.

Фрэнсис села прямо на грядку и обхватила голову руками.

Она была вне себя и хотела немедленно поговорить с Джоном, но потом решила сохранять хладнокровие и не уподобляться обиженной девице. Кому она недавно сказала, что скоро будет праздновать свое пятидесятилетие?.. Ах да, бедной, страдающей одышкой миссис Паркер. В пятьдесят лет самое время достойно реагировать на жизненные кризисы. Когда Фрэнсис смотрелась в зеркало, она видела, что седины в ее волосах уже больше, чем смоли.

«С таким количеством седых волос, — сказала она себе с иронией, — не бегают в Дейлвью, как раньше. Это показалось бы смешным. Это *он* должен прийти сюда и объясниться».

И он пришел. В душный день в конце августа, когда каждый человек, каждое животное и каждая травинка жаждали благодатной

грозы, Джон появился неожиданно, сразу после обеда. Фрэнсис сразу поняла, что его приходу предшествовал продуманный план: Маргарита уговорила Викторию отправиться за покупками в Лейберн, а Аделина решила, как она объявила еще за несколько дней до этого, навестить свою сестру в Вортоне. Фрэнсис с Лорой и Марджори должны были до вечера быть одни. Она обещала девочкам приготовить ужин и поэтому, сидя в кухне, чистила картофель.

— Добрый день, — сказал Джон от входа. — Извини, что я так бесцеремонно… но на мой стук в дверь никто не ответил.

Фрэнсис подняла глаза.

— Я ничего не слышала.

— Н-да, — произнес Джон.

Он в нерешительности остановился посреди кухни. На нем был светло-серый костюм и галстук. Фрэнсис знала, что в своем старом синем хлопковом платье она выглядит убого рядом с ним. Если б он был выпившим, она могла бы чувствовать свое превосходство, но, Джон, очевидно, был совершенно трезв. Элегантно одет и трезв. Она забыла, как хорошо он выглядел, когда у него не было мешков под глазами, а на лбу не выступали капельки пота.

— Где дети? — спросил Джон.

Фрэнсис пожала плечами:

— Не знаю. Думаю, что на улице. Я уже час их не слышу. — Она указала на стул, стоявший на другой стороне стола. — Садись. Я, к сожалению, должна почистить картошку, иначе мы останемся без ужина.

— Не обращай на меня внимания, — сказал Джон и сел. В своем костюме он выглядел довольно нелепо на фоне миски с картофелем.

— Маргарита рассказала мне, что говорила с тобой, — сказал он. — Она считает, что с Викторией будет проблема.

— А ты считаешь, что нет?

— Для меня — нет.

— Тебе следовало бы немного больше думать о ней. Для нее это будет страшный удар.

— Боже мой, Фрэнсис, мы разведены! Она хотела этого развода не меньше, чем я. Не думает же она, что я на всю оставшуюся жизнь останусь один… Я ничего не имел бы против, если б Виктория опять

вышла замуж. Что я могу сделать, если она закрылась здесь, на ферме, и никого больше не видит?

— Послушай, Джон, ты обманываешь сам себя, и знаешь это. На самом деле она не хотела с тобой разводиться. Но ты так ужасно к ней относился, что в конечном счете ей не оставалось ничего другого. Ты сломал ее. Конечно, это не обязывает тебя до конца своих дней прожить в одиночестве, но ты и не должен все так упрощать. Ты очень виноват перед Викторией.

Он сделал недовольное лицо.

— А ты — нет? В течение нескольких лет ты…

— Знаю. Но, в отличие от тебя, я не пытаюсь сейчас задним числом во всем оправдаться. Я признаю́ свою вину.

Джон нервно барабанил пальцами по столу.

— И, тем не менее, я хотел бы тебе все объяснить.

Фрэнсис заметила, что слишком энергично кромсает картофель и, если не сосредоточится, порежет себе пальцы. Она попыталась успокоиться.

— У меня такое чувство, что мне дается еще один шанс, — сказал Джон, — и я хочу им воспользоваться.

— Шанс зовут Маргарита?

— Я был уже почти на грани. Одинокий, ожесточенный. И пьющий. Еще пара лет, и я допился бы до смерти.

— Ты бросил пить?

Джон кивнул. На его лице проступило выражение гордости.

— Да. И я думаю, что справлюсь с этим. Я не хочу, чтобы мой ребенок, когда он появится на свет, прежде всего увидел пьяного отца.

Фрэнсис вздрогнула. Она это знала. Но услышать о ребенке *от него* было выше ее сил. Ребенок был триумфом Маргариты.

Фрэнсис вспомнила, что уже во время похорон Чарльза Джон с год как не пил. Тогда у него были явные проявления абстиненции — он дрожал, и у него было серое лицо. Сегодня ничего подобного не наблюдалось. Должно быть, Джон преодолел самый худший период и действительно справился. Фрэнсис понимала, что должна радоваться этому. Но она не могла. Для Маргариты он бросил пить. Для нее — нет.

«Но боролось ли ты за это? — сразу спросил ее внутренний голос. — Тебе ведь было совершенно безразлично, пьет он или нет.

Разве для тебя не было самым главным взять верх над Викторией? Ты знала, что она всегда ворчала на него из-за алкоголя. А ты была сама терпимость, человек, при котором он мог делать все, что хотел, не слыша эти бесконечные упреки. Но ты никогда не задавалась вопросом, оказывала ли ты ему тем самым услугу».

Ее холодное, непримиримое отношение растаяло. Она не хотела показать ему ни проблеска своего чувства — но внезапно ее гордость парализовало, и та осталась где-то далеко позади нее.

— Ты очень любишь Маргариту? — тихо спросила Фрэнсис.

Он на какое-то время задумался, потом сказал:

— Она придает моей жизни смысл.

— Это не ответ на мой вопрос.

— По-своему да. Я не думаю, что действительно люблю ее. Не так, как я люблю и всегда любил тебя. Возможно, даже мои чувства к Виктории в самом начале были более сильными, чем сейчас к Маргарите. И я не думаю, что она испытывает ко мне то же, что испытывала к своему мужу. Скорее… мы просто нуждаемся друг в друге. Мы поддерживаем друг друга.

— Такую поддержку во мне ты, очевидно, не нашел, — сказала Фрэнсис.

Ей оставалось почистить еще две картофелины. Она работала сейчас очень медленно — и не знала, куда деть свои руки, свой взгляд, если она закончит чистить картошку.

— Ты никогда не разделяла мою жизнь, — сказал Джон. — Когда я впервые тебя об этом попросил, ты уехала в Лондон и нашла там довольно своеобразный способ самореализации. А потом, после моего развода с Викторией, ты решила, что теперь невозможно узаконить то, чем мы занимались тайно все эти годы. Может, в этом ты была права. — Джон устало потер глаза. — Вот только для меня это означало жизнь в одиночестве. Может быть, ты не сможешь себе это вполне представить, поскольку никогда этого не испытывала. Вокруг тебя всегда были люди, Фрэнсис. Даже сейчас, несмотря на все удары судьбы, которые пришлось вынести твоей семье, в твоем доме кипит жизнь. Две девочки, ты, Виктория, Аделина… вы, конечно, часто действуете друг другу на нервы, но не чувствуете себя одинокими. В этом доме очень много тепла. — Джон огляделся, рассматривая цветастые шторы на окнах, лоскутный ковер на каменной плитке,

банки с травами на настенной полке. — Здесь очень много тепла, — повторил он.

Фрэнсис дочистила последнюю картофелину — если б она продолжила ее кромсать, та стала бы совсем крошечной, — встала, подошла к мойке и пустила воду в кастрюлю. Потом повернулась и в нерешительности прислонилась к столу.

— Ты сама знаешь Дейлвью, — сказал Джон. — И не напрасно всегда боялась жить там. Эти огромные помещения с высокими потолками… Повсюду темная обшивка стен, которая делает помещения такими мрачными. Бесконечные анфилады комнат. И среди них — я с пропыленным дворецким и с парой безмозглых горничных; с людьми, с которыми меня ничего не связывает. Иногда у меня действительно складывалось впечатление, что все это можно вынести только с помощью виски. — Он посмотрел на Фрэнсис. — Ты меня понимаешь?

— Да, — ответила она. — Мне кажется, да.

Выражение его лица смягчилось. На нем появилась нежность, которую Джон всегда находил для Фрэнсис. Нежность, которая образуется из многолетней душевной близости. Он охватил единым взглядом весь ее облик.

«Что он видит? — спрашивала себя Фрэнсис, ощущая тоску на сердце. — Почти пятидесятилетнюю женщину в платье, покрытом пятнами, которая постоянно вытирает руки о фартук, хотя они уже давно чистые? Женщину с растрепанными волосами, в которых преобладает седина? Женщину, лицо которой слишком худое, слишком строгое, чтобы быть миловидным? Но нет другого лица, которое бы он так хорошо знал…»

— Как бы сильно я тебя ни любил, — сказал он тихо, — в один прекрасный момент я понял, что моя жизнь в оставшиеся годы не может продолжаться в метаниях между пустотой моего дома и случайными встречами с тобой в заброшенной лачуге. Для этого я слишком стар.

— Я понимаю, — сказала Фрэнсис. Совсем недавно она думала именно об этом.

— Я хотел большего. Мне нужна была женщина, которая могла бы разделить со мной жизнь. Не такая, как Виктория, с которой мне не о чем говорить. Не такая, как ты, которая всякий раз дарит мне свое

время и свое тело лишь на несколько часов, а потом встает и уходит. Я хотел, чтобы ты стала моей женой, но… — Он поднял руки и безвольно опустил их. — К чему еще раз все это пережевывать?

— Может быть, у нас сегодня было бы уже пятеро детей и даже первые внуки, — сказала Фрэнсис.

Джон засмеялся.

— Мы были бы большой, шумной и счастливой семьей. Ты вязала бы для детей носки, а наши дочери советовались бы с нами об их проблемах с замужеством.

— И ты ходил бы выпивать с нашими сыновьями. И вы сцеплялись бы мертвой хваткой, если б у них были иные политические взгляды, нежели у тебя.

— Наших сыновей, вероятно, не было бы здесь. Они бы сражались против Гитлера.

— Наверное, хорошо, что у нас их нет.

— Да, — сказал Джон.

Потом он встал, обошел стол, остановился перед Фрэнсис и взял ее руки в свои. Она смотрела на его пальцы. Как часто они нежно касались ее…

— Я хочу, чтобы ты кое-что знала, — сказал он. — Хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Ничуть не меньше, чем тогда на Свэйле, когда я приехал, чтобы тебя успокоить. Совершенно не важно, что я делаю. Совершенно не важно, что делаешь ты. Безразлично, сколько седых волос появилось у нас за это время и сколько обид нанесли мы друг другу. Все это не имеет никакого значения. Ничто никогда не разлучит нас.

Она кивнула, но его неожиданная физическая близость пробудила в ней чувства, сделавшие ее беспомощной; яд ревности моментально пропитал ее насквозь.

— Почему Маргарита? — спросила она. — Потому что она симпатичная? И почти на двадцать лет моложе, чем я?

Джон сердито покачал головой.

— Фрэнсис!.. Я думал, ты знаешь меня лучше. Маргарита молода и симпатична, но у меня уже была очень красивая женщина, и ничего не сложилось. Маргарита важна для меня, потому что она меня по-настоящему понимает. Она не просто глупая кукла с милой улыбкой и длинными ресницами. После последней войны моя жизнь вышла из

колеи. Жизнь Маргариты также полностью сломалась. Она самым страшным образом потеряла мужа и свою Родину. Ей снятся такие же кошмарные сны, как и мне. Она понимает меня, когда я молчу, и понимает, когда я хочу говорить. А я понимаю ее. Возможно, это то, чего ищут больше, чем страсти, когда ты уже не молод: понимание. Во всяком случае, это то, что ищу я.

Фрэнсис кивнула и, когда Джон притянул ее к себе, отогнала от себя мучительные картины и мысли, крутившиеся в ее голове. Сейчас она была вся во власти его успокаивающих слов, ибо чувствовала, что Джон говорит правду — по крайней мере, ту правду, которую он ощущал. Прислонилась головой к его плечу. «Только на одну секунду, — подумала она, — только на *эту* секунду…»

— Господи, как же я тебя люблю, — произнес Джон, прижавшись к ее уху.

Фрэнсис открыла глаза — и через его плечо увидела входную дверь и злобное, хитрое лицо Марджори Селли.

Позже Марджори уверяла ее, что ни за что на свете не собиралась подслушивать. И что она даже не подкрадывалась. Она *совершенно обычно* вошла в дом.

— И зачем? — спросила Фрэнсис дрожащим от едва сдерживаемой ярости голосом.

— Что — зачем? — спросила в ответ Марджори.

— Зачем ты вообще пришла?

— Мне захотелось пить, и я собиралась налить в кухне стакан воды. Но потом…

— Что потом?

— Я увидела вас и Джона Ли. Он стоял вплотную к вам и держал вас за руки. Еще он сказал, что любит вас.

— И тебе не пришла в голову идея дать о себе знать?

— Я стояла как вкопанная, — утверждала Марджори. — Вы можете это понять? Я была очень, очень удивлена. Я ведь понятия не имела, что вы и Джон Ли…

«Конечно, маленькая, лживая бестия, — подумала Фрэнсис, — ты в самый первый день, у постели Чарльза, уже узнала больше, чем тебе следовало».

Разговор длился несколько часов, после того как Марджори пришла в кухню, и целый час после ужасного скандала во время ужина. В первый раз Фрэнсис уступила своему давнему желанию и дала Марджори пощечину, что принесло ей самой небольшое облегчение, но в остальном ничего не изменило…

Когда Фрэнсис увидела Марджори внизу, в кухне, она отпрянула от Джона и голосом, который ей самой показался чужим, сказала:

— Марджори! Что ты здесь делаешь?

— А что делаете *вы*? — спросила Марджори.

— Привет, Марджори, — сказал Джон.

— Я спросила, что ты здесь делаешь, — настаивала Фрэнсис.

Марджори молча повернулась и убежала прочь. Ее босые ноги прошлепали по каменной плитке в прихожей. Потом с треском захлопнулась входная дверь. Фрэнсис хотела побежать за девочкой, но Джон схватил ее за руку.

— Не надо. Если ты сейчас устроишь ей сцену, только все еще больше осложнишь.

— Да некуда уже дальше осложнять… Она все знает.

— Она не знает, что было раньше.

— Ты уверен? Может быть, она целую вечность стояла там, за дверью!

— Сейчас ты должна успокоиться, Фрэнсис. Все иное сделает ситуацию еще более острой. — Джон отпустил ее руку.

Фрэнсис обеими руками убрала волосы со лба.

— Как только ты можешь быть таким невозмутимым? Представь себе, что она расскажет Маргарите о том, что здесь видела…

Он пожал плечами:

— Тогда нам с Маргаритой придется решать, как справиться с данной ситуацией. Во всяком случае, я не побегу за тринадцатилетней девчонкой, чтобы упрашивать ее держать язык за зубами.

Фрэнсис знала, что он прав, — и все-таки нервничала и не могла освободиться от чувства, что ее ждет нечто неприятное. После того как Джон ушел, она продолжала заниматься ужином, но все время ощущала свою нервозность. У нее постоянно что-то падало из рук и не удавались простейшие дела. Она то и дело поднимала голову, прислушиваясь к каждому шороху, надеясь, что Марджори вернется,

пока не пришли остальные. Может быть, удастся выяснить, что она задумала…

Духота, между тем, становилась невыносимой. По небу неслись плотные сине-черные облака и в конце концов настолько заволокли его, что Фрэнсис была вынуждена включить в доме свет. Приближающаяся гроза представлялась ей дурным знаком. Когда Фрэнсис наконец услышала, как открылась входная дверь, она крикнула в надежде:

— Марджори?

Но на кухню вошла Лора.

— Это я, — сказала она. — Я не знаю, где Марджори. Она вошла в дом, и больше я ее не видела… А мы скоро будем ужинать?

— Через час. Послушай, если увидишь Марджори, пришли ее, пожалуйста, ко мне, хорошо?

Через полчаса приехала Аделина, с которой ручьями струился пот, так как от автобусной остановки она шла пешком и жара совершенно изнурила ее. Вскоре после этого появилась Виктория, буквально в тот момент, когда первые капли дождя начали тяжело падать на землю.

— Боже мой, что сегодня был за день! — сказала она. — В этой духоте невозможно было дышать!

— Надвигается гроза, — ввернула Аделина.

— Маргарита не приехала с тобой? — спросила Фрэнсис.

— Я высадила ее в Дейл-Ли перед гостиницей. Пригласила ее на ужин, но она не захотела. Похоже, совершенно измоталась…

«Конечно, потому что она беременна, — подумала Фрэнсис ядовито, — и как раз от твоего бывшего мужа… Эх ты, доверчивая глупышка!»

Виктория заглянула в кастрюли.

— Что у нас на ужин?

— Картофель и овощи. Можешь уже накрывать на стол. Ты нигде не видела Марджори?

— Нет. Ее нет дома?

— Нет. Но мы все равно будем ужинать. Если она опоздает, то ничего не получит.

Когда они уже сели ужинать в столовой, раздался первый удар грома. Молнии разрезали небо. Дождь за окном шел стеной. Лицо Лоры напоминало мордочку испуганного кролика.

— Где же может быть Марджори? Надеюсь, с ней ничего не случится, если она где-то на улице…

— Она наверняка где-нибудь спряталась, — успокоила ее Фрэнсис.

— Когда ты в последний раз видела сестру, Лора? — спросила Аделина.

— Мы пришли от лошадей и хотели пойти в сад. Мне кажется, это было уже к вечеру. Когда мы шли через двор, Марджори вдруг сказала: «Вон автомобиль мистера Ли!» И побежала в дом. И тогда я одна пошла в сад, подумав, что она придет следом за мной. Может быть, Марджори просто хотела что-то спросить у мистера Ли… Но она так и не пришла.

Виктория, вздрогнув, уронила на тарелку кусок, который собиралась положить в рот, и повернулась к сестре:

— Приходил Джон? Ты об этом ничего не сказала!

— Я совершенно забыла. Я не собиралась делать из этого тайну.

У Виктории был вид, в котором смешалось недоверие и напряженность.

— И что же он хотел?

— Ах, он… — начала Фрэнсис, отчаянно ломая голову над тем, что сказать. Внезапно хлопнула входная дверь, и почти одновременно раздался очередной удар грома.

— Марджори! — крикнула Лора.

Девочка вошла в столовую. Она была мокрой с ног до головы. Вода стекала с ее волос и ресниц и выливалась из туфель. Одежда прилипла к телу. Там, где она стояла, в одно мгновение образовалась небольшая лужа.

— Боже мой, — воскликнула Аделина. — Ты должна быстро переодеться!

Марджори подошла ближе, оставив позади мокрый след.

— Извините, что опоздала, — сказала она тихо.

Комнату осветила молния. Свет электрической лампы над столом задрожал и задергался.

— Где ты была? — спросила Лора. — Фрэнсис тебя искала!

Марджори подняла голову. Ее взгляд встретился со взглядом Фрэнсис, которая попыталась что-то прочитать в глазах девочки. Что

это было? Ненависть? Злорадство? Удовлетворение? Ей не хотелось искать разгадку.

Марджори опять опустила голову. Вымокнув, она казалась еще более маленькой и хрупкой, вызывающей сочувствие.

— Я была… я была так расстроена… — проговорила девочка. Она говорила так тихо, что всем присутствующим пришлось напрячь слух, чтобы ее понять. — Я хотела побыть одна. Я… совсем не заметила, что… начался дождь.

— Что же тебя так расстроило? — спросила Аделина.

— Мне кажется, что Марджори должна сначала принять горячую ванну, а потом лечь в постель, — бросила Фрэнсис. — Если она будет продолжать здесь стоять, то заболеет. — Она отодвинула стул и встала. — Пойдем, Марджори. Отведу тебя наверх.

— Одну секунду! — Виктория тоже встала. Она была очень бледной. — Что тебя так расстроило, Марджори? — Иногда ей удавалось сложить два и два.

— Давай перенесем допрос на завтра, — попросила Фрэнсис.

— Не знаю, могу ли я сказать… — пробормотала Марджори.

— Ты все можешь сказать, — ободрила ее Виктория. За окном опять сверкнули молнии, озарив ярко-желтым светом комнату.

— Завтра у Марджори будет грипп, — предостерегла Фрэнсис.

— Джон и Фрэнсис… — пропищала Марджори.

Эти два имени и то, как она это сказала, сулили нечто более страшное, чем если бы была произнесена полная фраза. В комнате повисло мрачное предчувствие и ужасающее подозрение. Виктория еще больше побледнела, если такое вообще было возможно. Аделина открыла рот, но тут же закрыла его. Лора сделала огромные глаза.

— Он прижался к ней, — продолжала Марджори, — а потом сказал… он сказал, что любит ее… я не могла в это поверить… — Она посмотрела на Викторию, у которой в глазах стояли слезы. — Он ведь был *вашим мужем*, Виктория.

Фрэнсис быстрыми шагами подошла к ней и ударила ее сначала по одной, а потом по другой щеке. Кто-то вскрикнул. Свет над столом задрожал и погас.

На следующий день Марджори сказала, что она при любых обстоятельствах хочет вернуться к отцу в Лондон, и Фрэнсис подтвердила, что это отличная идея.

— Тебе нет смысла оставаться с нами, Марджори. Мы не сможем ужиться друг с другом.

— Значит, вы вышвыриваете меня, — сказала Марджори, хотя сама минутой раньше объявила о своем отъезде. — Я вынуждена уехать, поскольку видела то, что не должна была видеть.

— Мне кажется, ты сама хочешь уехать. Разве ты не хотела этого с самого начала?

— Разумеется. И я очень рада, что вы тоже наконец это поняли.

Лора, которая сидела на кровати и лицо которой было серым, как дождливый день за окном, издала жалобный звук.

— Не выгоняйте нас, Фрэнсис! У нас есть только вы!

Марджори повернулась и гневно посмотрела на сестру.

— У нас есть еще отец, не забывай это! Наша мама погибла, но отец жив, и он…

— Он не сможет о нас заботиться, Марджори, — тихо сказала Лора.

— *Ты* можешь здесь остаться! *Ты* ведь так любишь все здесь! И наконец, ты всегда себя прекрасно вела — если не считать твоих ночных кулинарных оргий…

— Марджори! — резко сказала Фрэнсис. — Ты можешь оставить свои колкости при себе. Между нами все предельно ясно, не так ли?

— Все ясно, — подтвердила Марджори.

Лора всхлипнула.

— Перестань плакать, — приказала Фрэнсис.

Она чувствовала себя измотанной и раздраженной. К тому же ее мучили угрызения совести; внутренний голос подсказывал ей, что она не должна потакать желанию Марджори. Но одновременно не чувствовала ни малейшей потребности в том, чтобы упрашивать девочку остаться. Напротив. Для нее стало бы облегчением, если б ее не было рядом.

— Я не могу отсюда уехать, — плакала Лора. — Не могу. Не могу!

— Ты можешь жить здесь, сколько захочешь, Лора, — сказала Фрэнсис.

— Но мне нельзя отпускать Марджори одну!

— Очень даже можно, — холодно ответила Марджори. — Я великолепно справлюсь, не беспокойся! — Она повернулась к Фрэнсис: — Каждый здесь считает, что вы меня выгоняете. Это

выглядит как признание вины. Так, как будто я действительно попала в точку. Как говорится, — она по-взрослому нахмурила лоб, — на воре и шапка горит!

— Не ломай себе над этим голову. Лучше подумай хорошенько, чего ты хочешь. Ты действительно намерена вернуться к отцу?

— Да. И если вы скажете «нет», я убегу.

— Тогда собирай свои вещи. Завтра утром мы поедем в Лондон.

— Я поеду в Лондон одна.

— Нет, этого ты не сделаешь. Твоя мать передала мне ответственность за тебя, и поэтому я уж точно не позволю тебе разъезжать в одиночку. Я должна передать тебя или твоему отцу, или миссис Паркер из ведомства по делам несовершеннолетних, и только после этого моя миссия будет выполнена. — Фрэнсис повернулась и вышла из комнаты, чувствуя на своей спине ненавидящий взгляд Марджори и слыша плач Лоры.

Внизу на лестнице стояла Аделина. На ее лице отразилось возмущение.

— Вы не должны так поступать, мисс Грей! Вы не можете позволить ребенку уехать!

— Она хочет уехать. Это ее право — принимать решение, если она хочет жить у отца.

— Она слишком мала для таких решений. Она ведь говорит это только из злобы и упрямства! Ее отец — непутевый человек. Ее мать наверняка не хотела бы, чтобы…

— Я предпочитаю отвезти ее к отцу, пока она действительно не сбежала и не оказалась в опасности. Вот так. И теперь я больше ничего не хочу об этом слышать. — Фрэнсис глубоко вздохнула. — Где Виктория?

— Она не завтракала. Наверное, еще в своей комнате.

Аделина была воплощением недовольства. Ее сильно раздражало, что бедная маленькая Вики опять страдает. Да и судьба Марджори, похоже, тоже ее занимала. «До меня же, — рассерженно подумала Фрэнсис, — никому нет дела!»

— Я буду в столовой, — сказала она. — Мне надо заняться бухгалтерией, потому что именно мне вверено руководство фермой, и я не могу посвящать столько времени семейным драмам.

Она заняла комнату на весь день — разложила на столе бумаги, книги и журналы и вынудила остальных обедать в кухне. Сама же так и не появилась, полностью погрузившись в работу, и лишь несколько раз просила Аделину приготовить ей кофе. При этом даже ни разу не подняла глаз, когда старая женщина с подносом в руках входила в столовую. На улице беспрерывно шел дождь. Гроза, прошедшая накануне, покончила с продолжавшейся целую неделю духотой. Через открытые окна в комнату струился свежий влажный воздух.

Ближе к вечеру появилась Лора с распухшими от слез глазами. Она страдала от чувства раздвоенности, так как, с одной стороны, считала, что должна уехать вместе с Марджори, а с другой — сходила с ума от страха, что расстанется с Уэстхиллом.

— Фрэнсис, вы не могли бы еще раз поговорить с ней по-хорошему? — попросила она. — Марджори уже укладывает свои вещи. Она моя младшая сестра, и я не могу бросить ее на произвол судьбы.

— Она не такая беспомощная, как ты думаешь, — сказала Фрэнсис. — Она прекрасно справляется. И ей с самого начала здесь не нравилось. Возможно, ей будет гораздо лучше в каком-то другом месте.

— Я ее не понимаю! Ведь этот дом — единственная родина, которая у нас есть!

— Это ты так воспринимаешь, Лора. Марджори никогда так не считала.

— Вы очень на нее разозлились, да?

— Ах, Лора… сейчас речь совсем не об этом. — Фрэнсис отложила в сторону карандаш и потерла глаза, которые резало от перенапряжения. — Конечно, я на нее зла. Но прежде всего я боюсь, что может случиться еще что-нибудь, если я уговорю ее остаться. Марджори с самого начала была настроена против Уэстхилла. Я не знаю, почему, но она никогда не хотела здесь жить, и ее злоба была направлена против нас всех. Все это не имеет никакого смысла. В конце концов, человека нельзя заставить делать что-то, чего он не хочет, а если все же попытаться — то все для всех пойдет наперекосяк. Марджори не один раз грозилась убежать, в последний раз — сегодня утром. Возможно, она это сделает. И что будет тогда? Просто… — Фрэнсис откинулась на спинку стула, — просто у меня больше нет

никакого желания постоянно думать о том, что произойдет дальше. Эта ответственность для меня слишком велика. Попытайся это понять.

Лора, кивнув, вытерла тыльной стороной руки слезы.

— Но я ведь могу остаться? — спросила она еще раз.

— Это не вопрос. Разумеется. Ты все здесь всегда так любила, верно?

— Я люблю все это и сейчас, — серьезно ответила Лора, — я люблю этот дом и землю больше, чем свою сестру. Иначе никогда не отпустила бы ее одну. — Она повернулась и вышла из комнаты.

Для Лоры это было непривычно драматичным заявлением, которое чрезвычайно удивило Фрэнсис. Но у нее не было времени задумываться над этим, так как, едва девочка вышла, появилась Виктория. Фрэнсис предположила, что она стояла под дверью и ждала, когда уйдет Лора. Она не была заплаканной, что было редкостью для женщины, у которой слезы всегда были очень близко; напротив, казалась очень спокойной. И напрямик перешла к делу.

— Ты отправляешь девочку? Из этого я могу сделать вывод, что то, о чем она говорила вчера вечером, правда?

— Я ее не отправляю. Она сама хочет уехать.

— И тебе это очень кстати, не правда ли? По крайней мере, что-то не похоже, чтобы ты пыталась уговорить ее остаться.

— Есть целый ряд причин, по которым, на мой взгляд, будет лучше, если Марджори уедет.

Глаза Виктории сузились.

— Что у тебя с Джоном?

— Ничего.

— Ничего? Значит, Марджори все выдумала?

— Нет. Но тем не менее ничего нет. Джон приехал ко мне, чтобы кое-что сообщить мне, и в какой-то момент мы оба ударились в воспоминания о прошлом. Может быть, повлияла гроза, которая уже висела в воздухе, я не знаю…

— Ваше «прошлое» было уже давным-давно.

— Именно. Поэтому оно вообще не играет никакой роли.

Виктория взялась за спинку стула. Складки, пролегшие от уголков ее рта к подбородку, в этот день были особенно заметны.

— Иногда я спрашивала себя, — сказала она, — смогла ли ты это когда-либо преодолеть. Ты и Джон ведь были единым целым.

Неразделимым. А потом ты уезжаешь, и он женится на твоей сестре… Тогда я не слишком много об этом задумывалась. Я была так влюблена… Так счастлива… Мне никогда не пришло бы в голову сомневаться в чем-то или в ком-то.

«Конечно, нет, — подумала Фрэнсис, — сомневаться ты не способна».

Заметив, что сестра выжидающе смотрит на нее, она спросила не задумываясь:

— Господи, к чему это сейчас? Что ты хочешь услышать?

— Это было для тебя тяжелым ударом? Приехать сюда и увидеть нас с Джоном женихом и невестой?

Фрэнсис вздрогнула — и поняла, что сделала бесстрастное лицо на одну секунду позже, чем надо. Это было видно по выражению глаз Виктории. Сестра все поняла. Она спросила, было ли это для нее тяжелым ударом. Ответ можно было прочитать в глазах Фрэнсис: это был удар, который жег ее до сегодняшнего дня. Он оставался таким же болезненным, как и в первый день.

— Да, — ответила Фрэнсис, так как в этот момент не могла сказать ничего другого. — Да, это был тяжелый удар. И он остается таким же и сегодня.

Сестры посмотрели друг на друга в упор: Виктория — удивленно, потому что она не ожидала услышать честный ответ, а Фрэнсис — выжидающе.

Наконец Виктория сказала:

— Да… Тогда все понятно.

— Я не знаю, что тебе понятно.

— Вероятно, ты еще во время нашего брака… — Виктория не закончила фразу. Это было слишком чудовищно, немыслимо, и это было очень трудно произнести.

На сей раз Фрэнсис подготовилась. Она посмотрела своей сестре прямо в глаза.

— Нет. Во время вашего брака ничего не было. Абсолютно ничего. — Ей удалось не покраснеть.

На лице Виктории отразилась борьба между недоверием и желанием поверить сестре. Прежде чем недоверие одержало верх, Фрэнсис бросила свой козырь. Когда-то это все равно придется сказать — так почему не сейчас, когда это может спасти ее шкуру?

Она встала, подавив крик боли, — от длительного пребывания в сидячем положении у нее сильно болела спина. С самого утра Фрэнсис едва могла двигаться. Осторожно сделала пару шагов в направлении окна. На улице моросил дождь, и она знала, что сумрачный свет старит ее лицо.

— Наши отношения с Джоном, — сказала Фрэнсис, — ты так или иначе можешь забыть. Ты даже не представляешь, зачем он вчера вообще приходил.

— Зачем же?

Фрэнсис смотрела в окно, будто увидела там что-то интересное.

— Он и Маргарита женятся. Джон приходил, чтобы сказать об этом. Маргарита ждет ребенка.

Виктория не издала ни единого звука. Фрэнсис повернулась. Лицо ее сестры было белым как мел; посеревшие серые губы шевельнулись, но она ничего не услышала.

— Сделай мне одолжение, — сказала Фрэнсис более грубо, чем хотела, — не плачь. Лора плачет уже весь день. Я просто не в состоянии вынести столько слез.

В янтарных глазах Виктории что-то погасло. Блеск, который вселял в них жизнь.

— Я вовсе не плачу, — сказала она. Ее голос был хриплым, и в нем не было ни следа сдерживаемых рыданий.

На следующее утро Фрэнсис и Марджори отправились в путь. Виктория больше не показывалась и не появилась ни к ужину, ни к завтраку. Лора тоже оставалась наверху, в комнате, которую она до этого дня делила со своей сестрой.

Аделина собрала целую корзину продуктов.

— Это для тебя, дитя, — сказала она Марджори, — чтобы тебе было что поесть в Лондоне. Там ведь карточная система. Я еще испекла тебе мраморный кекс, ты ведь его так любишь…

— Спасибо, Аделина, — пробормотала Марджори.

— Нам надо ехать, — сказала Фрэнсис, проигнорировав сердитые взгляды Аделины.

Но она чувствовала себя хуже, чем казалось, и когда они с Марджори наконец сели в машину, Фрэнсис сказала:

— Послушай, Марджори, если ты все же хочешь еще подумать, то…

— Я совершенно точно не хочу подумать, — перебила ее девочка. — Я рада, что наконец могу уехать отсюда!

Это была прежняя Марджори: дерзкая, угрюмая, язвительная. Фрэнсис тронулась с места.

— Хорошо, — сказала она.

Они доехали на машине до Нортхаллертона и сели в поезд до Лондона. Он шел прямо на юг, и им не надо было пересаживаться в Йорке. В поезде было много народу, и Фрэнсис с Марджори с трудом раздобыли два сидячих места. Все говорили только о войне, о военных действиях немцев в России, которые одни оценивали как начало конца Третьего рейха, другие — как распространение национал-социалистической катастрофы. Фрэнсис не участвовала в разговорах. Время от времени она искоса поглядывала на Марджори. На лице у той было самодовольное выражение — она явно пыталась демонстрировать неестественно веселое расположение духа.

В Уэнслидейле шел дождь, но немного погодя, хотя по-прежнему было облачно, дождь перестал — и, начиная с Ноттингема, светило солнце.

— Это тоже одна из причин, по которой я никогда не хотела бы жить в Северной Англии, — сказала Марджори, — там все время идет дождь. На юге погода намного лучше.

— *Все время* дождь не идет, — возразила Фрэнсис и тут же разозлилась, что она опять поддалась на провокацию. К чему ей нужно было спорить с Марджори о погоде в Йоркшире? Пусть думает что хочет. Она, Фрэнсис, должна быть выше этого.

Печальный Лондон являл собой мрачное зрелище, несмотря на сверкающее солнце и летнюю жару. Фрэнсис была в ужасе, когда увидела, насколько пострадал город от бомбардировок. Повсюду стояли разрушенные дома. Во многих из них были выбиты стекла, и их заменили картоном или досками, прибитыми гвоздями. В других не было крыш. От многих осталась лишь куча обломков, выгоревший черный остов из остатков стен и темные, безжизненные, обугленные башни, поднимавшиеся вверх, к синему небу.

Они целую вечность добирались разными автобусами до Бетнал-Грин, и на каждом шагу их глазам открывались все новые и новые

разорения. Повсюду мелькали бедно одетые люди, большинство из которых были бледными и истощенными; несмотря ни на что, они пытались жить обычной жизнью. Чаще, чем прежде, Фрэнсис слышала чужую речь, которую она не понимала или понимала лишь обрывки фраз. В Лондоне жили многочисленные эмигранты из Германии или из европейских стран, оккупированных нацистами; от отчаяния этих беженцев разрывалось сердце. Война привела их сюда, и теперь они вели беспощадную борьбу за крышу над головой, еду и деньги — и, кроме того, боролись с печалью, которая, возможно, была их главным врагом.

И опять Фрэнсис осознала, что они жили в Дейл-Ли как на острове. Война действительно не доходила до них. Судьба Маргариты их всех взбудоражила и заставила задуматься. И теперь она смотрела в серые лица таких же Маргарит, о которых никто не заботился.

Автобусы не придерживались расписания, и был уже разгар дня, когда они приехали в Бетнал-Грин. Безликий квартал на востоке города, который военная разруха вряд ли могла сделать еще более унылым, чем он был до этого: грязные дома, запущенные жилые блоки, узкие улочки с опустившимися подростками, болтающимися по ним; кое-где встречались задние дворы, заваленные всевозможным мусором; в проволочных клетках ждали своей безнадежной судьбы многочисленные кролики. На крошечных мрачных балконах, на которые никогда не проникал ни один луч солнца, были натянуты бельевые веревки, а иногда там можно было увидеть какое-нибудь хилое растение в горшке, боровшееся за выживание.

Дневная жара переносилась в Бетнал-Грин еще тяжелее, чем в центре города. Во всех квартирах окна — если они уцелели — были открыты настежь, и отовсюду доносились звуки граммофонов, радиоголоса, детский крик и ссоры между супругами, которые, оказавшись в тесных квартирах и бедственном положении, начинали испытывать друг к другу отвращение.

— Здесь явно не так скучно, как в Дейл-Ли, — заметила Фрэнсис.

Она вынула из сумки записку с адресом, который ей назвала миссис Паркер. Фрэнсис была совершенно без задних ног, вся мокрая от пота и с колющей болью в голове. «Что за ужасный день…»

Она надеялась только на то, что мистер Селли не окажется в таком состоянии, при котором она не сможет передать ему ребенка, — он мог

быть пьяным или лежать в постели с какой-нибудь проституткой. Кроме того, его просто могло не быть дома. На крайний случай была еще миссис Паркер, но это означало, что они должны были проехать полгорода, чтобы попасть к ней. Фрэнсис втайне молилась, чтобы им удалось этого избежать.

Им пришлось расспросить немало прохожих, пока они, после получасового блуждания, наконец-то не пришли к дому, в котором жил Хью Селли. «Дом под снос», — сказала миссис Паркер; и она не преувеличивала.

Крыша пятиэтажного здания наполовину отсутствовала; в уцелевшей части, там, где когда-то были кирпичи, зияли огромные отверстия. В середине возвышалась обугленная дымовая труба. На двух самых верхних этажах, похоже, свирепствовал пожар; здесь не было оконных стекол, и стены почернели от копоти. Внизу, в квартирах, очевидно, еще жили люди, о чем говорило белье, развешанное перед окнами, и грязная гардина на окне. Все выглядело обветшалым и запущенным. Зимой в квартирах воцарится страшный холод и сырость. Летом здесь было еще терпимо, однако это не уменьшало отчаяние живших здесь людей.

— Марджори… — начала Фрэнсис.

Но девочка, пристально рассматривавшая руины, сразу перебила Фрэнсис:

— Нам туда.

На входной двери не было табличек с фамилиями жильцов, а висела лишь записка, оповещавшая, что торговля здесь нежелательна. Фрэнсис недоумевала: неужели какой-нибудь торговец пытался здесь что-то продать?

Дверь была всего лишь притворена. Они вошли в мрачный подъезд, пол в котором был покрыт белым и черным мозаичным камнем в виде спиралевидного узора. Это говорило о хороших временах, которые, увы, давно прошли. Постепенно узор исчез, уголки мозаики были выломаны, а сохранившиеся белые камни едва можно было разглядеть под толстым слоем грязи. На выкрашенной бледно-желтой краской стене висели металлические почтовые ящики, у большинства из которых не было дверцы. Почты в ящиках тоже не было. Крутая деревянная лестница вела наверх, на головокружительную высоту. На лестнице некогда выстроили

ограждение, но и оно было частично выломано, и опорные стойки торчали, как сломанные зубочистки. «Вандалы ли здесь поорудовали, — спрашивала себя Фрэнсис, — или это просто разруха, и ни у кого не было ни времени, ни денег, ни сил, чтобы остановить ее?»

На одной из ступенек сидела пожилая женщина, расставив толстые ноги с варикозными венами и выставив на обозрение свое линялое белье. Ее выцветшее серо-зеленое платье-халат задралось вверх, обнажив бедра. Волосы до плеч, свисающие прядями, постоянно падали ей на лицо, и она нетерпеливым движением руки все время пыталась убрать их за уши. В воздухе стоял запах алкоголя, но Фрэнсис не была уверена, что запах исходил от женщины.

— Извините, — сказала она, — вы здесь живете?

Женщина в упор посмотрела на нее.

— А вам это зачем?

— Я кое-кого ищу. Мистера Хью Селли. Я подумала, что, может быть, вы скажете мне, где я могу его найти…

— Хью? — Теперь выражение лица женщины стало подозрительным, что придало ему своеобразную брутальность. — Откуда он может знать кого-то вроде тебя?

Фрэнсис понимала, что в этом доме она казалась инородным телом. На ней был льняной костюм цвета карамели и нитка жемчуга Морин. И хотя она вся вспотела и чувствовала себя помятой, ее внешний вид выделялся на общем фоне.

— Где мне его найти? — спросила она, проигнорировав вопрос незнакомки.

— Я его дочь, — сказала Марджори.

У женщины выпучились глаза.

— Его дочь? Бог мой!

Кряхтя, она встала. Ее платье наконец-то опустилось. Женщина была не такая полная, какой показалась вначале, но вся обрюзгла.

— Откуда ж ты взялась? Дочь Хью!.. Этого не может быть!

— Где мой отец?

Женщина стала тяжело спускаться по лестнице.

— Сейчас иду. Я вышла сюда поесть, потому что внизу это уже невозможно… темная дыра…

— Извините, — сказала Фрэнсис, почувствовавшая неладное, — но кто вы, собственно говоря?

Женщина протянула ей руку. Теперь, находясь рядом с ней, Фрэнсис поняла, что алкоголем от нее не пахло. Перегар, похоже, просто впитался в эти стены.

— Миссис Селли. Гвен Селли.

— Вы…

— Мы поженились в феврале, Хью и я. Вы этого не знали?

— Я не имела понятия, — сказала потрясенная Фрэнсис. Марджори же вообще потеряла дар речи.

— Разве у него не две девочки? — спросила Гвен.

— Старшая сестра захотела жить в Йоркшире. А Марджори решила… вернуться к отцу.

Гвен, похоже, не была от этого в восторге.

«Неудивительно, — подумала Фрэнсис. — Только что подцепила себе вдовца и даже умудрилась женить его на себе — и тут неожиданно появляется его дочь-подросток и заявляет, что хочет жить с ними… Кому такое понравится?»

Она была в ужасе от того, что Хью Селли женился на такой особе. Неряха, заурядная, дерзкая… И это после такой женщины, как Элис! Фрэнсис не могла себе это объяснить. Хью всегда был простофилей, и, видит бог, она всегда его недолюбливала — но чтобы так низко пасть… Имеет ли она право оставить Марджори здесь, у этой женщины?

Гвен спустилась вниз по мрачной лестнице, ведущей в подвал. Дневная жара сюда не проникала, и воздух был прохладен. В помещении стоял затхлый, гнилостный запах. Гвен включила голую лампочку на потолке.

— Хью! — крикнула она. — К тебе гости!

За дверью раздался слабый голос:

— Кто?

— Тебя хватит удар, — пообещала Гвен и открыла дверь. — Твоя дочь!

Они вошли в квадратную комнату, в которой было так мрачно, что сначала едва можно было что-то разглядеть. Потом глаза постепенно привыкли к темноте. На противоположной от двери стене Фрэнсис и Марджори увидели окно; перед ним, с наружной стороны,

располагалась шахта лифта, через которую проникала узкая полоска света, рассеивавшегося по комнате.

Из мебели здесь стояли кровать с разорванными подушками и одеялом, два кресла, обитые изношенной зеленой тканью, и журнальный столик, на котором лежали стопки газет и журналов. Хью Селли сидел в одном из кресел и пристально смотрел на вошедших.

— Что? — спросил он.

Фрэнсис сделала шаг вперед.

— Мистер Селли, не знаю, помните ли вы меня… Я жила когда-то в доме, в котором вы были комендантом. Я была подругой вашей жены… вашей первой жены, — быстро поправилась она.

Он сразу узнал и вспомнил ее.

— Фрэнсис Грей…

— Я привезла вам Марджори, мистер Селли, вашу младшую дочь. Она очень хотела вернуться к вам. — Она потянула за руку Марджори, которая с непривычной для нее робостью стояла в дверях, и поставила ее рядом с собой.

— Папа! — произнесла девочка. Ее интонация удивила Фрэнсис. В ней было что-то незнакомое. Умиление? Боль? Волнение? С удивлением Фрэнсис впервые увидела, что Марджори способна на подобные чувства. Все это время она тосковала по дому…

Хью встал; при этом ему пришлось опереться на спинку кресла, словно старому человеку. Ему вряд ли было более шестидесяти, но выглядел он на все семьдесят пять.

— Марджори! — прошептал Хью, не веря собственным глазам.

Гвен наблюдала за этой сценой с недовольным лицом.

— Это как-то странно — просто приехать сюда, не предупредив заранее, — проворчала она.

— Это, конечно, не очень вежливо, — любезно согласилась с ней Фрэнсис, — но все решилось очень быстро.

Гвен пробормотала еще что-то невразумительное. Хью протянул обе руки; они дрожали.

— Марджори! — прошептал он. Дочка взяла его руки; он притянул ее к себе и обнял, буквально вцепившись в нее. — Марджори! — Потом немного отстранил ее от себя и стал разглядывать. — Ты так похожа на Элис… На мою Элис!

Во второй раз в течение нескольких минут Фрэнсис удивила сила его чувств, в существовании которых она всегда сомневалась. Она знала, что Хью боготворил Элис, но иногда подозревала, что этим обожанием он прежде всего удовлетворяет свое собственное эго. Преклонение перед превосходящим его во всем человеком могло заставить Хью почувствовать, что он и сам немного возвысился. Сейчас, в эту секунду, Фрэнсис стало ясно, насколько Хью действительно любил Элис. В одно мгновение она поняла всю меру одиночества, на которое его обрекла ее смерть. Она видела, как он страдал. И поняла, почему он женился на Гвен. В его состоянии Хью был находкой для такой женщины, как она.

— Почему ты не написал нам, когда мама погибла? — спросила Марджори. — Почему не сказал нам, чтобы мы приехали к тебе?

Хью устало пожал плечами:

— Я не мог. Ничего больше не мог. Все так опустело…

— У нас здесь нет места, — сказала Гвен. — Прямо не знаю, где может разместиться девочка!

Она стояла как дракон, решительно защищая свой мир от любого посягательства извне. Было ясно, что Хью полностью пребывает в ее власти. У нее не было ни малейшего желания терять свое влияние на него лишь потому, что неожиданно объявилась близкая родственница — дочь Элис, которая еще к тому же так похожа на свою мать…

— У вас только одна комната? — спросила Фрэнсис.

— Есть еще кухня и ванная, — сказал Хью с ноткой гордости в голосе.

Он прошаркал к другой двери, которую Фрэнсис до сих пор не замечала. За ней находилась кухня — некая каморка, свет в которую попадал тоже через шахту лифта. Она была примитивно оборудована железной угольной печкой, шатающимся шкафом без дверок и деревянным ушатом. Здесь не было стола, и Фрэнсис подумала: где они готовили еду? Или, может быть, весь процесс происходил на плите?

Из кухни еще одна дверь вела в ванную, хотя это было слишком громко сказано. Здесь вообще не было окон, и, следовательно, ни о каком дневном свете речи быть не могло. В помещении было так тесно, что там с трудом можно было повернуться. С каменного пола

поднимался ледяной холод. В ванной был унитаз и крошечная, косо прикрученная к стене раковина с ржавым краном.

— Проточная вода, — пояснил Хью.

В целом жилище хотя и было темным и бедным, но выглядело достаточно чистым. Неаккуратная Гвен, похоже, регулярно мыла посуду и пол — или, возможно, этим занимался Хью.

— На мой взгляд, Марджори, здесь ты не сможешь жить, — сказала Фрэнсис, — здесь очень мало места.

— Точно, — сразу подхватила Гвен, — нам всем вместе будет очень тесно.

— Мы спокойно могли бы поставить в большую комнату еще одну кровать, — быстро среагировал Хью.

— Мистер Селли, это… Вы должны понимать, что это невозможно, — сказала, испытывая неловкость, Фрэнсис. Как он себе это представляет? Они будут спать втроем в одной комнате, что неизбежно означало бы, что Марджори будет свидетелем всего того, что происходит между Хью и Гвен?

— Почему невозможно? — спросил удивленно Хью.

Гвен поняла, что имеет в виду Фрэнсис, и злобно улыбнулась.

— Об этом вам не следует беспокоиться, миссис Грей. У моего Хью с этим проблемы!

— О… проблема заключается в том, что эта квартира вообще не годится для ребенка, — сказала быстро Фрэнсис. — Я не хочу сказать, что у вас здесь что-то не так, просто это подвал, и зимой здесь, внизу, наверняка довольно холодно и сыро.

Хью указал на железную печку, стоящую в углу комнаты.

— Она очень хорошо греет. Здесь зимой довольно тепло.

Гвен смерила Фрэнсис холодным взглядом.

— Я вас не понимаю, миссис Грей. Ведь вы наверняка знали, что у Хью дела обстоят неважно — я имею в виду, в финансовом отношении. В конце концов, у вас был адрес. Бетнал-Грин — прескверное место. Что вы ожидали тут увидеть? Сейчас вы беспокоитесь за девочку — но перед этим проделали длинный путь из Йоркшира сюда, чтобы бросить ребенка. Ведь так? Девчонка действует вам на нервы, и вы решили от нее избавиться. А сейчас устраиваете здесь театр, чтобы успокоить свою совесть. А после этого сбагрите нам ребенка и исчезнете!

— Может быть, вам следовало бы… — начала раздраженно говорить Фрэнсис.

Но Марджори сразу же перебила ее:

— Я не вернусь в Йоркшир, миссис… — Очевидно, ей было тяжело обращаться к своей мачехе по фамилии, так как она, запнувшись, выдавила: — …миссис Гвен. Я останусь здесь.

— Конечно, ты останешься здесь, — сразу подтвердил Хью.

— Это подстава! — закричала Гвен.

Фрэнсис взяла девочку за руку.

— Марджори, мы идем наверх.

После затхлого подвального воздуха даже давящая жара на улице показалась Фрэнсис сущим благом. Она облегченно вздохнула, когда солнечные лучи начали греть ее кожу.

— Марджори, послушай, — сказала она настойчиво, — возможно, мы обе немного погорячились. То, что случилось позавчера вечером… короче говоря, я не должна была давать тебе пощечину. Но и ты не должна была…

Фрэнсис заметила, как в ней снова закипает ярость. Зачем она это сказала? Она ведь совсем так не думала. Фрэнсис ничуть не сожалела о том, что дала Марджори пощечину; наоборот, очень жалела, что не сделала этого раньше. Ей не в чем было себя упрекнуть: она действительно хотела освободиться от девчонки. И втайне проклинала непутевого Хью Селли за то, что тот не был в состоянии найти приличное жилье, что женился на этой жуткой особе, которой невозможно было доверить подростка… Злилась на то, что разрывалась между желанием освободиться от Марджори и угрызениями совести, испытываемыми по отношению к погибшей Элис.

— Сейчас, Марджори, — да и в дальнейшем тоже, — ты не сможешь там жить. Ты видела эту подвальную дыру? Ты можешь себе представить, как будешь там существовать? Без дневного света, в этом затхлом воздухе… А Гвен станет тебе врагом. Она не собирается делить твоего отца с тобой. Она осложнит тебе жизнь, насколько это только будет возможно.

— Я не вернусь в Йоркшир, — невозмутимо сказала Марджори.

— Тогда я отвезу тебя к миссис Паркер. Любой детский дом лучше, чем это жилье!

— Вы можете отвезти меня к миссис Паркер. Но против воли моего отца она не сможет поместить меня в детский дом. А мой отец любит меня. Завтра я все равно сюда вернусь.

— Только вот зачем? — с горечью спросила Фрэнсис. — Зачем?

— Он — мой отец.

— Но он не может о тебе заботиться. Ты только посмотри на него!

— Он стар и беден. Разочарован в жизни. Но он мой отец! — резко сказала Марджори.

Они пристально посмотрели друг на друга, обе рассерженные, обе обиженные, хотя сами не знали точно, из-за чего. Наконец Фрэнсис поизнесла:

— Да. Я понимаю.

Она заметила, что все еще держит в руках сумку с вещами Марджори, которую сначала отнесла вниз, а потом опять вытащила наверх. Поставила ее на землю.

— Ну хорошо, тогда я должна найти гостиницу, — сказала она, наконец смирившись. — Завтра сообщу тебе адрес. Я останусь там на три дня, до первого сентября. Потом поеду домой. Если передумаешь, ты сможешь поехать со мной. И если в дальнейшем у тебя возникнут проблемы… Уэстхилл всегда открыт для тебя.

— Как великодушно! — язвительно ответила Марджори. — Но ведь вам совсем не до меня. Вы сыты мною по горло и были бы счастливы никогда больше меня не видеть. Но вы любили мою мать, поэтому у вас сейчас возникло странное чувство… В общем, не беспокойтесь. Я справлюсь!

Она взяла свою сумку и, не удостоив Фрэнсис даже взглядом, опять отправилась в дом. Фрэнсис представила себе, как девочка, во мраке подвала, станет добиваться у Гвен разрешения остаться…

«Мне надо было схватить ее и забрать с собой, — подумала Фрэнсис. — Мне надо было тащить ее за волосы. Мне надо было…»

Размышляя об этом, она медленно удалялась от дома. Затем пошла все быстрее и быстрее, почти побежала — и остановилась, со сбившимся дыханием, лишь на автобусной остановке.

Суббота, 28 декабря 1996 года

Барбара читала и читала, пытаясь таким способом избавиться от страха. Но в последние полчаса у нее ничего не получалось. Подавить страх больше не удавалось. Барбара отправилась наверх; сердцебиение у нее было учащенное, ладони повлажнели. С какого-то момента Барбара больше не могла сконцентрироваться. Она в который раз подняла глаза — и почувствовала тошноту, увидев за окном снежные хлопья. Шел снег, и довольно сильный, почти такой же, как на Рождество.

Барбара отложила оставшиеся страницы в сторону. До сегодняшнего вечера она закончит чтение. Была уже половина четвертого; смеркалось. Еще полчаса, и придется включить свет.

Она подошла к телефону и набрала номер Синтии, хотя знала, что та не сможет сообщить ничего нового, иначе позвонила бы сама. Но Барбаре требовались утешение и человеческий голос.

Прошло некоторое время, прежде чем Синтия ответила.

— О, Барбара, это вы? — сказала она. — Извините, что заставила вас ждать. Я была в подвале.

— Ничего страшного. Синтия, извините, что надоедаю вам, но я очень беспокоюсь за своего мужа. Он уже давно должен был бы куда-то приехать.

Голос Синтии звучал оптимистично. «Или она старается придать ему оптимизм?» — недоверчиво спрашивала себя Барбара.

— Он наверняка остановился в какой-нибудь деревне. И, возможно, не везде еще восстановлена телефонная связь. Такое может быть.

— Да, но… я не считаю это достаточно вероятным.

— Вы сейчас все равно ничего не можете сделать. Не заводите себя, этим не поможешь. Ничего с вашим мужем не случится.

— Но снег идет все сильнее!

— Он взрослый мужчина. Я видела его только мельком, но мне показалось, что он высокий и сильный. Он знает, как себе помочь.

— Да, вероятно…

Барбара сама заметила, насколько жалобно звучал ее голос. Синтия не знала Ральфа, она не могла по-настоящему понять ее проблему. Эта женщина выросла среди фермеров, жила в этом суровом краю, в котором люди с детства учились противостоять природе и сопротивляться снежным бурям. В мире Синтии вряд ли существовало представление о высоком, здоровом мужчине, который *не* смог бы справиться со снегом и холодом, с темнотой и труднопроходимой местностью. Что знала она о людях, которые практически всю свою жизнь провели за письменным столом, которые не имели представления о том, как колоть дрова или ориентироваться в темноте при сильном снегопаде?

— Вам надо отвлечься, Барбара, — веско сказала Синтия. — Может быть, посмотреть что-то интересное по телевизору… Или найдите увлекательную книгу.

Увлекательную книгу… Она вспомнила об оставленной в столовой рукописи. Отвлечься…

— Вы ведь знали Лору и Марджори Селли еще детьми? — спросила она.

— Лору и Марджори? Конечно. Я была еще довольно маленькой, когда они сюда приехали. Во время войны их эвакуировали из Лондона.

— Но Марджори оставалась здесь недолго…

— Вы наверняка говорили по телефону с Лорой? — удивленно спросила Синтия. — Это она вам рассказала?

— Да, мы с ней долго разговаривали…

— Никто не жалел о том, что она уехала. Они нечасто играли с нами, с детьми из деревни, но если такое и случалось, то с Марджори всегда возникали ссоры. Она была настоящей бестией. Просто ни с кем не могла ужиться. Мне кажется, даже с самой собой. Лора была совсем другой. Она всегда боялась кого-то задеть, потому что это могло бы привести к тому, что ее выгонят. Она была тогда невероятно толстой, вы себе не представляете. Худышка Лора!.. Тогда в ней было определенно килограмм под сто.

— Марджори так и не вернулась назад?

— О нет! И впоследствии тоже. Она уехала в Лондон к отцу. Мать за это время погибла, а отец женился во второй раз. Лора как-то намекнула, что Марджори эту вторую жену в конце концов

вышвырнула. Меня это ничуть не удивляет. Потом Марджори постоянно жила у своего отца и ухаживала за ним до самой его смерти. Сейчас живет одна где-то на юге…

— А Лора обосновалась здесь, — задумчиво сказала Барбара.

— Обосновалась — это мягко сказано. Она обожает Уэстхилл. Это еще тогда было заметно. Казалось, что она цепляется за ферму, как утопающий за соломинку. Ведь она тоже была бедняга, это надо признать… Пережила настоящий шок во время бомбардировок Лондона, потом смерть матери… Лора как-то сказала, что воспринимает Уэстхилл как единственное надежное место во враждебном мире. Она ужасно боязливый человек. Постоянно предчувствует какое-то несчастье. Неудивительно, что она цепляется за то, что ей близко…

— Она постоянно звонит нам — видимо, боится, что может случиться какая-нибудь катастрофа. Мы ее уже много раз заверяли, что с домом всё в порядке, но она, похоже, с трудом в это верит.

— Говорят, что у нее серьезные финансовые проблемы, — сообщила Синтия с наслаждением человека, для которого сплетни — настоящий жизненный эликсир. — Никто ничего не знает наверняка, но… ремонт этой старой коробки наверняка потребует немалых вложений, потом еще надо заплатить налоги… А она получает лишь минимальную пенсию. Кем она была? Компаньонкой Фрэнсис Грей. Какие уж там богатства…

— Но ведь она больше не владеет всей землей, которой владела раньше?

Синтия рассмеялась.

— Разумеется, нет. Бóльшую часть своей земли она продала Фернану Ли. Для него это, конечно, большая удача. Ведь ферма Уэстхилл расколола угодья Дейлвью. Сейчас они вновь воссоединились.

Барбара вспомнила о договорах купли-продажи, которые нашла в секретере в гостиной. Она не хотела признаваться Синтии, что рылась в бумагах; иначе та обязательно спросила бы ее, чем объясняются смехотворно маленькие суммы, которые Лора получила за свою землю. Барбара не очень разбиралась в ценах на землю, тем более в Англии; но ей было ясно, что Фернан Ли заплатил Лоре чисто символическую сумму, только чтобы продажа могла официально состояться. Почему?

Может быть, Лора находилась в бедственном положении и была согласна на любые условия? Возможно, было трудно найти покупателя. Не исключено, что единственным заинтересованным лицом был Фернан Ли, и, соответственно, он и диктовал цену, беззастенчиво и бессовестно пользуясь бедственным положением старой женщины. А может быть, производились какие-нибудь налоговые махинации или были задействованы «черные» деньги, и простодушная и боязливая Лора на самом деле не была такой уж боязливой и простодушной…

Но, скорее всего, в отношении этих двоих вырисовывалась следующая картина: Лора была от рождения жертвой, а Фернан — хищником. Барбара вспомнила о его запуганной жене с голубыми глазами.

Впервые она осознала, что Фернан Ли был сыном Маргариты, французской эмигрантки. И впервые за эти дни вспомнила свой сон в первую ночь в Уэстхилле. Она и Фернан… Барбара почувствовала, как загорелось ее лицо.

Ну да, подумала она, стараясь освободиться от неприятных мыслей, если в жизни Лоры все так сложно, тогда можно понять, почему она беспокоится о доме.

— Она просто чудачка и старая дева, — сказала Синтия прямо, и это были точно те же слова, которые она употребила, описывая Лору при их первой встрече, когда Ральф и Барбара приехали в Дейл-Ли.

Барбара задумалась, почему люди часто используют слова «старая дева» с таким пренебрежением, с таким презрением. Начиная с определенного возраста невинность у женщины считается серьезным недостатком и используется как объяснение любых странностей в ее поведении. Едва ли кто-то пытался объяснить ошибки и капризы, свойственные каждому человеку, чем-то иным, кроме девственности, которая у женщин расценивалась как болезнь.

— Неужели в ее жизни никогда не было ни одного мужчины? — спросила Барбара, напрягшись.

— Если вы спросите меня — нет. Ходили, правда, слухи, что, когда она была молодой девушкой… маячил какой-то мужчина. Но было ли у нее с ним что-нибудь?.. Как раз в это время Лора начала голодать и сильно похудела. Я была тогда, по большому счету, ребенком, но помню, как моя мать говорила: «Спорю, что Лора Селли

влюблена. По девушке это всегда видно. Она перестала беспрерывно есть, красиво причесывается, у нее светятся глаза». Это сказала моя мать. Было ли в этом что-то — кто знает…

— А когда это произошло?

— Должно быть, еще во время войны. В сорок втором или в сорок третьем году. Тогда люди утверждали, что в Уэстхилле появился какой-то мужчина. Впрочем, все тогда перестали называть поместье Уэстхиллом, а говорили просто «Дом сестер». Но Лора и старая горничная там тоже жили. В любом случае, в доме обитали только женщины. И вдруг кто-то сказал, что в «Доме сестер» время от времени появляется какой-то мужчина. Да… можете себе представить, как быстро разносятся слухи!

— Может быть, это вернулся брат Фрэнсис, Джордж? — неосторожно предположила Барбара.

— Однако же, Лора много что вам рассказала! — сразу удивленно отреагировала Синтия. — Вы даже знаете о бедном Джордже? Вы с ней, наверное, часами говорили по телефону…

Барбара прикусила язык. Надо быть осторожнее, иначе Синтия поймет, что у нее есть тайный источник информации…

— Нет, нет, это точно не был бедняга Джордж, — ответила Синтия, которая, как заметила Барбара, с удовольствием присваивала определение «бедняга» другим людям — наверное, чтобы поднять свой престиж. — Его больше так никто и не видел. Фрэнсис очень переживала. Если кто-то упоминал его имя, у нее всегда глаза наполнялись печалью, даже когда она была уже старой женщиной.

— Может быть, история с этим незнакомцем — тоже всего лишь слухи? — предположила Барбара.

Она с удовольствием бы поговорила еще — хотя бы потому, что это отвлекало ее от проблем, — но ей вдруг пришло в голову, что она должна срочно освободить аппарат. Возможно, Ральф уже давно пытался ей дозвониться. Она скосила глаза на окно. Снег шел не переставая.

— Может быть, — задумчиво согласилась Синтия и больше для самой себя добавила: — Во всяком случае, это было буквально перед тем, как исчезла Виктория Ли.

— Барбара наморщила лоб.

— Она *тоже* исчезла?

— Да, я думаю, в сорок третьем году. Загадочная история… Ее вдруг как-то сразу не стало. Фрэнсис Грей никому ничего не рассказывала, но в какой-то момент выяснилось, что бедную Викторию уже давно никто не видел.

Опять «бедную», подумала Барбара.

— Джон Ли снова женился. На француженке, которая сбежала от нацистов. Виктория приняла все это очень близко к сердцу. Потом родился ребенок. Джону Ли было тогда уже за пятьдесят, и многие считали, что это неприлично — в таком возрасте становиться отцом. Его жена была довольно молодой, где-то около тридцати. Во всяком случае, Викторию это доконало. Моя мать рассказывала мне, что та не могла иметь детей — а здесь такое! Как говорила Фрэнсис Грей, Виктория не смогла это пережить. Она не хотела здесь больше оставаться — в непосредственной близости от новой семьи Ли, где наконец родился сын, которого не было у нее. Поэтому и уехала. Куда-то на юг…

В ее голосе чувствовалось какое-то сомнение. Барбара это заметила.

— И потом о ней ничего не было слышно?

— Нет. Произошло практически так же, как с Джорджем. И вот что… я считаю, странно, когда в одной семье сразу два человека бесследно исчезают. В отношении Джорджа никто этому не удивился. Я его даже не знала; но все, кто видел его после возвращения с войны, перед тем как он перебрался в Скарборо, говорили, что он действительно был болен. Психически. Человек не смог справиться со своей жизнью. Жил в собственном мире, ни с кем не имел никаких контактов. Почему бы ему однажды нельзя было просто встать и уйти?

— А Виктория была другой?

— Совершенно другой. Мне тогда было девять лет, и, будучи ребенком, я уже имела совершенно четкое представление о ней, — наверняка подкрепленное рассказами моих родителей и других жителей деревни. О семье Грей всегда много говорили, как и о Ли. Но те были какими-то другими.

— Виктория… — напомнила Барбара.

— Виктория была плаксой, — резко сказала Синтия, попав в самую точку. — В детстве ее ужасно баловали. Виктория была младшей и любимой дочкой отца. Ныла по каждому поводу и после

развода была убеждена, что на ее плечи свалились все несчастья в мире. Она жаловалась всюду, где только ни появлялась. В ее голосе всегда слышалась нотка страдания, даже если она желала кому-то доброго утра.

— Но в таком случае это не должно было стать неожиданностью, что она сбежала, когда ее терпению пришел конец…

— Вы ее не знали. Вот так просто уехать, все бросить, расстаться в известной степени со всей своей прежней жизнью, с домом, семьей, знакомыми, резко порвав с прошлым и начать все заново в каком-то другом месте, — это требует колоссальной решительности. Для этого нужны силы. Виктория не просто уехала в другой город и продолжала поддерживать отношения со своей семьей; нет, она как в воду канула. К тому же еще шла война, времена были мрачные и ненадежные, никто не знал, чем это все завершится для Англии… И Виктория не была больше самой младшей — ей исполнилось уже сорок восемь или сорок девять лет. Нет, — Барбара представила, как при этих словах Синтия покачивает головой, — нет, все это кажется совершенно абсурдным. И никак не складывается воедино.

— С другой стороны, — сказала Барбара, — что еще могло случиться?

Синтия вздохнула.

— Вот именно. Что еще могло случиться… Поэтому ходили лишь слухи, а потом и они ушли в песок. У нас в конечном счете было много других забот. Например, война… И в один прекрасный момент эту историю забыли.

«И в один прекрасный момент эту историю забыли…» Забыли — или она была описана на последних страницах воспоминаний Фрэнсис Грей? Барбара прошла в столовую и глянула на стопку на первый взгляд невинных, убористо исписанных листов, лежавших на столе. Оговорка Синтии в отношении того, что Виктория начала все заново «где-то на юге», возбуждала ее любопытство. Не зря Барбара была специалистом по уголовному праву. Если появлялся особый запах, она брала след.

Но потом Барбара сказала себе, что Синтия — болтушка и наверняка с удовольствием распускает слухи, при этом приукрашивая события, чтобы сделать их более привлекательными. По описанию Фрэнсис, Виктория действительно сильно страдала, когда Джон опять

женился. Рождение маленького Фернана стало для нее дополнительной травмой, ударив по самому больному месту — ее бездетности. Возможно, она и в самом деле собрала свои вещи и уехала, бросив все…

Барбара постаралась отвлечься от этих мыслей. У нее были совсем другие проблемы. Она довольно быстро закончила разговор с Синтией, чтобы не занимать телефон, если вдруг позвонит Ральф, — и вот уже минут десять сверлила взглядом телефонный аппарат, как будто могла его загипнотизировать и заставить зазвонить. Он оставался безжалостно молчаливым. Стрелки на часах показывали четверть пятого. Снег шел беспрерывно. Это продлится еще примерно полчаса — а потом стемнеет.

— Что я могу сделать? — тихо простонала Барбара. — Что?

Она пошла в кухню и поставила на огонь воду для чая. Один лишь вид пустого холодильника настолько усилил в ней чувство голода, что закружилась голова и болезненно сжался желудок. К этому добавилось чувство страха — и на глазах внезапно выступили слезы. Со времен юности Барбара ни разу не испытывала состояния беспомощности, она просто его не допускала. Она внушала себе это до тех пор, пока ее мозг это не усвоил: «Я сильная. Я знаю, как себе помочь. Я не боюсь».

Теперь Барбара боялась. И самое ужасное заключалось в том, что она чувствовала себя совершенно беспомощной, как маленький ребенок. Беспомощной, как толстая девушка, которой она однажды была и о существовании которой очень хотела бы забыть.

Потом ее озарила внезапная мысль. Она быстро пробежала по дому и включила свет во всех комнатах. Лежащий в темноте Уэстхилл буквально озарился светом. Если Ральф действительно решит возвращаться сегодня и заплутает где-то в этих местах, то сможет по меньшей мере сориентироваться по освещенным окнам.

В кухне засвистел чайник. Барбара опять побежала вниз. Ее метание по дому хотя бы на какое-то время заглушило отчаяние, но когда она стояла у стола, заваривая чай, оно снова овладело ею. Барбара даже подумала о том, чтобы выйти из дома и пойти поискать Ральфа; это казалось ей более приемлемым, чем сидеть здесь и ждать. Но потом, несмотря ни на что, разум взял верх. К тому же у нее не было никаких шансов найти его на улице, она только сама могла

заплутать. Кроме того, у нее не было лыж. Она смогла бы лишь ползти как черепаха, при каждом шаге увязая по пояс в снегу.

Барбара взяла чайник и опять пошла в столовую. Ей было ясно, что она должна отвлечься, если не хочет получить нервный срыв.

Сев перед камином, Барбара без особого желания взяла последнюю пачку листов. Она слишком нервничала, чтобы должным образом сосредоточиться, но в конце концов решила заставить себя. Лучше читать, чем размышлять.

Барбара сидела в ярко освещенном доме, борясь с беспокойством, и читала дальше — теперь уже не из любопытства, как в начале, а от отчаяния.

Сентябрь 1942 — апрель 1943 года

Когда Фрэнсис первого сентября вернулась в Уэстхилл, она сразу заметила: что-то не так. Дом, двор и сад лежали в полной тишине среди сочной зелени окружавших поместье лугов. Дождь уже перестал, и жара упорно отстаивала свои позиции. Небо покрывали серые облака, но воздух был теплым, и дул легкий мягкий ветер.

Что-то было не в порядке, но Фрэнсис не могла понять, что именно. В царящей вокруг тишине было что-то давящее, гнетущее. С тех пор как в доме осталось не так много людей, на ферме редко бывало шумно; но на сей раз создавалось впечатление, что все здесь замерло.

Происходящее показалось ей очень знакомым. Это был почти эффект дежавю. Потом Фрэнсис поняла, что именно почувствовала: уже дважды после своего возвращения из Лондона она заставала в Уэстхилле эту странную, зловещую тишину — и всякий раз за ней скрывалась катастрофа. В первый раз родная сестра увела у нее из-под носа любимого мужчину. Во второй раз Фрэнсис приехала домой в день смерти матери и новорожденной сестры. И сейчас, в третий раз…

Все повторяется трижды, подумала она с какой-то циничной смелостью, которая должна была помочь ей снять стеснение в груди, мешавшее дышать.

Потом в голову пришла мысль, что это может иметь отношение к Марджори. Скажем, там, в лондонском подвале, произошло нечто ужасное, и в Уэстхилл уже позвонили и сообщили об этом. И теперь все со страхом ждали возвращения Фрэнсис.

«Возьми себя в руки, — одернула она себя. — Только потому, что испытываешь угрызения совести, ты предполагаешь, что произошла катастрофа. Но ты не должна себя упрекать. Марджори не хотела ничего иного. Не могла же ты удерживать ее здесь против воли?»

Фрэнсис припарковала автомобиль, вышла из машины и пошла к дому. И больно ударилась плечом о дверь, потому что та, вопреки ее ожиданию, не открылась. Фрэнсис тихо застонала.

— Черт подери! Кто запер дверь посреди дня?

Правда, была не середина дня, а уже пять часов вечера, но до наступления темноты входную дверь обычно никто не запирал. Страх Фрэнсис все больше усиливался. Она не обманулась. В ее доме определенно что-то не в порядке.

Она громко постучала в дверь и несколько раз крикнула: «Алло!» Наконец до нее донеслось какое-то шушуканье с той стороны двери.

— Кто там?

— Это я, Фрэнсис! Что, черт подери, случилось?

Дверь открылась, и в проеме показалась голова Аделины.

— Вы одна?

— Конечно. Что случилось? — Фрэнсис вошла, с удивлением отметив, что Аделина сразу же заперла за собой дверь. — Звонили из Лондона?

— Из Лондона?.. Нет. А что такое?

— Я просто подумала… Я имею в виду, нет ли новостей о Марджори?

На сей раз удивленный взгляд был у Аделины.

— Ведь это *вы* с ней уехали!

— Да, но… в общем, не важно. — Фрэнсис с нетерпением отмахнулась от вопроса. Очевидно, она ошиблась со своими опасениями. По крайней мере, с ними… — Аделина, что у вас здесь случилось? Почему вы заперли дверь? И почему так тихо?

— Пойдемте, — сказала Аделина.

Фрэнсис растерянно последовала за ней вверх по лестнице. Они вошли в бывшую комнату Джорджа, и Фрэнсис увидела сначала только Викторию и Лору, стоявших возле кровати. Потом она услышала тихий стон — и увидела мужчину, лежавшего на кровати. Подойдя ближе, спросила:

— Кто это?

Это был самый грязный, самый запущенный и самый оборванный мужчина из всех, что она когда-либо видела. В самую первую секунду ее молнией пронзила радость: «Джордж! Джордж вернулся!» Но потом Фрэнсис поняла, что это не так. Несмотря на то что он был весь в грязи, его вполне можно было разглядеть. Мужчина был выше Джорджа и значительно моложе его, хотя под многодневной бородой и падающими на лицо растрепанными волосами едва можно было различить черты его лица.

— Кто это? — повторила Фрэнсис свой вопрос.

— Его нашла Лора, — ответила Виктория. Это звучало так, будто девочка нашла старый башмак или потерянный наперсток. — В овчарне.

— Совсем рядом с Болтон-Касл, — пояснила Лора.

— Что с ним?

— У него на ноге серьезная рана.

Аделина откинула одеяло, и Фрэнсис содрогнулась, увидев огромную страшную рану, кровавую и гнойную. В воздухе повис исходивший от нее смрад.

— Боже мой! — произнесла Фрэнсис.

Аделина снова накрыла мужчину.

— У него сильное воспаление и лихорадка.

— Да, но почему вы не вызвали врача? — крикнула Фрэнсис. — Почему заперлись здесь с ним и оставили его просто лежать?

Все трое какое-то время молчали, потом Аделина сказала:

— Он бредит. Поэтому мы знаем, что он не англичанин.

— Не англичанин?

— Он немец, — сказала Виктория.

Фрэнсис посмотрела на мужчину. На нем была гражданская одежда: светлые брюки и голубая рубашка. На левом запястье — часы с разбитым циферблатом. Фрэнсис определила, что они были французской марки.

— Вы уверены?

— Я немного учила немецкий язык в школе, — сказала Виктория, — и я уверена.

Все смотрели на мужчину. Он беспокойно метался на кровати. На лице, под кожей, дергался нерв. Раненый открыл глаза. Они были темными, с каким-то неестественным блеском.

— Воды, — пробормотал он по-немецки.

— Что он сказал? — спросила Фрэнсис.

— Он хочет воды, — ответила Виктория.

Она с готовностью взяла чашку, стоявшую возле кровати, немного приподняла голову мужчины и осторожно влила ему в рот немного воды. Тот пил жадно, но с трудом. Потом откинулся на подушку и сразу опять провалился в беспокойный сон. Он что-то бормотал, но

никто не мог ничего разобрать. В любом случае это были не английские слова.

— И ты действительно уверена, что он немец? — спросила Фрэнсис, которой были вполне понятны последствия этого происшествия.

— Я уверена, что он говорит по-немецки, — ответила Виктория. — А в бреду человек всегда говорит на своем родном языке.

— У него были с собой какие-нибудь документы?

— Нет. Только это. — Аделина достала из кармана своего фартука пистолет и протянула Фрэнсис. — Он держал его за его ремнем.

— Когда ты его нашла, Лора?

— Сегодня утром. Я была… Мне было немного не по себе… из-за Марджори и… Я хотела побыть одна и пошла прогуляться. Я не собиралась идти в какое-то определенное место; но неожиданно заметила, что оказалась недалеко от Болтон-Касл. Я пошла через овечьи пастбища… и вдруг услышала, что из одной небольшой овчарни раздается стон. Я сначала подумала, что это какое-нибудь раненое животное, и вошла, чтобы посмотреть. А там в углу, на соломенных тюках, лежал он. Он выглядел ужасно, и, кажется, у него были страшные боли. Я… — Лора запнулась, — я испугалась и в первый момент хотела убежать, но он крикнул, чтобы я осталась. Ему нужна помощь.

— И он говорил по-английски?

— Да. Но он говорил более внятно, чем сейчас. У него уже тогда была лихорадка, но он не находился в спутанном сознании. «Я тяжело ранен, — сказал он, — вы можете мне помочь?» Я сказала ему, что он должен лежать и что я позову врача, но он умолял, чтобы я этого не делала. Постоянно кричал: «Не надо врача, не надо врача!» Я сказала, что не знаю, что я могу еще сделать, и тогда он спросил, не могу ли я взять его с собой домой на один день. Ему нужна только постель на одну ночь, сказал он, и что-нибудь поесть и попить, а утром он уйдет.

— Ну, в этом он, наверное, сильно ошибался, — сухо заметила Аделина.

— Это было ужасно — тащить его сюда, — сказала Лора.

Фрэнсис бросилось в глаза, какой изможденной выглядела девочка. И это неудивительно! Лора чуть не надорвалась, пока тащила этого высокого, крепкого мужчину из Болтон-Касл сюда.

— Он висел на моем плече и с каждым шагом казался все тяжелее и тяжелее. Ему становилось все хуже. Температура поднималась, и он начал говорить на иностранном языке. Иногда падал. Я не знала, как снова поставить его на ноги. — При рассказе о том, сколько усилий она затратила, глаза девочки то и дело наполнялись слезами. — Он был невероятно тяжелый! И потом, я еще постоянно думала о том, что он может умереть где-нибудь посреди пастбища, и я тогда буду в этом виновата, потому что так и не позвала врача. Но у меня сложилось впечатление, что он сразу запаниковал, как только я заговорила о враче, и… — Она беспомощно подняла руки и вновь опустила их.

— Ты все сделала правильно, Лора, — сказала Фрэнсис, — и я должна сказать, что горжусь тобой. Притащить тяжелораненого мужчину из Болтон-Касл в усадьбу… вряд ли нашелся бы кто-то, кто смог бы это выдержать!

Лора покраснела от счастья. Ее пальцы смущенно теребили подол платья.

— У него, очевидно, были все основания, чтобы прятаться, — пробормотала Фрэнсис.

Виктория посмотрела на нее.

— Только потому, что он немец? Он ведь может быть и беженцем…

Фрэнсис покачала головой:

— Здесь кроется нечто большее. Тот, кто с таким серьезным ранением забирается в овчарню, вместо того чтобы искать помощь, наверняка чего-то опасается. К тому же у него был заряженный пистолет. Это не безобидный беженец.

— Ты думаешь, он… он нацист? — спросила Виктория, широко раскрыв глаза.

Фрэнсис пожала плечами:

— Мы спросим его, когда с ним можно будет говорить. А до этих пор исполним его желание и никому ничего об этом не скажем.

— А если он всех нас ночью убьет? — Виктория наверняка уже видела себя в луже крови.

— Что за глупости! — раздраженно сказала Аделина. — Он сейчас и мухи не сможет убить. Я обработаю ему рану и сделаю чай, который собьет температуру. — И она деловой походкой поспешила из комнаты.

— Прежде всего мы опять откроем входную дверь, — сказала Фрэнсис, — иначе каждый заметит, что у нас что-то не так. Я сейчас спрячу его оружие в своей комнате, а потом переоденусь. Поездка была действительно напряженной.

Она хотела выйти из комнаты, но Лора робко схватила ее за рукав.

— Как там всё прошло, в Лондоне? — спросила она. — Как… как Марджори?

— О, я думаю, у нее всё в порядке. Ваш отец был очень рад видеть ее. Он… — Фрэнсис запнулась. Впрочем, когда-нибудь Лора все равно узнает, что Хью опять женился; почему бы и не сейчас… — Он опять женился, представь себе!

Лора остановилась с открытым ртом.

— *Что?*

— Да, мы тоже были очень удивлены. Но, в принципе, это не так уж плохо. Марджори сейчас в таком возрасте, когда ей нужен кто-то женского пола, с кем она могла бы общаться.

— И какая она?

— Кто?

— Папина… новая жена.

Фрэнсис решилась на милосердную ложь.

— Симпатичная. Простая милая женщина.

Лора пристально посмотрела на нее и выбежала из комнаты. Было слышно, как хлопнула дверь.

— Тебе не кажется, что можно было бы сообщить ей это более деликатно? — спросила Виктория.

— Я должна была сейчас солгать ей, чтобы потом выдать правду? Я уже достаточно солгала. Жена Хью Селли — асоциальная шалава. Она была в ужасе от приезда Марджори. Я почти уверена, что они будут жить как кошка с собакой, но Марджори хотела этого.

— И ты тоже.

— Совершенно верно, — ответила Фрэнсис холодно, — и я тоже. То, что мы с Марджори не любили друг друга, не было тайной.

Она вышла из комнаты, прежде чем Виктория успела что-то возразить. Пистолет в ее руке был холодным и тяжелым. Она спрятала его в комоде, положив в самый низ, под белье. И после этого почувствовала себя спокойнее.

Поздним вечером температура у незнакомца поднялась еще выше, несмотря на загадочный чай, которым напоила его Аделина. Он говорил путано и неразборчиво; даже Виктория не могла из этого ничего больше перевести. Она все время сидела возле него и промокала ему лоб холодной водой. Аделина вымыла мужчину, обработала рану и перевязала. Затем причесала его волосы и надела на него пижаму Чарльза. Он не выглядел больше таким запущенным, но ему было явно плохо.

— Если до утра температура не снизится, мы вызовем врача, — сказала Фрэнсис. — Не важно, что будет потом.

— А что может быть? — спросила Виктория.

— Я не знаю. Поскольку он так испугался, возможно, он шпион. Я понятия не имею, что делают с такими.

— Их вешают, — сказала Аделина, которая как раз вошла в комнату со свежей водой.

— Тогда не будем вызывать врача! — воскликнула Виктория. — Мы ведь не можем допустить, чтобы его повесили!

— Откуда сразу столько сострадания? До этого ты предполагала, что он нацист и ночью перебьет всех нас прямо в постелях.

— Но, может быть, не нацист…

— Он немец, — сказала Фрэнсис, — и, вероятно, выполняет задание своего командования. Он служит Гитлеру. Мы не должны испытывать к нему излишнее сострадание.

— Может быть, он кто-то вроде этого… как его имя? Рудольфа Гесса, — напомнила Виктория. — Может быть, он приземлился где-то здесь и хочет установить контакт с нашим правительством. Рудольф Гесс тоже не был повешен. Его просто арестовали[10].

— Так или иначе, под моими руками он не умрет, это точно, — сказала Аделина решительно и подошла к постели. — А сейчас отойдите в сторону! Я хочу еще раз осмотреть его ногу.

Рана под повязкой выглядела ужасно и гноилась еще больше, чем днем.

— Подозреваю, пулевое ранение, — предположила Аделина, — и если так, то пуля застряла в ноге. Ее нужно вытащить, иначе…

Она не закончила фразу, но обеим было ясно, что для незнакомца все закончится плохо, если пуля останется в ноге.

Фрэнсис решительно встала.

— Поеду в Айсгарт и привезу врача. Мы должны…

— Нет! — сказала Виктория.

— Не торопитесь! — одновременно поддержала ее Аделина.

— Мы должны дать ему возможность все нам рассказать, — добавила Виктория.

Фрэнсис указала на стонущего мужчину.

— Я не жду ничего хорошего. Вероятно, он умрет уже сегодня ночью.

— Нам надо удалить пулю, — повторила Аделина. Она и Виктория посмотрели на Фрэнсис.

— О нет! — Та протестующе подняла руки. — Я не смогу. Я никогда этого не делала.

— Ты ведь работала в лазарете во Франции, — вспомнила Виктория. — И наверняка видела десятки таких операций.

— Да, *видела*. Но сама никогда не делала.

— Там их проводили в самых примитивных условиях, — сказала Аделина. — Во всяком случае, вы всегда это рассказывали. Их инструменты были не лучше, чем те, которые есть у нас. И гигиенические условия определенно были хуже.

— Но это были врачи! Они, по крайней мере, знали, что нужно делать. А я вообще не имею об этом ни малейшего понятия! — Она посмотрела на горящее лицо мужчины. — Я могу его убить.

— Мне кажется, — сказала Аделина, — ему нечего терять.

— Я вызову врача, — сказала Фрэнсис еще раз — и сразу вслед за этим громко выругалась, поняв, что не готова предать раненого суровой судьбе военнопленного.

Около двух часов ночи они начали его оперировать, хотя слово «операция» в данных условиях звучало скорее цинично. У них был нож, простерилизованный в кипящей воде, и целая гора салфеток и бинтов. Виктория должна была держать над кроватью лампу, так как ни потолочный светильник, ни лампа на тумбочке не давали достаточно света. Сестра была очень бледна, и Фрэнсис опасалась, что она в любой момент может потерять сознание, — но не могла просто услать ее из комнаты, потому что она нужна была Аделине, чтобы потом держать открытыми края раны. Они положили пациенту на рот и нос пропитанную эфиром салфетку, пока тот не впал в забытье; но на

всякий случай привязали его к кровати несколькими ремнями за руки и за ноги. Поврежденная нога была перевязана ниже бедра, чтобы минимизировать потерю крови.

Флакон с эфиром стоял наготове; Аделина получила указание немедленно поднести ему к носу пропитанную новой порцией эфира салфетку, если он начнет отходить от наркоза.

Лоре они ничего не сказали о предстоящей операции. Она лежала в своей постели и спала.

— Истеричная молодая девушка нам здесь не нужна, — сказала Фрэнсис, но между тем у нее возникли сомнения, не лучше ли владела бы собой Лора, нежели Виктория.

— Давайте начинать, — скомандовала Аделина.

Фрэнсис вспомнила о многочисленных кобылах, которым она помогла появиться на свет, о многократном участии в лечении травмированных овец.

«Представь себе, что он — овца или лошадь», — подумала она, на секунду закрыла глаза, опять открыла их, приставила нож и сделала глубокий решительный разрез, преодолев сопротивление, которое оказывала эта твердая, молодая ткань.

Наркоз был слишком слабым. Раненый закричал так сильно, что собаки внизу жутко завыли, какая-то птица начала издавать резкие звуки и ни о чем не догадывающаяся Лора, конечно, проснулась и босиком, в ночной рубашке вошла в комнату. Ее изумленным от страха глазам открылась ужасная картина.

— Что вы здесь делаете? — крикнула она. — Вы его убьете!

— Выйди! — рявкнула Фрэнсис и повернулаись к Аделине: — Эфир! Больше эфира, черт подери!

Лора вылетела из комнаты. Раненый ворочался и стонал, как умирающий зверь. Аделина налила эфир на салфетку и решительно прижала ее к его лицу. Мужчина дернулся, издал булькающий звук и погрузился в глубокое бессознательное состояние.

— Теперь быстро! — сказала Аделина. Голыми руками она раздвинула кожные лоскуты, и на постель полился поток крови.

Фрэнсис торопливо копалась в ране, пытаясь найти пулю и спрашивая себя, как человек может выдержать такое. Мужчина больше не шевелился. Виктория дрожала как осиновый лист; ее рвало над

креслом, которое стояло у окна, а Аделина одобрительно кивала Фрэнсис головой.

— Отличная работа! — сказала она.

Его звали Петер Штайн, и он был родом из Штральзунда в Мекленбурге. Позднее они узнали, что Петер — выходец из одной из самых богатых предпринимательских семей в этом регионе. Ему было двадцать девять лет, и он носил звание оберлейтенанта люфтваффе — военно-воздушных сил Германии. С двумя товарищами Штайн выпрыгнул с парашютом над Северной Англией. Больше десяти дней он, тяжело раненный, пробивался через леса.

Все это Петер рассказывал на беглом английском, без малейшего акцента, через два дня после дилетантской хирургической операции, которая чуть не убила его и после которой он чудом выжил и на удивление быстро поправлялся. Немец попросил принадлежности для бритья и свою одежду.

— Что-нибудь для бритья я вам дам, — сказала Аделина, — а вашу одежду я выбросила. От нее остались лишь клочья.

Он, казалось, немного разозлился.

— А у вас найдется что-нибудь из одежды?

— Потом. Пока вам надо оставаться в постели. У вас была очень высокая температура, молодой человек. Вы слабее, чем вам кажется.

Штайн побрился, сидя в постели, а Виктория держала ему зеркало. После этого он, весь покрывшись потом, рухнул обратно в кровать.

— У меня действительно совсем нет сил, — сказал он удивленно и сердито, при этом тяжело дыша. — Со мной такого еще не было…

— Вы были ближе к смерти, чем к жизни, — призналась ему Виктория. — Вы потеряли несколько литров крови, и у вас была ужасная лихорадка. Но вы поправитесь!

Петер откинулся на подушки. Сейчас, когда он сбрил бороду, было видно, насколько ввалились его щеки и как остро выступают над ними кости. Благодаря прекрасной летней погоде, установившейся в последние недели, его кожа сильно загорела, отчего он не казался таким больным и жалким, каким был в действительности.

— Пожалуй, пришло время мне представиться, — сказал Штайн.

Они все были в комнате: Фрэнсис, Виктория, Лора и Аделина.

— Мы знаем, что вы немец, — сказала Фрэнсис.

— Наверное, я много говорил, — проговорил он, смирившись. Потом назвал свое имя и звание и сообщил о прыжке с парашютом.

Фрэнсис холодно посмотрела на него.

— Не самый простой способ посетить Англию, не так ли?

— Да уж… — Он замолчал.

— Когда я вас обнаружила, — сказала Лора, — вы все время говорили, чтобы я не вызывала врача. Почему?

Штайн обвел почти нежным взглядом ее полную, невзрачную фигуру.

— Это были вы? Та самая смелая молодая женщина, тащившая меня так далеко?

Лора покраснела. Еще никто никогда не называл ее «молодой женщиной». Она смущенно кивнула и опустила голову. Петер улыбнулся. Потом вновь стал серьезным.

— Я не хочу вас обманывать, — сказал он. — Мои товарищи и я совершили прыжок в Англии с заданием раздобыть военную информацию. Прежде всего о том, что касается вашего флота.

— Скарборо, — сказала Фрэнсис.

— Да. Это была наша цель. К несчастью, все пошло наперекосяк. — Он указал на свою раненую ногу.

— Но вы повредили ногу не при прыжке, — сказала Виктория, — моя сестра достала из нее пулю.

Петер с интересом посмотрел на Фрэнсис.

— Вы врач?

— Нет. Я даже не медсестра. Но кто-то должен был это сделать — иначе вы умерли бы. А поскольку мы не хотели вызывать врача…

— Вы довольно быстро поняли, что я немец. То есть враг Англии. Почему же не вызвали ни врача, ни полицию?

— Мы хотели сначала послушать вас, — ответила Фрэнсис. — Кроме того…

— Да?

— Вы были совершенно беззащитны. Нам показалось неправильным бросать вас в таком состоянии на произвол судьбы.

Петер неуверенно кивнул.

— Я понимаю. Проблема в том, что будет теперь.

— Откуда у вас пулевое ранение? — спросила Фрэнсис.

— Мы прыгали среди ночи. Я и второй наш товарищ приземлились удачно, а третьему не повезло — он сломал себе ногу. Мы, конечно, не могли его оставить и понесли до ближайшей деревни. У нас были британские паспорта, и мы надеялись, что никто не сможет определить наши подлинные имена. — Он поморщился. — Все могло бы закончиться хорошо. Люди в деревне были очень недоверчивы, но они не предполагали, что мы немцы. Наш товарищ остался у священника. А нам вдвоем следовало немедленно уйти. Но мы были совершенно измотаны и воспользовались предложением одного крестьянина переночевать в его амбаре. Что в это время случилось у священника, я могу только предполагать. Очевидно, он еще раз захотел посмотреть документы своего гостя, и у того сдали нервы. Будучи в очень плохом состоянии, он просто потерял рассудок и открыл священнику свою национальность — при этом, как я предполагаю, надеялся на то, что священнослужитель его не выдаст. Однако тот поднял всю деревню, и все сразу сбежались, чтобы задержать нас двоих. К счастью, я не спал и слышал, как они пришли. Но для побега тем не менее было уже слишком поздно. Они начали стрелять в нас. Мой товарищ сразу погиб. Мне оставалось только одно — отстреливаться, чтобы освободить себе путь к отступлению.

Петер замолчал. По его глазам было видно, что он прокручивает в голове ужасные события той ночи: амбар, темнота, факелы, возникшие из ниоткуда, разгневанные англичане с кровожадными лицами… Его товарищ упал замертво, и он понял, что они хотят схватить его живым и повесить. Слишком велика была ненависть к немцам в Англии.

— Когда вы отстреливались, — спросила Фрэнсис, — вы кого-нибудь ранили?

Он посмотрел на нее.

— Я кого-то убил.

В комнате повисло растерянное молчание — все осмысливали возможные последствия.

— Вы уверены? — наконец спросила Лора.

— Я попал ему в голову, — ответил Петер, — и видел, как… ну, в общем, не важно, что я видел. Он, конечно, погиб.

— Это была самооборона, — заявила Виктория.

Петер улыбнулся.

— Немецкий шпион — и самооборона? Нет. Если они меня схватят, то я буду казнен за убийство.

— Ах, *черт подери*! — воскликнула Фрэнсис.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Кстати, оружие еще у меня…

Фрэнсис ответила на его взгляд.

— Я забрала его у вас. Думаю, что так пока будет лучше.

— Вынужден согласиться, — сказал Штайн. Но по нему было видно, как ему не нравится ситуация, в которой он оказался: лежать раненым в постели, не в состоянии ходить и стоять без посторонней помощи, быть безоружным и не иметь возможности защищаться.

— Оружие у вас сохранилось, — сказала Фрэнсис, — но почему не осталось документов?

— Я их, видимо, потерял. Меня тоже ранили, и я упал на землю. Вероятно, документы при этом выпали у меня из кармана.

— Тогда у них есть ваша фотография, — продолжала Фрэнсис.

Петер кивнул.

— Да, и это значительно упрощает мои поиски.

— Удивительно, что вам удалось от них сбежать, — пробормотала Аделина.

— Да. Заросли. Темнота. И Господь решил еще некоторое время дать мне пожить. — Немец поочередно смотрел на четырех женщин, которые окружали его постель. — Боюсь, я доставлю вам массу хлопот.

— Мы должны быстро решить, что нам делать, — сказала Фрэнсис. — С каждым новым днем мы всё больше впутываемся в эту историю и в конце концов все предстанем перед судом.

Они проводили срочное собрание в гостиной. Петер спал наверху. Разговор чрезмерно утомил его, и в какой-то момент он провалился в глубокий сон.

Фрэнсис позволила себе двойной виски. Она была раздражена. «Совершенно *ненужная* проблема. И зачем только Лора нашла этого человека и притащила его сюда?»

Девочка, сидевшая с кислой миной у окна, казалось, прочитала ее мысли.

— Не могла же я его просто оставить там, — пробормотала она подавленно.

— Конечно, нет, — откликнулась сразу Аделина, — ты поступила совершенно правильно.

— Мы гордимся тобою, — добавила Виктория.

— Но у нас большая проблема, — сказала Фрэнсис. — Мы прячем здесь мужчину, совершившего убийство, которого, вероятно, повсюду ищут.

— Это не было убийством как таковым, — запротестовала Виктория и повторила то, что она уже сказала у постели Петера: — Это была самооборона!

— Не при таком положении вещей, — поправила ее Фрэнсис, — не при данных обстоятельствах. Он прибывает в Англию как немецкий шпион и убивает гражданина Англии, чтобы избежать ареста.

— Люди не собирались его арестовывать, — возразила Виктория, — они хотели учинить над ним самосуд.

— Это он так думал.

— Но они ведь застрелили его товарища!

— Виктория, все это не будет иметь никакого значения. Он шпионил в пользу нацистов! Поэтому и прибыл сюда. Ни один человек не будет заинтересован в том, чтобы найти для него смягчающие обстоятельства. Нынешняя война слишком суровая. Погибло слишком много англичан. И слишком страшно то, что делают немцы!

— Он ведь также часть общей системы и не может так просто вырваться из нее, — возразила Виктория.

Это была удивительная мысль — если вспомнить, насколько поверхностные суждения обычно изрекала Виктория.

— Не знаю, как вы на это смотрите, — сказала Аделина, — но я не готова так запросто отправить этого молодого парня к палачам. Он ведь еще почти ребенок!

— Для тебя каждый моложе шестидесяти — ребенок, Аделина, — сказала Фрэнсис. — Этот «ребенок», конечно, не наивен и достаточно опытен, иначе его определенно не выбрали бы для этой операции.

— Мы вы́ходим его, — предложила Аделина. — Поставим его на ноги, а дальше он сам должен решать, что ему делать.

— Но это невозможно! — запротестовала Лора. — У него нет больше документов, он не сможет выехать из Англии. И, возможно,

они ищут его с той фотографией, которая есть в паспорте. Он не сможет никуда пойти, если мы его выгоним. Как же ему быть?

— Это не наша проблема, — заявила Фрэнсис.

Лора и Виктория возмущенно посмотрели на нее.

— Наверное, нам надо отложить этот вопрос до тех пор, пока он не восстановится, — предложила Аделина. — Тогда мы сможем еще раз выслушать его. Давайте договоримся, что до тех пор мы ничего не предпринимаем и никому ничего о нем не рассказываем.

— Да, — одновременно произнесли Виктория и Лора.

— Хорошо, — присоединилась к ним, чуть подумав, Фрэнсис. Она допила свой стакан и встала. — Начиная с этого момента, мы становимся соучастниками. Всем вам должно быть понятно, что это может закончиться очень плохо. Мы можем сесть в тюрьму, а в худшем случае потеряем ферму.

Лора побледнела.

Еще продолжая говорить, Фрэнсис подумала, что сошла с ума. Зачем она делает такие *безумные вещи*?

— Мы не должны рассказывать об этом ни одной живой душе, — продолжила она убедительно, — никому! Лора, надеюсь, тебе не придет в голову написать об этом в письме Марджори…

— Конечно, нет! — обиженно ответила Лора.

Фрэнсис глубоко вздохнула.

— Чует мое сердце, эта история сломает нам шею, — сказала она с видом пророка, подумав: «Как хорошо, что Марджори уехала! Если б она была здесь, мне уже пришлось бы составлять завещание!»

В течение всего сентября фотография Петера то и дело появлялась в газетах. Он был легко узнаваем, каждый мог его быстро опознать. Документы, писали в газетах, были выданы на имя Фредерика Армстронга, но, вероятнее всего, он давно взял себе новое имя. Он был ранен в перестрелке и, вероятно, воспользовался медицинской помощью. Он — немец, прибывший в Англию для шпионской деятельности. При побеге он застрелил восемнадцатилетнего юношу.

— Восемнадцатилетний! — воскликнула Фрэнсис. — Это не делает ситуацию проще…

— Я бы предпочел, чтобы этого не случилось, — ответил Петер.

Он поправлялся, к нему возвращались силы и здоровье. Немец с удовольствием и ненавязчиво старался делать все необходимое по дому и помогать женщинам всем, чем мог: починил лестничные перила, покрасил оконные рамы, укрепил разболтавшиеся половицы на первом этаже, привел в порядок стоки в ванной…

Фрэнсис с восторгом реагировала на все это.

— Вы, наверное, родом из такой семьи, где есть мастера на все руки, — сказала она. — Как вы всему этому научились?

Штайн как раз в это время сколачивал стеллаж, который Аделина давно мечтала иметь в кухне. Он выпрямился и посмотрел на свою работу.

— У моего отца была пара железных принципов, один из которых заключался в том, что даже если у тебя для всего есть слуги, ты непременно должен быть в состоянии справляться со всем самостоятельно. С раннего детства он учил моих братьев и меня различным ремеслам, которыми прекрасно владел сам, а их было немало.

— Было?

— Мой отец умер. В тридцать восьмом году. От рака легких.

— А ваши братья? Сколько их?

— Двое. Старший погиб под Москвой, младший не вернулся из Франции.

— Значит, у вашей матери остались только вы?

— У меня есть еще младшая сестра. Она ровесница Лоры. Сейчас она единственная, кто остался у матери.

Петер отложил молоток. Они стояли в маленькой кладовой позади кухни, в которой немец сколачивал стеллаж. Через крошечные окна в помещение падал скудный свет. Был вечер, завершавший один из последних теплых дней года.

Она смотрела на его сильные загорелые руки, потом перевела взгляд на его лицо. За это время щеки стали чуть полнее. Иногда — Фрэнсис это уже замечала — его глаза начинали блестеть, а губы складывались в обезоруживающую радостную улыбку. Часто ему на лоб падали темные пряди волос; у него была привычка необычайно резким, нетерпеливым движением руки отбрасывать их назад. Его руки…

Фрэнсис заставляла себя не думать о его руках. Ее и так раздражало то, что она задета его привлекательной внешностью. «Ты более чем годишься ему в матери», — строго одернула она себя.

— Вы очень славный юноша, Петер, — сказала вслух Фрэнсис, намеренно подчеркнув этими словами разницу в возрасте между ним и собой. — Я не могу смириться с тем, что…

— Что я немец?

— В принципе, это не должно вас удивлять, не так ли? Когда два народа ведут войну, сразу появляется понятие «враг». Но потом ты встречаешь кого-то с той стороны и видишь, что он совершенно обычный человек и что вы можете понять друг друга. Это делает все таким абсурдным!

— Война ведь тоже абсурдна.

— Но ее развязали нацисты, и вы…

— Я не нацист, — заявил Штайн. — Я не состою в партии.

— Вы сражаетесь за идеологию этих людей. Два ваших брата даже погибли за нее. Вы посвятили себя служению нацистам. Нет большого различия в том, являетесь вы лично нацистом или нет.

— Я посвятил себя служению своей родине. Германия — моя страна. Страна и ее люди составляют единое целое, в хорошие и в плохие времена. Ведь нельзя же просто держаться в стороне.

— Даже если… если «великий фюрер» отдает такие приказы, которые полмира повергли в несчастье?

Петер тяжело опустился на ящик. По тому, как он вытянул перед собой правую ногу, Фрэнсис поняла, что его нога все еще побаливает.

— Вы смотрите на это с внешней стороны, Фрэнсис, — сказал он, — и это абсолютно естественно. Но я совершенно запутался. Держаться в стороне от войны — если это вообще возможно — означало бы для меня в первую очередь отказаться повиноваться фюреру. То есть бросить других в беде, позволить им оказаться в тяжелом положении, а самому пребывать в безопасности. Братья, друзья… они умирают в окопах, а я блаженствую дома?

— Вы делаете больше, чем должны делать. Это английская авантюра…

— Я как раз пытаюсь забыть некоторые вещи, — резко перебил он ее, — выколотить их из своей памяти.

Фрэнсис понимала, что он говорил о своих братьях.

— Иногда, — сказала она тихо, — вся жизнь кажется мне злым роком. В ней постоянно и все больше запутываешься.

В глазах Петера отражалась печаль, для которой он был слишком молод.

— Да, — сказал он, — это природа судьбы. От нее не убежать. Сколько ни пытаться. — Потом неожиданно посмотрел на нее. — Я некоторым образом тоже судьба для вас, не так ли? Для вас всех. Уверен, вы предпочли бы, чтобы Лора не обнаружила меня в овчарне в тот первый сентябрьский день и не притащила бы сюда…

— Это уже случилось. Невозможно оставить человека умирать в какой-то овчарне. У нас не было выбора, и не о чем было размышлять.

— Вы могли бы сразу выдать меня.

— Мы не сделали этого, а сейчас уже все равно слишком поздно. Главное — чтобы вся эта история оставалась тайной.

— Вы боитесь…

Это было утверждение, а не вопрос, и Фрэнсис кивнула. Глупо отрицать свой страх.

— Иногда — да. Я просто стараюсь не думать о том, что могло бы случиться. Пока все держат язык за зубами, всё будет спокойно. — Немного подумав, она продолжила: — Больше всех меня беспокоит Лора. Она могла обо всем написать в письме своей сестре, и та с большим удовольствием подложила бы мне свинью.

Петер удивленно поднял брови.

— В самом деле?

— Марджори меня ненавидит. Не могу понять, почему. В тот день, когда вы у нас появились, она вернулась к своему отцу в Лондон. Иначе было бы невозможно вас спрятать. Она бы нас наверняка выдала.

— У меня сложилось впечатление, что у вас здесь бушует буря страстей…

— Да?

— Ну да… я, конечно, не хочу вмешиваться, но мне кажется, что между вами и вашей сестрой ощущается определенное напряжение. Такое впечатление, что достаточно одной искры, чтобы произошел взрыв.

— Похоже, вы уже что-то знаете о нас?

— Виктория рассказала мне, что ее бывший муж опять женится и что она от этого очень страдает.

— В самом деле? Кажется, она испытывает к вам немалое доверие…

— Ей плохо. У меня такое чувство, что она постоянно ищет человека, которому может открыть свое сердце.

«И выбирает для этого немецкого шпиона, которого мы прячем, — подумала Фрэнсис. — Жизнь действительно делает порой странные повороты…»

— Четверо женщин — а еще несколько недель тому назад пятеро, — которые живут достаточно уединенно, но бок о бок, — сказала она задумчиво. — Это почти всегда приводит к каким-то конфликтам.

Штайн кивнул, и Фрэнсис поняла, что в его голове пронеслась масса разных мыслей, связанных с ними.

А потом она неожиданно подумала: четыре женщины в таком уединении — это действительно всегда означает множество конфликтов. Особенно если к ним присоединяется мужчина.

30 сентября Джон и Маргарита поженились. Шла война, и для обоих это был уже второй брак, поэтому после церемонии венчания состоялось лишь небольшое торжество. Приглашение было направлено и жителям Уэстхилла — несмотря на пикантные обстоятельства, Джон должен был соблюсти требования этикета. Виктория сразу заявила, что, конечно, никуда не пойдет. Она не хочет видеть ни Джона, ни Маргариту. О последней Виктория сказала, что прежде никогда в своей жизни не встречала такую подлую предательницу и не собирается наблюдать за тем, как та будет наслаждаться своим триумфом.

— Ты постоянно все преувеличиваешь, — сказала Фрэнсис. — Впрочем, никто от тебя не требует, чтобы ты пошла.

Она сама с большим удовольствием осталась бы дома, но Маргарите это показалось бы странным. Рассказал ли ей Джон об эпизоде в кухне? Тогда она тем более должна там появиться. Фрэнсис поехала в Дейлвью с Лорой — и была благодарна ей, что молодая девушка согласилась ее сопровождать.

— Смотри только не проболтайся о Петере, — предупредила она ее в машине.

Лора обиделась.

— Я не такая глупая, как вы все время думаете! Сначала вы опасались, что я все расскажу Марджори, а теперь боитесь, что я раструблю об этом на свадьбе… Вы все время считаете меня маленькой девочкой!

— Никто не считает тебя маленькой девочкой. — Фрэнсис вздохнула. В последнее время она замечала, что Лора становится все более чувствительной. — Я говорю это лишь потому, что сама должна быть очень внимательна. Петер… стал почти членом нашей семьи, ты не находишь? Поэтому невольно можно упомянуть его имя.

Лора, казалось, более или менее успокоилась.

— Фрэнсис, он ведь не нацист, правда? — спросила она спустя несколько минут.

— Нет, — ответила Фрэнсис, хотя сама не была полностью уверена, кого можно называть нацистом, а кого нет. — Он просто солдат, который сражается за свою страну.

— И шпионит, — печально добавила Лора.

Фрэнсис посмотрела на нее.

— Для меня это тоже проблема, — согласилась она. — Это очень тяжело. Он славный и отзывчивый. И симпатичный, правда?

Лора стала пунцовой.

«Смотри-ка ты…» — подумала Фрэнсис.

В Дейлвью она во второй раз за тридцать лет слушала, как Джон Ли дал согласие другой женщине на вступление в брак. На Маргарите были костюм песочного цвета и маленькая шляпа с вуалью на лице. Несмотря на высокие каблуки, она все равно была чуть выше плеча Джона. Ее беременности еще не было видно. Маргарита по-прежнему напоминала маленького, грациозного эльфа.

Жених казался напряженным и сконцентрированным. И хотя не создавалось впечатления, что он безнадежно влюблен в Маргариту, Джон обращался с ней с уважением и любовью, о чем Виктория могла только мечтать.

С внутренней уверенностью, которой она сама удивилась, Фрэнсис подумала: «У этих двоих все будет хорошо. То, что их связывает, сохранится навсегда. Джон поступает правильно».

Во время обеда — за столом присутствовали человек двенадцать — Фрэнсис впервые заметила, что Лора почти ничего не ест. Правда, она всегда пыталась утаить от присутствующих, что с удовольствием закинула бы в себя все, что только было в пределах ее досягаемости. Но девушка никогда не могла скрыть свою жадность; она всегда очень низко нагибалась над своей тарелкой, ела очень быстро и, казалось, никогда не могла контролировать себя. На сей раз Лора сидела почти прямо, нехотя ковыряла вилкой в тарелке и почти ничего не ела. К десерту она вообще не притронулась. И Фрэнсис вдруг осознала, что Лора толком не ела уже несколько недель, или как минимум ела как маленький ребенок. От этого она не похудела, но стала выглядеть жалко.

По дороге домой Фрэнсис заговорила об этом:

— Я заметила, что в последнее время ты почти ничего не ешь. Плохо себя чувствуешь?

Лора нервно грызла ногти.

— Нет. Хорошо.

— Значит, тебе не нравится еда?

— Нравится. Только… я подумала… мне сейчас шестнадцать. Я могла бы начать худеть.

«В ней постепенно пробуждается женское самолюбие, — подумала Фрэнсис. — Что ж, это ей не повредит. Возможно, когда-нибудь потом она почувствует себя более комфортно и перестанет ходить с унылой физиономией».

— Неплохая идея, — сказала она вслух, — но только это надо делать постепенно. Для тела очень плохо, когда сразу полностью отказываешься от еды.

— Но я совсем не хочу есть. У меня больше нет такой потребности.

Лора уныло посмотрела на себя сверху вниз: большие, тяжелые груди, выпирающий живот, рыхлые бедра, которые, казалось, расплываются под легкой тканью выходного платья. Крепкие икры, казавшиеся еще более полными из-за носков ручной вязки и бесформенных коричневых туфель. Кроме того, ее ноги были покрыты плотными черными волосками.

— Придется очень, очень долго ждать, пока я стану стройной, — печально произнесла она. — Пока еще совсем ничего незаметно!

— Потребуется какое-то время, Лора. Но когда-нибудь ты этого добьешься. И тогда сможешь гордиться собой.

Лора теребила свои косы.

— Мои волосы мне тоже не нравятся… Как вы думаете, может, мне их обрезать?

Фрэнсис взглянула на полное, некрасивое лицо Лоры. Короткие волосы не сделают его лучше, но, вероятно, и не ухудшат. Здесь, в принципе, больше ничего нельзя испортить.

— Ты можешь, конечно, делать все, что хочешь, Лора, но при этом хорошенько подумай. Если ты обрежешь волосы, уже ничего нельзя будет изменить.

— С косами я выгляжу как маленькая девочка. Хочу, чтобы ко мне наконец относились серьезно.

— Но мы все относимся к тебе серьезно! Хотя я могу тебя понять: в твоем возрасте я тоже страшно спешила стать взрослой. Но только потом замечаешь, что жизнь от этого не становится легче.

— Значит, я могу обрезать волосы?

— Да. Только подожди до утра.

Дома все трое — Аделина, Виктория и Петер — сидели в кухне за столом и играли в карты. Фрэнсис ожидала, что найдет Викторию всю в слезах или же забаррикадировавшуюся в своей комнате. Она была удивлена, что ее сестра проявила самообладание. Правда, выглядела Виктория бледной, но казалась на удивление спокойной.

— Вы уже вернулись? — спросила она; ее голос звучал немного хрипло.

— Да, — ответила Фрэнсис, испытывая некую неловкость.

Ей показалось неуместным описывать детали свадебного торжества, и на какое-то время в кухне повисло тяжелое молчание. Наконец обстановку разрядила Аделина:

— Петер научил нас немецкой карточной игре. Правда, мы с Викторией, похоже, плохо соображаем.

— Это совершенно естественно, что я в данный момент имею преимущество, — сказал Петер. — Если мы будем играть в бридж, вы меня точно обыграете.

— Петер хочет сыграть с нами в бридж, — объяснила Виктория. — Нам нужен четвертый игрок.

Фрэнсис с интересом посмотрела на Штайна.

— Вы умеете играть в бридж? Это… я имею в виду, что это ведь чисто английская игра!

Очень серьезно — поскольку тема была весьма деликатной — он ответил:

— Не забывайте, что я прекрасно подготовился, чтобы предстать здесь в качестве настоящего англичанина. При этом речь идет не только о языке. Английский быт, английская школьная система, английские обычаи и нравы, предпочтения, самобытность, определенный менталитет — все это я очень тщательно изучал. Карточные игры, такие как бридж, также входили в число базовых навыков.

Некоторое время все были несколько озадачены. Что можно сказать, когда в очередной раз сталкиваешься с осознанием того, что этот милый молодой человек, который им всем уже казался членом семьи, самым изощренным образом готовился к тому, чтобы заниматься в Англии шпионской деятельностью в пользу Германии?

Наконец Аделина спросила:

— Кто-нибудь хочет что-нибудь поесть?

Фрэнсис испуганно подняла руки.

— Я — нет! Я так много всего съела на торжестве, что сейчас лопну. Может быть, Лора?

— Нет, спасибо.

Аделина смерила ее недоверчивым взглядом.

— Вы так мало едите в последнее время, уважаемая мисс… Что с тобой?

Лора предостерегающе посмотрела на Фрэнсис. Она, разумеется, не хотела обсуждать проблемы, связанные с ее фигурой, в присутствии всех домочадцев.

— Оставь ее в покое, Аделина, — попросила Фрэнсис. — Молодые женщины иногда едят, а иногда — нет. Пусть она поступает как хочет.

Аделина что-то проворчала себе под нос.

— Садитесь к нам, Лора, — сказал Петер, — и сыграйте с нами в бридж. Если вы, конечно, хотите…

Лора опять густо покраснела.

— Я… нет, я… хочу пойти спать.

— Так рано? — удивленно спросила Виктория.

— Да… я очень устала! — И Лора почти бегом выскочила из кухни.

— Я сказал что-то не то? — участливо спросил Петер.

«Просто ты ей нравишься», — подумала Фрэнсис.

— Нет, — ответила она. — Девочки в этом возрасте… никогда точно не знаешь, что с ними происходит.

— Она очень восприимчива, — сказал Штайн, — и кажется мне маленькой птичкой, выпавшей из гнезда. Я никогда не видел более одинокого человека. Она до безумия привязана к Уэстхиллу. Привязана слишком сильно, слишком болезненно. Все это — ее единственная опора.

Три женщины ошеломленно смотрели на него. Они не ожидали, что он сделает подобный вывод.

— Она не одинока, — возразила Фрэнсис, — у нее есть мы.

Петер задумчиво посмотрел на нее, и его взгляд сказал ей: «Ты ведь это знаешь. Ты знаешь, что я имею в виду».

— Существует такая особая болезнь — как внутреннее одиночество, — сказал он вслух. — Лора страдает ею, и уже очень давно. Надеюсь, что это не продлится всю ее жизнь.

Каким-то образом все почувствовали себя виноватыми. Они никогда особо не задумывались над проблемами Лоры. У них не было в отношении девочки никаких иных обязательств, кроме того, чтобы дать ей крышу над головой и достаточно еды.

Угрызения совести заставили Фрэнсис на следующий день поехать с Лорой в Норталлертон, чтобы пойти с ней в парикмахерскую, а потом купить ей новую одежду.

— Я не могу этого принять, — запротестовала сначала Лора. — Вы и так потратили на меня достаточно денег, хотя вовсе не должны нести за меня ответственность!

— Что за глупости. Я рада, что ты живешь у нас, Лора, и с удовольствием время от времени исполняю твои желания. Итак, ты действительно хочешь отрезать волосы?

Лора не изменила свои намерения. Парикмахер, оглядев ее круглое лицо с толстыми щеками, попытался отговорить ее, но она настояла на своем. Он сделал ей стрижку с челкой и безуспешно попытался придать ее тонким волосам хоть немного пышности.

— У вас тонкие и мягкие волосы, как у младенца, — сказал парикмахер. — Скорее всего, у вас всегда будут с ними проблемы. Но с этим ничего не поделаешь.

Лора рассматривала себя в зеркале. Ее лицо стало казаться еще полнее, чем прежде. Но, как ни странно, она осталась довольна собой, заявив:

— Теперь я наконец больше не выгляжу как школьница.

В газетах больше не появлялась фотография Петера, и никто не вспоминал эту историю, но все понимали, что опасность не миновала. Петер не мог покидать ферму; он не мог также рисковать, чтобы отправиться в какую-нибудь деревню или город и поискать себе работу.

— Вас в любое время может кто-нибудь опознать, — предостерегла его Фрэнсис. — Да и даже если это не случится — как вы сможете жить и работать в Англии без документов? Вам надо еще на какое-то время остаться здесь.

— Это сводит меня с ума! — сказал он. — Я представляю собой постоянную опасность для вас.

— Не думайте об этом. Мы рады, что вы остаетесь у нас.

Это была правда: они уже не представляли своей жизни без него. Петер помогал чем только мог. Его обаяние взбадривало ее в мрачные дни. Свои собственные заботы он скрывал — и постоянно старался оставаться веселым. Только иногда Фрэнсис видела, что у него тяжело на сердце, — когда он сидел перед приемником и слушал новости о войне. В эти моменты его лицо вытягивалось и серело от волнения, а на лбу образовывались две поперечные складки, которые его заметно старили. Положение для Германии было сложным. Военные удачи первых лет закончились. Население страдало от бомбардировок союзников, ночами горели города, умирало много людей. На фронтах участились случаи отступления. В Сталинграде, крупном городе на Волге, целая группа армий вела отчаянные бои.

— Им надо было остановиться, — сказал Петер, — надо было бежать из Сталинграда! Но Гитлер будет по-прежнему кормить их своими лозунгами…

Теперь он часто критиковал фюрера. Однажды Фрэнсис слышала, как Штайн сказал Виктории:

— Я думаю, что в один прекрасный день он войдет в историю человечества как величайший преступник всех времен.

— Возможно… если он сейчас остановится…

— Он не остановится, Виктория. Такой человек, как Гитлер, — нет! Чем хуже будет ситуация, тем громче он будет орать об окончательной победе. Он скорее погубит целый народ, чем свернет со своего фанатичного пути.

— Вы думаете, что для Германии все закончится плохо?

Прошло некоторое время, прежде чем Петер ответил:

— Все закончится плохо. Я думаю, будет конец света.

— Как хорошо, что вы здесь в безопасности, — воскликнула Виктория.

Он вымученно рассмеялся.

— Ах, Виктория… Вы, вероятно, не понимаете, но это как раз то, что не дает мне спать по ночам. Моя мать и моя сестра там. Вы знаете, Германия сама развязала войну, и на нас лежит вина за это. И все-таки это *моя родина*. Моя страна, которая сейчас стоит на грани катастрофы. Я не могу этого забыть. А я сижу здесь… и ничего не делаю. *Ничего!*

Наступил декабрь. Петер становился все более удрученным. Его вежливость, его приветливость остались неизменными, но казалось, что ему все тяжелее делать веселое лицо. Он часто погружался в чтение книг, стоявших в гостиной, — в основном классики, — и, похоже, находил в этом определенное утешение. Два раза собирался уехать из Уэстхилла, намереваясь как-то пробираться во Францию, а оттуда — в Германию. Но четыре женщины так долго уговаривали его не делать этого, что он уступил им. Как намеревался он пересечь пролив? Пассажирские суда больше не ходили — из-за подводных лодок. Тогда как? На военном корабле? Без документов?

— И сразу забудьте о рыбацких шхунах, — предупредила его Фрэнсис. — На море сейчас зимние штормы. Если вас и не застрелят, то вы утонете.

Штайн понимал, что она права, но его беспокойство росло, и Фрэнсис было ясно, что она не сможет удержать его. В один прекрасный момент он не выдержит состояния бездействия — и рискнет своей жизнью. Его это устраивало больше, чем перспектива

дожидаться окончания войны на уединенной ферме в Северной Англии.

Наступало Рождество, и все решили сделать для него этот праздник особенно красивым. Петер рассказал им о традициях немецкого сочельника, которые в Англии, где раздача рождественских подарков происходила утром 25 декабря, не были так известны. Теперь они украсили маленькую елку, которую Штайн срубил 24 декабря, и Аделина приготовила праздничную еду — несмотря на карточную систему, которая и в сельской местности ощущалась все сильнее. Она припасла ингредиенты для огромного пудинга с изюмом — и, конечно, сделала индейку, несколько салатов и большое количество сладостей.

Петер был растроган.

— Вы не должны были пренебрегать вашими рождественскими традициями в пользу немецких обычаев! — сказал он.

— Вы, конечно, сегодня вечером вспоминаете о своих маме и сестре, — тихо сказала Виктория. — И мы хотели немного облегчить вам эти воспоминания.

Фрэнсис сначала предложила не слушать в этот вечер никаких новостей — но в конце концов все они столпились вокруг приемника. Диктор сообщил об отчаянном положении, в котором находилась Шестая армия Гитлера в Сталинграде, окруженная в разрушенном городе, обреченная на смерть от голода и холода. Гитлер отказался от капитуляции.

— Этим он убьет их, одного за другим, — сказал Петер с окаменевшим лицом.

Он не заметил, как пряди волос снова упали ему на лоб, — молодой и по-своему ранимый. Лора смотрела на него так восторженно, будто в его лице ей явился Святой Дух.

— Никто не оставит умирать целую армию, — возразила Фрэнсис, — никакой Гитлер!

Петер покачал головой:

— Он не пойдет на попятную. Он в неистовстве.

Свечи на елке мигали. Виктория вскочила со своего места.

— Сегодня я не хочу больше ничего слышать о войне! — воскликнула она. — И ничего больше о Гитлере! Давайте же наконец раздавать подарки.

За окном шел снег, в камине горел огонь. После того как замолчал голос из приемника, на дом опустился мир. Все дружно сидели и все вместе распаковывали подарки. Виктория подарила Петеру книгу.

— «Стихи Роберта Бёрнса», — прочел он. — Как замечательно. Спасибо, Виктория!

На младшей сестре было черное бархатное платье, по которому струились ее светлые, как жидкий мед, волосы. У нее были раскрасневшиеся щеки, и выглядела она молодой и расслабленной, какой уже давно не была.

— Это стихи о любви, — сказала она.

Петер улыбнулся.

— И вы написали прекрасное изречение на первой странице… Я действительно очень рад.

Фрэнсис вытянула шею, чтобы прочесть надпись, но на расстоянии ничего не смогла разобрать. Она недоверчиво посмотрела на сестру: неужели и та увлечена Петером?

Лора произвела фурор своим подарком. Она связала для Петера свитер, объемный, теплый, с воротником гольф, из шерсти темно-серого цвета. Все были ошеломлены, так как никто никогда не видел, чтобы Лора вязала.

— Когда же ты это делала? — спросила Фрэнсис.

— В основном ночами, — объяснила девушка, — тайно, в своей комнате.

— Мне еще никто никогда не вязал свитеров, — признался Петер, — а здесь вдруг моя спасительница делает мне такой подарок!.. Это потрясающе, Лора.

Он подошел к ней и нежно поцеловал ее в щеку. Лора побелела как мел и рухнула, потеряв сознание.

Сразу возник переполох. Все сгрудились вокруг Лоры, пытаясь привести ее в чувство. Наконец Петер поднял ее и положил на диван. Там Лора открыла глаза и растерянно огляделась.

— Что случилось? — спросила она.

— Мы тоже очень хотели бы это знать, — ответил Петер, озабоченно глядя на нее. — Вы неожиданно просто упали.

— О! — Лора села. Она еще была совершенно белая, ее руки дрожали. — Наверное, что-то с кровообращением…

— Петер тебя поцеловал, и ты сразу свалилась, — сказала Виктория, — как викторианская дева!

— Как лестно это было бы для меня! Не думаю, что она упала, потому что я ее поцеловал, — сказал Петер и задумчиво добавил: — Вы очень плохо выглядите, Лора. У вас всегда такие мешки под глазами?

Теперь все внимательно глядели на Лору. В конце концов та разразилась слезами.

— Я не знаю, почему плачу, — выдавила она. — Правда, не знаю!

— Девочка моя, ничего страшного в этом нет. Люди иногда плачут просто так, без причины. — Аделина села на край дивана, взяла Лору за руку и притянула ее к себе. Тут выражение ее лица резко изменилось.

— Ты ужасно похудела, Лора! — крикнула она испуганно и чуть отстранила девочку от себя.

— В самом деле? — спросила Фрэнсис.

На Лоре было одно из новых платьев, которые она купила ей в Норталлертоне, и они были того же свободного покроя, что и ее старые вещи. Лора выглядела такой же бесформенной, как и всегда. Но Фрэнсис отметила коричневые круги под ее глазами и то, что подбородок девушки заострился, а щеки стали не такими полными.

— Я это чувствую, — сказала Аделина, — она очень сильно похудела.

— Я толстая, — всхлипывала Лора, — я все еще толстая!

Пока все участливо смотрели на содрогающуюся от плача молодую девушку, в дверь громко застучали. Все вздрогнули.

— Кто это может быть? — растерянно прошептала Виктория.

— Петер, быстро наверх, — прошипела Фрэнсис. — Надеюсь, никто не смотрел в окно…

Петер молнией бросился вверх по лестнице. Аделина пошла открывать дверь.

— Мистер и миссис Ли! — воскликнула она. — Какой приятный сюрприз!

С раскрасневшимися от мороза щеками в комнату вошли Джон и Маргарита. Они были в пальто и шарфах, а на их волосах таяли снежинки.

— Я, честно говоря, сомневался в том, что мы сможем добраться сюда на машине, — сказал Джон, — но вся подъездная дорога прекрасно расчищена. У кого из вас так много сил?

«У Петера», — подумала Фрэнсис, но вслух сказала:

— Мы поработали все вместе.

Джон поцеловал ее в обе щеки. Его губы были холодными. Потом он повернулся к своей бывшей жене: «Виктория…» — И ее тоже поцеловал.

Виктория восприняла это на удивление спокойно. Она даже заставила себя протянуть руку Маргарите, которая, освободившись от пальто, продемонстрировала явно округлившийся живот.

«Боюсь, что Виктория будет следующей, кто свалится без чувств», — подумала Фрэнсис.

— Что вы здесь делаете? — спросил Джон, осмотрев комнату. — Вы уже зажгли свечи и распаковали подарки?

— Так делают в Германии, — объяснила Маргарита.

— Ну, я полагаю, что Фрэнсис не собирается вводить в Уэстхилле немецкие обычаи, — сказал Джон и засмеялся.

Остальные присоединились к его смеху, как будто он действительно весело пошутил; но у Фрэнсис возникло чувство, что каждый мог заметить, насколько они напряжены и неестественны.

Между тем Маргарита увидела Лору, которая, с красными глазами и мокрыми от слез щеками, сидела на диване.

— Что с тобой случилось? — крикнула она.

— Лора внезапно упала в обморок, — объяснила Фрэнсис. — Наверное, что-то с кровообращением.

— Неудивительно, — констатировала Маргарита. — Она ужасно похудела.

— Я сказала то же самое, — подтвердила Аделина.

— А я этого вообще не заметила, — призналась Фрэнсис с чувством вины.

— Обычно это сложно заметить, когда видишь человека каждый день, — сказала Маргарита, — но я не видела ее месяца три, и это очень бросилось в глаза.

И опять все взгляды устремились на Лору, которая сразу снова стала бороться со слезами.

— Что-то я ничего не понимаю, — сказала Фрэнсис. — Лора все время питалась абсолютно нормально. Потом она захотела похудеть и стала есть значительно меньше, чем раньше, но не до такой же степени, чтобы это показалось мне опасным…

Лора, закрыв лицо руками, снова зарыдала.

— Я боюсь, — тихо сказала Маргарита, — что у нее есть собственный метод освобождаться от еды.

— Какой?

Маргарита подошла к плачущей Лоре и мягко отвела ее руки от лица.

— Лора, это не то, чего ты должна стыдиться, — сказала она настойчиво, — но ты должна сказать правду. Ты вызываешь рвоту после еды, не так ли? Ты делаешь это, чтобы освободиться от съеденного?

— Не может быть! — воскликнула потрясенная Фрэнсис.

— Это болезнь. И случается она не так уж редко. — Маргарита взяла Лору за плечи и слегка потрясла ее. — Ведь это так, Лора? Ты так поступаешь?

Лора кивнула. Слезы водопадом полились из ее глаз.

— Я такая толстая, — плакала она, — такая отвратительно толстая!..

— Получается, что ее тело не усваивает нужное количество жизненно важных веществ, — объяснила Маргарита, — и это продолжается уже несколько месяцев. Неудивительно, что она падает в обморок.

Виктория истерически засмеялась.

— Боже мой, а мы уж подумали, это оттого, что…

Фрэнсис остро глянула на нее. Виктория, густо покраснев, успела остановиться в последний момент.

«Как была идиоткой, так ей и осталась», — разозлилась Фрэнсис.

— Что вы думали? — спросил Джон.

— Ничего, — ответила Фрэнсис, — ничего мы не думали.

Это прозвучало так резко, что он не решился задать следующий вопрос.

— Вы знаете, — сказала Маргарита, — кроме того, что мы хотели увидеть вас перед Рождеством, мы заехали еще и из-за Лоры. После нашего с Джоном… обручения я как-то резко прекратила занятия; но

считаю, что их необходимо возобновить. Лучше всего было бы, если б Лора смогла приходить ко мне в Дейлвью, так как я, — она провела рукой по животу, — скоро совсем не смогу передвигаться. А там мы будем одни и, кроме учебы, могли бы немного поговорить о твоих проблемах, Лора. Что ты скажешь?

Девушка, кивнув, засопела; потом вынула из кармана носовой платок.

— А вы, — сказала Маргарита, — получше следите за ней. Старайтесь поменьше оставлять ее одну. Она воспользуется любой возможностью, чтобы засунуть себе палец в глотку.

Все подавленно молчали. Наконец Фрэнсис взяла себя в руки.

— Извините, что-то мы совсем забыли о гостеприимстве. Вы приехали к нам, а мы до сих пор не угостили вас ничем, кроме своих проблем… Присаживайтесь. Хотите что-нибудь выпить?

— С удовольствием, — ответила Маргарита. — Но мы совсем ненадолго. У меня такое впечатление, что мы вам помешали… Похоже, что мы приехали в неподходящий момент.

Наступил 1943 год. В последние недели уходящего года в Англию через Атлантику перевозили все больше американских солдат, оружия, боеприпасов и военной техники. В то время люди еще не знали, что это начало операции «Оверлорд», запланированной высадки союзников в Нормандии.

В это время Фрэнсис пыталась игнорировать все, что было связано с войной. Нормирование продуктов питания становилось все более строгим, и повседневная жизнь требовала больше сил и хлопот. У нее не было времени заниматься чем-то еще, кроме самых обязательных вещей. Но она игнорировала не только войну, но и проблемы внутри семьи и намечающиеся сложности. Она была кормилицей; остальные полагались на плоды ее трудов.

Бóльшую часть времени Фрэнсис проводила в стойлах. Ночи напролет она просиживала возле жерёбой кобылы, которая могла потерять жеребенка. Она стала уставшей и раздраженной. В результате болезни передохло много овец. Все шло наперекосяк. Не хватало ей еще играть роль психотерапевта для близких…

Лора все худела, но Фрэнсис в известной степени переложила эту проблему на плечи Маргариты и утешалась тем, что та все приведет в порядок. Почти каждый день Лора ходила в Дейлвью, но Фрэнсис в

своих расчетах не учла, что та не может говорить с Маргаритой о причине своей анорексии — об отчаянной любви к Петеру, — поэтому француженка не знала истинной причины болезни. Фрэнсис не воспринимала эту «любовь» всерьез — обычное увлечение молодой девушки привлекательным молодым человеком. Всего лишь фаза в жизни Лоры, и больше ничего. Однажды это пройдет.

Фрэнсис упустила из виду, что у Лоры ничего не бывало «обычным». Душа девочки слишком пострадала, чтобы спокойно воспринимать жизнь и ее разочарования. Лора так и не смогла преодолеть травму, вызванную страхом бомбардировок; никогда не заживет и боль от потери матери. Она страдала от разлуки с Марджори, которой писала длинные письма, хотя та редко на них отвечала. Лора цеплялась за идею большой любви к Петеру с той же фанатичной страстью, с какой в свое время привязалась к Уэстхиллу.

Петер с любовью относился к Лоре и помнил, что обязан ей жизнью; но в его глазах она была ребенком, и он обращался с ней как старший брат со своей младшей сестрой. Своими лечебными голоданиями, новыми платьями и внезапно проснувшимся интересом к высокой литературе Лора изо всех сил старалась стать в его глазах взрослой женщиной. Все теперь для нее зависело от Петера и его любви к ней. Она была готова голодать из-за него хоть до самой смерти.

Виктория тем временем металась между эйфорией и летаргией. Она или сидела молча в углу, или впадала в экзальтированное веселье — и тогда начинала болтать без умолку, громко и резко смеяться, закидывая голову назад; при этом ее волосы развевались в разные стороны. Волосы, кстати, она теперь почти всегда оставляла распущенными, как это делают молодые девушки. Фрэнсис считала это глупостью, пусть даже соглашалась с тем, что Виктория все еще была привлекательной женщиной. Но она уже приближалась к пятидесяти, и Фрэнсис было неприятно наблюдать ее кокетство, ее хлопанье глазами, ее платья с вырезами. Витория вдруг стала носить одежду, которую годами не надевала: платья из шелка и кружев, которые в простом фермерском доме казались совершенно неуместными и которые она носила еще в те дни, когда безуспешно пыталась вернуть любовь Джона Ли.

«Немного достоинства, пожалуйста, — с отвращением думала Фрэнсис, — всего лишь немного достоинства!»

Но иногда… иногда Виктория была просто невыносима. Были моменты, когда Фрэнсис ощущала в ней что-то от прежней зависти, от прежнего соперничества. Если Виктория не перебарщивала и не выглядела рождественской елкой в серебряной мишуре, если из ее выреза буквально не вываливались груди и она не казалась вульгарной, — то она действительно была красивой. Тогда тонкие линии печали на ее лице делали ее интересной, а ее волосы шелестели как шелк. И острым взглядом ревнивого человека Фрэнсис тогда почувствовала, что Петер тоже отметил красоту Виктории и не остался к ней равнодушен. Часто он задерживал на ней свой взгляд дольше, чем требовалось, а выражение его лица явно говорило о том, что она ему желанна.

Фрэнсис чувствовала злобу, которая пугала ее саму. Она искала в себе причину такой бурной реакции, но не могла понять, кроется ли та в ее многолетней зависти к красоте Виктории или она сама была неравнодушна к Петеру. Уже целую вечность к ней не прикасался ни один мужчина. Но как только ее мысли заработали в этом направлении, Фрэнсис немедленно приказала им остановиться. Она не собирается вклиниваться третьей в это смехотворное соперничество между Викторией и Лорой. Не хватало еще, чтобы и восьмидесятилетняя Аделина вступила в борьбу… Может быть, все они тронулись рассудком?

В итоге Фрэнсис решила, что ее чувства проистекают из старой вражды между ней и Викторией; ни с каким другим вариантом она не согласится никогда.

Потом наступило 7 апреля 1943 года — ясный, теплый весенний день. Словно пышным желтым ковром, луга покрылись нарциссами, которые нежно покачивал легкий ветерок. Куда ни кинешь взгляд, повсюду овцы и ягнята. На небе ни единого облачка.

В середине дня домой вернулась взволнованная Лора, которая, как всегда, утром отправилась на занятия в Дейлвью. Она, должно быть, бежала всю дорогу, поскольку совсем запыхалась. Ее платье висело на ней словно огромный мешок, хотя Аделина уже дважды ушивала его.

Ничто, кажется, не могло остановить медленную смерть Лоры от голода. Ее глаза казались огромными на заострившемся лице.

— У Маргариты началось! — объявила она. — У нее будет младенец!

С этой новостью девушка ворвалась в гостиную, где вокруг радиоприемника собрались все домочадцы. В Африке у немцев сложилась серьезная ситуация. Союзникам, похоже, удалось взять в кольцо немецкие войска. Никто в комнате не комментировал хвалебные гимны, которые ведущий новостей пел британскому фельдмаршалу Монтгомери. Все смотрели на Петера, который казался очень напряженным.

— Ну наконец-то! — воскликнула Аделина, услышав новость Лоры. Рождение малыша Маргариты предполагалось в конце марта, то есть она переходила примерно десять дней. — Надеюсь, у нее все хорошо. Этой маленькой женщине будет непросто.

Виктория встала и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Все вздрогнули.

— Я думала, что она уже это пережила, — сказала Фрэнсис.

— Для нее сегодня будет тяжелый день, — предположила Аделина. — Некоторые вещи остаются навсегда.

Фрэнсис поднялась и выключила радио, из которого звучал национальный гимн.

— Аделина, нам надо заняться обедом. Лора, у тебя есть какие-нибудь пожелания? Что бы ты хотела на обед?

— Я ничего не хочу.

— Ты *должна* что-то съесть. Я начинаю злиться…

У Лоры дернулись уголки рта.

— Я не могу ничего есть. Я толстая!

— Посмотри на себя! Ты выглядишь полуголодной!

Снова полились слезы.

— Не вынуждайте меня, пожалуйста, Фрэнсис!

— Вот что я намерена делать, — жестко сказала Фрэнсис. — Жду еще ровно неделю. Потом поведу тебя к врачу, и он станет кормить тебя принудительно. Ты знаешь, как это происходит? Я очень хорошо с этим знакома, потому что со мной такое тоже проделывали; так что могу заверить тебя, что со мной не происходило ничего более страшного. Они положат тебя на спину и…

— Но это ничего не даст, — перебил ее Петер. — Они сделают ей только хуже.

Она со злостью посмотрела на него.

— Правда?.. А что я, на ваш взгляд, должна делать? Ждать, пока Лора в один прекрасный момент упадет замертво? Почему бы вам для разнообразия не предпринять что-нибудь? Ведь именно по вашей милости происходит вся эта драма!

— Фрэнсис! — одернула ее Аделина.

Петер был в недоумении.

— Что?

— Похоже, Петер, вы последний человек в доме, кто ничего не заметил! — Фрэнсис уже всерьез разозлилась. — Как вы, немцы, собственно говоря, собирались выиграть эту войну? Мечтами? Девочка голодает ради вас! Ради вас она пытается быть красивой, стройной и желанной. Она хочет…

Лора, издав вопль ужаса, выбежала из комнаты.

Петер побледнел.

— Вам надо было сказать мне об этом раньше, — упрекнул он Фрэнсис. — Но не так! Не при ней! Зачем вы выставляете ее на посмешище?

Он вышел вслед за Лорой; во второй раз хлопнула дверь.

— Это было действительно некрасиво, — сказала Аделина.

— Ах, не начинай!.. Пошли в кухню. Я уже сыта всеми этими проблемами.

Кроме Аделины и Фрэнсис, к обеду не появился никто. У обеих женщин не было аппетита, и они просто ковырялись в тарелках. Аделина решила воспользоваться хорошей погодой и навестить свою сестру, которая уже некоторое время хворала. Помыв посуду, она отправилась в путь. Фрэнсис, не испытывая желания заниматься какими-либо делами, села за кухонный стол с чашкой кофе, безучастно наблюдая за мухой, безостановочно жужжащей за оконным стеклом.

Наконец появился Петер. Он казался немного усталым.

— Вы были у Лоры? — спросила Фрэнсис. — Где она?

Он сел за стол напротив нее.

— В своей комнате. И, надеюсь, хоть сейчас перестанет плакать.

— Что вы ей сказали? Кстати, хотите кофе?

— Спасибо. Было бы неплохо. — Петер наблюдал, как она встала, взяла из шкафа вторую чашку и поставила перед ним.

— Что я должен был ей сказать? Сказал, что очень ее люблю. Что никогда не забуду, как она спасла мне жизнь. Сказал, что она очаровательная девушка, но должна наконец опять нормально есть, потому что иначе в какой-то момент уже ничто не будет напоминать в ней женщину. Я… — Он сделал отчаянное движение рукой. — Я так много говорил, но это было не то, что она хотела услышать.

— Пейте ваш кофе. И не думайте об этом.

Петер сделал пару глотков, потом поставил чашку и серьезно посмотрел на Фрэнсис.

— Я уеду из Уэстхилла. Прямо завтра.

— Почему? Из-за Лоры?

— Из-за всего. В том числе из-за нее. Но главным образом потому, что я уже слишком давно здесь и ставлю всех обитателей Уэстхилла в затруднительное и опасное положение. Если я попадусь, вы можете потерять все, что у вас есть. Вы не должны больше рисковать.

— Но вы не сможете добраться до Германии. Это безумие — то, что вы задумали. Оставайтесь! Вас никто здесь не найдет.

— Нет никаких гарантий. Я должен уехать. Пожалуйста, поймите это.

Фрэнсис увидела решимость в его глазах.

— Ах, Петер… — вздохнула она.

— Я должен вернуться к моей матери и к сестре. Они нуждаются во мне.

— Но они не нуждаются в мертвом сыне и брате. Вернетесь, когда закончится война.

Штайн покачал головой:

— Тогда будет слишком поздно. И для меня, и для моей семьи, и для вас. Для всех.

Заразившись его беспокойством, Фрэнсис поспешно сказала:

— Ну хорошо. Я не буду вас удерживать. Когда вы хотите ехать?

— Завтра утром, — ответил Петер.

Почему вдруг такая спешка? Штайн заторопился совершенно неожиданно. Месяцами он вынашивал эту идею, взвешивал все за и против и то и дело переносил сроки отъезда. Может быть, у него

возникли какие-то предчувствия? Может, ему показалось, что что-то должно произойти?

Около четырех зазвонил телефон. В тишине, заполнившей дом, его резкий звук напоминал сигнал тревоги. Фрэнсис сбежала вниз по лестнице, но когда она вошла в гостиную, Виктория уже сняла трубку.

— Виктория Ли. — Некоторое время она слушала, а потом хрипло сказала: — Спасибо за звонок.

Закончив разговор, она обернулась. Ее лицо было белым как стена.

— Виктория! — Фрэнсис подошла ближе. — Всё в порядке?

— В порядке? — Она рассмеялась — резко, неестественно. — Конечно, всё в порядке. В самом наилучшем! У них родился здоровый сын. У Джона и Маргариты. Разве это не чудесно? Его, скорее всего, назовут Фернан, в честь погибшего мужа Маргариты. — И снова засмеялась.

— Это звонил Джон?

— Да, конечно. Счастливая мать не может пока звонить, она должна сначала отдохнуть от испытаний… Роды — это ведь колоссальное напряжение, не так ли? Да, нам надо подумать, что мы подарим молодой семье к этому счастливому событию. Это должно быть что-то красивое, что-то действительно красивое!

— Виктория, — сказала Фрэнсис осторожно, — не сходи с ума. Мы уже несколько месяцев знаем, что у Маргариты будет ребенок. Ты не должна из-за этого терзаться.

— А я и не терзаюсь! Напротив, я рада за обоих! Ты разве не видишь, как я радуюсь?

— Виктория, прекрати! Я понимаю, что для тебя это тяжело. Но ты же пережила свадьбу Джона и Маргариты. Выдержи еще и это!

В глазах Виктории появился какой-то особый, резкий блеск.

— Если б у меня тогда родился ребенок, мы и сегодня были бы вместе, — сказала она.

— Послушай, но это ведь действительно смешно. Ваши проблемы не имеют к этому никакого отношения.

— Откуда ты можешь знать что-то о наших проблемах?

— Я знаю, по крайней мере, что ты из своей бездетности сделала трагедию такого масштаба, что никто не может это постичь. Все, что в твоей жизни идет не так, ты списываешь на то обстоятельство, что не

можешь иметь детей. Это абсурд! Когда-нибудь тебе придется увидеть вещи такими, какие они есть.

— Это всё?

— Я хочу лишь, чтобы ты…

— Можно я тогда пойду?

— Куда ты собралась?

— Я еще не знаю, представь себе! — прошипела Виктория и вылетела из комнаты.

«Она действительно совершенно спятила», — констатировала Фрэнсис.

Значит, у Джона и Маргариты родился здоровый сын… Она быстро отгородилась от того, что *сама* при этом ощущала. Вспомнился их последний разговор. «У нас, возможно, было бы сегодня пятеро детей». — «Мы были бы большой, шумной и счастливой семьей!»

Но они ею не стали. Этого и не должно было произойти. И это ничего не даст, если продолжать об этом думать.

Она пошла наверх и осторожно постучала в дверь комнаты Лоры.

— Лора?

Никакой реакции. Фрэнсис тихо открыла дверь. Лора спала, лежа нераздетой на своей постели. Рот чуть приоткрыт, на щеках следы высохших слез. Она выглядела как двенадцатилетняя девочка, заплаканная маленькая девочка.

«Какая же она несчастная, — подумала Фрэнсис, — какая несчастная и одинокая…»

И вышла из комнаты.

В шесть часов позвонила Аделина и сказала, что с ее сестрой очень плохо, так что она хотела бы остаться у нее на ночь и вернуться на следующий день утром.

Фрэнсис, разумеется, не возражала. Она пошла в кухню, чтобы приготовить ужин, но через некоторое время спросила себя, для кого, собственно говоря, собирается готовить. Был ли вообще кто-то, кто хотел есть? В доме стояла могильная тишина.

Фрэнсис опять поднялась наверх и заглянула в комнату Лоры. Та все еще спала, совершенно измученная печалью и голодом. Было ощущение, будто она вообще не шевелилась в последние часы.

Фрэнсис постучала в дверь комнаты Виктории, но и там стояла полная тишина. Она вошла. Сестры не было. Так же, как и Петера, в комнату которого Фрэнсис заглянула сразу после этого. Ей стало как-то не по себе, хотя она и уговаривала себя, что напрасно беспокоится. Опять спустилась вниз по лестнице, зашла в гостиную и столовую. Везде было пусто и тихо. Когда она открыла дверь кладовой, то увидела там лишь черную пустоту. Тем не менее крикнула: «Виктория? Петер?» Никто не ответил, и Фрэнсис насмешливо подумала о том, *что* эти двое могли делать здесь, внизу, в кромешной темноте.

Она опять отправилась в кухню, где на плите уже вовсю кипел овощной суп. Посмотрев в окно в сад, заметила, что дверь в небольшой сарай наполовину открыта. Возможно, кто-то просто забыл ее закрыть. Фрэнсис решила пойти и посмотреть.

Вечер был светлый и мягкий, окрашенный нежными серо-голубыми тонами. Трава в саду сильно разрослась, почти полностью затянув узкую дорожку, выложенную плиткой и ведущую от двери кухни к сараю. «Надо попросить Петера обкосить ее», — подумала Фрэнсис, и лишь в следующий момент вспомнила, что завтра его уже здесь не будет, так что придется ей косить самой. И сразу подумала: «Как пусто будет здесь без Петера!»

Она услышала голоса, еще не дойдя до сарая. Один был высоким и резким и принадлежал Виктории. Другой — тихим и успокаивающим. Это был Петер.

— Я ведь видела, как ты смотрел на меня все это время, — сказала Виктория. — Ты не спускал с меня глаз. Ты смотрел на мои ноги, и я чувствовала, как ты хочешь меня!

— Может быть, я действительно смотрел на твои ноги. У тебя очень красивые ноги, Виктория. Ты вообще красивая женщина. Любой мужчина с удовольствием будет смотреть на тебя.

— Ты заставил меня поверить в то, что что-то чувствуешь ко мне!

— Я никогда не говорил ничего подобного.

— Но я это заметила!

— Ах, Виктория, ты себе все это внушила. Если ты имеешь в виду тот вечер…

— В октябре. Я имею в виду его.

— Извини, если подошел к тебе слишком близко.

— Ты меня поцеловал. И, видит бог, не так, как брат целует сестру!

— Ты об этом просила, и это произошло. В дальнейшем я старался исправить впечатление, которое, возможно, возникло из-за этого.

Виктория рассмеялась. Это был такой же резкий смех, как и днем, когда она отреагировала на новость о рождении маленького Фернана.

— Как же вычурно ты опять высказался! «Постарался исправить впечатление…» В то время как вечер за вечером ты буквально раздевал меня своими взглядами, не так ли?

— Нет, я этого не делал.

— Конечно, делал! Не разыгрывай здесь святую простоту. Ты смотрел на меня и при этом думал: «Как хорошо было бы завести небольшую интрижку с Викторией! Как было бы хорошо опять как следует развлечься с женщиной!»

Фрэнсис, стоя на улице, затаила дыхание. Чопорная Виктория! Подобные выражения ей совсем не подходили, выдавая степень ее потрясения.

— Что ты хочешь от меня, Виктория? — спросил Петер. Его голос звучал очень мягко — очевидно, он старался смягчить ситуацию.

— Что я хочу? Я хочу спросить тебя: что за подлую игру ты затеял со мной? Сначала ты меня целуешь, целуешь страстно и дико, потом каждый вечер смотришь на меня так, будто больше всего хочешь накинуться на меня, и…

— Виктория, ты…

— …и потом вдруг кого-то замечаешь! Да, ты замечаешь жирную, отвратительную Лору, которая вдруг сразу перестает быть жирной. Как смотрит она на тебя своими сияющими влюбленными коровьими глазами! Как восхищается каждой банальностью, сказанной тобою! Как начинает вилять своей толстой задницей, когда проходит мимо тебя…

— Она никогда этого не делала!

— А ты думаешь про себя: «Ага, вот еще одна кандидатка! Она, правда, не так хороша, как Виктория, но зато чертовски молода! Всего-то шестнадцать лет…» Молодая невинная девочка, которая практически каждую минуту отчетливо дает тебе понять, что всегда готова раздвинуть для тебя ноги.

— Боже мой, Виктория! — пробормотала шокированная Фрэнсис.

— Продолжай в том же духе, — спокойно сказал Петер.

— Тебя это возбуждало, согласись же! Тебя, черт возьми, возбуждало уложить ее где-нибудь и доказать ей, что ты такой потрясающий мужчина!

— Понятно. И почему же тогда я этого не сделал?

— Потому что ты знал, что Фрэнсис вцепится тебе в лицо всеми десятью пальцами, если узнает об этом! Зачем тебе это, Петер? Ты ведь ужасный трус! Ты не осмелишься на самом деле претворить в жизнь свои грязные фантазии!

— Надеюсь, на этом всё?

Его хладнокровие вывело Викторию из себя.

— Признайся! — прошипела она. — Я хочу, чтобы ты признался!

— Не признаюсь, потому что это не так. Но я не хочу больше с тобой об этом спорить. Думай обо мне что хочешь. Может быть, тогда мы сможем закончить разговор.

— Ты останешься здесь!

— Дай мне пройти, Виктория. Я должен идти.

— Добровольно я тебя не пропущу. Но ты ведь можешь меня убить. Вы, немцы, этим печально известны!

— Ты можешь оставить попытки спровоцировать меня, Виктория. Тебе это не удастся.

Фрэнсис тихо подошла ближе. Дверь была приоткрыта таким образом, что защищала ее от взглядов из сарая.

— Ты и представить не можешь, как я мечтаю о том, чтобы мне кто-то помог… — Ее голос был тихим и вымученным. — Моя жизнь такая серая и беспросветная! Как я ненавижу этот дом! Эту проклятую ферму… Эту убогую землю… Неужели мне суждено умереть здесь?

— Виктория, я думаю, тебе сегодня плохо, потому что…

— Потому что? Говори же! Потому что мой бывший муж стал отцом? Потому что его новая жена дала ему то, что не смогла дать я?

— Прекрати же, наконец, из-за этого швырять в саму себя камни! Ты должна, в конце концов, с этим смириться. Ты должна. Иначе просто когда-нибудь потеряешь рассудок!

— Мне нужна помощь, Петер. Если ты…

— Я не могу стать для тебя тем, кого ты ждешь. Извини.

— Почему не можешь?

— Потому что… — Он казался беспомощным и растерянным. — Может быть, просто потому, что сейчас не то время.

— Потому что война?

— Война… Это ад, бушующий где-то далеко! Виктория, ты вообще не имеешь никакого представления о том, что там творится и как мало вы здесь об этом знаете. Ты не знаешь ничего, совсем ничего! Ты жалуешься на то, что бензин нормирован и ты больше не можешь ездить повсюду, и что каждый день на обед вы едите баранину, потому что другого мяса нет, и что вообще все стало значительно сложнее — из этого складывается твое представление о войне. Время от времени — пара равнодушных сообщений по радио о погибших солдатах и затопленных кораблях. Но ты не представляешь, что все это означает на самом деле.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу этим сказать, что как минимум в данный момент не могу думать о том, чтобы иметь какие-то отношения с женщиной. Для этого я несвободен. У меня в голове вертятся совсем иные мысли.

«Я должна уйти, — подумала Фрэнсис, ощущая неловкость, — все это не предназначено для моих ушей».

Прошло несколько секунд, и Виктория сказала — очень мягко:

— Забудь об этом. Хотя бы ненадолго. Забудь войну и весь этот ужас. Забудь, что ты немец, а я англичанка. Просто дай нам немного времени. Немного жизни.

— У меня нет времени, Виктория. Я уже сообщил Фрэнсис, что завтра уеду из Уэстхилла.

— Что?!

— Я попытаюсь пробраться домой. Каким-то образом у меня это должно получиться.

Опять молчание.

— Это безумие, — наконец сказала Виктория.

В первый раз за все время, что Фрэнсис стояла на улице и слушала, она согласилась со своей сестрой. «Скажи ему это, Виктория», — просила она про себя.

— Безумие это или нет, но я должен попытаться. Просто не могу больше сидеть здесь сложа руки. И так слишком долго колебался.

— У тебя ничего не получится. Ты погибнешь!

— Шанс выжить есть всегда. Для меня лучше воспользоваться этим шансом, каким бы ничтожным он ни был, чем постепенно терять самоуважение. Может быть, ты меня немного понимаешь…

— Я не понимаю, как можно бросаться в открытое море.

— Мне жаль, Виктория, но я не изменю свое решение.

— Почему я для тебя так мало значу? У тебя в Германии есть другая женщина?

Петер вздохнул.

— Есть две женщины: моя мама и моя сестра. Сейчас они единственные, кто меня волнует.

— Но… этого не может быть! Мама и сестра? Ты ведь мужчина! Твои мама и сестра не могут дать тебе то, что могу дать я. Почему же ты не хочешь? Я так мало значу для тебя? Я…

— Виктория…

— Ты считаешь, что я настоящая крестьянка, да? Понимаю. Тебе все здесь кажется ужасным. Только овцы, да лошади, да одиночество… но я тоже это ненавижу, поверь мне. Я не такая, как ты думаешь. Я тоже не всегда жила здесь. Мы с Джоном обитали в великолепном доме в Лондоне — когда он был депутатом нижней палаты. Мы устраивали торжественные обеды, а время от времени — балы. У нас бывал премьер-министр. Нашими гостями были влиятельнейшие политики. Я…

— Виктория, к чему ты все это мне рассказываешь? Что хочешь мне доказать? Что ты непростая и искушенная женщина? Я и так это знаю. Вероятно, я даже имею о тебе более верное представление, чем ты сама. Я никогда не считал тебя крестьянкой. И нахожу этот уголок Англии очаровательным; он представляется мне тихим островком в штормовом океане. Я только думаю, что, живя здесь, ты вряд ли можешь представить себе, насколько страшна на самом деле эта война. И поэтому тебе трудно представить, почему я хочу вернуться домой.

Виктория ничего не ответила. В тишине раздавалось щебетание птиц и блеяние овец, пасшихся по ту сторону сада. Фрэнсис раздумывала, не стоит ли ей обозначить свое присутствие кашлем и сделать вид, будто она идет сюда от дома, — но в этот момент Виктория сделала следующий шаг.

— Ты хочешь любить меня? Сейчас?

Это прозвучало так, будто что-то клянчит ребенок. Фрэнсис буквально видела, как мучительно изменилось лицо Петера.

— Виктория, что это значит? Зачем?

— Мне это необходимо… Боже, Петер, мне это просто необходимо! Мне нужно, чтобы мужчина касался меня, добивался меня. Я… — Она разразилась слезами. — Я чувствую себя такой ненужной, — всхлипывала она, — такой униженной… Она родила ребенка! Она получила моего мужа… О, Петер, пожалуйста, я опять хочу почувствовать себя женщиной! Верни же мне это чувство… быть молодой и красивой…

— Это не имеет никакого смысла.

— Я вынесла это только ради тебя, Петер. Страшные месяцы после их женитьбы, после того, как я узнала, что она беременна… Ты был здесь, ты смотрел на меня… И я не чувствовала себя больше такой маленькой, такой слабой, такой неудачливой…

«Обнимет ли он ее?» — размышляла Фрэнсис.

— Но я не тот, кто может тебе помочь! — Петер говорил мягким, успокаивающим голосом, как отец или старший брат. — Никто не может отобрать у тебя твое достоинство, никто не может оскорбить тебя. Не внушай себе это.

— Я хочу тебя, Петер. Сейчас. Здесь. На полу этого убогого сарая. Давай же! — Виктория тяжело дышала, ее голос охрип. — Раздевайся! Возьми меня. Здесь! Ты чувствуешь, как…

— Нет! — Впервые он, казалось, впал в ярость. — Нет, Виктория! Прекрати! То, что ты сейчас делаешь, действительно унижает тебя. Тебе не нужно умолять мужчину, чтобы он спал с тобой, не делай этого!

— Петер…

— Нет! Я этого не хочу!

Голос Виктории, прерываемый слезами, но одновременно манящий и соблазнительный, внезапно изменился. Он стал резким и крикливым, как у рыночной торговки.

— Черт возьми, Петер, какая же ты свинья! — закричала она. — Ты мерзкий, маленький немецкий негодяй! Ты строишь женщине глазки, а когда она проявляет к тебе какие-то чувства, отталкиваешь ее! И ты прекрасно себя при этом чувствуешь. Как настоящий потрясающий парень, за которым бегают все женщины… Какой ты

все-таки жалкий! Я ненавижу тебя навсегда, на всю свою оставшуюся жизнь!

На последних словах ее голос сорвался. Вслед за этим Виктория выскочила из сарая, белая как мел, заливаясь слезами, — и почти столкнулась с Фрэнсис, которая не успела сразу скрыться.

— Что ты тут делаешь? — закричала она. — Почему, черт подери, ты стоишь здесь?

— Еда сейчас будет готова, — ответила Фрэнсис.

Из сарая вышел Петер. Он также был бледен и казался совершенно измученным.

Виктория бегала вокруг как рассерженная кошка. Потом она указала на Петера:

— Он хотел меня изнасиловать! Здесь, в сарае, только что! Ему это почти удалось. Мне едва удалось вырваться!

Петер ничего не сказал.

— К сожалению, я кое-что слышала, Виктория, — ответила Фрэнсис, — поэтому оставь свои лживые истории.

— Но я говорю правду!

Петер молча прошел мимо них и исчез в доме.

— И ты не хочешь привлечь его к ответственности? — кричала Виктория своей сестре. — Позволишь остаться безнаказанным?

— Я не собираюсь играть с тобой в твои игры. Мне жаль, что я слышала слишком много. Мне не хотелось стать свидетелем этого недостойного театрального представления. Ты вела себя невыносимо. Я еще никогда не встречала женщину, у которой было бы так мало гордости и достоинства. Как ты могла настолько потерять самообладание?

Виктория, взвизгнув, попробовала вцепиться в лицо Фрэнсис. Она впала в безумие, жестоко униженная и рассвирепевшая, как раненый зверь. Фрэнсис в последний момент удалось схватить Викторию за руки и вывернуть их назад.

— Ты потеряла рассудок, — крикнула она. — Приди, наконец, в себя! — Про себя же растерянно подумала, что они борются друг с другом, как школьницы, хотя обеим уже за пятьдесят…

Это показалось ей настолько нелепым, что Фрэнсис готова была отпустить Викторию, но она не знала, что еще может выкинуть ее сестра. Она лишь надеялась, что Лора не проснется именно сейчас и

не выйдет в сад; она была бы шокирована, увидев двух сцепившихся в схватке зрелых женщин…

В конце концов Виктории удалось освободиться. Она уже выглядела совершенно иначе — бледное лицо, обескровленные губы, растрепанные волосы, падающие на лоб. Она была опасна. С ней нельзя было говорить, она просто ничего не слышала.

— Ты крыса, — тихо сказала Виктория. — Мерзкая, ревнивая, завистливая маленькая крыса!

Было так странно, что она внезапно перестала кричать… Теплый весенний вечер, казалось, мгновенно утерял тепло и мягкость. Из травы поднимался холод. Фрэнсис знобило.

— Крыса? — повторила она вопросительно, словно у нее были проблемы со слухом.

— Тебе всегда доставляло удовольствие меня унижать. — Виктория говорила все так же тихо. — Потому что у меня есть то, чего нет у тебя. Петер меня поцеловал. Он был очень страстным. Я разбудила в нем то, что ты не смогла разбудить ни в одном мужчине.

Фрэнсис почувствовала легкое головокружение.

— Пойду в дом, — сказала она. — Не хочу это слышать.

Виктория не спеша последовала за ней.

— Но речь ведь идет вовсе не о Петере, я права?

— Я тебя больше не слушаю, Виктория!

Фрэнсис вошла в кухню. На плите подгорал суп. Не обратив на это никакого внимания, она пересекла помещение и вышла в коридор. Виктория шла за ней по пятам тихой, злой тенью.

— Что тебя травит, Фрэнсис, что тебя травило все эти годы, так это мысль о Джоне. Поэтому ты теперь не можешь простить мне и Петера.

«Как ей это только пришло в голову? — спрашивала себя Фрэнсис. — Она полная психопатка».

— Потому что тебе во второй раз приходится увидеть, как я получаю то, что ты не можешь получить.

— Не говори чепуху. — Фрэнсис заглянула в столовую, в гостиную, надеясь найти там Петера. Куда он делся? Может быть, сломя голову умчался из Уэстхилла?

— Ты так и не пришла в себя после того, как я его у тебя увела. Тебе до сих пор снятся кошмарные сны. Ты все еще видишь меня в

белом платье невесты. А рядом — его. И он мне улыбается.

Головокружение усилилось.

— Прекрати, Виктория! Я советую тебе, прекрати! — Фрэнсис медленно поднялась по лестнице.

— Для тебя это было так тяжело… Вскрылась старая рана. Отец любил меня больше, чем тебя. И потом еще Джон… Тебя это свело с ума, Фрэнсис, тогда, в ту ночь. Ты не спала ни одной секунды, не так ли? Ты все время думала о том, чем мы с ним занимаемся… Как он гладит мое тело, играет с моими волосами… Ты представляла себе, как его руки обхватывают мои груди…

Прошло столько времени… Целая жизнь!

Яд медленно распространялся в ней, постепенно проникая в каждый уголок ее тела. То превосходство, которое она ощущала в саду по отношению к визжащей Виктории, исчезло. Почему же у нее так кружится голова? Это делало ее слабой перед тихой, но разъяренной сестрой.

— Иногда я спрашиваю себя, как ты жила все эти годы, зная, что мы живем вместе. Говорим. Смеемся. Что каждую ночь он приходит в мою постель…

— Петер! — крикнула Фрэнсис.

Хорошо, что ее голос звучит еще так сильно… Но никто не ответил. Она заглянула во все комнаты и в последнюю очередь — в его. Петера нигде не было. Но перед его кроватью стояла пара туфель. Это были старые туфли Джорджа, которые ему дала Фрэнсис.

— Он был очень нежным, — сказала Виктория.

Ее глаза светились. Она говорила так мягко, будто в ее словах был мед, а не яд.

Фрэнсис распахнула дверь платяного шкафа. Вещи, которые он носил — также принадлежавшие Джорджу, — все еще висели в шкафу, но их он и так не взял бы с собой. Она открыла вторую дверцу шкафа. Несколько рубашек и пуловеров лежали тщательно сложенные на полках. Говорило ли это о том, что он должен вернуться?

— Мне кажется, именно его руки я любила больше всего, — сказала Виктория. — С самого начала это были руки, которые меня…

В один миг головокружение прекратилось. Было ощущение, что прорвалась пелена, загораживающая и защищавшая ее. Наступила реальность — пронзительная и беспощадная. Мягкий голос Виктории,

ее слова были как нож, который вонзили в рану и с наслаждением в ней провернули.

Внутренний голос предостерегал Фрэнсис. Предостерегал, чтобы она не поддавалась на провокации и была осторожна. «Виктория рассчитывает на то, что ты потеряешь самообладание. Не наделай глупостей!»

— Бог мой, Виктория, — сказала она равнодушным и как бы скучающим голосом. — Это действительно странно, что кто-то столько лет мог оставаться таким слепым! Но такое случается, если ты непременно хочешь быть слепым. Существуют вещи, которые не любят замечать.

На лицо Виктории легла тень неуверенности. Ее улыбка словно замерзла.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

Фрэнсис пожала плечами:

— Я хочу этим сказать, что ты попросту теряешь время, рассказывая мне о способностях Джона как любовника. Это излишне.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Не понимаю, — сказала Виктория.

Фрэнсис коротко рассмеялась.

— Думаю, прекрасно понимаешь.

Глаза сестры сузились.

— Может, изъяснишься более четко?

— Насколько четко? Хочешь точно знать, когда мы встречались? Где? И чем занимались?

Черты лица Виктории расслабились.

— Ты лжешь, — сказала она холодно. — Хочешь позлить меня и выдумываешь нелепые истории. Не верю ни одному твоему слову.

— Тогда просто оставим это.

Фрэнсис повернулась и хотела уже закрыть дверцы шкафа. Петер, конечно, вернется. И его разозлит, если он узнает, что она копалась в его шкафу…

Под одним из пуловеров Фрэнсис увидела пистолет — и в первый момент растерянно смотрела на него. Почему он лежит здесь? Она же спрятала его в свой комод, глубоко закопав в белье. Только один человек мог принести пистолет сюда — и это был Петер. Он захотел вернуть свое оружие. Где-то она могла это понять, но, с другой

стороны, ее это разочаровало. Он, должно быть, его искал… Мысль о том, что Петер обшаривал ее комнату, вызвала в ней злость. «Он мог бы спросить», — подумала она.

— Джон никогда не стал бы встречаться с такой, как ты, — презрительно сказала Виктория. — Я помню, как он злился, когда ты связалась с суфражетками и попала в тюрьму. Ему было просто стыдно за тебя!

— Ты можешь думать что хочешь.

«Поставь здесь точку, — опять предостерегал ее внутренний голос. — Она не верит тебе — и прекрасно! Будь довольна и оставь все как есть».

— Кстати, — продолжила она, — вспомни Марджори. И что она сказала обо мне и Джоне.

На лице Виктории отражались противоречивые чувства и подозрения, которые быстро сменяли друг друга.

— Марджори?

— В прошлом году. В августе. Ты вряд ли могла забыть тот вечер. Она застала Джона и меня в кухне — и, конечно, раструбила всем, что слышала.

— Ты сказала…

— Я не хотела ссориться. Факт заключается в том, — Фрэнсис повернулась и посмотрела на сестру, — что более двадцати лет у нас были отношения.

Виктория стала бледнее, чем раньше.

— С каких пор? — прошептала она.

— С шестнадцатого года. Это началось во Франции. В деревне на Атлантическом океане. Он там поправлялся, и я…

— Неправда.

— Хочешь верь, хочешь нет.

Из горла Виктории донесся клокочущий звук, она зажала рукой рот; казалось, у нее сейчас начнется рвота. Закрыв глаза, она боролась со своим организмом. Когда же опять открыла глаза, в них стояла неприкрытая ненависть.

— Я сейчас пойду, — сказала она спокойно, — и подам заявление в полицию. Я сообщу, что мы более полугода прятали у себя немецкого шпиона, который, кроме того, совершил убийство.

— Ты этого не сделаешь, — ответила Фрэнсис, — не отправишь Петера на верную смерть.

— Ошибаешься. — Она направилась к двери.

— Ты же соучастница, Виктория! Не делай глупостей. Они арестуют тебя точно так же, как и нас.

Она улыбнулась.

— Мне нечего терять.

— Собственную свободу.

— Она ничего не значит для меня. — Виктория покачала головой и стремительно вышла из комнаты.

Мысли лихорадочно крутились в голове у Фрэнсис. Неужели она действительно пойдет в полицию? Петер мог вернуться — и угодить прямо в руки полицейских. Теперь было понятно, что он ушел не совсем, ведь остался его пистолет, и…

Пистолет! Фрэнсис подбежала к шкафу, схватила оружие и выскочила из комнаты. Виктория как раз спускалась вниз по лестнице, двигаясь как сомнамбула.

— Не делай глупостей, Виктория! — крикнула Фрэнсис, перегнувшись через перила. Виктория молча продолжала спускаться.

«Неужели она всех нас погубит?» — растерянно подумала Фрэнсис и помчалась вслед за сестрой вниз по лестнице, выкрикивая ее имя.

Казалось, что та вообще ничего не слышит. Наконец Фрэнсис настигла ее и схватила за руку.

— Виктория! Разрушив жизнь каждого из нас, ты не изменишь ничего в том, что случилось! Ровным счетом ничего!

Сестра отмахнулась от нее как от навязчивого насекомого.

Неожиданно Фрэнсис поняла, что Виктория действительно сделает это. Она пойдет в полицию. Это было видно по ее уверенной походке, по тому, как она держала плечи, по неестественной неподвижности затылка, по болезненному блеску в глазах. Этот день нанес ей смертельный удар — на свет появился ребенок Джона, Петер отверг ее, Фрэнсис призналась в том, что у нее с Джоном были отношения. Ей было все равно, что случится. Она не боялась попасть в тюрьму. Она не боялась потерять Уэстхилл. Внутренне сломленная, она направлялась к входной двери.

Фрэнсис стояла у лестницы.

— Виктория, я предупреждаю тебя в последний раз, остановись! Немедленно!

Сестра открыла дверь…

Мой выстрел не был умышленным. Не думаю, что я имела в голове конкретную цель, когда перед тем вынула пистолет из шкафа Петера. Я чувствовала себя как животное, у которого сработал инстинкт самосохранения, когда доминирует только голый страх за свое существование. Ничто во мне не хотело в это мгновение убивать Викторию. Я не ощущала никакого удовлетворения. Несмотря на всю свою ненависть, ревность и зависть к ней, когда я стояла в сумеречном свете прихожей и стреляла, во мне не было ничего из этих давних злых и разрушительных чувств. Где была зависть к моей сестре, зародившаяся в тот давно минувший день, когда наш отец дал ей имя королевы? Она превратилась в ничто. Я не знала больше, что такое зависть. Ревность ушла — и впервые в моей жизни больше не ухмылялась мне. Все исчезло, как будто через меня прошла приливная волна, забравшая с собой весь балласт и освободившая меня.

Во мне оставалась единственная мысль: не отправлюсь в тюрьму. Аделина и Лора тоже. Не допущу, чтобы повесили Петера. И не отдам Уэстхилл. Ни за что на свете! Это единственное, что у меня есть, и я скорее убью, чем отдам.

Пуля попала ей в спину. Она упала на колени и на пару секунд замерла. Было ощущение, что она стоит на коленях в церкви и молится. И только потом стала медленно падать вперед, а поскольку перед этим она уже открыла дверь, ее голова оказалась на ступенях, ведущих во двор, в то время как тело лежало в коридоре. Оно чуть подергивалось. В эти секунды она умирала.

Я в упор смотрела на нее, спрашивая себя, почему ее ноги так покорежены. На икрах обнаружилось варикозное расширение вен, еще не откровенно выраженное, но очевидное. Раньше я этого не замечала. Но ее фигура оставалась такой же нежной и стройной, какой была всегда. На Виктории было красивое платье. Волосы струились вокруг головы, словно золотой поток, спадающий на каменную плитку.

Крови не было, ни единого следа крови. Только темное пятно на спине, куда угодила пуля, но ни на полу, ни на стенах не было ничего.

Пистолет выпал из моих рук на пол. Я подумала: что теперь с этим делать, что? Я имела в виду труп сестры.

Труп моей сестры…

Прежде чем мои колени обмякли и я упала, послышался какой-то шум наверху. Я медленно повернула голову.

Лора перегнулась через перила. Никогда я не забуду ужас в ее глазах и ее открытый рот, исторгавший немой крик.

Суббота, 28 декабря 1996 года

Барбара пристально смотрела в окно, не видя там ничего, кроме темноты. Свет в комнате она погасила и поэтому не могла видеть свое отражение. Только когда наконец встала и вплотную подошла к окну, увидела пелену снега, который ярко блестел, освещаемый светом, падавшим из всех комнат. Оказывается, за это время снегопад прекратился, и стояла мирная и тихая ночь.

Но ведь еще вовсе не ночь, поправила себя Барбара и посмотрела на часы. Всего лишь без четверти семь. Время ужина. О господи! Только не думать о еде!

Барбара была шокирована и сбита с толку. Ее словно ударили молотком, когда она прочла о смерти Виктории — о ее *казни*, как она подумала в первый момент, поскольку для нее это выглядело как описание экзекуции.

Обо всем, что происходило потом, она прочитала по диагонали: как Фрэнсис с Лорой протащили труп через двор к гаражу и потом тряпками с водой смыли кровавый след. Как потом наконец вернулся Петер и с неподдельным ужасом выслушал, что произошло. Он помог обеим женщинам закопать тело Виктории в Уайтасайд-Мур, где-то недалеко от Старых шахт. Стояла светлая теплая ночь, и они обошлись без фонарей. Чтобы отвезти тело в машине, его пришлось завернуть в одеяло.

Тогда, в 1943 году, все можно было проделать запросто, по-дилетантски. Сегодня, подумала Барбара, проводилось бы целое расследование, если б кто-то бесследно исчез. И, конечно, в машине обнаружили бы какие-нибудь волокна и волосы, да и в гараже, где тело лежало целый вечер, — тоже. Но в то время не существовало никаких современных методов в обеспечении сохранности следов. И, кроме того, не проводилось абсолютно никакого расследования. Как там сказала Синтия? «У нас в конечном счете было много других забот. Например, война… И в один прекрасный момент эту историю забыли».

Прошло всего несколько часов с тех пор, как Барбара разговаривала об этом с Синтией. Но теперь она знала тайну, в

существование которой едва могла поверить.

Виктория никуда не уехала. Она была убита. Апрельским вечером 1943 года, здесь, в этом доме, в этом оторванном от мира месте, в котором человек мог быть застрелен, и при этом никто этого не заметил.

Они сожгли массу белья и платьев Виктории, поскольку в ту же ночь выработали совместную версию о том, что Виктория собралась и уехала, взяв с собой чемодан с самым необходимым. В тот день, когда родился сын Джона… Каждому было известно, как страдала Виктория от своей бездетности.

О преступлении знали лишь три человека.

— Фрэнсис, Лора и Петер, — бормотала Барбара в темноту. — Петер неделю спустя уехал в Германию. И больше они о нем никогда ничего не слышали.

«Ни одной открытки, ни одного телефонного звонка, ничего, — написала Фрэнсис. — Многое говорило о том, что он не добрался до дома живым».

Фрэнсис и сама ушла из жизни. Она излила свою душу — и после этого умерла. Барбара вспомнила последние фразы из ее воспоминаний:

«Я часто думаю о Виктории, которая лежит там, в болоте. Всегда, когда приходит весна, когда все вокруг становится желтым от великолепных нарциссов, когда луга заполняются молодыми овцами, я спрашиваю себя, было ли это необходимо. Возможно, существовал и другой путь. Тогда я решила, что Викторию невозможно остановить по-другому. Но, может быть, где-то в глубине души я и не хотела думать иначе.

Петер забыл здесь книгу, которую ему подарила Виктория в тот рождественский вечер 1942 года. Он поблагодарил ее тогда за посвящение, которое она написала ему на первой странице. Теперь я его прочитала. Это были строки из стихов Джорджа Огастеса Мура:

В сердце каждого человека есть озеро…
И он слушает его монотонный шепот,
С каждым годом все внимательнее,
Пока, наконец, силы не покинут его.

Загадочная Виктория! Если это стихотворение было ей так близко, что она написала его мужчине, так много значившему для нее — значившему, собственно говоря, спасение от внутреннего одиночества, — выходит, было в ней что-то, о чем я ничего не знала.

Но разве нет этого в каждом человеке? Чего-то, о чем никто не знает и что, может быть, проявляется только в тот момент, когда обнажается его суть… В минуты великой печали. Отчаяния. Тоски. Или в минуты любви.

Я пытаюсь думать о моей сестре с любовью. Иногда мне это удается».

Была еще одна свидетельница преступления. Лора. Боязливая, старая, робкая Лора.

Не свидетельница, поправила себя Барбара. Ее могли бы даже обвинить в соучастии. Она помогала захоранивать труп и заметать следы. С другой стороны, ей было тогда шестнадцать лет, она была еще психически неустойчивой…

В голове Барбара уже начала составлять заявление в полицию, но потом бросила. Об этом не может быть и речи. Лора не может быть предана суду. По прошествии пятидесяти лет это было бы абсурдным решением. Эта престарелая, простодушная женщина — и… убийство!

По крайней мере, Фрэнсис щедро с ней расплатилась, передав ей в наследство все свое состояние. Хотя, с другой стороны, кому еще она могла это завещать?

Барбара отвернулась от окна и снова включила свет. Ей вдруг стало тревожно на душе, и ее это разозлило. Только потому, что она теперь знала, что более полувека тому назад в этом доме была застрелена женщина — и то *почти* в целях самообороны… Впрочем, она могла себе представить, как нахмурились бы судья и прокурор, если б она представила этот случай как самооборону. С точки зрения уголовного права такое очень сомнительно. Барбара рассмеялась — и тут же испугалась истеричности своего смеха.

Ральф, подумала она.

Ей не хотелось оставаться одной в этом большом доме, отрезанном от внешнего мира, в этом полном уединении. Барбара опустилась на колени перед камином, собрала разбросанные вокруг листы и аккуратно сложила их в стопку.

«Ну, и чего ты боишься? — насмешливо спрашивала она себя. — Что дух Виктории встанет из болота и явится сюда, чтобы немного побродить в виде призрака?»

Встав, Барбара вышла из комнаты, чтобы пройти в кухню. Идя по коридору, она почувствовала озноб, от которого все волоски на ее теле выпрямились. Причиной был ледяной воздух, проникавший через щели старой входной двери. Откуда еще он мог попадать в помещение?

Она повернула голову. Там, внизу, у лестницы стояла Фрэнсис. Здесь, впереди, прямо перед открытой дверью — Виктория. Наверху — она подняла голову — перегнулась через перила бледная от страха Лора.

— Прошло больше пятидесяти трех лет, — произнесла Барбара вслух.

Она пошла в кухню и поставила воду для чая. Потом подумала, что чай — это последнее, что ей сейчас нужно, и выключила плиту. Взяла с полки бутылку бренди и сделала большой глоток. Потом второй. Алкоголь обжег, как огнем, ее голодный желудок. Пару секунд Барбара думала, что ей станет плохо, но это ощущение быстро прошло, и она почувствовала легкое, приятное головокружение.

Когда затрещал телефон, от испуга Барбара чуть не выронила бутылку из рук. Ее руки дрожали.

— Боже мой! — воскликнула она раздраженно. — Ты настоящая трусиха, Барбара. Это наверняка Ральф!

Она поспешила в гостиную, все еще держа в руках бутылку бренди.

— Да? — сказала в трубку, затаив дыхание. — Ральф?

— Это Марджори Селли, — ответил сдержанный голос. — Я — сестра Лоры Селли.

«О, конечно, вы — *Марджори*», — чуть было не сказала Барбара, но тут же вспомнила, что в принципе ничего не может знать об этой женщине.

— Да, мисс Селли?

— А вы, наверное, арендуете ее дом? Я звоню, потому что беспокоюсь за сестру.

— А разве она не у вас?

— Она уехала сегодня в первой половине дня. Ей захотелось вернуться домой.

— Но мы сняли дом еще на следующую неделю…

— Я знаю. Но Лора из-за чего-то ужасно нервничает.

— Из-за снега? В доме ничего не вышло из строя, — заверила ее Барбара. — Здесь всё в порядке.

«Кроме того обстоятельства, что мой муж заплутал непонятно где и не подает никаких признаков жизни», — добавила она мысленно.

— Знаете, просто моя сестра совершенно не может находиться вдали от дома, — сказала Марджори, и в ее голосе слышались непонимание и осуждение. — Каждый раз, сдавая Уэстхилл, она приезжает сюда и сидит здесь как сыч. Но на сей раз… она очень нервничала, даже по своим меркам. Наверняка это было связано и со снегом тоже.

— Ей будет сложно добраться сюда, — сказала Барбара, — снега выпало действительно невероятно много. Мы полностью отрезаны от внешнего мира — хотя я, правда, все-таки чувствую себя лучше после того, как включили телефон и отопление.

— Ужасная старая коробка, — проворчала Марджори Селли, хотя к отключению электроэнергии возраст дома не имел никакого отношения. — Я всякий раз спрашиваю себя, почему Лора так к нему привязана.

— Уэстхилл — это все, что у нее есть, — сказала Барбара.

Марджори фыркнула.

— Я вас умоляю! Дом… Ферма… В этой ужасной местности… Это уединение… Сейчас я очень рада, что в свое время сбежала оттуда.

— Вы тоже здесь когда-то жили? — хладнокровно спросила Барбара.

— Это было очень давно. Еще ребенком, во время войны. Но вскоре я вернулась домой, в Лондон. Конечно, то, что меня там ждало, раем назвать трудно, но в любом случае это было лучше, чем Уэстхилл…

Марджори, казалось, готова была продолжать разговор, но ей, очевидно, вдруг пришло в голову, что на другом конце провода находится совершенно чужой человек, а она изливает ему свою душу…

— Ну да ладно, — сказала Марджори, — в любом случае Лоре скоро придется поставить точку на Уэстхилле.

— Правда? Почему?

— Содержание дома стоит немалых денег, как она говорит. Я, правда, не совсем понимаю, почему это является такой проблемой. Крыша у нее над головой все равно не обрушится. Для чего все эти технические сложности? Для кого? В конце концов, у нее нет детей. В итоге все это получат Ли…

— Это самая богатая семья здесь, да?

— Ну да. Но теперь это уже не совсем так. Раньше они действительно были «господами» в этой местности — так их называли. У них огромный дом, и им принадлежит практически вся земля и весь Дейл-Ли. Ферма Уэстхилл всегда была для Ли бельмом на глазу, потому что она по сути дела разрывала их земли, то есть располагалась точно посередине. Но постепенно они у Лоры почти всё выманили.

Барбара вспомнила о договорах купли-продажи.

— Но ведь ваша сестра должна была получить за это большие деньги, — сказала она, — раз уступила Ли столько земли.

— Это меня тогда тоже очень удивило! — ответила Марджори неожиданно оживленно. — Помнится, я говорила ей: «Лора, у тебя теперь, наконец, должно появиться достаточно денег. Ведь ты продала Фернану Ли огромные площади великолепных пастбищ!» Вы знаете, иногда мне кажется, что она просто жалуется, потому что у нее такая натура. С другой стороны, похоже, Лора действительно пришла к выводу, что дом придется продавать. Если только она меня не обманывает.

— Это стало бы для нее трагедией.

— Для Лоры все и всегда является трагедией! Послушайте, — Марджори резко изменила тон с доверительной болтовни на прохладную деловитость, — звонок стоит довольно дорого, и мне пора заканчивать. Так что, как я уже сказала, Лора отправилась домой. Если она, вопреки ожиданиям, действительно пробьется через снежную пустыню в Уэстхилл, пусть позвонит мне. Чтобы я знала, что она приехала. — И она положила трубку.

Барбара, задумавшись, пошла в столовую. Все это казалось ей какой-то мистикой. Очевидно, Лора не сказала своей сестре, что

продала свою землю Фернану Ли по бросовой цене. Если она действительно утаила свои доходы от налоговых органов (это Лора-то?), ее можно было понять; никто не станет разглашать такое. Но тогда у нее должна остаться *фактически* полученная сумма. Тогда почему она говорила Марджори, что ей придется продавать Уэстхилл?

И зачем Лора сейчас отправилась в Дейл-Ли? Это было настоящим безумием. Не говоря уже о том, что она нарушит арендное соглашение, если неожиданно появится здесь, старушка должна понимать, что ей вряд ли удастся при таких снежных заносах добраться до фермы. Что заставляло ее так нервничать, так беспокоиться, что она, несмотря ни на что, отправилась домой? Неужели всего лишь опасение, что снег может явиться причиной каких-то неполадок в доме?

Нет. Барбара покачала головой. Безусловно, Лора, травмированная, вечно маленькая девочка в обличье старой женщины, фанатично привязанная к Уэстхиллу, беспокоилась за то, что там могло что-то случиться; но при всей своей оторванности от реальной жизни она вряд ли могла предположить, что снежная буря, какой бы сильной ни была, сровняет ее дом с землей. К тому же она разговаривала по телефону с Барбарой и с Ральфом, и они не сообщили ей никаких тревожных вестей.

Ее взгляд упал на стопку листов перед камином. Исписанные убористым почерком страницы: хроника одной жизни, хроника одного убийства. Барбара спрашивала себя, знала ли Лора, что Фрэнсис оставила эти воспоминания. Она едва могла представить, что Лора при таких обстоятельствах не сожгла бы их — по меньшей мере, финальную часть.

Убийство Виктории угнетало ее. Лора, разумеется, ни в малейшей степени не была сведуща в юриспруденции; вероятно, она не имела никакого представления о том, что ей больше не могут предъявить обвинение в этом преступлении. Возможно, она также думала о том, что у нее как минимум отберут дом, если история вскроется. Лора почти на все реагировала истерически, и Барбаре казалось невероятным, чтобы в данном случае она проявила хладнокровие.

«Лора не знает, что эти воспоминания существуют, — сказала себе Барбара. — Или…»

Она вспомнила, как случайным образом обнаружила рукопись. В пустом пространстве под половицами в сарае. На том месте, на которое обычно не наступают.

Ей в голову пришла другая мысль: Лора знает о воспоминаниях, но не может понять, где они спрятаны. Этим объяснялась бы ее болезненная нервозность. Марджори сказала, что всякий раз, сдавая Уэстхилл и приезжая к ней, Лора имела жалкий вид.

И это было бы неудивительно. Она словно сидела на раскаленных углях. Подумать только: где-то в доме спрятаны воспоминания, в которых, наряду со многими другими тайнами, упоминается и ее соучастие в сокрытии преступления! Она должна была испытывать ужасные муки от страха, что один из гостей может что-то найти.

А на сей раз все складывалось особенно неблагоприятно, подумала Барбара. Снежная буря! Лора знает, что мы полностью привязаны к дому. И, следовательно, у нас появилось больше времени и возможностей покопаться в нем и сунуть свои носы в такие вещи, которые нас не касаются, — что мы, собственно, и сделали.

У Барбары возникло неприятное чувство при мысли, что Лора может совершенно неожиданно появиться в доме. И она спрашивала себя, удастся ли ей держать себя непринужденно.

«Я не буду вмешиваться, — решила она. — Я ничего не знаю. Я опять положу рукопись на прежнее место и все забуду. Это убийство произошло более полувека назад и больше не имеет никакого значения».

Чем дольше Барбара смотрела на рукопись, тем более необходимым ей казалось поскорее вернуть ее на место. Эта история не должна попасть в третьи руки. Пока что она может отнести рукопись наверх и спрятать ее под свитера в своем платяном шкафу, а на следующий день положить на прежнее место в сарае. Или лучше сделать это прямо сейчас? Если Лора — хотя это почти невероятно — приедет ночью, на следующий день у нее уже не будет такой возможности. Она должна…

Ее размышления прервал какой-то звук. Сердце Барбары замерло. Звук доносился со стороны входной двери. Кто-то сначала постучал в нее, а потом дверь открылась. Барбара вспомнила, что не заперла ее. Теперь она услышала, как кто-то вытирал ноги.

«Лора!» — мелькнула мысль.

Но потом она поняла, что это не могла быть Лора. Прошло слишком мало времени. К тому же погода этому явно не способствовала.

— Ральф! — крикнула Барбара и побежала в прихожую.

Перед ней стоял Фернан Ли.

Его щеки раскраснелись от мороза. Он, казалось, выдохся и тяжело дышал. На нем были шапка, шарф, анорак и перчатки. На ногах — лыжные ботинки, все в снегу, несмотря на то что он отряхнул их. Маленькие комочки снега падали на пол и таяли на плитке.

— Извините, что устроил вам здесь потоп, — сказал Фернан, — но там просто-таки снежная пустыня.

Барбара пристально смотрела на него, все еще испытывая испуг и не в силах вымолвить ни слова.

— Я не должен был так вламываться к вам, — сказал Ли и начал раздеваться. Он снял шапку и откинул назад темные волосы. — Но дверь была открыта, и…

Фернан не закончил фразу, как будто этих нескольких слов было вполне достаточно, чтобы объяснить его визит. Затем снял с плеч огромный рюкзак, который Барбара сначала даже не заметила, и, вздохнув с облегчением, поставил его на пол.

— Батюшки, какой же он тяжелый! — сказал он.

Барбара наконец вновь обрела дар речи.

— Откуда вы добирались сюда?

— Из дома, на лыжах. К счастью, ваш дом светится как рождественская елка, так что я мог сориентироваться еще издалека. Хотя потратил как минимум втрое больше времени по сравнению с тем, что мне потребовалось бы летом, если б я шел пешком.

— Почему?

— Почему мне потребовалось столько времени? Ну, это…

— Нет, я хотела сказать: почему вы решили добраться до нас в такую ужасную погоду?

Фернан кивнул на рюкзак.

— Помните нашу короткую встречу перед Рождеством в магазине Синтии? Я заметил тогда, что вы купили продуктов только чтобы накормить какого-нибудь воробья. Потом нас завалило снегом. Кроме того, я знаю старую добрую Лору Селли — она никогда не оставляет

никаких запасов, если куда-то уезжает. И тогда я подумал, что вы и ваш муж наверняка уже основательно проголодались…

Барбара почувствовала, как у нее обмякли колени. Показав на рюкзак, она спросила сиплым голосом:

— Вы хотите сказать, что там внутри есть какая-то еда?

— Достаточно, чтобы досыта накормить футбольную команду, — ответил Фернан не без гордости.

Он повесил свой анорак на вешалку. Под ним был белый пуловер из толстой овечьей шерсти. Ли посмотрел на Барбару, протянул руку и дотронулся до ее подбородка.

— Что с вами случилось?

Барбара совсем забыла, что ее подбородок все еще сияет как радуга.

— Я упала, — объяснила она.

В его глазах мелькнуло сомнение, и она вспомнила, что именно так звучала расхожая отговорка его жены, когда та пыталась объяснить синяки и ссадины на своем лице.

— Это сделал не муж, — сказала она немного язвительно, — я действительно упала.

Фернан Ли рассмеялся.

— А разве я подозревал вашего мужа?.. Послушайте, Барбара, он не устроит вам выволочку, если я здесь у вас часок отдохну? Честно говоря, я без задних ног.

— Оставайтесь столько, сколько хотите. Ничего, если мы пойдем на кухню?..

Теперь, когда перспектива поесть была в осязаемой близости и Барбаре больше не нужно было, напрягая всю свою волю, отводить в сторону любую мысль о еде, голод обрушился на нее как снежная лавина. Желудок то и дело сводили судороги; сердце учащенно билось, вызывая неприятную вибрацию. Дрожащими от нетерпения пальцами Барбара распаковывала рюкзак, чувствуя себя человеком, перед которым неожиданно открылся рай. Никогда прежде она не испытывала такого сильного чувства, сводившегося к одной-единственной потребности — утолению голода. Она была готова целовать Фернану ноги.

На кухонном столе уже громоздились хлеб, масло, сыр и ветчина, яйца, мясная нарезка, несколько консервных банок с различными

готовыми блюдами, большой кочан салата, помидоры, авокадо, орехи, фрукты и шоколадный пудинг. И под конец Барбара вынула еще две бутылки вина.

— Бог ты мой, — произнесла она трепетно.

Фернан, улыбаясь, смотрел на нее.

— Нам надо по-настоящему красиво накрыть стол, — сказал он. — Где здесь тарелки и приборы?

Барбара рассмеялась.

— Вы, наверное, подумали, что я готова вцепиться в еду зубами и когтями, правда?

— Примерно, — подтвердил он. Взял свечу с полки и, поставив ее на стол, спросил мимоходом: — А где, собственно говоря, ваш муж?

По какой-то причине Барбара сначала побоялась сказать ему, что она одна. Теперь пришлось сказать правду, и ей вдруг показались глупыми ее первоначальные предубеждения.

— Муж сегодня утром отправился в Дейл-Ли, — объяснила Барбара. — Он хотел купить продукты. Мы не могли даже представить, что… — Она сделала движение рукой, охватывавшее стол со всеми стоящими на нем великолепными яствами.

— Судя по погоде, — сказал Фернан, — он вряд ли вернется сегодня.

— Если б я только знала, что он вообще куда-то пришел!.. Я ничего о нем не знаю. Синтия Мур обещала сразу сообщить, если он у нее появится. Но до сих пор не было никаких звонков.

«Как странно иногда бывает в жизни, — подумала она. — Ральф плутает сейчас где-то в снегах, а я сижу здесь перед горой еды. Если б он только остался… Но кто мог такое предвидеть?»

— При таком снегопаде чрезвычайно тяжело держать направление, особенно для того, кто не знает этой местности, — объяснил Фернан. — Даже я по дороге сюда один раз сбился с пути, а живу здесь со дня моего рождения.

«7 апреля 1943 года», — автоматически подумала Барбара.

— Крайне маловероятно, что он доберется до Синтии, — продолжал Фернан. — Тогда он остановится где-то еще.

— Но в любом случае он бы мне позвонил.

— Барбара, здесь повсюду телефоны не работали несколько дней. И наверняка есть еще фермы, где связь не восстановлена до сих пор.

Возможно, у него просто нет возможности позвонить.

— Надеюсь, что с ним ничего не произошло.

— Определенно нет. Здесь, конечно, богом забытая местность, но не до такой степени, чтобы он не нашел место, где мог бы переночевать.

— Я очень скверно чувствую себя оттого, что сижу здесь, в тепле, и ем.

— Не исключено, что он тоже сидит в тепле и ест, и его тоже мучают угрызения совести, поскольку он думает, что вам опять пришлось лечь спать голодной. Было бы разумнее, если б вы оба наслаждались тем, что имеете.

«Какой он приятный», — подумала Барбара. Она наблюдала, как Фернан своими быстрыми, ловкими руками накрывал на стол, складывал салфетки и раскладывал по тарелкам и салатникам принесенную еду. А напоследок откупорил одну из привезенных бутылок вина и зажег свечу на столе.

— Так, — сказал он, — а теперь угощайтесь!

Барбара не заставила себя просить дважды и сразу же нырнула в море удовольствия. Сначала она ела торопясь, жадно, словно боялась, что кто-то может в любой момент все это у нее отнять. Потом продолжила насыщаться медленнее, спокойнее, осмысленнее, прислушиваясь при этом к холодному ветру, завывавшему за окнами. Устремила свой взгляд на теплый свет толстой красной свечи, стоявшей перед ней. За все время она не произнесла ни единого слова.

Наконец, откинувшись назад, Барбара удовлетворенно сказала:

— Я не знала, что может быть так хорошо.

Фернан все это время наблюдал за ней.

— Мне нравится, как вы едите, — сказал он.

— Обычно я так не ем. Как правило, я не глотаю еду так жадно.

— Жаль. Мне как раз нравится, что вы едите с таким… с таким наслаждением и с такой жадностью.

Барбара бросила на него быстрый взгляд. Теперь, утолив голод, она опять могла ясно мыслить — конечно, не совсем ясно, потому что вино слегка ударило ей в голову.

Фернан Ли. Сын Джона Ли. Сын мужчины, от которого Фрэнсис Грей так и не смогла освободиться и который, в свою очередь, тоже так и не смог оставить Фрэнсис. Был ли Фернан похож на Джона? Ли-

младший был высоким, примерно такого же роста, как Ральф, но более мощным и крепким. Черные волосы и темные глаза достались ему явно от Маргариты, его матери-француженки. Узкое лицо покрыто морщинами, что характерно для людей, которые в своей жизни много времени проводят на открытом воздухе. Он выглядел ни старше, ни моложе своих пятидесяти трех лет. Синтия сказала, что Фернан сильно пил; очевидно, сыграла роль наследственность по мужской линии. Барбара подумала о его жене. Ей было крайне неприятно представлять себе Фернана пьющим и способным поднять руку на женщину. Сидя здесь, он казался спокойным и сдержанным. Это было такой любезностью с его стороны — приехать сюда и привезти им еду…

«Нам надо по-настоящему красиво накрыть стол», — сказал он и сделал это. Барбаре бросилась в глаза ловкость его рук. Рук, которыми он в том сне…

Поспешно выпрямившись, она произнесла:

— Здесь довольно жарко, да?

— А по-моему, очень приятно — я постепенно оттаиваю… Хотите еще немного вина?

Барбара кивнула. Пока Фернан наливал ей вино, она встала, подошла к окну и, отодвинув штору, посмотрела наружу. Усилившийся ветер бушевал вокруг дома.

— Что за ночь! — сказала Барбара, содрогнувшись. — Но, по крайней мере, снег прекратился…

Хотя в кухне было тепло и уютно, Барбара буквально чувствовала ледяной холод на улице. Она понимала, что должна предложить Фернану остаться в Уэстхилле до утра.

Глупая ситуация…

Теперь, когда ее желудок насытился и она испытывала приятное чувство тяжести, воспоминание о голоде стало туманным. Еще час назад Барбара готова была расцеловать Фернана из чувства благодарности, но теперь вновь хотела остаться одна. Или чтобы Ральф был рядом…

«Чего ты, собственно говоря, боишься? — спрашивала она себя. — Или ты думаешь, что он неожиданно набросится на тебя?»

Ее внутренний голос говорил «нет», но Барбара совсем не хотела его слушать. Она знала, чего боится: себя самой.

— Мне кажется, вам не следует сегодня ехать домой, — сказала она деловым тоном, быстро обернувшись. — Можете переночевать здесь — и вернуться завтра утром.

Фернан кивнул.

— С удовольствием принимаю ваше предложение. Опять пробиваться три часа через снежную бурю — не слишком приятная перспектива.

— Тогда договорились. Хотите позвонить жене и предупредить ее?

— Она поймет. — Он тоже поднялся. — Знаете что? Устраивайтесь поудобнее перед телевизором, а я пока помою посуду.

— Об этом не может быть и речи. Сделаем все наоборот.

— Тогда давайте помоем посуду вместе.

— У меня есть идея получше, — сказала Барбара. — Оставим посуду и помоем ее завтра.

Они убрали продукты в холодильник, достали вторую бутылку вина и пошли в гостиную, где уселись перед телевизором и стали смотреть американскую комедию. Барбаре не удалось по-настоящему расслабиться, но благодаря вину ее нервозность ушла на задний план. Все это время она очень надеялась, что позвонит Ральф. Сейчас речь в первую очередь шла о том, чтобы ощутить его присутствие, услышать его голос, убедиться в том, что он есть. Но в течение всего вечера не произошло ровным счетом ничего.

В какой-то момент Фернан сказал:

— Я, пожалуй, пойду спать.

Барбара, сразу встав, сказала:

— Покажу вам вашу комнату и где можно найти постельное белье.

— Да, спасибо, — ответил он и последовал за ней вверх по лестнице.

Она открыла первую дверь с правой стороны. Это была небольшая комната, в которой также горел свет.

— К счастью, здесь достаточно спален, — сказала Барбара, нервно посмеиваясь, — и постельное белье я вам…

— Не знаю, что хорошего в том, что здесь так много спален, — тихо сказал Фернан и, взяв ее за плечо, повернул к себе.

— Это невозможно, — запротестовала она без всякого убеждения.

— Почему нет? — спросил он и поцеловал ее.

Позже Барбара подумала, что ее гормоны, должно быть, сошли с ума. Возможно, это было нормально после полуторагодового полового воздержания, хотя она никогда не воспринимала это как негативный фактор. Она была слишком занята, чтобы даже время от времени задумываться над тем, что ее телу, возможно, чего-то не хватает. Каким-то образом секс для нее всегда был связан с отсутствием дисциплины. Он ни к чему не приводил, а значит, без него можно было вполне обойтись и вместо этого поработать над завтрашней речью или проработать какое-нибудь дело.

Должно быть, что-то ускользнуло от ее внимания…

Барбара не помнила, как они разделись. Помнила только, что едва сдерживала свое нетерпение. Это было почти так же, как еще совсем недавно в кухне, когда она была готова вонзиться зубами в ветчину, рвать руками на куски мясную нарезку и запихивать все это себе в рот. Это была та же жадность, тот же голод. Образованная, выдержанная Барбара осталась где-то позади. Осталось лишь существо, которое не хотело больше ничего, кроме немедленного спасения.

Она шептала ему немецкие слова, забыв про английский, но Фернан, казалось, понимал ее. Они упали на постель, в которой он должен был провести эту ночь один, и предались любви на голом матраце, лежащем на пружинной кровати, потому что им не хватило терпения, чтобы постелить белье. В какой-то момент у Барбары в голове мелькнула мысль, что нужно спросить Фернана, закрыл ли он входную дверь, так как нельзя было полностью исключать вероятность того, что появится Ральф. Но тот был моментально отнесен к обстоятельствам, которые сейчас не играли никакой роли.

Еще никогда Барбара не испытывала ничего подобного. Она даже не представляла, что ее тело способно на подобные ощущения. Она не знала, как можно раствориться в желании и несколько секунд вообще не бояться умереть. Быть циничной и требовательной; сначала умолять, а потом наслаждаться тем, как умоляет ее он. Ей было все равно, как она выглядела, что он о ней думал, испачкали ли они постель. Она хотела мягкого и ласкового секса, она хотела жесткого и грубого секса, она хотела секса во всех его проявлениях. И главное — хотела, чтобы это никогда не кончалось…

В какой-то момент оба обессилели.

Они лежали рядом, с трудом переводя дыхание. Барбаре казалось, что у нее все болит; но это была боль, которой она наслаждалась, — означающая, что она еще жива. Ей казалось, что от ее бешеного сердцебиения дрожит кровать; лицо было мокрым от пота. В этот час Барбара потеряла контроль над собой, и произошло то, чего она больше всего опасалась.

Но, к ее удивлению, не случилось ничего плохого. Мир не рухнул, и она тоже. Напротив, на нее словно накатила жизнетворная волна; словно природа вернула то, что до этого забрала у нее, — и это было неповторимое чувство! Она снова стала частью жизни. Она плыла по течению, а не против него. Было ощущение, будто закончился долгий изнурительный бой. Наступило такое облегчение, что Барбара тихонько застонала.

Фернан, не разобравшись, что происходит в ней, почти умоляюще произнес:

— Только не сейчас. Подожди немного!

Барбара теснее прильнула к нему, прижавшись спиной к его груди; его рука обнимала ее горячо и крепко.

— Не беспокойся, — прошептала она, — я и сама в нокауте!

Он тихо засмеялся.

— Ничего удивительного. Я еще никогда не встречал такой женщины, как ты. Ты — просто фейерверк, тебе это известно?

— А я всегда думала, что фригидна…

— Бог мой! — Он, кажется, был действительно ошеломлен. — Кто тебе это внушил?

— Никто. Просто я так думала.

— В таком случае, если ты фригидна, то пусть тогда весь мир кишит фригидными женщинами!.. Ты никогда не слышала о том, что если женщина не получает удовольствия от секса, то в этом виноват мужчина?

«Для мачо из сельского Йоркшира он на удивление осведомлен», — подумала Барбара.

— В моем случае все не так просто, — сказала она задумчиво.

Его рука нежно играла с ее ухом.

— Расскажи мне о себе. Я ведь ничего не знаю. Кто ты, Барбара?

— Да рассказывать-то особо нечего…

Барбара рассказала ему этой ночью то, что больше никому не рассказывала: что она была когда-то толстой и некрасивой, что ни один юноша на нее не смотрел. Фернан, все еще обнимая ее за плечи, молча слушал. Барбара чувствовала затылком его дыхание, а спиной — удары его сердца. Один раз она начала плакать, но Фернан не мешал ее слезам и дал ей возможность поплакать.

Она никому так не изливала душу, даже Ральфу. До него или в кругу друзей в разговорах о подростковом времени иногда говорила: «Тогда я была пышкой, с которой никто не хотел танцевать!» Но при этом смеялась — и в лицах других видела, что они считают ее слова кокетством и преувеличением, так как у стройной Барбары, красивой, элегантной, успешной, желанной Барбары в действительности не могло быть никаких проблем.

Если одна из подруг восклицала: «Ты была пухленькой и невзрачной? Я тебе не верю!», Барбара ужасно радовалась, так как именно эту реакцию она и рассчитывала вызвать. Но в глубине души оставалась холодной и одинокой, потому что никто не видел в ней травмированного ребенка и никто ее не утешал.

Она рассказала Фернану и о самоубийстве своего доверителя — и при этом опять расплакалась, и Фернан был вынужден наконец встать с постели и заняться поисками бумажного носового платка, чтобы она могла высморкаться.

— Ты наверняка такого не ожидал, — сказала Барбара. — Женщина, которая лежит в твоих объятиях и ревет…

— Я бы не просил тебя рассказать о себе, если б меня интересовала только твоя внешняя сторона, — возразил он. — Ты можешь говорить столько, сколько хочешь. Ты можешь плакать столько, сколько хочешь.

И у нее сразу возникло какое-то приятное чувство удовлетворения и расслабленности.

— Кажется, я сейчас усну, — пробормотала она.

Воскресенье, 29 декабря 1996 года

Лора всю ночь не сомкнула глаз и каждые полчаса включала свет, чтобы посмотреть, который час. Казалось, что время остановилось. Она дрожала от нетерпения. Ей хотелось наконец добраться до места. Тем временем она уже доехала до Лейберна, а это было дальше, чем предполагала Марджори: «Ты в лучшем случае доедешь до Норталлертона! И не надейся, что сейчас оттуда ходит автобус!»

Тем не менее автобус курсировал. Улицы были тщательно убраны, хотя водитель рассказывал, что совсем недавно опять шел снег. Но Лора с самого начала знала, что главная улица не будет проблемой. Самым трудным был участок между Дейл-Ли и фермой Уэстхилл.

Когда она приехала в Лейберн, был уже поздний вечер, и автобусы больше не ходили. Лора с удовольствием отправилась бы пешком, но нужно было руководствоваться голосом разума. Она выяснила, когда пойдет первый утренний автобус, — к сожалению, не раньше десяти, так как было воскресенье. Пришлось подумать о ночлеге. Лора нашла гостиничку с завтраком, открытую в период между Рождеством и Новым годом. Комнаты здесь были довольно убогими и неопрятными, и единственное ее преимущество заключалось в том, что ночлег здесь стоил всего десять фунтов. Лора легла в постель и предалась размышлениям и ожиданиям.

В половине седьмого она встала. За окном еще стояла кромешная тьма. Лора открыла окно и высунула голову наружу, опасаясь, что опять может пойти снег. Но воздух был холодным и сухим. В свете уличных фонарей она увидела огромные снежные горы, громоздившиеся справа и слева от дорог, и поняла, что ждало ее, если б она доехала на автобусе до Аскригга и если б не было возможности добираться дальше на транспорте: она пробивалась бы сначала в Дейл-Ли, а потом — на ферму. Пока лучше об этом вообще не думать — и так проблем хватало…

Лора оделась и задумалась, может ли она уже спуститься вниз и позавтракать. Она пока не слышала в гостинице ни единого звука. Наверняка хозяйка еще спит и будет очень недовольна, если Лора ее разбудит.

Но автобус все равно уходит только в десять, подумала Лора и глубоко вздохнула, представив себе, как долго еще ей придется ждать. Затем села в единственное кресло в комнате — древнее страшилище, которое даже под ее комариным весом со скрипом продавилось до пола — и задумалась.

Эта дама из Германии, эта Барбара, как-то странно говорила по телефону. Лора была в этом совершенно уверена, хотя не могла точно сказать, что именно ей показалось странным. Постоялица была растерянной и напряженной, как будто ее мысли занимало что-то иное.

Конечно, мало ли о чем она могла думать. Возможно, у нее семейные или профессиональные проблемы… Но инстинкт подсказывал Лоре, что именно она была предметом замешательства Барбары. Она догадывалась о том, *что* Марджори сказала бы ей сейчас, — мол, то, что она считает инстинктом, является не чем иным, как ее одержимостью, с которой Лора всегда относилась к себе и к своей проблеме. Мол, она даже представить не в состоянии, что людей может занимать что-то другое, кроме ее персоны. И, тем не менее…

Лора достигла той точки в своей жизни, когда отчаяние постоянно грозило взять над ней верх. После смерти Фрэнсис она бешено боролась за Уэстхилл, и эта борьба истощила и изнурила ее. Иногда она чувствовала себя обескровленным куском мяса.

Со смертью Фрэнсис иссяк источник силы и уверенности, от которого Лора питалась еще с тех пор, когда была маленькой девочкой. Фрэнсис умерла — и Лоре показалось, что она во второй раз потеряла мать. И почувствовала себя беспомощной и одинокой. У нее не было ничего, кроме дома. Она ужасно мучилась оттого, что была вынуждена продавать Фернану Ли все больше и больше земли; но всякий раз утешала себя тем, что и без того не использовала эти участки в качестве выпасных, и поэтому не имело никакого значения, будет у нее на пару пастбищ больше или меньше.

Правда, с этих пор ей стало стыдно смотреть на фотографию Фрэнсис. Лора знала, что та только покачала бы головой. Она не понимала, что такое слабость, и никогда ее не ощущала. Лора почти буквально слышала, как она бормочет: «Зачем только я оставила всё этой пустоголовой маленькой пугливой зайчихе? Неужели не было никакой другой возможности? Теперь она растранжирит все, что когда-то мне принадлежало…»

— Обещаю тебе, что дом я не отдам никогда, — прошептала Лора.

Но Ли хотел получить и дом, она знала это. Он хотел этого с самого начала. Лора знала, что Фернан может быть бесцеремонным, если однажды что-то вобьет себе в голову.

Она снова почувствовала начинающийся приступ паники. У нее зачесалось все тело. «Спокойно, спокойно…»

С некоторым усилием Лора выбралась из провисшего кресла. Этот предмет смертельно опасен для ее ревматических суставов! Она слишком долго сидела в этом кресле. Между тем на улице стало светло. Серое зимнее утро… Облака, обещавшие новый снег… Мрачный, холодный свет…

Сначала нужно выяснить, что знает эта Барбара. Потом можно заняться проблемой Фернана Ли. Сначала одно, потом другое. Прежде всего — завтрак. Чашка горячего чая… Но Лора чувствовала, что сегодня он ей не поможет.

Барбара долго и крепко спала и, проснувшись, почувствовала себя растерянной и неспособной ясно мыслить. За окном уже было светло — если этот день вообще можно было назвать светлым, — и поскольку шторы не были задернуты, она могла хорошо разглядеть комнату. Шкаф и комод, зеркало, тканый ковер на стене — это была не *ее* комната! Она лежала, уютно устроившись под толстым перьевым одеялом, и вдруг поняла, что и одеяло, и подушка, и матрац без постельного белья.

И в тот самый момент, когда Барбара озадаченно водила пальцами по выцветшему узору на матраце, у нее вдруг ожила память, принеся с собой четкие картины случившегося. На несколько секунд она замерла в постели, онемев и потеряв дар речи, отчаянно надеясь, что это был всего лишь сон, который не имеет ничего общего с реальностью.

Но в ее памяти всплывало все больше и больше картин прошедшей ночи, и она почувствовала легкое головокружение. Совершенно чужой мужчина. Она спала с совершенно чужим мужчиной, о котором почти ничего не знала, а то, что знала, должно было при всех обстоятельствах оттолкнуть ее от него. Но ее ничто не оттолкнуло; напротив, она отдалась ему пять или шесть раз, до полного изнеможения, и не хотела, чтобы это заканчивалось. Эта постель, в которой она лежала, должно быть, пропиталась по́том и спермой; одержимая страстью, она пренебрегла естественными

нормами приличия и не воспользовалась собственной кроватью; слово «страсть» она употребила в своих мыслях сознательно и с определенным брутальным удовлетворением. Кроме того, доверила ему еще массу интимных тайн и при этом прекрасно себя чувствовала. Она вообще все время чувствовала себя замечательно, вспоминала Барбара. Свободной. От своего чувства стыда, своего нежелания, своей клинически-стерильной чистоты…

А сейчас?

«Очень хорошо, Барбара, — сказала она себе. — Все мачо этого мира падают к твоим ногам». Наконец появился жизненный пример, подкрепляющий ее примитивную убежденность в том, что все, что требуется равнодушной женщине, это хороший секс — и мир уже выглядит совсем по-другому!

Но как раз это было не так. Она все еще оставалась собой. Она увидела ту сторону себя, которая не была ей знакома, — но не рассталась с собой. Земля вращалась, как и вечером накануне; наступил новый день, а Барбара по-прежнему оставалась Барбарой. Она не знала, что на нее нашло. Она обманула своего мужа, в то время как тот отправился в деревню, чтобы в тяжелейших условиях раздобыть для нее еды, и Фернан Ли тоже изменил жене, которой и без того было нелегко с ним. Многое не нравилось ей в мужчине, с которым она спала. И теперь Барбара ощутила острую потребность в продолжительном горячем душе.

Она встала с постели и собрала свои разбросанные повсюду вещи. Выйдя из комнаты, сразу почувствовала ароматы жареного бекона и кофе, доносившиеся снизу. Вспомнила, что во время чтения мемуаров Фрэнсис Грей в деталях представляла себе эту атмосферу: холодное зимнее утро, аромат кофе и жареного бекона, радостная семья, собравшаяся за завтраком…

Барбара была бы рада, если б там, внизу, ее ждала семья; братья и сестры, с которыми она постоянно ссорится, мама, которой можно рассказать страшные ночные сны… Но вместо этого там ждал мужчина, которого она все больше хотела никогда не встречать.

Барбара долго стояла под душем, потом пошла в свою комнату и взяла чистую одежду. Сделала тщательный макияж, руководствуясь при этом не желанием произвести впечатление на Фернана, а потребностью обрести определенную, напоминающую маску

отстраненность. Вид в зеркале ее красивого лица, казавшегося несколько искусственным, помог ей восстановить баланс. Она обнаружила на шее и на груди несколько предательских красных пятен и была рада, что надетый синий свитер скрыл все следы. Она опять превратилась в дисциплинированного, успешного адвоката. Теперь ей нужно только позаботиться о том, чтобы Фернан ушел из дома, прежде чем вернется Ральф.

Когда Барбара спустилась вниз, кухня была пуста. На столе, кроме тарелок и чашек, стояла свеча в окружении еловых веток, а на трех подставках для подогрева — накрытые кастрюли. Барбара заглянула внутрь. Яичница с беконом, горячие колбаски, жаренные на гриле шампиньоны с помидорами. Тостер был включен, рядом лежали ломтики белого хлеба. В термосе — горячий кофе.

— Потрясающе, — пробормотала Барбара, впечатленная увиденным.

Она огляделась в надежде найти записку, в которой сообщалось бы, что Фернан уже ушел, но ничего подобного не было. Кроме того, его прибор стоял нетронутым, как и ее. Он явно собирался завтракать вместе с ней, и она вряд ли могла ему это запретить.

Барбара нашла его в столовой. Фернан полусидел на подоконнике, вытянув свои длинные ноги. В тусклом утреннем свете он уже не выглядел таким неотразимым, как накануне вечером в свете свечи. У него были мешки под глазами — признак чрезмерного употребления алкоголя. Выражение лица было напряженным.

— Доброе утро, Барбара, — сказал он.

Она остановилась в дверях, но потом неуверенно сделала шаг вперед.

— Доброе утро, Фернан. Извини, что я так долго спала.

— Почему ты должна извиняться?

— Потому что тебе одному пришлось готовить завтрак.

— Ах, — откликнулся он небрежно, — это не составило никакого труда!

«Какими чужими можно быть после такой ночи», — подумала Барбара.

Она открыла рот, чтобы предложить ему пойти вместе на кухню, — и впервые за это утро посмотрела на его руки. Фернан свернул в трубочку несколько листов бумаги и медленно помахивал

ими, то вверх, то вниз. Барбара перевела взгляд на рукопись, все еще лежавшую у камина. Накануне вечером она хотела унести ее, но потом неожиданно появился Фернан, и она об этом совершенно забыла…

Барбара пристально посмотрела на него. В ее глазах сверкнуло раздражение.

— Ты роешься в моих вещах?

Он поднялся с подоконника, подошел к столу и положил на него листы, которые держал в руках. И улыбнулся.

— Насколько я понимаю, именно ты роешься в вещах Лоры…

Она попыталась понять по его лицу, *что* он прочитал. Конечно, явно не всё. Фернан ничуть не казался шокированным или потрясенным. Он ничего не мог знать об убийстве Виктории — первой жене его отца.

— То, что я делаю, — холодно сказала она, — тебя не касается.

Он задумчиво смотрел на нее.

— Где ты это нашла? Старая добрая Лора безуспешно искала это в течение шестнадцати лет. Хотя, правда, она не особо сообразительна… Ей далеко до твоего ума.

Фернан многое знал. Это сбивало Барбару с толку. Он, очевидно, уже несколько лет был в курсе существования этих записей и знал, что Лора отчаянно (как догадалась Барбара из его слов) их искала. Но знал ли, *почему*?..

— Я обнаружила это случайно, — объяснила она кратко. — В сарае, под одной из половиц. Доска проломилась, когда я на нее наступила. Тогда и упала. — Она потрогала синеватый подбородок.

Фернан кивнул.

— Понимаю. Но ты должна была бы заметить, что это предназначено не для тебя.

Барбара задавалась вопросом: что он, собственно говоря, о себе возомнил? Стоит здесь как дознаватель и задает вопросы о вещах, которые его не касаются…

— Я не должна перед тобой оправдываться, — сказала она.

— До какого места ты дочитала?

— До конца.

— Я прочитал только конец. Хотел знать, действительно ли она это сделала.

— Кто и что сделал?

— Фрэнсис. Я хотел, собственно говоря, узнать, сделала ли она эти две вещи: застрелила свою сестру и потом зафиксировала это в письменном виде. Ведь Лора так ужасно боялась этого…

— Ты знал об этом?

— Почему тебя это так удивляет?

— Я бы не подумала, что Лора кому-то об этом рассказывала. Совершенно очевидно, что даже ее сестра Марджори не знает об этом. Мне непонятно, почему ты являешься ее доверителем.

Фернан рассмеялся.

— Ее доверителем!.. Здо́рово… Я точно не являюсь ее доверителем.

Барбара наморщила лоб.

— Но ведь она тебе все рассказала…

Засунув руки в карманы, Фернан подошел к окну и посмотрел на улицу. Свитер обтягивал его широкие плечи.

— Она мне ничего не рассказывала, — сказал он, — ей это никогда не пришло бы в голову. Она мне почти как мать! И всегда видела во мне лишь маленького мальчика, живущего по соседству.

— Значит, это Фрэнсис рассказала?

— О нет! Фрэнсис не была болтушкой. То, что должна была рассказать, она написала. Ее ошибкой было лишь то, что она это не уничтожила — хотя для Лоры это мало что изменило бы.

— Ты можешь перестать говорить загадками?

Фернан повернулся к ней. Его глаза холодно смотрели на нее. В них больше не было ни капли нежности.

— Что ты собираешься делать? — спросил он. — Как поступишь с информацией, которую получила?

Барбара пожала плечами:

— А что я должна делать? Эта история потеряла силу за давностью лет. Виновницы уже нет в живых.

— Но жива ее пособница.

— Лора? Я совсем не уверена, что она была бы привлечена к ответственности за пособничество. Хотя и не разбираюсь в английском уголовном праве…

— Зато разбираешься в немецком. После того как ты рассказала мне этой ночью о том, что являешься успешным адвокатом, я

испытываю к тебе еще больше уважения. Ты очень умна, Барбара. А я считаю умных женщин очень эротичными.

Тему эротики Барбара в данный момент хотела избежать во что бы то ни стало.

— Перейдем к делу, — сказала она нетерпеливо. — Я считаю, что…

— Была ли Лора пособницей или нет, не является таким уж решающим фактором, — перебил ее Фернан. — Главное, что она с того самого дня считает, что несет такую же вину, что и Фрэнсис.

— Кто ей это внушил?

— Мне кажется, она сама. И я думаю, что Фрэнсис Грей по меньшей мере сделала не слишком много, чтобы убедить ее в обратном. В любом случае, Лора непременно должна была держать язык за зубами. Страх — неплохое средство для достижения цели.

— Но в конце концов, — сказала Барбара, — она все же проговорилась, не так ли?

— Она не смогла справиться с этой историей. Это типично для Лоры. Она никогда ни с чем не справится. Эта женщина невероятно слаба. Я ведь знаю ее с рождения. Ей было лет шестнадцать или семнадцать, когда я родился. Но каким-то странным образом я совершенно не помню ее молодой девушкой. Она всегда выглядела очень озабоченной, почти не смеялась, постоянно суетилась, словно несла на своих плечах тяжесть всего мира. Моя мать рассказывала мне, что у нее была психологическая травма после военных бомбардировок. Н-да… Бедная старая душа.

— Кому же она открылась?

— Тебе в голову никто не приходит?

Барбара покачала головой:

— Нет.

— Моей матери, — сказал Фернан, — она все рассказала моей матери.

— Маргарите!

— Я ведь был еще младенцем и поэтому не помню то время. Но позже мать рассказала мне об этом. Лора тогда постоянно приходила к ней на частные уроки. Она страдала булимией — сегодня очень популярной болезнью и благодаря принцессе Уэльской даже принятой в высшем обществе, — но в сороковые годы об этом знали мало, и уж

тем более в сельской местности. Я не думаю, что Фрэнсис хорошо понимала Лору, хоть и старалась. Она была не способна найти верное объяснение тому, что девочка много ест, а потом у нее вдруг начинается рвота. Ее, вероятно, прежде всего злило такое поведение…

В душе́ Барбара была с ним согласна. В материальном отношении Фрэнсис, без сомнения, заботилась о Лоре с полным сознанием своего долга, но никогда не понимала больного, испуганного ребенка. Маргарита же — напротив…

Ей вспомнился фрагмент из воспоминаний Фрэнсис: «Единственным человеком, к которому она проявляла определенную сердечность, была Лора, за которую молодая женщина явно чувствовала себя ответственной и которой хотела помочь». Маргарита работала в Париже учительницей и преподавала молоденьким девочкам. Она была дипломированным педагогом, поэтому на профессиональном уровне знала, как надо обходиться с Лорой.

— Моя мать считала своей задачей помогать Лоре, — сказал Фернан. — Она много говорила с ней и все больше завоевывала ее доверие. После загадочного исчезновения Виктории у Лоры явно стало хуже с психикой, что, разумеется, бросилось матери в глаза. Она связывала это с Викторией и считала, что Лора не может справиться с потерей кого-то из членов ее новой семьи. В конце концов в ней поселился постоянный страх возможных потерь. Она все время переводила разговор на Викторию. Наконец сломалась и все рассказала.

— О боже! — пробормотала Барбара.

Фернан рассмеялся.

— Моя мать отреагировала так же. Она пришла в ужас и страшно возмущалась — прежде всего из-за того, что Фрэнсис предоставила убежище немцу. Первый муж матери умер в немецком концентрационном лагере, как ты наверняка знаешь, и она расценила поступок Фрэнсис как предательство. Иногда я думаю, что историю с немцем она считала более ужасной, чем убийство Виктории.

— Но в полицию она не пошла…

— Во-первых, из-за Лоры. Она опять разрушила бы девочкин домашний очаг, так ею любимый. И потом, мать испытывала в отношении Фрэнсис определенную лояльность. Та помогла ей, когда

она приехала в Дейл-Ли и влачила жалкое эмигрантское существование. Мать не могла этого забыть.

— Но она сказала Фрэнсис, что все знает?

Фернан покачал головой:

— Нет, просто она постепенно все больше отстранялась от нее. Не знаю, заметила ли это Фрэнсис. Она жила своей собственной жизнью. После того как умерла старая горничная, они с Лорой остались здесь совершенно одни.

— Лора была молодой женщиной. Я едва могу себе представить, что единственной перспективой ее жизни было проживание здесь, на ферме, совместно с Фрэнсис.

— Она не хотела ничего другого. Я помню, как однажды Фрэнсис решила, что Лора должна получить какое-то профессиональное образование и стать более самостоятельной. Она отправила ее в школу секретарей в Дарлингтон и сняла ей там комнату. Но эта затея потерпела фиаско. Лора буквально заболела от тоски по дому, и ее пришлось вернуть назад в Уэстхилл.

— Она кажется мне человеком, — задумчиво сказала Барбара, — который никогда по-настоящему не жил.

— В известной степени ты права. Ее мучили различные страхи, она не могла раскрыться. Но обо всем этом я, будучи подростком, совсем не задумывался. Лора была просто частью инвентаря фермы Уэстхилл — существо без возраста, вечно ходившее с круглыми глазами, словно увидела привидение. Она всегда была очень любезной. Впоследствии Лора получила в Лейберне образование по специальности «Домашнее хозяйство» и даже научилась очень прилично готовить. Она часто меня чем-нибудь угощала: то куском пирога, то каким-то лакомством, оставшимся от десерта. Она очень старалась во всем угождать Фрэнсис, так как постоянно жила в ужасном страхе, опасаясь, что та может ее выгнать. Я думаю, что Фрэнсис чувствовала ответственность за нее и сочувствовала ей, но подобострастность Лоры ее ужасно раздражала. Часто, теряя терпение, она срывалась на Лору, и та по нескольку дней чувствовала себя подавленной.

— Ты часто здесь бывал ребенком?

Фернан кивнул, и на его лице, которое было таким холодным в это утро, опять появилось выражение тепла.

— Очень часто. Я любил Фрэнсис Грей. В ней было столько гордости… Настоящий бойцовский характер. Она написала в своих воспоминаниях, что, будучи молодой девушкой, сидела в тюрьме с суфражетками? У нее были мужество и сила. Она выращивала лошадей и учила меня верховой езде. Иногда я здесь ночевал. Я любил этот дом. Дейлвью всегда казался мне холодным и мрачным. Там мне всегда было холодно. Да и сейчас тоже…

Именно это говорила Фрэнсис о том доме, подумала Барбара, и Виктория ощущала то же самое. Возможно, в этом что-то есть: дом, в котором просто никто не может быть счастлив…

— Когда Маргарита рассказала тебе о том… случае во время войны? — спросила она.

— Очень поздно. Когда отец уже давно умер, а я был женат. Мать умерла в семьдесят четвертом году, за шесть лет до смерти Фрэнсис Грей, хотя была значительно моложе ее. Она никогда не чувствовала себя здесь дома. И я думаю, что она так до конца и не пережила страшную смерть своего первого мужа. Брак с моим отцом был разумным решением, лучшим, что могла предпринять бедная эмигрантка. Они прекрасно ладили друг с другом, но ее сердце принадлежало погибшему мужу, а сердце отца… Он с детства любил Фрэнсис Грей — об этом даже написано в книге, — и так оставалось до самой его смерти.

Барбара кивнула.

— У матери был рак, и она знала, что ей осталось недолго. Мне был тогда тридцать один год. Я до сих пор не знаю, почему за три дня до смерти она поведала мне эту старую историю. Мать была католичкой; возможно, ей не хотелось уходить в вечность, будучи посвященной в тайну безнаказанного убийства. Может быть, ее признание было для нее своего рода исповедью… Но, несомненно, было бы лучше, если б она пригласила настоящего священника. — Он немного помолчал. — Я сказал Лоре, что мне все известно, только восемь лет спустя, — и она была в шоке от ужаса. Бедная старая перечница!.. Она наверняка никогда не подумала бы, что Маргарита откроет тайну своему никчемному сыну.

— А ты никчемный сын? — спросила Барбара.

Фернан подошел ближе.

— А как бы ты меня назвала?

— Я не так много знаю о тебе. — Она отступила на шаг. — Синтия рассказывала, что ты слишком много пьешь и жестоко обращаешься со своей женой. Та выглядела ужасно тогда, в магазине перед Рождеством. И я не знаю, соответствует ли понятие «никчемный» тому, что ты из себя представляешь.

— Подбери понятие, которое считаешь нужным.

— Несдержанный, — сказала Барбара, — вспыльчивый, брутальный…

Фернан сделал едва заметный ироничный поклон, но в его глазах появился настораживающий блеск.

— Большое спасибо за блестящую характеристику!

— Ты сам спросил.

— Но ты согласилась лечь в постель с несдержанным, вспыльчивым, брутальным мужчиной. И у меня создалось впечатление, что испытывала дьявольское наслаждение.

Барбара постаралась придать своему голосу жесткость.

— Давай не будем больше об этом говорить.

— Ага… Опять все как прежде. — Блеск в его глазах усилился. — Ты хотела бы знать, какой я тебя вижу? Тебе свойственны перфекционизм и сверхконтроль. Никто не должен заметить, сколько всего от толстой девочки, которую так часто обижали, еще в тебе таится.

— По крайней мере, я никому не причиняю вред.

— Никому. Кроме самой себя.

— Это мое дело.

Фернан взял в руку одну из ее длинных светлых прядей волос и пропустил через пальцы.

— Я восхищаюсь тобой, — сказал он тихо, — восхищаюсь железной решимостью, с которой ты демонстрируешь миру великолепный портрет абсолютно идеальной женщины. Я восторгался такой же решительностью Фрэнсис Грей. Ты напоминаешь мне ее, Барбара, я отметил это с первого взгляда еще в магазине Синтии, хотя ты во много раз привлекательнее ее. Фрэнсис в свои восемьдесят с лишним лет еще скакала здесь на своих лошадях, хотя страдала артрозом, и хотя она думала, что никто этого не замечает, было видно, как тяжело дается ей каждое движение. Но она скорее откусила бы себе язык, чем согласилась бы с этим, и до самого конца не позволяла,

чтобы ей придерживали стремя, когда она садилась на лошадь. — Фернан тихо засмеялся, вспоминая старую упрямую женщину. — Иногда, когда я приходил навестить ее и она сидела в саду, еще не замечая меня, я видел ее печальный, потерянный взгляд, устремленный куда-то в прошлое. Но едва я подходил ближе, с ее лица исчезала грусть, и она опять превращалась в индейца, который не знает, что такое боль. Она была потрясающей женщиной. — Потом он тихо добавил: — *Ты* тоже потрясающая женщина!

— Нет. — Она немного отпрянула назад и оказалась почти в коридоре. — Не будем говорить обо мне, Фернан. Речь шла о твоем характере. Я не понимаю того, что ты делаешь. Ты привлекательный, сильный, здоровый мужчина. Семейная жизнь во времена твоего детства наверняка была не совсем простой, но и не катастрофической. Ты получил приличное наследство, чтобы иметь возможность вести достойную жизнь. Тебе не пришлось сражаться на войне, которая могла бы выбить тебя из колеи, как случилось с твоим отцом. Нет никакой причины и никакого оправдания тому, что ты пьешь и награждаешь тумаками свою жену. Мне не нравится то, что ты делаешь. К сожалению, вчера вечером я просто не подумала об этом.

— И часто такое случается, что ты не думаешь?.. В таком случае я могу вполне гордиться тем, что сделал все, чтобы ты начисто забыла, с каким злым-презлым юношей занималась любовью!

— Я уже сказала, что мы не будем говорить об этом.

— О! — Он опять подошел ближе и стоял перед ней как стена. Барбара боролась с желанием опять отступить. Он ни в коем случае не должен заметить, что она испугалась.

— Ты уже сказала? Ух ты…

Она ничего не ответила.

— А с твоим мужем это проходит? Он допускает такой тон?.. Я думаю, он поджимает хвост и безропотно подчиняется, когда ты приказываешь ему…

— Мне бы хотелось, чтобы ты сейчас ушел, — сказала Барбара холодно.

— Именно так я оценил его во время нашей первой встречи, — невозмутимо продолжил Фернан. — Рохля. Неудивительно, что он тебя не возбуждает. Мне было совершенно ясно, что я должен лишь однажды застать тебя одну, и ты взлетишь, как ракета.

Барбара зажмурила глаза.

— Ты знал, что я одна, правда? Поэтому появился здесь вчера вечером так неожиданно…

Какое-то время казалось, что Фернан хочет возразить, но он согласно кивнул.

— Да, я это знал. Моя жена разговаривала по телефону с Синтией, а та — первая сплетница в наших краях. Она сразу рассказала, что вы сидите на ферме полуголодные, что твой муж ушел, чтобы раздобыть еду, и что у тебя нет от него никаких вестей и ты очень беспокоишься. И тогда я подумал…

— Ты подумал, что если появишься у бедной голодной Барбары с рюкзаком, полным еды, то она из чистой благодарности сразу позволит уложить себя в постель, — горько сказала Барбара.

Она была зла на него, но постепенно все больше злилась и на себя. Его расчет был отвратительным; но чтобы такое сработало, необходимы двое, и она с готовностью проглотила крючок. Наверное, все это время Фернан внутренне торжествовал…

— Я не знал точно, что именно думал, — сказал он серьезно. — Только то, что хочу остаться с тобой наедине. Постоянно думал о тебе после нашей первой встречи. — Он опять поднял руку и хотел дотронуться до ее волос, но на сей раз Барбара вовремя откинула голову назад.

— Сейчас мы позавтракаем, — сказала она, — а потом тебе придется уехать.

— Спасибо, что предлагаешь мне чашку кофе, перед тем как выгнать, — сказал он с иронией.

Барбара, проигнорировав его ремарку, проскользнула мимо него в комнату и взяла стопку листов, все еще лежавшую на столе.

— Я отнесу это туда, где нашла. Лора не должна знать, что я посвящена в ее тайну.

Фернан кивнул.

— Очень разумно.

Барбара замешкалась.

— С другой стороны, она живет в постоянной панике, что кто-то найдет эти воспоминания. Она ужасно боится, что за эту историю ее могут привлечь к ответственности. Я не знаю, правильно ли это — до конца дней оставить ее жить в этом страхе.

— Ты не должна играть роль судьбы, Барбара, — сказал Фернан.

— Но судьба однажды заставила меня в буквальном смысле споткнуться об эту историю, — настаивала она. — У меня такое чувство, что теперь и я тоже приняла на себя ответственность.

— Но это ведь чепуха!

— Эта бедная, старая женщина… Разве она не заслужила хотя бы в последние годы, оставшиеся ей, обрести немного мира и покоя?

— Ты хочешь сказать Лоре, что ей больше нечего бояться?

— Я считаю, что это не по-человечески — позволить ей и дальше жить в паническом страхе из-за преступления, которое стало неподсудным за давностью лет и за соучастие в котором ее и без того было бы достаточно сложно обвинить. Я не могу понять, — она с раздражением бросила толстую рукопись на стол, — почему Лора ни разу не воспользовалась советом юриста. За все эти годы!..

— Она такой человек, над которой всегда и во всех ситуациях господствовует страх, а страх — плохой советчик. Она, вероятно, не доверяла ни одному юристу и боялась разглашения тайны.

— Как можно только быть настолько оторванной от жизни! Адвокат ведь связан обязательством неразглашения тайны. Лора же…

Не договорив, Барбара уставилась на Фернана.

— Почему *ты* ей ничего не объяснил? Ты ведь знал ее тайну. Ты знал, что она изводит себя страхом и что этот страх беспричинный. Почему же ты ей ничего не сказал?

Он молчал, выдерживая ее взгляд, ни разу не моргнув. И вдруг Барбара все поняла. В молчании, которое повисло между нею и Фернаном, всплыла правда, ясная и откровенная. Фрагменты пазла соединились и дали ответ на все вопросы.

— Ты шантажируешь ее, — сказала Барбара. — Конечно. Ты ни в малейшей степени не заинтересован в том, чтобы она узнала, что с ней ничего не может случиться. Я готова спорить, что, при любой возможности, ты еще больше разжигал ее страх. Было совсем не трудно сладить со старой нервной женщиной, которую, как ты наверняка с полным основанием предполагал, еще Фрэнсис Грей держала в определенной неуверенности, так как для той ситуация могла быть опасной, и она должна была быть уверена, что свидетельница будет держать язык за зубами…

Она схватилась за голову.

— Боже мой, куда только подевался мой разум?.. Теперь все ясно! Вот почему Лора постоянно пребывает в таком отчаянном финансовом положении… Мне было понятно, что у нее не может быть много денег, но почему она испытывает *такие* трудности, я не могла себе объяснить. Но, конечно, поскольку ты постоянно требуешь с нее плату за молчание, она еле сводит концы с концами… — Она ненадолго задумалась, потом продолжила: — Вероятно, ты также разъяснил ей, что было бы очень опасно привлекать к этому делу адвоката. Ты наверняка что-то придумал — например, что его обязательство неразглашения тайны при убийстве теряет свою силу или аннулируется, если оно способствует уклонению от наказания, или что-то в этом роде. И если Лора в самом деле что-то слышала о сроке давности преступления, то ты явно выдумал для нее историю о том, что она не может больше быть привлечена к уголовной ответственности, но что у нее могут отобрать дом — так как еще неизвестно, имела ли право Фрэнсис, которая, совершив убийство, стала единственной владелицей Уэстхилла, легально передать его ей в наследство!

— Сразу видно изощренного адвоката… Я ведь сказал, что ты умная женщина, Барбара.

— Твоя мать умерла в семьдесят четвертом году. Можно предположить, что Фрэнсис написала свои воспоминания после этого; так как пролог, который она писала в последнюю очередь, а потом поместила его в начало рукописи, датирован восьмидесятым годом, можно заключить, что он был написан непосредственно перед смертью Фрэнсис. Лора по-настоящему забеспокоилась только тогда, когда узнала, что эти записи существуют, — и потом, конечно, когда стало известно, что есть еще один персонаж, который знает об этом, а именно ты. Но было слишком поздно. Единственного человека, к которому она могла бы обратиться и который мог бы ее успокоить, уже не было в живых: Маргариты. Она уже не могла помочь.

Фернан молчал.

— Она продала тебе за гроши почти все, что имела, — продолжала Барбара. — Ты хотел получить эту землю, и она была вынуждена тебе ее отдать. Та смехотворно мизерная сумма, которую она за это получила, лишь подтверждала то, что сделка состоялась де-юре. Конечно, это все происходило постепенно, в течение многих лет,

и особо никому не бросалось в глаза. Никого не удивляло, что Лора продавала пастбищные земли. Зачем они ей, если она все равно не занимается фермой? Ее сестра считала странным, что она, несмотря на это, постоянно жалуется на проблемы с деньгами, но Лора же всегда находила что-то, о чем можно поплакаться… Она постоянно пребывала в таком настроении, будто вот-вот настанет конец света. Последним на очереди был дом — и ты добился бы того, что не удалось твоему отцу и деду: стать владельцем земель семейства Грей. Да, ты был на волоске от своей победы… Лора была бы вынуждена переехать к своей сестре или куда-то еще, и ты наверняка смог бы убедительно внушить ей, что для нее возникнут нежелательные последствия, если она прервет свое молчание.

Фернан слушал ее спокойно, слишком спокойно, как ей показалось. Потом спросил:

— Откуда ты знаешь, что она продала мне землю за гроши?

— Я нашла договоры. У нас не работало отопление, и я искала бумагу, чтобы разжечь огонь. При этом мне в руки попали ваши соглашения. Я была очень удивлена их условиями, но не додумалась до сути.

— А разве твоя мама не говорила тебе, что это неприлично — копаться в вещах других людей? — тихо спросил Фернан.

Его голос таил в себе опасность, несмотря на мягкость тона. Выражение его лица изменилось. Теперь в этих глазах появилось что-то, отчего у Барбары по коже пробежали мурашки. Она поняла, почему его жена выглядела такой испуганной. В один миг он превратился в мужчину, который буквально источал готовность к насилию, как неприятный запах. Ничто больше не напоминало в нем чуткого любовника из прошлой ночи, заботливого соседа, который привез еду, накрыл стол и, улыбаясь, смотрел, как она поглощает деликатесы. Теперь он был только врагом, непредсказуемым и переполненным затаенной яростью. И она была против него одна-одинешенька…

Инстинктивно Барбара поняла, что чужая слабость не смягчает Фернана, а сила, наоборот, впечатляет. Он не лгал, когда говорил о своем восхищении Фрэнсис Грей. Барбара старалась любыми усилиями не выказать перед ним даже малейший страх.

— Я отправлю тебя в тюрьму, Фернан, — сказала она. — В течение многих лет ты шантажировал Лору самым подлым образом, и

вряд ли найдется судья, который откажет себе в удовольствии возбудить в отношении тебя дело. И если сейчас ты попытаешься шантажировать и меня, то можешь не стараться. Я сама расскажу мужу, что переспала с тобой. У тебя вообще ничего нет против меня.

Его кулак вылетел вперед так неожиданно, что Барбара не успела уклониться. Она почувствовала страшную боль в челюсти. У нее было ощущение, что все ее зубы перемешались между собой. Вслед за этим она почувствовала вкус крови. Качнулась назад и, наверное, упала бы, если б на ее пути не оказался обеденный стол. Барбара сильно ударилась правым бедром о его край — но лишь благодаря этому устояла на ногах. Осторожно поднесла руку ко рту и ощупала губы. Посмотрев на пальцы, увидела, что все они были перепачканы кровью.

Барбара посмотрела на Фернана, стоявшего перед ней и разглядывавшего ее с многозначительной, настороженной улыбкой. Его голос звучал почти дружески, когда он тихо произнес:

— Проклятая мелкая бестия!

Что он собирается с ней сделать? Барбара находилась наверху, в той самой небольшой комнате, в которой они провели ночь. Фернан схватил ее за руку, не грубо, но достаточно жестко, чтобы дать понять, что попытка побега бессмысленна. Она споткнулась, поднимаясь по лестнице. Он затащил ее в комнату и запер дверь снаружи.

— Ты будешь ждать здесь, — услышала Барбара его голос, а потом — удаляющиеся шаги на лестнице.

— Что это значит? — закричала она и стала барабанить руками в дверь. — Немедленно выпусти меня!

Никакого ответа. Наконец Барбара оставила эту затею и отошла от двери. Ее знобило, но лишь через некоторое время она догадалась изменить режим отопления. При этом старалась избегать малейшего взгляда на помятую постель, в которой она и Фернан до изнеможения занимались любовью. Потом посмотрела в зеркало, висевшее над комодом, и испугалась собственного вида: как и прежде, ее подбородок отливал сине-зеленым цветом, но к этому добавилась нижняя распухшая губа, а в уголках рта запеклась кровь.

— Черт подери! — пробормотала Барбара.

Только сейчас она поняла, как больно ей говорить. Чуть раньше, крича и захлебываясь яростью и негодованием, Барбара этого даже не заметила. Но теперь, когда шок прошел и она пошевелила губами,

оказалось, что у нее сильно болят мышцы, о существовании которых Барбара до сего времени даже не догадывалась. Не говоря уже о том, что боль ей причинял и рот, даже если она им не шевелила. Голова гудела и трещала — и с каждой минутой, казалось, все больше и больше.

— Вас ждет еще одно обвинение, мистер Ли, за нанесение телесных повреждений, — мстительно прошептала Барбара.

В самом верхнем ящике комода она нашла пару чистых, аккуратно сложенных белых носовых платков; вынула один из них, потом открыла окно и зачерпнула с оконного отлива пригоршню снега. Затем, насколько это было возможно, высунулась из окна, оценивая вероятность побега. Она была равна нулю. Несмотря на глубокий снег, Барбара не могла прыгнуть с такой высоты; к тому же у нее не было пальто и сапог. Там, на улице, она все равно не выжила бы.

Оказавшись опять в комнате, Барбара завернула комок снега в платок и прижала ко рту, время от времени прикладывая его и ко лбу. Обследовав языком верхнюю и нижнюю челюсти, с облегчением установила, что, по крайней мере, все зубы на месте.

В комнате не было ни одного стула, ни одного кресла — лишь одна кровать, но на нее Барбара не хотела садиться. Она бегала по комнате взад-вперед, словно тигр в клетке. Ее боли так усилились, что время от времени она начинала тихо стонать. К тому же, вероятно, у нее было легкое сотрясение мозга.

Почувствовав жгучую жажду, Барбара еще раз достала немного снега и лизнула его. Здесь не было ни одного сосуда, в котором она могла бы растопить снег до состояния воды. Внизу, в кухне, лежали яйца, колбаски и остывал кофе; но горячее она теперь и так не могла пить, а о еде с ее разбитым ртом нечего было и думать.

Был уже почти час дня, когда Барбаре пришла в голову мысль, что Фернан мог уже уйти. Она не слышала в доме ни единого звука. Вероятно, он уже смотал удочки. Чего ему здесь еще ждать? Что вернется Ральф, и тогда супруги заявят на него в полицию? Он запер ее здесь, наверху, чтобы временно вывести ее из боя и выиграть время, чтобы скрыться.

Скрыться?..

Барбара задумалась о том, мог ли Фернан Ли на полном серьезе бросить все, что у него было, чтобы избежать грозящего ему ареста.

Ситуация, в которую он попал, была критической. Конечно, было бы тяжело доказать шантаж, но теперь были две женщины, которые могли дать показания против него: Лора и Барбара. Лора могла предъявить договоры купли-продажи, которые у любого вызвали бы недоверие. Фернан не мог быть уверен, что он выйдет сухим из воды. Но он не был каким-нибудь оборванным бродягой, которому было бы все равно, как, в каком городе и под каким именем жить в ближайшие годы, и который мог бы сводить концы с концами, перебиваясь случайной работой и снимая убогую комнату у какой-нибудь угрюмой хозяйки.

Фернану было что терять. Поместье, которым уже несколько веков владела его семья. Статус самого богатого мужчины в этой местности — даже если богатство не сохранилось. Если б он уехал, то должен был бы очень многое бросить, а ему это совсем не с руки.

И в тюрьму он также не собирался.

Тут Барбара испугалась. Снова стала барабанить руками в дверь и кричать, насколько ей хватало сил, хотя при каждом движении боль, как удар ножа, пронзала ее рот. В конце концов она, в изнеможении прислонившись спиной к двери, сползла вниз, на пол, да так и осталась сидеть. Она была идиоткой, думая, что Фернан Ли со спокойной душой позволит ей прийти в полицию и лишить его средств к существованию. До этого Барбара не думала, что ей грозит серьезная опасность, но теперь ей стало ясно, что никогда раньше она не находилась в большей опасности, чем теперь. Она должна была смотреть правде в глаза, понимая, что имеет дело с бессовестным человеком.

В течение нескольких лет он использовал страх и неосведомленность старой женщины для собственного обогащения. Он не был таким, как его отец, — мужчиной, которого любила Фрэнсис Грей. Джон Ли, возможно, был непростым человеком, и наверняка бедная Виктория страдала от его равнодушия и холодности, от его алкоголизма, но он всегда сохранял определенную порядочность. Что же случилось с его сыном?

Возможно, Маргарита, женщина с тяжелым прошлым, женщина, которая в Англии на самом деле никогда не чувствовала себя как дома и оставалась иностранкой до самой своей смерти, — возможно, она слишком обожествляла этого единственного ребенка, слишком любила его, чтобы в чем-то ограничивать. Она дала сыну имя своего первого

мужа, убитого нацистами. Это могло быть для него бременем, с которым он не справился. В конце жизни мать открыла ему тайну Лоры; это было странно для такой умной женщины, которая должна была понимать, что разумнее было бы оставить при себе тайну о преступлении, произошедшем 7 апреля 1943 года. Фернан сказал: «Лучше б она все рассказала священнику…»

Но Маргарита рассказала все сыну, который сам себя назвал «никчемным». Его характерные недостатки она не могла не заметить — но, возможно, просто закрывала на них глаза. Вероятно, Фернан был единственным человеком, по отношению к которому Маргарита оставалась слепой, мягкой и снисходительной, вплоть до самообмана. Каким может стать ребенок с такой матерью?

Барбара покачала головой. Нет, рассуждения на темы психологии не имели никакого смысла и не могли ничего ей дать. Фернан такой, какой он есть, и причины не имеют для нее никакого значения. Она оказалась в дурацкой ситуации и прежде всего должна была понять, как выйти из нее с наименьшими потерями.

Услышав шаги на лестнице, Барбара вскочила и немного отошла от двери. В доме было так тихо, что она пришла в ужас. Какие-то секунды в ней теплилась надежда, что это поднимается Ральф. Но он позвал бы ее. И не стал бы ходить по дому молча.

В комнату вошел Фернан Ли. Он был совершенно спокоен. Но Барбара почувствовала, что от него исходил запах алкоголя. Возможно, из-за этого Фернан казался таким уравновешенным, несмотря на сложную ситуацию, в которой оказался.

Барбара смотрела на него и не могла понять, почему он показался ей таким привлекательным. Он был симпатичным, но неприятным. Ее подкупила эта примитивная смесь обаяния и жестокости, и если б у нее не болела так голова, она с удовольствием дала бы себе хорошую пощечину.

— Ну вот, — сказал он, — все кончено. Воспоминаний Фрэнсис Грей больше не существует. Я их сжег.

— И зачем?

— Ты думаешь, я хочу, чтобы еще раз случилось то же самое? Чтобы еще какая-нибудь любопытствующая особа, привыкшая совать свой нос в чужой вопрос, покопалась бы в них и наткнулась на эту историю? И потом, может быть, учинила бы Лоре допрос, все обо мне

выведала и объяснила старухе, что ей нечего бояться, а мне стала бы угрожать полицией? Этим я уж определенно не буду рисковать.

— Но ты сам уничтожил доказательство убийства.

— Я же не собираюсь говорить об этом Лоре. Она не должна знать, что записи нашлись и больше не существуют. Она должна по-прежнему опасаться, что в один прекрасный день рукопись обнаружится.

Барбара пожала плечами.

— Ты забываешь, что *я* в курсе дела, — сказала она.

Ее голос был слабым, потому что говорить было больно, но тем не менее она пыталась проявить определенную независимость.

Фернан смотрел на нее с тихим сожалением в глазах.

— Да. Только ты.

Очевидно, он забыл, что Ральф тоже может знать о существовании рукописи, а может, и ее содержание. Барбара решила пока не подводить его к этой мысли. Не зная, что он намерен делать, она должна была избегать всего, из-за чего Ральф также мог оказаться в опасности.

— Что ты намерен со мной сделать? — спросила Барбара.

Фернан ухмыльнулся.

— Ты все время атакуешь… Спорю, даешь первоклассные представления в суде!

— Я хочу знать, что ты собираешься делать, — настаивала она с уверенностью в голосе.

— Но при этом ты ведь очень сентиментальна, — продолжал он. — Меня удивило, что прошлой ночью ты плакала из-за самоубийства своего доверителя… Ты не такая хладнокровная, какой себя все время выставляешь. К сожалению.

— Честно говоря, у меня нет никакого желания выслушивать анализ моего характера. Он здесь абсолютно неуместен. Я…

— *Меня* интересует твой характер, — мягко перебил ее Фернан. — Меня интересует глубина твоей души, Барбара. *Ты* интересуешь меня. По сути, ты женщина, всегда старающаяся быть выше обстоятельств, оставаясь безразличной ко всему, что так заботит нас, простых смертных. И тем не менее я заметил, что ты сразу положила на меня глаз. Должно быть, тебя потрясло такое

примитивное проявление чувств. И прошлой ночью ты побывала в раю, о котором ты до сих пор ничего не знала…

Барбара натужно засмеялась.

— Не хвастайся. Это было прекрасно — но ты не должен думать, что после этого я упаду к твоим ногам. И вообще, если я теряю рассудок, то лишь на короткое время.

Внизу зазвонил телефон. Барбара хотела сразу проскользнуть мимо Фернана к двери, но тот крепко схватил ее за руку.

— Нет! Ты останешься здесь.

— Отпусти меня! Это может быть Ральф!

— Телефон звонил уже много раз. Кто бы это ни был, он перезвонит.

Барбара попыталась освободиться от его руки, но ей это не удалось.

— Если звонили уже много раз, то это наверняка Ральф. Он очень удивится, что я не отвечаю.

— И что? Значит, удивится. Ты думаешь, меня это интересует или беспокоит?

Фернан еще немного подождал, пока звонки не прекратились, затем отпустил Барбару. Она сделала шаг назад, удерживаясь от того, чтобы потереть больную руку, и спросила:

— И что теперь? Я должна оставаться запертой здесь, в этой комнате, пока ты с помощью алкоголя пытаешься забыться в своей безвыходной ситуации?

Его взгляд был очень серьезен.

— Жаль, что ты настроена так враждебно. У нас появилась бы масса возможностей, если б ты согласилась действовать сообща…

Барбара, ничего не ответив, лишь презрительно посмотрела на него.

— Ну, собственно говоря, я подумал, — сказал Фернан, — что мы…

Он замолчал. Внизу открылась входная дверь. Кто-то вошел в прихожую и стал громко отряхивать сапоги.

— Барбара! — Это был голос Ральфа. — Барбара, где ты? Я пришел!

— Это Ральф! — вскрикнула Барбара. Она хотела выбежать из комнаты, но Фернан опять схватил ее за руку.

— Ты останешься здесь, — прошептал он.

— Ральф, я здесь, наверху! — крикнула она.

— Извини, что так задержался… — ответил тот снизу. — Вчера я просто не успел вернуться. Это невероятно, какие намело сугробы! И еще я заблудился во время бури. Представь себе, остановился на какой-то отдаленной ферме… Там мне удалось переночевать, но у них нет телефона. Я надеюсь, ты не очень беспокоилась?.. Барбара?

— Ответь ему, — приказал тихо Фернан.

— Я так и подумала, — крикнула Барбара.

Ей показалось, что ее голос звучит странно, сдавленно и неестественно, к тому же мешал разбитый рот. Но Ральф, похоже, этого не заметил.

— Но хозяева дали мне с собой массу отличных продуктов, — крикнул он. — Спорю, что ты почти потеряла рассудок от голода! Иди в кухню и посмотри сама.

— Пусть он поднимется, — прошипел Фернан.

Он все еще крепко держал ее за руку. Но даже если б она смогла вырваться — что это дало бы? Куда ей было бежать?

— Поднимайся наверх! — крикнула Барбара.

На этот раз Ральф, похоже, был удивлен.

— Почему ты не спускаешься? Разве не хочешь сразу что-нибудь съесть?

— Поднимись наверх! — повторила Барбара, и на этот раз в ее голосе, кажется, прозвучало нечто, заставившее Ральфа немедленно броситься к ней.

Он был поражен картиной, представшей перед ним. Барбара стояла в дверях с ужасным видом — с зеленым подбородком и сильно распухшей губой. Рядом с ней стоял Фернан Ли и крепко держал ее за руку.

— В любом случае Ральф не мог быть тем, кто звонил, — сказал он.

Ральф остановился на верхней ступени лестницы.

— У тебя гости? — спросил он удивленно.

Барбара вырвала свою руку.

— Да. Но он как раз собрался уходить.

— Ты ничего не сказала о завтраке? — спросил Фернан.

— Это было несколько часов тому назад. Пока ты не ударил меня и не запер в этой комнате.

— *Что?* — спросил Ральф. У него было чувство, будто он оказался на каком-то гротескном спектакле.

Фернан смотрел на него с издевательской улыбкой.

— Я немного позаботился о вашей жене. Она была совсем одна в этом огромном доме… очень голодна!

Ральфу показалось, что нервы у его жены на пределе.

— Мистер Ли неожиданно появился здесь вчера вечером, — поспешно пояснила она. — Он узнал от Синтии, что мы уже несколько дней голодаем. И… был так любезен, что привез нам продукты. Мне так жаль, Ральф… Если б мы знали об этом, тебе не пришлось бы пройти через все это.

— В таком случае я совершенно напрасно беспокоился, — сказал Ральф. — Вчера вечером, сидя перед чудесной едой, я испытывал ужасные угрызения совести, поскольку думал, что ты все еще голодаешь.

— Как я и говорил, — сказал Фернан.

Что-то в этой ситуации Ральфу не нравилось. Напряжение между Фернаном и Барбарой было таким ощутимым, что оно почти парализовало его чувства. Почему Фернан крепко держит руку Барбары? Почему оба здесь, наверху? Почему Барбара не захотела спуститься вниз? И что она сейчас сказала?.. Ральф только сейчас осознал значение сказанного ею: «Пока ты не ударил меня и не запер в этой комнате…» Это была шутка? Но ее рот…

Ральф прикрылся нейтральными словами, надеясь тем самым скрыть свою неуверенность и растерянность.

— Это было очень любезно с вашей стороны, мистер Ли, что вы проявили такую заботу, и мы с женой вам очень признательны.

Фернан со смехом махнул рукой.

— Ваша жена уже выразила свою благодарность, — сказал он дружески.

Это прозвучало двусмысленно. Ральф посмотрел мимо него в комнату. Его взгляд остановился на помятой постели. Конечно, Барбара должна была предложить Фернану переночевать в Уэстхилле; после нового снегопада накануне вечером она не могла потребовать от него отправиться в полной темноте в обратный путь. Но он задавался

вопросом, почему этот мужчина *в середине дня* все еще был здесь, почему он и Барбара находились в этой маленькой спальне. Что-то темное и мрачное пробудилось в нем — предположение, которое он сразу стал отчаянно от себя гнать. Этого не может быть, это абсурд… У него болели замерзшие ноги. Ральф очень хотел принять горячий душ, расслабиться и лечь спать.

— Фернан, мне хотелось бы поговорить с Ральфом наедине, — сказала Барбара.

Тот не сдвинулся с места.

— Я тоже хотел бы при этом присутствовать, — ответил он.

«Ну это уже слишком», — подумал Ральф, выходя из летаргии. Этот человек ведет себя бесцеремонно. Он принес Барбаре еду, но у него нет права вести себя как хозяин дома.

— Вы же слышали, что сказала моя жена, — ответил Ральф. Он сам услышал, насколько резко звучит его голос. — Это очень любезно с вашей стороны, что вы принесли продукты. Но, я полагаю, сейчас вам следует уйти.

Фернан опять улыбнулся.

— Не думаю, что ваша жена *действительно* хочет, чтобы я ушел.

— Ошибаешься, я этого хочу, — возразила Барбара. — Я хочу, чтобы ты исчез, и немедленно.

— Тебе будет немного тревожно на душе… Потому что неожиданно вернулся твой супруг… Насколько я помню, до этого ты устроила большой шум, уверяя меня, что все ему расскажешь. Я очень хотел бы услышать твое признание и с нетерпением жду твоих увертoк и объяснений. В конце концов, ты уже поднаторела в защите недостойных поступков, фрау адвокат…

Ральф поднялся на последнюю ступеньку.

— Убирайтесь! — тихо произнес он. — Убирайтесь немедленно. Я не знаю, что здесь произошло, но обязательно выясню это. Если вы нанесли вред моей жене, то вам придется отвечать перед судом, это я вам обещаю.

На сей раз *он* схватил руку *Фернана.* Тот посмотрел на руку, которая вцепилась в него.

— Отпустите меня, — сказал он так же тихо, как Ральф. — Немедленно уберите вашу руку.

Тот не отреагировал на его требование.

— Сейчас вы пойдете вниз и покинете дом.

— Я сказал вам отпустить мою руку, — повторил Фернан.

Ральф знал, что физически уступает этому мужчине, но исключал, что дело может дойти до рукоприкладства. Все проблемы решались в устной форме или в ходе судебных разбирательств. Кулачные драки не имели отношения к его образу жизни, к его манере общения с другими людьми.

Поэтому он совершенно не был готов к тому, что произошло дальше.

Фернан одним резким движением вырвался от него и одновременно выбросил вперед другую руку. Кулак пришелся Ральфу в грудь. Тот качнулся назад и ухватился за лестничные перила.

Он слышал, как Барбара закричала: «Нет! Ральф!»

Потом мощный кулак настиг его во второй раз, опять ударив в грудь; у Ральфа перехватило дыхание, и он потерял равновесие. Ноги ушли в пустоту. Он упал назад и покатился вниз по лестнице. Несколько раз ударился головой о жесткие края ступеней, — и вокруг него наступила ночь. Теряя сознание, Ральф еще раз услышал крик Барбары…

Была половина первого, когда Лора приехала в Дейл-Ли. У нее было чувство, что она больше никогда в жизни не сможет сделать ни одного шага, — но Лора знала, что впереди ее ждет самый тяжелый отрезок пути. Длинная и крутая дорога наверх, в Уэстхилл. Слишком крутая для нее…

«Мне нужно чуть передохнуть, — подумала она. — Совсем чуть-чуть — и тогда я смогу одолеть ее… В семьдесят лет силы уже не те».

Деревня, заваленная снегом, казалась спящей. На крышах лежали толстые белые шапки, и было ощущение, что они вот-вот провалятся под их тяжестью. Дейл-Ли, в дождливые дни казавшийся мрачным и серым, теперь стал на редкость красивым. Он напоминал сказочную деревушку, сошедшую с рождественского детского календаря. Не хватало только золотых блесток и розовощекого Санта-Клауса, который на санях, запряженных оленями, сворачивает за угол…

Всю дорогу от Аскригга до Дейл-Ли Лоре пришлось идти пешком, так как в воскресенье автобусы не ходили. К счастью, проселочная дорога была большей частью расчищена, так что она добралась без особых проблем. Однако дальше все будет не так просто. Вверх до

Уэстхилла ей придется пробираться через высокий снег, при этом Лора все-таки уже здорово устала…

Она дошла по деревенской улице до магазина Синтии. Тот практически всегда был открыт, в том числе в выходные и праздничные дни. Даже если магазин официально не работал, каждый всегда мог зайти сюда — ибо Синтия вечно сплетничала с другими жителями. Ее свело бы с ума, если б она целые дни проводила в уединении, задрав ноги вверх и не имея никакой возможности услышать от захожего покупателя, что нового произошло в их деревне.

Дверь магазина и сейчас открылась под мелодичный звон колокольчика. Лора вошла и сразу опустилась на один из стульев, всегда стоявших здесь наготове для людей, которым было тяжело стоять во время продолжительных бесед с хозяйкой магазина.

— Уф! — выдохнула она и усталым движением стянула с головы вязаную шапку. — Это был долгий путь!

Синтия выплыла из угла, где стояла, склонившись над ящиком и перекладывая какие-то вещи.

— Лора! — воскликнула она удивленно. — Как ты здесь оказалась?

— Я вчера приехала из Лондона и ночевала в Лейберне, — объяснила Лора, все еще тяжело дыша. — Мне нужно в Уэстхилл.

— Сейчас ты туда не доберешься, — сразу ответила Синтия, — это исключено. Ферму совершенно занесло. Ты просто не сможешь пройти.

— Ничего. Мне лишь нужно немного отдохнуть. Синтия, ты не могла бы сделать мне чаю?

— Я как раз только что его заварила… Боже мой, да ты просто не от мира сего! — Синтия пошла в соседнее помещение и вернулась с чашкой и чайником. — Ты совсем запыхалась… Что, шла пешком от Аскригга?

Лора лишь кивнула. Она пила чай большими глотками. Правда, при этом обожгла себе язык, — зато чувствовала, как к ней постепенно возвращаются жизненные силы.

— Мне надо в Уэстхилл, чтобы проверить, всё ли там в порядке. Барбара — та, кто снял дом, как-то странно говорила по телефону.

— Когда ты с ней говорила?.. Сейчас она, конечно, говорит странно. Она беспокоится за своего мужа. Он ушел вчера утром, чтобы

купить продукты, и она больше о нем ничего не знает. Естественно, она ужасно волнуется.

— Я разговаривала с ней вчера рано утром. Тогда у нее еще не было оснований беспокоиться. Ее муж наверняка еще не ушел.

— Она могла волноваться уже хотя бы потому, что он собирался в путь… Бог мой, Лора, ты специально приехала из Чатема, потому что Барбара как-то странно говорила по телефону?

Лора проигнорировала ее вопрос. Что эти люди могли знать? Она уже привыкла к тому, что все только качают головой, глядя на ее поступки.

— Муж Барбары все еще не вернулся? — спросила она вместо ответа.

— Не знаю. — В тоне Синтии чувствовалась озабоченность. — Я уже дважды звонила в Уэстхилл, но никто не ответил.

— Никто не ответил? — Лора отставила свой чай. — Но этого не может быть!

— Боюсь, Барбара отправилась на поиски своего мужа. А это значит, что оба сейчас где-то блуждают. Я настоятельно советовала ей в любом случае оставаться дома. Но… она очень нервничала. Может, и не выдержала…

— Могу я еще раз попробовать?

— Пожалуйста! — Синтия кивнула на телефон, который стоял на прилавке. — Если ты считаешь, что тебе больше повезет…

Лора набрала номер и стала ждать. Кажется, прошла целая вечность.

На другом конце провода никто не брал трубку.

— Не понимаю, в чем дело, — сказала она.

— Если они завтра не объявятся, их придется искать, — ввернула Синтия.

Лора опять села на стул. Ее ноги обмякли. Она чувствовала себя такой измученной… Какая досада, что ты уже немолода! Все приходится делать через силу.

— Я допью чай и отдохну примерно четверть часа, — сказала Лора, — а потом пойду.

— Это безумие, Лора. Даже более молодому и более крепкому человеку было бы невероятно тяжело подниматься наверх. А ты и так

уже на пределе сил… Я уверена, что ты сможешь одолеть в лучшем случае полпути. Оставайся. Переночуешь у меня.

— Синтия, я приехала из Чатема в Йоркшир не для того, чтобы здесь, в Дейл-Ли, лечь в постель, — ответила Лора. В ее голосе звучала решимость, которой Синтия прежде в ней никогда не замечала. — Мне нужно в Уэстхилл. Я *хочу* в Уэстхилл! И я это сделаю!

— Ты же упадешь замертво!

Лора ничего не ответила. Казалось, она полностью сосредоточилась на чае — и на чем-то своем, что скрывалось у нее внутри и что должно было придать ей силы.

Синтия сделала беспомощное движение рукой. Что ей делать? Ох уж эти старые упрямцы, вечно переоценивающие свои возможности и всегда настаивающие на своем, даже если все против них и может причинить им вред… Да, старческое упрямство, вот как это называется. У Синтии были такие же проблемы с ее матерью, и она знала всех пожилых мужчин и женщин в деревне.

Тем не менее упрямство Лоры удивило ее. Она никогда не настаивала на своем, если кто-то возражал против этого. По мнению Синтии, Лора *не умела* ни на чем настаивать. Она была листком на ветру, женщиной, которая была настолько зависима от мнения других, что никогда точно не знала, чего сама хотела, не говоря уже о том, чтобы решиться осуществить хоть что-то. Всегда спрашивала: «Как ты думаешь? Как ты считаешь? Как ты полагаешь?» И когда люди говорили ей, *что* они по этому поводу думают, считают или полагают, она втягивала голову в плечи и отвечала: «Да, вы правы!» И сразу же отказывалась от всех своих намерений.

Это было вообще не в ее духе — совершать что-то совершенно неадекватное и не прислушиваться, если ей советовали от этого отказаться. Сейчас же она ни разу не обратилась к Синтии за советом. И это было уж совсем на нее не похоже. Лору вовсе не интересовало, что думает Синтия. Она сидела и пила чай, наедине со своими мыслями и с соответствующим выражением лица… Да, Синтии казалось, будто в Лоре сейчас содержалась вся непреклонность мира. Синтия могла говорить что угодно, вся деревня могла говорить что угодно, любой мог постучать ее по лбу — но Лора Селли допьет свой чай и отправится в Уэстхилл.

Это было странно и ужасающе. Что-то пошатнулось в картине мира Синтии. Если Лора перестала быть Лорой — на что тогда вообще еще можно положиться?

В самом начале второго на прилавке Синтии зазвонил телефон. Когда она поняла, что Лору бесполезно убеждать, вновь занялась раскладкой продуктов по полкам. Лора даже немного вздремнула, сидя на стуле, чтобы вновь набраться сил. Она вздрогнула, когда затрещал телефон, и растерянно огляделась.

— Иду, — крикнула Синтия. Сняла трубку. — Алло? — Некоторое время она молчала. — Кто? Ах, Лилиан!.. Я вас сразу не узнала. У вас странный голос…

При упоминании имени «Лилиан» взгляд Лоры сразу просветлел и ожил. Встав, она спросила:

— Лилиан Ли?

Синтия, кивнув, снова замолчала, прислушиваясь к трубке, потом сказала:

— Лилиан, успокойтесь же! Что случилось? Фернан опять… Его нет дома?.. Где… Ах! Когда?.. Вчера вечером?.. Да, конечно, он наверняка там переночевал… Но он ведь никогда не звонит, таков уж он… Честно говоря, меня это беспокоит. Я думала, что Барбара отправилась искать своего мужа, но Фернан этого никогда не допустил бы… Да, это действительно странно. Мы тоже никому не можем дозвониться… Да, представьте себе, Лора Селли здесь… Да… Она хочет идти в Уэстхилл… Я тоже точно не знаю, но, думаю, она уверена в том, что дома больше нет, или что-то в этом роде… — Синтия рассмеялась.

— Что случилось? — спросила Лора.

— Лилиан, с ним все будет в порядке, — сказала Синтия успокаивающим тоном. — Знаете, что я думаю? Барбара убедила его пойти вместе с ней на поиски ее мужа… Что?.. Нет, вам не нужно беспокоиться — Фернан знает местность как свои пять пальцев. Я бы волновалась только в том случае, если б знала, что Барбара отправилась одна… Конечно. Если кто-то сюда позвонит, я сразу сообщу… Да. Конечно. Не волнуйтесь. Пока, Лилиан!

Синтия положила трубку.

— Боже мой! — воскликнула она. — Лилиан вся на взводе! Опять ревет, потому что не знает, куда делся Фернан… Да она должна

радоваться, что его нет дома! Так у нее, по крайней мере, будет время, чтобы залечить свой последний синяк под глазом.

— Фернан в Уэстхилле? — встревоженно спросила Лора.

— Он отправился туда вчера вечером. В определенной степени это моя вина, поскольку я рассказала Лилиан, что у этих двоих не осталось никакой еды. И тогда Фернан решил непременно отнести им что-то — по крайней мере, Барбаре, потому что Ральф уже ушел. Я должна сказать, что меня это продолжает тревожить… — Синтия изобразила довольное лицо. — Моя мать всегда утверждала, что в любом человеке есть что-то хорошее. Теперь я вижу, насколько она права… Ты когда-нибудь думала, что Фернан Ли такой услужливый?

— И он до сих пор не вернулся?

— Ну да, — Синтия лукаво улыбнулась. — Я, конечно, не хотела говорить об этом Лилиан, но ему наверняка приятно побыть рядом с симпатичной Барбарой. Не то что я думаю… э-э-э, что они занимаются чем-то недостойным, но Фернан явно не торопится возвращаться домой к своей робкой женушке.

— Лилиан тоже когда-то была очень симпатичной, — напомнила Лора.

— Да, но теперь она — лишь тень ее самой. В любом случае, я думаю, Фернан определенно западет на эту Барбару.

— Но они ведь могли подойти к телефону, — предположила Лора.

Теперь она казалась очень напряженной и еще больше взволнованной. Синтия размышляла, что же с ней все-таки происходит.

— Я сказала Лилиан, что, возможно, они отправились искать мужа Барбары, — продолжила хозяйка магазина. — В этом случае с Барбарой точно ничего не случится. Если Фернан с ней, можно совершенно не тревожиться.

— У меня очень неприятное чувство, — прошептала Лора; было ощущение, что она сейчас расплачется.

— Из-за Фернана? Он точно ничего не сделает Барбаре! Это он при Лилиан иногда теряет самообладание — но в отношении чужих людей… Я не могу себе это представить.

Лора сделала пару шагов взад и вперед, сжав руки вместе. Когда она только пришла в магазин, у нее были красные от мороза щеки. Теперь же ее лицо было мертвенно-бледным.

— Лора… — сказала Синтия, пытаясь успокоить ее.

Та взяла свою вязаную шапку и решительно натянула ее на голову.

— Я пойду. Немедленно отправляюсь в Уэстхилл!

— Ты совсем сошла с ума! Скажи мне хотя бы, ради бога, *зачем?*

— Это длинная история, — ответила Лора, — и очень старая. — Она надела перчатки и намотала на шею шарф. — Спасибо за чай, Синтия. Я заплачу за него в другой раз.

— Это бесплатно… Лора, если ты сейчас пойдешь, то следующего раза может и не быть!

Но Лора уже ее не слушала. Она открыла дверь магазина, и колокольчик снова приветливо зазвонил. Синтия посмотрела ей вслед, наблюдая, как она шагает по сельской дороге. Даже отсюда была видна ее решительность. Прежде Лора никогда не держала голову так высоко, никогда не расправляла так плечи. Энергичная, одетая во все черное…

— Пожалуй, она действительно справится, — пробормотала Синтия.

— Барбара, — позвал Ральф, с трудом шевеля губами, — я очень хочу пить!

Барбара сидела на стуле, поджав ноги.

— Я могу опять дать тебе только снег, — сказала она, подняв голову.

— Да. Это лучше, чем ничего.

Она подошла к окну, взяла с оконного отлива пригоршню снега и подошла к мужу. Тот лежал на одеяле на полу, испытывая сильную боль, — это было видно по его лицу.

— Как ты? — спросила Барбара.

Ральф попытался улыбнуться, но ему это не удалось.

— Отвратительно. Такое впечатление, что голова вот-вот развалится на части.

Барбара примяла снег на его губах, чтобы тот попал ему в рот.

— У тебя наверняка сотрясение мозга. Падая, ты несколько раз ударился головой. Тебе ни в коем случае нельзя шевелиться.

— Не беспокойся. Я и не смог бы, даже если б захотел.

У нее появилась идея. Они находились в столовой, и у них были чашки и стаканы. Барбара взяла из шкафа под сервантом три больших стакана, снова открыла окно и наполнила их снегом. Потом поставила их под радиатор.

— Ну вот, — сказала она, — сейчас у нас будет настоящая питьевая вода. — Посмотрела в окно. — Я могла бы легко отсюда вылезти…

Ральф сделал протестующее движение рукой.

— Нет. У тебя нет ни пальто, ни сапог, ничего… Ты не доберешься до Дейл-Ли без лыж. И замерзнешь по дороге.

— Этот выродок, — яростно прорычала Барбара, — проклятый выродок!..

Увидев, как Ральф, скорчившись, лежит возле лестницы, в первый момент она была уверена, что он мертв.

— Ты убил его! — закричала она. — Боже мой, ты убил его!

На сей раз Фернан не смог удержать ее. Она как белка сбежала с лестницы и опустилась на колени рядом с Ральфом. Тот лежал на животе, и Барбара осторожно перевернула его. Потом заметила, что он дышит.

— Мы должны немедленно вызвать «Скорую помощь», — сказала она и встала.

Фернан, между тем, тоже спустился по лестнице.

— Какой смысл? — спросил он. — Они все равно сюда не доберутся.

— Доберутся. Они могут использовать снегоуборочную машину. Или вертолет. Что-нибудь придумают…

Барбара побежала в гостиную. Но едва она поднесла трубку к уху, как Фернан, последовавший за ней, вытащил вилку из розетки.

— Нет, — сказал он.

Она пристально посмотрела на него.

— Что значит «нет»? Он может умереть! У него могут быть внутренние повреждения, он…

— И ты думаешь, что я возьму вину за это на себя?

— Да мне сейчас плевать на это! — закричала Барбара.

Он оставался совершенно спокойным.

— А мне — нет. Помоги мне, давай отнесем его в столовую.

— В столовую? Там нет ничего, на что он мог бы лечь. Здесь, в гостиной…

— …стоит телефон. Как раз для тебя. Пойдем! Или ты хочешь, чтобы он остался лежать там, на холодных плитах?

У нее не было иного выбора, как только последовать за ним в коридор. Ральф был без сознания и тихо стонал, когда они подняли его, отнесли в столовую и положили его на пол. Фернан принес шерстяное одеяло, которое бросил Барбаре. Потом вышел из комнаты и запер дверь.

Она соорудила мужу постель, насколько это было возможно, и через некоторое время, показавшееся ей бесконечным, он наконец пришел в себя. А пока Барбара то сыпала проклятьями, то молилась, бегая по комнате, и чувствовала, что в любой момент может потерять рассудок.

Рядом, в гостиной, много раз звонил телефон. Она размышляла, кто бы это мог быть. Конечно, кто-то из родственников. Или Синтия, желающая узнать, вернулся ли Ральф. Или Лилиан, которая, в конце концов, когда-нибудь должна была забеспокоиться о своем муже. Обеим должно было показаться странным, что никто не берет трубку. Но будут ли они сразу обращаться в полицию? А если уже сделали это — сочтет ли полиция нужным пробираться в Уэстхилл, что требовало времени и затрат?

Потом ей в голову пришла другая мысль. Лора едет домой. Вопрос лишь в том, сможет ли она одолеть этот путь. Семидесятилетняя женщина… А даже если доберется до Уэстхилла, означает ли это, что она может оказать даже самую минимальную помощь? Она ничего не сможет сделать с Фернаном. Только лишь станет третьей, попавшей в его ловушку…

«Звонить могла также и Марджори… Она наверняка очень беспокоится за свою сестру».

Барбара зацепилась за вероятность того, что три человека рано или поздно поймут, что в Уэстхилле что-то случилось. Но сколько пройдет времени, пока они начнут что-то предпринимать?

Барбара мало разбиралась в медицине, но внутренний голос подсказывал ей, что Ральфу нужна срочная помощь. Внешне по нему ничего не было заметно, кроме синяков на теле, но бессознательное состояние длилось слишком долго. В ее ушах до сих пор стояли глухие звуки, когда он при падении вновь и вновь ударялся головой о ступени. Как минимум сотрясение мозга… Но у него также мог быть и перелом черепа. В этом случае ему срочно нужно в больницу. Могло начаться

кровотечение, которое, если его сразу не остановить, быстро приведет к смерти.

В три часа Ральф все еще не пришел в сознание. Барбара положила немного снега на его лоб в надежде, что холод приведет его в чувство, но он на это не отреагировал. После долгих поисков она наконец нащупала его пульс; он показался ей нормальным. Его дыхание было равномерным. Барбара взвесила все возможности побега, но поняла, что никаких шансов на успех нет. Она много раз звала Фернана, но ответа не последовало. Как это уже было с утра, за несколько часов в доме не раздалось ни одного звука. Можно было предположить, что он ушел; но Барбара уже убедилась в том, что он просто может затаиться.

«Если до пяти часов ничего не изменится, — подумала она, — я вылезу из окна, выбью окно в гостиной и позвоню в полицию».

Сидя за обеденным столом, Барбара смотрела на гору пепла в камине. Кое-где еще мерцали искры. Воспоминания Фрэнсис. Сожжены и уничтожены. Если б она послушала Ральфа и не стала бы все это читать… Или, по крайней мере, ей хватило бы ума сразу спрятать рукопись, после того как стало понятно, что та содержит опасную тайну… Но откуда ей было знать, что история не завершена? Что она получила свое продолжение и после смерти Фрэнсис Грей?

Ничего не прошло, ничего не закончилось. Безнаказанное убийство Виктории требовало расследования. Без этого никто из оставшихся в живых не обретет покой.

В начале пятого Ральф очнулся — и попросил воды. Барбара решила, что муж пребывает в спутанном сознании и едва понимает, кто он и где; но тот сразу сориентировался и вспомнил, что произошло.

— Что, черт возьми, с этим Фернаном Ли? — спросил Ральф, пытаясь сесть, — но со стоном откинулся назад. Его губы были такими же белыми, как и лицо.

Барбара коротко рассказала ему о том, что произошло, сообщила о давнем убийстве Виктории Ли и о том, что Лора с тех пор жила, думая, что может быть привлечена за это к уголовной ответственности и потерять все, что у нее было. Рассказала, что Фернан Ли узнал об этом и использовал эту информацию, шантажируя старую женщину в течение многих лет. Что она вывела его на чистую воду, но поступила достаточно глупо, пригрозив ему полицией.

— Он сейчас в чертовски сложном положении, Ральф, — сказала Барбара. — Мы с тобой являемся для него осведомленными лицами, которые при определенных обстоятельствах могут отправить его в тюрьму. Кроме того, что напал на тебя, он еще несет вину за причиненные тебе тяжкие телесные повреждения. Для него сейчас многое стоит на кону.

— Ты понимаешь, что сейчас сказала? — спросил устало Ральф. — У него, по сути дела, нет иного выбора, кроме как избавиться от нас.

— Однако же он не торопится. Сейчас четыре. Мы заперты здесь уже три часа. Непонятно, что он намерен делать. Когда-то его должна начать искать жена. У Синтии тоже возникнет подозрение, и он это знает. Рядом постоянно звонит телефон. — Она понизила голос. — Кстати, Лора Селли едет домой!

— Почему?

— Она что-то почуяла, когда говорила со мной по телефону, я в этом совершенно уверена. Лора убеждена, что я нашла воспоминания Фрэнсис, о существовании которых она знает и отчаянно ищет их уже много лет. Она ужасно боится, что я заявлю в полицию, если там что-то написано об убийстве.

— Она сюда не доберется, — сказал Ральф. — Но для нее так было бы лучше. Иначе она тоже попадет в западню.

Вскоре после этого он опять уснул. Проснувшись без четверти пять, снова попросил воды. За окном уже стемнело. Барбара зажгла небольшой торшер в углу. Верхний свет она выключила, боясь, что он усилит головную боль Ральфа.

— Я кое-что придумала, — сказала она. — В пять часов хочу попробовать проникнуть с улицы в гостиную и позвонить в полицию.

— Ли этого не позволит.

— Если он еще здесь. Я уже несколько часов не слышу никаких звуков.

— Лучше не рисковать, Барбара, — сказал Ральф. За последние минуты он еще больше побледнел.

Барбара озабоченно посмотрела на него.

— Мне кажется, что тебе становится все хуже.

— Очень тошнит. Боюсь, сейчас начнется рвота.

— Это естественно при сотрясении мозга. Но я… я должна все-таки попытаться добраться до телефона.

Ральфу было тяжело говорить.

— Не нужно… его провоцировать. — Он опять попытался улыбнуться. — Прекрасный отпуск у нас, да?

— Замечательный. Обещаю тебе, Ральф, к твоему пятидесятилетию я подарю тебе что-нибудь безопасное — компьютер или автомобиль…

— На нем можно попасть в аварию.

— Ну не каждый же раз нас будет ждать неудача!

Муж попробовал немного поднять голову. Его лицо исказилось болью. Он выглядел гораздо старше, чем был.

— Ты… с ним спала? — наконец спросил Ральф. — Ведь Фернан Ли… это имел в виду своими намеками?

Не было смысла что-то отрицать. И минимум того, что Барбара могла сейчас сделать для него, это честно во всем признаться.

— Да. И еще никогда в жизни ни за что не испытывала такого стыда.

— Потому что он… проявил себя как негодяй?

— Потому что он всегда им был. И потому что я знала это заранее. И потому что я, тем не менее… не смогла этому противостоять.

Ральф откинул голову назад.

— Почему? — спросил он тяжелым от усталости голосом.

Она подняла обе руки.

— Не знаю.

— И все-таки ты должна знать.

— Это так тяжело…

Барбара откинула волосы назад, почувствовав, что не знает, куда ей деть руки. Ей хотелось, как маленькой девочке, грызть ногти. Она села и положила руки на колени.

— Все, что бы я тебе сейчас ни объяснила, прозвучало бы для тебя как оправдание. Но я не хочу оправдываться. Это случилось. И мне очень жаль.

— Ты в него влюблена?

— В Фернана? После всего, что…

— Я имею в виду… вчера ночью. Был ли такой момент, в который ты… подумала, что любишь его?

— Нет. — Это прозвучало четко и спонтанно. — Нет, такого момента не было.

— Если бы… всего этого не случилось… с книгой Фрэнсис Грей… я имею в виду, если б он не шантажировал Лору, если б сейчас не устроил все это… ты хотела бы с ним остаться?

— Это абсолютно гипотетический вопрос, Ральф. Он тот, кем является. Даже если б не случилось всего этого с Лорой, то остается тот факт, что он пьет и истязает свою жену. Я столкнулась бы с этим как минимум на следующее утро. — Помолчав немного, она добавила: — Я *и столкнулась* с этим наутро. Тогда я еще не знала всего остального. Но уже тогда спрашивала себя, как я могла это сделать.

— Этого не произошло бы, если б у нас все было в порядке.

— Не знаю. — Теперь Барбара на него не смотрела. — Возможно, все равно произошло бы. Это было… Я потеряла контроль. Мне кажется, это не было в особой степени связано с Фернаном Ли. Могло случиться что угодно. Это…

Она отчаянно искала слова. Как ей было объяснить ему свои ощущения, если она сама еще совершенно не понимала их?

— Было такое ощущение, что во мне что-то разорвалось. Я чувствовала себя как человек, который много лет по-настоящему не жил — а потом совершает что-то ненормальное, абсурдное, что-то запретное, и понимает, что жизнь в нем еще не угасла. Ах, Ральф!.. — Барбара опять встала. — Тебе, наверное, тяжело это слышать. И все же я как будто оправдываюсь… раздуваю простую по сути историю в эпос, чтобы не стоять здесь перед тобой в роли обычной шлюхи… Давай поговорим позже. Когда тебе станет лучше. Когда ты сможешь все обдумать. Тогда мы решим, как быть дальше.

— А ты веришь, что дальше что-то будет?

Она опустилась рядом с ним на колени.

— Давай не сейчас. Пожалуйста, Ральф… Сейчас речь идет лишь о том, как нам выжить. Все остальное будет потом. Хорошо?

Она мягко дотронулась до его щеки. Его глаза были закрыты.

Через десять минут у него началась рвота, и ей пришлось держать его голову. Он стонал от боли.

Барбара поняла, что он не переживет эту ночь, если она ничего не предпримет.

Был уже седьмой час, когда Барбара отважилась оставить Ральфа одного. Она решила-таки проникнуть с улицы в гостиную и позвонить в полицию; но ей пришлось сначала увериться в том, что у него снова не начнется рвота. Он не мог шевелиться без ее помощи и неизбежно задохнулся бы. После того как Ральф в течение двадцати минут не двигался и у него не было рвотных позывов, она решила, что это подходящее время, чтобы попытаться реализовать свой план.

Было очень важно сделать это быстро. Во-первых, поскольку она не могла оставить Ральфа надолго. И во-вторых, потому, что из какого-нибудь темного угла мог выскочить Фернан. Она должна была разбить окно первым же ударом, сразу пробраться в комнату и с быстротой молнии оказаться у телефона.

Барбара огляделась в поисках предмета, которым можно было выбить стекло. Больше всего для этого подошло бы полено, но рядом с камином ничего не нашлось. В шкафах стояли только стаканы и фарфор. Не вытаскивать же для этого стул?

Ее взгляд заскользил по потолку и стенам — и остановился на улыбающемся лице молодой Фрэнсис Грей. Внимание Барбары привлекла тяжелая позолоченная рама. Она взяла портрет в руки. Ее пальцы почувствовали холод и тяжесть металла. Фрэнсис иронично улыбалась.

— Это, пожалуй, подойдет, — пробормотала Барбара.

Она еще раз взглянула на Ральфа. Он дышал ровно; его лицо было совершенно серым, но никаких признаков рвотных позывов, похоже, не было.

— Я сейчас вызову помощь, — прошептала ему Барбара, — не бойся. Все будет хорошо.

Она открыла окно — и в лицо ударил ледяной воздух. Вечернее небо было ясным, кое-где уже мерцали отдельные звезды. Узкий серп луны проливал скудный холодный свет, под которым заснеженные поля вокруг приобретали голубоватый оттенок. Над землей стояла полная тишина, не нарушаемая ни единым звуком, — неповторимое молчание зимней ночи. Красота окружающего ландшафта на мгновение растрогала Барбару, несмотря на весь ужас ее положения. Она глубоко вобрала в себя холод и темноту. Ни разу до этого Барбара

не осознавала с такой ясностью, почему Фрэнсис Грей так любила эту землю. В эти страшные минуты она ощутила эту любовь у себя внутри как болезненное притяжение. Ее рука крепче обхватила картину.

— Если только можешь, помоги мне сейчас, — попросила она тихо.

Снег скрипел под ее ногами; он был уже слежавшимся, и от мороза на нем образовалась ледяная корка. Барбара проскользнула вдоль стены дома и оказалась перед окном гостиной. Света в ней не было.

Она посмотрела наверх. В других окнах свет тоже не горел.

«Он ушел, — подумала Барбара. — Я уверена, что он ушел. Дело приняло для него слишком серьезный оборот. Я идиотка, что так долго ждала… Но он рассчитывал именно на это. Что пройдут часы, прежде чем мы что-то предпримем, и что у него будет масса времени, чтобы исчезнуть».

Она отказалась от своего первоначального плана — разбить окно. Ей не нужно было ничего разбивать. Она могла проникнуть в дом через входную дверь.

Барбара пошла дальше, пока не добралась до входной двери. Она нажала на ручку. Конечно, дверь была открыта. Двери здесь никогда не запирают.

Так как у нее не было полной уверенности в том, что Фернана нет где-то поблизости, она не стала зажигать свет, а оставила дверь широко раскрытой, чтобы в прихожую мог попадать бледный лунный свет; потом прошла на ощупь мимо гардероба и чуть было не споткнулась о стоящую на пути обувь. Посмотрела в сторону кухни, дверь в которую была приоткрыта. И там темно.

В гостиной Барбара тоже решила обойтись без света. Она знала, где стоит телефон, поскольку помнила, как накануне вечером сидела рядом с Фернаном на диване, смотрела телевизор и пила вино. С этого момента не прошло еще и двадцати четырех часов, но ей казалось, что минула целая жизнь…

Барбара больно ударилась коленом о стол, но не обратила на это внимания. Потом стала нащупывать телефон — и наконец нашла его. Ее пальцы обхватили трубку…

Вспыхнул свет. Она обернулась. За ее спиной стоял Фернан.

— Так и знал, — сказал он. — Его голос звучал немного вяло. — Знал, что ты когда-нибудь появишься здесь. Ты ждала дольше, чем я думал…

В первый момент ей в голову не пришло ничего другого, как этот дурацкий вопрос:

— Ты еще здесь?

— Как видишь. Ждал тебя там. — Он указал на кресло, которое стояло за ним, рядом с дверью.

Барбара поборола в себе страх и постаралась придать своему голосу жесткость.

— Чего ты хочешь, Фернан? К чему эта игра в кошки-мышки?

— Чего хочешь *ты*? — спросил он в ответ.

— Позвонить в «Скорую помощь». Моему мужу очень плохо. У него наверняка тяжелое сотрясение мозга, а возможно, даже перелом черепа. Я… — ей трудно было выразить словами то, что она давно поняла в своем сознании, — я думаю, что он умрет, если срочно не приедет врач.

— Да? Он умрет? Ты уверена?

— Фернан, дай мне вызвать врача. Если он умрет, то на твою совесть ляжет убийство. Со всем прочим, что произошло до этого, ты еще можешь более или менее дешево отделаться. Но убийство — это другое дело.

— Допустим. — Похоже, он напряженно размышлял. — Но может получиться так, что ты вызовешь врача, а твой муж тем не менее умрет. И тогда убийство все равно будет на моей совести.

— Умышленное убийство — или нанесение телесных повреждений со смертельным исходом… Я не знаю точно, но в английском уголовном праве тоже, наверное, существует подобное различие. Это сильно влияет на приговор, поверь мне!

— Ах да! Я все время забываю, с кем имею дело. Вы ведь суперумный юрист, миссис Барбара… Успешный адвокат… Ты будешь меня защищать?

— У меня здесь нет допуска, — ответила Барбара дрожащим от нетерпения и волнения голосом.

У нее было чувство, что Фернан не находит разумных аргументов. Доходило ли до него вообще хоть что-то из того, что она говорила? Он

такой странный… Сидел здесь несколько часов и ждал ее. Почему он не сбежал?

— Я сейчас же позвоню в «Скорую», — сказала Барбара и взяла трубку.

Фернан сделал два шага и оказался возле нее. Потом схватил ее за запястье и заставил положить трубку на рычаг.

— Нет! — сказал он резко. — Никаких звонков, фрау адвокат! Мы сейчас побеседуем. Твои родители очень небрежно отнеслись к твоему воспитанию, Барбара. Я еще вчера обнаружил, что они не объяснили тебе, что нельзя лезть в дела других людей. Но теперь вижу, что и твои манеры оставляют желать лучшего. Не следует кому-то звонить, если другой человек с тобой разговаривает!

Барбара почувствовала запах алкоголя, исходящий от него.

— Кажется, ты изрядно выпил, — сказала она.

Фернан рассмеялся.

— Да. Разве ты не знала, что я алкоголик? Уверен, что какая-нибудь из многочисленных местных сплетниц тебя уже об этом проинформировала… Ну да, яблоко от яблони недалеко падает. У отца тоже была ненасытная глотка.

— Откуда у тебя спиртное? Здесь ничего не было.

— Я позаботился об этом заранее. В моем рюкзаке была бутылка прекрасного виски. Особого виски. Фрэнсис от него точно не отказалась бы. Она просто не могла удержаться от виски… Но я не хочу сравнивать ее с собой. Фрэнсис никогда не пьянела. Она всегда знала свою меру и никогда не пила больше, чем могла. У нее срабатывал самоконтроль. Как и у тебя. Правда, я иногда спрашиваю себя…

Фернан отпустил ее запястье, но по-прежнему смотрел на нее настороженно. Барбара знала, что нет никакого смысла второй раз хватать трубку.

— Да, иногда я спрашиваю себя, приходила ли она в такой же восторг в постели моего отца, как ты в моей… Это было бы интересно узнать, как ты думаешь? Она ничего об этом не написала в своей книге? Ты ведь ее прочла.

— Не помню. Фернан, я…

— Тебе не нравится эта тема, да? Могу поверить. Здесь рядом лежит твой тяжелораненый муж и, возможно, даже умирает… И тогда

тебе придется смириться с тем, что ты в последнюю ночь его жизни обманула его… Нет, я понимаю. Я тоже не хотел бы оказаться в твоей шкуре!

Барбара ничего не ответила. Фернан был слишком пьян, чтобы она могла апеллировать к его благоразумию. И одновременно он не был до такой степени пьян, чтобы превратиться в соперника, которого можно было бы легко одолеть.

«Но он же не убийца, — подумала она. — У него было несколько часов времени, чтобы заставить нас замолчать навсегда, если б он этого захотел. Он не знает, что ему делать. Он сел в лужу и не имеет представления, что будет дальше. Ужасно лишь то, что он обрекает Ральфа на смерть… Это он вполне может сделать. Оставить его лежать там и не обращать на него внимания до тех пор, пока тот не умрет…»

— Я сидел здесь, ждал и наблюдал, как сгущаются сумерки, — сказал Фернан. — Часто сиживал здесь раньше. Я, кажется, уже говорил, что любил приходить в Уэстхилл? Мы сидели здесь вместе: Фрэнсис, Лора и я. Фрэнсис рассказывала тогда разные истории из своей жизни. Но не так, как это часто делают старые люди, — скучно и старомодно, когда слушаешь их только из вежливости. Фрэнсис была веселой и остроумной. В ее рассказах всегда таилась какая-то изюминка. И у нее был невероятный талант самоиронии. Иногда я слушал ее буквально затаив дыхание. Она много пережила, прежде всего в годы женского движения и во время Первой мировой войны. Для меня это был совсем другой мир, который я не знал. Я был в восторге. От рассказов и от этой женщины.

— Я тебя понимаю, — сказала Барбара, — на самом деле. Но, Фернан, мне нужно сейчас обязательно…

— Как женщина она меня, конечно, не привлекала, — продолжал он. — К тому же была уже слишком стара: ей было семьдесят, а мне — двадцать. Но эротика — это не единственная связь между мужчиной и женщиной. Возможно, я испытывал к Фрэнсис более сильные чувства, чем ко многим другим женщинам, с которыми был в интимных отношениях и которые были и моложе, и красивее. Ты можешь себе это представить?

— Ты ее любил.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Да. Думаю, что любил.

«Возможно, — подумала Барбара, — именно сейчас с ним можно как-то справиться».

— Не думаю, — сказала она, — что сегодня Фрэнсис с тобой согласилась бы. С тем, что ты пьешь и что много лет шантажируешь Лору. Она наверняка осудила бы и то, что ты сейчас делаешь с моим мужем…

В лице Фернана проявилось презрение.

— Ах, Барбара! Какой дешевый трюк… Ты думаешь, что обведешь меня вокруг пальца таким элементарным способом? Я ожидал от тебя больше психологического чутья и больше стиля…

— Я сделала попытку.

— Непревзойденную по неуклюжести. Создается впечатление, что тебя совсем не интересует то, что я говорю. Может быть, лишь в той степени, чтобы ты могла с помощью моих высказываний строить козни. В остальном тебе все безразлично.

Ее нервы были на пределе. В ней закипала ярость. Проклятый ублюдок! Он был прав, ее это не интересовало. Пусть он прибережет свои речи для кого-нибудь другого. Барбара поняла, что сейчас разревется — от усталости, от напряжения, от страха.

Она завыла так неожиданно, что Фернан вздрогнул.

— Нет! — закричала она. — Ты прав! Мне плевать, что ты чувствовал к Фрэнсис или к кому-то еще! Все эти размышления о твоем прошлом мне безразличны! Меня тошнит от всех этих сентиментальных признаний, как ты тут сидел и слушал ее… А дальше ты, конечно, начнешь рассказывать о своей тяжелой юности и о том, как было нелегко с матерью, которая так тосковала по родине, и с отцом, который по возрасту годился тебе в деды и чье сердце всю жизнь принадлежало другой женщине! И о том, насколько мрачно все это было, этот Дейлвью, в котором, как я поняла, целые поколения жителей жили в депрессии и страдали алкоголизмом! И что здесь ты искал и нашел свою родину, в Уэстхилле и у Фрэнсис Грей, которая стала для тебя воплощением силы и надежности и дала тебе то, что ты нигде больше не смог получить и за что ты ее любил и нуждался в ней… И еще ты расскажешь мне, что именно поэтому при любых обстоятельствах хотел бы получить Уэстхилл. И что не жадность и не одержимость, а твоя любовь заставляет тебя желать того, что когда-то принадлежало Фрэнсис. И я могу сказать тебе только одно: все это не

интересует меня ни в малейшей степени, так как рядом лежит мой муж, мужчина, которого *я* люблю, и он тяжело ранен, а я хочу, чтобы он выжил! Ты понимаешь? Я хочу, чтобы он *жил*!

Слезы полились по ее лицу, но Барбара их не замечала. Она плакала навзрыд, пока ее силы не иссякли. И не сопротивлялась, когда Фернан заключил ее в свои объятия.

— Ты понимаешь меня, — прошептал он. — Даже если говоришь, что это тебя не интересует, ты понимаешь меня. После Фрэнсис ты единственный человек, который меня понимает. Ты такая же сильная, как она, Барбара… И очень красивая…

Ей хотелось ему сказать, какой слабой она чувствует себя в этот момент, настолько слабой, что позволила ему себя обнять и уткнуться лицом в его плечо. Он был врагом — и все же достаточно ранимым и противоречивым человеком, чтобы не вызывать в ней ненависть. Ей казалось, что она уже ничего больше не может испытывать — ничего, кроме бесконечного изнеможения.

Фернан снова и снова гладил ее по волосам и шептал ей слова, которые ускользали от ее понимания; но для нее уже не имело какого-либо значения, понимает она что-то или нет. Она хотела только уснуть и когда-нибудь проснуться, чтобы убедиться в том, что это был долгий, сумбурный сон…

Барбара устало подняла голову. Она что-то услышала. Что-то помимо тихого, нежного голоса возле ее уха. Дверь. Шаги.

Она очнулась. Это не было пробуждением, которого она жаждала, или пробуждением, которое избавляет от дурного сна. Сон был реальностью, и она была частью его.

Шаги приблизились. Медленные, неуверенные шаги. Бесконечно тяжелые. Кто-то, облаченный в темную одежду, нетвердой походкой вошел в гостиную.

Лора…

— Лора! — закричала Барбара, и ее тело, тяжело и вяло лежавшее на руках Фернана, резко выпрямилось.

Лора едва держалась на ногах. Шевеля губами, словно хотела что-то сказать, но не в силах произнести ни единого звука, она направилась к креслу, в котором сидел Фернан и ждал Барбару, но было похоже, что у нее едва хватит сил до него дойти. Она могла в любой момент упасть.

Фернан отпустил Барбару и повернулся. У него было такое лицо, будто он увидел привидение.

— Лора! Как вы здесь оказались? Откуда вы?

Лора снова зашевелила посиневшими губами — и опять не смогла вымолвить ни единого слова.

Фернан окончательно пришел в себя. Резким голосом он повторил вопрос:

— Я хочу знать, откуда вы так внезапно появились!

Лора опустилась в кресло, с трудом переводя дыхание. Ее попытки хоть что-то произнести выглядели пугающе.

Фернан теперь стоял спиной к Барбаре, и та мгновенно схватила тяжелую металлическую раму. На сей раз металл не показался ей таким холодным, как сначала, а принял тепло ее рук.

Она не медлила, не ждала, пока сомнения парализуют ее. Это мгновение было ее единственным шансом. Единственным шансом, который был у Ральфа…

Она подняла руки и с размаху нанесла удар. Тяжелая позолоченная рама обрушилась на затылок Фернана. Стекло треснуло. Казалось, что Фернан хочет повернуться к ней, и в течение пары страшных секунд Барбара подумала, что ее удар был слишком слабым, слишком нерешительным, как у Ральфа в тот первый день, когда он хотел разрубить полено в сарае. Но потом Фернан остановился, тихо выдохнул и рухнул навзничь. Как в замедленном режиме, он упал на пол и замер.

Барбара поставила сломанную раму с изображением улыбающейся Фрэнсис Грей рядом с телефоном.

— Лора, — сказала она, — я сейчас же займусь вами. И Ральфом. И еще я должна вызвать врача. Но сначала мне нужно оттащить Фернана в кухню и запереть его там. Вы ведь понимаете, да? Потом я сразу окажусь в вашем распоряжении.

Лора опять зашевелила губами, и после двух неудачных попыток у нее наконец получилось.

— Вы не могли бы сделать мне чашку чая? — попросила она.

Среда, 1 января 1997 года

Три женщины сидели в кухне Уэстхилла и завтракали. Было раннее утро; горизонт на востоке светился нежным розовым сиянием, обещая солнечный день. Над покрытыми ледяной коркой, заснеженными полями еще лежали тени, но вскоре просторы будут сверкать и искриться, отражая солнечный свет в тысячах мельчайших кристаллов.

Лора предложила пригласить бедную, испуганную Лилиан Ли на Новый год в Уэстхилл, и Барбара согласилась, хотя сначала немного колебалась, потому что чувствовала себя неловко по отношению к этой женщине. Потом она все-таки убедила себя, что Лилиан все равно не поймет, общаясь с ней, что у нее было что-то с Фернаном. А кроме того, сейчас неподходящее время для пустых размышлений. Слишком много всего случилось. Жизнь каждого из них вышла из колеи, а важность и ничтожность событий перераспределились.

В полночь они чокнулись шампанским, и Лилиан заплакала, а Лора впала в эйфорию, потому что позвонила Марджори и пожелала сестре счастливого Нового года.

— Она *никогда* раньше этого не делала! Она вообще никогда раньше в новогоднюю ночь не дожидалась полуночи, и уж тем более не тратила деньги на междугородний звонок!

…Лора провела два дня в больнице на обследовании; врачи диагностировали переохлаждение, полное переутомление и тяжелые нарушения сердечного ритма. Они хотели оставить ее в больнице минимум на неделю, но Лора непременно хотела вернуться на Новый год домой — и так долго за это боролась, что главный врач наконец уступил.

— Какие аргументы я могу еще привести, чтобы переубедить вас? — спросил он. — Семидесятилетнюю женщину, которая проделала такой путь через сильнейшие заносы, уже ничто не сможет остановить.

Лора после этого удивительного признания на время потеряла дар речи.

Ральфа все же не удалось забрать домой. Он должен был еще несколько недель оставаться в больнице; о возвращении в Германию пока тоже нечего было и думать. Кроме тяжелого сотрясения мозга, у него был двойной перелом основания черепа. Врачи сказали, что Ральфу чрезвычайно повезло. Падение было серьезным, и оно могло бы легко убить его.

Барбара собиралась на Новый год остаться с мужем в больнице, но 31 декабря из Германии неожиданно приехала его мать, которой Барбара была вынуждена сообщить о произошедших событиях. Та не отходила от постели сына и постоянно ссорилась с Барбарой, потому что именно ее винила в этом несчастье. Ральф довольно плохо себя чувствовал и слишком мучился болями, чтобы вмешиваться в конфликт матери и жены. Наконец Барбара отступила. У них с Ральфом будет еще достаточно времени, чтобы поговорить и подумать. Пока же можно уступить место этой ведьме.

Фернан сидел в следственном изоляторе. У него не оказалось никаких повреждений, кроме шишки на затылке. Барбара была рада этому. Она хотела всего лишь вывести его из строя, а не проломить ему череп. И ей это удалось. Барбара не испытывала к нему никаких мстительных чувств, хотя он едва не убил Ральфа. Из всего, что произошло, в ней проросла странная готовность понять и простить. Возможно, потому, что она слишком хорошо знала истории всех участвовавших в этих событиях лиц. Барбара считала, что тяжело осуждать человека, если каким-то, пусть даже абстрактным, образом можно понять причины его поступков.

…В это утро они являли собой странную картину — три женщины, которых на первый взгляд ничто не объединяло и которые волею судеб собрались за этим столом.

Барбара, конечно, выглядела привлекательно и безупречно. Она тщательно нанесла макияж, волосы ее блестели; окружающим должно было быть видно, что эта женщина держит себя и ситуацию под контролем, и недавние события не задели ее внутренний мир. Это был ее образ, и то, что он не соответствовал действительности, оставалось ее тайной. Барбара считала, что вполне имеет право на тайну.

Лилиан казалась женщиной, мир которой рухнул, — и в ее случае то был не образ, а реальность. Она все еще до конца не понимала, как все между собой взаимосвязано, хотя Лора пыталась ей все объяснить.

За последние годы она стала выглядеть заметно старше своих лет, но теперь, казалось, постарела еще больше. Она не знала, что делать. Если Фернана лишат свободы, то что будет с ней? Лилиан не имела представления, как управлять Дейлвью, и не разбиралась в имущественных отношениях. Так как в течение всего своего брака она занималась лишь тем, что робко крутилась вокруг Фернана, пытаясь угадать его настроение, чтобы при определенных обстоятельствах вовремя спрятаться в безопасном месте, Лилиан забыла, как надо жить. Ее мир ограничивался только мужем, его пьянством и внезапными приступами ярости. Все остальное поблекло до неузнаваемости. Внезапно она столкнулась с потребностями и неотложными делами, о существовании которых давно и думать забыла. Она уклонялась от этого, как лошадь от неожиданно появившегося высокого препятствия. Пока же просто погрузилась в слезы и панику. Может быть, если Лилиан достаточно поплачет, подумала Барбара, то поймет, что судьба дает ей прекрасную возможность начать новую жизнь…

Лора все еще выглядела очень слабой, к тому же постоянно кашляла; глаза у нее были воспаленные, сухие. Путь из Дейл-Ли в Уэстхилл, вверх по заснеженной дороге, занял шесть часов и выжал из нее все силы. Ей потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя. Полиция и спасательная служба, которые в это последнее воскресенье с помощью уборочных машин наконец добрались до Уэстхилла, не могли поверить, когда услышали, что старая женщина пешком дошла до фермерского дома.

— Вам очень повезло, что вы не упали где-нибудь по дороге и не замерзли, — сурово сказал один из врачей. — То, что вы предприняли, было просто безумием! Как вам только могла прийти в голову такая сумасшедшая идея?

У Лоры все еще была проблема с речью, хотя ей уже дали горячего чаю.

— Я поняла, что здесь что-то случилось, — еле проговорила она, — а это мой дом. Я должна была увидеть, что произошло.

Врач молча покачал головой.

События в «Доме сестер», конечно, были главной темой всех разговоров в Дейл-Ли, даже если многие деревенские жители не знали

всех подробностей. А то, что не знали, они просто выдумывали, и повсюду витали самые невероятные слухи.

Утром 31 декабря Барбара поехала в деревню за продуктами; дорога была убрана. Полицейские помогли ей откопать автомобиль, завести его и натянуть на колеса цепи противоскольжения. Когда Барбара вошла в магазин Синтии, тот оказался полон людей, которые без умолку говорили, перебивая друг друга. Лишь увидев ее, все разом умолкли и отошли в сторону, образовав проход, так что Барбаре не пришлось вставать в очередь и она смогла сразу пройти вперед.

Синтия встретила ее очень приветливо, чтобы продемонстрировать всем, что она хорошо знает Барбару и поэтому сама связана со всеми этими событиями. Когда Барбара вышла из магазина, она еще слышала, как Синтия шептала своим затаившим дыхание клиенткам: «…да, и тогда получается, что Виктория Ли никуда не уехала, а Фрэнсис Грей заточила ее в подвале своего дома, а потом…»

Барбара могла себе представить, как громко смеялась бы над этим Фрэнсис.

…Но это новогоднее утро было мирным и тихим, свободным от сплетен и жутких слухов. Тихо позвякивали чашки и столовые приборы.

— Вы поедете сегодня в больницу к мужу, Барбара? — спросила Лора.

Барбара состроила гримасу.

— Я бы хотела. Но, скорее всего, там опять будет торчать свекровь… Она считает, что это я виновата во всем, поскольку затеяла всю эту поездку. Она сразу сказала, что нам надо остаться дома.

— Йоркшир, должно быть, предстал перед вами ужасным, — сказала Лилиан; ее большие темные глаза выделялись на узком лице. — Вряд ли вы приедете еще…

Барбара подумала, что для Лилиан такая реакция типична.

— Обязательно приеду, — ответила она, — мне очень хотелось бы посмотреть эти места летом. Я увидела, почему Фрэнсис Грей так любила их, и хочу побольше о них узнать.

— Я этого не понимаю, — произнесла Лилиан писклявым голосом.

Лора вздохнула.

— С удовольствием снова предложила бы вам Уэстхилл, Барбара. Но не получится.

— Почему? Вы ведь наверняка опять поедете к своей сестре?

— Я… — На щеках Лоры появились красные пятна. — Я уеду отсюда. Буду продавать Уэстхилл.

Барбара и Лилиан в равной степени с непониманием посмотрели на нее.

— *Что?* — спросила Барбара.

— Но я думаю… — начала Лилиан.

— Лора, почему же? — спросила Барбара ошеломленно. — После всего, что… Вас столько лет шантажировали. Вы столько лет жили в страхе. Вы отдали Фернану Ли все, что только у вас было, чтобы он не лишил вас этого дома! И сейчас, когда все хорошо, когда можно жить в мире и счастье, вы захотели все отдать?

— Это действительно сложно понять, — сказала Лора, и на лице у нее опять появилось испуганное выражение. — Не знаю, как объяснить. Когда я пробиралась сюда через снег и думала, что сейчас упаду и умру, когда мне постоянно казалось, что просто не смогу идти дальше, но я знала, что должна идти, поскольку начинало темнеть и становилось все холоднее, и мне было ясно, что это будет верная смерть, если я сяду и усну… я выдержала только потому, что с каждым шагом впадала во все большую ярость. В конце концов меня охватил такой гнев, что… что я подумала: не умру, ибо никто не может умереть, если он так разгневан.

— На кого же вы были так разгневаны? — спросила Барбара.

— На себя. Только на себя.

— Но… ведь во всем виноват Фернан! — сказала растерянно Лилиан, снова борясь со слезами, вызванными тем, что ее муж оказался таким негодяем.

Лора пренебрежительно посмотрела на нее.

— Лилиан, это неправильно — постоянно искать вину в других, потому что тогда ничего не изменится. Что бы плохого ни делал мне Фернан, в этом все равно участвовали двое. Один — тот, кто делает, а другой — кто позволяет. Вот что вызвало во мне такой гнев. То, что я постоянно это допускала. Всю мою жизнь. Все семьдесят лет.

Барбара с пониманием кивнула.

— Сначала Фрэнсис, потом Фернан… Марджори была совершенно права — Фрэнсис не особенно хорошо со мной обращалась. Но я ей это позволяла, как потом позволяла Фернану меня шантажировать. Я была в их власти, потому что держалась за то, от чего давно должна была бы освободиться. Давно! А именно — от Уэстхилла. Если б я только это сделала, то была бы свободна, и все они не смогли бы мне больше ничем навредить.

— Но сейчас уже слишком поздно, — сказала Лилиан.

Глаза Лоры блестели.

— Слишком поздно? Потому что мне семьдесят? Но я не собираюсь умирать в ближайшие два года!

— Нет… потому что Фернан теперь уже ничего не сможет сделать. И Фрэнсис давно нет на свете. Сейчас уже ничего не даст расставание с Уэстхиллом!

— Наверное, ты не сможешь понять, Лилиан… — Лора вздохнула. — Я должна сделать это для себя. Это важно. Хочу избавиться от него.

— Думаю, вы поступите правильно, Лора, — сказала Барбара. — Уже есть идея, куда поедете?

— Куда-нибудь на юг… возможно, в Сомерсет… Однажды ребенком я была в Сомерсете, и мне там очень понравилось. Климат очень приятный. Для моего ревматизма наверняка будет лучше, чем долгие, холодные зимы здесь, наверху, и многочисленные туманные дни осенью, и штормы весной… — Лора закусила губу.

«Она любит Уэстхилл, — подумала Барбара, — она все еще любит его. Но иногда не остается ничего другого, кроме как расстаться с тем, что любишь. Возможно, нам с Ральфом тоже не останется ничего другого. Время покажет…»

Она встала.

— Пойдемте, уберем со стола. Хочу немного прогуляться. Снаружи так красиво… По крайней мере, до деревни и назад дорога совершенно проходима.

— Я, пожалуй, останусь здесь, — сразу ответила Лилиан. После всего, что случилось, она панически боялась встретиться с деревенскими жителями.

— Лора?..

— Я тоже останусь дома. У меня много дел. Идите одна, Барбара. Вам наверняка надо о многом подумать.

Они дружно убрали со стола, помыли посуду и убрали ее в шкафы и ящики. Потом Лилиан пошла наверх в комнату, которую Лора предоставила в ее распоряжение. Барбара надела пальто и сапоги. Когда она хотела взять перчатки, сзади, тихо и незаметно, подошла Лора.

— Барбара, еще одну минуту… — Она взяла ее под руку и потянула в гостиную.

— Что такое?

Лора, казалось, была смущена.

— Я… я только хотела кое-что у вас спросить, — сказала она, понизив голос, словно боялась, что свидетелем их разговора может быть кто-то третий. — Вы подумаете, что это глупо с моей стороны, но…

— О чем вы, Лора?

— Ну… эти воспоминания Фрэнсис Грей… их ведь больше нет. Никто их больше не сможет прочесть. Вы — единственный человек, кто знает, что там было написано.

— Да, и что?

— И мне хотелось бы знать… — Лора теребила свой кухонный фартук, — мне хотелось бы знать… Мне должно быть все равно. Я хочу начать новую жизнь, и это предполагает, что я перестану так превозносить Фрэнсис и быть так привязанной к ней. Я хочу очень постараться это сделать. Марджори действительно права: я не просто так это сказала, вы знаете… Фрэнсис действительно меня иногда… презирала…

Барбара взяла старую женщину за руку и крепко сжала ее.

— Что бы вы хотели узнать, Лора?

— Может быть, — прошептала та, — вы могли бы сказать мне, что она написала про меня? Было ли это только презрение, или… она все-таки написала и что-то хорошее?

По взгляду ее глаз Барбара поняла, что от ответа на этот вопрос зависит душевный покой этой женщины. И она решила подарить ей этот покой.

Но еще не начав говорить, Барбара поняла, что лгать не придется. То, что она собиралась сказать из сострадания, было правдой.

— Фрэнсис любила вас, Лора, — сказала она, — любила свойственной только ей, особой любовью.

Лора улыбнулась — и Барбара поняла, что та, без сомнения, счастлива.

---

notes

Примечания

1

Название импринта издательства «Харликвин», под которым издается художественная литература романтической и сентиментальной направленности.

2

Имеется в виду «верхняя», северная, часть Англии.

3

Здесь надо заметить, что политическая партия тори перестала существовать де-факто к 1859 г., однако пришедших им на смену консерваторов по инерции продолжали называть тори (и часто называют до сих пор).

4

Suffrage (*англ.*) — избирательное право; право голоса. Следует оговорить, что, в отличие от умеренного крыла суфражисток, боевых радикальных сторониц Панкхёрст принято называть суфражетками — это обозначение появилось в 1906 г. в газете «Дейли мейл» в качестве презрительного прозвища (буквально — «суфражисточки»), однако активистки ЖСПС со свойственным им вызовом охотно приняли его как самоназвание.

5

Красная дичь (*охот.*) — лучшая болотная дичь (птицы).

6

Имеются в виду события Английской революции (1640–1660).

При этом англичане традиционно забывают о том, что, эвакуируясь на остров, практически бросили на произвол судьбы значительную часть французского контингента союзных войск (более 15 000 чел.), находившегося в арьергарде и прикрывавшего эвакуацию англичан. Всего в ходе операции «Динамо» в плену у немцев оказались ок. 50 000 солдат французской армии.

8

Whitestown (*англ.*) — белый камень.

9

Сделать три креста — набожные католики произносят благодарственную молитву и крестятся после благоприятного исхода неприятного дела.

10

Рейхсминистр и заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс (1894–1987) предпринял 10 мая 1941 года авиаперелет в Шотландию с целью проведения не санкционированных Гитлером мирных переговоров с руководством Великобритании. Был арестован и осужден как нацистский преступник в рамках Нюрнбергского процесса.